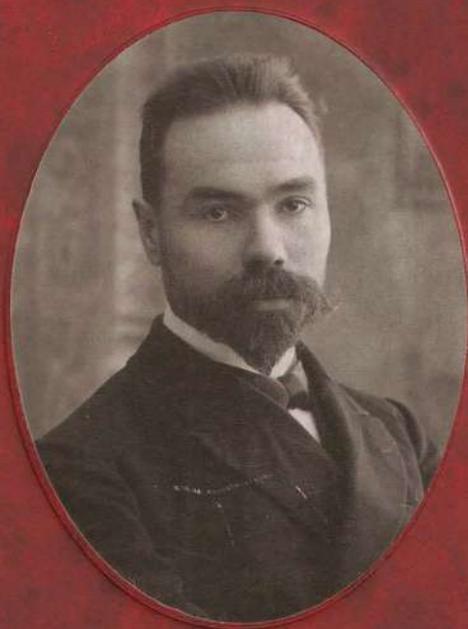

Василий
Молодяков

Валерий
Брюсов

Биография

Валерий Брюсов
1920/1921. ИРЛИ

ВАСИЛИЙ МОЛОДЯКОВ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

БИОГРАФИЯ

Молодяков В. Э.

Валерий Брюсов: Биография.

Настоящее издание — первая биография лидера русских символистов, поэта и прозаика, переводчика и критика Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924). Книга содержит проницательный анализ жизненных и творческих коллизий, составляющих увлекательный «жизнетворческий» текст, герой которого как истинный представитель символизма «не хотел отделять писателя от человека, литературную биографию от личной» (В. Ходасевич). Литературные произведения, воспоминания, дневники, переписка Брюсова, мемуары его современников являются для автора книги — известного исследователя жизни и творчества Брюсова — материалом для критического жизнеописания, в котором из мозаики фактов складывается достоверный портрет творческой личности в контексте эпохи. Повествование сопровождается многочисленными иллюстрациями, значительная часть которых публикуется впервые.

Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором и медью будь!

Валерий Брюсов

**Памяти Рема Леонидовича Щербакова –
друга и наставника в брянских студиях**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Объяснять читателям, кто такой Валерий Яковлевич Брюсов и зачем нужна его биография, нет необходимости. Интереснее задаться вопросом, почему такой биографии не было до сих пор.

Имя Брюсова знают все образованные люди, но его произведения — за пределами антологий, хрестоматий и прочих массовых изданий — читали немногие. Не потому что «ленивы и нелюбопытны», а потому что Брюсов до сих пор не издан с должной полнотой. В самом полном на сегодняшний день, «сиреневом» семитомном собрании его сочинений 1973–1975 годов только из прижизненных сборников «выпало», причем без объяснений, около полусотни стихотворений. Как отметил С. И. Гиндин, в советское время Валерия Яковлевича «издавали всегда с оглядкой и пристрастным отбором, опиравшимся отнюдь не на художественные критерии»*. Сегодня почти все крупные поэты Серебряного века изданы лучше, чем он. На какого цензора это свалить?

Нельзя сказать, что о Брюсове писали мало. О нем высказались почти все именитые современники — от Владимира Соловьева до Владимира Ленина, включая Николая Михайловского, Николая Гумилева и Николая Бухарина. Получается замечательная антология, да вот беда — никто до сих пор не издал. Из посвященных ему стихотворений сплетается пышный венок — та же история. Материалов к биографии опубликовано множество, а биографии нет. Есть лишь «очерки детства и творчества», где краткие биографические сведения играют роль довеска

* Гиндин С. Непрочитанные страницы Брюсова // Брюсов В. Заря времен: Стихотворения. Поэмы. Пьесы. Статьи. М., 2000. С. 5.

к филологическому анализу поэзии или, реже, беллетристики. Прочие сферы деятельности Брюсова — для их перечисления не хватит пальцев обеих рук — приходится восстанавливать по крупицам. С наибольшей полнотой собраны его тексты, посвященные Армении, автобиографическая и мемуарная проза, отклики на политические события. При всей важности этих текстов они в наследии Брюсова далеко не главные.

Незадолго до смерти, в статье «Без божества, без вдохновения» Александр Блок писал: «Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры»*. Брюсов вторил ему: «Всеобъемлющий гений Пушкина охватывал все стороны духовной жизни его времени: не только интересы искусства, в частности — поэзии, но и вопросы науки, общественной деятельности, политики, религии <...> И вся эта разносторонняя деятельность образует стройное целое, потому что отражает единое мирозерцание, составляет различные проявления единой, цельной личности великого поэта... Как сочинения Пушкина, так и его убеждения — это живой организм, из которого нельзя изъять одну часть, не повредив целого. <...> Устраняя один из взглядов Пушкина, мы отнимаем часть их силы у других. Пушкина должно принимать в его целом, и только тогда получаем мы в полноте грандиозный облик нашего национального гения»**. Сегодня мы можем применить сказанное к нему самому.

Настоящая книга — первая биография Брюсова, описание его жизни и отношений с друзьями и врагами в контексте эпохи. Владислав Ходасевич заметил: «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. <...> Внутри каждой личности боролись за преобладание „человек“ и „писатель“»***. Как быть с этим единством «двух в одном»? Вадим Крейд утверждает: «Без знания жизненного пути многие стихи теряют часть своего содержания. На биографию можно взглянуть как на комментарий к стихам, тогда понятнее становится творческое развитие»****. В нашем случае наоборот: произведения, мемуары, дневники, письма Брюсова и его современников — материал для жизнеописания, требующий критического подхода.

* Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 175–176.

** Брюсов В. Мой Пушкин. М., 1929. С. 207–208.

*** Ходасевич В. Конец Ренаты // Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 7–8.

**** Крейд В. Георгий Иванов. М., 2007. С. 161.

Описание жизни Брюсова день за днем может занять несколько томов, подобных тому, который читатель сейчас держит в руках. Автор лучше, чем кто бы то ни было, сознает, что смог охватить далеко не все, ибо нельзя объять необъятное: всегда найдется незамеченный факт, неотправленное письмо, оживший слух. Но все же надеется, что не упустил ничего принципиально важного и не исказил облик своего героя, причудливо двоившийся уже в восприятии современников. Возлюбленная поэта Нина Петровская была права, написав в 1923 году: «Будущим литературным летописцам придется покорпеть, чтобы из всех этих шлаков восстановить истинный его образ»*. Я люблю своего героя и не скрываю это. «Изучивший глубоко одного художника, — писал сам Брюсов в работе «О искусстве», — особенно любит его, потому что особенно понимает»**.

Следует сказать еще об одном. Ученые работают с источниками, но предпочитают делать это в архивах и библиотеках, а дома держат ксерокопии или файлы. Коллекционеры собирают старые книги, рукописи, фото, но тематика собрания редко связана с их основной профессией. Исключения бывают — тогда выигрывают и ученый, и собиратель. Один американский филолог заметил: «Не понимаю, как можно быть историком литературы, не будучи коллекционером. Любой ученый, ограничивающийся книгами, которые может достать в библиотеках, занимается лишь тем, что ограничивает себя. Я стал исследователем раньше, чем коллекционером. Исследования сделали меня коллекционером: для работы я нуждался в собрании, которое за меня не мог составить никто другой. И был вознагражден! Мое собрание породило столько статей и заметок, что всех уже не помню. Единственная проблема — найти время и написать обо всем, что я узнал из него»***. Валерий Яковлевич сам собирал редкие книги и документы, понимая их важность и зная их очарование. Поэтому я часто обращался к своему «брюсовскому» собранию, равно как и к собраниям друзей-коллекционеров.

В работе мне помогли десятки людей: архивисты и букинисты, музейщики и издатели, художники и редакторы, близкие друзья и случайные знакомые — перечислить всех не представляется возможным. Должен с особой благодарностью упомянуть

* Петровская Н. И. Воспоминания // Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 8. М., 1992. С. 45.

** Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 47.

*** Цит. по: Wright L. B., Ray G. N. The Private Collector and the Support of Scholarship. Los Angeles, 1969. P. 39.

покойных В. Я. Дерягина, Л. К. Долгополова, Д. В. Иванова, М. Е. Кудрявцева, В. И. Лосева, Я. С. Сидорина и прежде всего Р. Л. Щербакова. В подготовке книги к печати большую помощь оказали научный редактор А. В. Бурлешин, А. Л. Дмитренко, В. А. Дроздов, А. Л. Соболев и М. С. Тылевич. Особая благодарность моей маме Эльгене Молодяковой и моей жене Ольге Андреевой за постоянную помощь и поддержку.

Василий Молодяков
9 октября 2009
Токио–Москва

* * *

Ввиду отсутствия сколько-нибудь полного собрания сочинений Брюсова его произведения без особых указаний цитируются по следующим изданиям: стихотворения – ПССП. ТТ. I–IV; СС. ТТ. 1–3; *НН* (список сокращений приведен ниже); художественная проза – СС. ТТ. 4–5 (романы); *Брюсов В.* Повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. М., 1988; статьи, рецензии, интервью о современной русской литературе – *Среди стихов*; автобиографическая и мемуарная проза – *ИМЖ*; «Учители учителей» – СС. Т. 7; дневники – *Дневники*. Ссылки на другие источники обозначаются специально. Стихотворные посвящения Брюсову цитируются по книге «Венок Брюсову» (издание второе, исправленное и дополненное), подготовленной к печати автором настоящей работы.

Статьи В. Ф. Ходасевича цитируются по: *Ходасевич В.* Собрание сочинений. Т. 2. Статьи и рецензии. 1905–1926 / Под ред. Дж. Мальмстада и Р. Хьюза. Ann Arbor, 1990 (в более распространенном издании: *Ходасевич В.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика. 1906–1922. М., 1996 – они представлены неполно); мемуары по: *Ходасевич В.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997; первые публикации указаны в примечаниях к этим изданиям.

Для удобства читателей все сокращения в цитируемых текстах раскрываются без дополнительных указаний, за исключением случаев, вызывающих сомнение.

Если заголовок рецензии совпадает с названием рецензируемой книги, в примечаниях приводятся только данные печатного издания, где она опубликована; фамилия или псевдоним автора указаны в основном тексте или в скобках после данных печатного издания.

Все подстрочные примечания, кроме особо оговоренных, принадлежат автору настоящей книги.

Все даты до 1 (14) февраля 1918 года приводятся по старому стилю; даты писем, отправленных из-за границы, по старому и новому стилям. Все номера домов даны по современной нумерации.

Принятые сокращения:

Белый-Блок – Белый А., Блок А. Переписка 1903–1919 гг. / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001.

Библиография – Даниэлян Э. С. <Дербенев Г. И., Щербаков Р. Л.> Библиография В. Я. Брюсова. 1884–1973. Ереван, 1976.

Блок-ПСС – Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем (издание продолжается).

Брюсов-ЖЗЛ – Ашукин Н., Щербаков Р. Брюсов. М., 2006 (Жизнь замечательных людей. Вып. 1176 (976)).

В – журнал «Весы». М., 1904–1909.

Волошин – Волошин М. Лики творчества / Изд. подготовили В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л., 1989.

ВЭМ – собрание В. Э. Молодякова.

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва).

Гумилев – Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Вступ. ст. Г. М. Фридендера; Подг. текста и примеч. Р. Д. Тименчика. М., 1990.

Дневники – Брюсов В. Дневники. 1891–1910 / Приготовила к печати И. М. Брюсова; Примеч. Н. С. Ашукина. М., 1927.

ЕРОПД – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома (с указанием года).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

ИМЖ – Брюсов В. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза / Сост., подг. текста, послесл. и коммент. В. Э. Молодякова. М., 1994.

ЛЖР – Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005 (издание продолжается).

ЛН – Литературное наследство. М., 1931–2010. Т. 1–102 (издание продолжается).

Материалы – Брюсова И. М. Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В. Избранные стихи / Ред., вступ. ст. и коммент. И. Поступальского. М.; Л., 1933.

МС – Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Сост., вступ. ст., подг. текста и примеч. В. Э. Молодякова. М., 2003.

НБ – Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации) / Сост. Э. С. Даниелян; Ред. Е. А. Алексанян. Ереван, 2006.

НЖ – «Новый журнал». Нью-Йорк. 1942–2010 (издание продолжается).

НЛО – журнал «Новое литературное обозрение». Москва. 1992–2010 (издание продолжается).

НН – Брюсов В. Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове. *Varia* / Сост., подг. текста и коммент. В. Э. Молодякова. М., 1998.

Письма к Перцову – Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894–1896 гг. (К истории раннего символизма). М., 1927.

Прижизненные издания – Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова: Каталог / Сост. Л. М. Ельницкая, Г. А. Сусликова. М., 1985.

ПССП – Брюсов В. Полное собрание сочинений и переводов: В 25 т. Т. I–IV, XII–XIII, XV, XXI. СПб., 1913–1914.

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РЛ – журнал «Русская литература». Л.; СПб., 1957–2010 (издание продолжается).

РМ – журнал «Русская мысль». СПб.; Пг., 1880–1918.

Сборник – «Брюсовские сборники» (Ставрополь) (с указанием года).

Соловьев – Соловьев Вл. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Среди стихов – Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев; Вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова. М., 1990.

СС – Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1973–1975.

Чтения – сборники «Брюсовские чтения» (Ереван) (с указанием года).

Погребенных воскресенье
И среди глубокой тьмы
Петуха ночного пенье —
Холод утра — это мы!

Дмитрий Мережковский

КНИГА ПЕРВАЯ

ХОЛОД УТРА
(1873-1897)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«МЕЧТАЮЩИЙ О СЛАВЕ И ПОБЕДАХ»

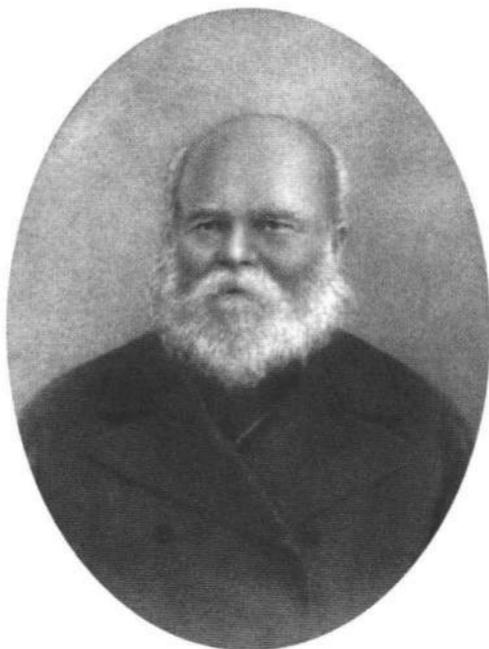
Молодой Брюсов начал рассказ о себе — в написанной летом 1900 года, но оставшейся незаконченной повести «Моя жизнь» — с неожиданной для декадента фразы: «По происхождению я — костромской крестьянин». Та же тема в стихотворении «Не память...», созданном за год до смерти:

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то, —
Все тот же старый костромич.

Это не рисовка, но стремление подчеркнуть свое отличие от собратьев по символизму — выходцев из дворянских семей, видевших деревню помещичьими глазами. Брюсов — внук крестьянина, ставшего купцом и переселившегося в город, — деревни не знал, но «старым костромичом» в себе гордился.

Дед Валерия Яковлевича по отцу, Кузьма* Андреевич Брюсов (1817–1891) родился крепостным крестьянином помещицы Федосьи Алалыкиной, владевшей землями в Карцевской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. В семейном архиве сохранилось письмо барыни Кузьме Андреевичу от 27 мая 1845 года, которое внук приложил к «Моей жизни» как документ эпохи — и самый ранний из известных источников по истории рода Брюсовых: речь в отправленном из деревни в Москву послании идет о выкупе «Козьмы Андреева» из крепостного состояния, в чем ему помог московский

* Реже «Козьма».

Дед поэта Кузьма Брюсов
Фотография О. Мейера. 1870–1880-е. РГБ

купец Смирнов*. О жизни деда мы знаем, главным образом, со слов внука, который основывался на рассказах и записях отца: «Слышал, что в молодости он был печником. Старший брат его (кажется) нажился в Кронштадте (т. е. был отпущен на заработки. — В. М.) и, умирая, оставил ему маленький капитал, на который он и начал торговлю пробками. <...> Особенно помогли ему годы Крымской войны. В те времена в России еще не было пробочных фабрик, пробки надо было привозить из-за границы морем, а все порты были в блокаде. Дед рискнул выписать товар на свой собственный страх через Архангельск; товар дошел, и он мог брать за него любую цену. В <18>60–<18>70-х годах пробочная торговля К. А. Брюсова была единственной в Москве, обороты доходили до 90 000 в месяц». Жаль, из конторских бумаг почти ничего не сохранилось.

Фирму Брюсовых знали не только в торговом мире. Вспомнили о ней насмешники-футуристы, поглумившиеся над

* *Благоволлина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова: (Материалы, поступившие после 1966 г.) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 39. М., 1978. С. 69. В этой работе (с. 69–86) дан подробный обзор материалов семьи Брюсовых, которые далее цитируются без сносок.

происхождением Валерия Яковлевича в манифесте «Идите к черту» (1913): «Василий Брюсов привычно жевал страницами „Русской мысли“ поэзию Маяковского и Лившица. Брось, Вася, это тебе не пробка!..». Бенедикт Лившиц вспоминал: «Василий — не опечатка, а озорство: поэт любил свое имя, вводил его в стихи, злоупотреблял его благозвучием <...> Ладно — назовем его в таком случае Василием! Пробка — тоже неспроста; это — намек на принадлежащий Валерию Яковлевичу, а может быть, и никогда не существовавший, пробковый завод»*. Насчет «пробкового завода» Лившиц только «слышал звон», а вот с именем угадал, хотя и случайно: первая публикация десятилетнего Валерия — письмо в редакцию детского журнала «Задуманное слово» в 1884 году — по ошибке оказалась подписана «Вася Брюсов».

Кузьма Андреевич «был крепкого здоровья, бодр до глубокой старости. Пока торговлей распорядился он, дело шло так или иначе, несмотря на сильную конкуренцию, развившуюся за последние годы. Образ жизни до конца дней своих он вел самый простой. Ели у него из общей чашки. Обед ограничивался щами да кашей; редко прибавляли жаркое, котлеты. Читать он умел и охотно перечитывал разрозненный том Четьи-Миней и еще какие-то издавна бывшие у него книги. Писать он так и не научился, лишь с трудом, каракулями подписывал свою фамилию. Бабка моя, его жена, Марфа Николаевна**, перед ним не смела возвышать голоса, но далеко не была женщиной запуганной и дом держала строго». Некоторое представление об этом дает не слишком грамотное, но почтительное послание к ней членов семьи, начинающееся: «Милой моей сожительнице Марфе Никоновне от сожителя твоего Козьмы Андреевича свидетельствую мое искреннее почтение и желаю доброго здоровья и всякого благополучия. Милой нашей и неоцененной мамаше от детей Ваших Якова, Дарьи и Лизаветы Козьминых и Александра Ивановича*** свидетельствую Вам наше сердечное искренно-любящее почтение вместе с тем просим у Вас наше заочное родительское благословение и посылая вам несчетное число поцелуев, желаем Вам всякого благополучия и молим всевышнего творца, чтоб сохранил он Ваше неоцененное для нас здоровье».

Расторговавшись, Кузьма Брюсов в 1877 году купил — «кажется, не без некоторой коммерческой хитрости» — собственный дом на Цветном бульваре (дом 22). «Белый каменный дом на Цветном бульваре, глубоко уходящий корпусом во двор. Дом

* Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 459–460.

** Ошибка Брюсова; следует: Никоновна.

*** А. И. Губкин — муж Д. К. Губкиной (урожд. Брюсовой).

старинной стройки, — описывал его в 1910 году критик Александр Измайлов. — Широкая чугунная лестница, по которой рядом пройдут пятеро человек и которая строена, очевидно, в то доброе, старое время, когда архитектор не жалел места и не выгадывал экономно каждую четверть аршина. На лестнице темно, звенят шаги по чугуну. Впору не Москве, а хотя бы Нюрнбергу»*. Владиславу Ходасевичу запомнилась другая картина: «Старый, нескладный, с мезонинами и пристройками, с полутемными комнатами и скрипучими деревянными лестницами». Кузьма Андреевич завещал дом внукам с условием не продавать его до достижения старшим из них, Валерием, тридцатипятилетнего возраста. В 1910 году внуки продали «фамильное гнездо» и разъехались. В наши дни дом, где Валерий Яковлевич прожил с перерывами 32 года, был стерт с карты Москвы, несмотря на попытки общественности спасти его. Теперь — с одобрения инстанций — на бульвар смотрит новодельный фасад, над которым парит «хайтековская» конструкция.

У Козьмы Андреевича и Марфы Никоновны было трое детей — сын Яков и дочери Дарья и Елизавета. В 1855 году, когда Якову исполнилось семь лет, «тятенька» отдал его «в частный пансион, платя за обучение по 2 рубля в месяц. Там мальчик оставался в течение полутора лет, после чего его знания мой дед, — вспоминал Александр Брюсов, младший брат поэта, — счел достаточными для ведения торговых книг, и с 9 лет мальчик стал бесплатным конторщиком в деле Кузьмы Андреевича»**, помогая грамотному дяде Петру Андреевичу. С десяти лет Яков пытался вести дневник, но записывать было нечего, разве что «Рубили капусту в дождик» (запись повторялась в октябре, из года в год) или «1858 года в августе начала ходить на небе комета звезда с хвостом и кончилась в 1 числа октября».

Записи и рассказы отца послужили Валерию Яковлевичу материалом не только для автобиографических страниц, но и для «повести из жизни 60-х годов» «Обручение Даши» (1913) и оставшегося в набросках романа «Стеклянный столп», над которым он работал в годы Первой мировой войны***. Яков Брюсов стал прототипом главного героя «Обручения Даши» — честного и неискушенного Кузьмы Русакова, которому «в привычной полутьме отцовской лавки, где уже третье поколение торгует бечевой, веревками, канатом, вязкой <...> мечталось

* Измайлов А. Старый дом на Цветном бульваре // Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 387.

** Брюсов А. Я. Страницы из семейного архива Брюсовых // Ежегодник Государственного исторического музея на 1962 год. М., 1964. С. 235.

*** Брюсов В. Роман из современной жизни: (Незавершенный замысел) / Предисл. и публ. Ю. П. Благоволиной // ЛН. Т. 85. С. 114–164.

легко и привольно». Юношей волновали одни и те же проблемы: «С папенькой об чем разговаривать? Он, кроме жития святых да старинного описания Макарьевской ярмарки, ничего не читал, а о Тургеневе (время споров о романе «Отцы и дети». — В. М.), понятно, не слыхивал. Да и один у него сказ на все: „Ты, Кузьма, дурак, твое дело — бечева, а не книги!“... Мысли Кузьмы были прерваны окриком отца: „Что ворон считаешь, Кузьма! За дело взялся, так, того, в дело и смотри. Эдак ты ложку мимо рта пронесешь“. Вздохнув, Кузьма вернулся к товарной книге. „Четырехшнуровых по двадцати сажен столько-то, шестишнуровых по десяти сажен столько-то, двойных трехшафтовых столько-то пудов...“».

Яков Кузьмич самостоятельно выучил латинскую азбуку и с апреля 1862 года начал с ее помощью вести дневниковые записи, которые никто в доме не мог прочитать. Первая тетрадь озаглавлена: «Moi Journal ili dnevnic Jаса Casmina Brusova. Се 1862» (такой же дневник вел и Кузьма Русаков). «Латинскими буквами дневник заполнялся до тех пор, пока у Я. К. Брюсова не появилась шкатулка с ключом, куда можно было спрятать дневник от посторонних глаз. <...> Последние записи относятся к октябрю 1866 года. <...> Говоря о „быте Островского“*, в котором вырос и нравственно сформировался отец поэта, надо иметь в виду, что в семье Брюсовых, по-видимому, не было жестокости. <...> Ни об одном серьезном конфликте с родителями Яков Кузьмич в своем дневнике не пишет ни разу. Стеной, о которую разбивались многие стремления и упования молодежи, была скупость отца. Оказалось невозможным, например, брать уроки французского языка и танцев, пришлось оставить занятия в хоровом классе пения, с трудом приходилось убеждать родителей сделать детям выходные туалеты, чтобы можно было пойти в гости по приглашению. <...> „Все у них (т. е. у отца, уважительно именуемого во множественном числе. — В. М.) обыкновенный ответ, что ‘танцы пустяки, от них денег не получишь’“. <...> Но разговоров о жесткости, страха наказания и т. п. в этом дневнике нет абсолютно. Дети, в общем-то, были предоставлены сами себе**».

Это обстоятельство сыграло большую роль в жизни как отца поэта, так и его самого. Яков Кузьмич вырос в атмосфере «темной», но человеческой: духовной близости с отцом у него не было, но было уважение, а в зрелые годы — взаимопонимание. Отсутствие насилия и жестокости в собственном детстве

* В «Моей юности» Брюсов охарактеризовал семью деда как «быт, запечатленный Островским».

** *Благоволкина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова. С. 71.

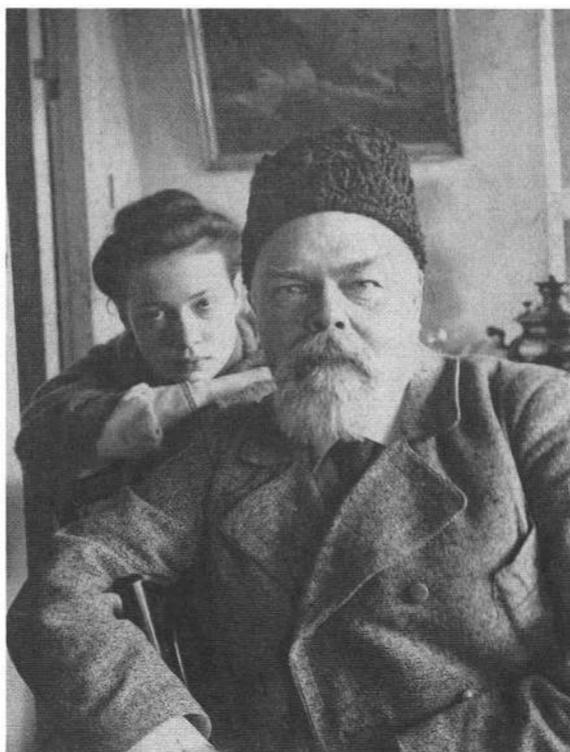
в сочетании с прогрессивными увлечениями юности сделали из него гуманного и терпимого отца, возможно, даже несколько легкомысленного. Валерий Яковлевич тоже рос, предоставленный самому себе, и, несомненно, любил и уважал Якова Кузьмича, который, в отличие от Кузьмы Андреевича, старался если не жить интересами сына, то уважать и понимать их: закоренелый «шестидесятник», он получал все «декадентские» журналы, читал их и даже не бранился.

Тяга к литературе — не только к чтению, но и к сочинительству — у Валерия Яковлевича тоже от отца. «В 1865 году Я. К. Брюсов вместе со своим товарищем И. П. Смирновым приступает к изданию рукописной газеты „Эхо“ и журнала „Свобода“. <...> Программа газеты очень широка. В ней предполагалось 11 разделов. Среди них: политика; обзор русских и иностранных журналов и газет; статьи о науке и искусстве; стихи и проза; сатира и юмор; библиография и критика и т. д. Практическое исполнение этого замысла, конечно, очень наивно и примитивно. Все статьи, стихи и рассказы писали Я. К. Брюсов и И. П. Смирнов, — разумеется, на уровне очень малой культуры и образованности. Но тяга к образованию, общий „культуртрегерский“ пафос этих „изданий“ двух молодых людей, стремление их стать выше своей среды — бесспорны»*. С незначительными оговорками сказанное можно применить к детским и гимназическим «журнальным» опытам Валерия Яковлевича, речь о которых впереди. Менялось время — менялись темы и уровень знаний, но пафос и настроение оставались прежними.

Юношеские записи Якова Кузьмича «очень подробны и обстоятельны, очень наивны и вместе с тем часто ярки, почти пластически выразительны: „Мы сели в вагон. Я с Лизой рядом, а визави у окна Маргерит; контр-визави около нас поместились замоскворецкие типы толстых купчих, между ними замешалась хорошенькая барышня лет 17-ти, тоже из купеческого быта; когда поезд тронулся, все они, не исключая и мадемоазель, перекрестились большими крестами“. <...> Очень колоритен язык дневника, представляющий собой смесь купечески-мещанской речевой стихии с вкраплениями иноязычных слов, которые для автора дневника очень важны, так как использование их есть для него признак высшей культуры, к которой он тянется изо всех сил»**. Велико искушение применить последние слова к французским и латинским заглавиям первых поэтических книг Валерия Яковлевича...

* *Благоволина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова. С. 73.

** Там же. С. 71–72.

Отец поэта Яков Брюсов с дочерью Лидией
Начало 1900-х. ГЛМ

В четырнадцать лет Яков Кузьмич читал Загоскина и Поля Феваля, в шестнадцать — Гоголя, Тургенева и Достоевского: двух последних — как новинки текущей литературы (напомню, что дело происходило в 1864 году). Отмечу в этой связи еще одну черту сходства между отцом и сыном, которые оба были старшими детьми в семье: Яков Кузьмич пытался руководить образованием и чтением сестер; Валерий Яковлевич был первым учителем своих сестер и продолжал «уроки» даже по переписке, когда уезжал из Москвы*. «Обычно такие затеи братьям мало удаются», — заметила его жена Иоанна Матвеевна**. Она

* Младшие братья и сестры: Николай Яковлевич (1877–1887); Надежда Яковлевна (1881–1951) — музыковед, профессор Московской консерватории; Евгения Яковлевна (в замужестве Калюжная, 1882–1977) — преподаватель Московской консерватории; Александр Яковлевич (1885–1966) — археолог, профессор, в молодости выступал как поэт и переводчик; Лидия Яковлевна (в замужестве Кисина, 1888–1964) — химик, профессор.

** Брюсова И. М. Странички воспоминаний // Чтения-1962. С. 305.

вряд ли знала, что Елизавета Брюсова (которая читала даже Герцена и Лассаля в анонимных и запрещенных изданиях) писала любимому брату Якову в 1873 году: «Ты сам хорошо знаешь, чем ты был для меня целых двадцать лет». То же самое могли сказать — и говорили — сестры о Валерии Яковлевиче.

Яков Кузьмич и его товарищи увлекались романом «Что делать?» и в 1869 году создали по его примеру «Модную мастерскую, основанную на началах ассоциации» и «Частную сберегательную кассу»; правда, через несколько лет оба предприятия прогорели*. Осенью 1899 года, просматривая в библиотеке Исторического музея старые журналы, роман прочитал его сын — «декадент». «Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов, — писал он тогда другу-символисту. — Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод»**. Языком Чернышевского — как языком времени — Яков Кузьмич объяснял в любви своей будущей жене Матрене Александровне Бакулиной: «Если бы Вы даже не любили меня, то я все-таки люблю и буду продолжать любить Вас, может быть, той любовью, которой любит Лопухов Веру Павловну даже тогда, когда она его разлюбила. <...> Если Вы не любите меня, неужели мы прервем свои сношения или переменим что-либо в своих отношениях — мы причисляем себя к новым людям, неужели на этом споткнемся?»

Матрена Бакулина, как писала ее невестка, «в <18>70 году покинула Елец, где воспитывалась как „барышня“ у тетки-купчихи, приехала в Москву, сняла с шеи крест, остригла волосы, поступила на службу, повела знакомство с молодежью, стремившейся, как она сама, к образованию и отчасти к развлечению, устроилась на тех же курсах, что и молодой купец Яков Брюсов»***. О «курсах» сказано не совсем верно — речь идет о кружке самообразования, в который входили Яков и Елизавета Брюсовы, Матрена Бакулина и ее сестра Зоя, а также образованный и бойкий Г. С. Михайлов, который в 1874 году женился на Елизавете****.

В 1871 году Яков Кузьмич вопреки воле отца поступил вольнослушателем в Петровскую сельскохозяйственную академию,

* Брюсов А. Я. Страницы из семейного архива Брюсовых. С. 239–243.

** Письмо И. И. Коневскому (19 ноября 1899): *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 475.

*** *Материалы*. С. 119–120.

**** Н. Я. Брюсова считала его прототипом Аркадия Липецкого из «Обручения Даши», но сходство может быть только очень отдаленным: в частности, между ним и Я. К. Брюсовым не было никаких заметных столкновений. Е. К. Брюсова умерла в 1879 году в Ялте от скоротечной чахотки: *Благоволена Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова. С. 75–76.

Мать поэта Матрена Брюсова (урожд. Бакулина)
1900-е. ГЛМ

но через год был вынужден оставить ее, поскольку не имел законченного гимназического образования. В январе 1872 году он пошел на новый конфликт — женился. «Родители уже выбрали ему невесту из купеческой семьи с подходящим состоянием. Но он задумал жениться по своему выбору. Мать моя была из семьи очень небогатой, у нее было пять сестер и шесть братьев, так что ни на какое наследство надеяться было невозможно. <...> На этот раз дело дошло до полного разрыва. Отец ушел из семьи, нашел место в суде на 20 р. в месяц. Он рассказывал мне, с каким внутренним самоудовлетворением отказывался он от взяток и благодарностей. Впрочем, [служба отца] продолжалась недолго. Дед, до безумия любивший своего единственного сына, Яшу,

сам пришел к нему мириться. Отец вернулся в прежнее дело». Уже в марте 1873 года он принял на себя руководство пробочной торговлей Кузьмы Андреевича — неохотно, но не просто «жалел старика», а понимая, что без формального образования «интеллигентной» работы не найти. Тоскуя, он пристрастился к вину. После смерти отца и раздела его наследства Яков Кузьмич передал дела фирмы более предприимчивым родственникам и жил на проценты с капитала, которые стали основным источником существования и для его детей, включая Валерия Яковлевича.

Второй дед будущего поэта, Александр Яковлевич Бакулин, (1813–1894) являл собой полную противоположность Кузьме Андреевичу. Он родился в Ельце в состоятельной купеческой семье, потерявшей значительную часть состояния в 1840-е годы, в том числе из-за разрушительного пожара. Александр Яковлевич арендовал мельницы и имения, где хозяйством занимались его многочисленные дети от двух браков, и был принят в домах соседей-помещиков почти на равных. В юности он однажды видел Пушкина, о чем с благоговением вспоминал до конца жизни*, поскольку главной его страстью была литература. «Он писал лирические стихи, поэмы, повести, романы, драмы, — сообщает внук, — но особенно сильным считал себя в баснях. Воспитывавшийся еще в пушкинскую эпоху <...> он признавал только Державина, Крылова, Пушкина и поэтов пушкинской плеяды; уже к Лермонтову (своему погодку. — В. М.) он относился несколько пренебрежительно, «новых» же поэтов, как, например, Фета или Полонского, он отрицал совершенно. Кое-что из своих произведений деду удавалось пристроить в разные мелкие издания, а в 1864 году он даже издал отдельной книжкой свои басни (под псевдонимом „Басни провинциала“**). Александр Яковлевич также входил в Суриковский литературно-музыкальный кружок писателей-самоучек и участвовал в его сборнике «Рассвет» (1872). Несмотря на эти более чем скромные успехи, «дед обычно целые дни проводил за письменным столом, исправляя свои старые сочинения и неустанно исписывая новые груды бумаги. Сыновья и дочери, конечно, подсмеивались над тем, что считали чудачеством отца, но дед до конца жизни ждал, что его, наконец, оценят по справедливости, и умер с уверенностью, что придет когда-нибудь его день и Россия поставит после имен Державина, Крылова и Пушкина равное им имя — Александра Бакулина». Благодарного слушателя непризнанный баснописец нашел лишь

* ИМЖ. С. 176–177.

** Имеется в виду анонимное издание под таким заглавием, вышедшее в Москве.

Дед поэта Александр Бакулин
Фотография Д. А. Александрова. 1880-е. ГЛМ

на старости лет: «Дед первоначально любил меня, посвятил мне одну сказку и длинное стихотворение „Волки“. Позже он интересовался моими литературными опытами и отстранился от меня окончательно лишь после появления первого выпуска „Русских символистов“*». Внук-декадент все же написал о нем трогательный рассказ «Голубочки — это непорочность» и статью «Стихотворения и басни А. Я. Бакулина»**», приведя образцы творений деда, и даже сам подписывался «В. Бакулин». Приведу одну из многочисленных басен непризнанного поэта, которые он сам распределил по 12 книгам, «Волы и молодая Кобылка»:

Волы везли тяжелый воз.
Кобылка молодая,
По выгону гуляя,
Завидя их, заржала: «Вот курьез,

* А. Я. Бакулин умер в январе 1894 года, до выхода первого выпуска «Русских символистов», но мог читать неопубликованные стихи внука или слышать их от него.

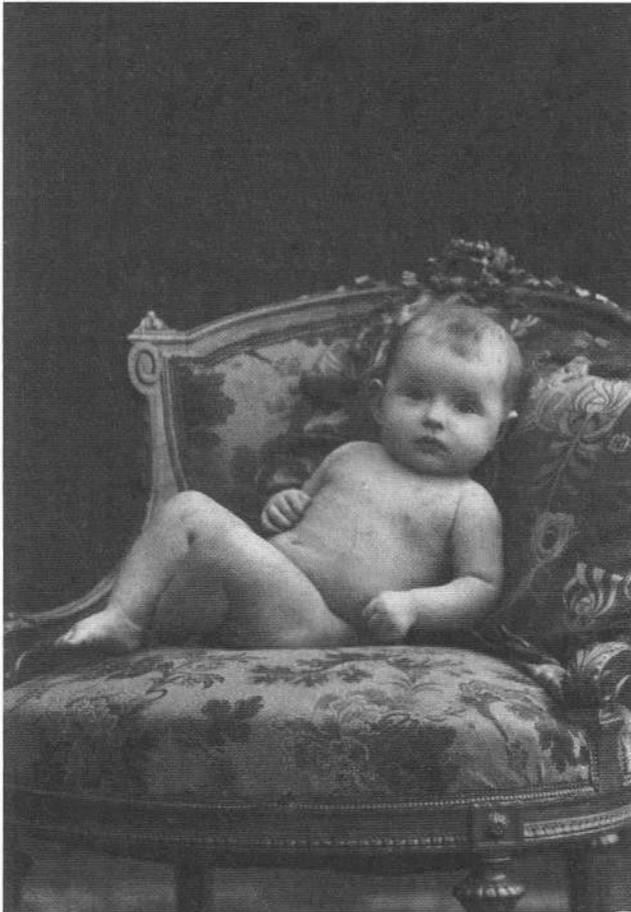
** ЛН. Т. 85. С. 83–87 / Публ. Вл. Б. Муравьева; Русский архив. 1903. № 3. С. 437–444.

Вот смех! Смотрите-ка: в упряжке!
 Да как послушны, как идут!»
 А утром, глядь, самой бедняжке
 Пришлось примеривать хомут.
 Смеялся бы Волам Орел иль Сокол птица.
 Ну... те летают в высоте.
 А то смеется кобылица,
 Чья мать и чей отец ходили в хомуте.

Валерий Яковлевич Брюсов родился в Москве 1 декабря 1873 года, под знаком Скорпиона, в доме армян Хероудиновых (Милютинский переулочок, дом 14). Крестили его в ближайшей церкви Евпла архидиакона на углу Милютинского и Мясницкой (разрушена в 1926 году). Сохранившаяся метрическая справка гласит: «В метрической книге Московской Евпловской, что на Мясницкой, церкви тысяча восемьсот семьдесят третьего года № 16-й писано: Декабря второго числа (так! — В. М.) родился Валерий, — крещен 6-го числа, родители его: Московский 2-й гильдии купеческий сын Мясницкой слободы Яков Косьмин Брюсов и законная его жена Матрона Александровна, оба православного вероисповедания, воспитанники были: Лебедянский второй гильдии купеческий сын Яков Александрович Бакулин и Московская 2-й гильдии купеческая дочь девица Елизавета Косьмина Брюсова, крестил священник Димитрий Добронравов с причтом»*. Жизни в Милютинском переулочке Валерий Яковлевич помнить не мог, потому что через год с небольшим после рождения первенца Брюсовы переехали в дом Бари на Яузском бульваре, дом 10, где прожили около трех лет. В отличие от Андрея Белого, он не уверял, что осознал себя чуть ли не в утробе матери: «Помнить себя я начинаю лет с четырех, а что было до тех пор, отчасти знаю по рассказам».

О своем детстве Брюсов рассказал с юмором, передавая дух времени, захвативший родителей: «Они с жаром предались моему воспитанию, и притом на самых рациональных основах. Начали с того, что меня не пеленали вовсе. Я мог барахтаться сколько угодно и наперекор старорусскому убеждению нисколько не вышел искривленным. Кормила меня мать сама, конечно, по часам. Игрушки у меня были только разумные <...> Родители мои очень низко ставили фантазию и даже все искусства, все художественное. Им хотелось избрать своим кумиром Пользу. Поэтому мне никогда не читали и не рассказывали

* Брюсов-ЖЗЛ. С. 24.

Валерий Брюсов

Фотография О. Ренафа. Москва. 1875. ГЛМ

сказок. Я привык к сказкам относиться с презрением. Впервые прочитал я сказки лет 8–9-ти; тогда как читать научился я 3-х лет от роду, а полюбил слушать чтение еще раньше». «Если мы сами вышли ни то ни се, то пусть наши дети будут настоящими людьми», — писал Яков Кузьмич жене, пояснив в другом письме, когда любимому «Вальке» было всего девять месяцев: «Я не хочу, чтобы он вынес из своего детства обыкновенные обыденные впечатления с предрассудками».

Летом 1877 года Брюсовы, в семье которых только что родился второй сын Николай, отправились в Крым: первое путешествие в жизни Валерия. «Море и скалы, „царственные виды соседства гор и вод Тавриды“ сразу обольстили мое детское воображение. <...> В памяти у меня остались лишь разрозненные

Валерий Брюсов

Фотография И. Дьяговченко. Москва. Май 1876. ИРЛИ

отрывки впечатлений этого лета: запомнилась почему-то, и вполне отчетливо, Ореанда; запомнились стены севастопольских домов, на которых тогда еще показывали следы ядер и пуль Крымской войны; запомнилась бурная ночь, когда ветер срывал ставни на ялтинских домах, а в море затонуло немало рыбацких баркасов».

В 1878 году на Цветном бульваре у Брюсовых бывал революционер-народоволец Николай Морозов, будущий узник Шлиссельбургской крепости, почетный академик и автор «новой хронологии». Яков Кузьмич в революционном движении не участвовал, но считал делом чести помочь товарищам,

Валерий Брюсов

Фотография И. Дьяговченко. Москва. Конец 1870-х. ИРЛИ

если тех преследовали власти*. Морозов сажал хозяйского сына «на свое колено и качал», предлагая ему «вообразить себя скачущим на лошади», но маленький Валерий вряд ли это запомнил. В марте 1910 года он записал в дневнике: «Познакомился с Н. А. Морозовым, шлессельбуржцем. Он знал меня ребенком, качал на коленях — так как гимназистом и студентом был близок с моим отцом. <...> Узнав, что я сын

* Сапаров К. С. Гражданские традиции семьи Брюсовых: (История знакомства Я. К. Брюсова с Н. А. Морозовым) // РЛ. 1987. № 4. С. 230–231.

его старого знакомого, был тронут, обнял меня, поцеловал. Много говорил с моей матерью, вспоминал прошлое». Памятью нового знакомства стал инскрипт на втором томе собрания стихов «Пути и перепутья» (1908): «Николаю Александровичу Морозову на память о давних, давних днях, когда он качал на коленях будущего автора этой книги. Валерий Брюсов»*.

Валерий Яковлевич вспоминал, что родители воспитывали его не только рационально, но в материалистическом и атеистическом духе. «Об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего и говорить, что о религии в нашем доме и помину не было: вера в Бога мне казалась таким же предрассудком, как вера в домовых и русалок». Выступая с ответной речью на своем юбилее в Российской академии художественных наук 16 декабря 1923 года, он рассказывал: «Вся моя семья были именно шестидесятники. Первые мои впечатления в детстве — это портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так и остались висеть до самой его смерти. Это были первые имена больших людей, которые я научился лепетать. А следующее имя великого человека, которое я выучил, было имя Дарвина. И, наконец, четвертое имя — Некрасова, поэзия которого была долгое время единственно знакомой мне поэзией. В доме нашем не было ни Пушкина, ни Лермонтова — я узнал их несколько позже, а стихи Некрасова я заучил с детства». Именно их он читал матери во время ее предсмертной болезни в 1920 году.

«Вот что было впечатлениями моего детства, вот что создало мое мирозерцание, мою психологию», — подытожил Валерий Яковлевич, добавив: «И я думаю, что какой она была в детстве, такой она осталась и до конца моей жизни». Эту фразу повторяли авторы популярных (а порой и научных) статей о Брюсове, стремясь выставить его последовательным материалистом, оторвать от «мистических туманов» символизма и объяснить его позднейшее сотрудничество с большевиками принятием их философии. Все, что не укладывалось в схему, — от юношеского увлечения спиритизмом до серьезных работ в области эзотерики и традиционных знаний — объявлялось недостойным внимания или замалчивалось.

Юности свойственно вольнодумство: в этом возрасте даже Владимир Соловьев, сын профессора и внук священника, отказывался ходить в церковь, а однажды выбросил из окна

* Цит. по: Голубева О. Д. Автографы заговорили. М., 1991. С. 207.

икону. В гимназические годы Валерий Яковлевич тоже «не верил в дух и не ходил к обедне», о чем с доброй иронией писал в поэме «Краски»: «И я вспомнил, что *был* материалистом и позитивистом» (курсив мой. — В. М.). Отвечая самому себе — пятнадцатилетнему атеисту, которому «навсегда указал дорогу» Огюст Конт, — двадцатипятилетний Брюсов говорил:

Безумец! — воскликнул я, — знай, что ты будешь верить!
 Будешь молиться и плакать пред Знаком Креста,
 Любить лишь то, где светит живая мечта,
 И все проклянешь, что можно весить и мерить!

Другое дело, что не будучи церковным человеком — любая «церковность» была чужда его духу — Брюсов создал ряд стихотворений на библейские темы, которые включались в антологии «душеполезного чтения», одобренные духовной цензурой. В отличие от многих символистов и их эпигонов, в его поэзии, при всем эпатаже, нет ни скрытого, ни тем более откровенного кощунства над религией. А вот как выглядит учение материализма в стихотворении «Истинный ответ»:

«Единенье атомов случайных —
 Наша жизнь, смерть — распаденье их».
 Рассуждает, фрак надев, о тайнах
 Чёрт в кругу учеников своих.

Кому угодно доверил бы поэт, посвящавший стих «всем богам», свои заветные мысли, но только не «хитрому черту с профессорской осанкой»...

С переездом на Цветной бульвар Валерий впервые соприкоснулся с миром купечества: «типичный вид московской окраины, ничем не отличной от провинции»*, — хотя родители всячески сторонились «темного царства», которое их сын четверть века спустя красочно описал в поэме «Мир»:

Амбары темные, огромные кули,
 Подвалы под полом, в грудях земли,
 Со сходами, припрятанными в трапах,
 Картинки в рамочках на выцветшей стене,
 Старинные скамьи и прочные конторки,
 Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий...
 Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком
 Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.

* Измайлов А. Литературный Олимп. С. 387.

Стеной и вывеской кончался кругозор
 (Порой закат блестел на куполе далеком).
 И этот старый двор всегда был пуст и тих,
 Как заводь сорная, вся в камышах и тине...

Брюсов начал рассказ фразой: «Я помню этот мир, *утраченный мной с детства*», — и пояснил: «Я берегу его — единое наследство // Мной пережитых и *забытых лет*» (курсив мой. — В. М.). Можно не сомневаться, что он это видел. Но какой отпечаток увиденное наложило на его личность, на его сознание?

Если воспринимать сказанное буквально, он вырос в «амбаре». Так поступил Ю. Каменев (Л. Б. Розенфельд), автор первой марксистской статьи о поэте, в заглавии которой — «О Ласковом Старике и о Валерии Брюсове»* — использован ключевой образ этого стихотворения: «У поэзии Брюсова был „хозяин“, и хозяином этим был — амбар». Да, в «Мире» сказано: «И я дышал тем ядом, // И я причастен был твоей судьбе!». Однако ни одна из автобиографий, ни одно из мемуарных свидетельств не позволяют говорить о влиянии «амбара» и о его преодолении. Когда Максимилиан Волошин заявил об автобиографичности «Мира» применительно к дому Брюсовых, Валерий Яковлевич решительно возразил: «Поэма „Мир“ говорит *вовсе* не о доме на Цветном бульваре; дом этот принял свой теперешний вид лишь за последние годы, а прежде был *иным*; детство мое прошло *не* в этом доме и т. д.»**. Однако «напостовский» критик Г. Лелевич и через много лет утверждал, что «в поэме „Мир“ <...> Брюсов дал несравненную по выразительности картину обстановки, *окружавшей его в раннем детстве* (курсив мой. — В. М.)». Источником вдохновения автора стала «классическая статья» Каменева, из которой он заимствовал представление о «полусонном мечтателе, задыхающемся в пыльном амбаре, истомленном его могильной тишиной, оторванном от борющихся и созидających людей»***. Марксисты явно перепутали Валерия Брюсова с Кузьмой Русаковым: от власти «дряхлого, ветхого мира» освободились уже родители поэта.

«Материалистическое воспитание» выразилось еще и в том, что Брюсов с детства был начитан в естественной истории и географии, а затем во всеобщей истории и увлекался популярными биографиями «великих людей» вроде книги Г. Тиссандье

* Литературный распад: Критический сборник. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 58–92.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 377.

*** Лелевич Г. В. Я. Брюсов. М.; Л., 1926. С. 25, 51.

«Мученики науки». За ними последовала классика литературы «для юношества» — Жюль Верн, Гюстав Эмар, Фенимор Купер, Майн Рид: Яков Кузьмич «вывел откуда-то правило, что, в сущности, дети и взрослые должны читать одно и то же». Залойное чтение Жюль Верна произвело на Валерия «неотразимейшее действие», заставляя «леденеть от ужаса» и нередко доводя до истерик и ночных кошмаров. Родители отбирали слишком «волнительные» книги, но читать вместо них «Игрушечку» или «Детский отдых» он уже отказывался. «С этого времени в своих играх я стал воображать себя то путешественником в неизведанных странах, то великим изобретателем. Очень любил я изображать летательный снаряд. Строил его из книг и деревяшек и летал с ним по комнатам. Столы и комоды были горы, а пол — море, где я часто и терпел крушения, попадал на необитаемый остров — ковер, жил по-робинзоновски и т. д. С этого же времени я стал мечтать о своей будущности как о будущем великого человека, и меня стало прельщать все неопределенное, что есть в гибком слове „Слава“».

Воспитать в юном Валерии поклонение «кумиру Пользы» не удалось, хотя в возрасте трех с половиной лет он «проповедовал» учение Дарвина во дворе дома Бари, «приводя в ужас няnek и гувернанток». Его увлекали не тычинки и пестики, не перспектива «резать лягушек», но дальние страны и великие люди. «Кажется, родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенным человеком. По крайней мере, у меня самого было почему-то такое убеждение. Я с самых первых лет привык смотреть на сверстников свысока. Вероятно, способствовало этому то, что я рос среди взрослых и слышался от них много, о чем мальчики, мои ровесники, и понятия не имели. <...> Мальчики играть со мной не любили, тем более что мне хотелось первенствовать, а по их понятиям, у меня не было для этого никаких преимуществ. Я предпочитал играть один и даже больше любил играть в комнатах. <...> Так рос я среди женщин и младших братьев, окруженный обожанием и поклонением, привыкший повелевать и все устраивать по-своему, мечтающий о славе и победах. Дома, особенно во время игры «в индейцы», он командовал младшим братом Колей и двоюродным братом Николаем Павловым (сыном маминой сестры Фаины), которого почему-то прозвал «Тонькой». Запоздалый контакт с реальным миром «один на один» оказался тем более трудным.

Лето 1883 года Брюсовы проводили в Медведково, прельстившись дешевой дач, хотя, по уверению популярного путеводителя, это место «с неопрятными лачугами, расположенное на солнцепеке, представляет мало удобств для дачной

ПЕРЕПИСКА.

Москва.

Позвольте вам описать, какъ мы провели лѣто въ селѣ Медвѣдковѣ, въ которомъ мы, въ 1883 году, жили на дачѣ. Расположено оно на гористой мѣстности, покрытой молодымъ лѣсомъ. Направо отъ нашей дачи былъ большой, запущенный паркъ. Надъво склонъ къ рѣчкѣ Чермянкѣ; по другой сторонѣ этой рѣки густой лѣсъ. Позади насъ лугъ; тутъ стояла совершенно высохшая сосна, подъ которой, по преданью, зарытъ кладъ. Прямо передъ нами стояла церковь, позади ея склонъ къ рѣкѣ Яузѣ, въ которую впадаетъ Чермянка. На другой сторонѣ Яузы лѣсъ. Время проводили мы очень весело: гуляли, купались, играли, учились только 1 часъ въ день. Часто во время прогулки мы видѣли зайца или лисицу, но они убѣгали при нашемъ приближеніи. Въ Москву ѣздили мы рѣдко, да мы и не любили этого, въ Москвѣ намъ было скучно.

ВАСЯ БРЮСОВЪ, 10 лѣтъ.

Первая публикация Валерия Брюсова: письмо в редакцию детского журнала «Задушевное слово» (1884. № 16), напечатанное за подписью «Вася Брюсов»

жизни*. Волей-неволей девятилетнему Валерию, еще не ходившему в гимназию, пришлось играть с другими мальчишками, среди которых верховодил Сережа Бугрецов**, «мальчик очень развитый для своих лет (кажется, пришлось ему с семьей пережить разные трудные положения, что очень быстро развивает)». Они легко сошлись на игре «в индейцы», но потом Сережа за что-то поколотил Колю Брюсова, и Матрена Александровна запретила детям общаться с ним. «Мало в жизни знаю я больших унижений, пережитых мною, — вспоминал Валерий Яковлевич через семнадцать лет. — Обидно, конечно, было не то, что я лишился любимого товарища, а то, что я должен был подчиниться, на мой взгляд, бессмысленному приговору <...>

* Любецкий С. М. Окрестности Москвы в историческом отношении, в современном их виде для выбора дач и гулянья. М., 1880. С. 80.

** В «Моей жизни» фигурирует как «Сережа Б.»; фамилия установлена по черновым записям: ИМЖ. С. 244.

Хочется крикнуть всем родителям и всем воспитателям: много думайте раньше, чем подвергать своих детей унижениям».

Еще большим унижением стала первая драка со сверстником, необходимый этап мальчишеской «самоидентификации». «Некто К., мальчик постарше меня, неотступно вызывал меня на драку. Я не отказался. Но я совсем был неопытен в этом деле. К. повалил меня, сел на меня и бил меня кулаками по лицу. <...> Потом он спросил: „Признаешь себя побежденным?“. Я сказал: „Признаю“. Он меня отпустил, и я ушел... Я убежал в парк, я влез на дерево и сидел там в ужасе, стараясь уяснить, что произошло. Мне казалось, что все погубило, что больше я никогда не посмею смотреть на людей, я хотел идти на Язу и утопиться».

«Официальная версия» выглядит более оптимистически. Это письмо в редакцию «Задушевного слова», которое увидело свет за подписью «Вася Брюсов, 10 лет», — первые строки Валерия Яковлевича в печати:

«Позвольте мне вам описать, как мы провели лето в селе Медведкове, в котором мы в 1883 году жили на даче. Расположено оно на гористой местности, покрытой молодым лесом. Направо от нашей дачи был большой запущенный парк. Налево склон к речонке Чермянке; на другой стороне этой реки густой лес. Позади нас лес; тут стояла совершенно высохшая сосна, под которой, по преданию, зарыт клад. Прямо перед нами стояла церковь, позади ее склон к Язуе, в которую впадает Чермянка. На другой стороне Язуы лес. Время проводили мы очень весело: гуляли, купались, играли, учились только 1 час в день. Часто во время прогулки мы видели зайца или лисицу, но они убегали при нашем приближении. В Москву ездили мы редко, да мы и не любили этого, в Москве нам было скучно»*.

Пытаясь как можно подробнее вспомнить свою жизнь, Брюсов сделал ряд интересных признаний. Покоритель неизведанных стран «очень боялся взглядов прохожих. Мне все казалось, что у меня что-то не так. Я всего более боялся поступить не так, как следует. Менее развязным нельзя было быть. Когда на меня смотрели, мне начинало казаться, что я хромаю, и я не знал, куда деть руки и глаза. Заговорить с незнакомым я никогда не осмеливался. <...> Я вечно стыдился самого себя, особенно же в обществе. Я не умел кланяться, не умел благодарить, до смешного не умел вести себя, и сознавал это, и мучился каждый миг. Быть в гостях, особенно у новых лиц, было для меня мучением».

С шести лет Валерию нанимали гувернанток, затем домашних учителей из студентов. Дела семьи шли хорошо, платили

* Задушевное слово. 1884. № 16. С. 3; перепеч.: ИМЖ. С. 164–165.

Валерий Брюсов – гимназист
Фотография И. Ф. Курбатова. 1885. ИРЛИ

им исправно, за качеством занятий не следили, поэтому «учиться с гувернантками мне было нестерпимо скучно, и учился я довольно-таки плохо». Оказавшись в 1885 году сразу во втором классе гимназии Франца Ивановича Креймана в доме 25 на Петровке – первой частной гимназии в Москве, где учились в основном дети состоятельных родителей, – балованный первенец попал, как ему показалось, в настоящий ад.

«Надо отдавать или в старшие классы, где сумеют отнестись к новичку, – суммировал он свой печальный опыт, – или в I-й класс, где все новички. Во II-м же классе ученики образуют из себя общество, уже обжились и встречают новичков очень недружелюбно. К тому же я не был приспособлен к мужскому обществу, все еще оставался красной девицей, не умея ни драться, ни ругаться. <...> Сначала меня только дразнили тем, что я „Брюс“, что я купец <...> потом перешли к толчкам, наконец, к побоям. <...> Я негодовал, возражал, но не умел защититься. Дома, конечно, я не рассказывал об этом. Кажется, уверял, что у меня много товарищей, что я очень хорошо сошелся с товарищами». Поначалу с ним дружил только «общественный шут»

Василий Строев, который «оказался самым образованным из всего класса», «прекрасно знал древнюю историю, был знаком с учением Дарвина, немало читал и умел читать».

Литературный враг Брюсова Юлий Айхенвальд пустил в его адрес злое, но запоминающееся определение «преодоленная бездарность». В отношении «преодоления» он был прав: Брюсову приходилось очень многое преодолевать, прежде всего в психологическом плане, что сделало его взросление особенно мучительным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Я РОЖДЕН ПОЭТОМ...»

Брюсов выучился читать в три года, писать — пока еще печатными буквами — годом позже. Яков Кузьмич делал приписки для сына почти в каждом письме, и уже 28 августа 1878 года тот отвечал: «Папаша, я сам читаю твои письма. Валя». Годом позже в отцовских письмах появляются французские слова. «Милый папа, я не говорю по-французски, потому что фраз не умею составлять, слов же много знаю», — ответил сын, но вскоре сам стал подписываться «*ton fils Valerri*»*. После переезда на Цветной бульвар мальчика начали учить систематически, и он уже не расставался с пером и бумагой. «Я пересказывал сначала сведения из естественной истории о китах, о тиграх в маленьких тетрадочках, любил составлять краткие перечни животных. <...> Потом стал сочинять рассказы, но мне мешало то, что я не мог писать скоро: перо не поспевало за мыслью».

Важное место в жизни семьи Брюсовых занимали газеты и журналы. Семи лет Валерий сделался их исправным читателем и оставался им до конца жизни: «Ежедневно я читаю четыре газеты: для пятой уже не хватает сил», — писал он А. А. Измайлову в 1910 году**. Еще до поступления в гимназию он — как некогда отец — «издавал» рукописные журналы «Природа» и «Дальние страны», названия которых говорят сами за себя.

К 1881 году относится его первое стихотворение — или, по крайней мере, первое из сохранных автором — «Соловей»***:

* Твой сын Валерий (*фр.*).

** *НЖ*. Кн. 218. Март 2000. С. 98 / Публ. В. Э. Молодякова.

*** Детские и юношеские произведения Брюсова цит. по: *Гудзий Н.* Юношеское творчество Брюсова // *ЛН*. Т. 27/28. С. 198–238; *Ильинский А.* Литературное наследство Валерия Брюсова // Там же. С. 475–494.

Соловей мой, соловей,
Сероперый соловей.
Распевай ты средь ночей,
Милу песню начинай,
Веселее распевай
И подолже не кончай!

Говорить о каком-либо «влиянии» здесь не приходится, хотя Некрасова Брюсов, по его словам, уже прочитал. Через десять лет он заботливо переписал «Соловья» в тетрадочку, озаглавленную «Мои стихи. Сборник всех моих стихотворений и набросков с 1881 года». О серьезности автора свидетельствовало предисловие к тетрадке: «Здесь собраны все мои сохранившиеся стихи, хотя бы незначительные, неотделанные отрывки или первый стихотворный лепет восьмилетнего ребенка». Смотрится как материал для будущего академического собрания сочинений. К этому же времени, 1890–1891 годам, относятся и его первые автобиографические опыты, имевшие подчеркнута литературную форму. «Очерк, написанный всего на 12 страницах, разделен на 4 главы, обозначенные римскими цифрами, из которых каждая разбита еще на мелкие главки, пронумерованные арабскими цифрами. Каждой главе и главке предшествуют эпитафии из Надсона, Майкова, А. К. Толстого или из стихотворений самого автора. У каждой главы есть заглавие, есть общее вступление и предисловие»*. Рассказывать, по большому счету, еще не о чем, но форма уже найдена.

Жестокое потрясение, которое Брюсов испытал при соприкосновении с миром сверстников-гимназистов, компенсировалось дружбой с одноклассником Владимиром Константиновичем Станюковичем** и общественным «спросом» на его литературные произведения. Оказавшийся в отвергавшем «чужаков» мальчишеском коллективе, не посвященный в «тайны пола» и «матерной словесности», — но при этом привыкший командовать и вызывать всеобщее восхищение, — Валерий должен был каким-то образом завоевать симпатии одноклассников. На помощь пришла литература. В отличие от сверстников, он много читал и умел увлекательно излагать прочитанное: «Около меня во время рекреаций (т. е. перемен. — В. М.) образовывался целый кружок, и я рассказывал все, что успел прочесть и чего они еще не знали, — иные романы Ж. Верна, Майн

* Кошкина Е. Н. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 25. М., 1962. С. 84–85.

** Станюкович В. К. Воспоминания о В. Я. Брюсове / Публ. Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова // ЛН. Т. 85. С. 713–758.

Владимир Станюкович
 Фотография И. Ф. Курбатова. 1894.
 С дарственной надписью Валерию Брюсову:
 «Символисту от реалиста. В. Станюкович. 18 22/IV 94». ГЛМ

Рида, потом Понсон дю Террайля, Дюма, Габорио... Позднее я стал даже готовиться к этим рассказам усерднее, чем к урокам. Рассказы мои имели громкий успех. Приходили слушать и из старших классов».

В третьем классе Станюкович задумал издавать рукописный журнал «Начало». «В эти дни я и познакомился с Брюсовым, — вспоминал он сорок лет спустя. — <...> Его худая, сутулая фигурка в мешком сидящей блузе и в серых штанах возникла передо мною, и мы быстро сдружились. У Брюсова оказалось много материала для „Начала“. Это были замыслы и наброски повестей, полные приключений и тайн. Я сам был начинен Купером, Эмаром, Майн Ридом и Жюль Верном, но знания Брюсова в этой литературе значительно превосходили мои. К тому же я совершенно не знал Э. По, которого Брюсов читал и любил уже в это время. Еще больше меня удивила его память, позволявшая ему рассказывать прочитанные вещи почти дословно. Мы уселись поближе друг к другу — на одной парте — и без умолку, поскольку

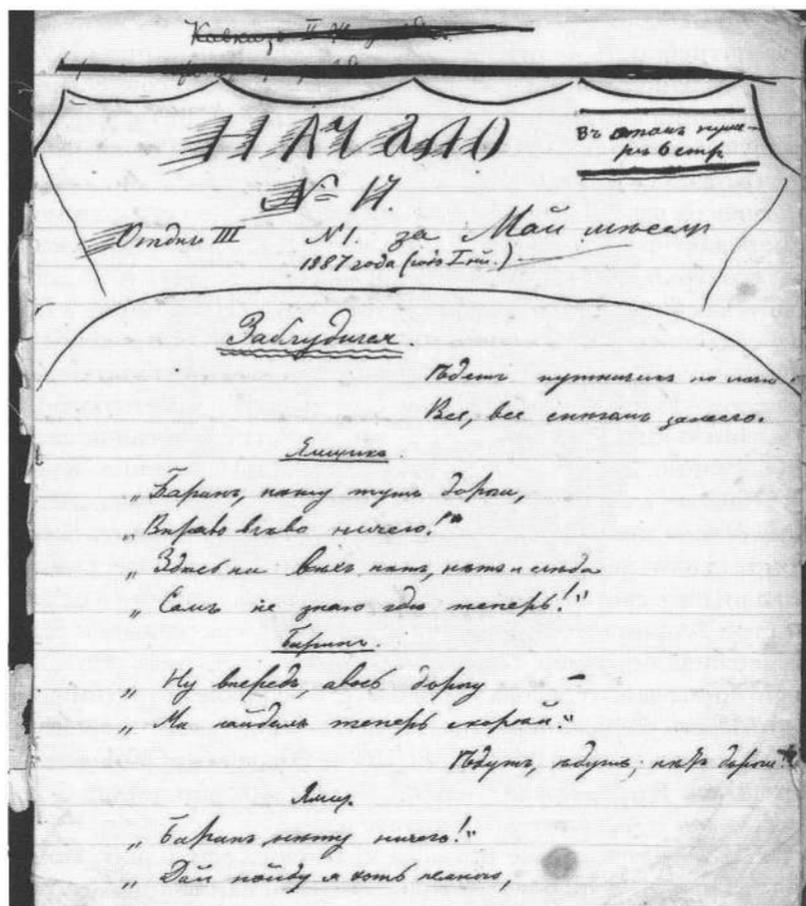
нам не мешали учителя, делились добытыми знаниями. <...> Эта потребность делиться друг с другом прочитанным (а читали мы запоем) продолжалась все время нашего совместного пребывания в гимназии. С утра мы искали друг друга, были неразлучны на большой перемене и по окончании уроков часто засиживались в классе»*.

Брюсов взял «Начало» в свои руки. В будущем его фамилия как редактора будет стоять лишь на «Известиях Московского литературно-художественного кружка» (1913–1917) и на двух выпусках временника Литературного отдела Наркомпроса «Художественное слово» (1920), но в 1904–1908 годах он руководил журналом «Весь», а в 1910–1912 годах заведовал литературным отделом «Русской мысли». «Начало» сыграло заметную роль в жизни юного сочинителя: «До того времени я писал немало, но случайно, не задаваясь мыслью, зачем это. Появление журнала „Начало“ как-то сразу подтолкнуло меня. Я вдруг понял, что я прежде всего литератор (курсив мой. — В. М.). Я стал писать без конца стихи, рассказы, статьи. Содержание преимущественно касалось все еще индейских приключений, с которыми я не расстался. Теории стихосложения мы еще не знали совсем и если выдерживали размер, то только чутьем. <...> Журнал „Начало“ одно время заинтересовал весь класс. В журнале сотрудничали многие, его усердно переписывали. Потом интерес ослаб. Журнал продержался до Рождества. После Рождества Станюкович отказался. Я продолжал его один, но был его единственным сотрудником и единственным читателем».

В 1937 году в архиве Брюсова хранилось семнадцать номеров «Начала» за 1886 и 1887 годы, целиком написанных его рукой: от четырех до шести страниц в четвертку бумаги. Затем И. М. Брюсова передала № 9–16 в Институт русской литературы, а другие в Кабинет брюсоведения Ереванского государственного педагогического института (ныне Ереванского государственного лингвистического университета) имени Брюсова**. О серьезности намерений редактора-издателя говорило объявление в первом номере: «Открыта подписка на еженедельный детский журнал „Начало“. Подписная цена в год с доставкой и пересылкой в другие города и за границу 3 р. В Москве 1 р. 50 к., без доставки 1 р. 25 к.». Начинание успеха не имело, не говоря уже об «иногородних подписчиках», но Брюсова это не остановило.

* ЛН. Т. 85. С. 718.

** ЛН. Т. 27/28. С. 231. По одним данным, в Кабинет брюсоведения были переданы № 1, 2, 17 (ЛН. Т. 85. С. 752), по другим, № 4–8 (Благоволитина Ю. П. Архив В. Я. Брюсова. С. 49).

Рукописный журнал Брюсова-гимназиста
1887. Кабинет брусоеведения Ереванского государственного лингвистического
университета. Публикуется впервые

Среди авторов «Начала», кроме Брюсова и Станюковича, фигурируют Н. Орлов, К. Фрейтаг, а также Шапка, Пятнистый Ягуар, Козел, Кушак, Граф и Слиппер. Под большинством экзотических псевдонимов скрывался сам Валерий Яковлевич, ибо те же произведения обнаруживаются в его детских тетрадах. Перехватив инициативу у Станюковича и став единоличным хозяином всего предприятия, Брюсов стремился не только сделать журнал разнообразным и интересным, но и показать, что у него большой «авторский коллектив». Чутье прирожденного литературного вождя и редактора подсказало ему правильный ход — выступать одновременно под многими масками, по мере сил индивидуализируя каждую из них для придания этим личинам максимальной достоверности.

Рукописный журнал Брюсова-гимназиста
1889. Кабинет брюсоведения Ереванского государственного лингвистического
университета. Публикуется впервые

В полной мере он использовал этот прием в «Русских символистах», а затем в начальный период существования «Весов».

Чем заполнялись страницы «Начала»? Помимо стихов, беллетристики и статей, как полагалось настоящему журналу, здесь были задачи, шарады и приложения вроде сделанной от руки карты Голландии. Некоторые произведения – например, написанный в подражание Жюлью Верну рассказ «На Венеру», – публиковались «с продолжением». Об общем художественном уровне журнала говорит «Песнь троянцев»:

О Гектор, о Троя,
Погибли и вы!
Убили героя
Олимпа сыны.

Разрушили Трою
 Не силой враги,
 А хитростью злою
 Победу взяли.

Как раз в это время Александр Бакулин давал внуку первые уроки стихосложения: «Когда мальчиком я начал писать стихи и об этом узналось, дед обратил на меня внимание. Сперва начал снисходительно разговаривать со мной, потом поучать меня технике стихотворства».

Тематика первых опытов Валерия видна из заголовков прозы, «опубликованной» в «Начале» и оставшейся в тетрадах: рассказ из индейского быта «Орлиное перо», роман «Куберто, король бандитов», этюд о гибели жокея «Последний выезд», очерк «Сибирь». В набросках остались повести «Два центуриона» и «Легион и фаланга», трагедии «Цезарь и Помпей Великий». Многие из перечисленных тем можно найти во «взрослой» прозе Брюсова и среди его позднейших, но так и не воплощенных замыслов. «Ясно, что со всем этим писанием можно было справиться только при особо пристрастном отношении к нему, при большой одаренности и исключительном трудолюбии»*.

Вот сюжет рассказа «Орлиное перо», растянувшегося на пять номеров, в пересказе Н. С. Ашукина: «Индийский вождь по имени Орлиное Перо похитил у начальника французского отряда г. Леро его сына Густава, потребовав за него в виде выкупа 50 рублей (видимо, уступка не слишком просвещенным читателям. — В. М.) и три пушки. Леро, не желая ослабить силы своего отряда таким выкупом, бросается в погоню за индейцами, загоняет до смерти своего коня, все же настигает Орлиное Перо и ранит его, но отцу достается лишь труп сына. Через два месяца Орлиное Перо, мстя за свою рану, нападает на французский отряд и частью истребляет его, частью берет в плен. Спасаются лишь двадцать человек во главе с Леро. Но, обрадовавшись победе, индейцы перепились и заснули все, кроме своего начальника. Этим воспользовались спасшиеся французы и, напав на спящих индейцев, иных перебили, иных обратили в бегство. Оставшись почти одиноким, Орлиное Перо стремительно нападает на Леро, раскраивает ему череп и затем сам погибает, пронзенный пулями». Неплохо для 12–13-летнего автора...

В юношеском творчестве Брюсова проза (рассказы и статьи) занимает не меньшее место, чем стихи. Уже осознав себя

* *Материалы.* С. 122.

литератором, он еще не сделал выбора между ними. Резонно предположить, что, отбирая произведения для «Начала», «редактор» не только руководствовался собственным вкусом, но и ориентировался на потенциальных читателей, которым авантурные или фантастические повествования были ближе, чем лирические излияния. Как раз в это время — под непосредственным влиянием Станюковича — он прочитал Пушкина, Лермонтова и Надсона, особенно увлекаясь последним. «Страсть моя к литературе все возрастала, — вспоминал Брюсов в „Моей жизни“. — Беспреданно начинал я новые произведения. Я писал стихи, так много, что скоро исписал всю толстую тетрадь „Poésies“, подаренную мне. Я перепробовал все формы — сонеты, терцины, октавы, триолеты, рондо, все размеры. Я писал драмы, рассказы, романы... Каждый день увлекал меня все дальше. На пути в гимназию я обдумывал новые произведения, вечером вместо того, чтобы учить уроки, я писал». Понятно, почему директор Крейман оставил его в четвертом классе на второй год.

Одноклассники с удовольствием слушали и читали Брюсова. Неудивительно, что ему захотелось видеть свои стихи в «настоящих» журналах: он посылал их в «Наблюдатель» и «Новости дня», но ответа не дождался. В следующий раз после письма в редакцию «Задушевного слова» он увидел свое имя — точнее, только инициалы «В. Б.» — лишь в 1889 году в журнале «Русский спорт» (№ 37 от 16 сентября) под небольшой статьей «Несколько слов о тотализаторе». «Напечатание ее я торжествовал как победу. Я показал статью всем ученикам, потом показал учителю русского языка — Виноградову. Он прочел и порешил: „Что ж, написано довольно правильно“. Это относилось, конечно, к слогу, ибо содержание вряд ли он одобрял: я защищал тотализатор».

Брюсов пояснил, что отправил статью в редакцию инкогнито, поскольку «фамилия Брюсовых была очень известна в спортивных кружках». «Дело в том, что в <18>85 году отец стал посещать скачки и брал с собой меня. Сначала отец довольствовался игрой (верней, проигрышем) в тотализатор, но позднее завел себе собственную лошадь, сначала одну, потом — целую конюшню. Я жадно пристрастился к скачкам, мне нравилась эта борьба лошадей и жокеев за первенство (вот откуда этюд о гибели жокея в „Начале“. — В. М.), борьба конюшен за выигрыш. <...> Сначала я довольствовался составлением отдельных отчетов к действительным скачкам. Потом увлекся новой игрой. Я вообразил мир спортивной жизни будто бы существующим в американском городе С.-Луи. <...> Я создал в воображении десятки лиц: владельцев лошадей, жокеев, случайных участников, — всем им были даны строго очерченные характеры,

которые не нарушались; все они участвовали в общей интриге бесконечного романа. <...> Позднее я стал издавать рукописный журнал, где сотрудниками были все те же лица, причем опять-таки стиль и писания каждого соответствовали его характеру. Уже из этого видно, как путалось у меня все в голове — поэзия и прочитанные романы, спорт и детская игра и жажда литературной деятельности».

Это был не первый «параллельный мир», который придумал себе юный Брюсов. Но он отличался от странствий по далеким материкам, межпланетных перелетов и перемещений в эпоху Цезаря или Александра Великого тем, что постоянно подпитывался реальными, личными впечатлениями. Он же открыл Валерию Яковлевичу дорогу в печать — правда, инкогнито. Через полтора года после публикации в «Русском спорте» в газете «Листок объявлений и спорта» (1891, № 13 от 26 февраля) появилась его анонимная статья «Немного математики»: автор попытался установить закономерность и вывести формулу бега лошади, слагавшуюся из скорости ее пробега, расстояния, усталости и сопротивления грунта, основывая расчеты на примерах конкретных забегов известных московских рысаков. Публикации предшествовало первое в жизни Брюсова личное знакомство с настоящим писателем (если не считать гимназических педагогов, занимавшихся литературой) и редактором — Владимиром Гиляровским.

«Дядя Гиляй», сам заядлый «лошадник», подробно описал начало их знакомства, продолжавшегося почти 35 лет. Дело было на бегах:

«Завсегдатай „Яра“ Иван Иванович <...> подошел к соседнему столику, где сидели солидный пожилой (42 года. — В. М.) мужчина с рыжей бородой и другой — с коротко подстриженными усами, а на стуле стоял гимназист и в бинокль наблюдал лошадей.

— Яков Кузьмич, меня просил цыган Федор Соколов узнать — выиграет ли сегодня кандикап ваш Еврипид? <...>

— Думаю, что не выиграет... Мы сейчас вот с Бараниным рассуждали... Он ведь его тренирует — и говорит, что шансов нет — фунтов пять сбросить бы.

— Ну, а Этна как? Она на поощрительный приз скачет...

— Этна не в кондициях... Так, для галопа пускаем! — вдруг, соскочив со стула, отрезал гимназист. Сел, отвернулся и снова взялся за бинокль.

Иван Иванович извинился, встал и направился к своей компании.

— Этна сегодня легко выиграет, но если этому усатому сказать, он разблаговестит, и дадут за нее гривенник на рубль, — заявил гимназист, как только Иван Иванович отошел.

Владимир Гиляровский
Фотография В. Чеховского. 1902. ИРЛИ

— Ты уж у меня, Валерий, известный политик... Все у тебя расчитано, — ответил мужчина с рыжей бородой, отец гимназиста.

В тотализатор он обычно не играл, только каждый раз брал на свою лошадь один билет, и то не ради азарта, а просто так, без всякого расчета. За билетом он посылал сына, а тот, когда знал наверное, что лошадь выиграть не может, клал деньги в карман и говорил отцу:

— Я ставить не буду и страхую твой выигрыш, даром жечь денег не следует. А на эти деньги я книг куплю...

— Ах, дипломат, дипломат! И все-то у тебя с „холодным вниманием рассудка“.

Яков Кузьмич, развитой и начитанный, любил щегольнуть цитатой, особенно за стаканом вина, в дружеской беседе. Чистокровные лошади были его страстью. <...> У него были всегда только две лошади второстепенные — Этна и Еврипид. Они стояли на конюшне тренера Баранина, выигрывали редко, а все-таки окупали себя и доставляли огромное удовольствие владельцу, страстному любителю скачек, как и его сын, гимназист.

Московский ипподром
Начало XX в.

<...> Однажды сын пришел ко мне в редакцию, раскрасневшийся, взволнованный и робко подал статью по вопросу, в то время сильно волновавшему спортсменов. Написано было бойко, освещение верное. Я ее напечатал в ближайшем номере, и велика была радость юноши, увидавшего в печати свое первое произведение»*.

«Здесь я должен сознаться в маленькой мистификации, — поведал Брюсов об этой, уже не первой, своей публикации, — прошедшей тогда незамеченной. Я сам написал возражение на свою статью и послал его в „Русский спорт“. Возражение было напечатано**. Я хотел писать контр-возражение в „Листке спорта“, но Гиляровский объявил мне, что он в принципе „против полемики“. К подобной полемике с самим собой Брюсов позже не прибегал, однако прятался за псевдонимами не только для мнимого увеличения числа своих соратников: «чтобы одно копьё казалось тысячей копий», как говорят японцы, — но и при обсуждении вопросов, говорить о которых от своего имени считал неудобным. Поэтому книгу Андрея Шемшурина «Стихи В. Брюсова и русский язык» раскритиковал «В. Бакулин»,

* Гиляровский Вл. Певец города // Гиляровский Вл. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М., 1989. С. 329–330.

** И. П. Законы спорта // Русский спорт. 1891. 16 марта. № 11. С. 167. Итог: «Строго математические выводы менее всего могут быть приложены там, где приходится иметь дело с живым органическим существом».

а на «блистательные карикатуры» Корнея Чуковского в книге «От Чехова до наших дней» ответил «Аврелий»: «Я думаю, что Валерий Брюсов, прочтя статью о себе в книге г. Чуковского, несколько дней не мог отделаться от навязчивой мысли: а что, если я в самом деле поэт прилагательных?»* Впрочем, это не более чем игра, поскольку в литературных кругах хорошо знали, кто скрывается за обеими масками.

Приобщение к скачкам совпало у гимназиста Брюсова с приобщением к «тайнам пола». «Первые ощущения полового чувства» он сам относил к возрасту 6–7 лет, сообщая в «Моей жизни», что «любил заговаривать о соблазнительных для моего возраста вопросах» и «тогда же испытал первые ощущения эрекции». Гимназистом он «стал предаваться странным и страстным мечтам <...> долго, до рассвета иногда, или пока не засну. Страх еще жил в этих мечтах, ведь была в них доля садизма. Я с особой охотой рисовал себе картинки пышных девушек и особенно беременных женщин. Страсть к систематике не оставляла меня и тут. В моих ночных мечтах стали повторяться одни и те же имена, а позднее я стал записывать свои мечты и образовал из них длиннейшие романы». Эти же истории, дополненные чтением «вольных» французских книг, свободно попадавших в его руки, он пересказывал одноклассникам, упрочив среди них свою популярность. Так в судьбе Брюсова переплелись эротика и литература.

Впрочем, атмосфера «продажной любви» сопровождала его с детства, так сказать, по месту жительства. Ставшие в XXI веке районом «элитного жилья», Трубная площадь, в которую упирается Цветной бульвар, и переулки, идущие от него в сторону Сретенки, уже в начале XIX века считались «московской Сибуррой», местом разврата (ср. в поэме Василия Пушкина «Опасный сосед»: «Пошел на Сретенку, к б...м»). «Чтобы дойти до Брюсова, — вспоминал Станюкович, — нужно было либо пройти по Неглинному проезду, пересечь толкучку „Трубы“ (обиходное название Трубной площади. — В. М.) <...>, либо спуститься со Сретенки по грязным переулкам, пропитанным перегаром пива и еще каким-то невыразимо противным и в то же время волнующим запахом. <...> Много лет совершал я эту дорогу и каждый раз, пересекая Трубную площадь, чувствовал, что вступаю в жуткую зону. В незавешенном окне гостиницы, стоявшей на углу, я видел почти голую красивую девушку, манящую меня к себе. <...> Все это волновало меня — мальчика, юношу. Я ужасался — как могут они спокойно жить в таком омуте?!

* В. 1908. № 11. С. 60–62, 59–60. Отклик на статью: Чуковский К. Валерий Брюсов // Чуковский К. От Чехова до наших дней. СПб., 1908. С. 155–169; перепеч.: Чуковский К. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М., 2002. С. 151–163.

Трубная площадь
Начало XX в.

Но я никогда не говорил об этом с Брюсовым. Если мы шли вместе среди мрачного шабаша — мы, не обмениваясь замечаниями, проходили мимо»*.

Эти отталкивающие и в то же время волнующие впечатления, разумеется, наложили отпечаток на Валерия Яковлевича и отразились в его произведениях. Но когда в 1907 году Волошин, рецензируя его собрание стихов «Пути и перепутья», написал: «Вся юность Валерия Брюсова прошла перед дверьми публичного дома»**, — Брюсов отреагировал немедленно и резко, послав автору официальный протест для публикации в той же газете. К протесту было приложено вежливое, но решительное личное письмо: «Все, что Вы говорите о моей поэзии, хотя я и не со всем согласен, кажется мне очень интересным и очень ценным. Все, что Вы говорите обо мне лично, меня очень сердит и кажется мне очень неуместным. <...> Кроме того, Вы знаете меня

* ЛН. Т. 85. С. 721–722.

** Русь. 1907. 29 декабря. № 348. С. 3; перепеч.: Волошин. С. 407–416.

(т. е. мою личную жизнь) в общем мало, и многие из Ваших сообщений совершенно неверны»*. Для печати он разъяснил: «Довольно беглое, в общем, и ни в каком случае не интимное знакомство г. Волошина со мною не давало ему права рассказывать своим читателям небывлицы о моем детстве, ему вовсе неизвестном»**. После обмена объяснениями инцидент был исчерпан, и Волошин более не говорил о влиянии «московской Субурры», пообещав не касаться «ни наружности, ни личности» поэта.

В «Моей жизни» — предназначавшейся для печати, но оставшейся неопубликованной — Валерий Яковлевич подробно описал свой первый любовный опыт в наемной комнате с «бульварной феей», когда ему было 13 лет (может быть, больше?). О результате он поведал с подчеркнутой откровенностью: «Я старался внушить себе, что это та минута, какой я ждал так давно, но все было мучительно пусто и глупо. Прощаясь, я был преисполнен тоской. Я был разочарован до глубины души моей. <...> Дома меня ждали горькие сетования матери: „Ах, Валя! Валя!“. Отец написал мне письмо, где говорил (сказался шестидесятник! нигилист!), что он не смеет препятствовать свободе моих поступков, но предупреждает меня, что я могу по неопытности попасть в беду».

В «Автобиографии» 1913 года — первой своевременно дошедшей до читателя, — Брюсов, уже известный на всю Россию писатель, рассказал о том, как дошел до жизни такой. «Соблазны оказались для меня столь неодолимы, что я стал посвящать им значительную часть своего времени. <...> Наша семья переживала тогда трудную пору жизни. Отец <...> запутался в долгах, которые дед отказался платить. Мой младший брат (Николай) был долго и тяжело болен болезнью (опухоль мозга), которая и свела его в гроб; мать целые дни проводила с ним. На мое поведение никто не обращал внимания. Мне свободно предоставляли возвращаться домой поздно ночью или даже под утро, и это в связи с тем, что у меня всегда были карманные деньги, открывало мне полную возможность наслаждаться „ночными приключениями“. Понемногу я отошел от того круга товарищей, с которыми меня сблизила любовь к литературе <...> и сблизился с другим кругом — любителей кутежей и попоек». Его ближайшими «товарищами» стали «красивый и разгульный» Николай Эйхенвальд, сын модного фотографа, Владимир Краевский и Александр Ланг, сын книготорговца с Кузнецкого моста, «странный долговязый юноша с темными, безумными глазами»***. Первые двое быстро

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 376–377.

** Там же. С. 377.

*** ЛН. Т. 85. С. 724.

уйдут из жизни Брюсова, не оставив следа, зато третий сыграет в ней заметную роль, став участником его литературного дебюта и оставшись добрым приятелем до своей смерти в 1917 году.

Увлечшись «кутежами», Валерий забросил гимназию. «В результате в моих отметках все чаще начали появляться „двойки“, а затем и классические „единицы“. <...> Однако покинуть гимназию Креймана мне пришлось все же по другому поводу. Уже в 4-ом классе я числился на самом дурном счету у гимназического начальства за свои „вольнодумные“ суждения, которые мне случалось, по детской заносчивости, высказывать в лицо учителям. Перейдя не без труда в 5-й класс, я вздумал возобновить издание рукописного гимназического журнала. Но на этот раз литературе в моем „Листке V класса“ было отведено лишь второстепенное место. Листок был посвящен гимназическим „злобам дня“ и, страшно сказать, политике. Почти единственным сотрудником был я сам и еженедельно, в 5–6 экземплярах, распространял среди товарищей свой „Листок“, наполненный памфлетами против учителей, гимназического начальства и, отчасти, критикой различных явлений общественной жизни». В архиве Брюсова хранилось шесть номеров «Листка» (с 28 октября по 9 декабря 1889 года); «каждый номер занимал кругом исписанный лист писчей бумаги»*.

Что стояло за этим «самиздатом», кроме литературского и редакторского «зуда»? Во-первых, Брюсов был заметно начитаннее своих одноклассников, которые, повзрослев, начали это ценить. Во-вторых, он «считал своим долгом прочитывать от доски до доски (с политическим и внутренним обозрением) все русские журналы, которые мы по традиции брали из библиотеки». В результате он начал задумываться над политическими и социальными вопросами, трактуя их, под влиянием отца, в «шестидесятилетнем» духе. «Под влиянием тех же идей я был крайним республиканцем <...> Я считал долгом презирать всякое начальство, от городского до директора гимназии». Полагаю, Брюсов читал «Вестник Европы», «Дело» и «Русское богатство», а дома было много старых номеров «Отечественных записок» и «Современника». Они стали образцом для «Листка V класса», как «Вокруг света» и «Природа и люди» — для «Начала».

Уже в первом номере появилась статья редактора «Народ и свобода», имевшая целью «кинуть взгляд на различные формы правления, с целью выяснить, что понимали под именем свободы древние и новые народы». Вывод: «Итак, здесь (в Древней Греции, Франции и Соединенных Штатах. — В. М.) во главе правления стоят люди, которых большинство выдвинуло вперед»**.

* ЛН. Т. 27/28. С. 233.

** Там же.

Этот пассаж начальство, которому все становилось известно (впрочем, Брюсов не скрывал своей деятельности), кое-как стерпело, но критика гимназических порядков показалась ему недопустимой. «Франц Иванович призвал меня к себе в кабинет, ходил большими шагами по комнате и упрекал меня жестоко.

— Что это такое! Это против наставников! Это против нравов!

Я отвечал ему твердо, то есть, вернее сказать, нагло. *Я привык наглостью скрывать врожденную робость* (курсив мой. — В. М.). Надо, впрочем, сказать, что я рисковал немногим. Дома уже решено было, что я перейду в другую гимназию. <...> После разговора с Францем Ивановичем я больше не возвращался в его гимназию».

С новой школой ему повезло — Брюсов выдержал экзамен в шестой класс располагавшейся на Пречистенке (дом 32) частной гимназии Льва Ивановича Поливанова, педагога-новатора, автора известных книг о русских классиках и хрестоматий по отечественной литературе, общительного и остроумного человека, относившегося к ученикам с уважением и любовью. Здесь учились в основном сыновья профессуры и либеральной интеллигенции, включая детей Льва Толстого. Об этом многословно и восторженно рассказал Андрей Белый, тоже «поливановец». Лев Иванович «поражал воображение всех приходящих с ним в конкретное соприкосновение»: «не человек, а какая-то двуногая, воплощенная идея: гениального педагога. <...> Изумительный педагог и учитель, действующий от сердца к сердцу <...> В девятидесятых годах она была лучшей московской гимназией; в ней отрицалась „казенщина“; состав преподавателей был довольно высок; преподаватели принадлежали к лучшему московскому, культурному кругу; не одною силою педагогических дарований их должно оценивать, а фактом, что человек, интересующийся культурою, в них доминировал над только „учителем“ <...> Поливановская гимназия противопоставлялась казенным; противопоставлялась и креймановской <...> От Креймана попадали к нам лучшие элементы, не мирящиеся с креймановским составом, подчеркнуто буржуазным; пример — Брюсов; прочтите, какую тоской веет от его креймановских впечатлений; наоборот, появляются бодрые, здоровые ноты чисто гимназических интересов в гимназии Поливанова»*.

Перейдя к Поливанову, Валерий Яковлевич не сразу расстался с прежними привычками и приятелями, прежде всего с Эйхенвальдом, с которым он, однако, не только шатался по бульварам и кафе, но и играл в шахматы. «Мы стали одеваться, насколько

* Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 260, 286–287.

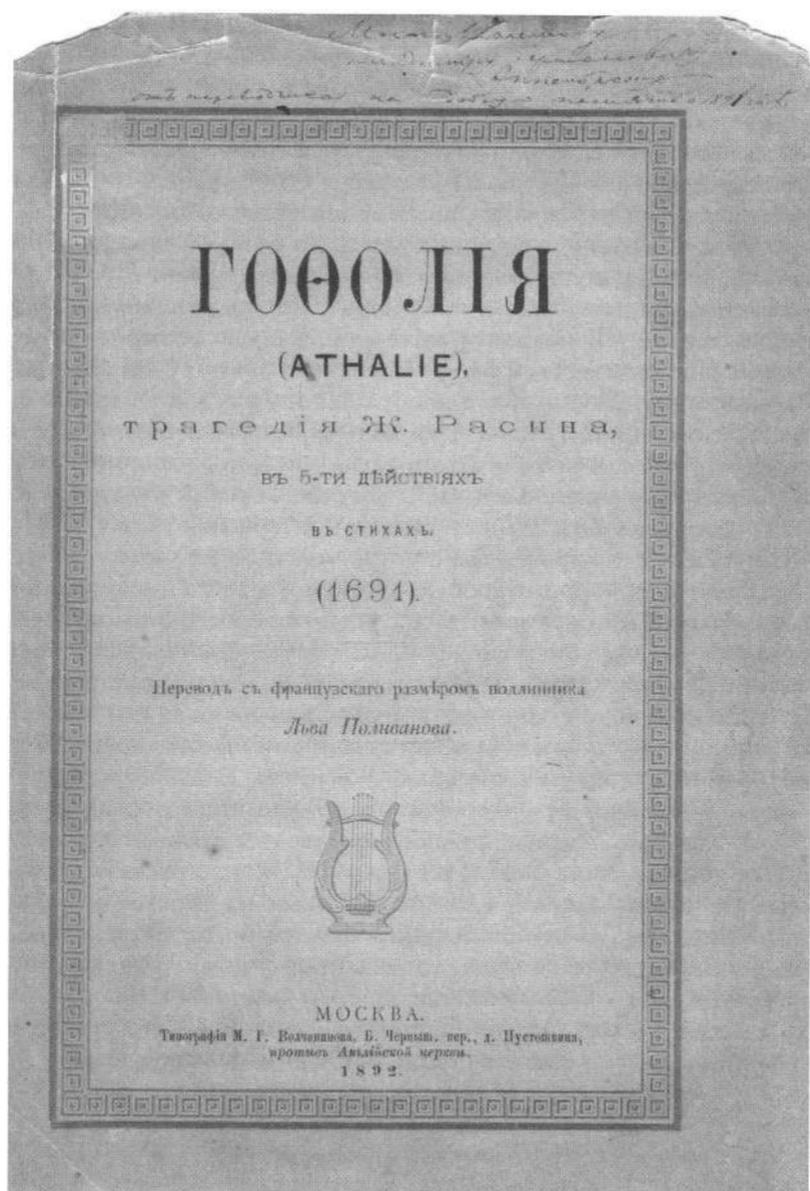
Лев Поливанов

Фотография А. Ф. Эйхенвальда. Москва. 1889. ИРЛИ

могли, по последней моде. Мы усвоили себе пренебрежительные манеры, будто бы свойственные истинным дэнди. Официанты в ресторанах называли нас „ваше сиятельство“. Мы небрежно бросали на чай рубли, когда у самих в портмонэ оставались копейки. <...> Собравшись часов в 5 у кого-либо из своих, мы при первых сумерках небрежной походкой — тросточки в карманах — шли на бульвар, торжественно раскланиваясь со знакомыми, окидывали дерзкими взглядами женские лица, стараясь говорить пошлости и гадости». Откликаясь несколько лет спустя на первый выпуск «Русских символистов», некий «Иванушка Дурачок» писал в «Новом времени»: «Появление этой книжечки на ниве русской поэзии соответствует появлению пропитанных пачулей полуразвалившихся бульвардье среди толпы наших деревенских парней и девушек»*. «Поливановский период обрывает в Брюсове пошлость; я думаю, что это — влияние гимназии»**, — к такому выводу пришел Белый после прочтения «Моей юности» и дневников

* *Иванушка Дурачок*. Московские декаденты // Новое время. 1894. № 6476. 10 марта. С. 2.

** *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 288.

Трагедия Жана Расина «Гофолия» (М., 1892)
в переводе Льва Поливанова

*Обложка с дарственной надписью преподавателю латинского языка
Владимиру Аппельроту (под его руководством Брюсов начал переводить
«Энеиду»): «Многоуважаемому Владимиру Германовичу Аппельроту
от переводчика на добрую память о 1891 году».*
ВЭМ. Публикуется впервые

старшего друга-врага. Новых друзей, влияние которых могло бы сравниться с влиянием Ланга или Станюковича, в поливановской гимназии Валерий Яковлевич не завел.

Какими бы пошлыми ни были бульварные знакомства, с ними связано одно из сильных литературно-эротических переживаний взрослого Брюсова — «роман» с Елизаветой Федоровой (выведена в «Моей жизни» под именем «Елены Викторовой»), случившийся как раз во время перехода от Креймана к Поливанову, так что к вступительным «испытаниям» он готовился не слишком прилежно. В этой вполне банальной истории, подробно описанной им самим, интересно следующее признание: «Моей заветной мечтой было обольстить девушку. Во всех читанных мною романах это изображалось как нечто трагическое. Я хотел быть трагическим лицом. Мне хотелось быть героем романа — вот самое точное определение моих желаний. <...> Я писал стихи к ней, бледные и тягучие, — такая же отраженная поэзия, как отраженным было и мое чувство».

Лиза и ее старшая сестра Мария, молодые, но уже искушенные жизнью дочери небогатого отставного чиновника, искали развлечений, а в перспективе подумывали о выгодном замужестве, так что к кавалерам относились серьезно. Эйхенвальд был «попроще»: «скоро они начали целоваться, искать уединения». Брюсов «трепетал», но «не осмеливался ни разу сказать ей о любви и только намекал о том длинными стихотворениями, которые посылал ей в письмах». «Я писал Елизавете Викторовне, — занес он в рабочую тетрадь, — длинные послания по 2–3 листа, наполненные философией (которую начал изучать) и поэзией. Не знаю, читала ли она их»*. Судя по рассказу Брюсова, не читала. 1 ноября 1891 года в ответ на просьбу о свидании он получил от нее записку: «К сожалению, не имею вечера, чтобы провести его с вами, то есть проскучать». Обольщение не состоялось, хотя именно Елизаветой Федоровой Брюсов открыл свой «донжуанский список», составленный по примеру пушкинского**. Остались стихи, написанные в тот вечер:

Ты немного со мной поиграла:
 Все, что было святого во мне,
 Что таилось в душе, в глубине —
 Слюбопытством ты все изломала
 И шутя, как дитя, осмеяла.
 Сорвала покрывало с заветной мечты
 И над нею довольно натешилась ты...

* Цит. по: Брюсов В. Письма из рабочих тетрадей (1893–1899) / Вступ. ст., публ. и коммент. С. И. Гиндина // ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 558.

** ИМЖ. С. 222–223.

Но, процитировав это подражание Апухтину (опускаю еще две строфы в том же духе), Валерий Яковлевич честно признался: «Это была ложь, ложь самому себе... Я хорошо знал, что „заветные мечты“ тут ни при чем».

В сентябре 1890 года началось ежедневное хождение в новую гимназию. Брюсов снова оказался среди незнакомых, но здесь его приняли много лучше: он особо отметил, что «у Поливанова, где гораздо больше было аристократических фамилий, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в самом младшем классе хвастал своим происхождением». «Я во время перемены бродил взад и вперед по зале, слагал в голове стихи, невпопад отвечал тогда на задаваемые вопросы. <...> Должно быть, зрелище было довольно смешное. Особенно донимали меня перво- и второклассники, они просто начинали дразнить меня, как невиданного зверя». Среди них был Боря Бугаев, на семь лет моложе нашего героя, поступивший к Поливанову осенью 1891 года. Будущий «Андрей Белый» Брюсова не дразнил, но его «чудную» внешность запомнил на всю жизнь.

Поливанов всячески поощрял литературные занятия своих учеников, не давая на них, но развивая их вкусы. В выпускном классе на заданную тему о Горации Брюсов написал большой рассказ из римской жизни «У Мецената», отмеченный знанием предмета и не лишенный литературных достоинств*. «Поливанов надписал мне по сочинению: „Подобные сочинения должны быть частными занятиями, которым нельзя не сочувствовать, но нужно упражняться и в сочинениях школьных, которые имеют свои требования, для вас очень и очень небесполезные“, — но в журнале поставил пятерку. Следующую тему, стихи Пушкина: „О, люди, жалкий род, достойный слез и смеха“, — я написал, применяясь к „ученическим требованиям“, и третий раз получил 5. Но после этого мне захотелось воли. Задано было сочинение на эпитафию из кн. Вяземского: „В нас ум космополит, а сердце домосед“. Я дал волю своей фантазии и скачкам своей мысли. Поливанов зачеркнул все окончание статьи, поставил мне 2- и написал: „Писать следует приличным слогом рассуждений без выхонок во вкусе малой прессы“».

Атмосфера у Поливанова максимально располагала к самообразованию и творчеству. Обнаружив, что практически не знаком с русским романом, Брюсов запоем читал Тургенева, Толстого, Достоевского, Лескова, Писемского, Гончарова — собраниями сочинений. Некрасов, любимый с детства, Надсон, к которому его приохотил Станюкович, оказались быстро

* ЛН. Т. 85. С. 73–83 / Публ. Вл. Б. Муравьева. См. также гимназические сочинения о Кантемире и Державине: НБ. С. 10–23; Чтения-2002. С. 397–404 / Публ. И. А. Атаджанян.

забыты — их сменили вожди «новой поэзии» Фофанов и Мережковский. Среди промежуточных увлечений — Полежаев, Лермонтов, А. К. Толстой, Гейне: «говорят, что Гейне — это болезнь, которую должен пережить каждый из пишущих стихи». Тетради Брюсова, где собственные стихи перемежались с переписанными произведениями других поэтов*, наглядно показывают эту эволюцию. Его опыты еще совершенно подражательны, но он старательно учится. У Надсона, кумира эпохи:

Так наступит и время страданий
(Неизбежно оно у людей),
И забудется смех для рыданий,
Для глухих, безысходных скорбей.

У Лермонтова, кумира юношей многих поколений:

И перед ним изгнанник рая
Склонился трепетной главой
И, речь забытую внимая,
Закрыв глаза своей рукой.

Или у обоих сразу — как Дмитрий Мережковский, чье юношеское творчество, хронологически опережающее брюсовское на 8–10 лет, отмечено теми же влияниями. Но в 1890 году, всего через три года после ранней смерти Надсона, Мережковский в поэме «Вера» уверенно заявил: «Как Надсон ни хорош, // А с ним одним недалеко уйдешь». Брюсов зачитывался «Верой», а сборник «Символы» (1892), в который вошла поэма, стал его настольной книгой. Под влиянием Лермонтова и Мережковского он попробовал свои силы в «большом жанре»: так появилась поэма «Король» (1890–1891), над которой автор, по его словам, «особенно много работал. Она собственно и выработала мой стих»**.

В 1889 году Брюсов набросал первые автобиографические фрагменты: рефлексия стала его постоянным спутником и неотъемлемым атрибутом творчества. Теперь он не только заимствовал сюжеты у других авторов, но обратился к собственному — пусть еще небогатому — жизненному опыту, следуя тютчевскому завету: «Лишь жить в себе самом умей, // Есть целый мир

* «Переписывая твои „Полутени“, — писал Брюсов 24 июля 1895 года поэту А. А. Курсинскому, — я убедился во всех преимуществах такого знакомства с книгами» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 294).

** Цит. по: Кошкина Е. Н. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 94.

в душе твоей». С 1891 года в его лирике доминирует «резиньяция», она приобретает характер лирической исповеди, с ярко выраженным «первым лицом». «Параллельно с правдивой автобиографией, — отметил Н. К. Гудзий, — как она набрасывается поэтом в его дневниках и записях, создается поделенная на периоды автобиография литературная, отражаемая в стихах. Индивидуалистический по преимуществу характер творчества будущего поэта-декадента, более всего равнодушного к судьбам своей личности, в этих стихах вскрывается очень явственно»*.

С осени 1890 года Брюсов начал вести дневник «Моя жизнь. Материалы для моей автобиографии» (это же название позднее было использовано в повести, о которой говорилось выше), а в 1891 году составил свод *всех* своих стихотворений с 1881 года, с ранними редакциями и примечаниями, раскрывавшими обстоятельства написания текста или содержащими позднейшую оценку автора. «В этом тщательном собирании своих вещей и фиксировании их перед нами уже в эту пору обрисовывается будущий поэт, печатающий собрания своих произведений по типу академических изданий»**.

1892 год занимает особое место в биографии Валерия Яковлевича. Сочтя, наконец, свои сочинения «публикабельными», он 20 июня послал шесть стихотворений в «Северный вестник» — самый передовой, с точки зрения «новых течений», журнал, подписавшись «Валериан Барсов» (помесь собственной фамилии с «Пятнистым Ягуаром» из «Начала»). Заурядные стихи в сочетании с безвкусным псевдонимом и претенциозным письмом: «Выбирая эти 6 стихотворений, я старался избегать слишком субъективных, хотя бы с внешней стороны они и были отделаны удачно. Равным образом, я не брал тех, где не удовлетворяла меня форма, отказываясь при этом даже от лучших по содержанию. <...> Может быть, несколько дерзко пытаться дебютировать стихами в таком журнале, как „Северный вестник“, но мне кажется, что и сами стихи без имени автора что-нибудь да значат»***, — закономерно затерялись в «самотеке».

Тридцать первого августа 1892 года Валерий Яковлевич написал в дневнике: «Я рожден поэтом. Да! Да! Да!» Самоопределение совершилось, хотя и не подкрепленное пока ничем серьезным. Осенью он открыл для себя поэзию французских декадентов и встретил первую настоящую любовь. Началась взрослая жизнь.

* ЛН. Т. 27/28. С. 210.

** Там же. С. 201.

*** Там же. С. 230.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА В ТУМАНЕ»

В декабре 1891 года, вскоре после разрыва с Елизаветой Федоровой, Брюсов, которому только что исполнилось восемнадцать лет, познакомился с двадцатитрехлетней Еленой Андреевной Красковой, выведенной в «Моей юности» под именем «Нины Кариной». О ней известно гораздо больше, чем о его предыдущем увлечении, в том числе из дневников и рабочих тетрадей*, которые позволяют считать автобиографическую повесть вполне достоверным источником.

«Женское общество нашел я у Кариных. Это была довольно простая русская семья. Отец, всегда занятый службой, мать бесконечно добрая женщина <...> У Кариных было две дочери: старшей, Нине, было лет 25, младшей, Жене, всего 15. Ради них, а впрочем, скорей по гостеприимству собирались у них несколько раз на неделе всевозможные гости. <...> В маленькой квартире Кариных для всех находилось укромное местечко для разговора наедине; кто хотел — танцевал, кто умел — пел или декламировал».

«Конечно, по своей прямолинейности, — с иронией вспоминал Брюсов, — я чуть ли не с первых слов заявил всем, что я поэт, что я — поклонник Спинозы и, следовательно, пантеист, что я презираю обычные условности и очень искушен жизнью. Конечно, и там надо мной смеялись. Конечно, я не мог уже обойтись без любви и поспешил влюбиться. Так как почти все барышни были „разобраны“, то я удовольствовался Соней Хлындовой.

* С. И. Гиндин раскрыл прототипы действующих лиц «Моей юности»: Соня Хлындова — Вера Петровна Биндасова, Зардин — Сергей Михайлович Саблин, Гуриянов — Михаил Евдокимович Бабурин, Барбарисин — Николай Владимирович Андрусек: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 618–619.

То была девушка лет двадцати с лишком, помнится, мало обворожительная, с неподвижными серыми глазами. Не знаю, каким чудом фантазии умел я пересоздать ее в образ, достойный стихов и мечты. Впрочем, она была девица добрая, кроткая и милая; она была тронута тем, что попала в число избранных; как бы из благодарности она отвечала немного на мое чувство. <...> В салоне Кариных каждый должен был считаться в кого-нибудь влюбленным». Вера Биндасова — как ее звали на самом деле — следа в жизни Валерия Яковлевича не оставила, хотя и мелькнула в одном из списков «Мои прекрасные дамы». Брюсов продолжал переписываться с ней и после того, как навсегда покинул дом Красковых, но, судя по сохранившимся черновикам писем, называл ее исключительно на «Вы» и «многоуважаемая Вера Петровна».

В одном из его самых знаменитых стихотворений «Поэту», открывавшем сборник «Все напевы» (1909), есть декларативные строки:

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

Они цитировались не одну сотню раз и, как правило, с оттенком осуждения: дескать, Брюсов все приносил в жертву литературе. Судя уже по его первым «романам», доля правды в этом немалая. Забывается лишь одно — приносил он в жертву и самого себя.

«Трудно пересказать все глупости и несообразности, которые выделял я в салоне Кариных», — признавался всего-то через восемь лет Валерий Яковлевич, которого большинство современников считало начисто лишенным чувства юмора и даже иронии, тем более по отношению к самому себе. Он весело и бесхитростно повествовал, как пытался ухаживать за младшей дочерью хозяев Женей (в жизни Варвара), готовился «приучать Женю к себе и воспитывать в своем направлении», но быстро получил, как говорится, от ворот поворот. Зато тональность повести заметно меняется, как только в ней появляется Нина, старшая сестра*.

* Имя «Елены Андреевны» возникает в дневниковых записях Брюсова летом 1892 года. Шестая тетрадь дневника «Моя жизнь» с подзаголовком «Лёля» (вписано позже, поскольку Брюсов стал так называть ее лишь в начале 1893 года), содержащая записи с 21 октября 1892 года по 12 мая 1893 года (РГБ. Ф. 386 (Брюсов В. Я.). Карт. 1. Ед. хр. 12/1), частично опубл.: Из дневника Валерия Брюсова 1892–1893 годов / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Н. А. Богомолова // *НЛО*. 2004. № 65. С. 185–207; далее цит. без сносок.

Здесь следует сказать о биографическом недоразумении, разрешенном лишь недавно. В примечаниях Н. С. Ашукина к первой публикации «Моей юности» в 1927 году сказано — очевидно, со слов вдовы поэта Иоанны Матвеевны — что «настоящее имя Нины Кариной — Елена Маслова. К ней относится целый ряд юношеских стихотворений Брюсова. <...> В память Елены Брюсов избрал ее фамилию одним из своих литературных псевдонимов; под именем В. А. Маслова выступил как издатель первого сборника „Русские символисты“*». Это утверждение повторялось практически всеми авторами, включая пишущего эти строки, пока Р. Л. Щербаков не восстановил истинную картину. «Эта же версия излагается в книге Ашукина 1929 года „Валерий Брюсов“, откуда она перекочевала в комментарий Н. К. Гудзия к первому тому 12-томника Брюсова, который Гослитиздат готовил перед войной, но так и не смог выпустить. Перекочевала она сюда с дополнениями. Гудзий сообщал, что Маслова жила в семье Красковых. Тогда возникла необходимость объяснить, почему она носила другую фамилию, ведь замужем Лёля не была. Н. К. Гудзий, основываясь на расспросах вдовы Брюсова Иоанны Матвеевны, написал по этому поводу: Красков был отчимом Масловой. Из этого источника объяснение происхождения фамилии Маслова попало в так называемый „сиреневый“ семитомник Брюсова. К сожалению, на шаткость этих утверждений в процессе подготовки семитомника не обратил внимания и один из его комментаторов — Р. Л. Щербаков и потому не успел задать нужные вопросы Н. С. Ашукину, Н. К. Гудзию и И. М. Брюсовой. Убеждение, что здесь есть какая-то неточность, возникло у него гораздо позднее. Ход рассуждений был таков: если псевдоним был взят в память о первой любви, то Маслов оставался бы меценатом и в третьем выпуске. Далее, во всех брюсовских письмах, протоколах спиритических сеансов, в которых принимала участие Лёля, в дневниках Брюсова фамилия Масловой ни разу не упоминается. В афише домашнего спектакля „Женитьба“ по Н. В. Гоголю среди исполнителей обозначен В. Я. Брюсов, игравший роль Яичницы, а роль свахи — Е. А. Краскова**. Наконец, оставалось неясным, почему свой сборник „Juvenilia“*** Брюсов в 1913 году посвятил „Памяти Елены К.“, а не „Елены М.“? <...>

* Брюсов В. Из моей жизни. М., 1927. С. 124–125.

** ДН. Т. 98. Ки. 1. С. 617. Спектакль состоялся 9 августа 1892 года: «Публика была холодная, замороженная, а когда после первого действия с нее собрали в пользу „бедных семейств“, она совсем смеяться перестала и чуть аплодировала разве только Елене Андреевне да мне» (12 августа 1892).

*** «Юношеское» (лат.).

Никаких оснований давать ей вторую фамилию „Маслова“ у нас нет, как нет оснований и связывать этот псевдоним с памятью о первой любви. Псевдоним „Маслов“ был избран независимо от Елены Андреевны Красковой, и пользовался им Брюсов еще до первого выпуска „Русских символистов“, но с другими целями. На страницах газет „Русский листок“, „Новости дня“ и „Русские ведомости“ в разделе объявлений удалось обнаружить имя Маслова среди сценических псевдонимов Брюсова. Например, играя роль Мычкина в „Доходном месте“ А. Н. Островского на сцене театра Шумова 28 сентября 1893 года, он использовал фамилию Дарова, а в пьесе Соловьева „На пороге к делу“ 11 июля 1893 года, в драме Королева „Карьера“ 12 октября 1893 года и в водевиле Фролова „Капризница“ 2 ноября 1893 года он выступал под именем Маслова*. Вопрос окончательно разрешен.

Начало любви к Нине-Елене, некрасивой девушке со «странными, несколько безумными глазами», которая была на пять лет старше Валерия и считалась невестой другого, было наполовину игрой, наполовину литературой: «Я вдруг, сразу и неожиданно начал „ухаживать“ за Ниной. Больше никого не было. <...> А так как, в сущности, мне было *все равно* в кого ни быть влюбленным, — мне просто нужен был *чей-нибудь образ, чтобы писать к нему стих и мечтать о нем* (курсив мой. — В. М.), — то я тотчас же, в те же полчаса, переменял свою любовь и стал влюбленным в Нину». Чувство, вопреки ожиданиям, оказалось сильным и обоюдным. Настолько сильным, что Брюсов оборвал работу над «Моей юностью» как раз на начале «романа» с Еленой: думаю, просто не нашел душевных сил описать то, что последовало далее.

«Но что видела во мне Нина?» — задает себе вопрос автор повести, признаваясь, что определенного ответа не имеет. И отвечает на него уже не как беллетрист, а как мемуарист: «Может быть (о, гордая надежда!), она прозревала в моей душе то лучшее, чего я сам не сознавал в ней. Однажды она сказала мне: „Знаешь ли, ты гораздо лучше, чем это думаешь сам“. Ей, может быть, наскучили обычные лица всяких кавалеров, виденные ею на своем веку, и ей понравился дикий и смешной мальчик, кричавший на перекрестках, что он гений. <...> Может быть, просто ее ужасала мысль стать женой ненавистного ей, искусно прикрывающего плешину Гурьянова. Она рада была всякому другому выходу. Я казался ей смельчаком, способным на все,

* Иванова Е., Щербаков Р. Альманах В. Брюсова «Русские символисты»: Судьбы участников // Блоковский сборник. XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX-XX веков. Тарту, 2000. С. 33–76; далее цит. без сносок.

способным жениться и на ней, прошлое которой все же было сомнительно*. Она надеялась легко овладеть мной и сыграть со мной игру наперняка. Я не знаю — может быть и это».

Здесь рукопись «Моей юности» обрывается. Но история только началась. Дальше о ней рассказывает дневник Брюсова, в котором тема любви к Елене причудливо переплелась с еще двумя — декадентством и спиритизмом.

Двадцать второго октября у Красковых состоялась очередной спиритический сеанс. Брюсов усердно посещал эти действия из интереса не только к хозяйским барышням, но и к возможным гостям из потустороннего мира — хотя был уличен в фальсификации «медиумических явлений», когда они долго не случались. Интерес Валерия Яковлевича к спиритизму оказался серьезным и долгим и немало смущал его знакомых. Одни недоумевали, почему столь серьезный и рационально настроенный человек интересуется подобной глупостью. Другие, мистики, считали спиритизм слишком примитивным и низким для настоящего посвященного. Скептическое отношение широких кругов русского «образованного общества» к спиритизму, закрепленное в комедии Льва Толстого «Плоды просвещения» (1889), восходит к Комиссии для рассмотрения медиумных явлений, созданной в 1875 году по инициативе Д. И. Менделеева и А. М. Бутлерова: первый отрицал наличие сверхъестественных сил, второй утверждал их существование и, соответственно, необходимость изучения. Практические результаты работы комиссии, зафиксированные в изданных Менделеевым в 1876 году «Материалах для суждения о спиритизме», были неутешительными для Бутлерова и его единомышленников: все «проэкзаменованные» ими медиумы оказались либо бессильны в вызове духов, либо занимались тривиальным мошенничеством и были, в прямом смысле слова, пойманы за руку. Однако сторонников спиритизма это не разубедило.

Как «материалист и позитивист» Брюсов пришел к спиритизму? Он сам ответил на этот вопрос в разговоре с Ходасевичем в начале 1905 года: «Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству». Высказывания такого рода ставили в тупик и позитивистов, и мистиков, но перекликались, например, с замечанием Николая Бердяева: «Давно уже явились признаки и симптомы перерождения и расширения науки и техники в сторону магическую. <...> Наука и техника переродятся в магию, будут познавать живую природу и вступят

* Брюсов уклончиво пояснил, что до Гурьянова «она тоже несколько лет считалась невестой одного офицера».

в практическое общение с духами природы»*. В предисловии к поэме Миропольского «Лествица» (1902), озаглавленном «Ко всем, кто ищет», Валерий Яковлевич писал: «За последнее время в науке о медиумизме произошел важный и благодетельный переворот. Внимание исследователей от физических явлений обратилось к их духовному содержанию. <...> Наблюдения и исследования последнего времени расширили наше представление о свойствах человеческого духа и о взаимоотношениях духа и вещества». Через двадцать с лишним лет, споря в Коктебеле со знаменитым химиком-органиком Сергеем Лебедевым (мужем художницы Анны Остроумовой-Лебедевой, которая в это время пыталась написать портрет Брюсова), он решительно возразил своему собеседнику – убежденному противнику всякой «антинаучной мистики»: «Как вы можете говорить, что такой науки нет?! Вы просто не знаете этой науки и потому не имеете права говорить, что ее нет. Оккультизм есть наука с точными знаниями. Есть много выдающихся людей, которые признают оккультизм наукой, изучают его. Эта наука в своей истории имеет целый ряд доказательств. И я не верю в нее, а знаю, что потусторонний мир существует так же, как и наш»**. Из приведенных цитат видно, что вопрос о существовании потустороннего мира и возможности контактов с ним волновал Брюсова всю жизнь. Спиритические сеансы были для него наиболее «научным», наиболее позитивистским способом такого контакта, когда сверхъестественные явления можно было услышать и «пощупать руками». Это следует из его статей о спиритизме и медиумизме, в которых виден не слепо верующий оккультист, но критически настроенный историк и естествоиспытатель.

Вернемся к спиритическому сеансу у Красковых 22 октября 1892 года. Судя по подробной и откровенной дневниковой записи, он удался во всех отношениях: «Мрак и темнота. Я сидел рядом с Еленой Андреевной, а Вари не было (уехала в театр). Сначала я позволил себе немного. Вижу, что принимаюсь благополучно. Становлюсь смелее. Наконец <?> перехожу границы. И поцелуи и явления. Стол подымается, звонки звенят, вещи летят через всю комнату, а я покрываю чуть слышными, даже вовсе неслышными поцелуями и шею, и лице, и, наконец, губы Елены Андреевны. Она мне помогает и в том, и в другом. Все в изумлении (понятно, насчет явлений). Потом пришел Михаил Евдокимович, но и это не помешало. Наконец, зажгли огонь, сеанс кончился. Я и она, оба держали себя красочно».

* Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 517.

** *Остроумова-Лебедева А. П. Воспоминания о Валерии Брюсове (1929) // ИИ. С. 230.*

У приведенной записи очень интересное соседство. Несколько раньше Брюсов законспектировал статью «Поэты-символисты во Франции», написанную молодой, но уже известной переводчицей и критиком Зинаидой Венгеровой*. Исследователи пришли к выводу, что она стала для будущего отца русского символизма первым источником сведений об этом литературном течении, хотя сам Брюсов затемнил вопрос о времени и обстоятельствах знакомства с ним. В автобиографиях он называл то «начало 90-х годов», то «около 1890-го года». В интервью газете «Новости», опубликованном 18 ноября 1895 года, рассказывал: «Когда в газетах наших проскальзывали сведения о новом движении среди поэтов Франции, я с жадностью набрасывался на эти случайные заметки, и первым поэтом из числа символистов, с которым я познакомился, был Поль Верлен. <...> Впоследствии (курсив мой. — В. М.) появилась статья Венгеровой, из которой русское общество узнало более подробные сведения о французских декадентах». В «Моей юности» писал менее определенно: «В литературе прошел слух о французских символистах. Я читал о Верлене у Мережковского („О причинах упадка“), потом еще в мелких статьях. Наконец, появилось „Entartung“** Нордау, а у нас статья З. Венгеровой в „Вестнике Европы“. Я пошел в книжный магазин и купил себе Верлена, Маллармэ, А. Римбо и несколько драм Метерлинка. То было целое откровение для меня».

К. С. Сапаров попытался восстановить хронологию знакомства Брюсова с перечисленными источниками. В октябре Валерий Яковлевич прочитал статью Венгеровой и сделал выписки для памяти, явно работая с ранее неизвестным материалом. Приведу эту запись целиком:

«Поэты-символисты. Основатели школы (во Франции) — Поль Верлен (1 сборник вышел в 1865 г. — реформировал и размер. Перелом в деятельности — по направлению к символизму в 1871 г. С 1881 года увлекся католичеством) и Маллармэ — (пишет непонятно, понимают лишь посвященные).

Артур Римбо (наименее понятный)*.

Жюль Лафорг (музыкальность).

Роденбах, Тальяд, Г. Кан, Маргерит, Ренье, Мерсо.

Жан Мореас (стоит несколько особо).

Из статьи Зин. Венгеровой „Вестник Европы“, 1892, № 9.

* Писал 1869–1871 (лет 18), а в начале 80-х годов исчез, не напечатав ни одного стихотворения. Верлен тщательно сохранил уцелевшие и превозносил его гениальность».

* Венгерова З. Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 115–143.

** «Вырождение» (нем.).

Собственных оценок здесь нет. Нет и более ранних записей на ту же тему. Отмечая 16 декабря 1892 года в дневнике работу над переводом стихотворений Верлена, начатую четырьмя днями раньше, он поясняет в скобках «поэта-символиста», что указывает на новизну этого имени для него. Где еще Брюсов мог читать о символистах? Вероятно, в книге Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», вышедшей в самом начале 1893 года. В апрельском номере «Русской мысли» на нее отозвался ведущий народнический критик Николай Михайловский, судивший о французских символистах со слов немецкого врача и публициста Макса Нордау. Громившая «декадентов», книга Нордау «Вырождение» вышла в Германии в 1892 году и уже в конце 1893 года появилась в русском переводе, который читал Брюсов. О каких «мелких статьях» идет речь в «Моей юности», неясно, однако к осени 1895 года относится следующая запись самого Брюсова: «Когда два года назад я и мой друг А. Л. Миропольский выступили в первом выпуске „Русских символистов“, мы стояли еще в пустоте. [В русской литературе о символизме еле-еле знали. Была напечатана дельная статья З. Венгеровой (составленная, видимо, главным образом, по Нордау) и несколько пустых заметок Михайловского]*. «Пустыми заметками» автор именуется пространные статьи критика, демонстрируя свое к ним отношение: «заметок» в обычном смысле этого слова тот не писал.

Брюсов узнал о французском символизме от его врагов, но этого оказалось достаточно, чтобы заинтересоваться. Книги авторов, названных в статье Венгеровой, он купил в магазине Александра Ланга на Кузнецком мосту и читал их вместе с его сыном — тоже Александром, своим товарищем по гимназии Креймана.

Александр Ланг-младший тоже увлекался поэзией и спиритизмом, не отделяя одно от другого. Вспоминая осень 1892 года, Владимир Станюкович, реалист из реалистов, рассказывал: «Как-то раз я зашел к Брюсову вечером. Он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов приступили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому белому листу, разложенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 685. Заключенный в прямые скобки текст в оригинале зачеркнут.

Александр Ланг с женой Авдотьей (урожд. Ширяевой)
1895. ГЛМ

чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком. <...> Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а „духами“. Возможно, что они писались так, как я видел на памятном сеансе»*. Какие именно стихи Ланга, выступавшего в литературе под псевдонимами

* ЛН. Т. 85. С. 728.

«А. Л. Миропольский» и «Александр Березин», созданы с помощью «автоматического письма», мы не знаем, но их литературные достоинства весьма скромны. Впрочем, нет: имя духа, продиктовавшего Лангу первую часть третьей главы поэмы «Лествица», которая заметно отличается от остального текста, нам известно. Р. Л. Щербаков обнаружил, что ее основой стал... стихотворный набросок Брюсова в 28 строк, подаренный приятелю, который счел необходимым немного изменить его стихотворный размер*. Сравним первые восемь строк. Вот текст Ланга:

Войска проходили по множеству стран,
Раздвигая победные грани,
Под столицами вражьи ставили стан,
Налагали нещадные дани.
Но был ненасытен водитель их, Князь,
И отдых ему был неведом,
Какою-то жадной безумной томясь,
Спешил он к новым победам

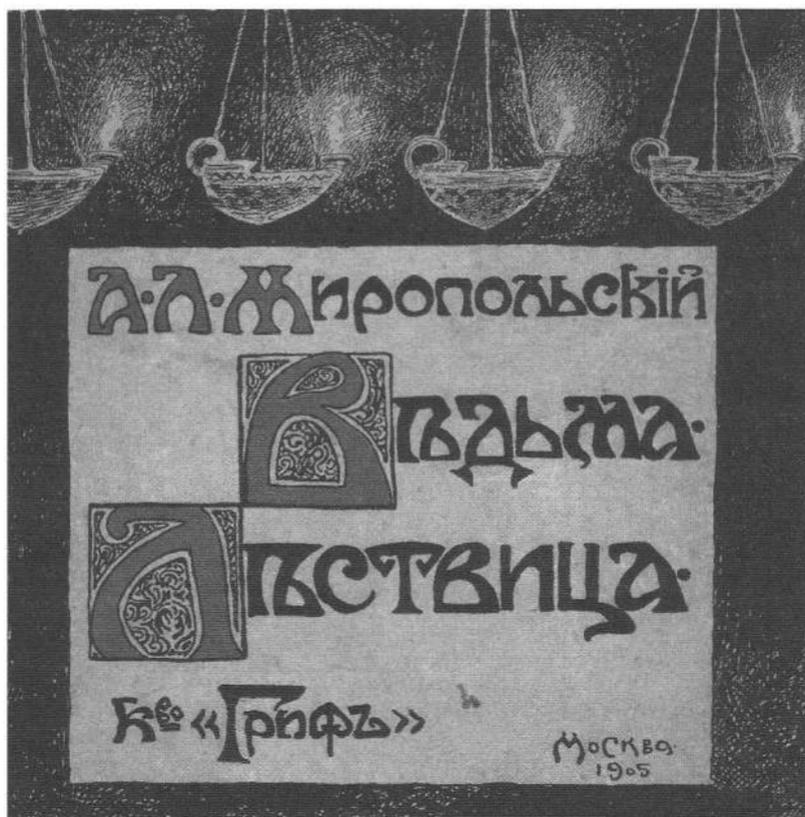
А вот брюсовский оригинал:

Войска проходили по множеству стран,
Раздвигая все дальше победные грани,
Под столицами вражьи ставили стан,
Налагали везде беспощадные дани.
Но был ненасытен водитель их Князь,
И отдых ему был не нужен, не ведом,
Какою-то жадной безумной томясь,
Спешил он все к новым и новым победам.

Ланг остался в истории литературы благодаря одному-единственному факту — участию в тоненьких сборниках «Русские символисты». В первом из них, вышедшем между 1 и 8 марта 1894 года** (25 февраля Валерий Яковлевич отметил в дневнике получение сигнального экземпляра), символистов было только двое — Брюсов и Миропольский. Лангу запретил «позориться» отец, заставивший его взять псевдоним. Но продавать книгу у себя в магазине разрешил.

* *Миропольский А. Л.* Ведьма. Лествица. М., 1905. С. 107–109; *Щербаков Р. Л.* Неопознанные произведения В. Я. Брюсова // *Чтения-2002*. С. 393–394.

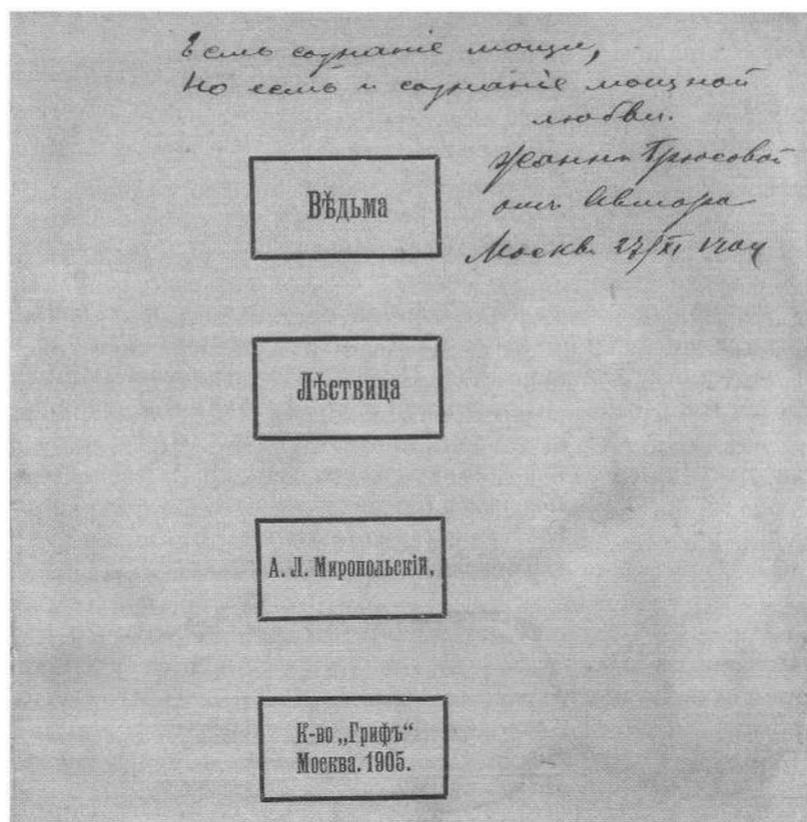
** Данные о времени выхода и тиражах книг Брюсова: *Прижизненные издания* (в основном по «Книжной летописи»); дата цензурного разрешения указывалась на книге.

Книга А. Л. Миропольского (Ланга)
 «Ведьма. Лествица» (М., 1905)
 Обложка работы М. А. Дурнова.

Часть стихотворений из «Русских символистов» Брюсов позже включил в сборник «Juvenilia», подготовленный к печати летом 1896 года, но увидевший свет только в первом томе ПССП в 1913 году. Именно о нем автор говорил Измайлову: «Было бы несправедливо — вычеркивать слабое и юношеское. Когда-нибудь я соберу это и издам. Если поэт интересен, то и первые шаги его любопытны»*. Здесь мы снова сталкиваемся с авторской мистификацией, масштаб которой стал ясен лишь в год столетия Брюсова, с выходом первого тома семитомника, где стихотворения датированы по рукописям. В «Juvenilia» автор отнес 15 текстов к 1892 году (хотя все они написаны не ранее февраля 1893 года), сдвинув, таким образом, начало своего серьезного творчества на год назад.

* Измайлов А. Литературный Олимп. С. 395.

Дарственная надпись А. Л. Миропольского (Ланга)
 Иоанне Брюсовой на титульном листе книги «Ведьма. Лествица»
 (М., 1905): «Есть сознание мощи, но есть и сознание мощной любви.
 Жанне Брюсовой от автора. Москва. 27/XI 1904»
ВЭМ. Публикуется впервые

Граница «долитературного» и «литературного» Брюсова про-
 ходит именно здесь. В конце января 1893 года он прочитал гимна-
 зическому учителю французского языка Владимиру Фуксу свое
 подражание стихотворению Верлена «Ce sont des choses crepu-
 sculaires...», которое каким-то образом попало в руки Поливанову:

Образы тени немой,
 Ночи конца привиденья!
 Брежит для вас в отдаленьи
 Истина только зарей.
 Призраки видишь в могиле.
 Мнишь: это тени луны,
 Ужасом тьмы рождены,
 Трепетом веток ожили.

Может быть, сны темноты
 Вдруг бытием облекутся,
 С хором творенья сольются —
 Неба, земли и мечты.
 Людям о Боге вещая,
 Сладок он будет для них,
 С миром небес голубых
 Чистые гимны сливая.

Реакция оказалась неожиданной: «Конец классов. <...> Входит хладно Лев и подает записку. Читаю: пародия на мое стихотворение» (30 января 1893). Пародия Поливанова — длинная (36 строк против 16 в оригинале) и, по совести, несмешная:

Едва романтических слов
 В начале я горсточку всыпал,
 Как тут из кармана штанов
 Клубок реализма вдруг выпал...

Интересна она лишь двумя вещами: самим фактом того, что директор гимназии пародирует стихотворение своего ученика, причем не во всеуслышание, а приватно, как литератор литератора, — и своим заголовком «Покаянье лжепоэта-француза». «Мой томик Верлэна брал у меня тот же учитель французского языка, — вспоминал Валерий Яковлевич в „Моей юности“, — читал и, кажется, кое-чем остался доволен. Маллармэ привел его в отчаянье».

«Образы тени немой...» принято относить к «долитературным» текстам. Но уже 10 февраля 1893 года Брюсов написал стихотворение, завершившее его часть первого выпуска «Русских символистов» (далее шли опыты Ланга в стихах и прозе, отмеченные влиянием Метерлинка):

Золотистые феи
 В атласном саду!
 Когда я найду
 Ледяные аллеи?
 Влюбленных наяд
 Серебристые всплески!
 Где ревнивые доски
 Вам путь преградят?
 Непонятные вазы
 Огнем озаря,
 Застыла заря
 Над полетом фантазий.

За мраком завес
 Погребальные урны,
 И не ждет свод лазурный
 Обманчивых звезд.

Такого в русской поэзии еще не было. Но можно ли относиться к сказанному серьезно?

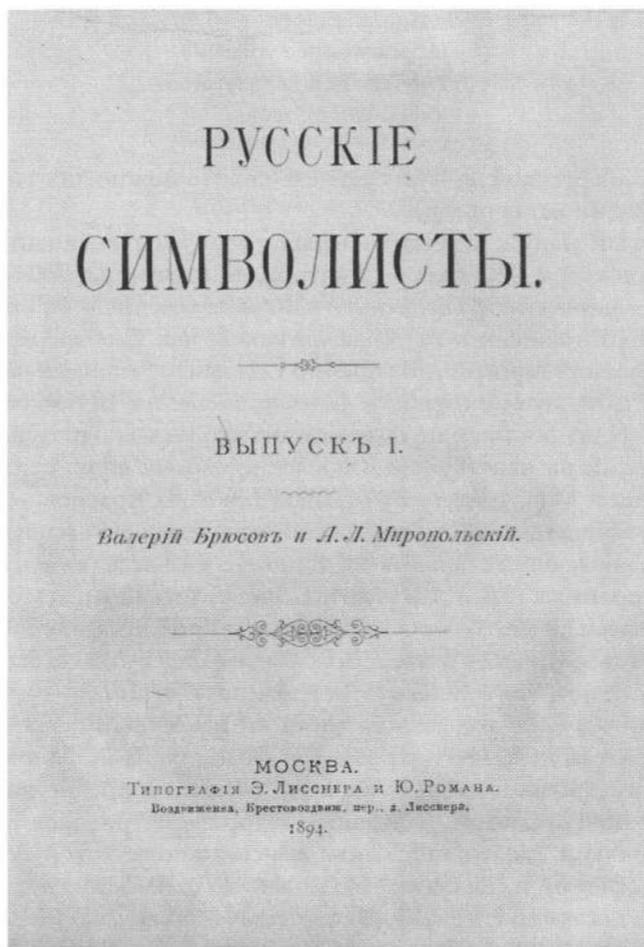
Первый выпуск «Русских символистов», разрешенный цензурой 30 декабря 1893 года, — 2 автора, 44 страницы, 200 экземпляров — вызвал около десятка откликов, в том числе со стороны таких влиятельных в те годы критиков, как Платон Краснов, Аполлон Коринфский и Владимир Соловьев. Рецензии были не просто единодушно отрицательными, а еще и с оттенком глумления. «И по форме, и по содержанию это не то подражание, не то пародии на наделавшие в последнее время шума стихи Метерлинка и Малларме, — отчитывал Брюсова Краснов. — Но за французскими декадентами была новизна и дерзость идеи писать чепуху, вроде белых павлинов и теплиц среди леса (намек на стихи Метерлинка. — В. М.), и хохотать над читателями, думавшими найти здесь какое-то особенное, недоступное профану настроение. Когда же Брюсов пишет „Золотистые феи в атласном саду...“, то это уже не ново, а только не остроумно и скучно»*.

Соловьев — не только мистик, но и известный остроумец — уверял читателей: «Несмотря на „ледяные аллеи в атласном саду“, сюжет этих стихов столько же ясен, сколько и предосудителен. Увлекаемый „полетом фантазий“, автор засматривался в дощатые купальни, где купались лица женского пола, которых он называет „феями“ и „наядами“. Но можно ли пышными словами заглаживать поступки гнусные? И вот к чему в заключение (последнее стихотворение в разделе. — В. М.) приводит символизм! Будем надеяться, по крайней мере, что „ревнивые доски“ оказались на высоте своего призвания. В противном случае „золотистым феям“ оставалось бы только окатить нескромного символиста из тех „непонятных ваз“, которые в просторечии называются шайками и употребляются в купальнях для омовения ног»**.

Угадал Соловьев «истинный смысл» стихотворения или нет? В кратком предисловии издателя говорилось лишь о том, что «язык декадентов, странные, необыкновенные тропы и фигуры вовсе не составляют необходимого элемента в символизме» и что «цель символизма — рядом сопоставленных образов

* П. К. <Краснов П. Н.> Новости печати // Всемирная иллюстрация. 1894. № 1319. 7 мая. С. 318.

** Вестник Европы. 1894. № 8. С. 890–892 (подпись: Вл. С.); перепеч.: Соловьев. С. 508–509.

Первый выпуск сборника «Русские символисты» (М., 1894)
Обложка

как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нем известное настроение». Настроение у Соловьева создалось игривое. 13 сентября 1894 года, вскоре по прочтении рецензии, Брюсов ответил ему не менее игриво:

РАННЕЕ УТРО

Посв. Ва. Соловьёву

Сколько счастья! Сколько неги!
Сколько радости в очах!
И развиты в быстром беге
Полотенца на плечах.

Владимир Соловьев

Фотография Ф. Дила. Выборг. 1890-е. ИРЛИ

Щелкнул ключик. Слышен шорох.
 За дощатую стеной
 Больше наглости во взорах,
 Обольщенных наготой.
 Слышен смех, слышнее визги,
 И как будто видишь сам
 Бриллиантовые брызги
 По свернутым волосам*.

* *НЛО*. 1999. № 39. С. 417 / <Публ. Н. А. Богомолова>. Другой вариант, без «полотенец» и «купален»: *Емельянов-Коханский А. Н.* «Обнаженные нервы». М., 1895. С. 120; *НН*. С. 10-11.

Однако мы удалились от других тем — спиритизма и Елены Красковой. 4 января 1893 года Валерий Яковлевич «говорил ей о том, что воспоминание о ней было лучшей святыней моего сердца»; 25 января «бессвязно объяснялся ей в любви»; 10 марта «лепетал какое-то бессвязное декадентское объяснение»*. 4 марта он сделал историческую запись — известную и часто цитируемую, но, как правило, в усеченном виде. Полностью она выглядит так:

«Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало! Надо выбрать иное. Без догматов можно плыть всюду. Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу их: это декадентство и спиритизм. Да! Что ни говорить, ложны ли они, смешны ли, но они идут вперед, развиваются, и будущее будет принадлежать им, особенно когда они найдут достойного вождя. А этим вождем буду я!

Да, Я! И если у меня будет помощником Елена Андреевна. Если! Мы покорим мир».

Дальше записи о свиданиях с Еленой перемежаются записями о хождениях по редакциям, которым юный поэт предлагал только что сделанные переводы из Малларме и Верлена. «Связей» в литературном мире у него не было, поэтому он обращался в такие, казалось, мало расположенные к «новым течениям» издания, как консервативное «Русское обозрение». Журнал редактировал ученик Каткова Анатолий Александров, с которым Брюсов свел знакомство. В 1890–1892 годах, когда во главе журнала стоял поэт и философ князь Дмитрий Цертелев, там часто печатался его друг Вл. Соловьев; с переходом редакторства в другие руки постоянным сотрудником «Русского обозрения» стал Василий Розанов. Александров общался с Брюсовым, взял у него стихи, переводы и статью о Верлене (составленную на основе книги критика Шарля Мориса)**, но так и не напечатал ни строки. Видимо, сначала присматривался к эрудированному юноше, переводившему странные стихи никому не известных поэтов, а после скандала с «Русскими символистами» решил не рисковать.

Девятого мая Брюсов узнал, что «Лёля больна»: «простудилась, может быть, на последнем свидании». 12 мая он сделал запись, которая может покори́ть любого, кто не знает контекста этой истории: «Если она умрет... как сказать? Жаль, очень

* РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 12/1. Л. 20об, 23об, 30; приведены: ИМЖ. С. 250; в публикации *НЛО* первые два фрагмента опущены.

** Из ранней верленнаны Валерия Брюсова: *Гиндин С. И. Перевод и критика — в портрете Верлена и после. Брюсов В. Я. Поль Верлен и его поэзия / Публ., подг. текста и примеч. С. И. Гиндина // De visu. 1993. № 8 (9). С. 24–34 (предисловие), 34–45 (статья), 45–47 (переводы).*

жаль будет. Я все же отчасти люблю ее, наконец, мы так мало времени были с ней. 5 свиданий! Сколько еще неизведанных наслаждений и сколько нетронутых струн сердца! Но если она умрет, разрубится запутывающийся узел наших отношений, распутается красиво, театрально и с честью для меня. О! Каково будет мое отчаяние. Я буду плакать, я буду искать случая самоубийства, буду сидеть неподвижно целые дни!.. А сколько элегий! Дивных элегий! Вопли проклятий и гибели, стоны истерзанной души... О! Как это красиво, как это эффектно».

Но все оказалось вовсе не так «красиво». 18 мая Елена Краскова умерла. Брюсов был на панихиде и на похоронах: «Только во время пути к церкви я потерял самообладание и впал в какое-то оцепенение. Ланг водил меня, клал моею рукой цветы и ставил меня на колени». Записи были сделаны через десять дней, когда он «собравшись с силами описать всё». Первая же реакция была такова:

«Умерла! Умерла! Умерла!

И кто виноват?

Ты! Два раза. Три раза — ты!

Ради тебя она простудилась, из-за тебя заразилась корью и... и разве твои фразы „пусть умрет“ — не имели силы? Ты — ее убийца! Ты!»

Брюсову пришлось оставить дом Красковых: формальным поводом стало обвинение в том, что он... подделывал «явления» на спиритических сеансах. Он попытался объяснить с матерью Лёли Марией Ивановной, но безуспешно, и, видимо, не получил фотографию возлюбленной, о которой молил. «Кроме того, на мою мысль повлияло то, что Ланг предложил мне совместное самоубийство. Его слабые нервы не выдержали всего, он разрыдался однажды и изобрел это. Я согласился, зная, что он откажется, и он действительно отказался».

Как раз в эти дни Брюсов сдавал выпускные экзамены в гимназии. На Закон Божий он не явился и «принужден был разъяснить Поливанову причину». 4 июня ему выписали аттестат зрелости. Поведение его было оценено как отличное, «исправность в посещении и приготовлении уроков» — удовлетворительная, прилежание — хорошее, любознательность (была и такая позиция!) — очень хорошая. Оценки «купеческий сын» получил следующие (первая выставлена педагогическим советом, вторая — по результатам «испытаний», как тогда называли экзамены): Закон Божий 5 (5); русский язык и словесность 4 (5); логика 5 (5); латинский язык 4 (3); греческий язык 4 (4); математика 5 (5); история 5 (5); география 3*; физика и космография 5 (5);

* Только оценка по результатам экзаменов.

французский язык 5 (5); немецкий язык 5 (4). Это опровергает утверждение Брюсова в «Моей юности», что на экзамене по математике он «сбился» и получил «четыре», а потому раздумал поступать на математический факультет и выбрал историко-филологический. Любовь к математике он сохранил на всю жизнь: в зрелые годы любил решать задачи из гимназических учебников алгебры и тригонометрии и работал над статьями «Общая теория чисел», «Возможность панарифметики и ее обоснование» и «Вопрос о четвертом измерении»*. 9 августа он «подал бумаги в университет»: сомнений в необходимости высшего образования у него не было, но он вряд ли мечтал об ученой карьере. Вступительных экзаменов при наличии гимназического аттестата тогда не требовалось.

Боль от смерти Елены не отпускала. «Она унесла с собою все. Она была одна, которая знала меня, которая знала мои тайны. <...> Знаю, что в сердце еще найдется сил для новой любви, но сейчас-то, сейчас-то я один» (28 мая). «Вот когда мне понятна моя утрата! Живу в прошлом, ею. Она! она! она! <...> Стараюсь себя убедить, что это идеализация, припоминаю, что писал раньше. Но к чему! Еще тяжелей становится» (7 июня). «Жить еще не живу, хотя собираюсь» (14 июня). «Увы, Лёля была моим счастливым ангелом. С ее смертью все рушится. Жить? Для чего? Зачем? Ни сил, ни надежды. <...> За что! За что! Я виноват, во многом виноват, но есть предел, есть пощада! А, если бы я мог у кого-нибудь молить о ней. Слишком тяжело, а всюду, а вокруг мрак и какие-то лики, искаженные злобной насмешкой» (25 июня).

В 1916 году Брюсов написал венок сонетов «Роковой ряд», зашифровав в нем свой «донжуанский список»: кого под подлинными именами, кого под созвучными**. Открывает его Лёля:

Ты страсть мою с улыбкой приняла,
Ласкала, в отроче поэта холя,
Дала восторг и, скромная, ушла...
Предвестье жизни, мой учитель Лёля!

Спасением стали литература и новая любовь... нет, все-таки не любовь, а увлечение Натальей Александровной Дарузес,

* Не опубликованы и не введены в научный оборот: РГБ. Ф. 386. Карт. 53. Ед. хр. 23–26.

** Впервые: Скрижалъ. Сб. 1. М., 1918. С. 31–47. Персонажи сонетов: 1. Лёля – Е. А. Краскова 2. Таля – Н. А. Дарузес. 3. Маня – М. П. Ширяева. 4. Юдифь – Е. В. Бурова. 5. Лада – И. М. Брюсова. 6. Тая – А. А. Шестеркина. 7. Лила – Л. Н. Вилькина. 8. Дина – Н. И. Петровская. 9. Любовь – Л. Н. Столица. 10. Женя – Е. И. Образцова. 11. Вера – В. Ф. Комиссаржевская. 12. Надя – Н. Г. Львова. 13. Елена – Е. А. Сырейщикова. 14. Последняя – М. В. Вульфарт.

зеленоглазой «коварной и маленькой Талей», как она названа в следующем сонете. Они вместе играли в любительских спектаклях: он — Маслов, она — Раевская. Стихи, посвященные Тале, составили раздел «Новые грезы» в первом выпуске «Русских символистов», а позже в сборнике «Juvenilia». Однако в самом конце 1893 года (16 декабря они еще вместе снимались на память) или в начале 1894 года она рассталась с поэтом, который некрасиво поступил с ней, в чем позже раскаивался. На это намекает и автохарактеристика (в третьем лице) в одном из набросков: «новое увлечение, которое повлекло только к ненужному преступлению»*.

«Занимаюсь много и начинаю входить в колею. <...> Думаю (среди тысяч планов) описать свою любовь к Лёле, в виде повести. Поэма на ее смерть подвигается что-то очень плохо» (14 июня). «Старательно пишу роман из моей жизни с Лёлей. Начинает он сбиваться на „Героя нашего времени“, но это только хорошо. Сегодня сон (умирающая Лёля) и этот роман опять разбудили боль на сердце» (17 июня). «Написал весь роман до конца. Написал несколько удачных лирических стихотворений, но о чем? все о том же. Лёля царит везде — во сне, в листах, в разговорах. Беру По и вспоминаю, что читал его ей. Говорю об идеале и вспоминаю, что это был наш последний спор» (22 июня). В стихах дальше отдельных набросков дело не пошло, а «роман» вылился в до сих пор не опубликованную «лирическую повесть в XII главах», озаглавленную «Декадент».

В сентябре 1893 года начались университетские занятия, о которых Брюсов вспоминал в «Автобиографии»: «Я переменял только форму одежды, но не переменял образа жизни. <...> Проф. В. И. Герье заставлял нас писать „сочинения“, проф. А. Н. Шварц, будущий министр, задавал нам на дом „уроки“, с проф. Ф. Е. Коршем мы занимались на семинарии переводом классиков, словно в школе. Со студенческим кругом я не сблизился, вероятно, все по той же своей неспособности легко сходиться с людьми. Кроме того, студенты все, прежде всего, интересовались политикой, я же в те годы, противясь со своим детским республиканством, решительно чуждался вопросов общественности и все более и более отдавался литературе».

Гораздо более важным делом, чем лекции, семинары и конспекты, ему казалась подготовка к печати первого выпуска «Русских символистов». На успех редактор-издатель не рассчитывал, скандала не ожидал. Краткое предисловие к этой книге

* Цит. по: Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века» // Валерий Брюсов: Проблемы мастерства. Ставрополь, 1983. С. 17.

Федор Корш
Одесса. 1890-е. ИРЛИ

и более подробное к несостоявшемуся сборнику «Символизм. (Подражания и переводы)» выдержаны в спокойном, академично-просветительском тоне: «За последнее время у нас много говорят и пишут о символистах, но до сих пор появлялось еще очень мало переводов из их произведений, так что эти „подражания и переводы“ могут быть только своеобразными. <...> Символизм представляет несомненный интерес и как новое веяние в поэзии, и просто как значительная литературная школа современной Франции»*. «Первое публичное выступление Брюсова-символиста, — отметил В. С. Дронов, — носило относительно мирный характер. Рассматривать его как намеренное и глубоко осознанное стремление эпатировать „читающую публику“ разного рода декадентскими крайностями нет достаточных оснований. От установки на литературный скандал Брюсов в эти дни был далек», рассматривая свое детище как «эксперимент, доказывающий, что в символизме есть рациональное начало и для русской поэзии»**.

* Брюсов В. Заря времен. С. 27–28 / Публ. С. И. Гиндина.

** Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века». С. 3.

Валерий Брюсов

*Фотография, приложенная к прошению о приеме
в Московский университет. 1893. РГАЛИ*

Скандал, вызванный дебютом Брюсова и примкнувшего к нему Ланга, мы рассмотрим в следующей главе. Если бы это была просто мистификация, ее можно было бы считать удавшейся. Но это не мистификация, а поставленный всерьез эксперимент или, выражаясь современным языком, «проект». Второй выпуск «Русских символистов» делался если не в расчете на скандал, то с учетом этого фактора. Во-первых, сам факт его появления говорил, что символисты не спасовали перед единодушным осуждением прессы — от консервативного «Нового времени» до либерального «Вестника Европы». Брюсов ответил своим критикам информативным и подчеркнуто спокойным предисловием в виде письма к «очаровательной незнакомке», заявив между прочим: «По некоторым данным я предвижу, что в недалеком будущем символизм займет господствующее положение». Во-вторых, «декадентов» стало заметно больше: «Порода существ, именующихся русскими символистами, — писал Вл. Соловьев в издательской рецензии на второй выпуск, — имеет главным своим признаком чрезвычайную быстроту размножения. Я готов был бы думать, что эта порода размножается путем произвольного зарождения, но едва ли такая

гипотеза будет допущена точной наукой»*. В-третьих, на призыв издателя присылать ему произведения для публикации стали откликаться совершенно незнакомые люди.

Во втором выпуске «Русских символистов», получившем цензурное разрешение 23 августа 1894 года и вышедшем между 1 и 8 октября, перед читателем предстали: А. Л. Миропольский, Эрл. Мартов, Брюсов, Н. Нович, А. Бронин, М., К. Созонтов, В. Даров, ***^{***}, З. Фукс. В третьем выпуске, разрешенном 26 апреля 1895 года (без указания порядкового номера) и увидевшем свет между 10 и 23 августа с подзаголовком «Лето 1895 года», к ним прибавились: Г. Заронин, Ф. К. и В. Хрисонопуло. Предисловие к переводам Брюсова из французской поэтессы Приски де Ландель извещало об «отречении А. Л. Миропольского от литературной деятельности».

Известных имен, кроме Брюсова, мы здесь не видим. Кто эти люди?

А. Бронин, М., К. Созонтов, В. Даров, Ф. К., ***^{***} — это все тот же многоликий Брюсов, он же издатель Маслов. Стихотворения и переводы, опубликованные под инициалом М. и астрономом ***^{***}, вошли в его сборники еще при жизни. Созонтов и Даров как маски Валерия Яковлевича названы в печати в 1927 году Н. К. Гудziem, работавшим с рукописями поэта, хотя в «Автобиографии» 1913 года тот, перечисляя реальных участников альманаха, включил второго в их число: «В. Даров (псевдоним) занялся торговлей и в настоящее время известен в финансовом мире, но продолжает писать стихи». В черновых тетрадях Брюсова осени 1894 года Гудзий обнаружил наброски предисловия к сборнику «покойного» Дарова: в одном из них говорилось, что это — псевдоним** рано умершего поэта с задатками гения, в судьбе которого очевидны параллели с литературной судьбой Рембо (на это намекает и позднейшая автобиография). «Проектировавшаяся мистификация Брюсова в ее начальной стадии обуславливалась, нужно думать, не бескорыстными побуждениями. Практически всего выгоднее было, укрывшись за спиной псевдонима, выждать, какой прием встретит книга, а затем открыть или не открывать свое подлинное имя, в зависимости от успеха или неуспеха предприятия. Самое предисловие издателя рассчитано было на то, чтобы загипнотизировать читателя и судьбой юного поэта, импониовавшего

* Вестник Европы. 1895. № 1. С. 421–424 (подпись: Вл. С.); перепеч.: *Соловьев*. С. 509–512.

** Ср. в черновике письма А. М. Добролюбову (между 21 и 26 декабря 1895): «В. Даров — это псевдоним, под которым пишут различные поэты»: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 691.

самым фактом столь преждевременной смерти, и уверениями издателя в его гениальности. Перед нами явный расчет на эффект, на исключительность и необычайность факта*». Именно Дарову в «Русских символистах» отданы если не самые интересные, то самые необычные стихотворения**.

Двинулось, хлынуло черными, громкими волнами,
И тоски, и отчаянья полными.
Задыхаюсь, тону, погибаю, мой друг!
Где ты? один я... о где ты!
Как будто в бреду разбивают оковы мечты,
Разбивают оковы,
Встают и идут... но куда? на подвиг
Иль на позор?
Силою дышит могучее женское тело,
Спутаны волосы, бьются обрывки цепей,
Бьются о камни...
Взлетают в испуге навстречу летучие мыши.
Стойте!.. Стойте! Я гибну...
Пространство...
Крутятся светила в ужасной борьбе... На куски
Разбиваются сферы... О стойте!..
Смешано вечное... вечное!.. Нет!
Нет! Это ты ли, мой друг?
На грудь к тебе упаду я,
На грудь упаду, буду плакать,
Буду плакать, как женщина, плакать,
Как девушка, только что нагло
Оскорбленная... плакать,
Как невольницы в тайных темницах Нерона,
Что в бреду свои разбивают оковы,
Встают и идут... но куда? на подвиг
Иль на позор?

Выяснить, кто такие Бронин и Ф. К., Гудзий не смог. Р. Л. Щербаков доказал принадлежность их текстов Брюсову. Споры вызвал(а) З. Фукс из второго выпуска. Критики гадали, мужчина это или женщина: «будем надеяться, что „З“ означает Захара, а не

* Гудзий Н. К. Из истории раннего русского символизма: Московские сборники «Русские символисты» // Искусство. 1927. Т. III. Кн. IV. С. 180-218 (цит. с. 187-188).

** Перепеч.: Брюсов В. Заря времен. С. 62-63. По форме к опытам «Дарова» близки стихотворения «Господи! Господи!..» (впервые в ПССП в составе «Juvenilia») и поэма «Три свидания».

Зинаиду»*, — потому что какая дама могла позволить себе такие «бодлеровские» стихи:

Труп женщины гниющий и зловонный. —
 Больная степь, чугунный небосвод...
 И долгий миг, насмешкой воскрешенный,
 С укорным хохотом встает.
 Алмазный сон... чертеж вверху зажженный...
 И аромат, и слезы, и роса...
 Покинут труп, гниющий и зловонный,
 И ворон выклевал глаза.

На основании рукописей Брюсова Н. К. Гудзий атрибутировал псевдоним ему, но полвека спустя С. Н. Тяпков предположил, что подлинным автором стихотворений за этой подписью является Александр Николаевич Емельянов-Коханский, тексты которого — как и других реальных авторов — Брюсов правил, как ему заблагорассудится**. К колоритной личности «первого смелого русского декадента» и его отношениям с Брюсовым мы вернемся в следующей главе, а пока заметим, что аргументы Р. Л. Щербакова и С. И. Гиндина, подтвердивших атрибуцию Гудзия, представляются более убедительными***.

Теперь о «душах живых», которые, согласно автобиографии Брюсова, «относились к своему делу и к своим стихам очень несерьезно. То были люди, более или менее случайно попытавшие свои силы в поэзии, и многие из них вскоре просто бросили писать стихи. Таким образом я оказался вождем без войска».

Г. Заронин (в черновике одного из писем Брюсов называет его «Григорием») — петербуржец Александр Васильевич Гиппиус, в ту пору гимназист, ничем себя в литературе не проявивший, кроме дружбы с Александром Блоком. Знал ли Брюсов настоящую фамилию человека, от которого получил по почте не слишком грамотные стихи, неизвестно. Псевдоним был раскрыт в статье Гудзия со ссылкой на свидетельство младшего брата автора — известного литературоведа Василия Гиппиуса.

Н. Нович, публиковавший в сборниках исключительно переводы, — основной псевдоним плодовитого переводчика Николая Николаевича Бахтина. О «Русских символистах» Бахтин

* Соловьев, С. 512; тексты «З. Фукс»: Брюсов В. Заря времен. С. 63–64. В черновике письма Добролюбову (между 21 и 26 декабря 1895) Брюсов называет ее «госпожой»: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 691.

** Тяпков С. Н. К истории первых изданий русских символистов: (В. Брюсов и А. Емельянов-Коханский) // РЛ. 1979. № 1. С. 143–152.

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 693.

узнал, видимо, из бранной рецензии И. П. Белоконского в газете «Орловский вестник», где сам периодически печатался: с 1891 года он преподавал в Орловском кадетском корпусе, основанном его предком М. П. Бахтиным. «Было бы страшно за русскую литературу, — писал Белоконский, — если бы были какие-либо основания предполагать, что наш „символизм“ имеет какую-либо будущность. Но никаких оснований к такому предположению нет, и почти несомненно, что наши „символисты“ лишь обезьянничают, подражая западноевропейским и, главным образом, французским „символистам“»*. Сказанное не могло не заинтересовать Бахтина-Новича, который уже переводил Верлена и По. Переписывавшийся то с «Брюсовым», то с «Масловым», Бахтин оказался, по замечанию публикаторов их переписки, «на редкость нечестолюбивым, тихим и покладистым автором»: «его недолгое сотрудничество в альманахе Брюсова не было омрачено никакими разногласиями, и в этом заключалась причина успешности их сотрудничества в отличие от всех остальных поэтов, многих из которых отпугнула редакторская бесцеремонность Брюсова, <...> правившего чужие стихи по собственному разумению». Валерий Яковлевич охотно обсуждал с Бахтиным проблемы поэтического перевода, найдя в нем заинтересованного и сведущего собеседника, но с прекращением «Русских символистов» их переписка сошла на нет**.

Виктор Евстафьевич Хрисонопуло — автор одного-единственного стихотворения в сборнике, которое тем не менее удостоилось пародии Вл. Соловьева, — был родом из Одессы, учился в Нижнем Новгороде, а затем в Санкт-Петербургском университете. Он прислал Брюсову семь стихотворений, из которых тот напечатал лишь одно, да и то со своей правкой. Согласовывать ее с автором Валерий Яковлевич не стал, из-за чего Хрисонопуло 25 сентября 1895 года написал ему гневное письмо с требованием объяснений. Объясняться Брюсов не считал нужным***. Годом позже подборка стихотворений Хрисонопуло появилась в благотворительном альманахе в Петербурге, а в 1900 году он умер.

«Эрл. Мартов», одним из первых — уже в середине марта (не отсюда ли псевдоним?) 1894 года — приславший стихи в «Русские символисты», в жизни звался Андрей Эдмондович Бугон.

* Орловский вестник. 1894. № 101. 14 апр. С. 1 (подпись: И. П. Б.); цит. по публикации переписки Брюсова и Бахтина, где установлено авторство Белоконского.

** Переписка В. Я. Брюсова с Н. Н. Бахтиным (Н. Новичем) / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Е. В. Ивановой и Р. Л. Щербакова // *РЛ*. 2004. № 4. С. 155–183.

*** *Гудзий Н. К.* Из истории раннего русского символизма. С. 191.

Велеречивое письмо, подписанное «Эрла-Мартов»: «Великое дело вы предприняли! Пробивавшееся и прежде сквозь лед отживающих представлений о задачах поэзии могучее течение, которому предстоит наводнить весь мир, нашло в вас союзника, смело поднявшего знамя новых заветов искусства. Вы кликнули клич по России, чтоб объединить всех разрозненных борцов за истинно прекрасное, вы протянули руку великодушной помощи, и я, захлебывающийся в мутных водах жизни, прибегаю к вам, чтобы дать возможность моей плоти, моей крови, моей душе взглянуть смело и гордо в лицо дрожащей и бледнеющей рутине»*, — и ультрадекадентские стихи вполне могли быть мистификацией, но Брюсов счел их пригодным материалом для своего проекта и тоже подверг правке. В августе он познакомился с Бугоном лично и еще в 1896 году общался с ним, хотя относился к соратнику с некоторой иронией.

Валерий Яковлевич планировал напечатать четвертый сборник «Русских символистов» и даже заложил свои часы. Но денег все равно не хватило, поэтому рукопись осталась в архиве. Следовало бы издать все четыре выпуска с необходимыми комментариями и теми материалами, которые отложились в архиве редактора, в том числе из «самотека». О пародийных и откровенно издевательских текстах речь пойдет позже, а пока назову тех, чьи стихи могли попасть, но по разным причинам не попали на страницы сборников.

Восемнадцатилетние Александр Добролюбов и Владимир Гиппиус (старший брат Александра Гиппиуса), в июне 1894 года пришедшие к Брюсову знакомиться, произвели на него сильное впечатление и сразу же вызвали желание сотрудничать. «Минувшая неделя была очень ценна для моей поэзии, — записывал он 19 июня. — В субботу явился ко мне маленький гимназист, оказавшийся петербургским символистом Александром Добролюбовым. Он поразил меня гениальной теорией литературных школ, переменяющей все взгляды на эволюцию всемирной литературы, и выгрузил целую тетрадь странных стихов. С ним была и тетрадь прекрасных стихов его товарища — Вл. Гиппиуса. Просидел у меня Добролюбов до позднего вечера, обедал etc. Я был пленен. Рассмотрев после его стихи с Лангом, я нашел их слабыми. Но в понедельник опять был Добролюбов, на этот раз с Гиппиусом, и я опять был прельщен. Добролюбов был у меня еще раз, выделял всякие странности, пил опиум, вообще был архисимволистом. Мои стихи он подверг талантливой критике и открыл мне много нового в поэзии».

* Цит. по: *Гудзий Н. К.* Из истории раннего русского символизма. С. 189; набросок ответа Брюсова: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 621–622.

Александр Добролюбов
Фотография Вл. Гиппиуса. 1890-е. ИРЛИ

Биографически Добролюбова и Брюсова сближало многое: отцы-«шестидесятники», которых они уважали, но от влияния которых ушли; ранняя тяга к литературе, проявившаяся в издании гимназических журналов; склонность к экстравагантному поведению и бытовому позерству; интерес к французским символистам; личное знакомство с литераторами и неприемлемость собственных творений для существующих изданий. Валерий Яковлевич сразу же предложил петербуржцам сотрудничество в подготовке новой книжки «Русских символистов», но двум медведям в одной берлоге оказалось тесно. «Казалось, все шло на лад, — занес Брюсов в дневник 19 июня, — Добролюбов писал статью, их стихи должны были войти во 2-й выпуск, но вот два новых символиста взялись просмотреть другие стихи, подготовленные для 2-го выпуска. В результате они выкинули больше половины, а остальное переделали до неузнаваемости. В субботу они явились с этим ко мне. Мы не сошлись и поссорились. Союз распался. Жаль! Они люди талантливые». В письме

к Лангу 19–20 июня Валерий Яковлевич изложил случившееся в более резких и откровенных выражениях: «Самый губительный их довод <...> был следующий: вы нарочно печатаете свои (т. е. мои и твои) не декадентские стихи, а у других декадентские. Т. е. критика, к декадентам вообще не расположенная, начнет вас хвалить. <...> Мерзавец был прав, хотя, конечно, я преотчаянно защищал нас, доказывая, что символизм вовсе не новая школа, что в символистском сборнике нужны и несимволические произведения, что, наконец, наши тоже — черт возьми — символические произведения». По мнению Гиппиуса, размолвка произошла «отчасти из-за мальчишества с нашей стороны, но, может быть, и из-за того, что декадентские требования Добролюбова к поэзии показались Брюсову чрезмерными»*.

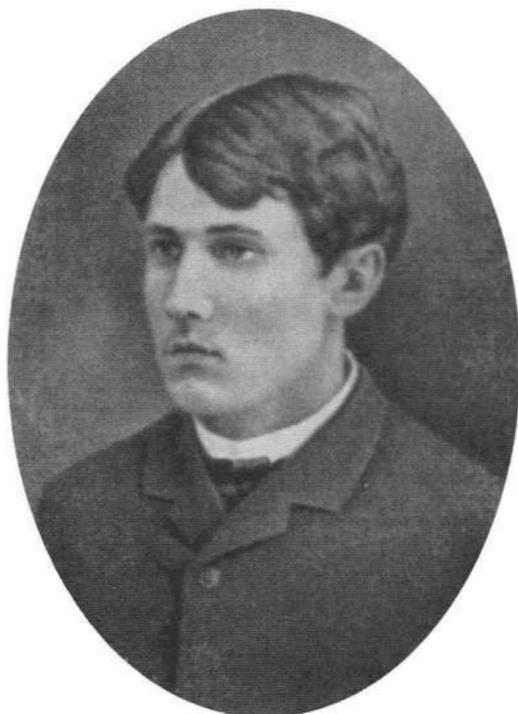
Сотрудничество Добролюбова и Гиппиуса в «Русских символистах» не состоялось, но знакомство — личное и литературное — продолжилось, повлияв и на готовившийся сборник. «Мой друг, — возвышенно продолжал Брюсов послание Лангу, — не роптать, а повиноваться! Мы должны смирить их! Наш сборник должен быть и прекрасен и символичен! Все, что у нас есть, надо превратить в шедевры. Друг! Не изумляйся! Если надо — напишем все вновь! Ничего дорогого пусть не существует! Лучшие стихи, может быть, придется выкинуть. Пусть! Наш сборник должен быть и самобытен и прекрасен. Докажем, что мы это можем! И дни и ночи я занят поправками. Бронина всего переделал так, что он сам себя не узнает. Мартова переделываю страшно. Собственные стихи переделываю от верха до низу**». <...> Составляю сборник диктаторской властью***. Беседы с гостями из Петербурга отразились в предисловии ко второму выпуску «Русских символистов» и в газетных интервью москвичей «Новостям дня»****,

* Гиппиус Ва. Александр Добролюбов // Русская литература XX века. М., 2000. Т. I. С. 259–263.

** По замечанию С. И. Гиндина, «Русские символисты» можно рассматривать как авторское произведение Брюсова: Гиндин С. И. Творческий смысл брюсовской многоликости в сборниках «Русские символисты» // X Брюсовские чтения: Тезисы докладов. Ставрополь, 1994. С. 13–15. Столь же радикально он переделывал и стихи Ланга.

*** Цит. по: Иванова Е. В. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981. № 3. С. 256.

**** Арсений Г. <Гурлянд И. Я.> Московские декаденты // Новости дня. 1894. № 4024. 27 авг. С. 2; № 4026. 29 авг. С. 3; перепеч.: Среди стихов. С. 36–41. Первый фельетон — интервью с Миропольским и Мартовым (фактически только со вторым) — не имеет к Брюсову никакого отношения; второй — интервью с Брюсовым — подготовлен по его инициативе для исправления неточностей и недоразумений. Второй текст переписан Брюсовым в записную книжку «Я и мир» (с указанием произвольных вставок интервьюера) и на этом основании атрибутирован ему: Библиография. С. 237. «Заготовка» Брюсова: <Интервью о символизме> / Публ. <и коммент.> К. Локса // ЛН. Т. 27/28. С. 268.

Иван Лялечкин
Начало 1890-х

поэтому Брюсову пришлось отвечать на упреки Добролюбова и Гиппиуса в том, что он и Миропольский заимствуют их взгляды и теории*.

Еще один петербуржец, Иван Осипович Лялечкин, не попал в число участников «Русских символистов» из-за своей преждевременной смерти. Его, в отличие от Брюсова и Добролюбова, печатали литературные журналы; в 1895 году он собирался выпустить книгу стихов, но не успел. В ноябре 1894 года Лялечкин послал Валерию Яковлевичу одобрительный отзыв о первом и втором выпусках: «Мило и восхитительно. От души желаю примкнуть к вашему кружку»**. Брюсов обрадовался письму лично незнакомого ему литератора, которое резко контрастировало с грубой бранью «собратьев по перу», тем более что он уже в 1893 году обратил внимание на стихи Лялечкина.

* Черновик письма Добролюбову (14 или 15 сентября 1895) с комментарием: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 631–635.

** Брюсов-ЖЗЛ. С. 68.

Авенир Ноздрин
1893

Между поэтами завязалась переписка, но встретиться им так и не удалось: 27 февраля 1895 года Иван Осипович умер в Калуге, где гостил у сестры. «Вот тяжелый, очень тяжелый удар для молодой поэзии! — писал Брюсов в черновике письма критику Петру Перцову, с которым подружился по переписке. — Если в кого я верил как в лирика, это в него»*. Стихотворение «На смерть И. Лялечкина» проникнуто грустью по обещанному, но несбывшемуся:

Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел над тропинкой росистой,
Ты внушил нам ненужные грезы!..
Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!

Невозможно сказать, как развивалось бы творчество Лялечкина дальше, но то, что он успел написать, говорит, во-первых, о несомненном таланте, а во-вторых, о близости к «новым течениям». Брюсов хотел включить в третий выпуск сонет

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 650.

«Полночные тени, пугливые тени...», полученный от автора, но почему-то не сделал этого.

Если Лялечкин в «Русских символистах» смотрелся бы органично, то появление там Авенира Евстигнеевича Ноздрин — рабочего-текстильщика из Иваново-Вознесенска, в будущем революционера и одного из зачинателей пролетарской поэзии, — показалось бы удивительным*. 17 марта 1895 года Ноздрин, живший в то время в Петербурге, написал Брюсову пространное письмо с приложением стихов: «Для меня было бы лестно, если бы из них что-нибудь удостоилось напечатания в издании Владимира Александровича Маслова»**. Подробно разобрав присланные стихи, Брюсов ничего из них не взял в альманах, но всячески ободрял и поддерживал своего корреспондента в литературной деятельности (осенью 1895 года они познакомились лично), давал ему советы, посылал книги, а осенью 1896 года чуть было не стал издателем его первого сборника «Поэма природы»: Валерий Яковлевич составил книгу, исправив часть текстов, написал краткое предисловие и получил на нее цензурное разрешение. Почему сборник не вышел, точно не известно — видимо, по недостатку средств у автора и у издателя. Первая книга стихов Ноздрин «Старый парус» увидела свет только в 1927 году, когда автору исполнилось 65 лет. В его бумагах сохранился черновик дарственной надписи, адресованной Иоанне Матвеевне Брюсовой: «Подытоживая свое прошлое, мне хочется сказать, что еще 30 лет тому назад, когда моя судьба отправилась в поэтическое плавание, то моим рулевым был покойный Валерий Яковлевич. Жизнь прошла, мое плавание заканчивается, и от него остается „Старый парус“, который мне и хотелось бы передать в ту семью, где жил мой первый и добрый рулевой, где, как мне известно, я еще не забыт». Однако на экземпляре «Старого паруса» в библиотеке Брюсовых никакой дарственной надписи нет.

В четвертом выпуске «Русских символистов» должны были появиться стихотворения Владимира Митрофановича Голикова***, что могло бы спасти его от полного забвения; позднейшая деятельность газетного стихотворца-поденщика шансов на это ему не оставила. «Киевское общество символистов», упомянутое Брюсовым, относилось к числу мистификаций, а утверждение: «Значительный по количеству материал, присланный

* Письма А. Е. Ноздрин к Брюсову / Вступ. ст., публ. и коммент. С. Н. Тяпкина // *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 240–268; черновик одного письма Брюсова: Там же. С. 673–677.

** Во втором выпуске Маслов фигурировал как издатель, но редакция просила присылать рукописи на имя Брюсова.

*** *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 692–693.

со всех концов России, показывает, что символизм уже крепко стал на русской почве»*, — к числу преувеличений, хотя некоторые основания для последнего имелись. «В далекой глуши, в г. Мерве Закаспийской области, штабс-капитан Глаголев в 1895 году переводит Верлена, Метерлинка, Мореаса и запрашивает Брюсова о возможности напечатать свои переводы. К сожалению, сами эти переводы в брюсовском архиве отсутствуют. Но тот факт, что <...> безвестный штабс-капитан не только читает, но и переводит никому тогда в России не известного Мореаса, показателен сам по себе: он свидетельствует лишний раз об органичности и своевременности литературного выступления московских символистов»**. А в 1889 году в Вытегре Верлена начал переводить учитель Федор Кузьмич Тетерников — будущий Федор Сологуб.

* Цит. по: Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века». С. 12–13.

** Гудзий Н. К. Из истории раннего русского символизма. С. 217.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСКУССТВО БЫТЬ «ВАЛЕРИЕМ БРЮСОВЫМ»

В 1909 году востоковед-иранист Владимир Тардов, он же поэт и критик «Т. Ардов», опубликовал большую статью «Ересь символизма и Валерий Брюсов», в которой хорошо передал впечатление от дебюта московских декадентов и объяснил, почему реакция на него была именно такой — в русском обществе в целом и среди «тех, кто ищет»:

«В эпоху оскудения и стихийного торжества пошлости <...> появилась вдруг яркая ересь. Пришли какие-то люди, до сих пор неизвестные, стали писать о вещах, о которых нельзя было и, казалось, не нужно было писать, и таким языком, какого до тех пор не слыхали в юдоли толстых журналов. Чувствовалась огромная дерзость: люди давно отвыкли говорить и давно при- выкли молчать, а эти странные „мальчишки“ осмеливаются быть свободными. В их бурных песнях, казавшихся такими дикими, звучали трепеты пробужденного тела, радующегося жизни, порывы в неизведанные дали, где могут быть опасности, непосильные для добрых филистеров, святотатственные дерзновения, неоглядывающаяся насмешка над тем, что весьма воспрещается. <...> Было неуважительно, неприлично, главное — неуместно! Встречая в печати эти новые произведения, такие странные, изысканные, подчас неудобопонятные, экзотически причудливые, вызывающе резко звучащие под нашим серым небом, подобные невиданным орхидеям, вдруг выросшим на почве, где до того произрастала лишь картошка да капуста, вообще хлеб насущный, — обыватель только отфыркивался: какая странная штука! Новая поэзия рождала в нем то же чувство, которое является у него, когда он рассматривает уродца в спирту или читает в газетной „смеси“ про гориллу, обольстившего девицу. <...> Читатель относил эти стихи

к симптомам вырождения, называл всех без разбору декадентов маньяками, дегенератами, распространял басни о том, что все они морфиноманы, галлюцинаты, садисты. <...>

В эту пору я познакомился с творчеством Валерия Брюсова. Про него говорили: „А, это — тот, который...“ Вождь и первосвященник декадентов! Я помню, прочитав несколько стихотворений, я закрыл книгу с странным, сложным чувством: хотелось бежать, сесть на поезд, ехать искать его или взять перо, написать ему: „Зачем? Зачем вы *это* делаете? Зачем смешались так странно в ваших стихах строки, которые живут самодовлеющей таинственной жизнью великих произведений искусства, образы, иссеченные из гранита, вылепленные быстрой рукой из послушной глины, с мертвыми словами, в которых нет души?“ <...> Искусственность, изысканность, не сдержанная самокритикой вычурность, экзотичность — мешали увлечься и полюбить эти стихи*.

Издавая первый выпуск «Русских символистов», Брюсов не рассчитывал на скандал. Тоненькая тетрадка, которую никому не известные авторы сами расслали по редакциям, была обречена на невнимание. Наверное, втайне он надеялся, что поэты, рецензировавшие сборники стихов в журналах, отнесутся к новаторским опытам хотя бы с интересом. Ругательная рецензия «Иванушки Дурачка» в «Новом времени» только подзадорила Валерия Яковлевича: «Конечно, что до меня, мне это очень лестно, тем более, что обо мне отозвались как о человеке с дарованием. Чувствую себя истинным поэтом» (13 марта 1894). Он еще мог «проглотить» грубый отзыв Аполлона Коринфского, молодого, но чуждого «новым течениям» поэта и критика: «Если это не чья-нибудь добродушная шутка, если гг. Брюсов и Миропольский не вымышленные, а действительно существующие в Белокаменной лица, — то им дальше парижского Бедлама или петербургской больницы св. Николая** идти некуда***. Точки над і расставила рецензия Соловьева на первый выпуск альманаха: «Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны****».

* Ардов Г. <Тардов В. Г.> Отражения личности: Критические опыты. СПб., 1909. С. 8–12, 15, 23.

** Психиатрические клиники.

*** Север. 1894. № 21. 22 мая. С. 1058 (подпись: А-н Кор.).

**** Соловьев. С. 509.

Уже современники задавались вопросом, почему именно дебют Брюсова был встречен столь единодушным неприятием? «В то время как произведения его собратьев по духу гг. Бальмонта, Мережковского, Минского, Соллогуба (так! — В. М.) et tutti quanti* принимаются и публикой, и критикой всерьез (даже смеются над ними всерьез), к г. Валерию Брюсову установилось какое-то двусмысленное отношение: не то наивный младенец, не то остроумный шутник, сознательно доводящий до крайностей вычуры символизма, чтобы лучше их высмеять»**. Ответ на это дал Ходасевич, рецензируя через двадцать лет после его дебюта первый том *ЛССП*: «Литературная деятельность некоторых адептов школы хронологически началась раньше деятельности Брюсова, но все они пришли к символизму не сразу, а постепенно. Брюсов начал с него — и символизм начался Брюсовым».

Старшие собратья по символизму вошли в литературу обычным путем — через «толстые» журналы, причем в их дебюте не было ничего новаторского или странного. Дебютные книги стихов Минского (1883), Мережковского (1888) и Бальмонта («Сборник стихотворений» 1890 года, от которого автор отрекся) были эпигонством народнической традиции. Следующие сборники Минского (1888) и Мережковского (1892) можно назвать новаторскими в плане содержания, но не поэтики или эстетики. Первый декадентский сборник Бальмонта «Под северным небом» вышел в том же 1894 году, что и «Русские символисты». Первые книги Соллогуба и Гиппиус (проза) появились в 1896 году, позже, чем у Брюсова. Литературная среда приняла Минского и Мережковского как законных, хотя и блудных сыновей: они дебютировали «как надо» и «где надо» и заявили себя как новаторы, уже обладая литературным «именем». Гиппиус воспринималась в литературных кругах как жена Мережковского, а Соллогуб вовсе не стремился интегрироваться в «среду». Брюсов сделал все наоборот: после первых отказов перестал обращаться в журналы; связей среди влиятельных редакторов и критиков не заводил; дебютировал провозглашением новой школы, чего не смогли сделать ни его предшественники по «новым течениям», ни их оппоненты; игнорировал общественное мнение; демонстративно ограничился сферой поэтики и эстетики, что контрастировало с ориентацией литературной среды на социально-политическую и нравственно-философскую проблематику.

* И всяких иных, подобных (ит.).

** *Гриневич П. Ф. (Якубович П. Ф.).* Очерки русской поэзии. СПб., 1911. С. 328–329.

На фоне всеобщего осуждения упоминавшееся выше интервью газете «Новости дня» показалось Брюсову «далеко не противным»: «Идем вперед», — прокомментировал он 30 августа 1894 года его появление. Эта история началась с интервью Миropольского, объявленного «главным декадентом», и Мартова, который на самом деле беседовал с газетчиком в одиночку. «Признаюсь, — писал репортер, — ожидал встретить сборище людей, которые видят свое призвание в праве носить какой-нибудь необычный костюм, которые и видом, и речами не похожи на простых смертных. <...> Совсем молодые и довольно милые мальчики, вот и все. В костюмах никаких странностей, есть некоторая странность в речах, но эта странность показалась мне, так сказать, официальной. Нельзя же, в самом деле, и московским декадентом быть, и вместе с тем говорить так, чтобы каждый тебя понял». Через 15–20 лет этим искусством в совершенстве овладеют русские футуристы.

Интервью насторожило Брюсова тем, что излагало «теорию литературных школ» Добролюбова без ссылки на него, но как общую позицию символистов, — и тем, что появилось без его участия и санкции. Он поспешил в редакцию для объяснений, захватив с собой заготовленный текст о теории символизма. Юный вождь оценил силу печатного слова, тем более что в газете к нему отнеслись как минимум с вниманием. На ее страницах появилось не только изложение теории, но и целый букет рекламной информации: о готовящемся «издании корифеев символизма в русских переводах» (амбициозный, но так и не осуществленный план), о предстоящем выходе сделанного Брюсовым полного перевода «Романсов без слов» Верлена (цензурное разрешение 11 ноября 1894 года, вышел между 16 и 23 декабря), о том, что первый выпуск «Русских символистов» намеренно имел небольшой тираж в 400 экземпляров (на самом деле 200) и уже разошелся (официально назван «распроданным» только через год), что вскоре будет издан второй выпуск бóльшим тиражом (на самом деле 400 экземпляров)*. Максимум возможного «пиара» новым книгам и их основному автору был сделан.

Валерий Яковлевич начал большую игру — стал сознательно вести себя как «Валерий Брюсов, вождь московских символистов» («зарегистрированная торговая марка»)**. Осенью 1894 года

* Аналогичные сведения Брюсов сообщил Н. Н. Бахтину в конце октября 1894 года, указав, что тираж второго выпуска — более 800 экземпляров.

** Ср. признание в письме Станюковичу, написанном в период духовного кризиса (28 июля 1896): «Надо мной и моей поэзией глумились очень достаточно, и за „Русских символистов“, но я все время чувствовал себя так, как будто я сам по себе, а „Валерий Брюсов“, русский символист — сам по себе, один другого не касался. Только с появлением моего Первого Издания („Шедевров“. — В. М.), и при том — вдруг, почувствовал я себя в самом деле отверженным»: ЛН. Т. 85. С. 742.

в дневнике одна за другой появляются записи: «Показывали меня как редкостного зверя домашним Иванову*. Я выделял все шутки ученого зверя — говорил о символизме, декламировал, махал руками (признак оригинальности)» (14 сентября); «Сегодня у Зунделовича** меня „показывали“, демонстрировали как символиста. Спорил о Марксе, о социализме и многом другом. Декламировал и произвел известное впечатление» (22 октября). И автокомментарий, подкупающий откровенностью: «Скромничай или будь безумно дерзок. При дерзости не заметят, что даешь слишком мало, при скромности будут благодарны, что ты даешь больше, чем обещал. Но никогда не говори, что дашь именно столько, сколько можешь» (21 октября).

Все это не было для Валерия Яковлевича чем-то принципиально новым. Привыкнув еще в отрочестве «наглостью скрывать свою робость», он «интересничал» и старался выделиться в любой аудитории, где его могли оценить. Поэтому следующей, казалось бы сугубо бытовой, фрагмент «Моей юности» заслуживает внимания в свете его *творческой* биографии:

«Перед сестрами Викторowymi я не мог особенно ломаться, ибо ясно видел, что они не очень-то образованы и мало интересуются литературой. Все же я читал и посылал им свои стихи. У Кариных же собирались люди более или менее образованные — студенты, певцы, люди читающие. И чего я не говорил перед ними! По всякому удобному, а чаще неудобному поводу высказывал я свои мысли, старался, чтобы они были особенно оригинальны и особенно неожиданны. Я не пропускал ни одного общего суждения, хотя бы о новой опере или о новом здании в городе, чтобы тотчас не запротиворечить этому суждению. Мне нужно было противоречить, чтобы спорить и говорить. Я даже иногда дома письменно составлял планы будущих своих бесед у Кариных и иногда умело, иногда очень грубо ломал разговор на свой лад. <...> По самым ничтожным поводам я говорил громкие слова, заставляя себя не стыдиться их. По поводу опущенной шторы я говорил об ужасе дня и сладости принять в себя ночь, о первобытном человеке, мир которого был небо-сводом, и о будущем человеке, который будет жить только книгами, чертежами, утонченностью мысли. <...> Увидя электрические фонари, я не мог не сказать, что они прекраснее луны; видя длинную полосу газовых фонарей вдоль улицы, я каждый раз говорил, что это — ожерелье улицы. Надо мной немного смеялись, немного по наивности, и интересовались мной». Так что юношескую самооценку: «Часы, потраченные на рисовку перед

* По определению Брюсова, «музыкант-символист»; приятель Мартова-Бугона.

** Соученик Брюсова по гимназии Креймана.

барышнями, — потеряны для меня» (16 мая 1892), — следует признать неверной.

Столь же полезной школой стало для Валерия Яковлевича участие в любительских спектаклях, где он играл даже... самого себя. 30 ноября 1893 года, в канун его двадцатилетия, на сцене Немецкого клуба в Москве была исполнена одноактная пьеса Брюсова «Проза», удостоившаяся газетных анонсов*. Автор — под настоящей фамилией — играл молодого поэта Владимира Александровича Дарова (!), «артистка-любительница Раевская» (Наталья Дарузец), которой была посвящена пьеса, — его жену Талю. Сюжет сценки, увидевшей свет лишь недавно**, предельно прост. Получив большой гонорар, поэт собирается издать книгу стихов, но брат жены вынуждает его потратить деньги на платья и летний отдых, говоря Дарову: «Зачем вам издавать свои стихи? Их никто не поймет; вы их сочиняли не для публики, а для себя, так и читайте сами». Со словами: «Да, вы правы», — поэт рвет рукопись. Единственное стихотворение, которое он читает по ходу пьесы, не оставляет сомнений в том, о ком и о чем идет речь: это «Гаснут розовые краски...» — пролог к первому выпуску «Русских символистов». В том же году Брюсов написал одноактную комедию «Дачные страсти», где вывел — более иронически — молодого поэта Владимира Александровича Финдесьевлева (от французского «fin de siècle», «конец века», синоним «декадентства»), однако цензура запретила ехидную драматическую шутку за «безнравственность»***. Завершает эту галерею совсем уж сатирический образ «юного символиста и декадента» Анапестенского из прозаического наброска «Развратник» (февраль 1896), который «как все его собратья по перу, раз в год (осенью, когда критики еще не устали ругаться) печатал „книги“ в 15 страниц толщиной. Особенность же г. Анапестенского состояла в том, что он особенно любил воспевать „осужденные ласки“, „тайны разврата“ и другие ужасы, о которых слышал в переводных романах (увы — г. Анапестенский слишком плохо знал иностранные языки, чтобы читать французских символистов)»****. Насмешки метили не только в Брюсова, умевшего посмеяться над собой, но и в его подражателей. Декадентство входило в моду.

* Театр и музыка // Русские ведомости. 1893. № 330. 30 нояб. С. 3; Театральные и музыкальные известия // Московские ведомости. 1893. № 330. 30 нояб. С. 5.

** Брюсов В. Заря времен. С. 50–56 / Публ. С. И. Гиндина.

*** Опувл. В. Ф. Боцяновским: Звезда. 1939. № 10/11. С. 223–235; перепеч.: Брюсов В. Я. Заря времен. С. 29–50.

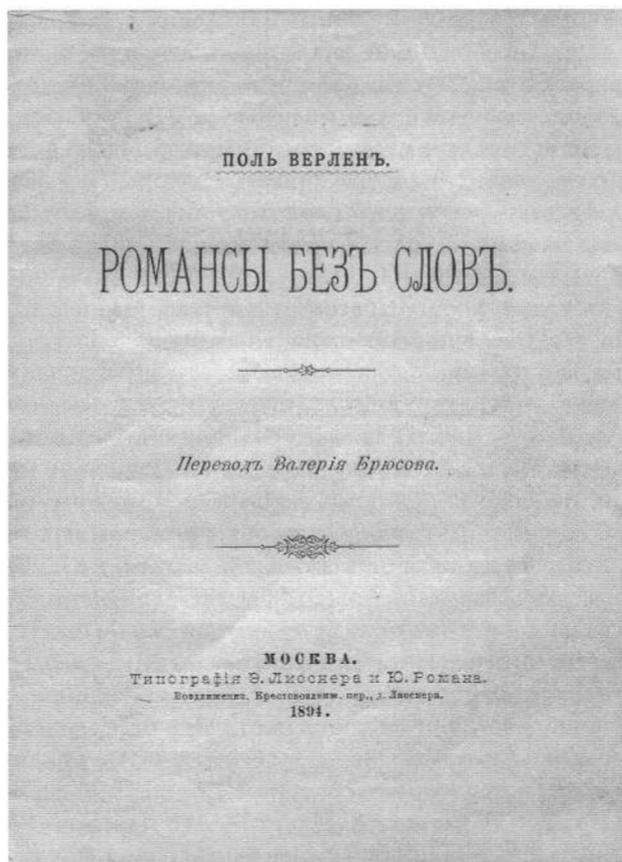
**** Цит. по: Тяпков С. Н. Брюсов-пародист // Чтения-1983. С. 195.

14 декабря 1894 года Валерий Яковлевич записал: «В начале этой тетради обо мне не знал никто, а теперь, а теперь все журналы ругаются. Сегодня „Новости дня“ спокойно называют Брюсов, зная, что читателям имя известно». Второй выпуск «Русских символистов» был сделан в примирительном настроении, хотя и с сознательными «дерзостями». Разделы, озаглавленные «Ноты», «Гаммы», «Аккорды», «Сюиты», были пронумерованы, но следовали друг за другом не по порядку номеров. Именно здесь появились стихи «З. Фукс» и «В. Дарова». О последнем Брюсов поведал в августовском интервью «Новостям дня»: «Г. Даров — один из наиболее страстных последователей символизма. Только в символизме видит он истинную поэзию, а всю предыдущую литературу считает прелюдией к нему. До сих пор, говорит г. Даров, поэзия шла по совершенно ложному пути». Тон критики стал жестче: символисты оказались не мистификаторами, но самоуверенными людьми, осмелившимися игнорировать мнение «мэтров». Соловьев продолжал издеваться, хотя и выделил в книжке одно стихотворение — но не Брюсова, а Мартова — как «напоминающее действительную поэзию»*.

Русская литературная среда привыкла оглядываться на Европу и ее мнения. Союзниками в борьбе за символизм должны были стать иностранные поэты. «Нечто свершено. Заточённый дома и как-то успокоившись, я отдался одному делу. Вчера оно окончено. Оно не прославит моего имени, но представляет ценный вклад в русскую литературу, — без ложной скромности записал Брюсов 16 августа 1894 года, — это перевод „Романсов без слов“ Верлена». 11 ноября книга была дозволена цензурой и вышла в свет в конце декабря. Ограниченные финансовые возможности вынудили Валерия Яковлевича отказаться от включения в книжечку, изданную на свои средства тиражом в тысячу экземпляров, готового очерка жизни и творчества поэта и заменить его кратким предисловием, которое открывалось декларацией: «Верлен — один из самых субъективных поэтов». Выбор сборника для перевода он объяснил следующим образом: «Хотя „Романсы без слов“ и прошли в свое время незамеченными, они были откровением для поэзии, первой книгой *вполне выраженного, но еще не искаженного символизма* (курсив мой. — В. М.)». Переводчик заранее готовился отражать возможные нападки, а потому, отметив трудность переложения Верлена на чужом языке, сделал оговорку: «Недостатки этой книги надо приписывать переводу, а не шедеврам Верлена»**.

* Соловьев. С. 512.

** Верлен П. Романсы без слов. М., 1894. С. III-IV.

Книга Поля Верлена «Романсы без слов»
в переводе Валерия Брюсова (М., 1894)
Обложка

Газетные и журнальные критики набросились на качество перевода, но делали это в грубой форме и без каких-либо конкретных замечаний. «Брюсовский Верлен настолько далек от оригинала, — уверенно писал Коринфский, — что вызывает только усмешку, нелестную для переводчика»*. «Брюсов совершенно не понял Верлена, — вторил ему анонимный рецензент «Недели», — все тонкие, неуловимые оттенки мысли он принял за бессмысленный набор слов, вставленный только для рифмы, и вообразил, будто заменить его аналогичным набором бессмысленных слов будет значить „перевести Верлена“**.

* Труд. 1895. № 2. С. 474 (подпись: Ап. К-ский).

** Неделя. 12 марта. 1895. № 11.

У обличителей — отнюдь не знатоков французской поэзии, за исключением Платона Краснова, переведившего Малларме, — не было оснований для подобной резкости, кроме неприязни к «московскому декаденту»: традиции русских переводов Верлена еще не существовало, а имевшиеся образцы были малочисленны и в основном неудачны (первые опыты Сологуба появились в «Северном вестнике» лишь в 1893 году). Наиболее консервативные в политическом и в литературном отношении критики не скрывали, что ополчились не только на Брюсова, но и на Верлена, считая его влияние вредным для русской поэзии*.

Ранние переводы Брюсова не были свободны от недостатков, поэтому в 1900-е годы он начал переводить Верлена заново, а в 1911 году, выпуская итоговое собрание переводов, весьма критически оценил свою первую книгу: «В этих опытах было гораздо больше усердия и восторга перед поэзией Верлена, чем действительно воссоздания его стихов на русском языке»**. Брюсову «предстояло много учиться, и перевод стал отличной школой»***, — заметила историк символизма Дж. Гроссман. А ее однофамилец Леонид Гроссман, выступая на чествовании Валерия Яковлевича 16 декабря 1923 года с обзорным докладом «Брюсов и французские символисты», сказал: «„Острый галльский смысл“, по слову Блока, не только пленил, но и образовал Брюсова. При всем своеобразии его поэтического лица, на нем определяющими чертами легли эти отражения французского гения в его неустанном завоевании новых эстетических ценностей и кристаллической отшлифовке их для всего человечества. Эти боевые и созидательные традиции старого „галльского духа“ были восприняты у нас в начале 1890-х годов юным поэтом Валерием Брюсовым»****.

Валерий Яковлевич собирался послать Верлену первый и второй выпуски «Русских символистов» через газету «Фигаро». Сделал он это или нет, неизвестно. Перевод «Romances sans paroles» был отправлен автору с почтительным письмом*****, но никакого ответа из Франции не пришло. Русский вариант стихотворной дарственной надписи звучал:

* *Медведский К. П.* Символизм на русской почве // Наблюдатель. 1894. № 1. С. 314–333; *Н. Н. <Николаев Н. Н.>* Русские символисты и кое-что о символизме вообще // Русское обозрение. 1895. № 9. С. 362–372.

** *Верлен П.* Собрание стихов. М., 1911. С. 7.

*** *Grossman J. D.* Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence. Berkeley, 1985. P. 48.

**** *Гроссман Л.* Брюсов и французские символисты // *Гроссман Л.* Мастера слова. М., 1928. С. 268–269.

***** Черновики: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 619–620, 640–643.

Еще покорный ваш вассал,
Я шлю подарок сюзерену,
И горд и счастлив тем, что Сену
Гранитом русским оковал.

Это первое отдельное издание Верлена в России и вообще за пределами Франции, равно как и первая авторская книга Брюсова. Как и все ранние сборники Валерия Яковлевича, она относится к числу очень редких.

Чтобы доказать успешное бытование символизма за границей, классиков было недостаточно — требовались современники, причем молодые. «Нас совершенно не интересует современная западная литература, — с сожалением констатировал Брюсов в третьем выпуске „Русских символистов“, имея в виду русскую читающую публику, — особенно поэзия, так что имена ее *самых видных* (курсив мой. — В. М.) деятелей у нас совершенно неизвестны»*. Первым примером — и первым открытием, сделанным в книжном магазине Ланга, — стал немецкий поэт Франц Эверс, который, несмотря на молодость (на два года старше Брюсова), успел за несколько лет выпустить полдюжины книг. Валерий Яковлевич бурно восторгался: «Это гений, которого уже давно не видал мир! Его лирика выше, лучше и Шиллера, и Гёте, и Гейне, и Ленау, его драма — если и ниже Шекспира, то выше Альфиери и Шиллера! А его книга псалмов („Die Psalmen“), современных псалмов! предвещаний пророка и пророчеств поэта! Нет места говорить о нем, но особенно восхищен я его любовной лирикой (книга „Ева“). <...> Эверс бесконечно разнообразен — он пишет философские произведения, романы, стихи** — и переводил его стихотворения, хотя напечатал только одно. Перевод для отдельного издания был поручен Миропольскому, который вступил с немецким поэтом в переписку, но не довел работу до конца, в том числе из-за преследований цензуры, запретившей публикацию стихов Эверса и статьи о нем в третьем выпуске «Русских символистов». В 1906 году издательство «Скорпион» анонсировало сборник Эверса, однако русский читатель так и не узнал этого поэта, «еще неизвестного, но уже великого».

Еще одним «неизвестным, но великим» современником был Генрих Шульд. 19 ноября 1894 года Валерий Яковлевич прочитал о нем реферат в Кружке любителей западноевропейской

* Русские символисты. Лето 1895 года. М., 1895. С. 27.

** Письмо В. К. Станюковичу (30 ноября 1894) // ЛН. Т. 85. С. 732-733; письмо П. П. Перцову (1 апреля 1895) // Письма к Перцову. С. 17.

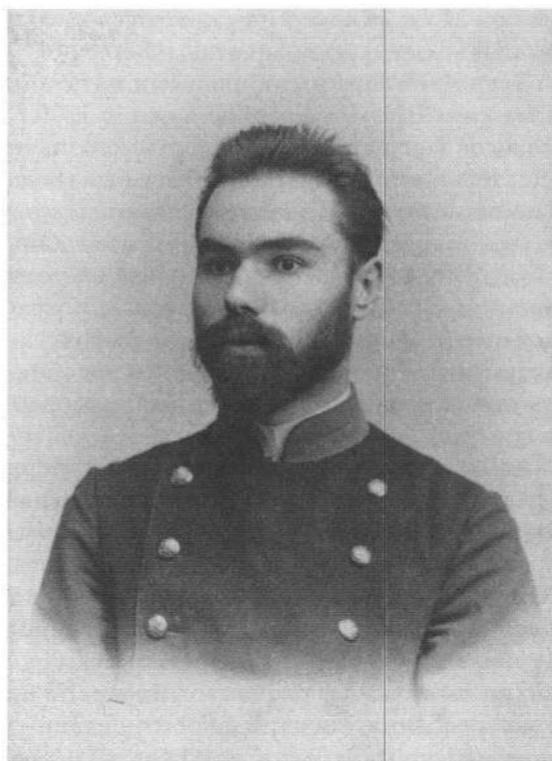
литературы при Московском университете*, где 20 октября огласил свой так и не напечатанный этюд о Верлене**, а 8 ноября реферат об Эверсе. Изложив, с обильными цитатами, содержание основных книг Шульца и сообщив, что в 1890 году тот сошел с ума, Брюсов завершил выступление многозначительными словами: «Деятельность его сама по себе не была значительной, но деятельность десятков Шульцев, являющихся один на смену другому, уже потрясает здание нашей жизни. Они ведут нас к лучшему будущему — будущее всегда лучше настоящего». Слушали его, видимо, с большим вниманием, потому что никто из собравшихся имени Генриха Шульца не знал. И неудивительно: Брюсов придумал его — отчасти по образу и подобию «мертвых душ» из «Русских символистов», отчасти использовав реального Эверса, — в чем сознался лишь три года спустя.

Кружок любителей западноевропейской литературы был основан 5 февраля 1894 года и собирался еженедельно; Брюсов впервые побывал там 21 сентября того же года. Возглавлял его профессор историко-филологического факультета Николай Иванович Стороженко, не сочувствовавший «новым течениям», но неплохо разбиравшийся в них. Обязанности секретаря исполнял студент славяно-русского отделения Александр Антонович Курсинский (поэтому тезисы рефератов и сохранились в его архиве), поэт и переводчик, ставший по рекомендации Стороженко репетитором сына Льва Толстого Михаила. Среди участников выделялись три марксиста: Владимир Максимович Фриче, Петр Семенович Коган и Владимир Михайлович Шулятиков, а также Марк Владимирович Самыгин и Ланг (Миропольский). Называю лишь имена, связанные с Брюсовым, поскольку эта среда была для него много важнее, чем те, с кем он сидел рядом на лекциях и семинарах. Курсинский и Самыгин, получивший известность в литературе под именем «Марк Криницкий», во второй половине 1890-х годов стали друзьями Валерия Яковлевича: первый надолго, второй до начала 1900-х годов***. Отношения с марксистами закончились идейным разрывом, однако Фриче —

* Брюсов В. Заря времен. С. 65–68 / Публ. С. И. Гиндина. Первое упоминание об этом в печати: Григорьев М. С. Валерий Брюсов в последние годы жизни // Прожектор. 1925. № 3. С. 19.

** Тезисы реферата: НЖ. Март 2000. Кн. 218. С. 63–65 / Публ. В. Э. Молодякова.

*** Переписка с А. А. Курсинским, 1895–1916 / Вступ. ст. А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова. Публ. и коммент. Р. Л. Щербакова // ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 269–361; Письма к М. В. Самыгину (1897–1903) / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. А. Трифонова // Там же. С. 362–410. Брюсов и Курсинский учились на одном отделении, но познакомились не в университете, а в Русском охотничьем клубе на представлении пьесы М. Метерлинка «Втируша» 3 мая 1894 года.

Валерий Брюсов – студент
 Фотография «Шерер, Набогольц и К^о». 1896. ИРЛИ

«будущий великий критик, преемник Лессинга, ибо после этого писателя не было мало-мальски достойных критиков»* – вместе с Курсинским был шафером на свадьбе Брюсова в 1897 году, а Брюсов – шафером на свадьбе Курсинского в 1907 году, хотя прежней близости между ними уже не было.

Отношения с Фриче и Коганом (Шулятиков умер в 1912 году) Валерий Яковлевич восстановил только после революции: первый трудился в Коммунистической академии, Институте красной профессуры и еще во множестве мест, оставаясь до своей смерти в 1929 году ведущим теоретиком марксистского литературоведения; второй из приват-доцентов Петербургского университета стал профессором МГУ и президентом Государственной академии художественных наук. 16 декабря 1923 года Фриче по болезни не смог прийти на пятидесятилетие Брюсова,

* Характеристика из неоконченного романа Брюсова «Декаденты» (Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 130), где под настоящими фамилиями выведены Фриче, Курсинский и сам автор.

прислав ему теплое письмо: «Как-то особенно ярко встает сейчас в памяти прошлое — наши студенческие годы. Помните наш студенческий литературный кружок — наши собрания — часто — у Вас на квартире на Цветном бульваре — наши споры и наши „симпозионы“»*.

По неизвестной причине Валерий Яковлевич не посвятил отдельного доклада своей заочной знакомой — французской поэтессе Приске де Ландель. На родине она совершенно забыта (не найти даже дат ее жизни), а у нас памятна только специалистам по Брюсову. Сборник ее стихов «Радости и горести»** он обнаружил 6 февраля 1895 года, просматривая новинки в магазине Ланга, о чем на следующий день записал в дневнике: «Вчера получили % (проценты с капитала, оставленного дедом. — В. М.). Весь дом ожил. Я купил себе символистов. P. de Landelle из них очень мил»***. Что привлекло внимание Брюсова? Несомненно, раздел, озаглавленный «Символизм», «цветные» заглавия вроде «Симфонии в красном» и «Голубого послания» и отзвуки Верлена и Бодлера. Валерий Яковлевич сразу же прочитал книгу и написал «милостивому государю» автору на адрес издателя, указанный в книге. И вскоре получил ответ, из которого узнал, что автор «Радостей и горестей» — девушка по имени Луиза Бургуэн, живущая в Лез-Анделис, а потому подписавшаяся «Приска из Анделля», и что это ее первый сборник (он же остался единственным).

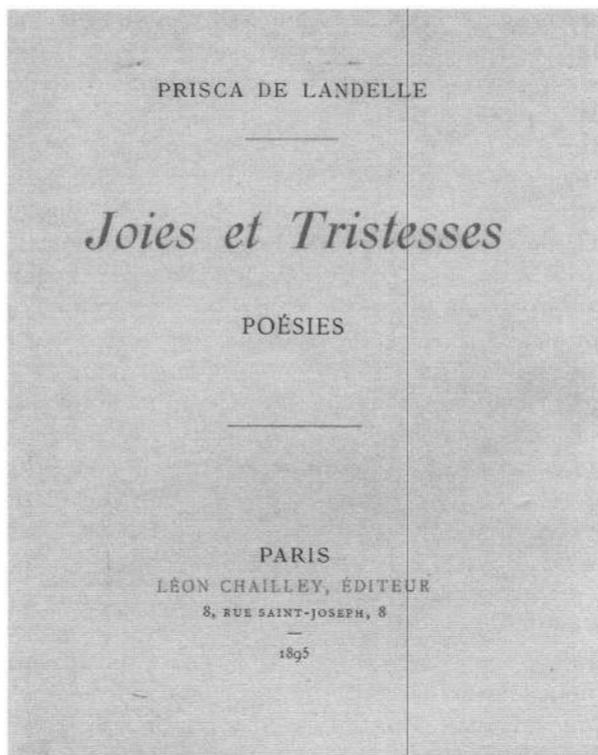
Черновики писем Брюсова, сохранившиеся в рабочих тетрадях, показывают, что он высоко оценил стихи новой знакомой и попросил разрешения поместить их переводы в «нашем маленьком журнале» как образцы молодой французской поэзии****. Не зная русско-го языка, Приска де Ландель не смогла прочитать присланные ей «Романсы без слов» и выпуски «Русских символистов», но охотно дала разрешение на публикацию. В начале апреля Брюсов сообщил ей, что отобрал для перевода две дюжины стихотворений, рассчитывая представить «более или менее символические» в «Русских символистах», а другие отправить в «Вестник иностранной литературы» со своей статьей. Следов подготовки журнальной публикации в архиве не обнаружено, но в третьем выпуске «Русских символистов» появились 8 стихотворений Приски

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 563 / Публ. Н. А. Трифонова.

** *Prisca de Landelle. Joies et Tristesses*. Paris, 1895. Перевод заглавия принадлежит Брюсову; можно также перевести «Радости и печали».

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 649.

**** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 649–650, 656–661, 670–671. Ответные письма частично переведены и процитированы С. И. Гиндиным в примечаниях к письмам Брюсова.

Книга Приски де Ландель «Радости и горести» (Paris, 1895)
Титульный лист

де Ландель* с предисловием переводчика, представлявшим собой краткий вариант статьи о ее творчестве, которая так и не увидела свет. Брюсов выделил ее стихи в персональный раздел, подчеркнув «статусность» публикации, и подумывал о переводе большей части «Радостей и горестей» для отдельного издания. Он также послал ей обратные переводы своих переложений, которые поэтесса одобрила, равно как и отбор текстов: «По тому, какие из моих стихотворений Вы выбрали — а Ваш выбор кажется мне вполне обоснованным, — я вижу, что Ваши читатели получают достаточно полное представление об особенностях моего творчества»**.

* Предполагалось опубликовать 9 текстов, но стихотворение «Бедняки» было запрещено цензурой, поэтому № 4 в подборке пропущен. Цензура также запретила предназначенные для сборника переводы из Бодлера и Эверса со вступительными заметками.

** «Русская слава» Приски де Ландель так и не состоялась, хотя начало ей было положено. В конце 1895 года переписка по неизвестным причинам прекратилась, и Брюсов окончательно потерял из виду свою корреспондентку.

Сравнение русских текстов с французскими показывает, что Валерий Яковлевич вольно обошелся даже с теми стихотворениями, которые объявил переведенными «близко к оригиналу». Те же, которые «с дозволения автора переданы более вольно», порой просто не узнать: перевод «Тому, кто далеко» не имеет ничего общего с оригиналом, озаглавленным «Отсутствующему». Дело не в недостаточном знании Брюсовым французского языка или непонимании простых и недвусмысленных стихов молодой поэтессы. Просто он обошелся с ними почти так же, как с русскими стихами из «самотека», присланными для публикации в «Русских символистах». Исходя из общей задачи сборников и третьего выпуска в частности, Брюсов «одекадентил» скромные и тихие стихи Приски де Ландель, придав им с помощью «надставок» (в основном эпитетов) страстный и мрачный колорит, хотя из раздела «Символизм» взял только одно стихотворение. Приведу лишь один пример его работы — «Надпись на экземпляре Бодлера»:

С своей любовницей, мечтой,
 Во мраке полночи беззвездной
 Блуждаю я над страшной бездной,
 Но дух мой полон красотой
 И на разнужданные чувства
 Бросает мантию искусства —
 Так иногда нескромный взгляд
 Ресницы длинные хранят.

По-русски это звучит неплохо. Но вот оригинал «В память Бодлера» в дословном переводе:

Моя любовница — моя фантазия;
 Она увлекает меня Бог знает куда,
 И я могла бы сойти за безумную,
 Если бы не имела душу, охваченную
 Великой любовью к поэзии,
 Которая покрывает одеянием искусства
 Часто сумасбродные мысли...
 Как опущенное веко
 Скрывает нескромный взгляд!*

* Если интерпретировать стихотворение как написанное от имени Бодлера (оригинал оставляет такую возможность), женский род в нем, разумеется, надо заменить на мужской.

Добавлю, что стихотворение Приски де Ландель «Данте» — возможный источник стихотворений Брюсова «Данте» и «Данте в Венеции», которые не только похожи на него по содержанию и интерпретации личности главного героя, но тоже написаны терцинами.

Третьему — самому боевому — выпуску «Русских символистов» суждено было стать последним. Его открывало задорное анонимное предисловие «Зоилам и аристархам», написанное Брюсовым и исправленное Лангом, — резкий ответ на журнальную брань: «Оценить новое было им совсем не под силу, и потому приходилось довольствоваться общими фразами и готовыми восклицаниями. Все негодующие статейки и заметки не только не нанесли удара новому течению, но по большей части даже не давали своим читателям никакого представления о нем». Столь же дерзко звучали следовавшие за статьей два стихотворения Брюсова, которым суждена была долгая слава.

Первое, опубликованное без заглавия, позже стало называться «Творчество» (текст из «Русских символистов»):

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски
В звонко-звучной глубине
Вырастают точно блески
При лазоревой луне.
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне;
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне
Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

Стихотворение единодушно восприняли как пример нарочитой бессмыслицы. Однако младший брат поэта утверждал: «Стихи эти отражали конкретную действительность, облеченную, правда, в одежду символики. Совершенно случайно я был свидетелем, как создавались эти стихи. Но тогда я не обратил

внимания и не мог обратить внимания на это, потому что был еще мал. Только много позднее, когда я подрост и прочитал эти стихи, мне сразу вспомнилась обстановка, в которой эти стихи слагались». Вот его рассказ, имеющий большое значение для понимания брюсовского «Творчества» — в кавычках и без них:

«Три парадных комнаты нашей тогдашней квартиры на Цветном бульваре, выходившие окнами на бульвар, представляли собою анфиладу комнат, связанных друг с другом не дверьми, а широкими арками. Вдоль окон и на окнах стояло множество цветов, большой любительницей которых была наша мать. Тут были и мелкие цветы в банках на окнах, и крупные деревья в деревянных бадьях, некоторые из которых достигали потолка. Тут были пальмы, араукарии, панданусы, латании и много других тропических растений. По вечерам, если не было гостей, эти комнаты не освещались, и в них редко кто-либо заходил. Мне было в это время лет 8. Я зачем-то забрался в эти комнаты и сидел в полутьме в большом кресле. На улице фонарей не зажигали, так как „по календарю“ должна была светить луна. И действительно, было полнолуние, небо было чистым, и восходившая над противоположными домами луна ярко светила в окна.

В это время в комнату вошел Валерий и стал рассказывать вдоль этих комнат, произнося вполголоса рождавшиеся у него новые стихи. Меня он или не видел, или не обращал на меня внимания. До меня, разумеется, доносились только отдельные слова, может быть, даже строки. Но я отчетливо помню, что тут были и „эмалевая стена“, и „латании“. И позднее, читая стихи Валерия, передо мной ярко встала эта картина, обстановка этого вечера, и, казалось, бессмысленные образы сразу стали понятными и совершенно реальными: и колеблющиеся лопасти латаний на „эмалевой стене“ — дрожащие тени латаньевых листьев на белой поверхности расположенной почти против окон кафельной печи; и „звонко-звучная тишина“ — царившая в этих комнатах тишина, изредка прерываемая звуком колес проезжавших мимо дома извозчиков; и „фиолетовые руки“ — лунные лучи, освещавшие печку и рисующие на ней причудливые тени. Валерий здесь не придумывал, а изображал свои ощущения, вызванные самой будничной реальностью»*.

Александр Яковлевич «приземлил» творческий процесс брата, но нет оснований сомневаться в его словах. Еще в 1914 году об этих реалиях применительно к «Творчеству» написал Ходасевич, бывавший в доме на Цветном бульваре. Подробный разбор

* Брюсов А. Я. Воспоминания о брате // Чтения-1962. С. 296–297.

стихотворения он заключил выводом: «„Несозданное“ стало „созданным“. Уже созданные создания отщепляются от реального мира и получают бытие самостоятельное. В первой строфе они еще не оформились и „колыкаются, словно лопасти латаний“. В последней они сами по себе „ластятся“ к поэту, а пальмы сами по себе бросают свои обычные тени. Некогда связывавший их союз „словно“ заменен разделяющим „и“: два мира разделены окончательно. Такое соотношение между миром и творчеством характерно для поэта-символиста. Однако в той резкости, с какой его выражает начинающий Валерий Брюсов, есть значительная доля позы и литературного задора». «Брюсов после того сказал мне при встрече, — вспоминал Ходасевич позже, — „Вы очень интересно истолковали мои стихи. Теперь я и сам буду их объяснять так же. До сих пор я не понимал их“. Говоря это, он смеялся и смотрел мне в глаза смеющимися, плутовскими глазами: знал, что я не поверю ему, да и не хотел, чтобы я верил».

Слова о «позе и литературном задоре» можно с полным правом отнести к другому знаменитому стихотворению из третьего выпуска — моностиху «О закрой свои бледные ноги»*, без упоминания которого не обходился ни один фельетон о «декадентах». Это было первое — и на долгое время единственное — что запомнили о Брюсове журналисты и читатели массовой прессы, вспоминая «ноги» к месту и не к месту. «Фиолетовые руки», «бледные ноги» и очередное творение «В. Дарова» «Мертвецы, освещенные газом...» были восприняты как литературное хулиганство:

Мертвецы, освещенные газом!
 Алая лента на грешной невесте!
 О! мы пойдем целоваться к окну!
 Видишь, как бледны лица умерших?
 Это — больница, где в трауре дети...
 Это — на льду олеандры...
 Это — обложка Романсов без слов...
 Милая, в окна не видно луны.
 Наши души — цветок у тебя в бутоньерке!

5 сентября 1895 года Валерий Яковлевич в черновике письма журналисту Илье Гурлянду — «Арсению Г.» из «Новостей дня» — попытался «разумно» разъяснить смысл этого стихотворения, что вообще делал нечасто:

* Комментарий Брюсова: *Письма к Перцову*. С. 35; *Измайлов А. Литературный Олимп*. С. 395.

«Автор был поражен судьбою любви в современном мире, судьбою идеального чувства в мире прозы. Эта тема символически изображена и выражена в первом стихе, где мертвецы поставлены не в обычную обстановку кладбища, а залиты светом газа. И во всем стихотворении изображается прежде всего состояние нашего века, как оно представляется поэту: нашу жизнь он называет гигантской больницей, где дети уже недели траур, он сравнивает ее с олеандрами, корни которых засыпаны снегом, везде перед собой он видит лики умерших и всему находит символ в лучшей символической книге, в книге, которая воплощает всю современную жизнь, — в „Романсах без слов“. <...> На фоне этого мира поэт изображает свою невесту, которую он сам называет *грешной*, как поэт, как декадент, он не хочет таить своей любви, зовет невесту целоваться к окну — но увы! — перед ними уже не обычная обстановка свидания, все изменилось, что символически и изображается стихом „в окна не видно луны“. Все изменилось — и только любовь неизменна, и по-прежнему души влюбленных томятся на груди у милых, как цветы в ее бутоньерке»*.

Но никакие разъяснения не помогли — Брюсова не хотели ни слушать, ни слышать. Новая волна ругани в печати всех направлений по адресу третьего выпуска «Русских символистов» и первой книги стихов Брюсова «Chefs d'œuvre»** (различия между ними рецензенты не делали) давала понять декадентам, что рассчитывать на снисхождение им не приходится. В «Новом времени» Виктор Буренин и Александр Амфитеатров объявили их мошенниками, которые прикидываются сумасшедшими и дурачат публику, собирая с нее деньги (об этом далее). По свидетельству Перцова, «удивительна была эта потребность, свойственная не одному Буренину и характерная вообще для тогдашнего момента: говоря о какой бы то ни было литературной новизне, изображать ее не просто плохой, а непременно бессмысленной, идиотической или же недобросовестной»***. Николай Михайловский гневно обличал новых Геростратов, которые «страстно желают выкинуть какую-нибудь непристойность затем лишь, чтобы обратить на себя побольше внимания», и назвал Брюсова «маленьким человеком, который страстно хочет и никак не может»****. Аким Вольтинский

* ЛН. Т. 98. Кн. I. С. 678. Окончательный вариант, без указания автора и со значительными сокращениями, опубликован Гурляндом в анонимной заметке: Мелочи // Новости дня. 1895. № 4398. 7 сентября. С. 3.

** «Шедевры» (фр.).

*** Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. М., 2002. С. 161.

**** Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1895. № 10. С. 34-38.

в рецензии на два первых выпуска «Русских символистов» и на сборник Добролюбова (которому уделил основное внимание) заявил, что «новые течения в литературе, новые разговоры об искусстве не всегда сопровождаются появлением крупных и свежих поэтических талантов», что эти книги «не заслуживают никакого серьезного разбора» и что стихи Брюсова «не поднимаются над уровнем самой ординарной версификации»: «Веяния эпохи бессильно волнуют людей бездарных или, при некоторой даровитости, лишенных настоящей умственной оригинальности»*. К аналогичному выводу — только в более резкой форме и с подчеркиванием неудачного подражания иностранным образцам — пришел представитель противоположного лагеря Ангел Богданович, руководитель левонароднического журнала «Мир Божий»**.

Как говорится, обложили со всех сторон. Брюсову стало ясно, что обычный путь в литературу — через журналы — ему заказан. Более того, даже в случае издания книг за свой счет и рассылки их рецензентам надеяться на благоприятные отклики не приходилось. Еще более огорчительными были отзывы друзей из числа не-символистов. Станюкович, подаривший Брюсову 22 апреля 1894 года свою фотографию с надписью: «Символисту от реалиста»***, осенью 1895 года откровенно писал ему: «Получил твои две книги****, и от первой до последней страницы во время чтения с лица у меня не сходило выражение удивления, смешанного со страшным смехом и полным недоумением. <...> По-моему, „символизм“, представителем которого являются эти две книжки, дошел в них до Геркулесовых столбов нелепицы. <...> Но верх совершенства следующее стихотворение:

О закрой свои бледные ноги.

Мне кажется, что не менее осязательную картину нарисую я, сочинивши подобное стихотворение:

...Мне хочется выпить с приличной закуской...»*****.

Прозаическое остроумие Владимира Соловьева не пошло дальше шуточек о том, что «обнаженному месяцу всходить при лазоревой луне не только неприлично, но и вовсе невозможно, так как месяц и луна суть только два названия для одного и того же

* Северный вестник. 1895. № 9. С. 71–74 (2-й пар.); перепеч.: *Вольнский А. Борьба за идеализм*. СПб., 1900. С. 406–409.

** А. Б. <Богданович А. И.> Критические заметки: Русские декаденты и символисты // *Мир Божий*. 1895. № 10. С. 193–196.

*** ЛН. Т. 85. С. 741.

**** Третий выпуск «Русских символистов» и первое издание «Chefs d'œuvre».

***** Щербakov P. Брюсов и Владимир Станюкович // *Сборник*. 1977. С. 161–162.

предмета», но в конце рецензии он поместил свои знаменитые пародии на «Русских символистов» («Горизонты вертикальные...», «Над зеленым холмом...» и «На небесах горят паникадила...»)*. Великий мистик был хорошим пересмешиком, поэтому его эскизы понравились Брюсову: «слабые стороны символизма схвачены верно»**. Переживавший за сына Яков Кузьмич писал гневные письма его критикам, а Волынский назвал насмешки Соловьева «легким юмористическим канканом» и «бесплодным балагурством»***. Позднее эти пародии переиздавались бесчисленное число раз, в том числе в сборниках для декламации, оторвавшись в восприятии читателя и от автора, и от объекта пародирования. Поговорим о других — менее известных опытах в том же роде.

Виктор Буренин может по праву считаться самым «долгоиграющим» и самым грубым гонителем символистов и всего «нового искусства» в России. Мало кто из современников имел такую широкую аудиторию и такую плохую репутацию. В печати он не брезговал ничем, вплоть до «перехода на личности»: люди морщились, но читали. «А кроме того, сообщу вам, что все поэты, играя в карты, передерживают»****, — пародировал его стиль молодой Брюсов. Виктор Петрович посвятил ему фельетон «Литературное юродство и кликушество»***** и выпустил под псевдонимом «граф Алексис Жасминов» сборник стихов «Голубые звуки и белые поэмы» в таком духе:

Пророки будущего
 В желтом доме сумасшедших
 Живут серые мудрецы-поэты;
 Они изрекают не родившиеся еще истины
 В стихах длинных и влажных, как извивающиеся змеи;
 Это мистические, полинялые истины веков,
 Исчезнувшие в белокуром тумане сомнения...
 Седые мудрецы-поэты,
 Живущие в желтом доме сумасшедших!
 Вы, только вы одни из всех,
 Пророки тянущихся волокон ткани будущего,
 Наступление которого нельзя ускорить,
 Как ленивому ослу нельзя палкой прибавить ходу*****.

* *Вл. С. <Соловьев Вл. С.> Еще о символистах // Вестник Европы. 1895. № 10. С. 847–851; перепеч.: Соловьев. С. 513–517.*

** *Письма к Перцову. С. 44.*

*** *Волынский А. Борьба за идеализм. С. 413.*

**** *Цит. по: Тятков С. Н. Брюсов-пародист. С. 204. Последнее слово, возможно, «передерживают».*

***** *Новое время. 1895. № 7007. 1 сент. С. 2.*

***** *Граф Алексис Жасминов. Голубые звуки и белые поэмы. СПб., 1895. С. 11–12.*

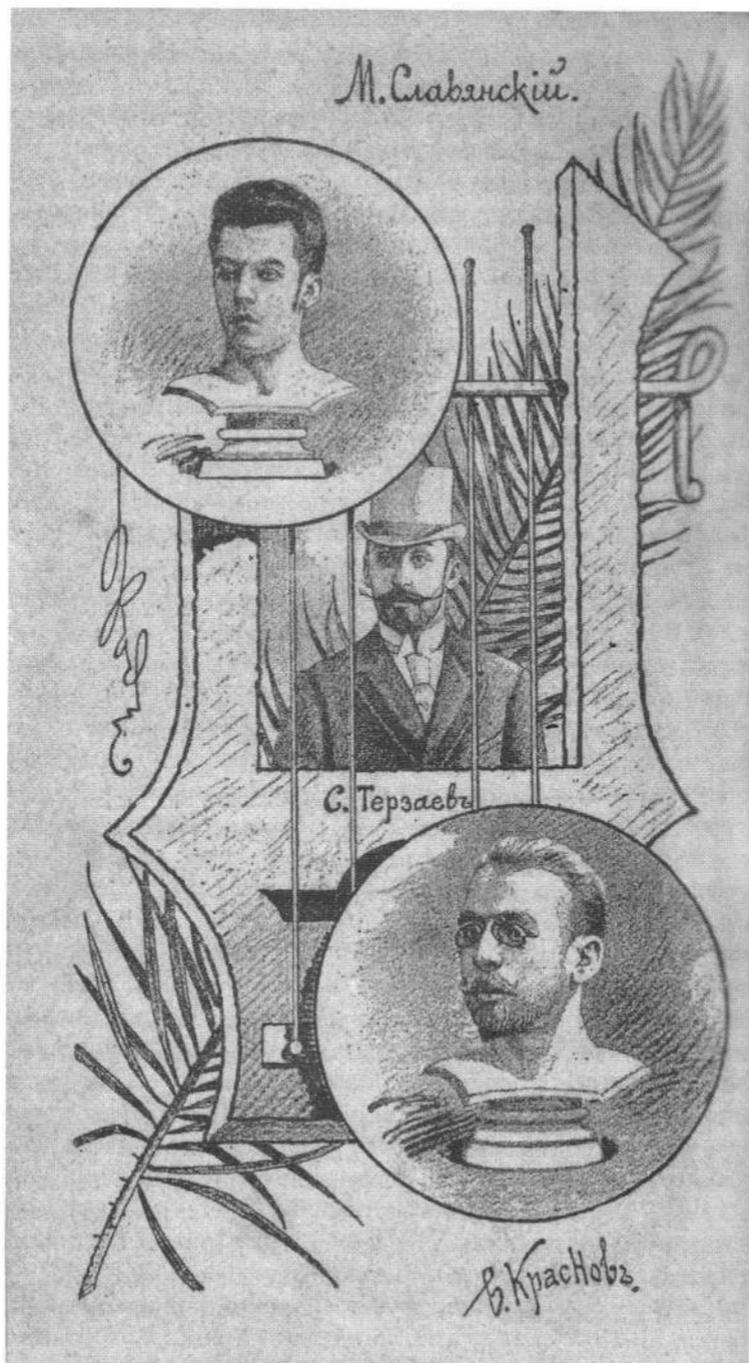
Виктор Буренин

Фотография «Vorel». Санкт-Петербург. 1904. ИРЛИ

Вероятно, сам автор считал это пародиями... Волынский рецензировал «Голубые звуки...» вместе с третьим выпуском «Русских символистов» и «Шедеврами», отметив, что «грозный, как крокодил, граф Алексис Жасминов», «увлекаемый своим природным версификаторским даром, порою сбивается с намеченного пути литературной пародии и сочиняет отдельные стихотворения и даже целые поэмы, в которых пропадает разъедающая соль критической насмешки, а местами проглядывает недурной и неглупый поэт декадентского стиля»*.

Большой интерес представляет другой литературный эксперимент: Сергей Терзаев, Владимир Краснов и Михаил

* Северный вестник. 1895. № 11. С. 50–53 (2-й паг.); перепеч.: Волынский А. Борьба за идеализм. С. 410–413.

«Декаденты» Терзаев, Краснов и Славянский
Портреты из книги-пародии «Кровь растерзанного сердца» (СПб., 1895)

Славянский. Кровь растерзанного сердца: Тревожные песни трех первых русских декадентов. СПб., 1895. Узкая длинная книжечка на плотной бумаге — ныне ненаходимый раритет. 104 страницы, целиком напечатанные красной типографской краской — как бы кровью, причем в типографии Кровицкого. На последней — рисованные портреты авторов. Предисловие: «Перед вами — букет нервно порванных струн! Человеческие слезы — смешались с фиалками; лилии наклонились в сторону торжества; звуки арфы говорят вам о забытых стонах. Это — поэзия. Это — смех и слезы гения; ад и рай вдохновенных сердец. <...> Кто не взлетал на небеса? Кто не лобзал луны? Кто не играл с дриадами и не спускался в ад?!!» и так далее. Подборка «Песни Терзаева» состоит из разделов «Кружева», «Терзания», «Нервы» и «Скрежет»; «Гимны Владимира Краснова» включают «Идиосинкразии», «Флажолеты», «Фонтаны» и «Ужасы»; «Ноктюрны Михаила Славянского» — это «Атрофия», «Желчь» и «Раны». Заглавия стихотворений под стать разделам: «Разноцветная женщина», «Долой кожу», «Моему скелету», «Лунатизм», «Осколки мозга». Под всеми текстами — общим числом 63 — одна и та же дата: 6 сентября 1895 года. Цензурное разрешение: 23 сентября того же года. Первая дата может быть мистификацией, вторая — нет.

Нетрудно догадаться, что перед читателем пародия на «Русских символистов». Пародия не столько на конкретные стихотворения, сколько на сборник в целом — как на проект, на явление литературы и литературного быта. «Кровь растерзанного сердца» — не книга пародий, но книга-пародия, целиком написанная в духе новомодного направления и граничащая с мистификацией, — явление редкое и мало изученное. Авторами мог двигать и коммерческий расчет: глумившаяся над декадентами критика успела «разогреть» публику, так что Брюсов увидел в этой затее не столько сатиру, сколько «спекуляцию на модном течении, обирание рублей»*. Не указанным в книге издателем был юмористический журнал «Стрекоза», рекламировавший ее как «напечатанную кровью». Подлинными авторами «прикола» — термин из другой эпохи, но идеально подходящий для данного случая, — оказались юморист Сергей Александрович Патараки, лирик Владимир Александрович Мазуркевич (романс «Дышала ночь восторгом сладострастья...») и драматург Михаил Викторович Шевляков. Литераторы, мягко говоря, третьестепенные...

Оставим специалистам филологический анализ оригинала и пародии. По оценке С. И. Гиндина, «Кровь растерзанного

* Черновик письма Перцову (между 17 октября и 11 ноября 1895): ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 687.

сердца» «лишена всякой эстетической ценности» и, несмотря на пародийность замысла в целом, «отдельные пародии в силу своей поэтической беспомощности не могли воссоздать индивидуальность» стихотворений «Русских символистов»*. Авторы «Крови...» попытались перенять наиболее внешние, легко-доступные приемы (как, замечу, и Соловьев), но получилось у них весьма примитивно. Таков «Радужный призыв» Славянского, завершающий книгу:

В фиолетовой тоге смиренья,
С синим чувством блаженства в груди,
С голубою мечтой возрожденья,
Ты в объятья мои уподи!
И зелеными песнями сердца,
Желтым стоном оранжевых глаз,
Поцелуем любви ярко-красным,
Приласкай, как ласкала не раз!

«Ваш полуцветной», — иронически подписал Брюсов черновик ответного письма «неизвестной поклоннице», которая 17 мая 1895 года «сделала мне честь прислать мне безграмотные стихи, где признается мне в страстной любви», как сказано в дневнике**.

Многие стихотворения из «Русских символистов» были восприняты читателями как мистификации или даже пародии, некоторые балансировали на этой грани: вспомним, как Брюсов приспособил к делу пародийные вирши Эрлы-Мартова. Отделить одно от другого не всегда получалось. В марте 1895 года Валерий Яковлевич получил из Казани стихотворение некоего «Антского» «В сумраке сомнения...» с коротким письмом, однако не опубликовал его, заподозрив подвох. Оно «не хуже и не лучше многих других стихотворений», — писал Брюсов 1 апреля Перцову, уроженцу Казани. — Кроме того, нам важна и самая личность поэта». Ничего *заведомо* пародийного в тексте Антского не было, но интуиция не подвела Брюсова: согласно позднему сообщению Перцова, стихотворение написал казанский студент Антон Стежинский с мистификаторской целью***. На опыты некоего «Василия Перлова» Брюсов не отреагировал вовсе: строка «Звуки звонко злятся зорькой» слишком напоминала «Чуждый чарам черный челн» — хотя они сопровождалась не менее высокопарным письмом, чем годом

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 690.

** Там же. С. 628–630.

*** Письма к Перцову. С. 16, 80. Стихотворение и письмо Антского: Тяпков С. Н. К истории первых изданий русских символистов. С. 145.

ранее написал Мартов-Бугон: «Боже мой! Как у нас мало гениев в России! Литература падает! Вся надежда на Вас! От души желаю, чтобы *наше* новое направление возродило нашу, готовую упасть, русскую поэзию»*.

Литературный скандал вошел и в повседневную жизнь Брюсова — в лице журналиста и стихотворца Александра Николаевича Емельянова-Коханского, с которым он познакомился 6 сентября 1894 года. Наиболее известный его портрет оставил Бунин: «Это был рослый, плотный малый, рыжий, в веснушках, с очень неглупым и наглым лицом. <...> Самолично появился на Тверском бульваре: в подштанниках, в бурке и папахе, в черных очках и с длинными собачьими когтями, привязанными к пальцам правой руки. Конечно, его сейчас же убрали с бульвара, увели в полицию, но все равно: дело было сделано, слава первого русского символиста прогремела по всей Москве. Все прочие пришли уже позднее — так сказать, на готовое». Последнюю фразу, как и замечание о том, что Емельянов-Коханский «имел на начинающего Брюсова значительное влияние»**, принимать всерьез не следует — это отголосок нелюбви зрелого Бунина к «декадентам», давнего знакомства с которыми он стеснялся.

Служивший кассиром на бегах и агентом похоронного бюро, сочинявший тексты «цыганских романсов» и принятый исключительно в «малой прессе», Емельянов-Коханский не отличался ни литературным талантом, ни элементарной порядочностью (Брюсов сразу заподозрил в нем «сыщика»), но хорошо знал околотитературную жизнь, охотно разнося новости и сплетни по редакциям и кружкам. Вероятно, этим он заинтересовал Валерия Яковлевича и его приятелей. «Емельянову, по-видимому, льстило общество образованных молодых литераторов, — отметил С. И. Гиндин. — Брюсова же, как можно предполагать, наряду с широкой осведомленностью Емельянова в московской литературной жизни притягивала и его одиозная репутация, возможность изведать в его обществе разного рода „декадентские“ соблазны. Наконец, Емельянов не гнушался принятием в дар чужих стихов, и возможность писать стихи от лица и от имени поэта такого типа и уровня стала для Брюсова, с его стремлением к поэтической многоликости, особенно притягательной»***.

В истории отношений Брюсова с этим красочным персонажем наиболее известен факт получения вторым «в собственность»

* Цит. по: *Тяпков С. Н.* К истории первых изданий русских символистов. С. 146.

** *Бунин И. А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 286, 279.

*** *ЛН.* Т. 98. Кн. 1. С. 655.

от первого тетради стихов. 11 стихотворений и 7 переводов (в основном из Верлена!) Валерия Яковлевича включены в единственный поэтический сборник Емельянова-Коханского «Обнаженные нервы», первое издание которого появилось в июне 1895 года (цензурное разрешение от 14 мая того же года), составив в нем раздел «Песни моего знакомого»*. Менее известно, что 12 из них и еще 3, не попавшие в сборник, появились в декабре 1894 и январе 1895 года в московской газетке «Театральные известия» под нарочито декадентским псевдонимом «А. Алоэ»**, 14 июля 1895 года, после разрыва с бывшим приятелем, Брюсов поведал Перцову историю этого дара: «Однажды Емельянов-Коханский нашел у меня на столе старую тетрадь стихов, которые я писал лет 14–15<ти>, и стал просить ее у меня. Я великодушно подарил ему рукопись, вырвав только некоторые листы»***. Это верно лишь отчасти: названия некоторых из вошедших в «Обнаженные нервы» стихотворений фигурируют в гимназических дневниках Брюсова, но написаны им в 18–19, а не в 14–15 лет****; другие в рабочих тетрадях снабжены пометами «Емельянов-Коханский», как для прочих «мертвых душ» в «Русских символистах». Однако в альманахах Брюсов его не допустил.

Выход «Обнаженных нервов», отпечатанных на розовой бумаге, посвященных «Мне и египетской царице Клеопатре», с портретом автора на фронтисписе в костюме оперного Демона и с мистификаторским предисловием «издателя А. С. Чернова», привел Валерия Яковлевича в бешенство. Рассчитанная на скандал, книга «первого смелого русского декадента» достигла цели, прославив ее автора, но в гораздо большей степени она дискредитировала усилия Брюсова, который как раз собирался выпустить свой первый авторский сборник. Посвящение «Обнаженных нервов» издевательски обыгрывало последнюю фразу брюсовского предисловия к «Шедеврам», которое Емельянов-Коханский мог читать или хотя бы слышать: «Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству». Претенциозное предисловие издателя, написанное самим автором, не только пародировало

* Установлено Р. Л. Щербаковым по записной книжке Брюсова «Я и мир»: *Библиография*. С. 11–12. Тексты Брюсова перечисл.: *НН*. С. 5–11.

** Установлено Р. Л. Щербаковым на основании письма Н. Н. Бахтина к Брюсову (27 января 1895): *Щербаков Р. Л. Неопознанные стихотворения Брюсова // Чтения-2002*. С. 388–389.

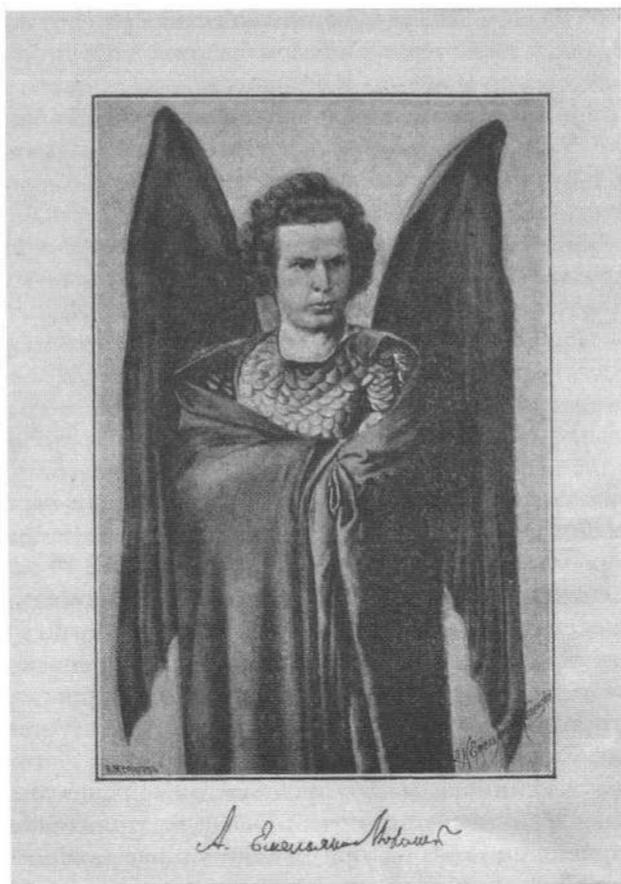
*** *Письма к Перцову*. С. 30.

**** «Мой друг, легко всех презирать...» (вариант стихотворения «Призрачное зло»; 29 марта 1892), «Винувата ли я» (16 августа 1892), «На полях Филиппийских» (21 ноября 1892): *Дневники*. С. 5, 8, 10.

Книга Александра Емельянова-Коханского
«Обнаженные нервы» (М., 1895)
Обложка

вымышленного издателя «Русских символистов» «В. А. Маслова», но и содержало ряд конкретных уколов. «Только за последний год тяжелая и страшная болезнь не дает ему возможность продолжать так же скромно и усиленно работать на тернистой ниве нашей литературы» — намек на публично обнародованное «отречение» Ланга от литературы, а возможно, и на некую болезнь самого Брюсова, поскольку о недугах подлинного автора нам ничего не известно. Упоминание о помещении портретов автора «в Лондоне в сборнике демонистов и в Париже в сборниках декадентов» иронизирует над «международными связями» брюсовского альманаха. Мнимое чтение им стихов на похоронах Чайковского метит в несостоявшееся выступление Брюсова на похоронах Плещеева 8 октября 1893 года: его заметили, но не

Александр Емельянов-Коханский
 Портрет из книги «Обнаженные нервы»

дали сказать речь*. Досталось и «С.П.Б. символистам» в грубоватом стихотворении «Забубенная фантазия» с вердиктом: «Будешь Поприщинным».

Представление о «декадентских» произведениях Емельянова-Коханского (в сборнике рядом с ними много банальных стихов в духе времени) может дать первое же стихотворение книги «Наброски», которое, по утверждению Брюсова, в оригинале называлось «Изнасилование труппа»:

Рыдали безумные свечи
 О труппе прекрасном твоём.

* На могиле Плещеева // Семья. 1895. № 39. 1 октября. С. 6; отмечено: Библиография. С. 239.

Летели прозрачные речи
 О черном и белом былом...
 И вместо очей твоих ясных
 Виднелись воронки одне,
 И все о затратах ужасных
 Шептало шумовкою мне...
 Лиловые губки молчали,
 Хранили свой чувственный вид,
 Атласные груди упали,
 И лоб был суров, как гранит...
 Развились песочные волны
 Твоих беспокойных кудрей,
 А руки, как прежде, все полны
 Объятий и адских затей...*

Это не что иное, как бойкая и издевательская пародия на «Русских символистов», в данном случае на «цветные» эпитеты, над которыми потешалась критика, и на стихи «З. Фукс», которые Емельянов-Коханский позже попытался приписать себе.

Как отметил С. И. Гиндин, «до выхода „Обнаженных нервов“ направление, избранное Емельяновым, оставалось явлением быта, после их выхода оно становилось литературным фактом. Брюсов предвидел, что произведения объявившего себя „декадентом“ Емельянова окажутся сущей находкой для критики в ее атаках на символизм. Это предвидение оправдалось»**. Валерий Яковлевич вынес приговор бывшему приятелю: «Один из бездарнейших поэтов мира»; «Если уж нас можно считать карикатурой на западный символизм, то какая же ужасная пародия этот Емельянов-Коханский на Бодлэра! Книги более отвратительной, более глупой, более бездарной — я не видал»; «Все то сокровенное, ужасное, что автор видит в своих произведениях, существует только для него; читатель же находит глупейшие строчки со скверными рифмами»***. Но для

* Печатается с сохранением пунктуации оригинала. В «Послесловии издателя и автора» к «Обнаженным нервам» сказано: «В сборник „Обнаженные нервы“ вкралось много опечаток... Ни автор, ни типография в этом не виноваты... Корректуру, к сожалению, должна была „держать“ хористка из Яра. Считаем необходимым исправить (не отступая ни на шаг от оригинала, позволенного цензурой) только такие промахи, которые нарушают смысл и вредят красоте, а не синтаксису и грамматике. За неисправление остальных мелких опечаток мы предоставляем полное право нашим врагам называть нас безграмотными... Мы же прощаем маленькие ошибки хорошенькой женщины...» (С. 131).

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. 668–669.

*** Письма к Перцову. С. 21, 24, 30 (17 марта, без даты (начало июля?) и 14 июля 1895).

критиков тот продолжал оставаться «декадентом», и хотя бы по этой причине от него надо было решительно отмежеваться, дабы не позорил всю школу: «Он был глупее обыкновенного, — набрасывал Брюсов очередное послание Перцову в конце октября 1895 года, — а хуже всего то, что со времен своих „Обнаженных нервов“ он вообразил себя в самом деле поэтом. Прежде я не считал нужным осуждать его произведения — таким жалким казался он, а теперь приходится доказывать и ему, и его знакомым, что он двух стихов сладить не умеет»*. «„Обнаженные нервы“, как и „Кровь растерзанного сердца“, — вне литературы», — повторял Валерий Яковлевич в набросках брошюры «Русская поэзия в 1895 году», над которой работал в конце года.

То, что «декадентская» часть «Обнаженных нервов» написана не более всерьез, чем «Кровь растерзанного сердца», сомнений не вызывает. Но что двигало автором? Только ли коммерческий расчет, умение использовать любой информационный повод и жажда известности, пусть даже скандальной? Словарь С. А. Венгерова определил Емельянова-Коханского как «автора спекулятивных подделок под декадентство»**. Однако 21 ноября 1895 года тот написал большое письмо врагу символистов Амфитеатрову, заявив, что его книга — «очень нескромная „шутка-сатира“ на наше „рассейское символичество“, что „юнцы-ерундисты“ или символисты с г. Брюсовым-коноводом» знали об истинном характере «Обнаженных нервов» и отговаривали автора от «опасного шага», а затем подвергли его остракизму, особенно после чтения обидных пародий на них***. По просьбе автора Амфитеатров переслал письмо Буренину, который дал новый залп по символистам, утверждая, что Емельянов-Коханский раскаивается в своей шутке, единственной целью которой было доказать, что все декаденты — шуты гороховые****. «Никакими средствами не брезгают, чтобы только уничтожить символистов»***** — с горечью писал Брюсов Перцову 13 декабря.

В письме содержались и «разоблачения» личного характера: по совету опытного в газетных делах Емельянова-Коханского Брюсов якобы подкупил журналиста «Русского листка» Ракшанина для рекламирования символизма; нелестно отзывался

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 687.

** Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей. Т. 1. Пг., 1915. С. 273.

*** Цит. по: Тялков С. Н. К истории первых изданий русских символистов. С. 148–149. «Обидные пародии» — видимо, «Желчь», заключительный раздел «Обнаженных нервов», открывающийся стихотворением «Бред декадента».

**** Буренин В. Литературные очерки // Новое время. 1895. № 7098. 1 декабря. С. 2.

***** Письма к Перцову. С. 52.

об авторе «Обнаженных нервов», в то время как сам напечатал в «Русских символистах» его стихи за подписью «З. Фукс», не узнав автора, поскольку они были переписаны женской рукой и присланы по почте. В «разборки» газетчиков Валерий Яковлевич вмешиваться не стал; непричастность Емельянова-Коханского к опытам «З. Фукс» доказана Р. Л. Щербаковым и С. И. Гиндиным. Разрыв отношений стал окончательным, хотя еще 23 августа 1895 года Брюсов подарил Емельянову-Коханскому стихотворение «Призраки», которое тот, вместе с прочими презентами, включил во второе и третье издания «Обнаженных нервов» (1901; 1904). Последним словом в их диалоге стала рецензия «Д. Сбирко» (псевдоним, который Брюсов использовал только дважды) на третье издание: «Емельянов-Коханский в литературе похож на невоспитанного человека, который задумал быть развязным и смелым в обществе: все выходки его грубы и не столько смешны, сколько неприятны». Полагаю, что таким «первый смелый русский декадент» был не только в литературе и что за этими словами стоят конкретные личные воспоминания. «Обнаженные нервы» все-таки испортили репутацию Брюсова, которого стали путать с их автором. В конце октября 1902 года Чехов послал Бунину открытку с портретом Емельянова-Коханского, написав на ней: «Милый Жан! Укрой свои бледные ноги!»*

«Критика, единодушно подвергнувшая первое выступление московских символистов литературной анафеме, не только привлекла к ним внимание общественности, но и стимулировала выработку тактики активного противодействия. <...> Именно эта, лишенная серьезной теоретической базы и достаточной аргументации, нередко рассчитанная на анекдот „журнальная ругань“, не только создавала „дурную славу“, отголоски которой преследовали Брюсова до конца дней, но и способствовала укреплению позиций московских символистов, признавая их существование де-факто, как вполне реальное явление современной литературы, мимо которого уже нельзя пройти безразлично. Брюсов сразу же оценил сложившуюся ситуацию и активизировал свою деятельность, избрав тактику фронтального наступления на литературных противников»**.

Коммерческий неуспех «Романсов без слов» побудил отказаться от отдельных изданий иностранных поэтов, хотя Брюсов не устал ссылаться на их авторитет, например, в статье «К истории символизма»***. Он понял, что «формат» «Русских

* Бунин И. А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 209.

** Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века». С. 5–6.

*** ЛН. Т. 27/28. С. 269–274 / Публ. К. Г. Локса.

символистов» исчерпал себя, и не довел до конца издание четвертого выпуска. Вместо альманаха нужны были авторские сборники, но серьезных авторов, кроме него самого, пока не находилось. Так родилась идея «Chefs d'œuvre» — «сборника несимволических стихотворений», как говорилось о нем в рекламном объявлении на последней странице второго выпуска «Русских символистов»: увы, с опечаткой «shefs», давшей газетчикам повод позубоскалить.

Считая нападение лучшим видом обороны, Брюсов начал работать над брошюрой «Русская поэзия в 1895 году»*, в которой обзор «текущего момента» должен был сочетаться с развернутым ответом критикам (два замысла то отделялись друг от друга, то сливались в один). Он вышел на битву в полном сознании того, что ему предстоит и на кого он замахивается. Он все понимал — и рискнул, понимая: Победа или Смерть! Во всяком случае, литературная...

«Пора поднять оружие для защиты, а — если надо будет — и перейти в наступление, зная, что силы в такой борьбе будут неравны — но „тем будет громче гимн победы!“ Пусть у тех свой журнал или своя газета, которую читают тысячи, а у нас случайная брошюрка, которую купит сотня-другая читателей, да и то больше из глупого любопытства. Пусть у тех имя, известность, может быть, незаслуженная, но торжествующая, — а у нас прозвище „русских символистов“, деятельность, начатая слишком недавно, но уже слышавшая слишком много свистков и проклятий. Пусть у тех привычка писать, взгляды общие со взглядами толпы, уверенность в победе, беззастенчивость, — а у нас ничего, кроме понимания прекрасного, — драгоценности, недорого ценимой в наши дни. Пусть! Я выхожу на борьбу — и пока для меня будут светить зори — я не уроню своего кнута, не опущу копья. Я объявляю войну — с моей стороны неумолимую <...> Я буду обличать пошлость их суждений, узость их взглядов, недостойность их приемов во всех областях, которые мне доступны. Я буду бодрствовать над ними, как мрачный ангел, я буду для них трубой, напоминающей об ином мире — мире красок, который они презирают. Слышите, вы? Я возвещаю вам смерть!»**

Декларация осталась в архиве. Возможно, Брюсов понял, что не перекричит противников с помощью «случайной брошюрки». Возможно, решил не тратить силы на полемику и заняться оригинальным творчеством. В эти годы он пробовал

* См.: Паняня Ю. М. Ранние критические статьи В. Брюсова // *Чтения*. 1963. С. 272–277. О замысле 1894 года «Русские символисты. Характеристики и наблюдения», тоже не вышедшем из стадии набросков: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 709.

** Цит. по: Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века». С. 8–9.

силы во многих жанрах. Неоконченные романы: «Грань» о последних годах Римской империи, который «заслуживает опубликования как этапное произведение ранней брюсовской исторической прозы»*, и «Медиум» (варианты заглавия — «Берег» и «Декаденты») «из жизни русских декадентов»**. Замысел сборника рассказов «О чем вспомнилось мне» (1894)***. Драматургия: кроме упомянутых ранее, этюд «Каракалла», сатирическая драма «Красная шапочка», маленькая драма для марионеток в духе Метерлинка «Урсула и Томинетта» плюс большое количество набросков и планов****. Работы по истории и теории поэзии, среди которых главное место занимала «История русской лирики»*****. Этот «труд громадный, величайший», который «должен создать науку „истории литературы“»*****, остался незавершенным, хотя и сыграл большую роль в становлении автора как ученого и как вождя новой школы.

* *Гречишкин С. С.* Ранняя проза Брюсова // *РЛ*. 1980. № 2. С. 205.

** Один из вариантов: «Бледны московские улицы...». Незавершенный роман В. Я. Брюсова / Подг. текстов С. И. Гиндина и А. В. Маньковского. Вступ. и коммент. А. В. Маньковского // *Наше наследие*. 1997. № 43/44. С. 121–135.

*** В книгу предполагалось включить рассказы «Клеон и Антоний», «Трижды Ангел», «Август и Вергилий»: *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 70.

**** *Страшкова О. К. В.* Брюсов — драматург-экспериментатор. Ставрополь, 2002. С. 36–41, 56–60, 81–84, 87–110; *Брюсов В. Я.* Урсула и Томинетта // Там же. С. 162–166; Из ранних пьес В. Я. Брюсова («Красная шапочка») // *НБ*. С. 29–37 / Публ. Л. В. Мартиросян; *Андреасян Н. Г.* Из неопубликованного драматургического наследия В. Я. Брюсова // *Чтения-1996*. С. 36–44.

***** *Брюсов В.* Очерк истории русского стиха и рифмы // *Вопросы языкознания*. 1970. № 2. С. 104–109; *Брюсов В.* Из «Истории русской лирики» // *Русская речь*. 1972. № 4. С. 48–51. Обе публикации подготовлены С. И. Гиндиным, детально исследовавшим этот замысел Брюсова.

***** Автохарактеристика из письма Самыгину (15 июля 1897): *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 376.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«ПОЛДЕНЬ ЯВЫ»

Весной 1894 года Брюсов задумался об авторском сборнике: в тетрадах появились заглавие «Les chefs d'œuvre» и эпиграф: «Огонь горит, но пламя часто исходит с дымом. Фома Кемпийский»*. Особое значение он придавал композиции и архитектонике, о чем позднее писал в предисловии к «Urbi et orbi»** (1903): «Книга стихов должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которые нельзя переставлять произвольно». Считается, что именно здесь Брюсов впервые сформулировал свое понимание «книги стихов», но эта концепция возникла у него десятилетием раньше. Еще в пьесе «Проза» (1893) поэт Даров говорил: «Многие не поймут и этого нововведения, чтобы сборник стихотворений составлял одно целое, как роман или поэма. Да, каждое стихотворение связано с прежним, готовит следующее, пока все не разрешится последним чарующим аккордом»***. 25 августа 1895 года Брюсов писал Перцову о «Шедеврах»: «Умоляю Вас,

* Брюсов использовал эту фразу в инскрипте Перцову на первом издании «Шедевров» (ЛН. Т. 27/28. С. 289), а готовя в 1922–1923 годах тексты для несостоявшегося собрания сочинений, взял ее эпиграфом к стихотворению «Туманные ночи».

** «Городу и миру» (лат.).

*** Брюсов В. Заря времен. С. 52–53.

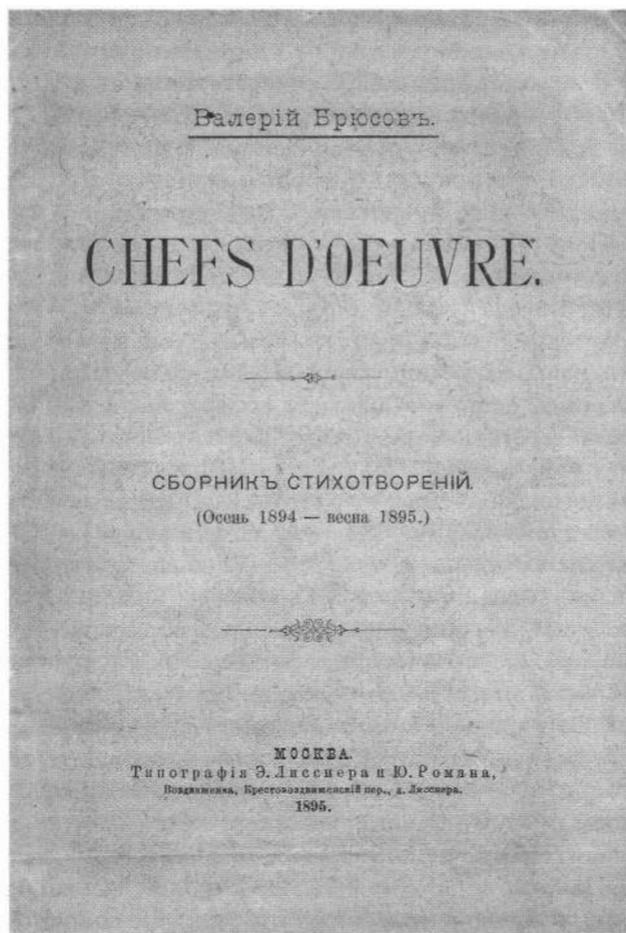
читая ее, — читать все подряд, от предисловия к содержанию включительно, ибо все имеет свое назначение, и этим сохранится хоть одно достоинство — единство плана. ChdO <...> цельный сборник, с головой, туловищем и хвостом, — так их должно и рассматривать»*.

Подобное понимание «книги стихов» не было присуще русской поэзии XIX века, за редкими исключениями вроде «Сумерек» (1842) Баратынского. В этом Минский и Мережковский принципиально не отличались от самых замшелых стихотворцев. Одновременно с Брюсовым к созданию цельной книги стихов подошел Бальмонт. Можно предположить, что определяющее влияние на обоих оказала французская традиция, включая «Цветы зла» или «Романсы без слов». Дж. Гроссман возводит брюсовскую концепцию «книги стихов» к исследованию друга Бальмонта князя Александра Урусова «Тайная архитектура „Цветов зла“», опубликованному в Париже в 1896 году и оказавшему большое влияние на литературу о Бодлере именно тем, что привлекло внимание к композиции его главной книги. Брюсов знал эту работу и был лично знаком с Урусовым**. Однако «Проза» показывает, что ее автор пришел к тем же самым выводам раньше и независимо от Урусова, хотя и под возможным воздействием Бодлера.

История четырех изданий «Шедевров»: отдельных (1895; 1896), в первом томе собрания стихов «Пути и перепутья» (1908) и в первом томе *ПССП* (1913) — представляет не только филологический интерес. Первые два — дебют, третье — закрепление своего места в литературе, четвертое — превращение в «классика». Позднее «Шедевры» печатались только по четвертому варианту, который отражает последнюю авторскую волю, но к молодому Брюсову отношения не имеет. Чтобы понять характер его дебюта и реакцию современников на него, необходимо обратиться к первым изданиям.

* Письма к Перцову. С. 37–38.

** Grossman J. D. Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence. P. 63–65. В 1894–1895 годах Урусов вел дело Я. К. Брюсова о наследстве его отца, скончавшегося в июле 1893 года от воспаления почек: «По свидетельству лечивших его врачей, в последние дни перед смертью он находился в коматозном состоянии. Благодаря хлопотам проживавшей с ним внучки, Марии Александровны Губкиной, было составлено духовное завешание, которое больной даже не смог подписать. За него это сделал священник из ближней церкви, в пользу которой отходило 6000 рублей. Я. К. Брюсов опротестовал законность завешания и потребовал выделения ему и его пятерым детям доли наследства в сумме 228 150 рублей. Этот процесс был выигран Я. К. Брюсовым» (комментарий Р. Л. Щербакова: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 305).

Первое издание книги Валерия Брюсова «Chefs d'œuvre» (М., 1895)
Обложка

2 мая 1895 года «Шедевры» были дозволены цензурой и отнесены в недорогую типографию* Э. Лисснера и Ю. Романа в Крестовоздвиженском переулке. Лето Брюсов проводил на даче в Хоросево — занимался с сестрами, гулял с ними в лесу или играл в крокет, сочинял стихи и строил грандиозные планы: издать четвертый выпуск «Русских символистов» и

* 6 августа 1895 года Брюсов сообщил Курсинскому типографские расценки, исходя из формата «Русских символистов» (13 × 17 см): «Набор с листа — 10 р. Печатанье id (так же *лат.*) — В. М.) — 3 р. (сколько бы ни было экземпляров). Бумага на 100 экз. меньше стопы; стопа хорошей бумаги — рубля 4. Обертка и брошюровка 10 р.» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 300).

«Юношеские стихотворения» с автобиографией, закончить два романа, драму и переводы Эверса, написать поэму «Атлантида» и обзор «Русская поэзия в 1895 году». Тетради наполнялись заметками, но дальше этого дело не шло. Кроме редких поездок в Москву для встреч с друзьями, главным развлечением служила переписка с Курсинским, проводившим лето в Ясной Поляне: Брюсов взялся представить в цензуру первую книгу его стихов «Полутени», для чего собственноручно переписал ее, попутно сообщив автору ряд замечаний*.

Выпущенные тиражом 600 экземпляров, «Шедевры» – в скромной шрифтовой обложке и со старомодными виньетками, какие нашлись в типографии, – включали «лирические поэмы» «Осенний день» и «Снега», за которыми следовали 25 стихотворений, составивших циклы «Криптомерии», «Последние поцелуи» и «Méditations». Первая из поэм была совсем не «по-декадентски» посвящена «Мане»: не это ли спародировал Емельянов-Коханский в посвящении «Мне»? Адресат – купеческая дочь Мария Павловна Ширяева, третья героиня венка сонетов «Роковой ряд», «девица ужасно набожная», с которой Валерий Яковлевич весной и летом 1894 года ходил по церквям и монастырям.

Поэме предшествовало велеречивое предисловие, фразы которого звучали как декларации, но были мало связаны друг с другом. Наибольшее внимание привлекла концовка: «Chefs d'œuvre – последняя книга моей юности; название ее имеет свою историю, но никогда оно не означало „шедевры (так! – В. М.) моей поэзии“, потому что в будущем я напишу гораздо более значительные вещи (в 21 год позволительно давать обещания!). Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству». В рукописи остались более дерзкие заявления: «Издав эту книгу, ослепив глаза всем искренним ценителям поэзии, я отдамся той новой поэзии, образ которой давно тревожит меня. Пока я противлюсь ее искушениям, но тогда вполне отдамся ей, буду упиваться ею как любовницей, радостно встречу все безумства страстей. Конечно, мои издания того времени, если будут встречены, то только хохотом и свистом. Но мне-то что до того. Вперед!»**

«Криптомерии» открывались сонетом «Предчувствие», первая строка которого была не менее революционной, чем «однострок» про «бледные ноги»:

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 278–302.

** Цит. по: Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века». С. 19.

Моя любовь — палящий полдень Явы.

Едва ли не единственным, кто сразу же оценил его значение, был Лялечкин: «Ваш экзотический сонет поистине шедевр, и если в вашей книжке будут только подобные стихи, то название ее совсем не будет преувеличенным»*. «Никто в то время не понял, — констатировал пятнадцать лет спустя теоретик и историк символизма Эллис (Лев Кобылинский), — что нужное, долго и смутно ожидаемое слово найдено и выкрикнуто; пусть этот выкрик был дерзок, наивен, исполнен противоречий и недостаточно „солиден“, пусть среди первых опытов наших „символистов“ многое было слабо, но все же знамя было выброшено»**.

За «полднем Явы» следовали раздумья индийской девушки «на журчащей Годавери», гигантские каменные статуи острова Паски, жрец, божеством для которого является «далекий Сириус, холодный и немой», гондолы, прокаженные. Критика увидела в этом лишь декадентские выходки, хотя простила бы подобные темы и образы парнасцу Майкову или, скорее, его эпигонам вроде Владимира Лебедева. Брюсову не прощалось ничего, хотя экзотика была им взята из географических и естественнонаучных журналов, а не из «мечтаний опиомана». Поэтому второе издание автор снабдил примечаниями. Однажды он получил по почте издательское послание за подписями «Мимозно-орхидейная хризантема», «Поярково-оранжевый Скорпион» и «Кисловато-просвечивающий Хамелеон» со стихами***:

Никак не понявши «вауая»
Сидели мы, тебя, Валерий, вопрошая, —

намекавшими на строки из стихотворения «В ночной полумгле», которое перекидывало мостик от «Криптомерий» к «Последним поцелуям»:

Но чу! Что за шелест лиан?
Опять вауаев проказа?

Приняв замечание анонимов к сведению, Брюсов при переиздании озаглавил стихотворение «Вауау» и пояснил: «Вауау —

* В пересказе Брюсова: *Письма к Перцову*. С. 38.

** Эллис <Кобылинский Л. Л.> *Русские символисты*. Томск, 1998 (впервые: М., 1910). С. 114–115.

*** Цит. по: *Тяпков С. Н. Брюсов в пародиях современников // Творчество писателя и литературный процесс*. Иваново, 1986. С. 82.

явайское название обезьяны оа (*Hylobates leuciscus*) из рода гиббонов». Трудно сказать, какой вариант выглядел более вызывающим: первый, без пояснений, или второй, указывающий на то, что никакого «декадентства» здесь нет, а есть лишь то, чего не знают обыватели.

Самым большим дерзанием — или дерзостью? — стали эротические стихи. «Эротика „Шедевров“ оказалась в опале и была подвергнута критической анафеме»*, — заметил В. С. Дронов. Звучит двусмысленно, если учесть, что наибольшим цензурным преследованиям она подверглась в семитомнике 1973 года, где из окончательного варианта этой небольшой по объему книги были исключены 5 стихотворений и 1 поэма.

Мерещилось мне, в неверной тени,
Опухшее женское тело,
И мерзости ласк, и грязь простыни,
Каким-то салом давно пропотелой.
(«Фантом»)

Одна из осужденных жриц,
Я наблюдаю из кровати
Калейдоскоп людей и лиц,
И поцелуев и объятий...
(«Стансы»)

Трудно сказать, чего здесь больше — детских впечатлений от жизни вблизи «московской Субурры» или следов чтения Бодлера. Приведу свидетельство Станюковича, которое можно считать реальным комментарием к «Фантому»: «Из темных ворот, из подвалов, из черных зловонных нор выползали сильные, опухшие женщины. Они ссорились, ругались истоиво, хватили за рукава проходящих, предлагали за гроши свое дряблое тело»**. Что касается «Стансов», то строгие критики, видимо, не дочитывали их до конца:

И если промелькнувший сон
Напомнит годы упования,
То в нем не сад и не балкон,
Мне снятся не любви признанья...
Я вижу девочкой себя,
И спальню, и иконы наши,

* Дронов В. Творческие искания Брюсова «конца века». С. 29

** ДН. Т. 85. С. 721.

И мать, склонившуюсь любя
Перед кроваткой дочки Саши*.

«Одним интимно-бытовым „иконы наши“ сказано все, что хотел сказать поэт. Весь трагизм проституции передан двумя строками:

И непонятно больше мне
Святое слово „наслажденье“.

Целая философия, целый мир в этих двух строках! Так подслушать, подсмотреть тайну чужой души может только большой, истинный поэт**.

«Шедевры» вышли одновременно с третьим выпуском «Русских символистов» во второй половине августа 1895 года: вспомним брюсовского героя Анапестенского, который «раз в год (осенью, когда критики еще не устали ругаться) печатал „книги“ в 15 страниц толщиной». Обругали их тоже одновременно. «Если бы у нас была критика, — грустно заметил Эллис, — проницательный глаз отметил бы среди этих ученических исканий несколько звуков, несколько сочетаний, возможных только у первоклассного художника***. Увы, «критика играет нежелательную роль и оказывает пагубное влияние на литературное развитие в стране»****, — сообщал в 1898 году настрадавшийся от нее Бальмонт читателям английского журнала «Атеней», для которого писал обзоры русской литературы.

Книгу не оценили даже те, на чье понимание автор, казалось, мог рассчитывать. «Твои посвящения или завещания странны и до невероятия самоуверенны»*****, — писал ему Станюкович. Судя по наброскам, Брюсов хотел ответить резко, но ограничился грустным укором: «Ты совершенно чужд той поэзии, к которой я стремлюсь. Ты не заметил того, чем я горжусь в „Chefs d'œuvre“. Ты прошел мимо тех стихотворений, в которых когда-то была вся моя душа. <...> Ты так далек от красоты настроений, образов, слов, от этой — если хочешь — бесполезной, бесцельной красоты, что произносишь несправедливые

* Текст первого издания; во втором автор исправил предпоследний стих: «И мать склоняется любя», возможно, по указанию Перцова (*Письма к Перцову*. С. 43); начиная с «Путей и перепутий» обе строфы переработаны; в «Избранных произведениях» (1926) этот финал вообще исключен. С 1933 по 1993 год не перепечатывалось.

** Эллис. Русские символисты. С. 123–124.

*** Там же. С. 120.

**** Бальмонт К. О русской литературе. М., 2007. С. 41.

***** Цит. по: Щербаков Р. Брюсов и Владимир Станюкович. С. 162.

Константин Бальмонт

Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург. Начало 1900-х. ИРЛИ

обвинения»*. Марксист Коган, язвительно названный в письме Станюковичу «некто г. Коган», «заявил даже, что напечатать я свое предисловие раньше — он не считал бы возможным вступить со мной в знакомство. Остались на моей стороне, — продолжал Валерий Яковлевич сводку с поля боя, — Ланг (по глупости своей), Курсинский (поэт, подражающий мне) и Фриче (умный господин, понимающий, что сущность не в предисловиях)**.

Однако негодование приняло такие размеры, что когда недавно

* ЛН. Т. 85. С. 738.

** В письме Перцову (25 марта 1895) к своим знакомым, «действительно понимающим поэзию», Брюсов отнес только Бальмонта, Лялечкина и Фриче: *Письма к Перцову*. С. 14.

в университете я стал читать Аристофана, аудитория недовольно зашипела, и до меня долетело слово „декадент“*». Образцы журнальной брани — от Буренина до Богдановича — я уже приводил. 8 сентября Брюсов честно признался: «Ругательства в газетах меня ужасно мучат».

Житейской «отдушиной», помимо романа с Маней Ширяевой, стали «случайные связи», о которых мы знаем совсем мало. Елена Владимировна Бурова, «пламенная Юдифь» «Роккового ряда» и адресат цикла «Глупое сердце», была, как сказано в дневниковой записи от 20 ноября 1895 года, «тенью, потревожившей стоячую воду моей жизни. Любви не было, но без нее я вдвое одинок»**. «Миньона», она же «Плавочка», не известна даже по имени. Очень поддерживала Брюсова переписка с Бальмонтом и с Курсинским. Отношение ко второму становилось снисходительно-покровительственным, но в Константина Дмитриевича, с которым он познакомился 27 сентября 1894 года в Кружке любителей западной литературы, Брюсов был буквально влюблен. В наброске для книги «Русские символы. Характеристики и наблюдения», задуманной по образцу «Проклятых поэтов» Верлена, он, говоря о себе в третьем лице, рассказывал: «В первую же встречу друзья провели всю ночь, не расставаясь и блуждая по московским улицам. Небо в тот день послало им чудо. Вопросы жизни и смерти, мира и небытия уже были подняты, уже исчерпана исповедь души, когда Брюсов заговорил о высшем и лучшем наслаждении <...> это мерный зов колокола в тихий утренний час. И вот как в ответ на эти слова последние отзвуки городской жизни замерли и первый звонкий удар сменился звучным глаголом благовеста. Два друга стояли очарованные и неподвижные в дымке утреннего тумана»***. В дневнике прозаичнее, но не менее красочно: «Познакомился с Бальмонтом. После попойки <...> бродили с ним пьяные по улицам до 8 часов утра и клялись в вечной любви» (28 сентября 1894).

Весной 1895 года у Брюсова появился новый друг — Петр Петрович Перцов. К середине 1890-х годов он уже был известен в литературных кругах — сначала родной Казани, потом Петербурга — в качестве журналиста и критика, «сменившего вехи» от народничества к «новым течениям». Он переписывался с Фетом, бывал у Майкова и Полонского, дружил с Мережковским и в то же время не терял связей с народническими кругами. Именно

* ЛН. Т. 85. С. 737; *Письма к Перцову*. С. 39–40. В дневнике Брюсов отметил «искреннее сочувствие Самыгина и Шулятикова» (11 сентября 1895).

** СС. Т. 1. С. 574 (примеч.).

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 709; купюра в публикации.

широта взглядов и эклектичность литературных и эстетических воззрений позволяли Перцову выступать в качестве собирателя и даже объединителя разнородных литературных сил, пусть на короткое время. Результатом этой работы явилась книга «Молодая поэзия. Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов». «Осенью 1894 года мне пришла в голову мысль составить хрестоматию лучших стихотворений молодых поэтов — представителей новой полосы русской поэзии и таким образом подвести этой „школе“ некоторые итоги. Я стал рыться в толстых и иллюстрированных журналах последних лет, просматривать бесчисленные сборники стихов и делать выписки»*.

«Цель настоящего сборника (первого в своем роде), — говорилось в предисловии, — представить критике и публике материал для общего суждения о характере, достоинствах и недостатках нашей молодой поэзии, столь мало популярной и, в сущности, столь мало известной. <...> Чуждые всякой партийности и тенденциозности, издатели руководились в своем выборе единственно правилом Тургенева: „в деле поэзии важна только одна поэзия“.**». Главный вопрос был, кого считать «молодыми», поскольку речь шла не о «паспортном» возрасте, но о месте поэта в «новых веяниях». За точку отсчета был взят 1855 год — год рождения Минского, признанного выразителя чаяний поколения, смотром сил которого стал сборник. Вл. Соловьев был старше его всего на два года, но в литературе не мог быть отнесен к тому же поколению. Фельетонисты немало поглумились над сорокалетней «молодостью», но Перцов пошел на это, понимая, что показать претендующую на новаторство поэзию без автора стихотворения «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» невозможно:

Лишь то, что мы теперь считаем смутным сном —
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,
Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет,
И жажда жгучая святынь, которых нет, —
Одно лишь это чуждо тленья...

В конце 1894 года Перцов обратился к Брюсову с просьбой сообщить, кто является автором стихотворения «Мечты о померкшем, мечты о былом...», напечатанного во втором выпуске «Русских

* Перцов П. П. Литературные воспоминания. С. 130.

** Молодая поэзия. СПб., 1895. С. 1.

Петр Перцов
1890-е

символистов» под литерой «М.», и сколько ему лет. 15 декабря Брюсов ответил, что «стихотворение написано лично мною», «но теперь я предпочел бы, если б Вы поставили мою настоящую фамилию», и сообщил свой возраст*. Среди участников сборника он оказался самым младшим. В середине февраля 1895 года Валерий Яковлевич получил книгу и вместо формальной благодарности ответил подробным письмом с разбором «Молодой поэзии»: «Я давно мечтал о таком сборнике и, думаю, не я один. Пора. Пора оглянуться, оценить Молодую Поэзию, хотя... хотя наводит она на грустные думы. <...> Ее может оживить только сноп ослепительно ярких лучей; тогда у нее найдутся и силы, и чувства, тепер же она труп с открытыми

* Письма к Перцову. С. 7.

глазами»*. Так началась переписка, переросшая в заочную, а затем и в очную дружбу. Одиннадцатью годами позже знаменитый и признанный Брюсов благодарил Перцова: «Первым человеком, который признал меня как поэта, были Вы, перепечатав в „Молодой поэзии“ „Мечты о померкшем“. Это было буквально первое в моей жизни („со стороны“, не „от своих“) одобрение моей поэзии. Очень помню»**.

После выхода сборника Перцов написал пространное послание своему другу, поэту и филологу Дмитрию Шестакову – панораму (или синодик?), современной поэзии в таком духе:

Лукьянов, Лялечкин, Жиркевич,
Ихтиозавров Аполлон***,
Панов, Закревская, Ленцевич,
Кугушев, Брюсов, Мазуркевич –
Велик Российский Геликон!

Готовя этот текст к публикации в начале 1970-х годов, Л. К. Долгополов отметил: «Перцов приводит здесь почти полный перечень поэтов того времени <...> Здесь все еще перемешано: Брюсов стоит рядом с Мазуркевичем, Бальмонт – с Церетелевым, Мережковский – с Порфириковым. Еще не выделились в самостоятельную группу символисты, не прочертили границы между собой и „восьмидесятниками“. Это 1895-й год: пока неясно, за кем будущее, за Брюсовым или за Шуфом»****.

От обсуждения «Молодой поэзии» корреспонденты перешли к обмену новостями, мнениями о поэзии и творческими планами. Брюсов писал подробно и тщательно, демонстрируя широкую эрудицию, без позерства, но с «частоколом восклицательных знаков» (выражение Перцова). Он признался, что не был доволен «Шедеврами», когда представлял рукопись в цензуру, а выход книги вверг его в меланхолию: «Первые дни я не мог видеть эту книжонку. Были минуты, когда я подумывал бросить все экземпляры попросту в печь. <...> Я дал себя уговорить своим чувствам, которые твердили, что если ChdO и не шедевры, то все же лучше моих прежде-печатанных стихов, что все же ChdO лучше многих и многих стихов современных поэтов»*****. «Понемногу все смягчилось, – писал он 22 сентября,

* *Письма к Перцову*. С. 7–8; *Саваров К. С.* «Молодая поэзия» в оценке В. Я. Брюсова. (К вопросу об эстетической позиции Брюсова 1895 года) // *Чтения*. 1980. С. 131–137.

** Цит. по: *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. С. 135.

*** Аполлон Коринфский.

**** *Собрание В. Э. Молодякова*.

***** *Письма к Перцову*. С. 37.

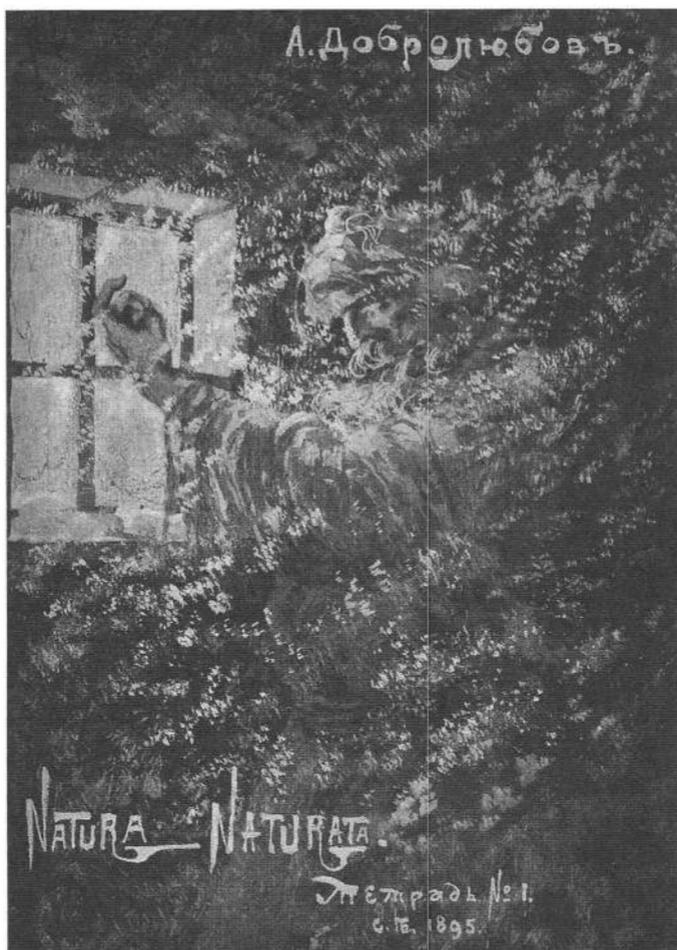
месяц спустя. — <...> Первые дни после издания я видел в своих стихах только одни недостатки; теперь все стало на место, и я вспомнил и о достоинствах. <...> Если бы мне предложили теперь или издать мою книжку в том виде, как она есть, или вовсе не издавать, я выбрал бы первое и не думаю, что этот выбор был подсказан только мелкими чувствами*.

Предложений от издателей, однако, не было и ждать их не приходилось. Зато 18 декабря Брюсов получил приглашение от Добролюбова участвовать в задуманном им вместе с Вл. Гиппиусом журнале «Горные вершины» и просьбу оповестить об этом всех «символистов» (в кавычках, т. е. участников московских сборников). «Ввиду того, что журнал затеян при небольших средствах, — говорилось в письме, — гонорар сейчас не выдается, а будет распределен в конце года, смотря по количеству прибыли». Валерий Яковлевич согласился, но задал ряд вопросов: о подписке, о помещении переводов и прозы и, наконец, «имеет ли редакция что-либо принципиально против моих произведений». Добролюбов сообщил, что «первый номер выйдет, должно быть, в феврале», и просил тексты любого жанра, включая переводы и критику**, но оптимизм оказался преждевременным. Инициаторы, будучи студентами, не могли выступать учредителями печатного издания, поэтому официальное прошение 12 января 1896 года подал «декадентствующий» поэт Константин Льдов (Розенблюм), в то время подружившийся с Добролюбовым. Главное управление по делам печати, «принимая во внимание, что проситель не получил образования даже в среднем учебном заведении и не пользуется достаточно солидной репутацией», отклонило его, поэтому Добролюбов обратился с аналогичной просьбой к своему покровителю Михаилу Микешину, известному скульптору и художнику, автору обложки к своей книге «Natura naturata. Natura naturans». Тот представил прошение об издании журнала «На рубеже», но умер во время его рассмотрения, так что вердикт снова оказался неблагоприятным.

Зимой 1895/96 года Брюсов тяжело болел ревматизмом. «Я очень серьезно помышлял, что переживаю свои последние недели, — набрасывал он очередное письмо Добролюбову, — и думал лично составить посмертный сборник стихотворений — таким образом по моим указаниям была составлена большая книга, стихотворений в полтораста, и отправлена в цензуру. <...> Выздоровев, я решил воспользоваться этой рукописью, но разделил ее на 2 собрания — „Juvenilia“ (стихи из

* Письма к Перцову. С. 40.

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 691–698.

Книга Александра Добролюбова
 «Natura naturata. Natura naturans» (СПб., 1895)
 Обложка работы М. О. Микешина

„Русских символистов“) и 2-ое издание „Chefs d'œuvre“. Последний сборник уже печатается. Впрочем, это будет издание почти домашнее. Продаваться будет лишь в каком-нибудь одном магазине в Петербурге и в одном магазине в Москве. В редакции „для беспристрастного отзыва“ я рассылать ее не буду»*.

Несмотря на болезнь, Брюсов представил рукопись второго издания в цензуру, 6 января получил разрешение, но смог забрать ее только через двадцать дней. Сборник увеличился

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 695.

почти вдвое, часть стихотворений была по-новому озаглавлена и подвергнута правке. Изменения заслуживают особого внимания: перед нами не переиздание, а другая книга, учитывавшая и недовольство автора первым вариантом, и реакцию на него. Как и в третьем выпуске «Русских символистов», Брюсов пошел ва-банк и сделал сборник нарочито вызывающим, начиная с предисловия: «Я еще смутно надеялся, что мои стихи найдут себе истинных читателей. Такой надежды более у меня нет совершенно. И критика, и публика, и те лица, мнениями которых я дорожил, и те, которых вправе считать поклонниками моей поэзии, — выказали такое грубое непонимание ее, что теперь я только смеюсь над их суждениями. <...> Я спокойнее чем когда-либо завещаю ее вечности, потому что поэтическое произведение не может умереть. Все на земле преходяще, кроме созданий искусства». Проставленная под предисловием дата «24 декабря 1895 г. Ночь» соответствует обострению болезни, начавшемуся тремя днями раньше и повлиявшему на душевное и физическое состояние автора.

Второе издание демонстративно открывалось «Криптомериями», но без сонета о «полдне Явы»*; поэмы были отнесены в конец книги, а «Осенний день» и вовсе исключен. Из сборника исчез «Фантом», но добавилось несколько не менее «декадентских» текстов. Эротических стихотворений не так много: цикл «К моей Миньоне» был запрещен цензурой и дошел до читателя только в 1913 году:

Я войду, — и мы медлить не будем!
 Лишний взгляд — и минута пропала!
 Я скользну под твое одеяло,
 Я прижмусь к разбежавшимся грудям...

К этим стихам Борис Садовской, восторженный хвалитель, а затем неистовый хулитель, свел всю любовную лирику Брюсова: «Каким непонятным чудом в благоуханных аллеях липовых дедовских садов, над лугами розовых кашек провеяло вдруг удушливым смрадом публичных номеров? Или и впрямь это мяуканье павиана стало голосом русской Музы?»** Комментарию излишни...

Не меньшее возмущение вызвали садомазохистские мотивы. Тема любви-страдания, любви-мучения, любви-поединка

* В этом издании первое лицо заменено на третье: «Его любовь — палящий полдень Явы»; впоследствии Брюсов вернулся к первоначальному варианту и открыл этим сонетом «Шедевры» в ПССП.

** Садовской Б. Озимь. Статьи о русской поэзии. Пг., 1915. С. 44.

станет одной из главных для Брюсова. Сначала он трактовал ее нарочито декадентски и весьма наивно:

Все, что нынче ласкал я с любовью,
Я желал бы избить беспощадно!
Ах, как было бы сердцу отраднo
Видеть всю тебя залитой кровью.

Что стояло за этим — личный опыт, необузданные фантазии или книжные ассоциации в духе «проклятых поэтов»? В поэме «И снова» «мерзостные объятия» приобретают отчасти мистический, отчасти некрофильский колорит, особенно заметный в том варианте, который 19 ноября 1895 года был послан Перцову*:

Ее глаза — закрытые цветы,
Ее уста — что губы мертвых ламий**,
И грудь ее (нездешней красоты)
Пощажена могильными червями...
Отпрянувши, смотрю я в дикой дрожи,
Как синева расходится по коже.

Над сугубо литературным «некрофильством» Брюсова посмеивались, особенно после стихотворения «Призыв» («Приходи путем знакомым...») — единственного, которое не преодолело «препоны и рогатки царской цензуры» при подготовке ПССП. Но поэма «И снова» не только о «синеве». Она о странном чувстве, которое охватывает лирического героя «в больные дни бессильных новолуний» (позднее замененных на «полнолуния»):

Ищу свой путь по странным арабескам,
Начертанным листвою по земле.
Иду, иду — и не собьюсь во мгле!

И о радости избавления от этого чувства:

Какая тишь! Какая благодать!
Моя душа зарей дышать так рада;
Свой фимиам — я ей мечты несу,
И, как светляк, пью раннюю росу.

* Письма к Перцову. С. 50–51; другие варианты во втором издании «Шедеров» и в ПССП. После 1927 года не перепечатывалось.

** «Ламии, по представлениям древних, существа вроде наших ведьм, но обладающие молодостью» (примеч. Брюсова).

В следующем письме Брюсов обмолвился: «Не совсем правда, что сюжет („И снова...“ — В. М.) взят из головы. Он имеет отношение к одному явлению в моей жизни, о котором, однако, я не решаюсь говорить. Во всяком случае, настроение ясно: ужас перед неодолимостью физического сладострастия»*. Накануне написания поэмы, 16 августа 1895 года, автор случайно встретил в Сокольниках бывшую возлюбленную «Талю» Дарузес**, что вызвало у него мощный прилив творческой энергии: 6 стихотворений и поэма «Встреча после разлуки» в день встречи, 7 стихотворений и поэма на следующий день***.

Интересный, хотя и не бесспорный, анализ ранней брюсовской эротики дал в 1913 году — после выхода первого тома *ИССП* — Виктор Чернов, один из лидеров эсеров и будущий председатель Учредительного собрания. Полагая, что стихи первых книг дают «необыкновенно ясную картину внутреннего мира автора», он принял на веру все его декларации и заявил, что «от гнетущего одиночества самодовлеющего индивидуализма поэзия Брюсова ищет спасения в любви, в страсти». Но здесь начинается новая трагедия: «Мертвящая рука этого сверхиндивидуализма своим леденящим прикосновением превращает даже любовь в особый вид одиночества — одиночества вдвоем. <...> Оледеневшее, насильно — из гордости — замороженное сердце не раскрывается, не в силах раскрыться, и самое любовное слияние остается неполным. <...> Минута забвенья, подобие счастья — и невольное чувство отвращения потом. И возвращаясь снова к тому же, влекомый стихией инстинкта, человек тянется к чаше наслаждения, раздвоенный, нецелостный, как будто одержимый чуждой внешней силой. <...> Опустошенная от внутреннего содержания, любовь оказывается слишком скудна, слишком однообразна и дает все меньше и меньше удовлетворения. <...> Те, кто сам себя отрезал от светлых и радостных оазисов любви, кто жадно ищет их, став к ним спиной, — неизбежно попадает в ее мрачные, глубокие провалы. И прежде всего — в мрачный провал сочетания любви с мучительством. Эта опасная ловушка открыта прежде всего для каждого, заблудившегося в лабиринте темных дорожек в поисках ускользающего чувства удовлетворенности»****. Чернов разобрал стихи Брюсова, исходя из представлений тогдашней науки о садомазохизме, и поставил диагноз лирическому герою, которого отождествил с автором,

* Письма к Перцову. С. 53.

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 673.

*** СС. Т. 1. С. 571 (примеч.).

**** Чернов В. Эрос и мечта в поэзии Валерия Брюсова // Заветы. 1913. № 12. С. 51–74 (2-ой pag.).

не допуская литературного, экспериментального происхождения этих тем и образов. Здесь главный порок его яркой статьи, которая может легко ввести в заблуждение. Исходя из того, что известно нам сейчас, следует единственный вывод: садомазохистские мотивы в творчестве Брюсова не мотивированы биографически — по крайней мере, в том, что относится к физическим, а не душевным мукам.

Для читателей 1890-х годов «декадентство» оставалось синонимом абсурда, поэтому без очередной «тени несозданных созданий» было не обойтись. В «Шедеврах» эту роль сыграла «Летучая мышь»:

Весь город в серебряном блеске
 От бледно-серебряных крыш, —
 А там на твоей занавеске
 Повисла летучая мышь.
 Мерцает неслышно лампада,
 Чуть видно белеет плечо,
 Все небо мне шепчет: «не надо»,
 Она повторяет: «еще!»
 Покорен губительной власти,
 Как узник брожу близ окон,
 Дрожат мои руки от страсти,
 В ушах моих шум веретен.
 Весь город в серебряном блеске
 От бледно-серебряных крыш,
 А там, у нее — к занавеске
 Приникла летучая мышь.
 Упав на седой подоконник,
 Не знаю небесных красот.
 Явись! твой поэт и поклонник
 Измучен, бессилён, зовет.
 Мерцает неслышно лампада,
 Чуть видно белеет плечо,
 Все небо лепечет: «не надо»,
 Чудовище шепчет: «еще!»

Аналогом «фиолетовых рук» стал «седой подоконник». О происхождении этого образа и о реакции на него мы можем узнать из первых уст — из протокольного и в то же время иронического рассказа Брюсова, прочитавшего стихотворение на одном из своих четвергов:

«Б а л ь м о н т (делая жест). Брюсов! Вот это стихотворение! (Его обычай хвалить все вплоть до той минуты, когда стих будет напечатано; после этого все проклиняется).

Александр Курсинский
 Фотография П. Павлова. Москва. 1895

Фриче (юный кандидат в наши профессора*; медленно и значительно). А что же это собственно означает?

Бальмонт (в порыве). Что означает! Ты один можешь спросить это! „Седой подоконник“... — так у вас сказано? — О! это уже многое значит.

Фриче (окончательно недоумевая). Седой подоконник?

Бальмонт. Седой подоконник! Несмотря на „бледные ноги“, я все-таки в вас верю, Брюсов!

Фриче. Мне кажется, и бледные ноги, и седой подоконник ровно ничего не значат.

Курсинский (имитируя интонацию Бальмонта). Есть слова, которые выше своего значения. (Недоумеваю я).

Бальмонт. Ах, В. М. (Фриче — они на „ты“, но зовут друг друга по имени и отчеству)! Ты этого не поймешь. Я знаю целую гамму ощущений, которых не знаешь ты, потому что ты не поэт.

* Фриче был оставлен «для подготовки к профессорскому званию» по кафедре всеобщей литературы.

(Внезапно). Представьте себе дом покоем*; громадное, громадное количество окон, и в каждом на подоконнике восковая свеча.

(Курсинский изображает мистический трепет).

Ф р и ч е. Но что же есть еще в стихотворении?

Б а л ь м о н т. Молчи! ты прозаик! ты профессор! Знаете, Брюсов, при вашем седом подоконнике мне представилась длинная, длинная галерея, и по ней во всю длину лежат цветы, побледневшие, бессильные, и умирают.

К у р с и н с к и й. Да! „седой“ удивительно удачный эпитет.

Г о л и к о в (Юный символист, приспособляемый для 4 выпуска; робко). В. Я., а что же вы хотели сказать этим эпитетом?

Я показываю на подоконники своей комнаты; они сделаны из белого камня с белыми жилками. Общее разочарование**.

Получив в конце марта книгу из типографии***, Брюсов совершил странный поступок: разослал ее знакомым с бранными инскриптами вроде «Полупоэту и полудругу» (Курсинскому) или «Писателю, которым я когда-то интересовался» (Криницкому). Ни один из них до нас не дошел; сохранились только черновики да признание автора: «Друзья мои – кроме Бальмонта – отвернулись от меня после рассылки им 2-го изд. с моими надписями». Тяжелая и незаслуженная обида была нанесена Фриче, который в сопровождении возмущенного письма вернул книгу, адресованную «одному из тех, мнение которых я когда-то ценил». Курсинского Брюсов обозвал «автором „Полутеней“, полупоэтом и полудругом», но вскоре помирился с ним. Был ли послан Буренину сборник «грубо изруганного им автора», мы не знаем****.

Молчание критики, проигнорировавшей второе издание, усугубило дурное настроение Брюсова. Однако споры вокруг «Шедевров» не прекратилась и после его смерти. Константин Мочульский назвал книгу «поэтически беспомощной, претенциозной, местами чудовищно безвкусной, но по-юношески дерзкой и свежей»*****. Владимир Ильин отметил: «Эти первые опыты начинающего Брюсова нам бесконечно дороги, ибо это младенец Геркулес шевелился в колыбели и расправлял свои

* То есть в форме буквы П.

** Письма к Перцову. С. 55–56.

*** Во втором издании «Шедевров» использована нетипичная для русской книжной культуры обложка с двойным клапаном (ложная суперобложка); вероятно, это влияние французских книг вроде «Радостей и горестей». С этого же издания в книгах Брюсова появляется чистая страница после титульного листа с надписью «Ex libris», которую он использовал для инскриптов; начиная с «Urbi et orbi» для этой цели служил авантитул.

**** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 698–700.

***** Мочульский К. Валерий Брюсов. Париж, 1962. С. 37.

ручонки. Как они ни слабы, эти первые опыты, но это были опыты на ином пути»*. То же самое еще в 1910 году афористически сформулировал Эллис, назвав «Шедевры», в отличие от «Под северным небом» Бальмонта, «книгой, говорящей о новом по-новому»**.

Не успев отдать сборник в печать, Валерий Яковлевич задумал новый проект: «Моя будущая книга „Это — я“ будет гигантской насмешкой над всем человеческим родом. В ней не будет ни одного здравого слова — и, конечно, у нее найдутся поклонники» (6 февраля 1896). После зимних недугов он поехал в Петербург, где встретился с Добролюбовым («развалины прежнего», «покорный, заискивающий юноша») и с Гиппиусом («О, это человек победы! Он горд, и смел, и самоуверен. Через год он будет читаться, через пять лет он будет знаменитостью»; 7 апреля 1896). Оба впечатления оказались неверными: Добролюбов, круто переломив свою жизнь, стал проповедником и учителем; Гиппиус превратился в благополучного педагога, вернувшись в литературу только в 1910-е годы, но и тогда предпочитая выступать под псевдонимами. 30 мая датировано предисловие к отданной в цензуру рукописи «Juvenilia»: автор дает «совет читать этот сборник как роман или как тетрадь дневника». Главным событием года стала поездка на Кавказ.

Брюсов отправился в путь 9 июня. «Я совершил довольно милое путешествие, — сообщал он Курсинскому через неделю, — из Москвы через Харьков (мимо Козловки-Засеки***) в Севастополь, оттуда по Черному морю мимо Ялты, Керчи и Анапы в Новороссийск и далее по железной дороге в Пятигорск. В первой половине пути познакомился с юной девицей без части щеки (вероятно, ей делали какую-нибудь операцию). Если не считать этого оригинального недостатка, она была очень миленькой, и дорогу до Севастополя я провел очень романтично. Были у девицы братья — люди очень покладистые, но я напугал их, рекомендовавшись анархистом и постоянно болтая о клубах анархистов в Париже, Лиссабоне и Москве»****. Напугать молодых людей было нетрудно: в первой половине 1890-х годов Европу взбудоражила волна террористических актов, совершенных анархистами, которые покушались на монархов и министров или просто бросали бомбы в скопления

* Ильяш В. Валерий Брюсов: Великий мастер русского Возрождения // Ильяш В. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 243.

** Эллис. Русские символисты. С. 120.

*** Станция Козловка-Засека, ныне Ясная Поляна. В ответном письме Курсинский, проводивший лето в Ясной Поляне, негодовал, что Брюсов не встретился с ним по пути.

**** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 309.

публики. Дорожный флирт не стоил бы упоминания, если бы не имя барышни — София Судейкина*; одним из ее спутников был 14-летний брат Сергей, будущий художник. Их отец — жандармский подполковник Георгий Судейкин, разгромивший остатки «Народной воли», — был убит революционерами в 1883 году, через год после рождения Сергея.

Крымская и кавказская природа, воспетая поэтами, разочаровала Брюсова — по крайней мере, в этом он уверял и своих корреспондентов, и себя самого. «Видел я море и горы. И то и другое произвело самое слабое впечатление. <...> Начался „Кавказ“. Везде вокруг бугорки, носящие громкие имена — Змеинная гора, Машук, Бештау. — Как! Это Бештау! Да это холмик какой-то!»** (Курсинскому, 15 июня). «Я смотрел и напрасно искал в себе восхищения. Самый второстепенный художник, если б ему дали, вместо красок и холста, настоящие камни, воду, зелень, — создал бы в десять раз величественнее и очаровательнее»*** (Станюковичу, 22 июня). Отражением этих впечатлений стали стихи, написанные еще в Крыму:

Создал я грезой моей
Мир идеальной природы —
О, как ничтожны пред ней
Степи, и скалы, и воды!

Позже Брюсов признался, что написал их «в угоду своим эстетическим теориям»: «Мне все еще не хотелось „уступить“ обаянию природы, и я упорно заставлял себя видеть в ней несовершенство».

В Пятигорске Брюсов провел более двух месяцев (14 июня — 24 августа), затем заехал на несколько дней в Кисловодск, где ему очень не понравилось, и через Армавир, в котором жила сестра матери Зоя Бакулина, вернулся в Москву****. «Пятигорское лето» стало его «болдинской осенью»: здесь написаны большая часть стихотворений «*Me eum esse*»*****, наброски предисловия

* Брюсов посвятил ей стихотворение «Софии С., подарившей мне лепесток розы»; судя по дате, ей же, возможно, адресован инскрипт на втором издании «Шедевров»: «На память о случайной встрече 9/11 июня 1896 г.»: *Прижизненные издания*. С. 29.

** Там же. С. 309–310.

*** ЛН. Т. 85. С. 740. 19 июля повторено Перцову с ремаркой: «Мне обидно за природу»: *Письма к Перцову*. С. 77.

**** Дронов В. С.: 1) Пятигорское лето Валерия Брюсова // *Литература и Кавказ*. Ставрополь, 1972. С. 158–177; 2) Из неопубликованных страниц дневника Брюсова // В. Брюсов и литература конца XIX — XX века. Ставрополь, 1979. С. 107–124; далее цит. без сносок.

***** «Это я» (лат.).

к «Истории русской лирики» и множество писем — родителям, сестре Наде (о Тургеневе, которого она читала и «разбирала», — продолжение «уроков по переписке»), Мане Ширяевой* (на ее сестре Авдотье женился Ланг), Курсинскому, Лангу, изредка Станюковичу и Перцову. При этом он успевал принимать ванны, гулять по окрестностям со случайными знакомыми, прочитать множество книг, а также влюбиться в пятнадцатилетнюю барышню Катерину Александровну из Кутаиса — «худенькую девочку в красненькой шапочке, с ярко красными тонкими губами», «объясниться» с немилым ей, но богатым женихом Александром Петровичем (Катя была влюблена в бедного художника-поляка), затем увлечься увиденной в толпе Марией, «девушкой с египетскими глазами», посвятив каждой по несколько стихотворений: «мне нужен видимый идеал для моих грез». Но самой яркой стала встреча с двенадцатилетним Александром Браиловским, купеческим сыном из Ростова-на-Дону.

По рассказу Браиловского, познакомились они следующим образом: «В Пятигорске была читальня, почти никем не посещаемая, где на столе лежали журналы, редко кем разрезаемые. Обычно в читальне никого не было, кроме меня — угрюмого гимназиста в блузе — и худощавого студента с черной бородкой, в длинном наглухо застегнутом форменном сюртуке. Отрываясь от чтения, мы молча поглядывали друг на друга, причем студент улыбался, а гимназист отвечал неприветливым взглядом.

Однажды студент прервал молчание:

— Вижу я, молодой человек, вы все читаете толстые журналы.

— Ну так что же, что толстые, — огрызнулся я.

— Да ведь в них печатаются более серьезные вещи, да и беллетристика, чем в каких-нибудь „Книжках ‘Недели’“**.

— А чем „Книжки ‘Недели’“ плохи?

— Да какая там беллетристика — Дедлов!

— А чем Дедлов плох?

— Шаблонен очень.

Я признался, что не понимаю слово „шаблонен“. Когда студент объяснил, что „шаблонен“ или „банален“ понятие противоположное слову „оригинален“, я сказал:

— Ну так что ж, что шаблонен. А вот наоригинальничали наши „фиолетовые руки на эмалеовой стене“!

* Письма Валерия Брюсова к Марии Павловне Ширяевой / Публ. В. С. Дронова // Русская литература и Кавказ. Ставрополь, 1974. С. 88–110 (письма из Пятигорска: С. 93–104).

** Ежемесячный литературный журнал, выходивший в 1878–1901 годы как приложение к газете «Неделя»; в описываемые годы прозаик В. Л. Дедлов был одним из его основных авторов.

Это были декадентские стихи, освистанные журналами и публикой... Студент улыбнулся, вынул из кармана свою студенческую карточку и предложил мне прочесть ее.

Не веря собственным глазам, я прочел, что предьявитель сего — студент Московского университета Валерий Брюсов!

— Как! Вы — тот самый Брюсов? — почти простонал я и чуть не стал ощупывать его руками. — Так объясните мне, ради Бога, зачем вы так пишете, и чего вы, символисты и декаденты, хотите!

Мы вышли, уселись на скамейку на бульваре, и студент принялся объяснять. Объяснения его, помнится, были довольно хаотичны и сбивчивы, и приводимые им примеры недоумения моего не рассеивали. Больше всего упирал он на „оригинальность“, „необыденность“ и „дерзость“, причем иллюстрировал эти свойства стихами французских поэтов <...> Свои собственные стихи он объяснял так:

— Ну вот, вообразите — эмалевая стена, и на ней, как тени, скользят чьи-то фиолетовые руки... Это ведь не банально, не правда ли?

— Ну а „О, закрой свои бледные ноги“ — это что такое? — не унимался я.

— Вы бродите по городу и вдруг видите распятие. Вы видите ноги, пронзенные гвоздями. У вас вырывается поэма: „О, закрой свои бледные ноги!“

— И это — поэма?..

— Мне представляется и такая, например, поэма — белый лист бумаги, и в центре только одно слово: „Солнце!“ С восклицательным знаком. И больше ничего.

Я никак не мог взять в толк, смеется ли он или говорит серьезно. Но все, что он говорил, было ново и „необыденно“. С детских лет, опьяненный поэзией, я слушал его жадно, он же говорил только о поэзии, и говорил о ней без конца. <...> Ничего демонического, „сатурнинского“ в нем не было. Он держался сдержанно и совершенно обыденно. „Необыденность“ проявлялась только в стихах и суждениях. О всех почти своих соперниках он говорил дружелюбно. Казалось, все поэты образуют в его глазах как бы некое братство — орден, что ли — людей, преодолевших „обыденность“. <...> Я не могу не вспоминать с благодарностью человека, который в дни моей ранней молодости посвящал меня в тайны „Ars poetica“, как он сам ее понимал. <...> В поэты Брюсов меня зачислил, поверив на слово. Я только сказал ему, что пробую писать стихи, но ни одной строчки ему не прочел. Да и читать было нечего, то был жалкий детский лепет. Вряд ли я мог быть и интересным для него собеседником. Говорю это не из скромности, а просто

вспоминая ограниченный объем моих тогдашних познаний, незрелость вкусов и наивность взглядов. Мне было 12 лет, — год я прибавил себе для солидности. Наше сближение могу объяснить лишь тем, что я был единственным и неутомимым для него слушателем, — кроме меня, там говорить ему было не с кем».

Говорить ему и вправду было не с кем, о чем свидетельствует следующий фрагмент тех же воспоминаний: «Как-то на улице мы наткнулись на моего брата. Спутник его был провинциальный адвокат, бородатый и лохматый. Я остановился с ними на минуту, а Брюсов пошел дальше.

„Кто это?“ — „Валерий Брюсов.“ — „Как! Тот самый!..“ — и оба они, врач и адвокат, присели посреди тротуара на корточки, высунули языки и, визжа, устремили вслед декаденту указательные пальцы»*.

10 июля Брюсов записал: «Только что познакомился с юным поэтом Александром Браиловским — лет 13-ти, знавшим меня по рецензиям. Он провел у меня весь вечер. Конечно, я победил большинство предубеждений, которые были у него против меня. Станный, юный и серьезный человек. Будем ждать дальнейших встреч». 13 июля Валерий Яковлевич описал своего нового знакомого Лангу: «По общественному положению он — гимназист, по внешнему виду — старообразный мальчик с красивыми зубами и блестящими глазами, по убеждениям — демократ и враг символизма, как и подобает в тринадцать лет». На следующий день Брюсов написал стихотворение «Юному поэту», в рукописи посвященное «А. Б.» (приводим вариант из письма Лангу от 19 июля):

Юноша бледный со взором горящим,
 Ныне даю я тебе три завета. —
 Первый из них: не живи настоящим,
 Только грядущее область поэта.
 Дальше второй: не люби, не сочувствуй,
 Сам лишь себя обожай беспредельно!
 Третий совет: поклоняйся искусству,
 Только ему — безраздумно, бесцельно.
 Юноша бледный со взором смущенным,
 Если ты примешь мои три завета,
 Гордо умру я бойцом побежденным,
 Зная, что в мире оставлю поэта.

* *Браиловский А. «Три завета»: Знакомство с Валерием Брюсовым // Новое русское слово. 1949. 26 июня (перепеч.: Даугава. 1997. № 3. С. 100–104 / Публ. Р. Д. Тименчика); Сабьянова О. Письмо Александра Браиловского Брюсову // Сборник-1977. С. 189–193.*

Александр Браиловский
1909

«Создав сии строфы, — продолжал он, — я пришел в безумный восторг (стихотворение, действительно, классическое)». Опубликовано в «*Me eum esse*» без посвящения — на первом месте, в качестве манифеста — оно стало не менее знаменитым, чем «бледные ноги» и «фиолетовые руки», хотя и не вызывало таких насмешек. А в 1904 или в 1905 году автор получил письмо от «юного поэта»... из рудника Акатуй:

«Может быть, Вы припомните, г. Брюсов, лето, проведенное Вами в Пятигорске, лет около 7 назад, нашу оригинальную встречу и странное сближение, возникшее между нами. Я был тогда маленьким гимназистиком, а Вы „юношей бледным со взором горящим“ (или смущенным), а проще молоденьким студентом. Я очень обрадовался знакомству с самим пионером русского декадентства, тогда для меня совершенно непонятного. С любопытством, словно увидев восьмое чудо света, я стал добиваться от Вас раскрытия смысла плодов декадентского творчества, но ничего из Ваших объяснений не понял. Потому ли, что объяснения были неудовлетворительные, потому ли, что я сам был еще несмышленочек, а может быть, и по обоим (так! — *В. М.*) причинам вместе. За эти несколько лет определилось, как

различны наши дороги. Вы продолжали нести Ваше знамя, зовущее дальше, прочь от грани тесной, в мир чудесный, к неизвестной красоте*. Вы несете его смело, презирая уколы и насмешки „и критики, и публики“, не смущаясь ихнего непонимания. А я пристал к другому, „шаблонному“, на Ваш взгляд, знамени, я иду под ним, подвергаясь преследованиям, несравненно более убийственным и грозным. <...> И Вы, и я — мы можем гордиться каждый успехами своего дела. <...> Теперь, на досуге, мне хочется ближе к Вам (и не только к Вам, а к вам вообще (символистам. — В. М.)) присмотреться. Кто вы? Я хочу услышать не только то, что о вас говорят, а то, что вы сами о себе говорите. Вот почему я решил возобновить старинное знакомство. Надеюсь, что Вы мне ответите, оторванному от новой жизни и заброшенному в мертвый дом в мертвой стране, мне будет дорога каждая строчка из человеческого мира».

Браиловский участвовал в революционном движении еще гимназистом. В 1902 году он стал социал-демократом, бросил учиться, уехал в Германию, примкнул к «искровцам» и занялся нелегальной доставкой газеты в Россию. Организовал несколько демонстраций и столкновений с полицией, за что в августе 1903 года был приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги в Акатуе, поэтому и написал: «О моей участи Вы, вероятно, знаете по газетам». «В ответ он прислал мне пышный том — это было его „Urbi et orbi“. Странно было, лежа на нарах, среди убийц, разбойников, поджигателей помещичьих усадеб и пламенных политических догматиков, перелистывать модный том на роскошной бумаге со словесными феериями».

Браиловский был не единственным знакомым Брюсова в революционном лагере. В сентябре 1902 года с ним вступил в переписку молодой Алексей Ремизов, отбывавший в Вологде уже не первую ссылку, а почти год спустя ему прислал стихи другой вологодский ссыльный — Иван Каляев. «Берегите себя: Вы — талант, — ответил Валерий Яковлевич 17 сентября 1903 года. — А поэтический дар, по моему разумению, более нужен литературе, чем революции. Русская изящная словесность и без того понесла слишком тяжелые жертвы в прошлом, когда писатели уходили в политику. Сказанное, разумеется, не означает, что я предлагаю Вам отречься от ваших убеждений. Постарайтесь лишь сберечь себя!»**. Но Каляев сделал другой выбор: в феврале 1905 года он убил великого князя Сергея Александровича и через несколько месяцев был казнен.

* Реминесценция стихотворения Бальмонта «За пределы предельного...».

** Опубл.: Прищепенко В. «Как там у вас в Вологде?» // Красный Север (Вологда). 1988. № 296. 25 дек. С. 4.

Осенью 1905 года Браиловский бежал из Акатуя и продолжал вести бурную жизнь профессионального революционера, несколько раз был на волосок от смерти, а затем эмигрировал во Францию. Оттуда в 1917 году он перебрался в США, где выпустил несколько книг стихов и опубликовал очерк о встрече с Брюсовым.

Краткое предисловие к «*Me eum esse*», датированное 23 июля, тоже обращено к «юным поэтам»: «Если мне и не суждено продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное будущему другу. Приветствую его». В тот же день Брюсов написал стихотворение «Последние слова» — «предсмертные стихи, звучащие уныло» — с концовкой: «Так много думано, исполнено так мало!», отсылавшей читателя к знаменитой фразе Надсона: «Как мало прожито, как много пережито». Тремя днями раньше он сообщил Лангу: «Расхворался окончательно и отчаянно. Нахожусь в состоянии, близком и к смерти, и к самоубийству». Однако ни Ширяевой, ни Перцову Валерий Яковлевич в эти дни о болезни не писал, а в позднейшем письме Курсинскому поведал, что отправился в Самарканд, но по дороге заболел — неясно, чем именно, — и вернулся (возможно, все это сообщение — мистификация). 26 июля наступила кульминация кризиса: «Душевно, телесно и умственно погибаю <...> Послал Лангу распоряжения на случай моей смерти или самоубийства». Вот эти распоряжения:

«Мой неизменный друг! Пишу Тебе это письмо в здравом уме и твердой памяти и при том, как видишь, твердой рукой. Итого можешь рассматривать его (письмо) как мое завещание. Говорю Тебе откровенно и серьезно — дело мое очень плохо: телесно я никуда не годен, духовно — колеблюсь, а умственно — увы! — умственно ослабеваю. Конечно, я не намерен слишком рано опускать руки. Бороться я буду, но до известного предела; Ты сам понимаешь, что так я и должен поступить, — отговаривать меня — я твердо надеюсь — не станешь. Итак, дело не в том. Завтра или послезавтра я пошлю Тебе заказной рукописный пакет. Это тетрадь маленьких размеров моей книги „*Me eum esse*“. Эту маленькую тетрадь Ты отдашь переписать хорошему переписчику, требуя, чтобы знаки препинания он расставлял именно так, как у меня. Переписанную рукопись [спешу оговориться: так начнешь Ты поступать в том случае, если я пришлю Тебе прощальное письмо или если Ты получишь определенные сведения о моей смерти (красивое слово); пока же этого нет, прошу Тебя и заклинаю нашей старой дружбой: рукописи моей никому не показывать, а самое лучшее — и самому ее не читать]. Продолжаю. Переписанную рукопись отдашь Ты в цензуру, причем спорь с цензорами и отстаивай каждое слово. Когда рукопись выйдет из цензуры, тащи ее к Лиснеру и Роману. Туда же еще

Me eum esse — последняя книга Валерия Брюсова, который спотыкается (шело) ... 1896 года в Петербурге. Неиздано перед смертью автор сам составлял рукопись этой книги, хотя далеко не считал ее законченной. Издателя надлежит в неурочный срок собрать и издать в том же виде, в котором он был передан автором. В предисловии к переводу Валерия Брюсова.

А. Л. Миропальский.

Москва. 1896.

Предисловие-мистификация Валерия Брюсова
 к «посмертному» изданию своей книги «Me eum esse»
 1896

раньше надо будет снести рукопись „Juvenilia“, которая находится у моего отца. (Относительно денег я, конечно, в свое время извещу моих родных). Формат и внешность издания должны быть такими же, как Chefs d'œuvre 2-е издание. Каждой книги — и „Juvenilia“, и „Me eum esse“ — должно быть напечатано только 600 экземпляров. Если когда-нибудь в будущем книги мои распродадутся, предлагаю Вам, т. е. Тебе и моим, напечатать „Полное собрание стихотворений“ Валерия Брюсова, куда могут войти все стихи, напечатанные мною при жизни и внесенные в „Juvenilia“ и „Me eum esse“. Глупой прозы моей прошу никогда не перепечатывать*. <...> Домашних моих (разумею маму и сестер) не пугай!**. Домашним он в те же самые дни писал совершенно

* К 1896 году относятся замыслы сборников «Novelle simplice» («Простенькие рассказы») и «Рассказы ужаса». Известны два рассказа, относящиеся к первому замыслу: Брюсов В. Под старым мостом // Брюсов В. Повести и рассказы. М., 1983. С. 19–31 / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова; Голубые глаза и черные волосы // НН. С. 111–115. План второй книги: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 715; по предположению С. И. Гиндина, к нему относятся незавершенные рассказы «Он — мимоходом» и «Это история моего возрождения».

** Брюсов-ЖЗЛ. С. 104–105; квадратные скобки поставлены Брюсовым. Опускаю указания, связанные с корректурой и рассылкой экземпляров.

по-другому: «Прознали здесь, что я оный самый Валерий Брюсов, и показывают на меня пальцами. <...> Играете ли вы в крокет? есть ли грибы? сколько черники и брусники? маринуете? варите?»*

Ланг получил рукопись с предисловием... от своего имени, написанным рукой Брюсова: «*Me eum esse* — последняя книга Валерия Брюсова, который скончался [число] ... 1896 года в Пятигорске. Незадолго перед смертью автор сам составил рукопись этой книги, хотя далеко не считал ее законченной. Издатели надеются в непродолжительном времени собрать в отдельном сборнике также все появившиеся в печати переводы Валерия Брюсова. А. Л. Миропольский. Москва. 1896»**. Но угроза смерти и самоубийства быстро миновала. «Освоился с „логибанием“, — записал Валерий Яковлевич 29 июля. — Живу, пишу, даже строю планы о будущем». Исходя из того, что все трагические новости сообщались одному Лангу, притом в строжайшем секрете, Дж. Гроссман предположила, что «самоубийство» с последующим выпуском книги было всего лишь литературным проектом***. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу пока невозможно.

По возвращении в Москву Брюсов получил дозволенную к печати 9 августа рукопись «*Juvenilia*» (цензор вычеркнул полемическую часть предисловия и снял семь стихотворений, включая три наиболее ранних, относящихся к 1890–1892 годам)****, но отказался от издания из-за нехватки средств. В апреле он обещал помочь Добролюбову с выпуском его прозаического сборника «Одни замечания» (или «Только замечания»). Летом Александр Михайлович напомнил об обещании, но свободных денег у Брюсова не оказалось. Лишь в середине августа, ссылаясь на дороговизну и продолжительность лечения на Кавказе, Валерий Яковлевич выпросил у отца сто рублей — большая сумма для их семьи в тот момент — и отправил половину в Петербург. Этот факт он скрыл от Якова Кузьмича, который пересылал сыну приходящую тому корреспонденцию, порой со своими комментариями вроде: «Хоть я и не понял его символические бредни, но зато понял о человеческих рублях» («человеческие рубли» — выражение Добролюбова). Однако собрат не только не поблагодарил Брюсова, но даже не известил о получении денег (пришлось наводить справки в канцелярии Петербургского почтамта) и... ничего не издал. Готовая

* Цит. по: *Благоволина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова. С. 80–81.

** *Дронов В. С.* К творческой истории «*Me eum esse*» // *Чтения-1971*. С. 82. Посланный Лангу рукопись: *РГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 10.

*** *Grossman J. D.* *Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence*. P. 133–136.

**** Этот вариант не опубликован: *РГБ*. Ф. 386. Карт. 5. Ед. хр. 1.

к печати «*Juvenilia*» осталась в столе до 1913 года, когда переработанный вариант сборника вошел в первый том *ПССП*.

5 ноября рукопись «*Me eum esse*» пришла из цензуры без замечаний. «Дерзостей», подобных «Шедеврам», в книге не было, а «дерзания» появятся только в позднейших переизданиях, как будто автор специально постарался не злить критику (это один из трех сборников, перепечатанных в семитомнике полностью; два других — «*Juvenilia*» и «В такие дни»). Деньги на издание нашлись. 16 декабря Брюсов держал корректуру и через неделю получил сигнальный экземпляр. Книгу обругали только Аполлон Коринфский в «Севере» и «Н. Н.» в демократической «Жизни». Обругали больше по инерции — за «нерусское» заглавие и несколько «декадентских» деклараций:

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу —
Я люблю идеал человека...
Есть великое счастье — познав, утаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безответно твердить откровений слова
И в пустыне следить, как восходит звезда.

Годом раньше это бы вызвало скандал, побудивший автора броситься в бой. Теперь критики молчали, и это было дурным знаком. Валерий Яковлевич занес в тетрадь набросок «Не время ль нам промолвить символизму // Свое „адьё“...» и задумался об уходе из университета, пребывание в котором после перехода на классическое отделение весной 1895 года стало казаться пустой тратой времени, тем более, что древние языки — на университетском уровне — давались ему не так легко, как хотелось бы.

Пропустив по болезни первую половину 1896 года и не сдав экзамены, Брюсов в сентябре перевелся на историческое отделение, фактически «оставшись на второй год». 1 октября он отметил в дневнике работу над рефератом «Критика рассказа Ливия (книга III, 1–3) о том, как им была выведена в Акциум колония». Через неделю там же появилась горькая запись: «Я мучусь университетом. Там — лишний. Я знаю, что я должен уйти. <...> Смешно сказать — я вот уже три недели стараюсь написать реферат для Герье о Ливии — и — не могу! Мне, мне — Валерию Брюсову — повелевают исследовать факты, ползти, как червяку, — мне, — могу ли я повиноваться?»* 11 октября он сдал

* Цит. по: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 709.

реферат, а в ноябре начал сочинять «исторический памфлет» «Недостоверность биографии Юлия Цезаря», пародируя академические методы критики источников.

Новое ждало его дома. Осенью 1896 года гувернанткой к младшим сестрам поступила курсистка Евгения Ильинична Павловская — «худенькая, невысокая брюнетка, бедно одетая» и слабая здоровьем. «Что-то в ней было от Достоевского, — вспоминала младшая сестра ее подруги Софья Мотовилова, — что-то большое, оскорбленное и какая-то постоянная экзальтация. <...> Девушка эта страстно любила поэзию, читала вслух стихи как-то особенно нараспев (что меня очень сместило) и любила таких поэтов, как Фет и Тютчев, которых мы совсем не знали»*. «Новая гувернантка — поэтесса», — отметил Брюсов 2 октября, вскоре добавил: «С нашей новой гувернанткой мы друзья. Она некрасива, но — кланусь! — умная женщина и понимает поэзию».

Павловская влюбилась в Брюсова. Он не успел разобраться в своих чувствах, а уже 8 ноября его мать Матрена Александровна отказала девушке от дома. В тот же день он навестил ее... и стал свидетелем тяжелого нервного припадка: «Она упала на пол и каталась в конвульсиях. „Не смотри на меня! Сойди с креста!“». На этом основании Ю. П. Благоволина предположила, что Павловская стала одним из прототипов Ренаты в романе «Огненный ангел»**, замысел которого возник у Брюсова во время первой, неожиданной для всех, поездки в Германию в мае-июне 1897 года: «*Впервые* „сквозь магический кристалл“ предстали мне образы „Огненного ангела“» (курсив мой. — В. М.).

Евгения Ильинична переехала в дом Федотовой, на углу Столового и Скатертного переулков вблизи Большой Никитской, и стала переписываться с Брюсовым, поскольку они не могли часто встречаться. В письмах доминировала интересовавшая обоих литературная и философская тематика***. Личное в них колеблется от декадентской бравады: «Вот я такой, каков я емь, эгоист, себялюбец, самообожатель — какие еще есть синонимы? — понимающий только свои желания и блуждающий в жизни как хозяин в цветнике» — до трогательных признаний в любви к «Змейке». «Этим счастьем я обязана тебе, Валя, — отвечала она, — тебе, мое своенравное солнце, ослепившее меня своим дивным ореолом поэзии и самобытности! Я тебе так бесконечно много обязана, что не смею и не могу сердиться на тебя за мои страдания».

* Мотовилова С. Н. Минувшее // Новый мир. 1963. № 12. С. 82–86.

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 711.

*** Черновики писем к Павловской в публикации С. И. Гиндина «Письма из рабочих тетрадей» (ЛН. Т. 98. Кн. 1); неопубликованные письма Павловской цит. по примечаниям к ней.

Бедность, неустроенность жизни, безнадежная любовь и стремительно развивавшийся туберкулезный процесс не оставляли девушке надежд. Валерия Яковлевича легко упрекнуть в эгоизме: он тяготился ее экзальтированностью, но, расставшись с Женей, сразу начинал тосковать. В нашем восприятии жизни и произведений Брюсова драматические отношения с Павловской заслонены позднейшими мучительными романами с Ниной Петровской и Надеждой Львовой, принесшими ему много поэтического вдохновения и столь же много личного горя, вплоть до пристрастия к наркотикам. Петровская общалась с ним в обвинительно-требовательном тоне, Львова тоже требовала, хоть и не так жестко. Павловская ни в чем не обвиняла Брюсова, даже в других «увлечениях» — вроде некоей Елены Коршуновой, которая «хороша тем, что убивает всякую думу»*, — и ничего не требовала, хотя спорила с ним не только о литературе. Она сразу поняла, что он — прежде всего поэт, для которого человеческие чувства, включая любовь, — источник творческой энергии. «Будь моим творением, моей поэмой, к которой я опять и опять буду возвращаться, но которая останется все же одной веткой в моем „лавровом венце“», — заклинал он. «Мой поэт, — отвечала она, — когда дело идет о поэзии, ты несравненен, я никогда не люблю тебя так, как в то время, когда ты в этой сфере». Конечно, она знала стихотворение «Юному поэту» и слишком хорошо знала его автора, чтобы не принимать сказанное всерьез или пытаться переделать своего возлюбленного. То, о чем позднее писали критики, имело под собой биографическую основу: «Он не ждет „счастья“. Он предчувствует горе, он знает изнанку любви, он знает, что будет горе, ужас, смерть, что исчезнет чистота и радость. <...> Любовь у Брюсова — это любовь-страдание, любовь-Рок, неизбежность, любовь-трагедия»**.

В начале апреля 1897 года безнадежно больная Павловская уехала к родственникам в Полтавскую губернию. «Мы оба сломаны, — записывал Брюсов. — Я знал, я мучительно знал, что мне следовало, следует ехать с ней. Двадцать раз я готов был произнести: „Женя, я поеду с тобой“... но я не сказал этого, не сказал! <...> И все же, и все же, о Господи, — если я не поеду, я буду проклинать себя за это — всю жизнь. <...> Я проклиная себя, проклиная — за то, что не поехал с Женей»***. Он писал ей, она отвечала — письма помогали бороться с недугом. В начале июля Брюсов сообщил ей, что женится. Последовали обмен мучительными посланиями (Павловская не переставала

* Черновик письма Бальмонту (12–14 марта 1897): ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 733.

** Ардов Т. Отражения личности. С. 58.

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 737.

надеяться, но, кажется, сама не понимала, на что именно) и особенно мучительная последняя встреча 5–7 сентября в Сорочинцах, когда они обменялись нателными крестами: «Мы вспоминали с Женей наше прошлое, наши счастливые часы, лучшие минуты... мы думали только о них, о первых и последних днях. И стало нам так хорошо, и стало нам так печально, что плакать было бы счастье. <...> Душа ее еще горит светом, но уже погасает»*. «Ее образ остался в моей памяти, отпечатлелся, как я ее видел последний раз перед отъездом. Я уже вышел в сад, дверь захлопнулась. Она стояла у окна (слабая, так что стояла едва) и держала лампу. Я обернулся и встретил ее взор. Я иду, и она освещает мне путь»**.

В начале декабря Валерий Яковлевич получил последнее письмо от Жени. «Сердце чувствовало слишком мало, — написал он. — Да, Бальмонт прав. — Я становлюсь добродетельным мужем»***. Павловская умерла 22 января 1898 года, о чем Брюсов узнал неделю спустя, получив обратно свое последнее письмо к ней с указанием «За смертью адресатки»****. Он посвятил ее памяти два стихотворения в «Tertia vigilia»*****, но не включил Евгению Ильиничну ни в «Роковой ряд», ни в один из «донжуанских списков».

На ком же собрался жениться декадент?

В феврале 1897 года на Цветном бульваре появилась новая гувернантка, она же учительница французского языка Иоанна Матвеевна Рунт (после Павловской это место недолго занимала некая швейцарка мадемуазель Мари). Ее отец, чех по национальности и подданный Австро-Венгрии, был литейным мастером завода братьев Бромлей (ныне «Красный пролетарий») — из тех, кого называли «рабочей аристократией». Матвей Рунт всегда помнил, что он «европеец», а потому не был подвержен запоям, носил белые воротнички и ежедневно читал газеты. Он очень любил своих дочерей — Иоанну, Марию, Ядвигу и Брониславу — и дал им хорошее образование: Иоанна окончила французскую католическую школу святых Петра и Павла в Милютинском переулке (в доме по соседству родился Брюсов!), поэтому все звали ее «Жанна».

«Семья Брюсовых была самая странная, самая оригинальная, какую случалось мне когда-либо видеть, — вспоминала она через много лет. — В те годы главой семьи была мать поэта,

* Записи от 6–8 сентября: СС. Т. 1. С. 599 (примеч.).

** Письмо Самыгину (8–9 сентября 1897): ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 384.

*** Запись от 9 декабря: Брюсов-ЖЗЛ. С. 119.

**** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 770.

***** «Третья стража» (лат.).

Иоанна Брюсова (урожд. Рунт)
1900-е. ГЛМ

женщина умная, в достаточной мере своевольная и обожавшая своих детей. Отец держался в стороне от всех домашних и каких бы то ни было иных забот. Жил он в смежной квартире, где, между прочим, жил и Валерий Яковлевич. Квартира та имела весьма холостяцкий вид, об ней не заботились, ее мало убирали. Яков Кузьмич целыми днями с самым серьезным и деловым видом сидел у себя за большим письменным столом и читал газету или новейший толстый журнал от начала до конца или же раскладывал пасьянс; в общую квартиру являлся к обеду и ужину или иногда вечером, чтобы поиграть в карты. Вообще в доме все, от мала до велика, жили каждый своей самостоятельной жизнью. <...> Самым независимым был все же Валерий Яковлевич. Никто не знал и не интересовался, где он бывает, кто у него бывает, что делает, приходит ли домой, нет ли, но были строго установленные часы, в которые Валерий Яковлевич регулярно в продолжение нескольких лет занимался со своими сестрами, не посещавшими гимназию, но всецело

обучавшимися у брата. Валерий Яковлевич, так же как и отец, приходил к общему обеду, — приходил, сухо здоровался, садился за стол, ставил перед собой книгу, в которую, бывало, уставится, ничего не замечая и не вникая в то, что происходит кругом»*.

Иоанна Матвеевна не оставила цельных воспоминаний, хотя не раз принималась за них, поэтому ее сообщения порой противоречат друг другу. «Не как с писателем встретились мы с Валерием Яковлевичем, познакомились мы с ним, как обычно знакомятся молодые люди, какими оба мы тогда были. Меня как-то мало интересовало, что Валерий Яковлевич — поэт»**, — утверждала она. Между тем в другом ее тексте находим совсем иную версию начала их близости: «Однажды утром, когда я занималась с кем-то из учеников, толстая няня Секлетинья пронесла через нашу комнату молоко в холодную кухню. <...> Меня удивила красиво написанная бумага, которой была покрыта крышка... Я любопытствовала взглянуть. Это оказались стихотворения из „Me eum esse“ — „Девушка вензель чертила...“ и „Три подруги“, переписанные тщательно Валерием Яковлевичем. Такое кощунственное отношение к стихам меня покорило. Я поспешила покрыть молоко другой бумагой и, расправляя измятые страницы, стояла и перечитывала знакомые мне стихи. К моему ужасу, за этим делом застал меня Валерий Яковлевич. <...> Брюсов был удивлен и, видимо, доволен вниманием, оказанным его автографам. С тех пор его отношение ко мне резко изменилось»***.

Признавшись, что «как и вся современная молодежь, я зачитывалась Лермонтовым, Пушкиным и особенно Некрасовым», Иоанна Матвеевна все же ознакомилась с творчеством Брюсова — то ли перед поступлением в дом, то ли сразу после этого. «Надо сознаться, что „Шедевры“ не очаровали меня, чуждыми мне были все стихи в этой книжечке, почему-то показались мне они вычурными <...> Стихи в „Me eum esse“ были мне гораздо ближе, они доходили до меня, и мое представление о поэзии нашло в них больше удовлетворения». Умение «понимать стихи» было для Брюсова — как раз в это время переживавшего мучительный роман с Павловской — одним из важнейших критериев оценки человека. «Поэтессу» в «новой гувернантке» он разглядел не сразу: «С непосвященными, т. е. с теми, кто сам не писал стихов, Валерий Яковлевич не любил говорить о своей поэзии, не любил их посвящать в тайны своего творчества. Также и со мной избегал говорить о своих стихах, я это заметила».

* *Материалы*. С. 125–126.

** *Брюсова И. М.* Странички воспоминаний. С. 302; далее цит. без сносок.

*** *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 111.

Валерий Брюсов с родителями и женой.
Слева направо: Матрена Брюсова, Валерий Брюсов,
Иоанна Брюсова, Яков Брюсов
1899

Поначалу в их сближении не было ничего «литературного». «Вчера ездил с m-lle Жанной искать дачу, — записал Брюсов 29 апреля. — День вдвоем с молоденькой, наивной институткой. Полупризнания, пожатия рук и голубое небо*». Через месяц Валерий Яковлевич вспомнил эту поездку, мучительно составляя (пять вариантов!) письмо к «Янинке», — «нежнее, чем можно было предполагать», как она написала через много лет**.

Решение о женитьбе Брюсов принял 23–24 июня после недолгих, но напряженных размышлений, что нашло отражение в стихотворениях «В день святой Агаты» и «Я люблю...», написанных в следующие дни (цикл «Милая правда», появившийся в ПССП в составе «Tertia vigilia»). Даты официального предложения мы не знаем, но в первой декаде июля он известил друзей о предстоящей женитьбе. Подробная характеристика избранницы — в письме к Самыгину от 26 июля:

«Она — не из числа замечательных женщин; таких, как она, много; нет в ней и той оригинальности, того самостоятельного склада души, которому мы с Вами дивились в письмах Евгении Ильиничны. <...> Добавлю еще, что далеко не красива и не слишком молода (ей 21 год) <...> Да, этот брак не будет тем идеальным союзом, о котором Вы проповедуете. Избранница,

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 749.

** Там же. С. 748–750; Материалы. С. 126.

которая была бы равна мне по таланту, по силе мысли, по знаниям, — вероятно, это было бы прекрасно. Но можете ли Вы утверждать, что я встречу такую и что мы полюбим друг друга? А может быть, возненавидим? <...> Я предпочитаю, чтобы со мной было дитя, которое мне верит. Мне нужен мир, келья для моей работы — а там была бы вечная, и для меня бесплодная борьба. <...> Еще один великий довод, перед которым все остальные ничто, — это любовь, ее любовь! <...> Вы скажете, что я много говорю о себе, а не подумал о том, что нужно ей. Неправда, подумал и думаю»*. Это письмо она опубликовала почти полностью, не исключив из него ничего важного.

В конце июля и начале августа Валерий Яковлевич и Иоанна Матвеевна часто ссорились, но вскоре помирились. 28 сентября 1897 года они венчались в храме Иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, построенном в 1868–1870 годах, «для успокоения родителей». Шаферами были Курсинский и Фриче. «Недели перед свадьбой не записаны. Это потому, что они были неделями счастья. Как же писать теперь, если свое состояние я могу определить только словом „блаженство“. <...> Я давно искал этой близости с другой душой, этого всепоглощающего слияния двух существ. Я именно создан для бесконечной любви, для бесконечной нежности. Я вступил в свой родной мир, — я должен был узнать блаженство» (2 октября 1897).

В «Роковом ряду» Жанна фигурирует под именем «Лада»:

Что б ни было, нам быть всегда вдвоем;
Мы рядом в мир неведомый сойдем;
Мы связаны звеном святым и тайным!

В одном из «донжуанских списков» против слов «Jeanne (моя жена)» указаны 1897–1899 годы. В другом: 1898–191() — Брюсов не рискнул проставить последнюю цифру, потому что этот «роман» никогда не кончился.

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 378–380; *Материалы*. С. 126–128.

Брюсову хотелось создать «движение» и стать во главе его. Поэтому создание «фаланги» и предводительство ею, тяжесть борьбы с противниками, организационная и тактическая работа — все это ложилось преимущественно на Брюсова.

Владислав Ходасевич

КНИГА ВТОРАЯ

ПОСТРОЕНИЕ ФАЛАНГИ

(1897–1906)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«ПО-ЕВРОПЕЙСКИ СКРОЕННЫЙ МОСКВИЧ»

В отличие от большинства современников Валерий Брюсов вошел сначала в литературу и лишь потом в литературную среду. Никто из влиятельных писателей, критиков или редакторов не помогал ему. Его окружали или дебютанты (Добролюбов издал первую книгу в конце 1894 года, Криницкий – в 1895 году, Курсинский – в 1896 году), или незначительные литераторы вроде братьев Антона и Николая Облеуховых, с которыми он познакомился во время хождения по московским редакциям. С Бальмонтом, бывшим на шесть с половиной лет старше, Брюсов держался на равных, что не исключало ни пылких взаимных восторгов, ни язвительной критики. Двадцатипятилетний Иван Бунин, знакомство с которым состоялось в конце 1895 года, только входил в литературу, причем традиционным путем и с репутацией «писателя для юношества».

Валерий Яковлевич не искал покровительства, а после первых откликов критики перестал надеяться и на понимание. Однако, по свидетельству знавшего его в те годы Петра Пильского, «по природе замкнутый, молодой Брюсов отличался большой литературной общительностью. Он желал и искал знакомств. К людям пера он приближался с горячей любознательностью. Будто ревнивец, он изучал своих соперников»*. Главной целью Брюсова стало «построение фаланги» единомышленников, где он будет вождем. Он был единственным деятелем «нового искусства», способным мыслить и стратегически, и тактически: «метода Брюсова – строго-обдуманное и преднамеренное взвешивание всех составных элементов, ее

* Пильский П. Одинокий // Пильский П. Затуманившийся мир. Рига, 1929. С. 48.

Валерий Брюсов
Фотография С. В. Шницмана. 1897. ИРЛИ

неизменное свойство — соразмерность частей и строгость руководящего плана»*.

Поначалу будущий вождь не пренебрегал никакими союзниками, будь то Мартов-Бугон или Голиков — «поэт для кроликов», как прозвал его Бальмонт. Брюсов переживал временное «отречение» Ланга от литературы, дал деньги Добролюбову на печатание «Одних замечаний», правил стихи Ноздрина, составил из них сборник «Поэма природы» и думал издать его, помогал Курсинскому, переписав рукопись «Полутеней» для цензуры, пытался влиять на творчество Криницкого — единственного беллетриста среди соратников, особенно на его старомодную манеру**. Все эти люди в большей или меньшей степени признавали если не лидерство, то авторитет Брюсова, но он не обольщался относительно их способностей и понимал,

* Эллис. Русские символисты. С. 110.

** Тот, в свою очередь, пытался влиять на философские и этические воззрения Брюсова с целью сближения их с христианством.

что с ними новая школа не добьется успеха. Фриче, Коган и Шулятиков окончательно ушли в другой «лагерь», хотя с первым из них Брюсов продолжал общаться и спорить.

Бальмонт — на тот момент самая яркая звезда русского «декадентства» — был слишком эгоцентричен и независим для признания чьего бы то ни было руководства. Зато это был настоящий поэт, добившийся признания у недружественной критики, и настоящий союзник, хотя и непостоянный в личных отношениях. Интересное наблюдение сделал Пильский: «В неровных, изменчивых, то ласковых, то колючих отношениях с Бальмонтом были моменты самого полного и искреннего восторга, идущего от Брюсова, и они всегда совпадали с публичными неудачами Бальмонта — когда он претерпевал неприятности и гонения за вызов и дерзость проповеди*». Современники воспринимали «брата Константина» и «брата Валерия» неотделимо друг от друга, сравнивая их то с Бодлером и Верленом, то с Пушкиным и Тютчевым. Что думали об этом они сами? «В перечислены поэтов, со мной и тобою имеющих что-нибудь общее, — писал Бальмонт Брюсову 2 (15) июля 1906 года, — ты называешь Пушкина поэтом мужского начала, а Тютчева — поэтом начала женского. Я изумлен неверностью. Тютчев — типичный поэт — *vir***». И именно ты, а не я с ним сроднен. И ты вовсе не сроднен с моим женственным легкомысленным капризным поэтическим братом Пушкиным***.

Затем появился Сологуб. Брюсов знал это имя по «Северному вестнику», хотя в ранней статье о Верлене приписал его переводы «графу Соллогубу», видимо, спутав Федора Кузьмича с мелким поэтом Федором Львовичем Соллогубом. 20 июля 1896 года Сологуб предложил Брюсову обмениваться книгами и послал ему свои сборники «Стихи. Книга первая» и «Тени. Рассказы и стихи» с одинаковыми инскриптами: «Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора»****. Адресат ответил лишь в начале ноября, пояснив, что «не хотел на этот раз ограничиться стереотипной благодарностью». Он собирался высказать развернутое мнение о стихах нового знакомого, но в итоге ограничился кратким официальным письмом*****.

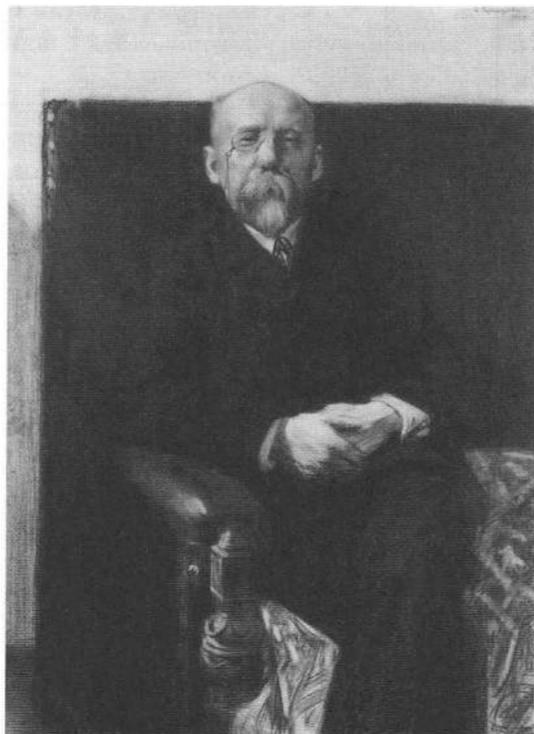
* Пильский П. Затуманившийся мир. С. 53.

** Муж (лат.).

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 174. Неакадемическое примечание: Бальмонт и Пушкин родились под знаком Близнецов, Брюсов и Тютчев — под знаком Стрельца, на противоположной стороне зодиакального круга.

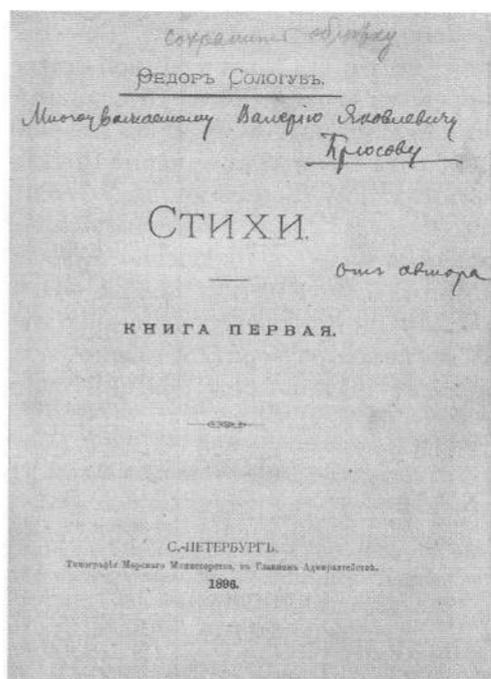
**** Собрание А. Л. Соболева; ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 711.

***** Черновые варианты: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 710–711; СС. Т. 6. С. 612; отправленный текст: Брюсов В. Я. Письма к Ф. К. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // ЕРОПД на 1973 год. Л., 1976. С. 105.

Федор Сологуб
Портрет работы
Б. М. Кустодиева.
ГТГ. 1907

Дарственная надпись
Федора Сологуба
Валерию Брюсову
на обложке книги
«Стихи. Книга первая»
(СПб., 1896):
«Многоуважаемому
Валерию Яковлевичу
Брюсову от автора»
Собрание А. Л. Соболева.
Публикуется впервые

Личное знакомство поэтов произошло в начале января 1897 года, когда Валерий Яковлевич приехал в Петербург для занятий в Публичной библиотеке, но больше гулял по городу, посещая музеи и театры. «Сологуба я нашел каким-то сонным, — писал он Курсинскому, — ничем не интересующимся, на все махнувшим рукой». «Мы поговорили с полчаса», — подвел он в дневнике итог встречи, назвав «главным» вопрос... о судьбе денег, посланных Добролюбову (11 января 1897)*.

По возвращении из недельного свадебного путешествия в столицу в октябре 1897 года Брюсовы поселились в меблированных комнатах «Тулон» на Большой Дмитровке (дом 10), где прожили до начала апреля 1898 года. «Как благодетельно влияет порвать с той обстановкой, где прожил двадцать три года! где все до последнего стула знакомо мучительно», — писал молодожен Станюковичу**. Он готовил рефераты для университета, штудировал Лейбница и Канта, водил жену в театры и на выставки, читал ей вслух французские романы, регулярно бывал на Цветном бульваре, где занимался с сестрами и играл в винт с родителями, но в самом конце года серьезно заболел плевритом. «Три недели почти вычеркнуты из моей жизни, — грустно фиксировал Брюсов 18 января 1898 года. — <...> Меня навещали друзья, особенно Облеухов. Он что-то упорно твердит о замысленных новых журналах и приглашает меня сотрудничать в разные еще не существующие журналы. <...> Курсинский жалуется на одиночество. Ланг ожидает второго наследника. <...> Был Мартов-Бугон <...> Теперь он пишет городскую хронику».

«Важнейшее событие этих дней, — читаем в той же записи, — появление статьи гр. Л. Толстого об искусстве. Идеи Толстого так совпадают с моими, что первое время я был в отчаянии, хотел писать „письма в редакцию“, протестовать — теперь успокоился и довольствуюсь письмом к самому Л. Толстому». Чтение трактата «Что такое искусство?» в журнале «Вопросы философии и психологии» привело Валерия Яковлевича к выводу о совпадении мыслей Толстого с... предисловием к первому изданию «Шедевров». «Меня не удивило, — писал он 20 января „графу Льву Николаевичу“, прилагая текст предисловия, — что Вы не упомянули моего имени в длинном списке Ваших предшественников, потому что несомненно Вы и не знали моих воззрений на искусство. Между тем именно я должен был занять в этом списке первое место, потому что мои взгляды почти буквально совпадают с Вашими. <...> Мне не хотелось бы, чтобы

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 329–330 (Курсинскому).

** ЛН. Т. 85. С. 745–746.

этот факт оставался неизвестен читателям Вашей статьи. <...> Вам легко поправить свою невольную ошибку, сделавши примечание ко второй половине статьи, или к ее отдельному изданию, или, наконец, особым письмом в газетах»*.

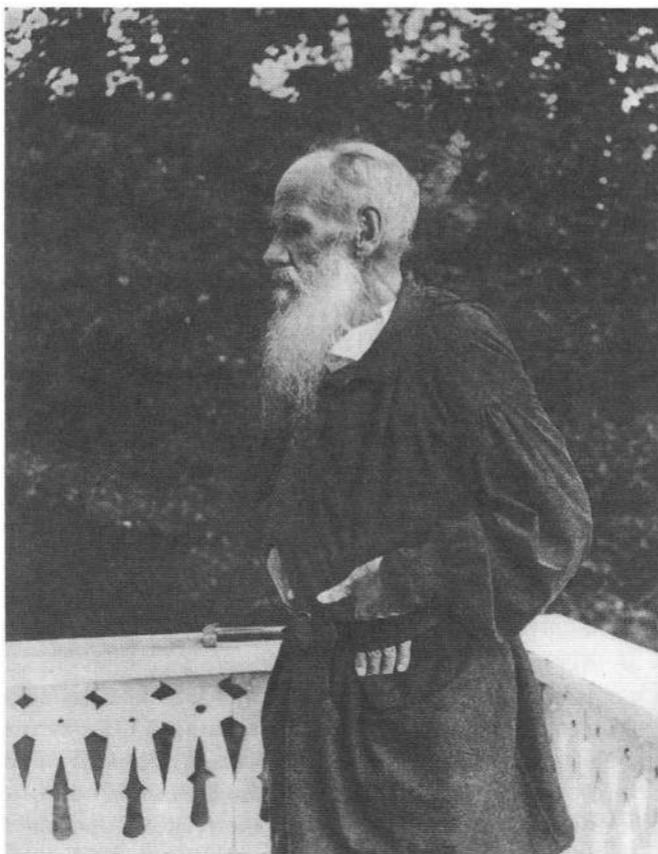
Толстой прочитал письмо и сделал на нем пометку для секретаря «Б. о.», т. е. «без ответа». Думаю, он посмеялся над предложением оповестить в газетах, что его взгляды на искусство были ранее выражены неким декадентом (он мог слышать фамилию «Брюсов» от Курсинского, но вряд ли запомнил ее). Валерий Яковлевич, продолжавший заполнять тетради бесчисленными набросками для задуманных книг и статей**, решил обратить один из замыслов — «Литературные опыты» (они то пересекались с «Философскими опытами», то отделялись от них) — в ответ Толстому. Итогом стала статья «О искусстве»***, законченная в середине августа и дозволенная цензурой 22 октября 1898 года. «Благословенна воскресающая гордость творца! — занес автор в дневник, завершив работу. — Велико таинство слов и их могущество. Одни почти как серебряные трубы в поле, другие созданы залетными ангелами, иные сама неподвижность и смерть. Счастлив, кто знает заклинания! По знаку его собираются беспорядочно стройные воинства. О, торжество завоевателей, идущих с развернутыми знаменами. Слышны крики воинов, пение труб... Благословенная воскресающая гордость вождя» (13 августа 1898). Судя по записи с «частоклом восклицательных знаков», Брюсов нес в мир не меньше, чем новое Евангелие.

Этот короткий текст, над которым автор работал долго и тщательно, хорошо известен и изучен, в том числе применительно к идеям Толстого, которые помогли Брюсову облечь замысел в конкретную форму. Следует заметить, что молодой декадент был одним из немногих, кто высоко оценил толстовский трактат, принятый критикой и публикой резко отрицательно.

* *Дневники*. С. 156.

** «Быть может, раньше „Corona“ (будущий сборник „Tertia vigilia“. — В. М.) и раньше I-го тома „Истории Лирики“ я напишу „Философские опыты“. (Содержание: I. Лейбниц. II. Эдгар По. III. Метерлиник. IV. Идеализм. V. Основание всякой метафизики. VI. Любовь (Двое). VII. Христианство)» (23 октября 1897). Ни один из перечисленных замыслов не был завершен, кроме университетского сочинения «Теория познания у Лейбниша» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 4. Ед. хр. 28). Другие работы этого времени: роман «Гора Звезды» (Фантастика. 73–74. М., 1975. С. 191–236 / Публ. Р. Л. Щербакова); статья «Мировоззрение Баратынского» (см.: *Тиханчева Е. П.* Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, 1973. С. 46–88); наброски «Учебника стихотворства» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 3. Ед. хр. 20), из замысла которого выросла «Наука о стихе» (1919).

*** «Не кто другой, как Л. И. Поливанов, уверил меня, что предлог «об» ставится только перед местоимениями» («Автобиография»).

Лев Толстой на балконе яснополянского дома
1902

Книжка с эпиграфом из Лейбница разбита на главки «Заветы к художнику», «Заветы к читателю», «О новой школе», «Чаянья», причем их заглавия есть только в оглавлении, но не в тексте. Как и в предисловии к первому изданию «Шедевров», автор не говорил, а вещал — краткими многозначительными фразами, не всегда связанными друг с другом. Это признал он сам: «Написано совсем хорошо, но сжато до последней степени; часто совсем непонятно по краткости» (26 октября 1898)*. Так о литературе и искусстве в тогдашней России писать было не принято — манера Брюсова скорее напоминала манифесты французских символистов 1880-х годов или русских романтиков 1820-х.

* В 1902 году Брюсов осудил форму книги: «Фразы как бабочки, насаженные на булавки, и метод <...> ничего не доказывающий, но всем распоряжающийся» (СС. Т. 6. С. 580 (примеч.)).

За истинами, которые изрекал автор-пророк, видны не только теоретические размышления, но и личный опыт, отразившийся в стихах. «Кто дерзает быть художником, должен найти себя, стать самим собою. Не многие могут сказать не лживо: „это — я“», т. е. «*me eum esse*». «Есть для избранных годы молчания», — этой же строкой открывается стихотворение, написанное 13 декабря 1896 года. «Только одинокие раздумья создают право вынести людям свои скрижали». Валерий Яковлевич молчал два года, прежде чем обнародовал собственные «скрижали» — не столько свои лично, но «нового искусства» в целом, которое поместил в примечательный контекст: «В наши дни везде предвозвестники и указатели нового. В душе своей мы усматриваем, чего не замечали прежде: вот явления распада души, двойного зрения, внушения; вот воскресающие сокровенные учения средневековья (магия) и попытки сношений с невидимыми (спиритизм)».

Немногочисленные критики не пошли дальше предисловия, зацепившись за фразу: «И Толстой, и я, мы считаем искусство средством общения». Бальмонт первым оценил «замечательную книгу»: «Она полна мыслей, как горный воздух бурь»*. Прочие знакомые молчали, поэтому автора заинтересовало письмо лично неизвестной ему Ольги Кастальской: «Я от всей души желаю оправдать декадентство <...> Читаешь Ваше „О искусстве“ <...> и начинаешь верить, что в декадентстве есть смысл, и хочется думать, что это не ложный путь — так душевно, искренно написаны эти статьи. Но подходишь к декадентскому произведению <...> и овладевает тобой сначала недоумение, потом смех, а потом и горечь <...> Может быть, так было потому, что до сих пор мне не приходилось видеть или читать произведения искреннего декадента». Ссылаясь на публичный «отказ» Брюсова от своих книг (вроде посвященного «Шедеврам» стихотворения в «*Me eum esse*»), корреспондентка просила указать ей «сборник Ваших стихотворений, который был бы для Вас настоящим» во время работы над «О искусстве». Что ответил Валерий Яковлевич, неизвестно, но, судя по второму письму Кастальской, ответ был содержательным**. В начале 1899 года, желая активизировать диалог с читателем, он вернулся к оставленному было замыслу книги «Мои письма», которым решил придать характер «поучений» на литературные и философские темы, однако дальше набросков дело не продвинулось.

Вторую половину апреля, май и начало июня 1898 года Брюсов провел с отцом и женой в Ялте и Алупке, поправляя

* Цит. по: *Дневники*. С. 53.

** *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 602–603.

здоровье. «Буду учиться любить природу», — записал он в дневнике 15 апреля. Через четыре дня последовало признание, что «есть прелесть в природе», через неделю: «Не я буду виноват, если и теперь не сумею „полюбить“ природу». «Любить природу можно, это я понял», — суммировал он 19 мая. «Примирение с природой» отразилось в цикле «Картинки Крыма и моря», написанном «со всей возможной благопристойностью». Но уже 24 мая Валерий Яковлевич писал домой: «Мама, здравствуй, милая! Хорошо здесь, и жить совсем хорошо, а понемногу начинаешь все ясней и ясней подумывать: довольно! пора и назад. Говоря проще, соскучился я по вас; хочется и с тобой повидаться, и Наде о арабах рассказывать, и просто на всю вашу обстановку поглядеть, к которой глаз так привык за 24 года»*. В Москве, а затем на даче в Останкино он романтически вздыхал: «Понимаю, всей душой понимаю, тоску южанина, жителя морского побережья, закинутого на север». И восклицал: «О! я создан, чтобы жить на Юге. Там я у себя на родине, на Севере я в изгнании». Настроение быстро прошло, но вопрос о месте отдыха на следующий год решился сам собой.

Главным событием лета стала встреча с неожиданно появившимся в Москве Добролюбовым, подробно описанная в дневнике. Брюсов волновался: «О, сколько странных и безумных, и невероятных воспоминаний. <...> Что же найду я сказать ему, я, теперешний? Бальмонт и Добролюбов были для меня в прошлом два идеала. Я изменился с тех пор, я иной, да! Но перед ними я не смею быть иным и уже не умею быть прежним. И я перед ними бессилен. А в душе возникает вопрос: что, если „я“ тот, прежний, был лучше, выше?»

Вопреки ожиданиям, встреча не была трудной, хотя Добролюбов переменился до неузнаваемости — и внешне, и внутренне: «теперь он стал прост, теперь он умел говорить со всеми». Гость пересказал хозяевам всю свою жизнь, произведя особенно сильное впечатление на семнадцатилетнюю Надежду Яковлевну. «Встреча с Добролюбовым повеяла на меня новым, оживила, воскресила душу, — записал Брюсов 31 июля. — <...> Перечитывал сегодня свою книгу о искусстве, и все бессилие ее мне открылось. За работу, опять сначала!». Однако новый, столь же неожиданный, приход «странника» на Цветной бульвар в начале сентября произвел тягостное впечатление: «Я пытался заговорить с ним, но он отвечал односложно. Часто наступало молчание. Вдруг со словами „Я помолюсь за вас“ он вставал и падал ниц. <...> Последние мгновения вечера мы

* Цит. по: *Благоволкина Ю. П. Архив В. Я. Брюсова*. С. 80.

были совсем вне себя. Со словами: „Если не поцелую ноги вашей, не будете со мной в раю“, — он поцеловал нам ноги. <...> Прощаясь, я ему сказал: „Воистину вы тяжелы нам. Как некогда Симон, я скажу вам: выйди от меня, ибо я человек грешный“*. Такими же были последующие встречи и письма. Валерий Яковлевич даже перенял тон собеседника, адресовавшего свои послания «В Брюсову от знающего»: «Смотреть в себя, в глубь души своей, дальше в глубь своего духа. Весь круг постижимого и откровенного во мне. <...> Вероятно, это шаг к истине. Только шаг. Но мне страшно идти снова во мрак. Я медлю...»* В столь же высокопарной манере выдержаны его осенние «философские» письма Самыгину, отмеченные влиянием входившего в моду Ницше**.

Для борьбы за символизм Добролюбов был потерян, но Брюсов продолжал видеть в нем «талантливейшего и оригинальнейшего из нас, из числа новых поэтов». Кроме того, общение с «практикующим мистиком» наложило на новую волну интереса к оккультизму, связанную с философскими штудиями. 15 августа он внес в число намеченных работ «О запретных науках (магия)», для чего читал «Философию мистики, или Двойственность человеческого существа» Карла дю Преля (книгу ценил Вл. Соловьев, идеями которого Брюсов тогда увлекался), а также «Книгу духов» и «Книгу медиумов» французского спиритуалиста Алена Кардека***.

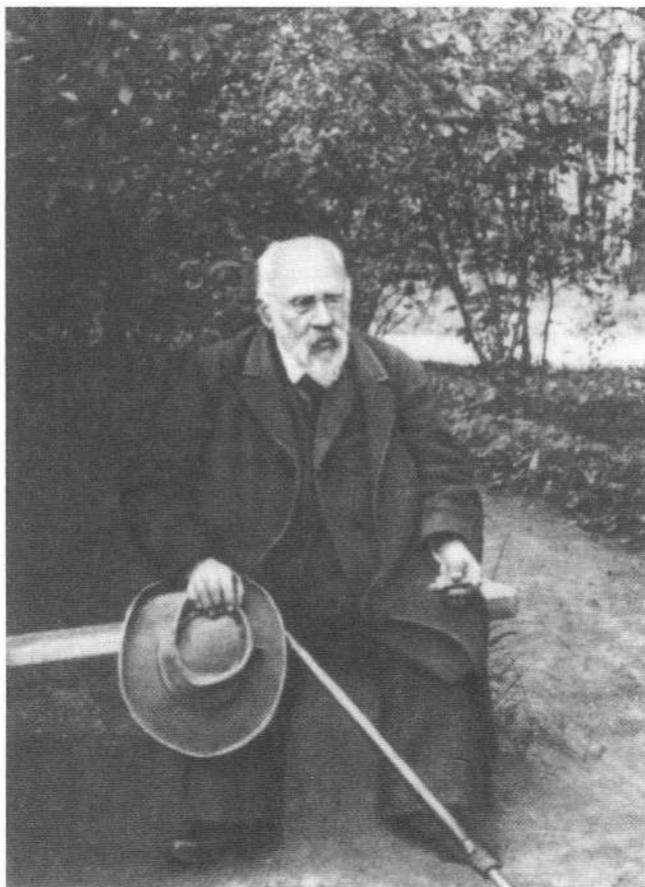
Вслед за вторым визитом Добролюбова в дневнике зафиксировано знакомство с шестидесятидевятилетним Петром Ивановичем Бартеневым, который показался Брюсову «древним старцем». Казалось бы, пожилому издателю консервативного исторического журнала, славянофилу, не признававшему слова «редактор» и потому именовавшему себя «составителем»**** «Русского архива», не о чем было говорить с молодым (44 года разницы в возрасте!) вождем новомодной «западной» школы со скандальной репутацией. «Как робкий ученик», Валерий Яковлевич принес Бартеневу статью о вариантах стихотворений Тютчева — «и был принят старым ласковым учителем, который подыскивал способного ученика, к тому же „бессребреника“, — не любил Петр Иванович платить большие

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 775–785; в комментариях фрагменты из писем Добролюбова Брюсову.

** Там же. С. 395–398.

*** Письма к Самыгину и Бальмонту: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 388–393, 764–767.

**** Бартенев говорил Брюсову: «Иностранные слова оттого, что писатель заимствует мысль у иностранных писателей; кто ясно сознал свою мысль, тот выскажет ее по-русски (12 сентября 1898). Брюсов развил эту тему в статье «Переводная наука»: Русский листок. 1902. № 21. 22 янв. С. 3; перепеч. с дополнениями по рукописи: НБ. С. 64–68.

Петр Бартенеv
1890-е

гонорары, — чтобы вручить ему свои литературные навыки, которые были с признательностью приняты Брюсовым»*. Оценив профессионализм нового знакомого, Бартенеv вручил ему корректуру подготовленного «Русским архивом» к печати издания стихотворений Тютчева, в которую Брюсов внес немало уточнений и исправлений.

Старого издателя и молодого поэта сблизила любовь к Тютчеву: Валерий Яковлевич считал его первым и лучшим русским символистом, но вряд ли говорил об этом собеседнику. «Русская литература остановилась для Бартенева на Тургеневе <...> Не читал Бартенеv и моих книг, — признал Брюсов в мемуарном

* *Материалы*. С. 129.

очерке „Обломок старых поколений“, — и всегда был убежден, что я не говорю с ним о моих стихах из чувства стыда за свое „бедное рифмачество“*. <...> Он продолжать жить в наши дни в общении с людьми прошлого, с Екатериной Великой, с Александром I, с Пушкиным, с ушедшими из жизни друзьями лучших лет, с кн. Вяземским, Хомяковым, Тютчевым... В их кругу он чувствовал себя как дома и как на что-то чужое смотрел на суетливую современность». Брюсов стал не только частым автором журнала, в котором печатался почти до его закрытия в 1917 году, но и помощником издателя** и почти членом семьи: он поддерживал дружеские отношения с сыновьями Петра Ивановича цензором Юрием и историком Сергеем, а затем с внуком, гордо подписывавшимся «Петр Бартенева-младший». Сотрудничество с Бартеневым не только стало началом «реабилитации» Валерия Яковлевича, но и дало ему хороший опыт журнальной и историко-литературной работы. Напечатанные в «Русском архиве» статьи, рецензии, библиографические заметки, архивные публикации и переводы показывают не только эрудицию Брюсова, но и тот высокий профессиональный уровень, которым будут отмечены его позднейшие работы о Пушкине, Тютчеве, Каролине Павловой.

Забегая вперед, упомяну, что Юрий Бартенева 20 апреля 1900 года познакомил Валерия Яковлевича с философом «общего дела» Николаем Федоровым. О том, как протекала беседа, можно судить по письму Бартенева Брюсову: «Мне весьма обидно, что Вы вчера у нас подвергнулись столь свирепому нападению несомненно замечательного, но невыдержанного старца. Не сетуйте на меня и снисходительно отнеситесь к 80-летнему (Федорову было 72 года. — В. М.) мыслителю, от которого претерпевали и Соловьев и Толстой. Его необузданный язык и горячий нрав ничем не могут быть удержимы»***. Описывая встречу в дневнике, Брюсов почти дословно использовал эту характеристику, пояснив: «Речь шла о Ницше, и вообще Николай Федорович нападал на меня жестоко. Я остался очень им доволен и, уходя (я спешил), благодарил его». «Федоровцем» был коллекционер Николай Черногубов, с которым Брюсов тесно общался в эти годы и от которого в конце 1903 года полу-

* Выражение из письма М. В. Ломоносова к гр. И. И. Шувалову (19 января 1761) об А. П. Сумарокове: «...бедное свое рифмачество выше всего человеческого знания ставит».

** Условия «службы» зафиксированы в договоре от 14 августа 1900 года (*Дневники*. С. 173), где она названа «скорее приятной, чем обременительной». См.: *Ашукин Н.* Валерий Брюсов и Петр Иванович Бартенева // *Ашукин Н.* Литературная мозаика. М., <1931>. С. 144–194.

*** Цит. по: *Лаверов А. В., Гречишкин С. С.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 98.

чил для «Весов» статью Федорова «Астрономия и архитектура» (при жизни тот принципиально отказывался публиковать свои сочинения) и некролог «загадочного старика». Идеи Федорова о физическом воскрешении мертвых «научным путем» и о возможности изменения орбиты Земли совместными усилиями всего ее населения отразились в стихотворениях Брюсова «Хвала Человеку» и «Как листья в осень...», причем в примечаниях к последнему Федоров назван «ученым». Обычно его так не называли...

Шестого декабря 1898 года Валерий Яковлевич приехал в Петербург, собираясь повидать множество знакомых и незнакомых: Вл. Гиппиуса, Сологуба, Мережковского, Розанова, Волынского, Венгерова, Вл. Соловьева, Перцова, родных Добролюбова и его приятелей Я. И. Эрлиха и Е. Н. Квашнина-Самарина, а также трех редакторов: эстета С. П. Дягилева («Мир искусства»), спирита В. И. Прибыткова («Ребус») и народника С. Н. Южакова («Большая энциклопедия»). Далекое не все из задуманного состоялось: с Соловьевым он так и не встретился, с Дягилевым, Волынским и Розановым познакомился позже. Первые дни Брюсов провел с Бальмонтом, обменявшись с ним стихами в знак окончательного примирения и восстановления дружбы после временного охлаждения, вызванного женитьбой Константина Дмитриевича, его заграничным путешествием и переездом в столицу. Затем был визит к Мережковским: гость, видимо, волновался, поскольку испытывал пиетет перед хозяином и ценил стихи хозяйки. «Зинаида Гиппиус угощала нас чаем в темной и грязной столовой. Любезной она быть не старалась и понемногу начинала говорить мне дерзости. Я отплатил тем же и знаю, что два-три удара были меткими».

Так началась дружба, продолжавшаяся двадцать лет. Вот как описала знакомство сама Гиппиус — после разрыва — в очерке «Одержимый»: «Скромный, приятный, вежливый юноша; молодость его, впрочем, в глаза не бросалась; у него и тогда уже была небольшая черная борода. Необыкновенно тонкий, гибкий, как ветка; и еще тоньше, еще гибче делал его черный сюртук, застегнутый на все пуговицы. Черные глаза, небольшие, глубоко сидящие и сближенные у переносья. Ни красивым, ни некрасивым назвать его нельзя; во всяком случае, интересное лицо <...> В личных свиданиях он был очень прост, бровей, от природы немного нависших, не супил, не рисовался. Высокий тенорок его, чуть-чуть тенорок молодого приказчика или московского сынка купеческого, даже шел к непомерно тонкой и гибкой фигуре»*.

* Гиппиус З. Одержимый: О Брюсове // Окно (Париж). 1923, № 2. С. 199–234; перепеч.: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 251–276 (цит. С. 254–255).

Дмитрий Мережковский

Фотография М. В. Дмитриева. Нижний Новгород. Начало 1900-х. ИРЛИ

Мережковский в день знакомства болел и лежал в постели. «Сразу начал он говорить о моей книге («О искусстве». — В. М.) и бранить ее резко.

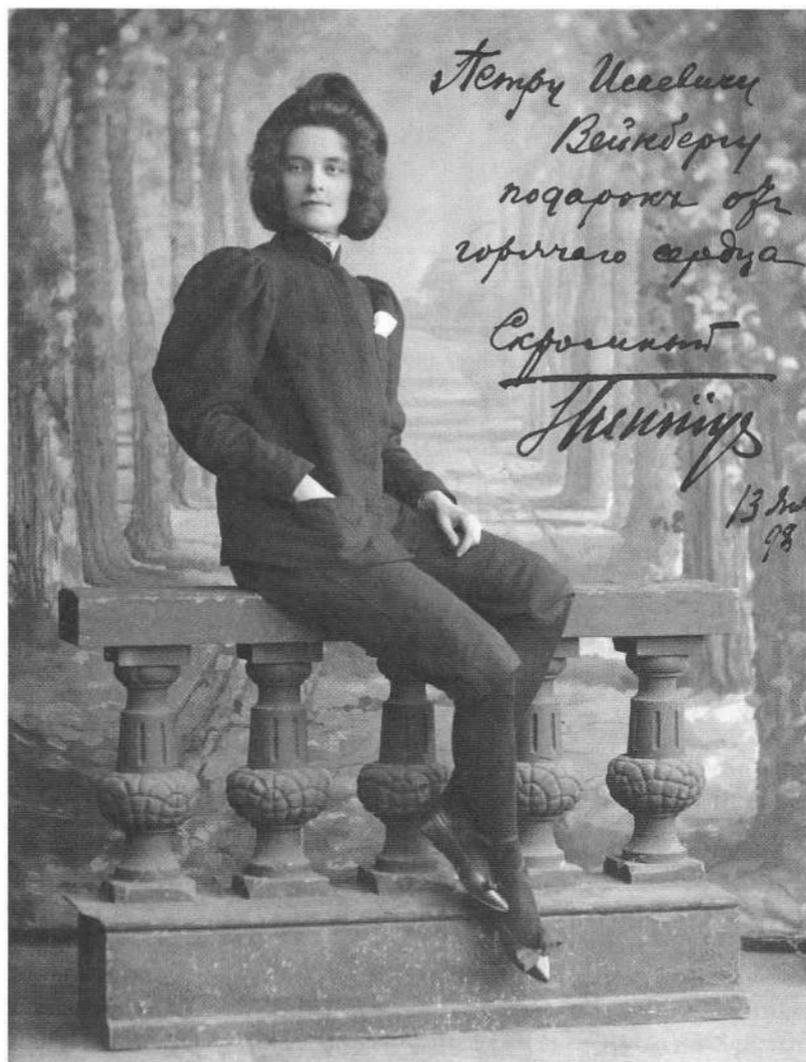
— Ее даже бранить не за что, в ней ничего нет. Я почти со всем в ней соглашаюсь, но без радости. Когда я читаю Ницше, я содрогаюсь до пяток, а здесь я даже не знаю, зачем читаю.

Зинаида хотела его остановить.

— Нет, оставь, Зиночка. Я говорю прямо, от сердца, а ты ведь хоть молчишь, зато, как змея, жалишь, это хуже...

И, правда, он говорил от чистого сердца, бранил еще больше, чем меня, Толстого, катался по постели и кричал: Левиафан! Левиафан пошлости!»

Знакомство с Мережковскими имело для Брюсова стратегическое значение, которое в полной мере выявилось через несколько лет. Тактически важным было вхождение в круг петербургских поэтов.

Зинаида Гиппиус

Фотография Р. Шарля. 1898.

С дарственной надписью П. И. Вейнбергу: «Петру Исеевичу Вейнбергу подарок от горячего сердца Скромный З. Гиппиус 13 Янв. 98». ИРЛИ

Николай Минский, «паукообразный человечек, с черной эспаньолкой и немного еврейским акцентом», «говорил пошлости и пустяки», но дал остроумную оценку книге «О искусстве»: «Ждешь появления привидения, а выходит дядюшка и говорит „здравствуйте“». Иероним Ясинский, «красивый, могучий зверь, с красивой длинной, остроконечной бородой» сказал о ней же: «Смело, очень смело». Собиратель автографов и портретов

Николай Минский (Виленкин)

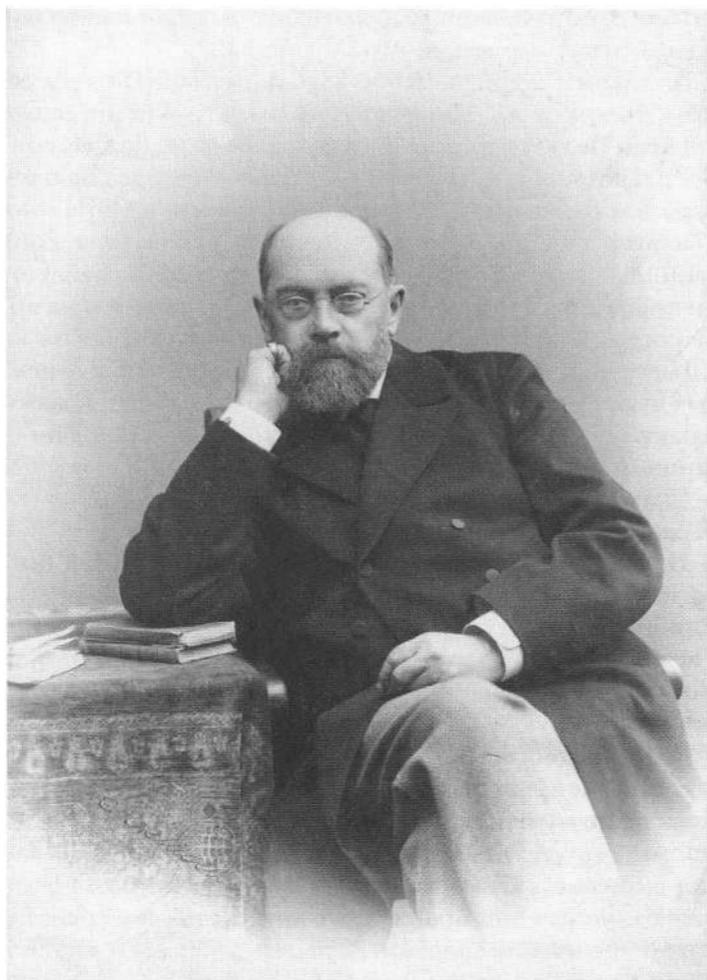
Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург. 1890-е. ИРЛИ

«замечательных лиц» Фридрих, он же Федор Федорович, Фидлер попросил у Брюсова фотографию и книги, что означало признание. Аполлон Коринфский «робко извинялся за свои рецензии: „Странно бывает читать, что писал прежде, не понимаешь себя, как мог...“ Я предложил тост за новую поэзию, он выпил». И получил «О искусстве» с инскриптом: «Апполону Апполоновичу (так! — В. М.) Коринфскому. Память о наших здравницах за новую поэзию и за старую и за вечно единую»*. На сей раз его отзыв оказался более пристойным, хоть и не отличался пониманием идей нового знакомого**. Краткую рецензию, сводившуюся к пересказу основных положений трактата, поместил журнал «Вопросы философии и психологии», который редактировали университетские учителя Брюсова Николай Грот и Лев Лопатин***. В дневнике Валерий Яковлевич охарактеризовал ее словами: «такая, которую терпеть можно».

* *Прижизненные издания*. С. 31.

** Север. 1899. № 4. 24 января. С. 3 (подпись: А-н Кор.).

*** Вопросы философии и психологии. 1899. № 1. С. 54–55.

Константин Случевский

Фотография А. Пазетти. Санкт-Петербург. 1899. ИРЛИ

Больше всего стихотворцев собиралось на «пятницах» Константина Случевского, начавшихся 1 октября 1898 года, после похорон Якова Полонского, у которого раньше проходили аналогичные собрания. «Был там и я 11-го (декабря. — В. М.) вечером, пришел с Бальмонтом и Буниним, — записывал Брюсов. <...> Мы, трое декадентов — Бальмонт, Сологуб и я, тоскливо укрылись в угол. <...> Когда все собрались, начали читать стихи. <...> Я прочел „На новый колокол“, а так как полагалось, что я декадент, то все и нашли, что это стихотворение архидекадентское. <...> Под конец читал сам Случевский, читал удивительно плохо, но стихи иной раз любопытные. Кроме него

и того же самого Сафонова, стихи всех были ни на что не нужные (говорю о мне незнакомых)».

Кто такой Сафонов? В 1892 году газета «Петербургская жизнь» писала о нем: «Вооружен бичом сатиры и лирою поэта-декадента. Человек, который смеется над тем, над чем он плачет, и плачет над тем, над чем смеется»*. Ровесник Бальмонта, Сергей Александрович Сафонов запомнился, и то не многим, как балагур и выпивоха, «съеденный» газетно-журнальной поденщиной, хотя был одним из самых талантливых лириков, захваченных «новыми веяниями», но остановившихся на пороге символизма. У Случевского, после чтения Брюсова, он «вскочил с места и закричал: „Господа! вот вопрос, что это: искание новых путей или что иное**?“» Разговор продолжился в «некоем трактирчике»: «Сафонов сел против меня и спросил будто бы проницательным голосом:

— Скажите, Брюсов, шарлатан вы или искренни?

Я сказал что-то о странности вопроса.

— Э, нет! если бы я знал, что вы вилять будете, я бы и не спросил. Можете ответить прямо?

Пришлось улыбнуться и ответить прямо».

Памятью о том разговоре остался инскрипт на втором издании «Шедевров»: «С. А. Сафонова прошу принять эту книгу, давно оплаканную и осужденную. ВВ. 1898»***. Охарактеризовав большинство встреченных стихотворцев формулой «Тут кабак, а тут и храм», Валерий Яковлевич прибавил: «Для Сафонова действительно храм существует». «Одни из них живут в хоромах, другие на чердаках, — суммировал он свои впечатления в письме к Станюковичу, — одних печатают, других не печатают, но все они бранят друг друга и рассказывают один о другом мерзейшие сплетни. За десять дней моей жизни в Петербурге перевидал я человек 40 новых лиц, голова у меня пошла кругом, и, вернувшись в Москву, я два дня был болен»****.

Во время следующей поездки в столицу в марте 1899 года***** Брюсов закрепил знакомство со Случевским, поэзией которого начал по-настоящему восхищаться. Другие встречи были не столь идиллическими. «Мережковский бегал на коротких ножках и вопил „банально“. Зинаида Гиппиус говорила злые слова», — сообщал он жене о встрече с ними у Бальмонта. Однако днем позже у Случевского они держались по-другому:

* Цит. по: Поэты 1880–1890-х годов. Л., 1972. С. 512.

** В записи Фидлера: «...или шарлатанство?»: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 417.

*** Собрание С. Л. Маркова. СПб., 2007. С. 58.

**** ЛН. Т. 85. С. 746.

***** Дневники. С. 63–67.

Сергей Сафонов

Фотография А. Пазетти. Санкт-Петербург. 1890-е. ИРЛИ

«Мережковский словно пытался загладить свое поведение со мной и все со мной заговаривал»*. Для сборника «Денница», посвященного столетию Пушкина, Случевский взял у Брюсова стихотворение «Демоны пыли», имевшее успех на «пятнице», но вскоре вернул его автору из-за «невозможной» «фактуры стиха»**.

В конце декабря 1898 года московский журнал «Знамя», который редактировал приятель Брюсова Николай Облеухов, отверг «Ассаргадона»:

Я — вожь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 342.

** Ответ Брюсова (26 марта 1899): Литературный критик. 1939. № 10-11. С. 235 / Публ. А. Г. Островского.

Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море...

Рассерженный автор потребовал обратно все свои рукописи. Знал бы Облеухов, что мог остаться в истории как человек, первым опубликовавший стихи Брюсова, а не кануть в Лету вместе с Александровым из «Русского обозрения», который не оценил брюсовские переводы из Верлена. Лавры достались одесскому «Южному обозрению», напечатавшему в 1899 году восемь «благопристойных» «Картинок Крыма» и пять «декадентских» переводов: Приска де Ландель (текст, ранее запрещенный цензурой для «Русских символистов»), Роденбах, Мореас, Эверс, Верлен. Устроил публикацию сотрудничавший в газете Бунин: «Радуюсь, что даете приют моим гонимым стихам», — писал ему Брюсов*. «Конечно, газета пойдет на разные домашние нужды, — философски заметил он в дневнике в первой половине марта, — и если я сам решаюсь там печатать, то только ради того, чтобы быть где-нибудь напечатанным». «Годы молчания» ему надоели.

С началом января 1899 года Валерий Яковлевич засел за подготовку к государственным экзаменам, но не прекращал общаться с друзьями. Кроме Ланга, Курсинского, Бунина, в дневнике мелькают фамилии художника и архитектора Модеста Дурнова, активно выступавшего в печати товарища по университету Владимира Саводника (филолог и педагог, по учебникам которого учились несколько поколений гимназистов)**, немецкого поэта и переводчика Георга (Егора Егоровича) Бахмана. «Прекрасный поэт, — вспоминал о нем Брюсов, — страстный поклонник и тонкий ценитель поэзии всех народов и всех веков, исключительный знаток литературы, которая была доступна ему в подлиннике на всех европейских языках <...> В маленькой квартире Бахмана, заполненной, затопленной книгами, которых здесь было много тысяч томов, было как-то особенно хорошо читать и слушать стихи. <...> Все присутствующие знали, что *здесь* каждый стих будет оценен по достоинству, что *здесь* не пройдет незамеченным удачное выражение, меткий эпитет, новая рифма»***. Бахман подарил Брюсову книгу своих стихов «Мечты и звуки» «на память о беседах

* Переписка <Бунина> с В. Я. Брюсовым. 1895–1915 / Вступ. ст. и публ. А. А. Нинова // ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 440–444; дополнение: Там же. Кн. 2. С. 515–516.

** См.: Поэт и ученый: (Воспоминания о В. Я. Брюсове В. Ф. Саводника и письма к нему В. Я. Брюсова) / Публ. Е. М. Бень // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 99–115.

*** Брюсов В. Мои воспоминания о Викторе Гофмане // Гофман В. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1917. С. XXXI–XLII; Памяти Георга Бахмана // В. 1907. № 7. С. 54–56 (без подписи).

о Верлене и Тютчеве»*. Саводник поднес ему свой первый поэтический сборник, вставив после слов «дорогому товарищу» в заранее заготовленной надписи «и беспощадному зоилу»**. Среди более редких встреч — философы Давид Викторов, Борис Фохт и Иван Лапшин, филолог Иван Розанов***, начинающий критик Юлий Айхенвальд, будущий автор одной из самых «разгромных» статей о Брюсове.

В январе в Москву приехал Бальмонт с идеей выпустить коллективный сборник стихотворений — своих, Брюсова, Сологуба, Вл. Гиппиуса, Дурнова и Ивана Ореуса, знакомство с которым стало для Валерия Яковлевича главным петербургским «приобретением»****. Первое впечатление от встречи с ним 12 декабря 1898 года у Сологуба, где Ореус, еще не избравший себе псевдоним «Коневской»*****, читал поэму «Дебри»: «Прекрасный поэт». Второе, через два дня: «Болезненный юноша, с нервными подергиваниями; немного напоминает Добролюбова былых дней, но менее привлекателен». Добролюбов, с творчеством которого Коневской был знаком через Гиппиуса, и французские символисты, которых он хорошо знал и любил, стали главной темой беседы. Рукописи Ореуса, привезенные Бальмонтом, привели Брюсова в восторг: «Мы все были увлечены, читали, перечитывали, переписывали, выучили наизусть» (январь 1899).

«Поэт мысли», продолжатель Баратынского, Тютчева и Вл. Соловьева, Коневской не мог остаться чужд Брюсову. Обнаружились между ними и иные черты сходства. В итоговой статье о творчестве друга для «Русской литературы XX века» под редакцией С. А. Венгерова Валерий Яковлевич писал: «В гимназии, попав в уже сплотившийся круг одноклассников, Коневской не мог сойтись с ними по-товарищески и до конца школы остался наполовину чуждым ей. Привыкший к одиноким раздумьям, к серьезному чтению, к беседам со взрослыми, Коневской не умел войти в обиход гимназической жизни с ее мальчишескими проделками, обманыванием учителей при помощи подстрочников (по-современному, шпаргалок. — В. М.) и, позднее, увлечением характерной школьной „эротикой“». Нетрудно заметить здесь рефлексию автора, столкнувшегося с такой же ситуацией. Но Валерий Яковлевич, видимо, не знал, о параллельном мире,

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 796.

** Там же. С. 795.

*** Розанов И. Н. Встречи с Брюсовым / Предисл. и публ. Е. А. Кречетовой // ЛН. Т. 85. С. 762–766.

**** Переписка с Ив. Коневским (1898–1901) / Вступ. ст. А. В. Лаврова. Публ. и коммент. А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса // ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 424–554.

***** По названию острова Коневец на Ладожском озере.

Иван Коневской (Ореус)
 Фотография А. Семеновко. Конец 1890-х

который придумал его младший друг, — воображаемой стране «Росамунтии», сочетавшей славянские и варяжские элементы.

В отличие от Брюсова Коневской был поздним ребенком. Он рано остался без матери и воспитывался исключительно отцом — военным историком генералом Иваном Ореусом*. «Многие отличительные стороны личности Коневского, — отметил А. В. Лавров, — многие оттенки его идейных убеждений, его психологии поведения имеют наследственное происхождение. Цельность и определенность нравственных представлений, консерватизм, коренящийся не только в политических взглядах, но и в подчеркнута почтительном отношении ко всему, что связано с поддержанием традиций и заветов, — с родом, домом, семейными устоями, благородство и предупредительная корректность в поведении, пристальный интерес к внутреннему миру личности в сочетании с известной асоциальностью, отчужденностью от злобы дня — все эти черты наглядно проступают в духовном облике и отца, и сына»**.

* И. И. Ореус-старший не только запретил сыну выступать в литературе под настоящей фамилией (ею подписана лишь первая публикация — сонет «Снаряды» в «Книжках „Недели“» (1896. № 11)), но и до своей смерти в 1909 году не разрешал раскрывать в печати его псевдоним.

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 533.

По свидетельству Брюсова, «у Коневского была глубокая, нерушимая уверенность в том, что его поэзия — хороша и значительна. Он чувствовал, он сознавал себя большим поэтом, этого сознания ничто не могло поколебать. <...> В разговорах, например, с К. Бальмонтом, Коневской (на десять лет моложе его. — В. М.), как-то невольно, принимал тон „старшего“ и начинал указывать те и другие, как ему казалось, недостатки в стихах своего собеседника, что выходило несколько комично. Когда в 1899 году К. Бальмонт предложил издать „Книгу раздумий“, альманах, в котором рядом со своими стихами хотел поместить стихи Коневского, тот принял это как справедливую дань со стороны старшего собрата достоинству своих стихов. Ни на минуту Коневской не мог даже помыслить, что К. Бальмонт оказывает ему благородную услугу, связывая свое уже „признанное“ и „чтимое“ имя с именем никому не известного поэта-дебютанта».

«Это равенство в отношениях, установившееся с первых же встреч, Брюсовым было принято и признано: он отдавал должное своеобразию таланта, глубине мысли и редкой широте познаний молодого поэта, проявлявшего удивительные для его возраста зрелость и самостоятельность суждений. <...> Однако в личном общении многие „неудобные“ психологические особенности Коневского — в частности, замкнутость и застенчивость, порожденные обстоятельствами одинокого духовного созревания, в сочетании с твердой убежденностью в верности своих восприятий и оценок, зачастую переходившей в самонадеянность, — препятствовали взаимопониманию и сближению. <...> Стихи и критические опыты Коневского, по всей вероятности, были тогда интереснее и ближе Брюсову, чем их автор, во всей совокупности особенностей своего психологического облика»*.

Добавить можно не много. В отличие от Брюсова Коневской не осознавал себя «литератором», был чужд стихии «литературной игры», не говоря уже об эпатаже и позерстве. Подобно Брюсову, он обращался в «Северный вестник» как самый передовой журнал своего времени и в 1896 году даже встречался с Минским, а затем с Перцовым, но из этого ничего не вышло. Коневской как будто не искал «своего» читателя (хотя надеялся на него), не говоря о том, чтобы угодить издателям и критикам. «Он не умел писать ни о ком, кроме как о себе, — подытожил Брюсов, — да, в сущности говоря, и не для кого, как только для самого себя. Коневскому было важно не столько то, чтобы его поняли, сколько — чтобы понять самого себя»**.

* Лаевов А. В. Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 85.

** Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. М. Гофмана. СПб., <1909>. С. 104.

Стиль — это человек. Особенности личности Коневского в полной мере проявились в его индивидуальном стиле, с обилием архаизмов и затрудненным синтаксисом. «Я люблю, чтобы стих был несколько корявым», — приводил Валерий Яковлевич его слова, поясняя, что того «раздражала беглая гладкость многих современных стихов». На память приходят эксперименты «архаиста» 1820–1830-х годов Степана Шевырева, который презрительно именовал карамзинистов «утюжниками», а собственные стихи называл «темными» и «тяжелыми», считая формальную «негладкость» художественно необходимой. Коневского с Шевыревым никто не сопоставлял, хотя его сравнение с другим любомудром Дмитрием Веневитиновым, мотивировавшееся прежде всего сходством биографии, стало общим местом. Связующим звеном между ними можно считать поэзию Случевского, которую высоко ценили Брюсов и Коневская.

Творчество Коневского — слишком важная тема, чтобы говорить о ней вскользь. Ограничусь цитатами, которые характеризуют литературные и неотделимые от них личные отношения поэтов. «Поэзию Ореуса считаю одной из замечательнейших на рубеже двух столетий» (декабрь 1899) — отклик на получение первого и единственного прижизненного сборника стихов и прозы Коневского «Мечты и думы» с надписью «Милому Валерию Я. Брюсову в знак признательности за любовь к моему творчеству и сродства мировоззрений»*. «Коневскому я обязан тем, — признал Брюсов в позднейшей автобиографии, — что научился ценить глубину замысла в поэтическом произведении — его философский или истинно символический смысл. <...> Коневской своим примером, своими беседами заставил меня относиться к искусству серьезнее, благоговейнее, нежели то было „в обычае“ в тех кругах, где я вращался прежде».

В конце апреля 1899 года в Московском университете начались государственные экзамены, которым предшествовали студенческие волнения, пошедшие из Петербурга и прокатившиеся по многим городам. Валерий Яковлевич занял позицию стороннего наблюдателя, сосредоточившись на подготовке к экзаменам. Сочинение (аналог современной дипломной работы) Брюсова «Теория познания у Лейбница» философ Л. М. Лопатин оценил высшим баллом — «весьма удовлетворительно». На письменном экзамене по всеобщей истории у славившегося своей строгостью В. И. Герье Валерий Яковлевич

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 427.

выбрал тему о Руссо; по русской истории В. О. Ключевский дал «Явления русской истории XIII и XIV веков». Брюсов выдержал все «испытания» — кроме устного греческого, к которому недостаточно подготовился, — с наилучшими оценками и 7 сентября получил диплом № 21082 первой степени (т. е. с отличием) — и личное дворянство:

«Предъявитель сего, Уалерий Иаковлевич Брюсов, вероисповедания православного, из мещан, по *весьма удовлетворительном* выдержании в Московском Университете, в 1894 и 1895 годах, полукурсового испытания и по зачете определенного Уставом числа полугодий на Историко-Филологическом Факультете означенного Университета подвергся испытанию в Историко-Филологической Испытательной Комиссии при Императорском Московском Университете в апреле и в мае месяцах 1899 года, при чем оказал следующие успехи: 1) по сочинению *весьма удовлетворительно*; 2) по письменным ответам: по русской истории *весьма удовлетворительно*; по всеобщей истории *весьма удовлетворительно*; 3) по устным ответам: по греческому языку *удовлетворительно*, по латинскому языку *весьма удовлетворительно*, по русской истории *весьма удовлетворительно*, по новой истории *весьма удовлетворительно*, по истории церкви *весьма удовлетворительно*, по истории славянских народов *весьма удовлетворительно*, по истории новой философии *весьма удовлетворительно*.

По сему на основании ст. 81 Общего Устава Императорских Российских Университетов 23 августа 1884 года г. Брюсов в заседании Историко-Филологической Испытательной Комиссии 31 мая 1899 года удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными в ст. 92 Устава и в V п. Высочайше утвержденного в 23 день августа 1884 года мнения Государственного Совета. В удостоверение сего и дан сей диплом г. Брюсову, за надлежащею подписью и с приложением печати Управления Московского Учебного Округа»*.

Вместе с ним курс окончили Саводник и Викторов, будущий президент Сербской Академии наук Александр Белич и будущий член-корреспондент АН СССР славист Николай Дурново, но с двумя последними Брюсов, видимо, не общался. Университетские знакомства — исключая те, что завязались в Кружке любителей западноевропейской литературы, — не сыграли в его жизни никакой заметной роли и поддерживались недолго, по инерции. После «испытаний», закончившихся попойкой, хождением «по самым отреченным пристанищам» и двухдневной головной болью, Брюсов вместе с женой отправился в Алупку.

* Брюсов-ЖЗЛ. С. 132.

«Я сюда приехал совсем неживой, — жаловался он Бунину 29 июня. — <...> Целый месяц изучал я какие-то литографированные записки, изучал нередко то, что искренно считал просто детской глупостью. И эти глупости, сказанные самодовольно, торжественным тоном откровения, я выучивал и после пересказывал, ибо не спорить же мне было перед экзаменаторами». Экзамены измучили Брюсова, подвигнув его на гневные филиппики против современной науки в целом: «Я эту самодовольную, эту самоуверенную науку — ненавижу, презираю. Придумывать способы, свои „научные методы“, чтобы отнять у мысли всякую самодеятельность, чтобы всех сравнять и зоркость гения заменить счислительной машиной. <...> Если бы я мог, все так же отдаваясь поэзии, успеть сказать им о их науке все то, что я уже знаю, и раскрыть иное, что мне еще смутно, обличить до конца это пошлое всемирное лицемерие!»*

Общее состояние духа сказалось на занесенных в дневник впечатлениях от Крыма: «Не было уже прежней радости перед зелеными склонами гор, перед ширью моря <...> Много мешало нам, что мы были не одни, с нами жили все наши домашние <...> Встретился здесь и с Бальмонтскими знакомыми: девица со змейкой (у нее есть живая змейка, с ней она и спит) и с ее, кажется, компаньонкой, Анной Рудольфовной, довольно странной пророчицей, поклоняющейся стихам». «Девица со змейкой» следа в жизни Брюсова не оставила, зато ее компаньонкой оказалась Анна Минцлова, одна из самых загадочных фигур Серебряного века**.

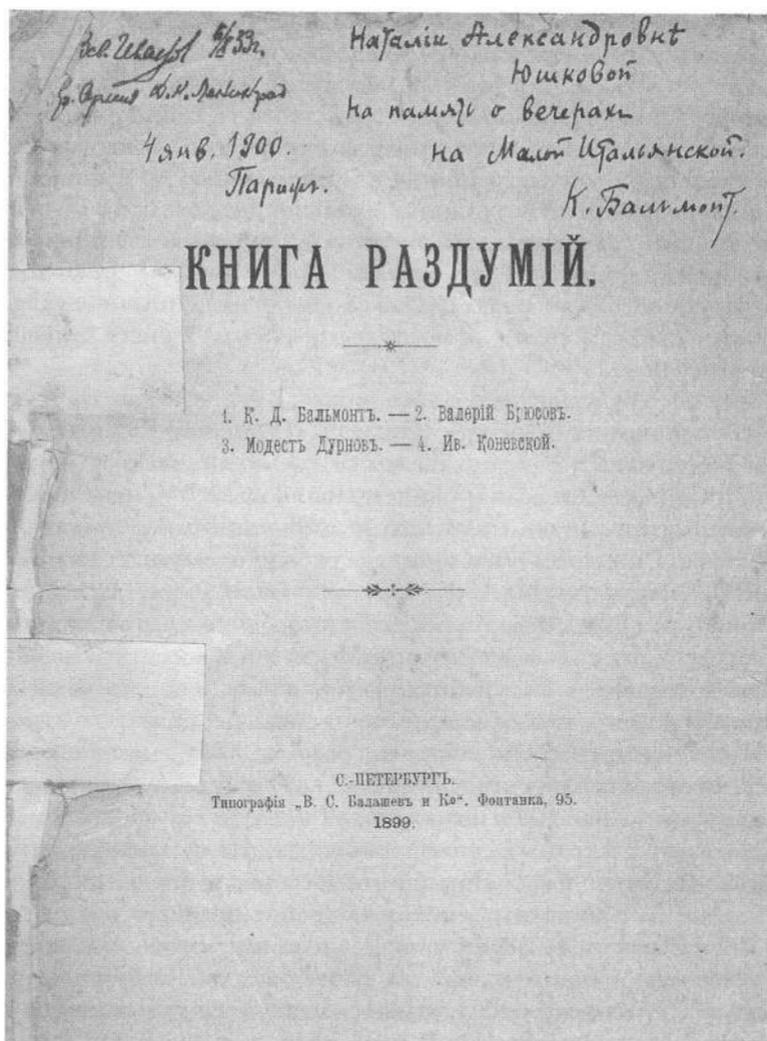
Заканчивая по возвращении в Москву очередную тетрадь дневника, Валерий Яковлевич подводил итоги: «Этот круг моей жизни дал мне слишком много счастья и удачи! Говоря в общем, мне удавалось едва ли не все, что я начинал, исполнилось многое из того, чего ждал давно, долгие холодные годы. <...> Все это с тех дней, как мы живем с Эдой***. Вот скоро два года, как я не знаю тех безумных, бесконечных приступов тоски, которые на целые недели выбрасывали меня из жизни <...> Бодрость, уверенность, надежды — вот мое обычное настроение теперь. Я верю, я спокоен» (июль 1899).

Дозволенная цензурой 26 марта 1899 года, «Книга раздумий» вышла лишь в конце ноября. Руководил изданием Бальмонт,

* ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 445.

** О встрече с ней в конце октября 1899 года Брюсов записал: «Она оказалась менее интересной, чем при беглом знакомстве. Эти обычные речи о демонах, вампирах, духах — я уже слишком слышал. Интереснее ее физическая организация, неверный глаз, резкие ощущения»: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 347.

*** Так — в честь героини одноименной поэмы Баратынского — Брюсов прозвал И. М. Рунт в начале их сближения.

Дарственная надпись Константина Бальмонта Наталии Юшковой на титульном листе коллективного сборника «Книга раздумий» (СПб., 1899): «Наталии Александровне Юшковой на память о вечерах на Малой Итальянской. К. Бальмонт. 4 янв. 1900. Париж»
Собрание А. Л. Соболева. Публикуется впервые

открывший ее своими циклами «Лирика мыслей» и «Символика настроений» (20 стихотворений). За ними следовали «Раздумья» Брюсова (17 стихотворений и 1 перевод из Метерлинка), «Красочные сны» Дурнова (5 стихотворений) и «От солнца к солнцу» Коневского (12 стихотворений). Последнему досталось от рецензентов больше всех. Можно было оставить без внимания зубоскальство Амфитеатрова, но отзыв талантливого

«предсимволиста» Дмитрия Шестакова не мог не огорчить: «Бредить и гордиться своим бредом — вот в чем „и признак, и венец“* четырех поэтов <...> Обозревая эту „выставку отверженных“**, мы невольно поражены какими-то кошмарными образами, темнотой и невразумительностью мысли, вложенной иногда в безобразные, а иногда в превосходные по внешности формы. <...> Кажется, трудно и в дальнейшем ожидать от этих представителей нашего декадентства более просветленных стихотворений... Слишком уж безнадежно все они манерны, хотя „Ассаргадон“ г. Брюсова, если бы это было не единичное у него простое стихотворение, и могло бы указать на лучшее будущее для этого поэта»***.

«Лучшее будущее» оказалось рядом. В июле 1899 года Бальмонт познакомил Брюсова с Юргисом (Георгием) Казимировичем Балтрушайтисом, писавшим стихи по-литовски и по-русски, и Сергеем Александровичем Поляковым****, купеческим сыном, математиком, полиглотом и поклонником «нового искусства». Поляковы (Фабрично-торговое товарищество Знаменской мануфактуры А. Я. Полякова) были более «купецкой» семьей, чем Брюсовы, и несравненно более состоятельной. Брюсов часто виделся с ними в Москве и в имении Поляковых Баньки (Бальмонт работал там над новым сборником «Горящие здания») и был шафером на свадьбе Балтрушайтиса. Общность интересов выявилась сразу же. «Заметнейшей чертой новой интеллигенции, в состав которой вливается значительно число выходцев из патриархальных буржуазных семей, оказывается эстетизм, становящийся знаменем века, — отметил Н. В. Котрелев. — Подобного массового увлечения искусством не только как предметом потребления, но и как полем приложения сил, как средством реализации человеческого „я“, самоидентификации не знало русское общество ни до, ни после. Искусство и художник оказываются едва ли не самыми продуктивными мифообразующими символами общественного сознания. Апогея этот процесс достигает, кажется, в 1910-х годах, но первыми его протагонистами были люди поколения Полякова и Брюсова»*****.

* Цитата из стихотворения А. А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...».

** «Выставка (салон) отверженных» — в 1860–1870-е годы альтернативные выставки работ, отвергнутых жюри Парижского салона.

*** Шестаков Д. Книга раздумий // Литературное приложение к «Торгово-промышленной газете». 1900. № 8. 20 февраля. С. 4.

**** Бальмонт и брат Полякова были женаты на сестрах.

***** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 6.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«СКОРПИОН»

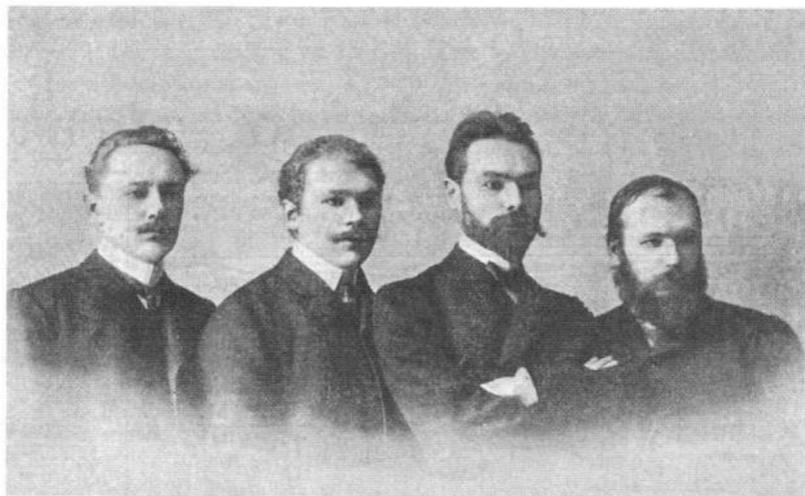
Кому принадлежала инициатива создания «Скорпиона» — лучшего символистского издательства России? Екатерина Бальмонт утверждала, что ее мужу, когда тот летом 1899 года жил у Поляковых и писал «Горящие здания»*. Иоанна Брюсова всё сводила к встрече своего мужа с Поляковым, у которого «были деньги (в достаточном количестве), у Валерия Яковлевича — знания и запас литературных работ, а редакторско-издательский пыл в избытке был у обоих»**. Других ближайших участников — Бальмонта и Балтрушайтиса — она в начале 1930-х не упомянула: первого, видимо, как эмигранта, второго как тогдашнего литовского посланника в Москве.

Ясно одно: без денег Полякова никакого «Скорпиона» бы не было, а триумфальный выход русского символизма к читателю если бы и состоялся, то на несколько лет позже. Бальмонт выпускал книги за собственные деньги или при поддержке меценатов вроде князя Урусова, но это отнимало много времени и сил, не обеспечивая спокойной жизни. Издательская деятельность Брюсова приносила сплошные убытки, а положение семьи, в которой подрастали три сестры «на выданье», не позволяло надеяться на дополнительные средства. Поляков готов был рискнуть и рискнул, тем более с учетом «моторной силы» Бальмонта и Брюсова. Так появился «Скорпион».

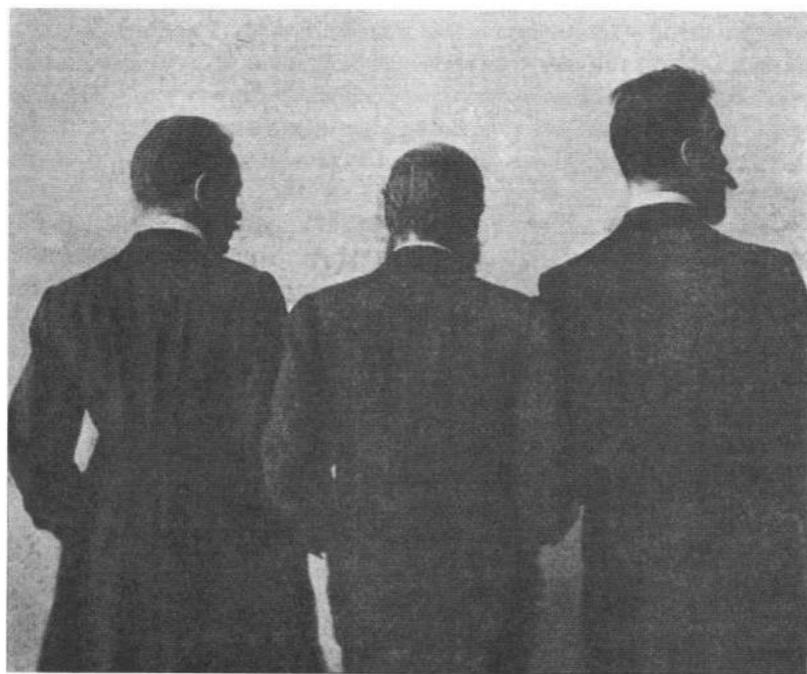
Новое предприятие окрестили сообща — по некоторым сведениям, идея принадлежала Бальмонту — и не без желания удивить публику. «Что в сей гадине лестного для себя зрит декадентское

* Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М., 1997. С. 338.

** Материалы. С. 131.

«Комитет декадентского книгоиздательства „Скорпион“».
Слева направо: Юргис Балтрушайтис, Михаил Семенов,
Валерий Брюсов, Сергей Поляков
Фотография из журнала «Искры». Осень 1905

«Литературное бюро» театра «Студия».
Слева направо: Юргис Балтрушайтис, Сергей Поляков, Валерий Брюсов
Фотография из журнала «Искры». Осень 1905

издательство?» — иронизировал Амфитеатров*. В названии принято видеть указание на знак зодиака, под которым предприятие было создано, однако, по предположению Н. В. Котрелева, здесь присутствует «специфически декадентский обертон»: «средневековая космология в мужском теле знаки Скорпиона ставила в соответствие с областью гениталий»**. Первую марку издательства, обыгрывавшую зодиакальный символ, нарисовал приятель Балтрушайтиса художник Николай Филянский (впоследствии известный украинский поэт), но к концу 1903 года ее сменила более изящная работа Николая Феофилактова, ставшего «присяжным» графиком издательства.

Марки издательства «Скорпион»
работы Николая Филянского и Николая Феофилактова
1900 и 1903

Офис «Скорпиона» разместился в конторе Поляковых в Китай-городе, где Сергей Александрович отбывал «повинность» в качестве кассира семейной фирмы. Стоявшее в официальном адресе слово «амбар» не подходило для декадентского издательства, поэтому было заменено на загадочное обозначение «А 10/11». Да и в купеческой среде Сергей Александрович свои издательские дела по понятным причинам не афишировал.

Осенью 1899 года началось формирование издательского портфеля. У Полякова были готовы переводы пьесы Генрика Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся» (совместно с Балтрушайтисом) и сборника новелл Кнута Гамсуна «Съеста», а в работе находился роман Гамсуна «Пан» (ранее уже переводившийся на русский язык). Балтрушайтис перевел трагедии Габриэле Д'Аннунцио «Мертвый город», «Джиоконда» и «Слава». Кто-то из них принес пьесы австрийского драматурга

* *Old Gentleman*. <Амфитеатров А. В.> Литературный альбом // Россия. 1901. № 776. 25 июня. С. 2.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 27.

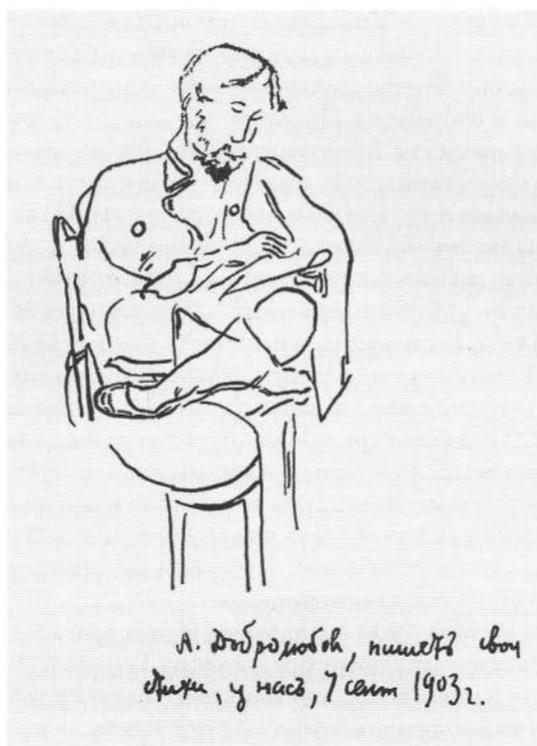
Артура Шницлера «Парацельс», «Подруга» и «Зеленый попугай» в переводе, подписанном «М. О. И.»*. Бальмонт горел желанием переиздать свои переводы из Эдгара По и Шелли. Преобладание иностранных авторов в первые годы деятельности «Скорпиона» объяснялось не столько бедностью литературы русского символизма, сколько стремлением подчеркнуть свою принадлежность к самой передовой фаланге европейского «нового искусства» и преемственность по отношению к его великим предшественникам. Тот же Метерлинк из объекта насмешек уже превратился в модного и респектабельного автора: с 1902 года выходило первое собрание его сочинений на русском языке (в первом томе были и переводы Брюсова), а постановка пьесы «Монна Ванна» с Верой Коммиссаржевской в главной роли, через полгода после парижской премьеры, стала настоящим событием — резкий фельетон Власа Дорошевича немедленно вызвал язвительный ответ Брюсова**.

Валерий Яковлевич полностью разделял культуртрегерский пафос своих товарищей, выпустив в «Скорпионе» переводы произведений «культовых» авторов символизма: Метерлинка (рассказ «Избиение младенцев» в 1904 году, драма «Пеллеас и Мелизанда» и стихи в 1907 году), Верхарна («Стихи о современности» в 1906 году и трагедия «Елена Спартанская» в 1909 году) и Верлена («Собрание стихов» в 1911 году). Он же предложил издать серию авторских сборников иностранных поэтов — замысел из эпохи «Русских символистов», оставшийся тогда нереализованным, — в едином оформлении, для которого были использованы работы бельгийского графика Тео ван Риссельберга. «Скорпион» не раз привлекал к работе модных европейских художников: немец Фидус (Туго Хеппенер) нарисовал обложку к самой знаменитой книге Бальмонта «Будем как солнце» (1903), а итальянец Альберто Мартини проиллюстрировал второе издание сборника прозы Брюсова «Земная ось» (1910).

К моменту основания издательства у Брюсова были одни лишь замыслы. Единственная относительно готовая работа — «Собрание стихов» Александра Добролюбова, о выпуске которого он задумался осенью 1898 года, — обрекалась на коммерческий неуспех и насмешки критиков. Уход Добролюбова из литературы лишил «фалангу» одного из бойцов, однако Брюсов высоко ценил то, что Александр Михайлович успел написать,

* Псевдоним не раскрыт; возможно, за ним скрывался кто-то из друзей основателей издательства, так как эти инициалы можно прочесть как «мой» или «мой».

** «Монна Ванна» и г. Дорошевич // Новый путь. 1903. № 2. С. 191–192 (подпись: Москвитянин).

Александр Добролюбов

Рисунок Валерия Брюсова с надписью:

«А. Добролюбов пишет свои стихи, у нас, 7 сент. 1903 г.»

а обстоятельства его «ухода» могли послужить информационным поводом для «раскрутки» книги. Он начал разыскивать рукописи, которыми «брат Александр» более не дорожил, и составил обширное собрание его стихов, прозы и статей, среди которых были «Диалог старого и нового Канта» и «Опровержение Шопенгауэра и всех других мыслителей». Второе по значению собрание рукописей, включавшее ранние тексты и черновые наброски, находилось в Петербурге у друга автора — философа Якова Эрлиха. С ним Брюсов связался через Коневского, тоже собиравшего тексты Добролюбова и вызвавшегося помочь в работе. Поначалу «брат Александр» запретил публиковать свои произведения, но в начале апреля 1899 года передумал и написал И. М. Брюсовой из Архангельска, что разрешает издание. Валерий Яковлевич известил об этом Коневского (почему-то лишь через два месяца!), однако Эрлих и после этого отказывался показать свои сокровища, видимо, ожидая личного подтверждения автора. Только к концу лета все вопросы были

улажены. 2 сентября Коневской закончил статью «К исследованию личности Александра Добролюбова» (под этим заглавием скрывалось общефилософское эссе о природе познания и творчества) и собрался в Москву*.

На какие средства Брюсов намеревался издавать книгу, неизвестно (рассматривался вариант предварительной подписки). Неизвестно и то, как он подвигнул на это Полякова, — возможно, ссылаясь на близость Добролюбова к французским символистам, ценным меценатом, «у которого библиотека полна книгами „Mercure de France“». Именно так Брюсов отрекомендовал его Коневскому в письме 19 ноября 1899 года, сообщая, что Поляков готов выпустить задуманную ими книгу. Замысел был откровенно провокационным: «Собрание стихов» молодого (23 года) автора объемом в 72 страницы выпускалось так, как издавали покойных классиков, — с примечаниями, описанием рукописей, сводкой вариантов и двумя вступительными статьями (второй была академическая работа Брюсова «О русском стихосложении»). 1 декабря рукопись прошла цензуру — первой из «скорпионовских».

В самом начале 1900 года, когда книга уже была в печати, в дело вмешался младший брат автора Георгий Добролюбов. Он сообщил Коневскому, что намерен заняться выпуском полного собрания сочинений брата в трех томах, — причем не для продажи, так как не желает предавать фамилию «поруганию» критики, — и предложил ему и Брюсову войти в число редакторов вместе с Эрлихом, Квашниным-Самариным, Гиппиусом и поэтом Борисом Бером. Приехав в Москву в январе**, Коневской известил об этом Брюсова, который не собирался менять свои планы, но все же написал брату поэта. Одно или два письма затерялись, поэтому пик их эпистолярного общения пришелся на апрель, когда «Собрание стихов» уже вышло. Ознакомившись с ним, Георгий Михайлович остался доволен и ничего более не предпринимал***.

Критика, как и ожидалось, оказалась беспощадной к стихам Добролюбова и к статье Коневского — за «неудобопонимательность». Заслуживает внимания замечание Д. П. Шестакова о том, что «изданы „стихи“ прекрасно <...> что книжка заключена в благородно простую обложку, как-то неуловимо

* ЛН. Т. 98. С. 457–469, 475–477.

** Коневской и его друг Иван Билибин осматривали старинные церкви в сопровождении Брюсова, который изучал историю Москвы XVII века для «Истории русской лирики»: Ашукан Н. С. Из комментариев к стихам Валерия Брюсова // *Чтения-1963*. С. 531–532.

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 479–486.

напоминающую старые, умные книги, и что обложка эта, по нашему искреннему убеждению, оказывается самой художественной частью книги»*. Чехов «остроумно» оценил «скорпионовские» обложки фразой: «Это для косых».

Первая книга нового издательства — пьеса Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся» — появилась на прилавках в конце февраля 1900 года и была распродана за три недели. «Сьеста» Гамсуна и драмы Д'Аннунцио имелись на складе еще в конце 1907 года, но следует помнить о разнице тиражей: от 300 экземпляров Добролюбова до 2400 экземпляров Д'Аннунцио и 3025 экземпляров первой книги альманаха «Северные цветы», которая оставалась нераспроданной даже в ноябре 1917 года**. «Скорпион» также взялся продавать разные «декадентские» книги: «Natura naturata. Natura naturans» Добролюбова, «Chefs d'œuvre», «Me eum esse» и «Об искусстве» Брюсова, «Книгу раздумий», а также выпущенные в конце 1899 года на средства авторов «Мечты и думы» Коневского и «Одинокий труд» А. Березина (новый псевдоним Ланга).

Поляков сознавал, что «Скорпион» будет убыточным предприятием, возможности которого строго ограничены его личными средствами, поскольку на понимание и, тем более, на участие семьи рассчитывать не мог. Гонорары он платил небольшие, а порой не платил вовсе***, за что ему задним числом досталось от Бунина, но в саркастических строках последнего помимо нелюбви к «декадентам» вообще видна личная неприязнь бедного дворянина к богатому «купчику»****. В то же время Поляков понимал важность миссии «Скорпиона», поэтому не экономил ни на оформлении, считая художников полноправными соавторами, ни на полиграфии, найдя единомышленника в лице Василия Воронова, в типографии которого напечатана большая часть продукции издательства. «Скорпионовские» книги (кроме первых, традиционных по оформлению и печати) имели отличительные черты, которые делали их легко узнаваемыми и становились объектом

* Мир искусства. 1900. № 6. С. 242.

** Скорпион — Весы. Каталог. № 7. <М., 1907>. С. 11–12; Гречишкин С. С. Архив С. А. Полякова // ЕРОПД на 1978 г. Л., 1980. С. 5–9.

*** В начале февраля 1902 года Брюсов писал Курсинскому: «При распределении гонорара за „Северные цветы“ Ты не имелся в виду вовсе. Тебе известно, что „Северные цветы“ дают убыток до 2000 р. При таких условиях я не вижу причин выражать притязание на гонорар. „Северные цветы“ платят лишь тем лицам, чье имя может иметь влияние на сбыт альманаха: Мережковскому, Розанову, за исторические материалы (издательство приобретало оригиналы в собственность. — В. М.) и т. д. Все, что я могу Тебе предложить, это получить свой гонорар экземплярами „Северных цветов“» (ЛН. Т. 98. Кн. I. С. 352).

**** Бунин И. А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 291.

подражания со стороны других модернистских издательств: бумага верже, большой, порой почти квадратный формат, широкие поля, мелкий, но очень четкий шрифт, ложный шмуцтитул, авантаитул с названием книги или фамилией автора (здесь Брюсов делал инскрипты), аннотированный каталог (нередко с отдельной пагинацией). Элегантность оформления сочеталась со строгостью: большинство книг «Скорпиона» имело шрифтовые обложки в одну или две краски, что отличало их как от более ранних «декадентских» книг («*Natura naturata*. *Natura naturans*» Добролюбова с обложкой Микешина или «В безбрежности» Бальмонта с обложкой Дурнова), так и от более поздних (продукция издательства «Гриф»). Повышенное внимание уделялось эстетике набора, о чем свидетельствует письмо Брюсова Сологубу, который полностью доверил ему подготовку к печати и издание своих стихов, отказавшись от чтения корректур: «Я позволяю себе только переставлять некоторые стихотворения и иногда (очень редко) разбивать на строфы <...> для красоты страниц. Иначе, если на левой и на правой странице стихи неравной длины или не соответствующие одно другому, получается неприятная кривизна, „косога“; мы этого очень избегаем в книгах стихов»*. Для России это было в новинку, поэтому «скорпионовские» издания стали заметным явлением книжной культуры.

Среди изданий осени 1900 года особое место занял сборник стихов Брюсова «*Tertia vigilia*» («Третья стража»**), подготовленный им к печати во время летнего пребывания в Ревеле. Старинный, полный памяти прошлого и в то же время по-современному комфортабельный европейский город понравился Валерию Яковлевичу, о чем он писал приятелям, старой подруге Марии Ширяевой и новой возлюбленной Анне Шестеркиной (они сблизились зимой 1899/1900 года), порой используя один и тот же «исходный текст»: в эпистолярной практике молодого Брюсова случай не единственный***. «Первую половину этого времени жили одни (с женой. — В. М.), ни с кем не знакомы, тихо, по-немецки. Утром я переводил „Энеиду“, после обеда мы читали, сидя в парке, вечером я писал автобиографию („Моя юность“. — В. М.) —

* НЖ. Кн. 218. Март 2000. С. 73 / Публ. В. Э. Молодякова.

** «В сторожевой службе римских войск ночь делилась на четыре стражи (смены караула); третья стража приходилась на первые три часа после полуночи — самое глухое время ночи»: СС. Т. 1. С. 588 (примеч.).

*** «Письмо Юргису, Ореусу, Бальмонту и Шестеркиной (в Москву, на Сайму, в Оксфорд, в Бахчисарай из Ревеля»: Ничов А. А. Так жили поэты. Документальное повествование // Нева. 1978. № 6. С. 124–125; ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 501, 504–506 (Коневскому); ЛН. Т. 85. С. 623–627 (Шестеркиной); Русская литература и Кавказ. С. 109–110 (Ширяевой).

Ревель
Открытка начала XX в.

и так изо дня в день» (июнь—июль). Июль прошел в общении с приехавшим на отдых Бартневым, который «тотчас нашел нам работу» по подготовке к печати писем московского почт-директора пушкинских времен А. Я. Булгакова к его брату К. Я. Булгакову, занимавшему аналогичную должность в Петербурге.

Брюсов переживал творческий подъем, о чем торжественно писал Самыгину: «Чувствую и сознаю свои силы. Ныне я не могу написать ничтожной вещи. Все равно — будь то статья, драма или поэма. Я буду в них полновластным творцом и буду говорить как учитель. Я мог бы наполнить сотни томов, если б хотел сказать все. Мне теперь дела нет до формы — до формы в самом широком смысле. Теперь я воистину достиг того, о чем твердил с детства. <...> Я нашел свою высоту»*. Результаты, однако, оказались скромными. «Мою юность» Валерий Яковлевич довел до «романа» с Лелей и оборвал раз навсегда. К переводу и изучению «Энеиды» он возвращался неоднократно, но так и не завершил работу. В «Третьей страже» «Моя юность» и «Энеида» объявлены среди «готовящихся», вместе со сборником стихов «Согопа», переводом «Стихов о современности» Верхарна, «Историей русской лирики» и книгой прозы «Истины: Мои письма». Переводы из Верхарна под таким заглавием вышли только

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 404–405.

Ex libris

Я приближал, не знав страху,
Соть ввекъ был и ила мечей,
Турдан в стбу и востроумю преху
И помнил аз рудей.

И было мнѣ такъ сладко в дѣтствѣ
Сидитъ мѣлкомуру шить,
И много тайныхъ соответствій
В мотани в краскахъ находить.

То шить казалося блонь, чистой,
То вѣрнѣ подъ мѣсячной луной
Длистая тѣлѣнко залетистой;
- Потомъ свѣчалъ въ тѣбной мотной.

И мнѣ я на Претой Страшѣ!
Ни блуны, ни блуса нѣтъ,
И замываетъ шить прѣдѣи
Кровавнѣи отблески развѣта.

Георгу Георгиевичу
Бахману

преданный сын,
любимый сын
Валерій Брюсовъ

1900 октябрь

21/8

Стихотворная дарственная надпись Валерия Брюсова
Георгу Бахману на авантитуле книги «Tertia vigilia» (М., 1900)
Визитка работы М. А. Дурнова. ВЭМ

в 1906 году. Остальные замыслы остались в тетрадах и ожили только в публикациях «из наследия».

14 июня 1900 года цензура дозволила «Третью стражу» за исключением пяти стихотворений. С помощью Юрия Бартенева, только что поступившего на службу в цензуру, почти все вычеркнутое удалось отстоять: 12 августа новый вариант рукописи, с незначительной косметической правкой, получил разрешение*. Сборник с подзаголовком «книга новых стихов» — первый за почти четыре года — вышел между 16 и 21 октября** тиражом 600 экземпляров.

«Третья стража» отличалась столь же продуманной композицией, как и ее предшественницы. Книгу открывала очередная декларация: «Конечная цель искусства — выразить полноту души художника. Я полагаю, что задачи „нового искусства“, для объяснения которого построено столько теорий, — даровать творчеству полную свободу. Художник самовластен и в форме своих произведений, начиная с размера стиха, и во всем объеме их содержания, кончая своим взглядом на мир, на добро и зло». Особенно «чеканной» выглядела заключительная фраза: «Кумир Красоты столь же бездушен, как кумир Пользы». Сборник состоял из пяти разделов, причем первый, «Любимцы веков», включал одноименный цикл стихотворений и три поэмы. Все «структурные единицы» имели посвящения, подчеркивавшие принадлежность автора к «фаланге»: «Любимцы веков» — Дурнову, «Царю северного полюса» — Коневскому, «Аганатис» — Березину (Лангу), «Сказание о разбойнике» — Полякову, «Город» — Бальмонту, «Книжка для детей»*** — Бахману, «Картинки Крыма и моря» — Бунину, «Повторения» — Балтрушайтису.

Особенностью сборника было то, что с оригинальными стихотворениями в нем чередовались переводные, общим числом девять. Подбор авторов был столь же многозначителен, как и «фаланга» адресатов посвящений: Гюго, Верхарн, Д'Аннунцио, Верлен, Эверс, Тристан Клингсор и Тютчев (французские стихи). Переводы не выделялись в особый раздел, как это обычно делалось, но были вкраплены в «живую ткань» среди тех оригинальных стихотворений, которым они соответствовали: «Соломон» и «Орфей» Гюго — в «Любимцах веков», «Красная

* Прижизненные издания. С. 34; ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 31.

** Согласно данным «Книжной летописи», до 23 октября, но Бахман, судя по пометам в его экземпляре, получил книгу уже 21-го.

*** За исключением нескольких стихотворений, в этом разделе не было ничего «детского», поэтому Ю. П. Бартенев просил переменить заглавие, иронически заметив: «Сами можете видеть, что за ребята», — а Коневской счел его выставленным «ради блажи и баловства».

Рисунок Михаила Шестеркина к поэме Валерия Брюсова
«Царю Северного полюса», подаренный поэту
1900

шапочка» Клингсора — в «Книжке для детей». Брюсовская новация, восходящая к «Русским символистам», где так же чередовались оригинальные и переводные тексты ради достижения общего эффекта, не была никем оценена, и автор вскоре отказался от нее (исключение — один перевод из Д'Аннунцио в следующем сборнике «Urbi et orbi»).

Подробный, вдумчивый, местами остро критический, а потому, полагаю, наиболее интересный автору разбор книги дал Кожевников в письмах от 27/28 октября и 20 ноября 1900 года*. Особо поблагодарив за посвящение, он выделил поэму «Царю Северного полюса» — квинтэссенцию брюсовского «нордизма» — как

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 515–519.

«лучший образец Вашей поэзии». «Вам не удастся, — суммировал он, — тютчевско-фетовская „пейзажная“ живопись. Ваше искусство проявляется лучше всего в героических, эротических или вполне мыслительных „раздумных“ мотивах, а также в тех темах отчасти бытовых, отчасти молитвенных, которые Вы назвали детскими. <...> Вам наиболее свойственна, конечно, деятельность самобытного воображения, страсти или умозрения: воображение же у Вас — или историческое, или тайнозрительное».

Сетуня на отсутствие в сборнике «Демонов пыли», Коневской «отверг» (его выражение) такие вещи, как «Ассаргадон», «Клеопатра», «Дон Жуан», «Брань народов», «В дни запустений», «Проблеск», без которых уже невозможно представить Брюсова, а также наименее «декадентские» «Картинки Крыма и моря» и «опыты в древне-русском вкусе», включая «Сказание о разбойнике». Последнее стихотворение и включенное в «Книгу раздумий» «На новый колокол» (позднее «Сборщиков» в цикле «Песни») понравились... Максиму Горькому, который откликнулся в «Нижегородском листке» на «Третью стражу» и «Горящие здания» Бальмонта. В целом его оценка была суровой, но не издевательской, что с неудовольствием отметили гонители «декадентства». «Относясь к задачам поэзии более серьезно, — писал Горький, — Брюсов все же и теперь является пред читателями в одеждах странных и эксцентричных <...> Стихи Брюсова читать трудно, они шероховаты, подавлены претенциозностью и не остаются в памяти». Алексей Максимович как арбитр вкуса, особенно в поэзии, — авторитет сомнительный, но Брюсов был рад серьезному отклику знаменитого писателя*.

Реакция критики на «Третью стражу» отличалась от глумления над «Русскими символистами» и первым изданием «Шедевров» и от замалчивания их второго издания и «Me eum esse». Ожидаемой была брань Якубовича в «Русском богатстве»: вспомнив про «бледные ноги» и заявив по поводу новой книги, что «в содержании — чуши и дичи не оберешься», он снисходительно признал за автором «некоторое поэтическое дарование» и выделил «Сказание о разбойнике», но заключил, что «поэзия г. Брюсова лишена всякого человеческого содержания»**. Ожидаемым был и доброжелательный объективизм Саводника: «В произведениях Брюсова замечается явное преобладание мысли. В основе всех его стихотворений лежит какая-либо идея,

* Горький М. Литературные заметки: Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. № 313. 14 нояб. С. 2; перепеч.: Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 43–50.

** Русское богатство. 1901. № 3. Отд. II. С. 28–30 (без подписи); перепеч.: Гриневиц П. Ф. (Якубович П. Ф.) Очерки русской поэзии. С. 328–331.

иногда глубокая, иногда парадоксальная. Брюсов поэт рефлексивный, но рефлексия его выражается не в сухих рассуждениях <...> По характеру творчества он из русских поэтов ближе всего напоминает Баратынского*. Удивительно, что это напечатал «Русский вестник», консервативный как в политике, так и в эстетике.

Неожиданной радостью стал отзыв Ясинского — сначала в виде краткой рецензии, потом большой статьи, — которому Брюсов послал книгу и ультрадекадентское письмо со странностями, при неблизком и сугубо литературном знакомстве, признаниями: «Боже, как хороши безумства и как редко я обретаю их. О, размерность, размерность. Мне хочется чего-нибудь совсем глупого и совсем некрасивого (не безобразного, а некрасивого). <...> Хочу преступлений, отравы, хоть болезни смертельной; уйти на богомолье, уехать не с женой в Каир, хоть детскости, хоть тупости. <...> Я в день прихожу на три свидания. Я въявь и заочно беседую с дьяволами**». Ясинский писал: «Его поэтические настроения почти всегда прекрасны и почти всегда странны, потому что новы. В каждом стихотворении его чувствуется эта звездостремительность, эта задумчивость о чем-то далеком, нездешнем и таинственном. Под этим мистическим углом зрения самые обыденные предметы могут получить прелесть высшей жизни, озариться светом поэзии и начать жить тем огнем вдохновения, который заронило в них чутко трепетное сердце поэта», — не забыв отметить следование традициям Тютчева и верность «национальным идеалам»***.

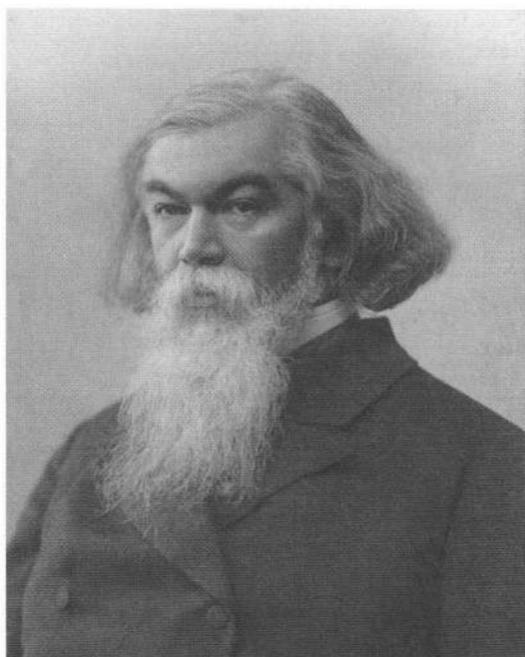
Иероним Иеронимович имел свой журнал «Ежемесячные сочинения» и пригласил в него Брюсова, которого оценил не только как поэта, но и как литературоведа и критика — по острым выступлениям против писателя Ивана Щеглова, заявившего, что Баратынский был прототипом пушкинского Сальери****. В обращении к подписчикам на 1901 год Ясинский заявлял: «Наш журнал стоит за неограниченную свободу слова, за торжество красоты в жизни и искусстве над безобразием и уродством, за преобладание и развитие высших сторон человеческого гения, за торжество духа над материей. <...> <Мы>

* *Саводник В.* Современная русская лирика // *Русский вестник*. 1901. № 9. С. 127–136.

** Переписка Брюсова с Ясинским цит. по: *Ясинская З. И.* В. Брюсов и И. Ясинский // *Чтения-1971*. С. 402–437.

*** *Ежемесячные сочинения*. 1900. № 12. С. 399–400; *Новый поэт* // *Ежемесячные сочинения*. 1901. № 1. С. 35–41 (обе без подписи); перепеч: *Чуковский М.* <*Ясинский И. И.*> Критические статьи. СПб., 1904. С. 116–125.

**** Пушкин и Баратынский // *Русский архив*. 1901. № 1. С. 158–164 (подпись: В. Б.); Старое о г-не Щеглове // *Там же*. № 12. С. 574–579.

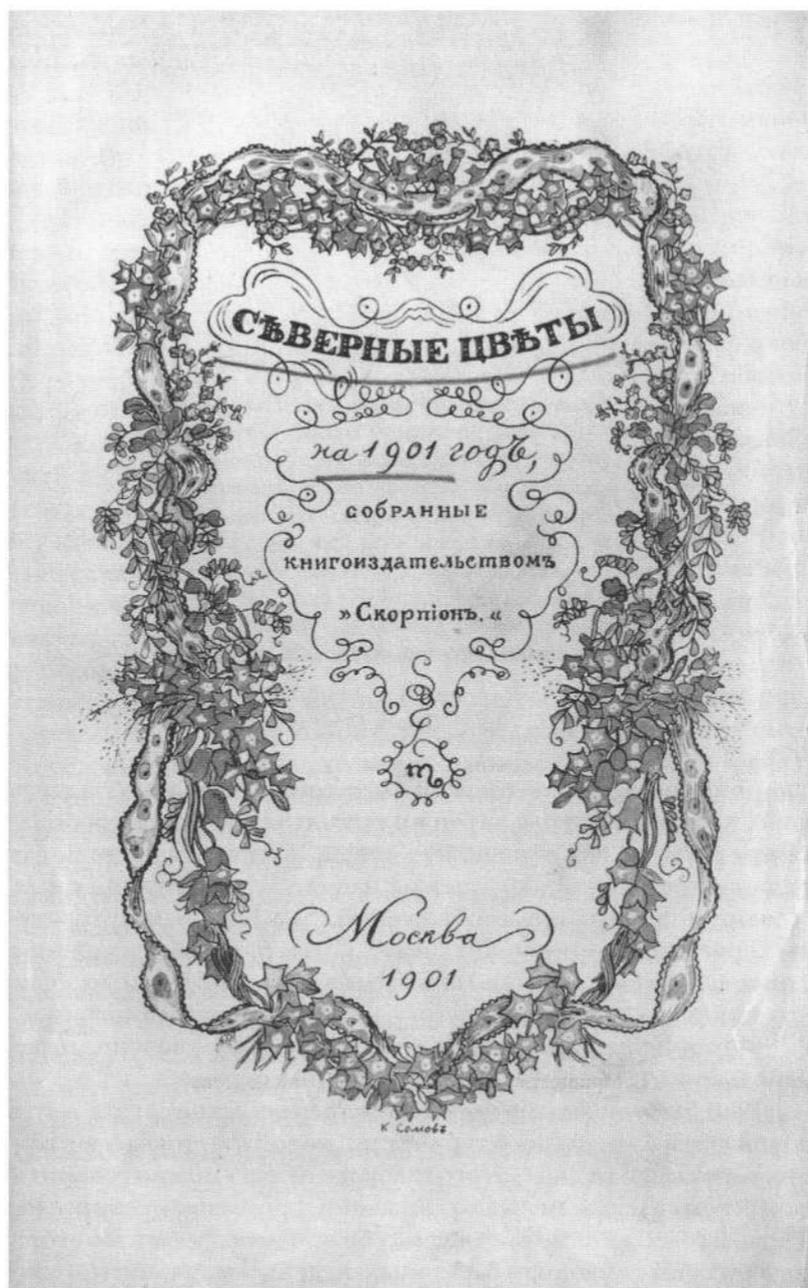
Иероним Ясинский

Фотография М. С. Иоффе. Санкт-Петербург. 1900-е. ИРЛИ

даем в своем журнале только место тому, что умно и талантливо, к какой бы школе автор ни причислял себя. Где свобода, там нет рамок, нет замков, нет цепей. Жизнь духа меркнет и гаснет от стеснений, налагаемых на него во имя тех или иных условий и преходящих соображений. <...> Все роды литературы хороши, если они талантливы»*. Сходство этой декларации с предисловием к «Третьей страже» налицо, но одно дело, если это говорит «декадент», другое — писатель из «мейнстрима». В 1901 году Ясинский напечатал всего одно стихотворение и две небольшие статьи Брюсова, но «прорыв» состоялся.

«1900 год, — подводил итоги Эллис десятилетие спустя, — год новой фазы брюсовского творчества, новой стадии в развитии русского символизма. С этого узлового пункта можно говорить о „русском символизме“ как о движении, прорывшем себе русло, о новом содержании, нашедшем себе прочную форму. До этого года русский символизм был только неясным мерцанием, только смутным предчувствием предчувствий. <...> Начинается период дружного, широкого и открытого боевого выступления,

* Цит. по: *Ясинская З. И. В. Брюсов и И. Ясинский. С. 411.*

Первый выпуск альманаха «Северные цветы» (М., 1901)
Обложка работы К. А. Сомова

с этого момента отдельные вспышки превращаются в общий пожар, новая школа вступает на путь широких завоеваний»*.

Материальным воплощением «дружного, широкого и открытого боевого выступления» явился альманах «Северные цветы», замысел которого оформился осенью 1900 года. Его «организующей и направляющей силой» стал Брюсов. «Скорпионы» решили сделать респектабельный альманах, но заглавие, знакомое каждому знатоку литературы, в данном случае звучало вызывающе: «*Возобновляя после семидесятилетнего перерыва* (курсив мой. — В. М.) альманах „Северные цветы“ (последний раз он был издан в пользу семьи Дельвига в 1832 году), — академическим тоном сообщало предисловие, написанное если не лично Брюсовым, то при его непосредственном участии, — мы надеемся сохранить и его предания. Мы желали бы стать вне существующих литературных партий, принимая в свой сборник все, где есть поэзия». Соответственно был составлен список предполагаемых авторов. Во-первых, выдающиеся поэты старшего поколения, которых символисты считали своими предшественниками, — Случевский и Фофанов. Во-вторых, молодые реалисты, с которыми можно было объединиться на почве неприятия «мейнстрима», — Бунин и Горький (с ними приятельствовал Бальмонт), Леонид Андреев, Евгений Чириков и редактор марксистского журнала «Жизнь» Владимир Поссе. В-третьих, ближайшие попутчики символизма по борьбе за «новое искусство» — Волынский и Розанов. За ними шла вся символистская «фаланга», которую замыкали приятели Брюсова — Ланг, Курсинский и Криницкий.

Как же удалось собрать под одной крышей — то есть обложкой — столь пеструю компанию? Случевский симпатизировал символистам, а его положение на «русском Парнасе» после выхода в 1898 году шеститомного собрания сочинений стало непоколебимым. Фофанов, относившийся к символистам насмешливо, а во хмелю не стеснявшийся резких выражений в их адрес, в 1900 году выпустил том стихов «Иллюзии», открывавшийся призывом «Ищите новые пути!..», но его звезда явно начала закатываться. Брюсов и Поляков, навестившие поэта в начале ноября 1900 года, застали его трезвым, грустным и без денег: «По поводу платы за стихи осведомился: не благотворительный ли альманах. Узнав, что нет, охотно отдал, не спрашивая, что и кто. Цену назначил 50 коп. (за строку. — В. М.) но мы ему дали больше» (ноябрь 1900).

Бунин, подписавший 31 августа 1900 года со «Скорпионом» договор на издание сборника стихов «Листопад» (вышел в конце

* Элас. Русские символисты. С. 113, 131.

Константин Фофанов

Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург. 1890-е. ИРЛИ

января 1901 года)*, переживал «медовый месяц» отношений с символистами, которые омрачились отсутствием его имени в анонсах альманаха. Некоторая напряженность между ним и «скорпионами» возникла уже в декабре 1900 года и побудила Брюсова к резким высказываниям о его поэзии**, — а к этому Иван Алексеевич оставался особенно чувствителен до конца жизни. «За что, Валерий Яковлевич? Почему я исключен из „Северных цветов“? — вопрошал Бунин 5 февраля. — Что-то произошло между мной и вами или, вернее, между вами и мной. Прекрасно — это ваше дело — относиться ко мне так или иначе. Но неужели между нами ничего не осталось как

* ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 448.

** Дневниковая запись Брюсова (декабрь 1900): ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 39–40.

*Иван Бунин
Начало 1900-х. ИРЛИ*

между художниками? Я, вникнув в вашу книгу („Третья стража“. — В. М.), за последнее время отношусь к вам как к поэту с еще большим уважением, чем прежде; вы знаете также, что ко всем вам я питаю очень большое расположение как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом». Недоразумение быстро разрешилось: деловитый Брюсов напомнил обидчивому Бунину, что его приглашали, а он ничего не ответил, и сообщил, что место в альманахе еще есть. Тот не стал важничать и послал рассказ «Поздней ночью»*. В общем, Иван Алексеевич позже не зря запрещал печатать свои письма — они опровергали легенды,

* ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 455–458.

которые он слагал о себе и о других под видом мемуаров, исключавших возможность того, что их автор когда-то мог «протиснуться» в декадентский альманах.

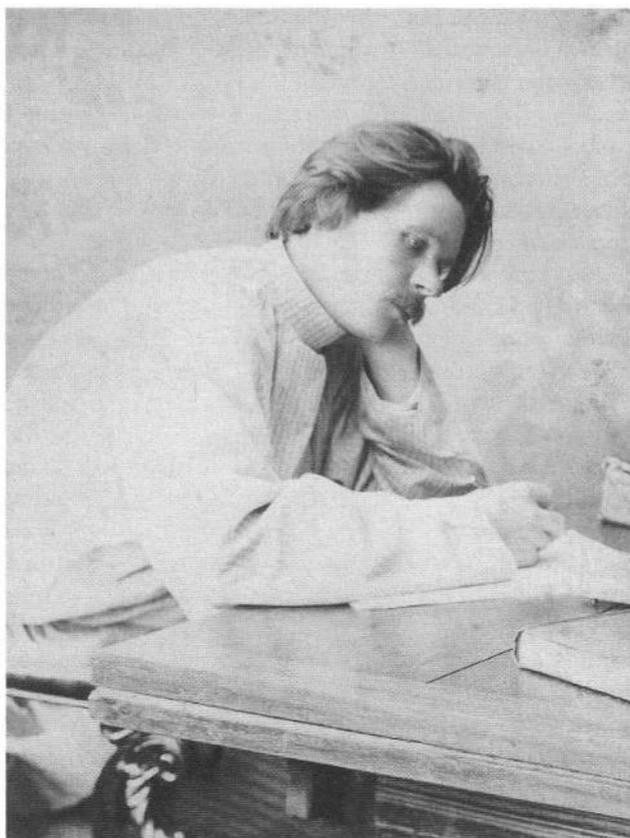
Окончательный разрыв произошел осенью 1901 года: «Скорпион» не взял ничего из предложенных Буниным книг, включая сборник стихов, а Брюсов резко сказал, «что все его писания ни на что не нужны, главное — скучны», занеся эти слова в дневник. Это окончательно толкнуло Бунина в лагерь реалистов-«знальцев», причем личные мотивы только усилили литературные разногласия. Брюсов несколько раз хлестко писал о бывшем приятеле, особенно в рецензии на «Новые стихотворения» (1902), предлагавшиеся «Скорпиону». В 1910 году «дипломатические отношения» были восстановлены, но обида осталась. Бунин не простил отсутствия Брюсова на праздновании 25-летия своей литературной деятельности 28 октября 1912 года, что не компенсировалось ни избранием юбиляра в почетные члены Литературно-художественного кружка, ни оглашением официального приветствия, написанного Брюсовым как председателем дирекции Кружка, ни его личной телеграммой, хотя в обоих текстах подчеркивался поэтический дар чествуемого*. Через две недели после юбилея Иван Алексеевич сообщил Н. А. Котляревскому мнение московских академиков (П. Д. Боборыкина, А. Н. Веселовского и свое) о кандидатах на три вакантных места по Разряду изящной словесности Академии наук: единогласно поддержаны Мережковский, Андреев и Куприн (запасной вариант: Вересаев); от себя Бунин предложил драматурга и театрального деятеля князя А. И. Сумбатова (Южина) и решительно высказался против Брюсова. «Несмотря на его работоспособность, против него выдвигают то возражение, что он „глава“ так называемых модернистов, многим вредивших русской литературе. Избрание Брюсова было бы официальным признанием этого течения**». Бунин как будто забыл, что дверь в Академию ему приоткрыли именно «модернисты», издавшие «Листопад», увенчанный впоследствии Пушкинской премией Академии наук. Окончательным расчетом с «декадентами» должна была стать лекция или статья о Брюсове, над которой он работал в 1915–1916 годах***; выступление не состоялось, но его мотивы видны в высказываниях Бунина периода эмиграции, где личная вражда переплеталась с политической.

Горький, с которым Брюсова в конце сентября 1900 года познакомил Бунин, охотно откликнулся на приглашение в «Северные

* Там же. С. 466; Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 244, 635.

** Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов. С. 246–247.

*** И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 415–416.

Максим Горький
Начало 1900-х

цветы». Первые их впечатления друг о друге были положительными. По просьбе нового знакомого Валерий Яковлевич подарил ему «Третью стражу», написав: «Максиму Горькому, сильному и свободному, жадно любящий его творчество Валерий Брюсов»*. Горький, знакомый с творчеством Брюсова, скорее всего, только по газетам, прочитал книгу и откликнулся на нее в «Нижегородском листке», а затем, как бы извиняясь, писал автору: «Заметка — глупая, говоря по совести. А вы — лучше ваших стихов <...> Вы производите чрезвычайно крепкое впечатление. Есть что-то в вас — уверенное, здоровое». В эпоху, когда «декадентство» было синонимом «болезненного», эти слова, да еще в устах Горького, значили много. Он обещал «скорпионам» рассказ,

* ЛН. Т. 85. Кн. 1. С. 657.

но, увлеченный борьбой против отдачи в солдаты участников студенческих волнений, не выполнил обещания — к неудовольствию Брюсова как редактора и Полякова как издателя — о чем и сам жалел: «Ваш первый альманах выйдет без меня. Искренне говорю — мне это обидно. Почему? А — извините за откровенность — потому что вы в литературе — отверженные и выходить с вами мне приличествует. И публику это разозлило бы. А хорошо злить публику»*.

Несостоявшееся участие Горького, Андреева (сослался на болезнь) и Чирикова (причины неизвестны) подвигло Бунину, бывшего посредником между «реалистами» и «скорпионами», на решительный шаг: он пригласил в альманах Чехова, на что издатели не надеялись. Антон Павлович дал им рассказ «Ночь» (новая редакция раннего рассказа «В море»), что Брюсов в письме к Перцову 1 марта 1901 года назвал «важной и радостной новостью»**. В результате Чехов остался недоволен использованием своего имени в рекламных целях и самим альманахом, особенно после язвительных замечаний критики о его участии в «компании юродивых и шарлатанов» в качестве «знаменитого писателя»***. «Дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами», — писал он Бунину 14 марта 1901 года****. У символистов с ним была любовь без взаимности.

В отличие от Горького Брюсов не имел намерения «злить публику», хотя и позволил себе немного похулиганить. В начале октября 1900 года, после премьеры пьесы Петра Боборыкина «Накипь» в Малом театре, писатель Лев Жданов собирал мнения «декадентов» о ней для газеты «Русский листок». «Я было принял его очень надменно и стал ломаться, изображая „Валерия Брюсова“; но оказалось, что он больше, нежели я думал. Показываю ему Верхарна — „а, знаю — говорит — бельгийский поэт“. Показываю Агриппу (Неттесгеймского. — В. М.) — начинает читать по-латыни. Увидел „Parnaso italiano“***** и заговорил со мной по-итальянски. Я был смущен» (октябрь 1900). Брюсов уже пять лет не давал интервью и воспользовался

* Горький М. Письма к Валерию Брюсову / Предисл. Вяч. Полонского. Примеч. Н. Ашукина // Печать и революция. 1928. № 5. С. 54–66; Ильинский А. Горький и Брюсов. Из истории личных отношений // ЛН. Т. 27/28. С. 639–643.

** Цит. по: Перцов П. П. Литературные воспоминания. С. 304.

*** Али <Эфрос Н. Е.> Юродивые // Новости дня. 1901. № 6414. 24 апреля. С. 3; Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1901. № 9037. 27 апреля. С. 2.

**** Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 9. М., 1980. С. 228; ср. письмо Бунину от 20 апреля 1901 года: Там же. Т. 10. М., 1981. С. 13. Ответы Бунина: ЛН. Т. 68. С. 410–411.

***** «Итальянский Парнас» (ит.).

Антон Чехов
1901

подвернувшейся возможностью, чтобы развить свои взгляды на искусство в целом, но Жданов направил беседу в нужное русло. Пришлось ответить на главный вопрос — о пьесе: «Не видал и не пойду смотреть <...> Зная содержание и метод, бесполезно читать самую книгу. Я знаю боборькинские писания, знаю, что он хотел изобразить в „Накипи“. После этого я мог бы написать эту „Накипь“ по-боборькински лучше самого автора. Зачем же я буду ее читать, а тем более тратить на нее целый вечер в театре?» Этот ответ «образца 1895 года», однако, не помешал Брюсову начать сотрудничать в «Русском листке», а Жданову — дать стихи в «Северные цветы».

В начале ноября Брюсов и Поляков отправились в Петербург собирать материал. Один из первых визитов был к Мережковским. «Встретили нас, как скупщиков, любезно донельзя, — иронизировал Брюсов в „сводной“ записи о поездке. — <...> Сергей Александрович запросил Зинаиду Николаевну о рассказах. Она протянула:

— А что, альманах бла-а-творительный?

— Нет.

— И там го-но-ра-ры платят?

— Да, и хорошие.

— Слышишь, Дмитрий, там гонорары платят.

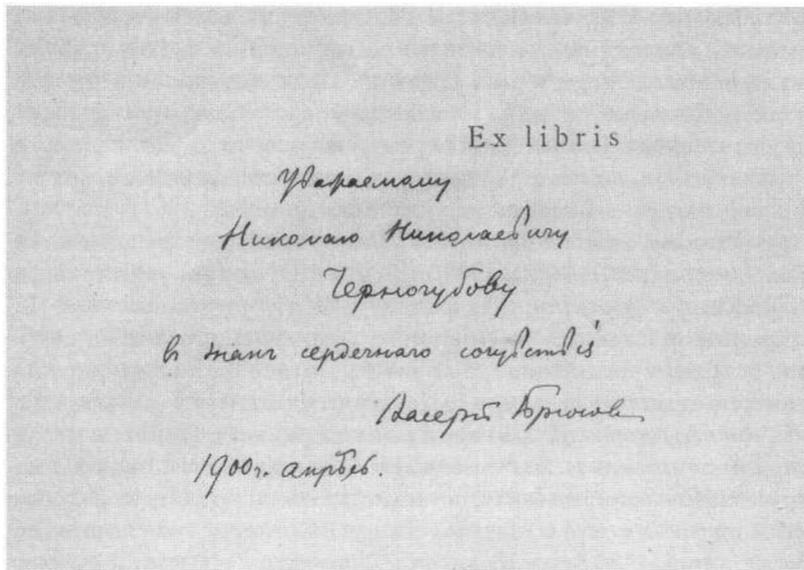
Зиночка дала две вещи». Мережковский попытался отделаться старыми рукописями из недр стола. Сологуб принял гостей «весело, но говорит, что печататься ему негде, а издать свои стихи — денег нет». Конечно, альманаху он обрадовался. Коневской, кроме стихов, отдал в «Северные цветы» памфлет «Об отпевании новой русской поэзии» по поводу «антидекадентской»* статьи Гиппиус «Критика любви», направленной — под видом сочувствия — против Добролюбова, «самого неприятного, досадного, комичного стихотворца последнего десятилетия»; попутно досталось и Коневскому за «мучительное» и «уродливое» предисловие к «Собранию стихов»**. Мережковским памфлет понравился, так что с его публикацией проблем не возникло. Минский вручил «альманашникам» сонет, выброшенный цензурой из его новой книги, но «скорпионы» отвергли такое приношение. Вл. Гиппиус согласился появиться в печати лишь как «Владимир Г-ъ». «Русская Сафо» Мирра Лохвицкая, не имевшая недостатка в предложениях от издателей, осталась равнодушной к «скупщикам», но стихи дала. Брюсов был представлен в альманахе циклом «Осенние стихи», отрывками из поэмы «Замкнутые» и статьей «Истины (Начала и намеки)», продолжавшей «О искусстве» и развивавшей теорию о множественности истин.

Предметом особой заботы Валерия Яковлевича стал исторический раздел альманаха. Работа в «Русском архиве» привила ему вкус не только к изучению и публикации документов, но и к их собиранию, когда позволяли средства***. Весной 1900 года он сблизился с пушкинистом Владимиром Каллашем («у него прекрасная библиотека») и с антикваром Николем Черногубовым, почитателем Фета и владельцем его архива. «Скорпион» купил у Черногубова много ценных документов (Брюсов отбирал, Поляков платил), которые были напечатаны в «Северных

* Об использовании символистами и их противниками терминов «декадентство» и «символизм» существует обширная литература. Укажу лишь, что Брюсов не видел в слове «декадентство» ничего дурного, а Гиппиус — видимо, под влиянием прессы — откровенно от «большого» «декадентства», противопоставляя ему «идеализм» и «символизм» как «здоровые» явления.

** Гиппиус З. Критика любви. Декаденты-поэты // Мир искусства. 1901. № 1. С. 28–34; перепеч.: Гиппиус З. Дневники. Т. 1. М., 1999. С. 190–200.

*** Судьба его коллекции, включавшей автографы Пушкина и Гоголя, неизвестна, но в 1930-е годы она еще находилась у И. М. Брюсовой.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Николаю Черногубову на авантитуле книги «О искусстве» (М., 1899):
«Уважаемому Николаю Николаевичу Черногубову в знак сердечного сочувствия. Валерий Брюсов. 1900 г., апрель»
ВЭМ. Публикуется впервые

цветах» и в книге «Письма Пушкина и к Пушкину» под редакцией Брюсова (1903)*. В их числе — неизданные стихи Фета, Полонского и Каролины Павловой, письма и записки Пушкина, Тютчева, Тургенева, Некрасова, Вл. Соловьева и Урусова, хотя князь в опубликованном «Северными цветами» письме назвал Бальмонта и Брюсова «душевнобольными».

Пятого апреля 1901 года альманах был представлен в цензуру уже отпечатанным — как издание объемом более 10 листов**. Некоторые сомнения у Московского цензурного комитета возбудили драма Гиппиус «Святая кровь» (ранее отвергнутая

* В 1903 году «Скорпион» также выпустил книгу Н. О. Лернера «А. С. Пушкин. Труды и дни», в которую Брюсов, с согласия автора, внес много дополнений. Лернер писал ему почтительные письма (РГБ. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 12), в которых, однако, допускал выпады против символистов, и одновременно публиковал грубые памфлеты против Брюсова (*Брюсов-ЖЗЛ*. С. 169–170; *Марков А.* Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 175–179). Отношения между ними были разорваны в 1912 году после участия Брюсова в полемике Лернера и П. Е. Щеголева на стороне последнего (*ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 236–240).

** Для книг одного автора; для альманахов и сборников необходимый объем составлял 20 листов, но «Скорпион» добился «ослабления» — видимо, с помощью Ю. П. Бартечева.

«Жизнью» и «Миром искусства», как с неудовольствием отметил Брюсов), «Заметки на полях непрочитанной книги» Розанова (их не напечатал даже его друг Перцов), записные книжки Урусова (революционные «грехи молодости») и... «безнравственный» рассказ Чехова. Вопрос был передан на рассмотрение Главного управления по делам печати, но у того возражений не возникло. В середине апреля альманах поступил в продажу.

С каждым новым выпуском «Северных цветов» (всего их было пять — 1901, 1902, 1903*, 1905 и 1911 годов) усиливалась тенденция к «построению фаланги» и к «очистке рядов». На страницы альманаха по-прежнему попадали случайные авторы, особенно из числа петербуржцев, но это были литераторы модернистского круга, вроде Дмитрия Фридберга, называвшего себя «Ландыш». Для второй книги Брюсов и Поляков пытались получить хоть что-нибудь от Чехова, но тот их даже не принял. Сосуществование «символистов» и «реалистов», объединившихся вокруг товарищества «Знание» и его сборников (издавались с 1904 года), оказалось недолгим и сменилось ожесточенной полемикой. Предисловие к третьей книге извещало: «Наш альманах иной, чем два первые. Он более „единогласен“, более однороден по внутреннему составу. В нем ряд новых имен и нет кое-кого из прежних спутников. Мы рады этим новым. В них новая молодость, новая бодрость, сила». Вышедшие в 1905 году «Северные цветы Ассирийские» в стилизованной обложке Николая Феофилактова были однородно символистскими и воспринимались как парное издание к журналу «Весы», который на протяжении первых двух лет существования не публиковал художественных произведений.

Отклики на первую книгу «Северных цветов» были разнообразными, но предсказуемыми. Буренин не придумал ничего нового: «Все эти господа, кажется, заболели недавно, но очевидно „готовы“ совершенно и едва ли даже излечимы — и кроткие, и буйные. Я сужу так по примеру Валерия Брюсова»**. Эти «цветы» «хуже всякого репейника, всякого чертополоха», — просвещал читателей «Южный край», вопрошая: «Как вы думаете — если бы в обществе кто-нибудь заговорил вот такими словесами, упрятали бы его в сумасшедший дом или нет?»*** Амфитеатров глумился. Ясинский хвалил за освобождение от «шелухи напускного декадентства»****. «Новый альманах <...> пытается

* Первые три выпуска переизданы в 1905 году в одной книге с общим указателем авторов.

** Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1901. № 9037. 27 апреля. С. 2.

*** Опять декадентщина! // Южный край (Харьков). 1901. № 7033. 1 июня. С. 3.

**** Ежемесячные сочинения. 1901. № 6. С. 152–154 (без подписи).

воскресить лучшие традиции альманахов пушкинской эпохи»*, — утверждал в «Русском вестнике» аноним, за которым можно предположить Саводника. Анонимную хвалебную рецензию поместила московская газета «Русский листок»**. Здесь, вероятно, не обошлось без самого Валерия Яковлевича.

До недавнего времени сотрудничество Брюсова в «Русском листке» (1901–1904) оценивалось только негативно: «Газета, издававшаяся реакционным публицистом Н. Л. Казецким в монархическо-охранительном духе, была ориентирована на невзыскательного читателя, в основном из мещанских кругов»***. Это суждение восходит к автобиографии Брюсова, назвавшего газету «правой» и «бульварной» и как бы извинявшегося за участие в ней: «Выбора у меня не было, я устал „публично молчать“ в течение более чем пяти лет и рад был даже в бульварном листке высказать свои взгляды». Немаловажным было и то, что ни один из журналов не платил ему гонораров, кроме английского «The Athenaeum», для которого Брюсов с 1901 года в течение пяти лет писал ежегодные обзоры русской литературы (эту работу ему передал Бальмонт)****. Не берусь переоценивать сложившуюся репутацию «Русского листка», хотя от негативных политических коннотаций сегодня надо отказаться, — но публикации Брюсова в этой газете, особенно многочисленные в 1902–1903 годы, достойны внимания*****.

В чем важность этого эпизода для биографии Валерия Яковлевича? Он пользовался в газете большой степенью свободы: единомышленников у него в редакции не было, но не было и идейных противников. Не претендуя на освещение политических и прочих «принципиальных» вопросов, но и не расходясь с «генеральной линией», он свободно печатал здесь стихи, прозу и переводы, став, бесспорно, самой крупной литературной фигурой за всю историю газеты. Можно по-разному оценивать «святочные» и «новогодние» стихи и рассказы Брюсова, но переводы из Верлена, Метерлинка, Роденбаха, Мореаса, Ницше и информативные заметки о них вряд ли предназначались «невзыскательному читателю». То же относится к статьям

* Новый альманах // Русский вестник. 1901. № 5. С. 212–213.

** Новые направления в искусстве // Русский листок. 1901. № 110. 24 апреля. С. 2.

*** Гречишкин С. С. Новеллистика Брюсова 1900-х годов // РЛ. 1981. № 4. С. 150.

**** Перевод и комментарий: Ильёв С. П. Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901–1906) // Читания-1980. С. 275–349.

***** Публикации В. Брюсова в газете «Русский листок» / Вступ. заметка, публ. и примеч. Э. С. Даниелян // НБ. С. 38–90 (выборочная публикация).

о восприятии русской литературы за границей («Немцы о наших писателях», «Француженка о русской интеллигенции»), о необходимости отечественной научно-популярной литературы («Переводная наука»), о возможности «учебника поэзии» («Школа и поэзия»), к отчетам об общественной и культурной жизни Петербурга. Немалый интерес представляют путевые заметки Брюсова об Италии (1902) и Франции (1903). В «Русском листке» он прошел хорошую школу «практической журналистики», вплоть до хроники и «скрытой рекламы» («П. И. Бартенев как издатель»). Именно этот опыт пригодился ему в «Весах», особенно в первые годы существования журнала.

Литературные дела занимали большую часть жизни Валерия Яковлевича, но лето 1901 года оказалось богато переживаниями личного характера. В начале июля он писал Бунину: «Моя жизнь за последние месяцы — безумие. Я вырываюсь из рук сумасшедших, чтобы бежать к бесноватым. Я прошел над всеми безднами духа, достигая до крайних пределов любви и страдания. Каждое чувство, каждая мысль мне мучительны теперь, но моему пути еще не конец». Неотправленный вариант письма звучит более исповедально и в то же время более «декадентски»: «Я на распутье и в жизни и в душе. О жизни неинтересно. А о душе вы знаете. Мне дано искушение, которого я не ожидал. Передо мной открыта торная дорога, и я уже сделал по ней немало шагов. Еще чуть-чуть опустить голову, еще чуть-чуть подладиться под чужой голос, ах, как все станет тогда просто. Но менее всего я хочу быть сейчас самим собой. Мой облик мне сейчас самое ненавистное. Моя первая задача — убить себя и растоптать свое тело. Если мне осталась надежда, то только в смерти»*.

О чем идет речь? Почему столь интимные признания адресованы человеку, который не близок и даже не слишком симпатичен автору? Почему ничего подобного нет в почти ежедневных письмах возлюбленной Анне Александровне Шестеркиной, жене художника-«декадента» Михаила Шестеркина, или, по крайней мере, в их опубликованной части?*** Что это — высшая мера доверия, приступ минутной откровенности или декадентский эпатаж? Во всяком случае, это весьма напоминает «завещательное» послание Лангу из Кисловодска летом 1896 года или приведенное выше письмо Ясинскому.

Фоном было семейное пребывание на даче в Петровском-Разумовском, откуда Валерий Яковлевич ездил в Москву для

* ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 460.

** Письма к А. А. Шестеркиной. 1900–1913 / Предисл. и публ. В. Г. Дмитриева // ЛН. Т. 85. С. 622–656.

занятий в «Русском архиве». Иоанна Матвеевна ждала первого ребенка, но в конце июля тот родился мертвым, и она долго болела*. Младшая сестра Евгения вышла замуж за Б. В. Калюжного, которого Брюсов в письме к Шестеркиной почему-то обозвал «негодяем, идиотом и павианом»**. С самой Анной Александровной он не встречался; в «активную фазу» их отношения вошли осенью того же года (цикл «Осенние стихи», выросший до раздела «Еще сказка»*** при переиздании «Tertia vigilia» в «Путях и перепутьях»), но постепенно охладилась с рождением у Шестеркиной в июне 1902 года дочери Нины****. Брюсов был ее отцом: этот факт никогда официально не признавался, но был известен кое-кому из современников. Некоторое время он присылал девочке подарки, но упорно не мог запомнить, как зовут старших детей Шестеркиной. «Вы посмотрите нашу Нину», — писала она ему 17 июня 1914 года, приглашая на день рождения дочери. Затем переписка оборвалась на восемь лет. В 1922 году Анна Александровна снова написала Валерию Яковлевичу, после чего следы матери и дочери окончательно теряются. Публикатор писем Брюсова к ней отметил, что «поэт, как правило, избегает говорить в письмах о своем отношении к Анне Александровне, обращается к ней всегда на „вы“. Ее письма, наоборот — непрерывные признания в горячей, беззаветной любви, которая наполняет всю ее жизнь, не оставляя места ни для чего другого»*****. В начале 1910-х годов Шестеркина — едва ли осознанно — сыграла трагическую роль в жизни бывшего возлюбленного, но об этом в свой черед. В «Роковом ряду» он вспомнил ее под именем «Таня» — по созвучию с «Аней».

Слова об «искушении» в письме к Бунину, видимо, относились к приезду в Петровское-Разумовское 24 июня младшей сестры Иоанны Матвеевны Марии Рунт, с которой Валерий Яковлевич «согрешил» («моя Мари» одного из «донжуанских списков»). «Жена ревновала меня к своей сестре», — кратко

* Второй раз И. М. Брюсова родила мертвого ребенка 9 марта 1904 года, о чем Брюсов сообщил Волошину: «У нас дома маленькое и обиденное, но для близких всегда трагическое событие. Мне, как „Валерию Брюсову“, вероятно, не идет быть отцом, и вторично у нас родился ребенок — мертвым». ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 324.

** ЛН. Т. 85. С. 647.

*** Формально Шестеркиной посвящено только стихотворение «Осенний день был тускл и скуден...» (в первой публикации), но хронологическая близость других текстов и несомненное тематическое единство позволяют считать ее вдохновительницей любовной лирики Брюсова сентября–октября 1900 года, собранной в этом разделе.

**** Дж. Гроссман отметила хронологическое совпадение между рождением Нины и написанием стихотворения Брюсова «Habet Illa in Alvo» («Она имеет во чреве», лат.): Grossman J. D. Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence. P. 232.

***** ЛН. Т. 85. С. 622.

сообщил он Шестеркиной 18 июля*, после второго приезда Марии. Связь была недолгой и во всех смыслах слова «случайной», общего течения жизни семьи Брюсовых не нарушила, но «некая тайна» между ними осталась. Память о ней — написанный тогда же, но опубликованный лишь через тринадцать лет цикл «Эпизод»:

Зачем твое имя Мария,
 Любимое имя мое?
 Любовь — огневая стихия,
 Но ты увлекаешь в нее.

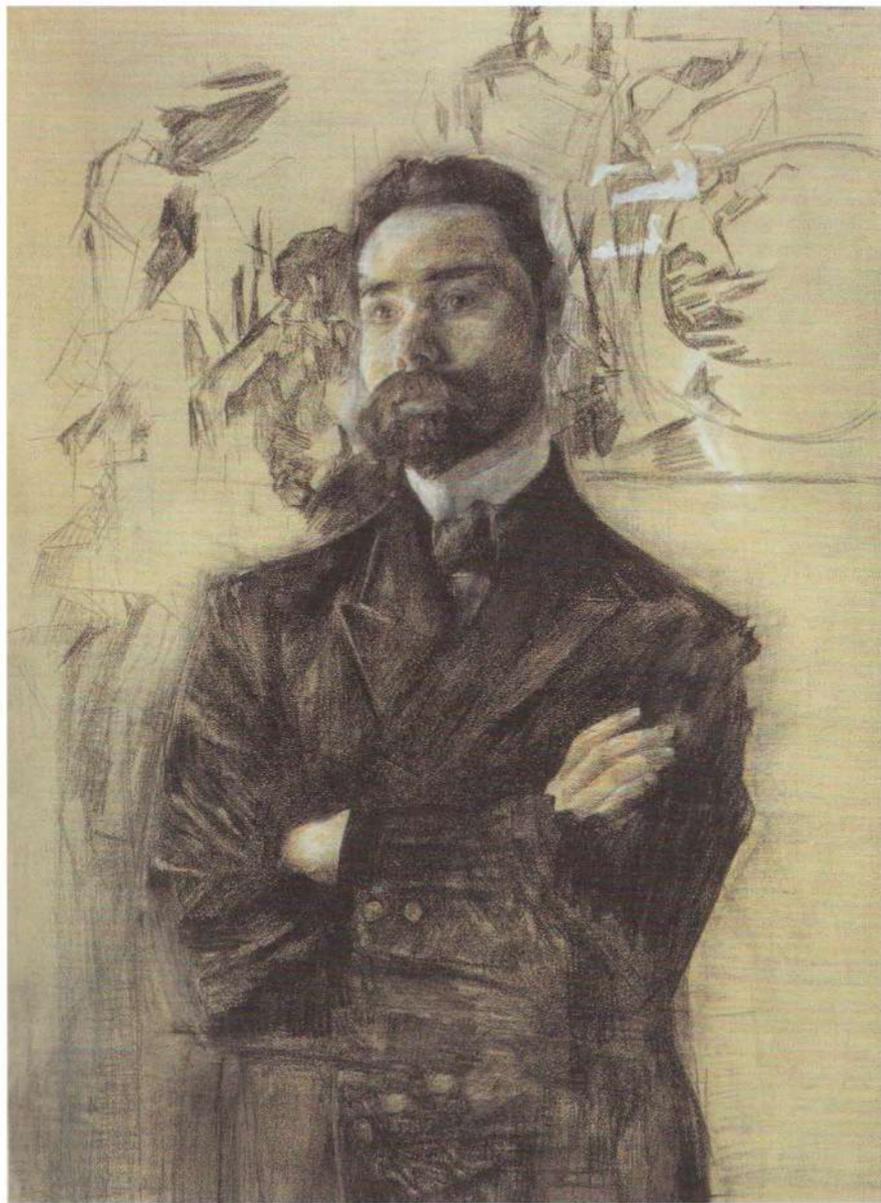
Видимо, при подведении итогов — творческих и, волей-неволей, биографических — в «академическом» собрании сочинений «срок давности» уже прошел.

Подлинной трагедией для Брюсова стала гибель Коневского, утонувшего 8 июля в реке Аа близ Риги: «Это хуже всех моих семейных бедствий, это жесточе всего, что я пережил за лето. <...> Пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтет, поймет и оценит. <...> Я без Ореуса уже половина меня самого»**. Два столь разных, но близких Брюсову человека — сестра Надежда и возлюбленная Нина Петровская — утверждали, что после смерти Коневского настоящих друзей у него больше не было***.

* ЛН. Т. 85. С. 645.

** Письмо Шестеркиной (15 августа 1901): ЛН. Т. 85. С. 646–647.

*** Из «Воспоминаний о Валерии Брюсове» Н. Я. Брюсовой / Публ. В. Я. Мордерер // ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 553; Петровская Н. Воспоминания. С. 43.

Валерий Брюсов

Портрет работы М. А. Врубеля. 1906. Государственная Третьяковская галерея

Дом Херодиновых, где родился Валерий Брюсов
(Милютинский переулок, дом 14)

Дом Бари, где Валерий Брюсов жил в 1875–1877 годах
(Яузский бульвар, дом 10)

*На с. II–IX воспроизведены фотографии О. В. Андреевой,
выполненные в октябре и ноябре 2008 года*

Собственный дом Брюсовых, где Валерий Брюсов жил в 1877–1910 годах
(Цветной бульвар, дом 22)

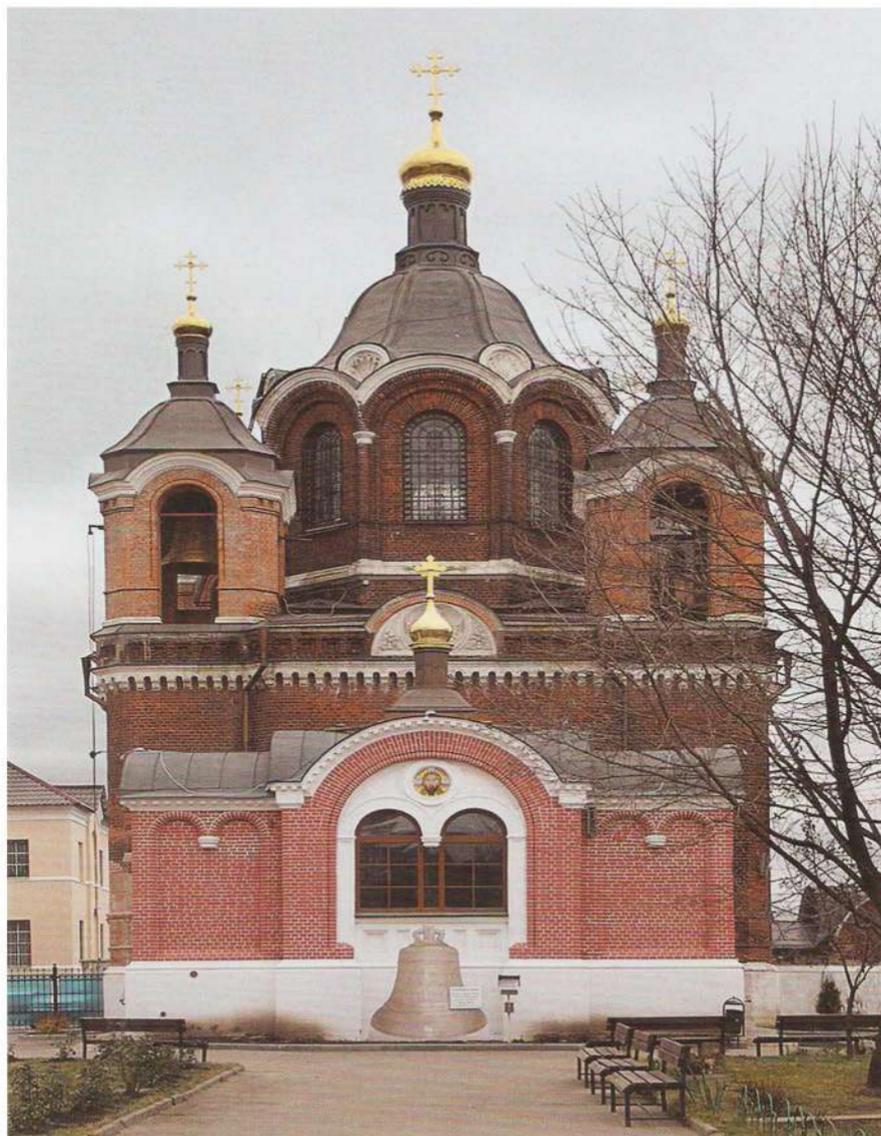
Гимназия Ф. И. Креймана,
где Валерий Брюсов учился в 1885–1889 годах (улица Петровка, дом 25).
Ныне – Московский музей современного искусства

Гимназия Л. И. Поливанова, где Валерий Брюсов учился в 1890–1893 годах
(улица Пречистенка, дом 32).
Ныне – Детская музыкальная школа им. В. И. Мурадели

Меблированные комнаты «Тулон»,
где Валерий и Иоанна Брюсовы жили в октябре 1897 – апреле 1898 года
(улица Большая Дмитровка, дом 10)

Церковь Иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине,
где Валерий Брюсов и Иоанна Рунт венчались 28 сентября 1897 года
(Фестивальная улица, дом 77а)

Дом Баева, где Валерий Брюсов жил в 1910–1924 годах
(проспект Мира, дом 30).
Ныне – Музей литературы Серебряного века (Дом Брюсова)

Мемориальная доска на стене Дома Брюсова
Установлена 9 октября 1939 года

Московский университет,
на филологическом факультете которого
Валерий Брюсов учился в 1893–1899 годах и преподавал в 1921–1924 годах
(Моховая улица, дом 9). Ныне – факультет журналистики МГУ

Гостиница «Метрополь»,
где в 1904–1909 годах размещалась редакция журнала «Весы»
(Театральный проезд, дом 1/4)

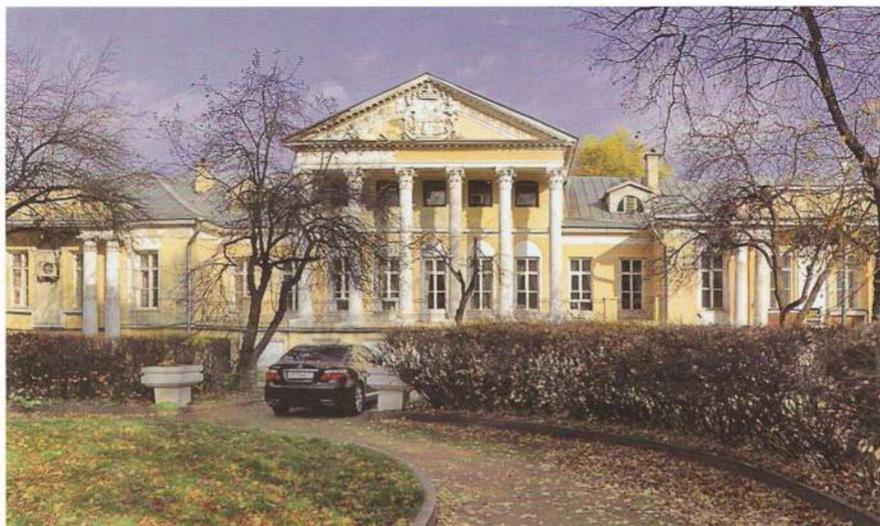
Московский литературно-художественный кружок,
председателем дирекции которого Валерий Брюсов был в 1909–1918 годах
(улица Большая Дмитровка, дом 15а).
Ныне — Генеральная прокуратура России

Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского,
в котором Валерий Брюсов преподавал в 1917–1918 годах
(Миусская площадь, дом 6).
Ныне — Российский государственный гуманитарный университет

Литературный отдел Народного комиссариата по просвещению,
в котором Валерий Брюсов работал в 1919–1921 годах
(Малый Гнездииковский переулок, дом 9а)

Высший литературно-художественный институт
(с 1923 года – им. В. Я. Брюсова), ректором и профессором которого
Валерий Брюсов был в 1921–1924 годах (Поварская улица, дом 52)

Надежда Яковлевна
Брюсова, сестра поэта
*Фотография П. Павлова.
Москва. 1890-е. ГЛМ*

Александр Яковлевич
Брюсов, брат поэта
1910-е. ГЛМ

Лидия Яковлевна Брюсова (в замужестве Киссина), сестра поэта
3 октября 1908. ГЛИМ

Евгения Яковлевна Брюсова (в замужестве Калюжная), сестра поэта
 Фотография «Паола». Москва. 1900-е. ГЛМ

Сестры Рунт. Слева направо: Иоанна Матвеевна (в замужестве Брюсова),
 Мария Матвеевна (в замужестве Стопа),
 Ядвига Матвеевна (в замужестве Рихтер)
 1890-е. ГЛМ

Валерий Брюсов и Наталья Дарузес
16 декабря 1893. ГЛМ

Елена Краскова

Фотография «Шерер, Набгольц и К^о». Начало 1890-х. ГЛМ

Михаил и Анна Шестеркины

Фотография М. Волкова. 1892. РГАЛИ

Нина Петровская
1900-е

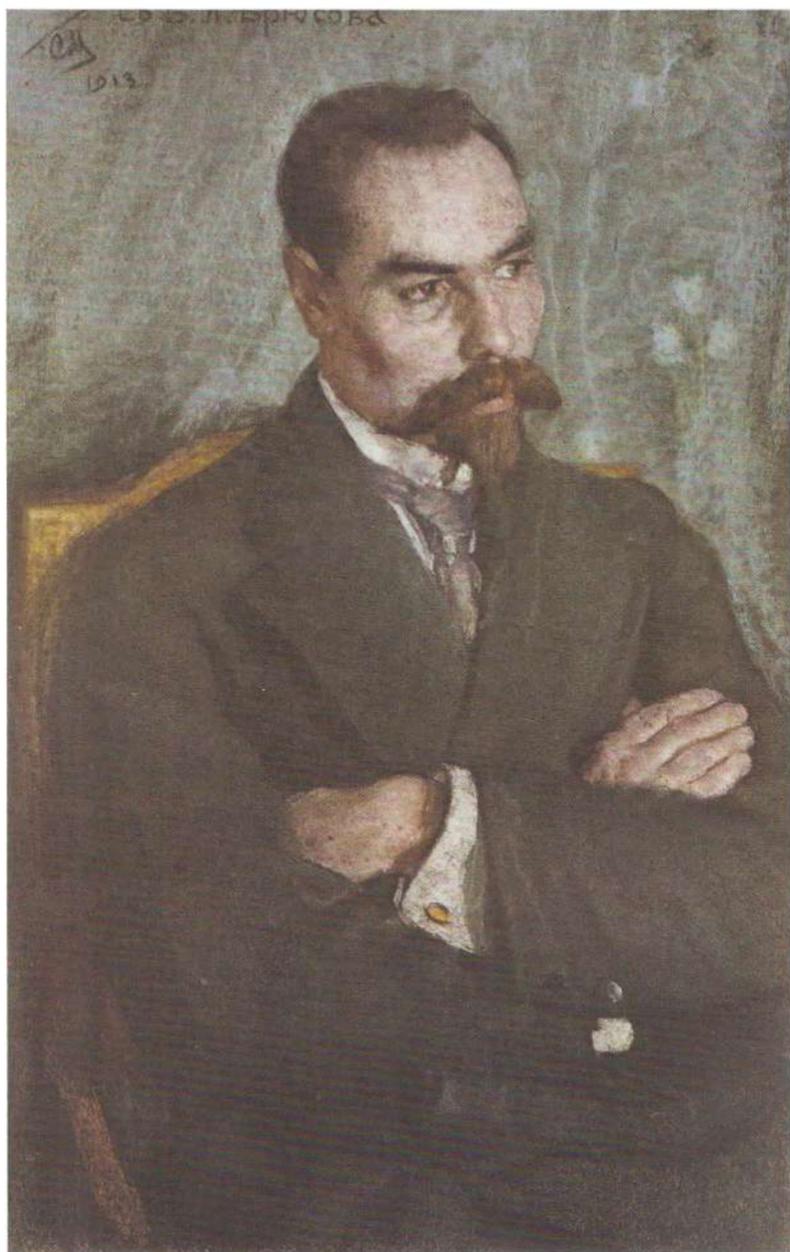
Людмила Вилькина
Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург.
Около 1898. ИРЛИ

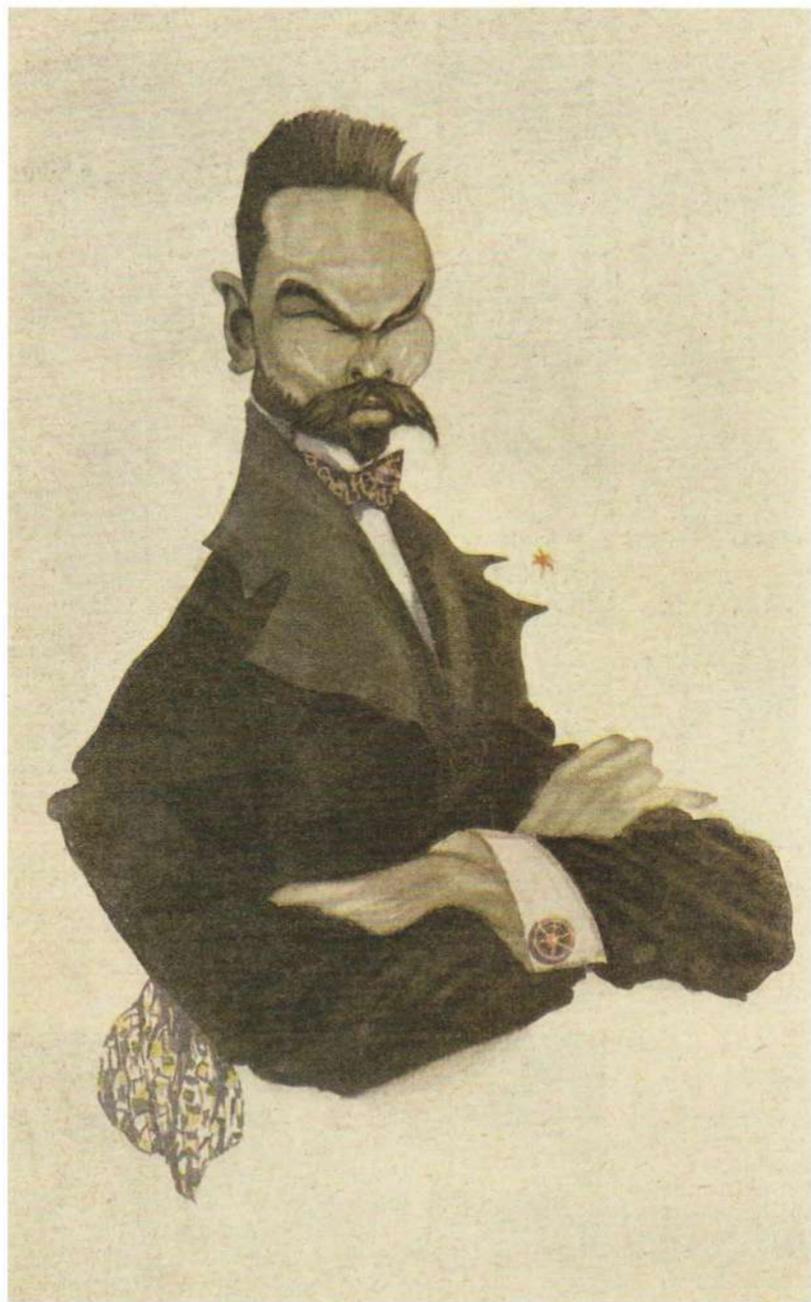
Вера Комиссаржевская
 Фотография «Хитрово и К^о». 1899.
 С дарственной надписью
 Е. И. Зарину.
 ИРЛИ

Надежда Львова
 1913. ГЛМ

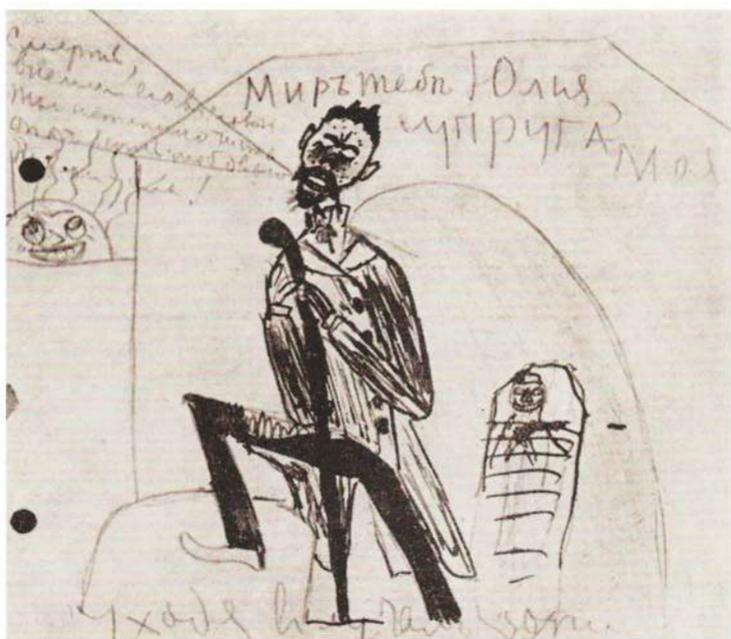
Валерий Брюсов
Портрет работы С. В. Малютина. 1913. ГЛМ

Валерий Брюсов
Карикатура В. Н. Дени из журнала «Солнце России» (1913. № 19)

Валерий Брюсов
Портрет работы С. А. Виноградова. 30 апреля 1916

«Уходя в лучах зари»,
«Мир тебе, Юлия, супруга моя»
(неточная цитата из трагедии В. Брюсова «Земля»)
Карикатура А. Белого на В. Брюсова. 1904–1905. РГАЛИ

«Как работает великий человек»
(В. Брюсов и работник редакции «Весов» Василий)
Карикатура А. Белого на В. Брюсова. 1904–1905. РГАЛИ

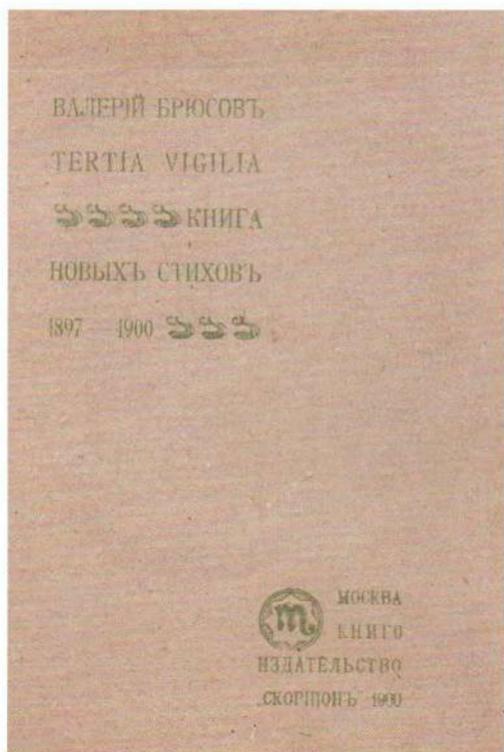
«Как ведет себя на прогулках великий человек»
(В. Брюсов и С. Соловьев)

Карикатура А. Белого на В. Брюсова. 1904-1905. РГАЛИ

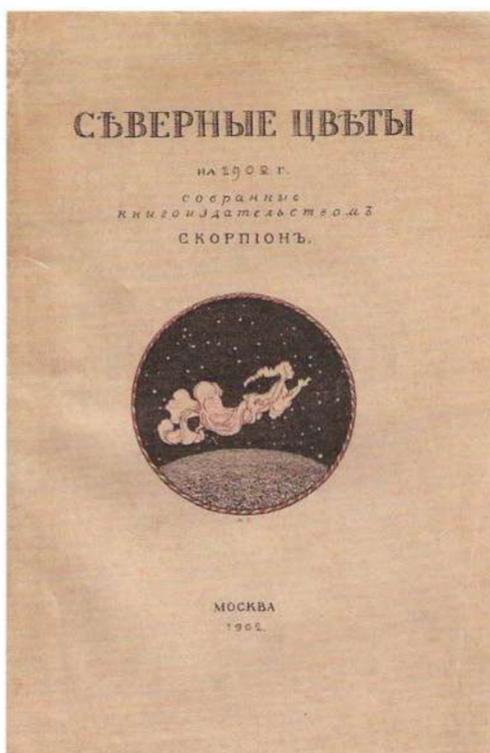

«Как смеется великий человек»

Карикатура А. Белого на В. Брюсова. 1904-1905. РГАЛИ

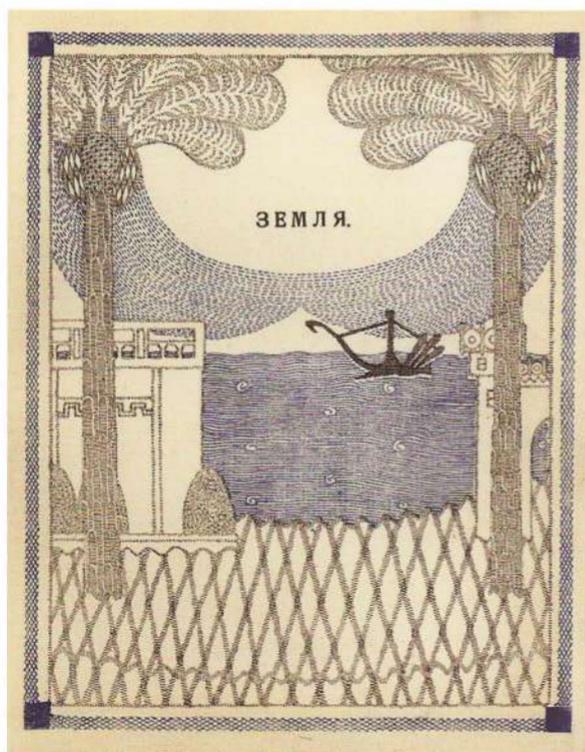
Книга Валерия Брюсова
«Tertia vigilia» (М., 1900)
Обложка

Альманах
«Северные цветы» (М., 1902)
Обложка по рисунку
К. А. Сомова

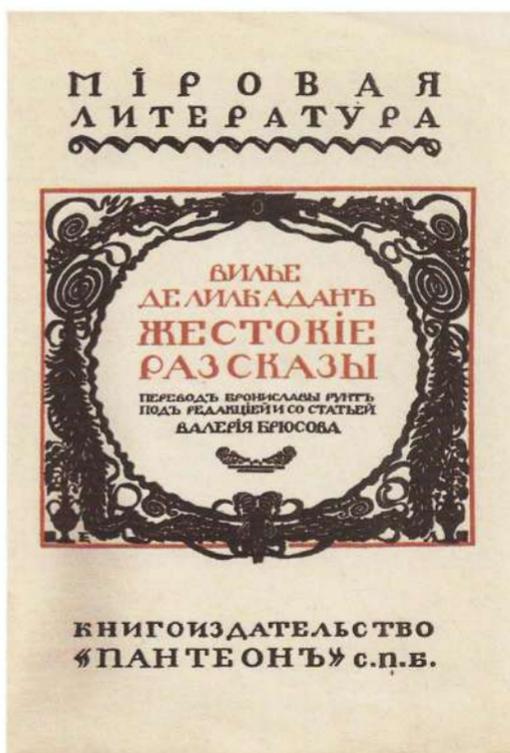

Альманах «Северные цветы Ассирийские» (М., 1905)
Обложка по рисунку Н. П. Феофилактова

Пьеса
 Валерия Брюсова
 «Земля», опубликованная
 в альманахе «Северные
 цветы Ассирийские»
 Шмуцитул по рисунку
 Н. П. Феофилактова

Книга Вилье де Лиль-Адана
 «Жестокие рассказы»
 в переводе Б. Рунт,
 под редакцией
 Валерия Брюсова (М., 1908)
 Титульный лист по рисунку
 Е. Е. Лансере

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ
ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ПОВѢСТЬ XVI ВѢКА, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ». МСМVIII

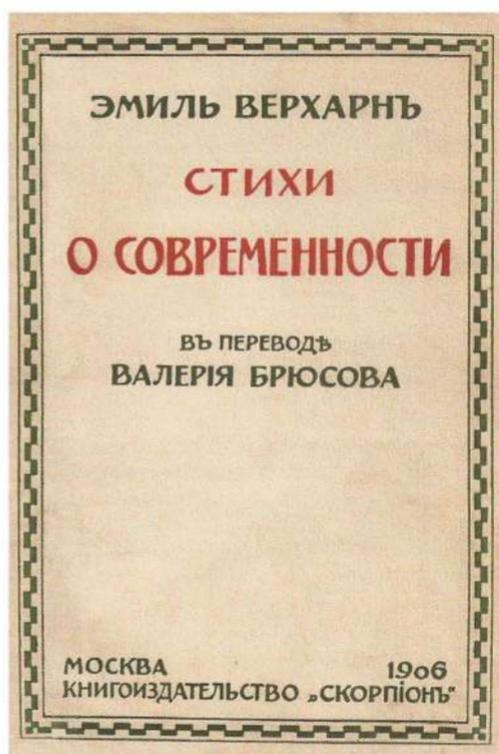

Первое издание первой части романа Валерия Брюсова
«Огненный ангел» (М., 1908)

На обложке — изображение города Кельна
с гравюры Антона Везема из Ромса (1531)

Книга Эмиля Верхарна
«Вся Фландрия. Герои»
(Брюссель, 1908)
Обложка по рисунку
Т. ван Риссельберга

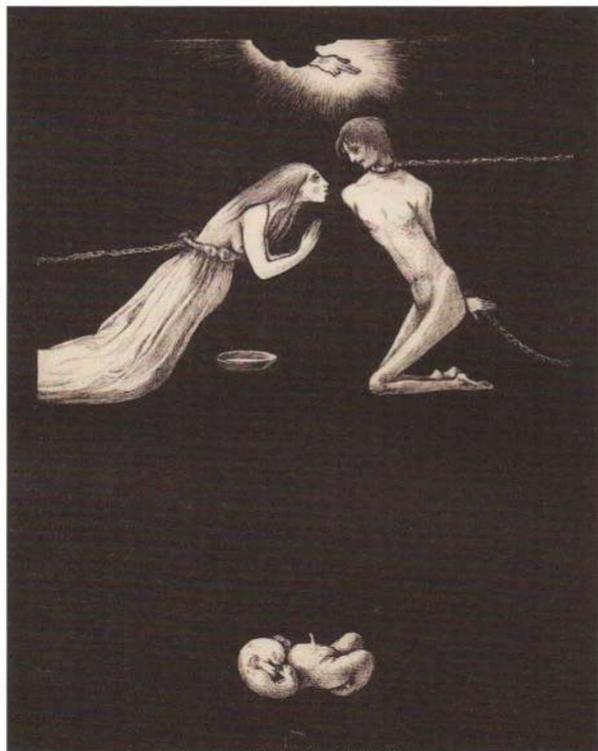

Книга Эмиля Верхарна
«Стихи о современности»
в переводе Валерия Брюсова
(М., 1906)

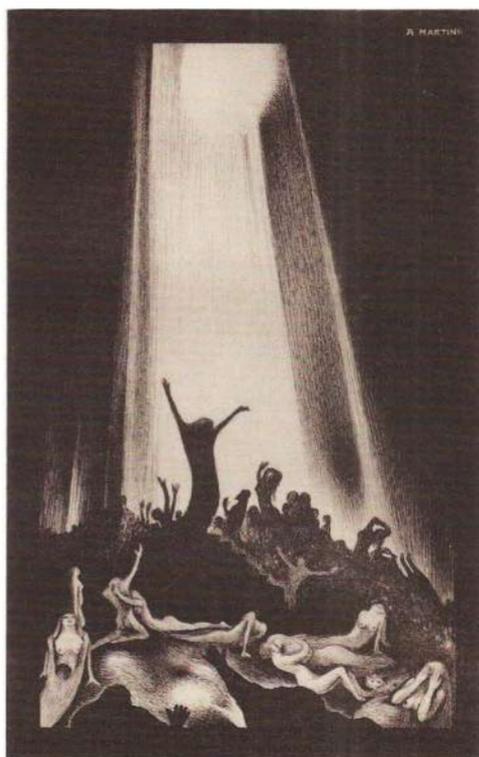
Обложка по рисунку
Т. ван Риссельберга

Второе издание книги Валерия Брюсова «Земная ось» (М., 1910)
Обложка по рисунку А. Мартини

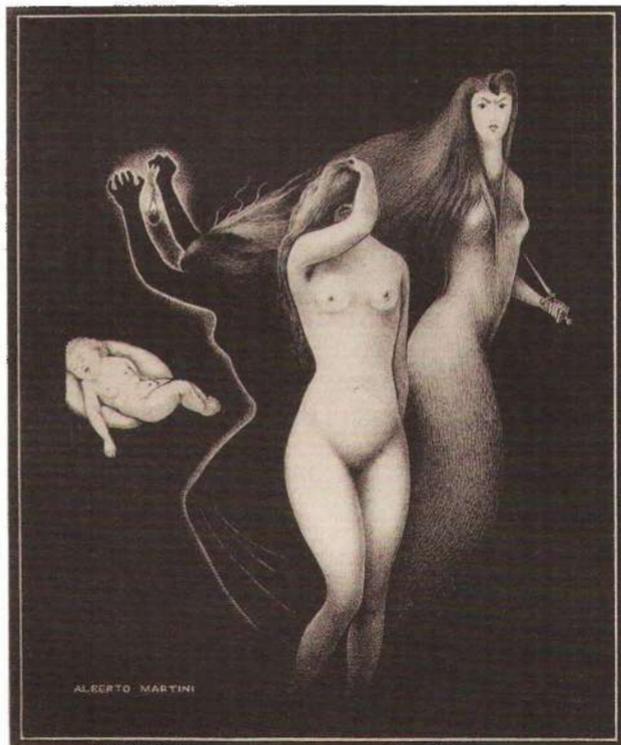

В подземной тюрьме
Иллюстрация
Альберто Мартини
к книге Валерия Брюсова
«Земная ось» (М., 1910)

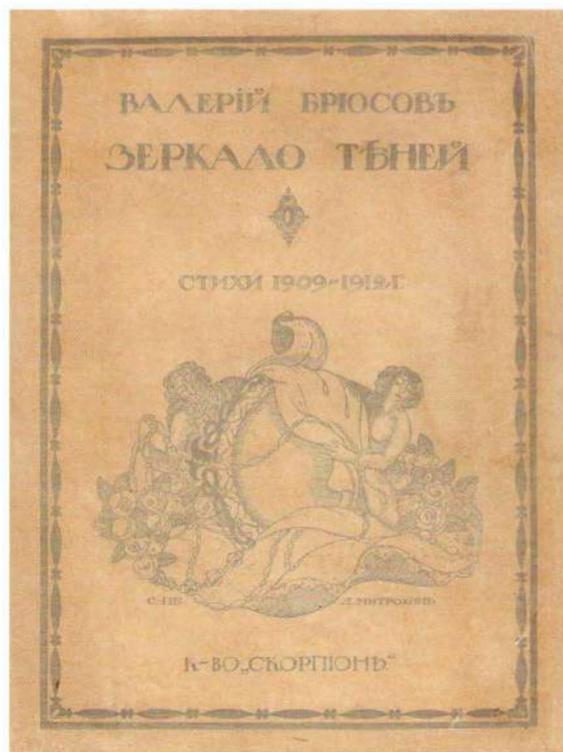

Земля
Иллюстрация Альберто Мартини
к книге Валерия Брюсова
«Земная ось» (М., 1910)

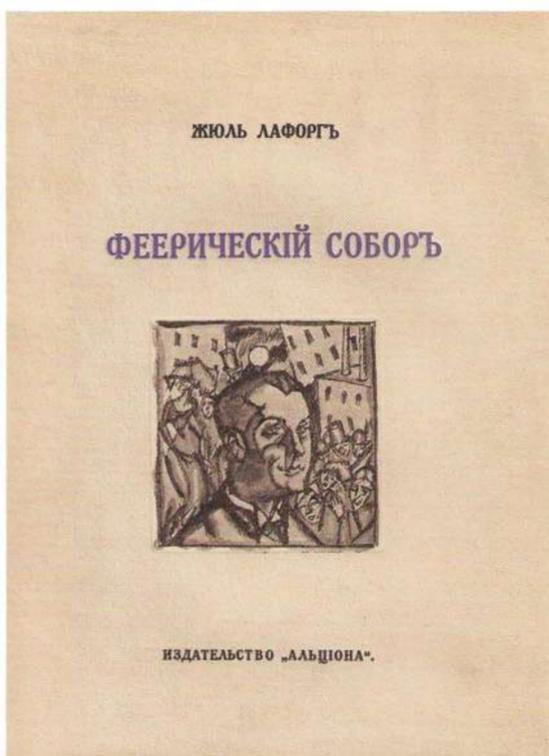
Сестры
Иллюстрация
Альберто Мартини
к книге Валерия Брюсова
«Земная ось» (М., 1910)

Последние мученики
Иллюстрация Альберто Мартини
к книге Валерия Брюсова
«Земная ось» (М., 1910)

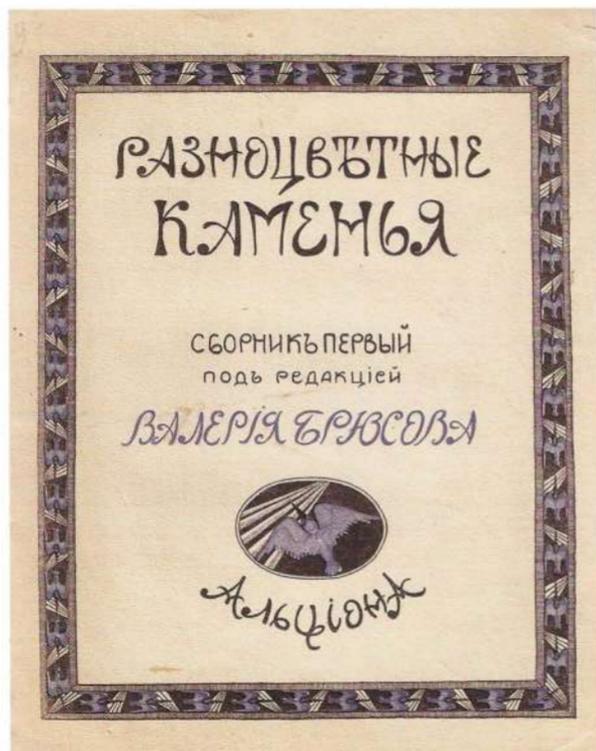
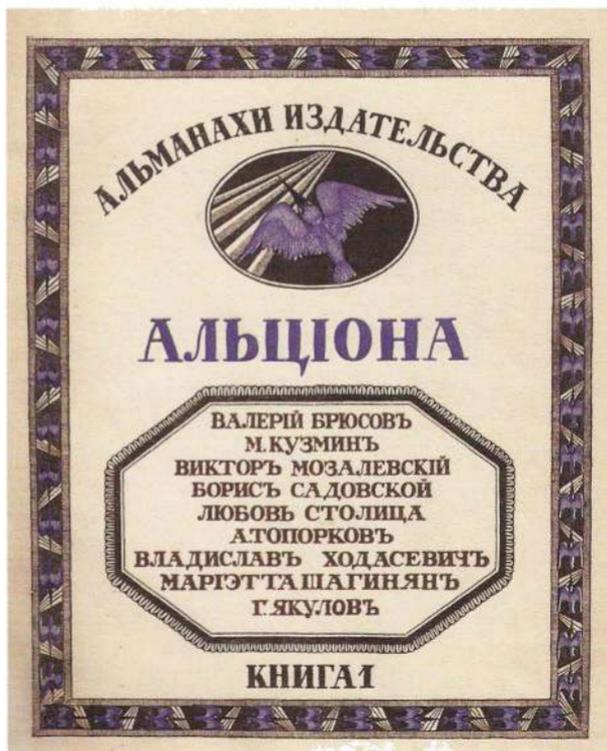

Книга Валерия Брюсова
«Зеркало теней» (М., 1912)
Обложка по рисунку
Д. И. Митрохина

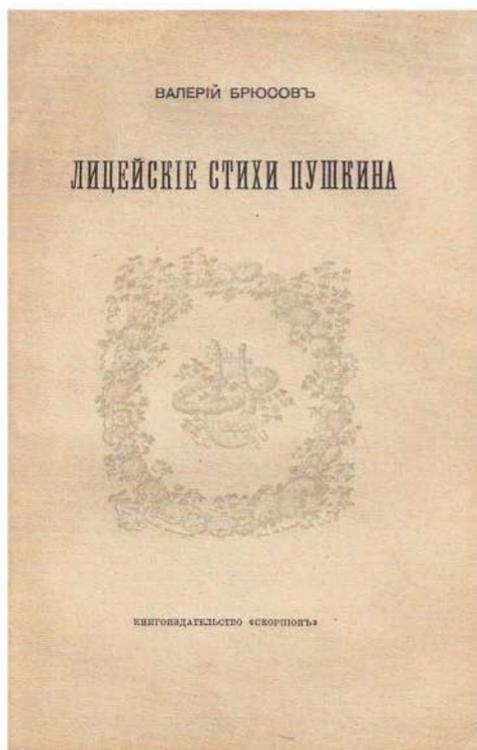

Книга Жюль Лафорта
«Феерический собор»
со вступительной статьей
Валерия Брюсова (М., 1914)
Обложка по рисунку
Л. В. Зака

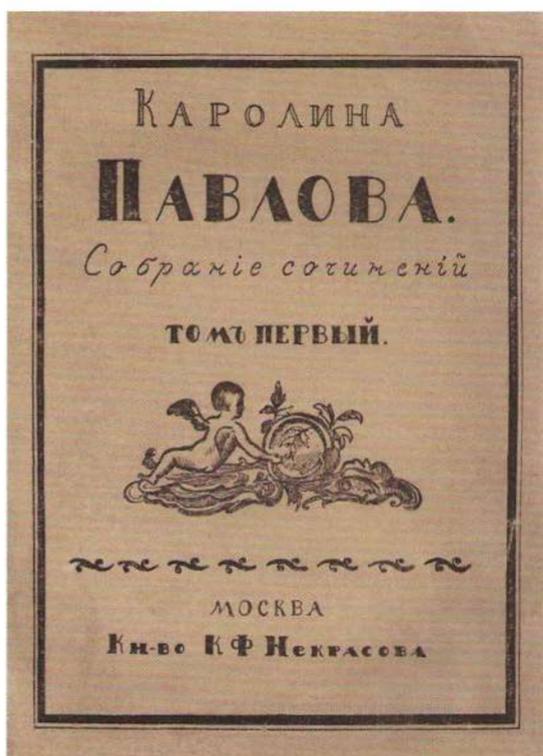
Первый вариант
альманаха «Альциона»
с публикацией рассказа
Валерия Брюсова
«После детского бала»
(М., 1914) (издание
конфисковано по
решению суда)
Обложка по рисунку
И. И. Мозалева

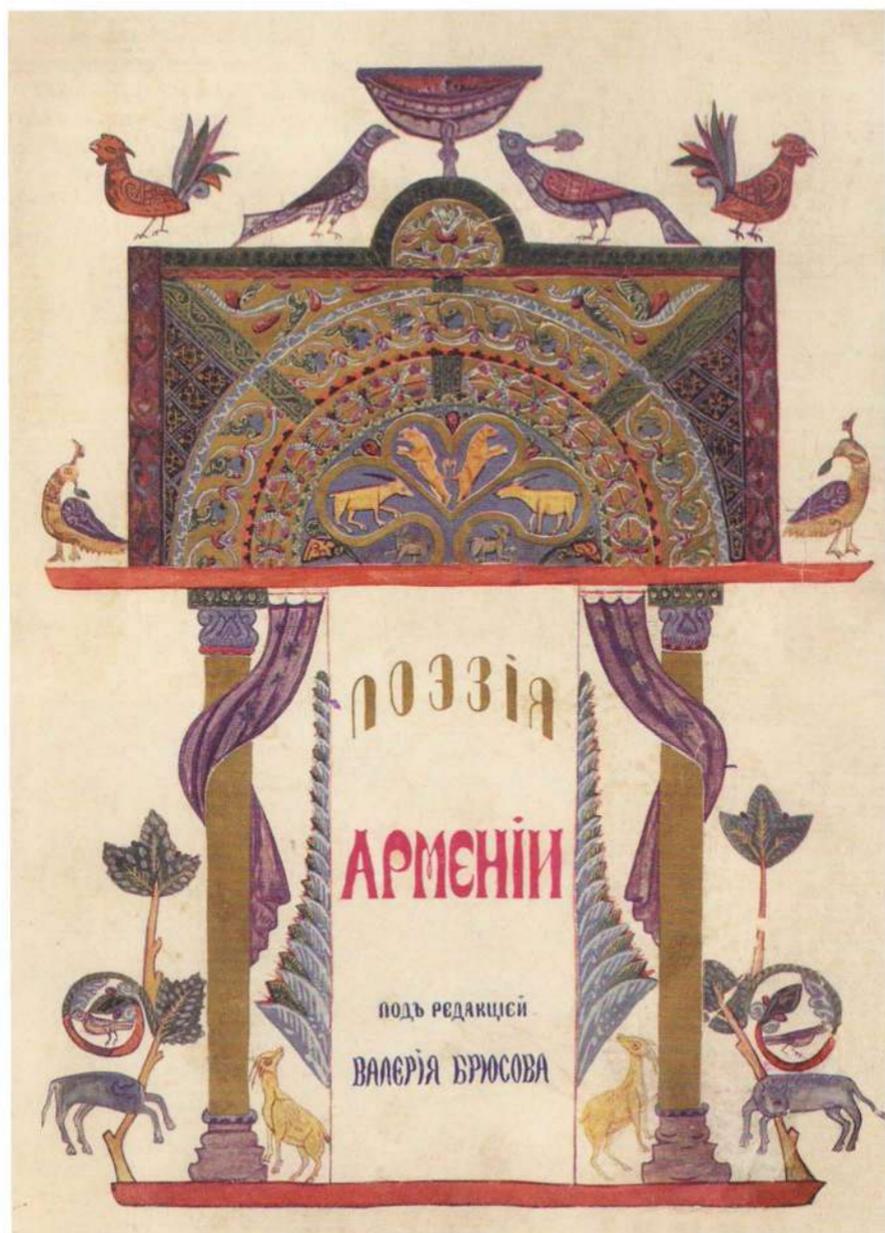
Сборник
«Разноцветные камни»
под редакцией
Валерия Брюсова
(М., 1914)
Обложка по рисунку
И. И. Мозалева

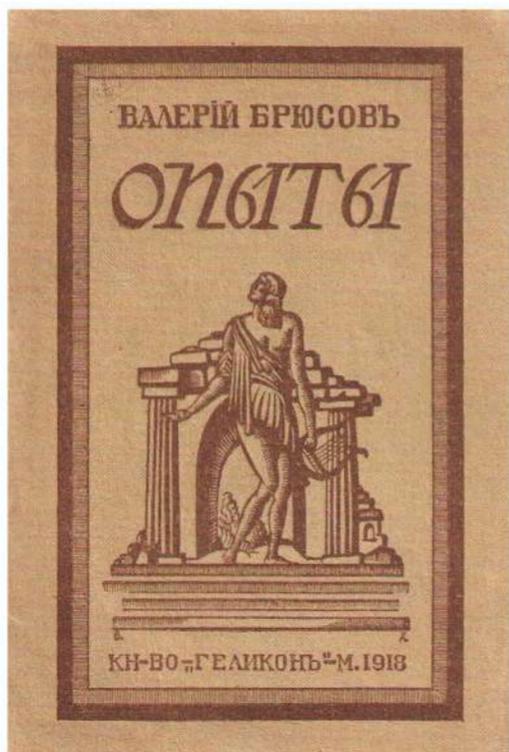
Книга Валерия Брюсова
«Лицейские стихи Пушкина»
(М., 1907)
Обложка

Первый том собрания
сочинений Каролины
Павловой под редакцией
Валерия Брюсова (М., 1915)
Обложка

Антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»
под редакцией Валерия Брюсова (М., 1916)
Обложка М. С. Сарьяна по мотивам армянской миниатюры XI в.

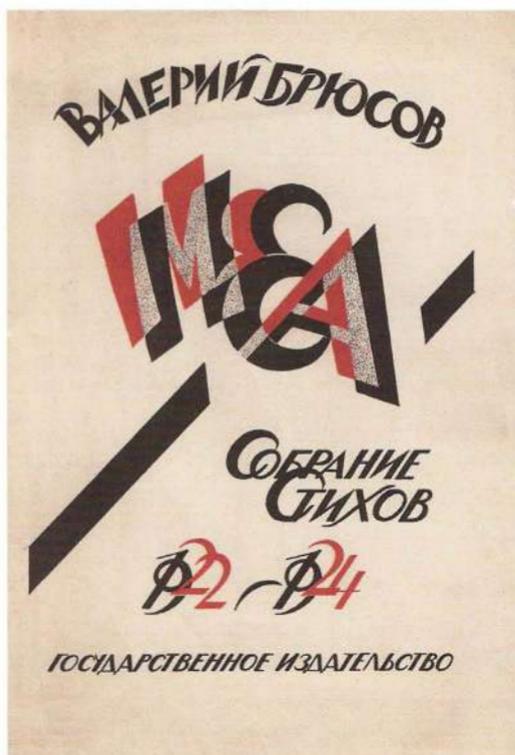
Книга Валерия Брюсова
«Опыты по метрике и ритмике,
по евфонии и созвучиям,
по строфике и формам»
(М., 1918)

Обложка по рисунку
В. М. Ходасевич
(предположительно)

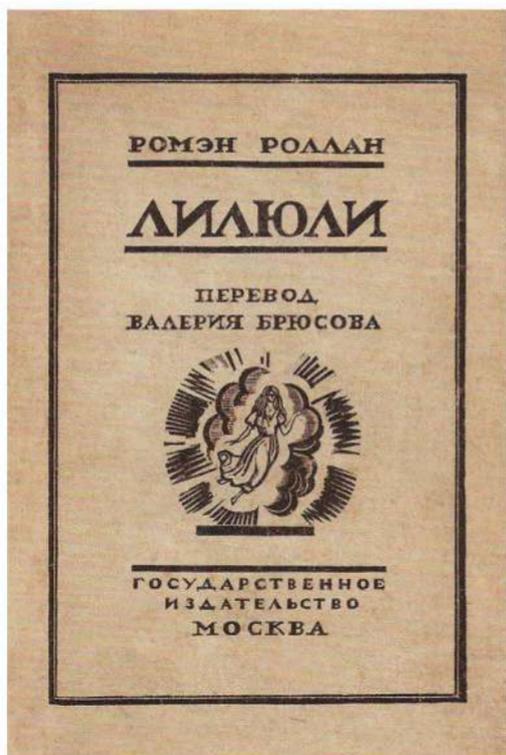
Книга Валерия Брюсова
«В такие дни» (М., 1921)
Обложка по рисунку
А. М. Арштама

Книга Валерия Брюсова
«Меа» (М., 1924)
Обложка

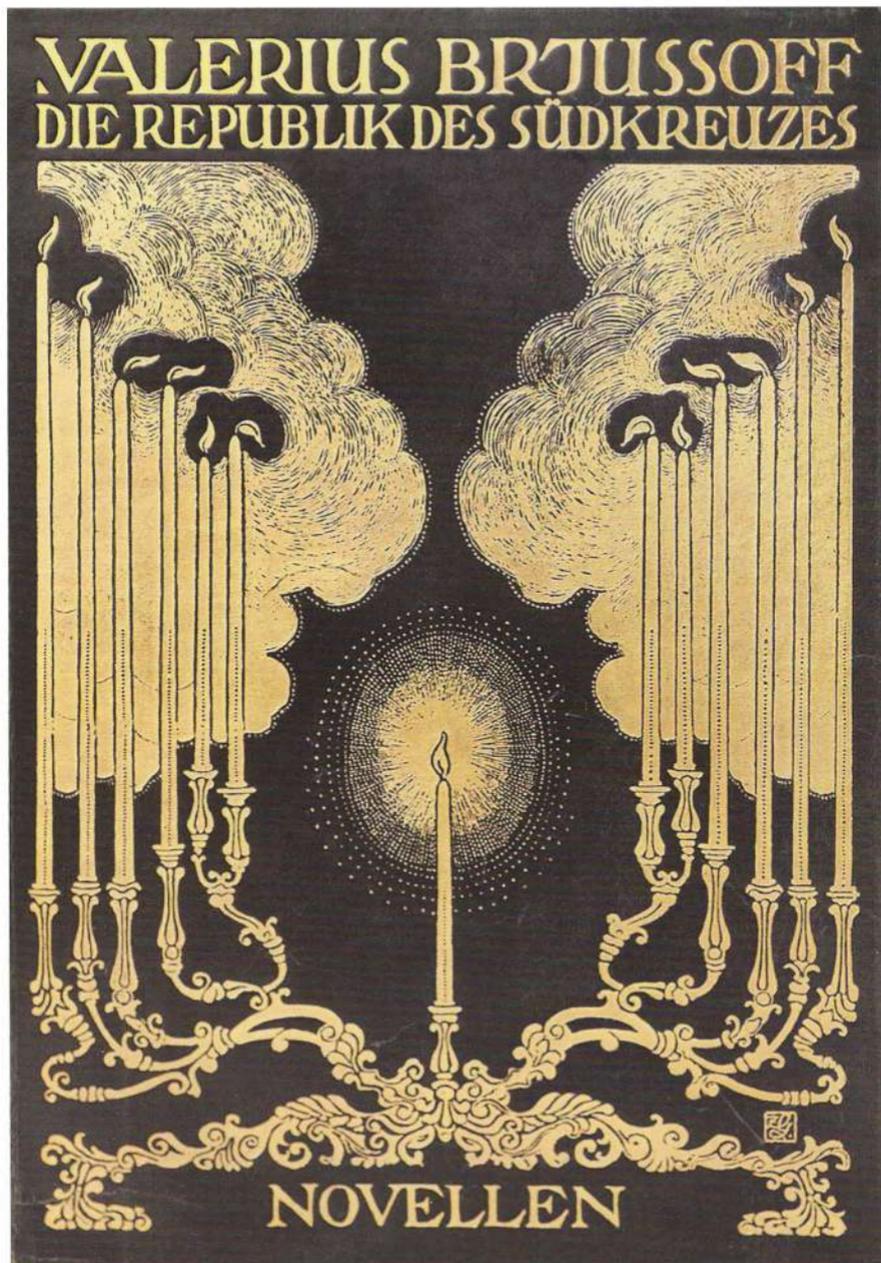
Книга Валерия Брюсова
«Кругозор» (М., 1922)
Обложка по рисунку
Н. Н. Вышеславцева

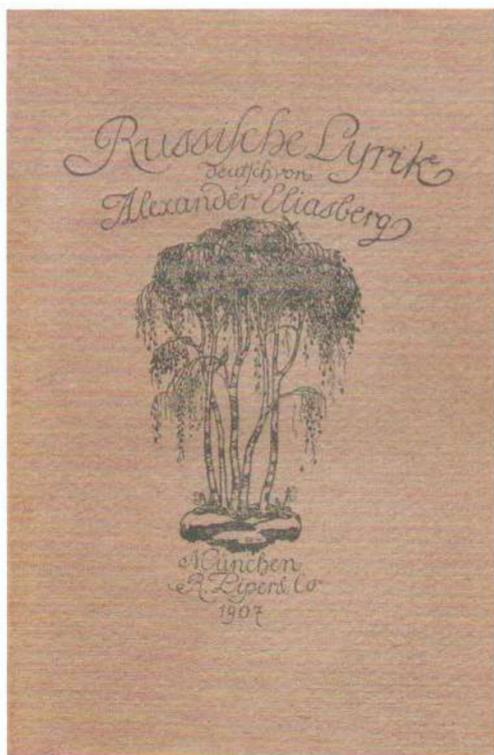
Книга Ромена Роллана
«Лилюли» в переводе
Валерия Брюсова (М., 1922)
*Обложка по рисунку
Н. Н. Купреянова*

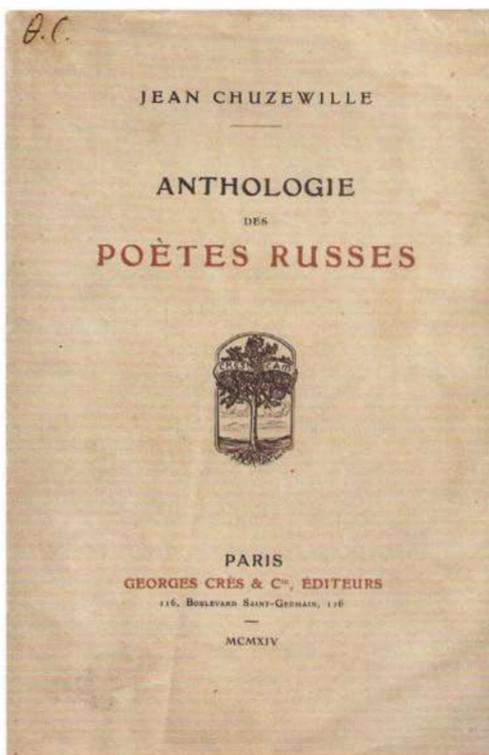
Книга Эмиля Верхарна
«Поэмы» в переводе
Валерия Брюсова (М., 1923)
Обложка по рисунку А. Н. Лео

Книга Валерия Брюсова «Республика Южного Креста»
в переводе на немецкий язык (Мюнхен, 1908)
Переплет по рисунку О. цу Готтмега

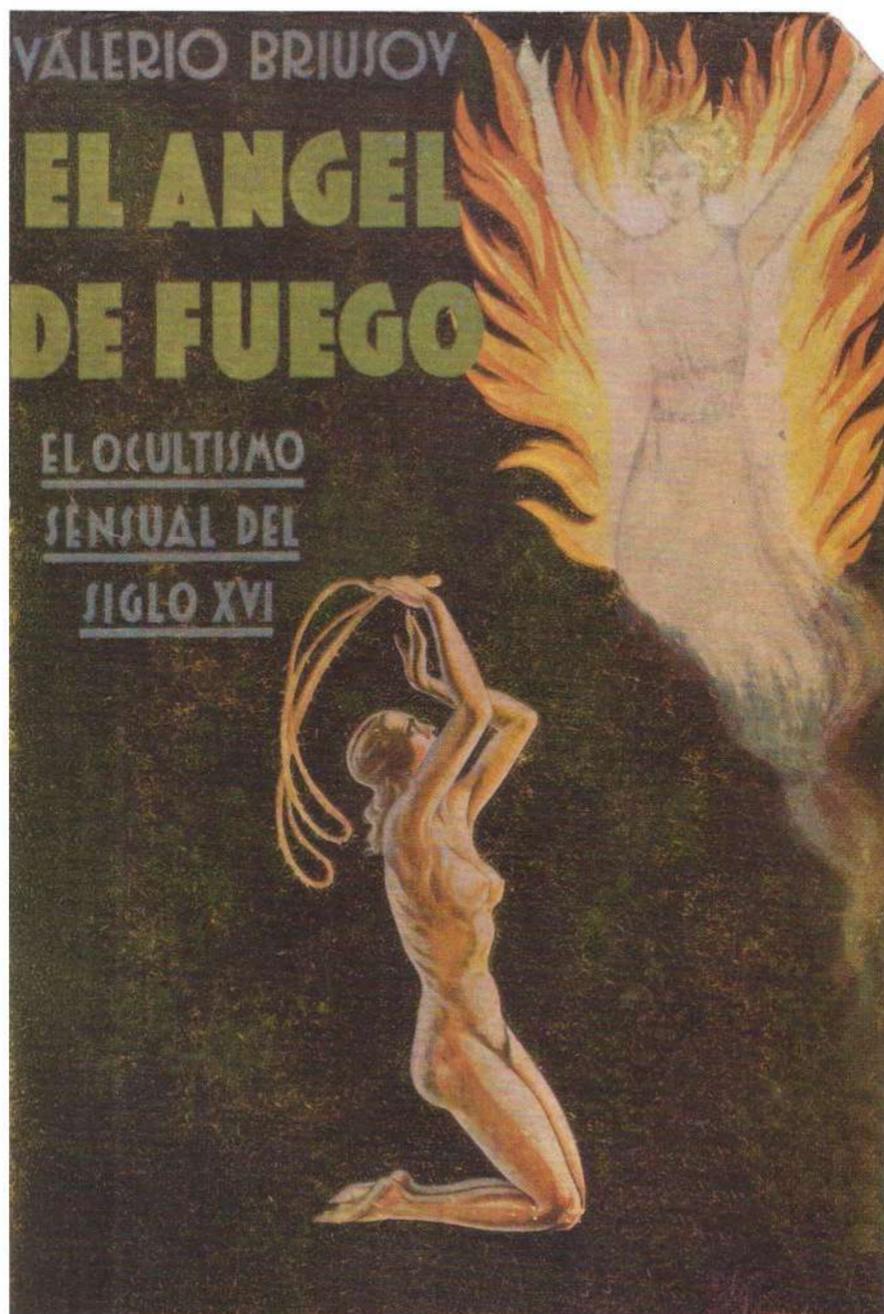

Антология «Современная
русская лирика»
Александра Элиасберга
в переводе на немецкий язык
(Мюнхен, 1907)
Обложка по рисунку
З. Н. Элиасберг-Васильевой

«Антология русской поэзии»
Жана Шюзевилля в переводе
на французский язык
с предисловием
Валерия Брюсова (Париж, 1914)
Обложка.

Экземпляр с владельческой пометой
Ф. Сологуба. ВЭМ

Роман Валерия Брюсова «Огненный ангел»
в переводе на испанский язык (Барселона, <1922>)

Обложка

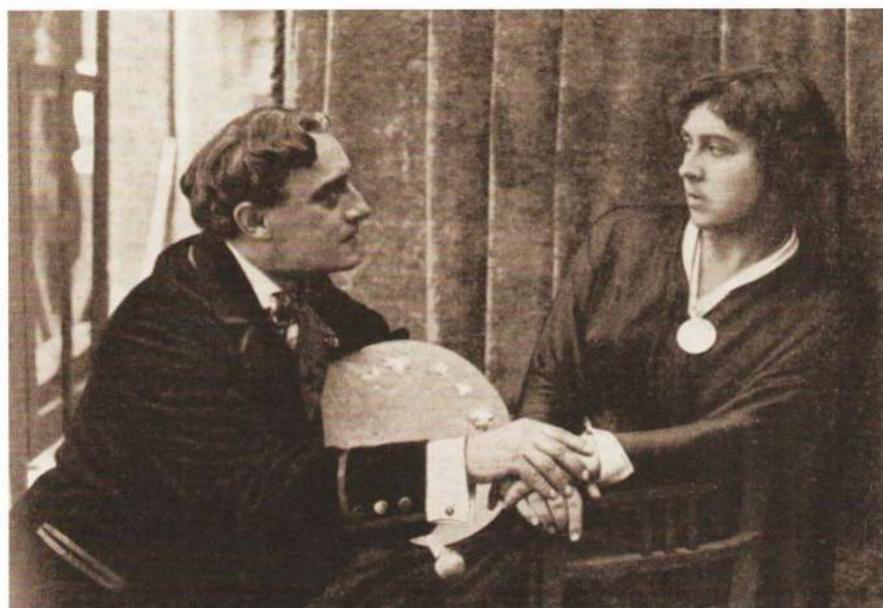

Эскиз программы к трагедии Жана Расина «Федра»
в переводе Валерия Брюсова. Постановка Александра Таирова.
Камерный театр. 1922
Рисунок А. А. Веснина. ГЦТМ

Костюм Федры
Эскиз работы А. А. Веснина.
ГЦТМ

Костюм Тезея
Эскиз работы А. А. Веснина.
ГЦТМ

Сцены из кинофильма «Жизнь в смерти» режиссера Евгения Бауэра
по сценарию Валерия Брюсова (кинофабрика А. А. Ханжонкова)
Фотографии из «Кинематографа» (М., 1914. № 13)
и «Вестника кинематографии» (М., 1914. № 93/13)

Валерий Брюсов на смертном одре
Рисунок Т. А. Мавриной. Октябрь 1924.
Собрание Б. Н. Романова

Гроб с телом Валерия Брюсова в его кабинете
9–10 октября 1924. ИРЛИ

Гроб с телом Валерия Брюсова в его кабинете
9–10 октября 1924. ИРЛИ

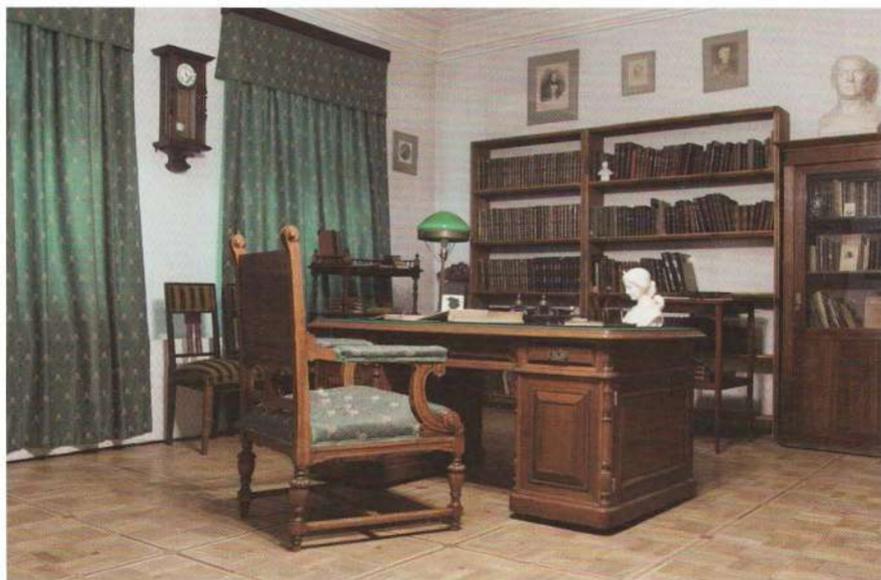
Вынос гроба с телом Валерия Брюсова
из здания Высшего литературно-художественного института.
На переднем плане Л. П. Гроссман, у гроба П. Н. Сакулин
12 октября 1924. ИРЛИ

Валерий Брюсов
Силуэт работы М. Медведовского. 1953

Иоанна Брюсова
Силуэт М. Медведовского. 16 февраля 1953

Кабинет Валерия Брюсова в доме № 30 на проспекте Мира
(ныне – Музей литературы Серебряного века)
Фотографии О. В. Андреевой. Ноябрь 2008

Надгробие Валерия Брюсова на Новодевичьем кладбище
Скульптор Н. А. Андреев. Открыто 9 октября 1926 года.
Фотография О. В. Андреевой. Октябрь 2008

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«ГРАДУ И МИРУ»

В «Скорпионе» Брюсов нашел достойное применение своим силам: «К редакторской работе и к типографским делам относился Валерий Яковлевич, как дети к самой любимой игре»*, — но не переставал мечтать о журнале, как и его собратья. «Меня тревожил и манил, — вспоминал Перцов, — призрак „своего“, новаторского журнала. Тот же призрак реял, само собою разумеется, перед духовным взором Мережковского и других „литературных изгнанников“, к числу которых принадлежали тогда все крупные и мелкие будущие светила едва возникавшего символизма. Еще в 1895 году мы с Мережковским составили проект издания небольшого, ежемесячного, чисто литературного журнала, листов на десять в книжке, — по образцу „*Messager de France*“ и тому подобных заграничных изданий. Этот тип был тогда, да так и остался, чуждым русской журналистике: политические интересы и все возрастающая политическая борьба настолько захватывали общественное внимание, что его уже не оставалось в достаточной степени на долю литературно-художественных и философских тем <...> Журнал предполагавшегося нами типа был заранее обречен на сравнительно узкий круг читателей, а следовательно, и материальную необеспеченность. Это последнее обстоятельство разрушало все наши планы»**.

«Северный вестник» прекратился в 1898 году из-за цензурных и финансовых трудностей, но еще раньше его «диктатор» Волынский разошелся с символистами. «Знамя» братьев Облеуховых оказалось эфемерным предприятием. В «идейные»

* Свидетельство И. М. Брюсовой: *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 213.

** *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. С. 162–163.

Валерий Брюсов
Начало 1900-х. ГЛМ

журналы, печатавшие Мережковского («Начало») и Бальмонта («Жизнь»), путь Брюсову был закрыт. Надежду подал Николай Филиппов, сын знаменитого московского булочника: в декабре 1900 года он известил Валерия Яковлевича, что намерен издавать журнал «Вега», и предложил вести в нем художественный отдел. «Я, конечно, удивляюсь, но соглашаюсь, — сообщил Брюсов Перцову. — Начинаю посещать редакционные субботы. Люди всё какие-то неведомые, юные, но при внимательном всматривании любопытные. *Не декаденты*. <...> Дела начнутся с осени; пока беседуют и пьют, кто скочи виски, кто греческую мастику»*. Видимо, к этому времени относится записка Филиппова Брюсову: «Мне кажется, что нечто роковое мешает нашим переговорам. Против ненависти высших сил едва ли мы будем в состоянии идти. Попытайтесь последний раз! И если наше свидание сегодня не удастся, то придется покориться и считать наш союз с вами невозможным, как бы он ни был желателен для нас»**. Журнал не состоялся, а сын булочника исчез

* Там же. С. 308 (примеч.).

** Цит. по: Молодяков В. Bibliophilica. М., 2008. С. 137–138.

из литературы, напомнив о себе лишь в 1918 году анонимно изданным томом графоманских стихов «Мой дар».

Первыми литературными журналами, приютившими Валерия Яковлевича, стали «Ежемесячные сочинения» и «Беседа» Ясинского. «Права голоса» он в них не имел — Ясинский делал журналы в одиночку, — но дорожил сотрудничеством с ними и добрым отношением редактора к «декадентским» стихам. «Благодарю за память обо мне, — писал Брюсов Иерониму Иеронимовичу 24 сентября 1903 года. — „Образ“* не был напечатан нигде, но входит в книгу моих стихов, которая появится в октябре („Urbi et ogbi“. — В. М.). <...> Сейчас, сегодня, у меня нет стихов, чтобы предложить Вам: я все включил в свою книгу. Но первые рифмы и размеры, которые сложатся у меня, будут Ваши, обещаю их Вам**». Обещание он сдержал: новые стихи появились уже в январском номере «Беседы» за 1904 год.

Не стал «своим» для Брюсова и «Мир искусства» Сергея Дягилева и Дмитрия Filosofova: «Цвет тончайшей культуры — настоящая „Александрия“ ума, вкуса и знаний — и, вместе, творческий порыв к общественному выражению этих данных», по характеристике Перцова. Здесь Брюсов мог рассчитывать на внимание и понимание, но не более: интересы «мирискусников» относились к художественной сфере, а созданный усилиями Filosofova, прежде всего для публикации книги Мережковского о Толстом и Достоевском, литературный отдел воспринимался как «журнал в журнале». «Эстеты» прохладно относились к «теоретизированию» и тем более к религиозно-философским исканиям. «Нужно признать, — отметил Перцов, — что литературная сторона была в сущности не нужна журналу, прямой задачей которого, весьма успешно им достигавшейся, было реформирование пластических искусств». «Мир искусства» печатал таких разных авторов, как Вл. Соловьев и Розанов, молодой философ Лев Шестов и «маститый» поэт и эссеист Сергей Андреевский, но осуждал «крайности декадентства». Поворот наметился только в 1901 году, когда он открыл свои страницы Брюсову: заказанный Дягилевым ответ на статью Андреевского «Вырождение рифмы» (№ 5) и «Мудрое дитя» (№ 8/9) — некролог Коневского, к которому при жизни редакция не благоволила. Дальнейшее сотрудничество не задалось из-за внутривредакционных разногласий, о которых Мережковский в декабре 1901 года говорил Брюсову: «Литературный отдел уже явно религиозный, а художественный еще чисто эстетический». Валерий Яковлевич опубликовал там несколько статей, принципиально важных как

* Перевод стихотворения Г. Д'Аннунцио: Беседа. 1903. № 11. С. 789.

** Собрание В. Э. Молодякова.

Журнал «Ежемесячные сочинения» (1903, № 4)
с публикацией стихотворений Валерия Брюсова
Обложка

для него самого, так и для «нового искусства» в целом: «Ненужная правда. (По поводу Московского художественного театра)» (1902, № 4), «Искусство или жизнь (К 10-летию со дня смерти Фета)» (1903, № 1/2)* и «Бальмонт» (1903, № 7/8) — о книге «Будем как солнце».

Пятого декабря 1901 года Мережковские приехали с «официальным визитом» в Москву. Формальной целью было выступление

* В основу статьи положен доклад, прочитанный в Литературно-художественном кружке 7 января 1903 года и неодобрительно встреченный публикой как «эстетский»: *Москвитянин* <Брюсов В. Я.> Фетовский вечер и фетовский скандал // *Новый путь*. 1903. № 2. С. 189–191.

Дмитрия Сергеевича с докладом о Толстом в Психологическом обществе. Брюсов через Юрия Бартенева хлопотал о разрешении*, поскольку цензура — после вынесенного в феврале 1901 года Святейшим Синодом определения об «отпадении» Толстого от церкви — стала запрещать публичное чтение дозволенных к печати текстов. Петербуржцы хотели наладить контакт со «скорпионами» и взять реванш перед московской публикой после нашумевших лекций Акима Волынского, с которым находились в острой вражде. Валерию Яковлевичу пришлось проявить осторожность, поскольку он, не сообщив Мережковским, взял у критика для «Северных цветов» статью «Современная русская поэзия» и согласился стать московским обозревателем газеты «Еженедельник» под фактической редакцией Волынского**.

Брюсов точно и выразительно описал эти события в дневнике, записи в котором делались теперь не чаще одного-двух раз в месяц. «Памятуются былые насмешки и поношения, с какими они встречали меня, я был осторожен, — но, напротив, гг. Мережковские были более чем любезны, наперерыв славяли мои стихи, читали свои, спорили, просили советов». Доклад успеха не имел: «профессорская Москва» не приняла и не поняла религиозные идеи Мережковского, которому возражали математик и философ Николай Бугаев (отец Андрея Белого), историк Владимир Герье и публицист-славянофил Сергей Шарапов. «Члены Психологического общества были почти все. Доклада не понял никто. Во время антракта все жаловались, что в докладе нет складу. <...> Спор вышел совсем нелепым, ибо говорили на разных языках», — резюмировал Брюсов, назвав общий ужин собравшихся «нелепейшим». «Сочетание было единственное, которому, конечно, не суждено повториться никогда более во всемирной истории, — иронизировал он в письме к Перцову, — Я как художник упивался зрелищем»***.

* Переписка Мережковских с Брюсовым началась с подготовки этого приезда: Переписка Э. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым / Публ. и подгот. текста М. В. Толмачева. Вступ. заметка и коммент. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 276–322 (1901–1903); 1996. № 7. С. 200–226 (1904–1906); Литературоведческий журнал // 2001. № 15. С. 124–260 (1906–1909); 2005. № 19. С. 165–257 (1910–1919). Письма, не включенные в эту публикацию: ЛН. Т. 85. С. 686–702 / Публ. А. Н. Дубовикова; *Лавров А. В.* Письма Андрея Белого и Валерия Брюсова в собрании Амхерстского центра русской культуры // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1996. М., 1998. С. 52–57. Далее цит. без сносок, с указанием автора и даты письма.

** Вышло всего 4 номера (январь 1902), и Брюсов ничего не успел в ней напечатать: Из переписки Валерия Брюсова и Акима Волынского / Вступ. заметка, публ. и примеч. М. В. Покачалова и Л. А. Сугай // *НБ*. С. 373–386.

*** *Брюсов В.* Письма к П. П. Перцову // *Русский современник*. 1924. № 4. С. 231.

Мережковские привыкли не столько слушать, сколько говорить. «С первых встреч „ошарашали“ они нас своим христианством. <...> Надо признать, — записал Брюсов их слова, — что Христос есть высшая индивидуальность и высшая объективность. Все прошлое мира было для него, стало быть, он вместил все бывшее в себе, и вместе с тем он высшая личность. Надо или признать Христа мессией и тогда стать христианином, или не признать, но тотчас объявить себя самого мессией. <...> Дмитрий Сергеевич вопиял против красоты, против декадентов». Тем не менее «прощались трогательно, чуть ли не со слезами, уговорились издать их стихи».

Главным делом Мережковских стали Религиозно-философские собрания «лиц светского и духовного образования в целях живого обмена мыслей по вопросам веры в историческом, философском и общественном освещении»*, иными словами — попытка диалога христианской интеллигенции с официальной церковью. В начале октября 1901 года они, при поддержке Розанова, Философова, издателя Виктора Миролюбова и синодального чиновника Валентина Тернавцева, добились от обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) разрешения на проведение таких собраний. Председателем стал ректор Духовной академии епископ Финляндский Сергей (Страгородский), а среди участников выделялись Перцов, Минский, публицист Михаил Меньшиков и доцент Духовной академии Антон Карташев. Особое значение Мережковские придавали публикации протоколов собраний, а потому хлопотали о разрешении журнала «Новый путь», целью которого было «доказать, что „религия“ и „реакция“ еще не синонимы».

Сами собрания не слишком интересовали Брюсова, но проект журнала не мог оставить его равнодушным. В начале февраля 1902 года он отправился в Петербург, где встретился со Случевским, Дягилевым, Ясинским, Розановым, Сологубом, Ореусом-отцом («Скорпион» решил издать собрание сочинений Коневского). Наиболее важными были беседы с Мережковскими и Перцовым. Побывал он и на Религиозно-философском собрании: «Большинство пришло сюда как на спектакль. Спорили о богословских вопросах, как в Византии. Модно. Я постигаю смак этого». Мережковский спросил Брюсова в упор, верует ли тот во Христа. «Когда вопрос поставлен так резко, я отвечал — нет. Он пришел в отчаяние».

Вопрос был задан неспроста: ему предшествовала интенсивная переписка «о главном» между Гиппиус и Брюсовым

* Новый путь. 1903. № 1. Хроника. С. 1 (отдельная пагинация).

(письма последнего сохранились только в черновиках, а в них он был более откровенен, чем в отправленных текстах*). Мережковские испытывали его: «Я говорила как с „сотаинником“ с вами», — писала Зинаида Николаевна 24 декабря 1901 года, вопрошая: «Отчего у вас так много страха в душе? <...> Бойтесь „Спасителя мира“, потому что вдруг окажется, что Атлантида не для вас опустилась на дно, а для него». Это ответ на тезис Брюсова: «Если Христос — то спаситель мира, а не один из великих посвященных <...> Христос как завершитель всех веков, что до него, и начало всего, что после. А я не могу принять, что и Атлантида, опустившаяся на дно океана, была для него же». «Мои слова не убедят вас, — сокрушалась Гиппиус 11 января 1902 года, — ничего не дадут вам теперь; но я надеюсь на вашу душу».

В начале марта Брюсов снова попытался объяснить Гиппиус разницу их позиций: «От моих взглядов гораздо ближе, чем от всяких других, к вашему: искусство должно стать религиозным. Я, пожалуй, мог бы даже принять эту формулу. Только это было бы „нечестно“, ибо я под *религиозным* разумел бы иное, чем вы. Вы не отличаете религии от христианства. <...> Я же не только не могу мыслить так, но даже не могу ясно вообразить, как *так* мыслить. То есть как свои убеждения считать непреложными, и последними, и по существу истинными». Мережковские требовали не просто ответа на вопрос «Какое веруешь?», но полного согласия. Брюсов не только не разделял их убеждений, но и не собирался терпеть посягательства на свою духовную свободу. Об этом — стихотворение, написанное в декабре 1901 года и адресованное Зинаиде Николаевне:

Неколебимой истине
 Не верю я давно,
 И все моря, все пристани
 Люблю, люблю равно.
 Хочу, чтоб всюду плавала
 Свободная ладья,
 И Господа и Дьявола
 Хочу прославить я.

* «Порой они (черновики. — В. М.) написаны так тщательно, что недоумеваешь — черновик это или собственноручно скопированное письмо или письмо неотправленное? Их варианты часто очень близки друг к другу, порою же значительно расходятся, и, не имея оригинала письма, отправленного адресату, или его ответа, затрудняешься решить, какой текст читал адресат»: *Конишина Е. Н.* Переписка и документы В. Я. Брюсова в его архиве // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 27. М., 1965. С. 7.

Зинаида Гиппиус
Фотография О. Ренар. Москва. 1904

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

Что это? Проповедь теории множественности равноправных истин? Апология беспринципности? Признание в религиозной индифферентности? Требование уважать «безумную прихоть певца»? Об этом тексте много спорили, но лишь переписка с Гиппиус дает необходимый контекст для понимания его истинного смысла: автор отстаивал свою свободу, духовную и творческую. «Прославить для Брюсова – вылепить в слове», – афористически заметил Андрей Белый*. Можно увидеть здесь и портрет адресата. Конечно, в религиозном, духовном плане Гиппиус Господа с Дьяволом не путала, но в литературном и житейском отношении сказанное вполне применимо к ней. «Если скажут, что я декадентствующая христианка, что я в белом платье** езжу на раут к Господу Богу – это будет правда, – говорила она Брюсову в феврале 1902 года. – Но если скажут, что я искренна, – это тоже будет правда».

Письма из Петербурга заставили Валерия Яковлевича глубже задуматься о христианстве. Критикуя догматизм своей корреспондентки, он признал: «Когда говорили о христианстве, я по утомительной привычке вспоминал о его морали – о кротости, милосердии, непротивлении, любви. <...> Но христианство как учение о судьбах вселенной, о тайнах мироустройства, о последних тайнах души, космическое христианство, – да, это не то, о чем я говорил. Если я и не верую еще, то хочу узнать и ищу узнать. Я понимаю теперь, что вы ищете и почему можете искать истины здесь. А прежде не понимал. Вижу теперь, что есть живое в христианстве, а прежде видел только окостенелость и прах» (начало марта 1902 года). 11 марта Гиппиус отметила сдвиг в его позиции: «Это отличное определение, ясное: именно космическое христианство, а не моральное. И привычка сейчас же говорить о моральном – воистину утомительна», – но продолжала настаивать: «Мораль христианства – самая загадочная вещь на свете <...> Когда мы поймем космическое значение христианства, тогда сама откроется и „мораль“». Для Брюсова, находившегося под влиянием Шопенгауэра и Ницше, такой подход был непродуктивен, хотя он не отказывался от диалога:

* Белый А. Начало века. М., 1990. С. 189.

** Пристрастие Гиппиус к белым платьям было общеизвестно: в них она появлялась на Религиозно-философских собраниях к смущению духовенства, недовольству «синодальных персон» и на радость публике.

«Я всегда подходил к Христу только со стороны подставляемой ланиты, и мне он был скучен. Я так привык, что умиляются в нем на человека, что забыл, что он — Бог. И теперь я увидел иную глупину христианства, в котором вся его мораль, вся эта прощающая любовь зыблется, как тростинка над пучиной. Тогда открывается прельстительность христианства, как всякой бездны, как всякой стремнины, над которой кружится голова»*.

Гиппиус поняла, что «сотаинника» из Брюсова не выйдет. Это определило их дальнейшие отношения, в которых доминировали сугубо литературные интересы. Поэтому один из главных выводов ее злых воспоминаний верен: «Между нами никогда не было ни дружбы, в настоящем смысле слова, ни внутренней близости. Видимость, тень всего этого — была»**.

Мережковские между тем нуждались не только в «сотаинниках», но и в сотрудниках. В конце января 1902 года Брюсов сообщал Бальмонту о выходе «с весны» «Нового пути»: «Мне поручено просить у Вас всего — много стихов, статей, переводов, заметок — всего, что есть и может стать сущим. И скоро. Ибо они хотят к Пасхе выпустить 1-ую книгу. Впрочем, в эту поспешность я не верю... Будут печататься там протоколы религиозно-философского общества (Вы о нем всё знаете?), статьи о католичестве, Синоде, пресуществлении и т. д., много стихов, мало рассказов, очень много статей. Распоряжаться и деспотствовать будет Мережковский»***.

Скепсис относительно скорого начала был оправдан: у журнала не было ни разрешения, ни спонсоров, кроме Перцова и московской меценатки Евгении Образцовой****, ни субсидий, несмотря на попытки заинтересовать проектом Синод. Надежды возлагались на подписку, но Брюсов резонно писал намеченному в редакторы Перцову: «Ни Вы, ни Мережковские, никто из нас не сумеет издавать журнала на 3000 подписчиков. В области чистой литературы, нам, ценителям стихов Зинаиды Николаевны, долго еще быть в великом меньшинстве. Стало быть, вся надежда на религиозное движение в обществе, но

* Письмо Перцову (не позднее 26 марта 1902): Валерий Брюсов и «Новый путь» / Публ. <и предисл.> Д. Максимова // ЛН. Т. 27/28. С. 282.

** Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. С. 252.

*** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 117.

**** Интимный друг Мережковского, которому она дала в долг 3000 руб. Знакомая Брюсова, с лета 1902 года избравшая его «наперсником своих тайн» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 64); упомянута в «донжуанском списке» с датой «1904-1905» (ИМЖ. С. 223). 4 сентября 1912 года писала Брюсову, с помощью которого пыталась вернуть долг: «Очевидно, они желают мои деньги зажилить или, того хуже, считают это платой за любовь. В таком случае — дешевая любовь была. Деньги мной были даны на издание книг обоих супругов»: *Белый А. Начало века. С. 680 (примеч.)*.

Венеция
Открытка начала XX в.

оно существенно *не журнально*. Нет привычки удовлетворять свой религиозный голод через журнал, и не нам создать эту практику. <...> „Новый путь“ должен быть аристократичен, долго, может быть, лет пять-шесть, пока в среде этой самой аристократии не наберется 3 000 подписчиков. Это будет неизбежно. И надо, чтобы к тому времени у нас был журнал с надписью „издания год шестой“*. Сказанное интересно тем, что шесть лет просуществовали «аристократические» «Весы», а не державшийся на провинциальной подписке «Новый путь»: он набрал две с половиной тысячи подписчиков, но выходил всего два года.

Из-за отсутствия определенности дело застопорилось. 5 мая Брюсов с женой и сестрой Надеждой уехал на два месяца в Италию, откуда периодически посылал корреспонденции в «Русский листок». «Вся прелесть Венеции в своеобразии самого города, в жизни его каналов, — писал он. — Правда, многое из того, что прежде имело смысл, стало теперь игрушкой, которой тешат приезжих. <...> Подлинная Венеция прячется в какие-то углы на время сезона. <...> Но больше нигде в мире нет города без шума городской езды, совсем без пыли, с площадями, подобными комнатам большого дома, с узкими улицами,

* ЛН. Т. 27/28. С. 281.

на которых не могут разойтись два зонтика, с церквями, сплошь выложенными разноцветными мраморами, с крохотными магазинами, похожими на ящички. В Венеции прежде дорожили местом; все в ней мелко, но отделано как миниатюра. Венецианцы славились как мозаисты, и весь их город — как большая мозаика: каждая подробность закончена с любовью. После нее даже Флоренция кажется грубой и тяжелой*». «Всего более по сердцу пришлось мне Венеция, — записывал он по возвращении. — <...> При всей своей базарности Венеция *не может* стать пошлой. И потом: это город ненужный более, бесполезный, и в этом прелесть. <...> Прекрасно в нем деление на две части: город для всего грязного, это город каналов; город для людей, — это улицы. Мечта Леонардо!». В русском мифе о Венеции эта страница не должна быть забыта.

По возвращении он узнал, что «Новый путь» разрешен: Перцова принял министр внутренних дел Вячеслав Плевел, который «задал ряд хитрых вопросов, быстрых, как на следствии, дурно отозвался о „Мире искусства“ и о Розанове, хорошо о Мережковском». Брюсову предложили пост секретаря редакции. Он охотно взялся за дело (переписка с Перцовым наполнилась техническими деталями оформления и верстки), отказался, как все ближайшие сотрудники, от гонораров, но в октябре с удивлением обнаружил отсутствие своего имени в рекламных объявлениях. Перцов объяснил это боязнью отпугнуть провинциальных подписчиков участием «декадента». Брюсов, пребывавший в дурном настроении и разошедшийся с «Русским архивом» и «Русским листком», был раздражен и обижен такой бестактностью: «Я просто не верю Вашей отговорке. У меня есть *свои* читатели. Если две сотни бюргеров откажутся от подписки ради страха моего имени, то другие сотни будут читать журнал только ради меня. <...> Неужели Вы хотите начинать „Новый путь“ полухитростями и полуложью, хотя бы пред газетами? Чем же он будет отличаться от старых путей?»**

Соглашаясь работать в журнале, Брюсов предупредил, что из-за недостатка денег не сможет переселиться в Петербург, но готов часто ездить туда. Постепенно энтузиазм убывал, хотя 12 ноября в столице Мережковские приняли его «как ни в чем не бывало, как старого друга», а Перцов представлял Валерия Яковлевича как секретаря редакции: «Видимо, хотят меня заставить согласиться с совершившимся фактом». В обычном вихре встреч, кроме знакомых имен — Случевский, Сологуб, Философов,

* Частично перепеч.: Советские писатели об Италии. М., 1986. С. 41–45.

** ЛН. Т. 27/28. С. 284–285.

Лохвицкая, — появляются новые: знаток французской поэзии Сергей Рафалович, социолог Владимир Святловский, переводчик Пшибышевского Михаил Семенов и, наконец, жена Минского — поэтесса Людмила Вилькина, коллекционировавшая знаменитых поклонников и их письма с пылкими признаниями.

Людмила Николаевна принялась усиленно «соблазнять» московского гостя. На один день они уединились в финском пансионе, «но только целовались», как сказано в дневнике Брюсова. Вилькина рассказала об этом мужу. Брюсов написал стихотворение «Лесная дева» и неосторожно сообщил об «ухаживаниях» оставшейся в Москве жене, чем встревожил ее. Огорчать Иоанну Матвеевну он не хотел, а потому обратился к ее сестре Марии, которой очень доверял: «Жанна на меня что-то очень сердится. Подите к ней. Успокойте ее. Уверьте ее, что я ее очень люблю. Ведь оно так и есть. Она мне жена, самая настоящая, самая желанная, и иной я не хочу на всю жизнь. Вы мне брались быть другом. Будьте. Я неосторожно описывал ей, как ухаживал здесь за г-жой Минской. Только потому и описывал, что для меня это было забавой. Я никогда, например, не сказал бы ей (и не говорил) о том вечере, на берегу озера, в Петровском-Разумовском*, не сказал бы о том, как всегда, когда я вижу Вас, мне хочется Вас ласкать, — потому не сказал бы, что это из души, от сердца, что в этом есть обида ей, есть измена. А во всех моих ухаживаниях за Минской и Образцовой ничего нет <...> Если б даже я был возлюбленным г-жи Минской (чего вовсе нет и не будет), и тогда это не было бы изменой. Ах, почему для женщин это не ясно»**.

Тем не менее «грехопадение» произошло — во второй половине января 1903 года, когда Брюсов в очередной раз приехал в Петербург по делам «Нового пути» и встретился с Вилькиной. Этому предшествовал обмен письмами в духе дружеской литературной болтовни, которая продолжалась и позже, порой перемежаясь двусмысленными намеками. Но, как отметили публикаторы их переписки, «со стороны Брюсова это увлечение было непродолжительным, и он не раз пытался в письмах к Вилькиной указать на временную и психологическую дистанцию, отделившую бывшего рыцаря „лесной девы“ от него же самого, находящегося уже во власти новых переживаний»***.

* Намек на их краткую любовную связь летом 1901 года.

** Валерий Брюсов и Людмила Вилькина: Переписка / Подгот. текста А. Н. Демьяновой, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова. Публ. и коммент. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лица: Биографический альманах. 10. СПб., 2004. С. 279-407 (цит. с. 286-287).

*** Там же. С. 288.

Остатки прежней дружбы исчезли после сухого отзыва Брюсова о единственной книге стихов Вилькиной «Мой сад» (1906), по поводу которого Валерий Яковлевич писал Корнею Чуковскому: «Должен же был кто-нибудь откровенно заявить, что она как поэт — бездарность (и очень характерная, очень совершенная бездарность)*». В этом переплетении личного с литературным он выбрал второе, хотя и включил Вилькину под именем «Лила» в «Роковой ряд».

В итоге Брюсов отказался от секретарства в «Новом пути», оставшись «ближайшим сотрудником». В первой книге журнала, вышедшей в канун нового 1903 года, появились три его рецензии за подписью «Аврелий» (анаграмма имени «Валерий», которую он использовал в «Русском листке»), заметка о Пушкине под инициалом «А.» и... политическое обозрение «В эту минуту истории», подписанное «Вал. Бр.». «Политическое обозрение я напишу, — сообщал он Перцову в начале октября. — Но ведь, конечно, Вы не ждете изложения фактов или проповеди политических учений? Напишу *sub specie aeternitatis***», как о миге вселенской истории». Однако Петр Петрович ждал конкретики: «Как „обозрение“? Что, если бы щелкнуть мимоходом наш теперешний „миг“ (в наружной политике) и этого „ныне неблагополучно царствующего“? Тут возможна вариация на тему: „глупому сыну (не в помощь богатство. — В. М.)...“ — Параллель престижа, оставленного в наследство папашей, и растерянности сынка. „Упущение“ Кореи, Малой Азии, Персии, Манджурии (так! — В. М.)...»*** Опасаясь цензурных затруднений, Брюсов воздержался от критики правительства и тем более Николая II, но отголоски цитируемого письма в статье есть.

В позднейшей «Автобиографии» Валерий Яковлевич утверждал, что «воспоминания об этой работе относятся к числу особенно неприятных изо всего моего прошлого. Прежде всего, я вовсе был не подготовлен для такой работы, взялся же за нее по юношеской самонадеянности, воображающей, что она может „всё“. Далее, то направление, в каком я должен был вести обозрения, было мне заранее предписано редактором-издателем П. П. Перцовым <...> Несмотря на „монархический“ дух моих обозрений (политическим идеалом „Нового пути“ была теократия), цензура немилосердно искажала их, и за несколько

* Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958. С. 346.

** С точки зрения вечности (лат.).

*** «Вперед! — еще много порубленных саблями...» Закат империи: взгляд «справа» / Предисл., публ. и коммент. С. Сергеева // Независимая газета. Приложение «Хранить вечно». 2000. № 1. 29 апр. С. 12–13; письма Перцова далее цит. по этой публикации.

статей я решительно не могу нести ответственности <...> Наконец, то были именно годы (1903–1904), когда я начинал чувствовать всю неправду моего бравурного пренебрежения к русскому либерализму, пренебрежения, выросшего преимущественно из чувства протеста ко всему „признанному“, укоренившемуся (а в той среде, где я жил, либеральные идеи, разумеется, были „священными заветами“, на которые никто не смел посягать). По счастью, эти мои „обозрения“ скоро прекратились».

Значит ли это, что политические статьи Брюсова недостойны внимания? Чтение их убеждает: нет. Более того, не все в приведенной цитате следует принимать на веру. Во-первых, в обозрениях видна вовсе не «юношеская самонадеянность», но хорошее знание текущей мировой политики, умение проводить убедительные исторические аналогии и давать верные прогнозы. Во-вторых, линия журнала определялась не «правым» Перцовым, а «левыми» Мережковскими, взявшимися за реабилитацию «шестидесятничества». Перцов не столько «предписывал» Брюсову, сколько сглаживал его конфликты с тройной цензурой — либеральной редакционной, косной официальной и еще более косной духовной, которой «Новый путь» подлежал как издание, пишущее на религиозные темы. Что касается либерализма, то Брюсов явно играл словами. Что считать «средой», в которой он жил? Семью? Но там господствовали радикальные материалисты Писарев и Молешот, которых либеральные вожди не признали бы «своими». Декадентов? Они открыто презирали «общественность» и гордились этим презрением. Круг Религиозно-философских собраний? Там Брюсов никогда не был «своим». Московский литературно-художественный кружок, «столпов» которого (вот уж были либералы!) он в январе 1903 года шокировал докладом о Фете? Как верно отметила М. И. Дикман, «враждебность, неприязнь, презрение к либералам, нарочитый их эпатаж — характерны для Брюсова 900-х годов»*. Так что его позднейшими суждениями о своих политических обозрениях можно пренебречь. Гораздо важнее, каких политических взглядов он придерживался.

Осознанный интерес к мировой политике проявился у Брюсова в конце XIX века (главным собеседником был отец), но в рамках старых схем его воззрений не понять. Нужны иные термины, чтобы объяснить, например, такой фрагмент письма к Самыгину (октябрь 1899): «Война Англии с бурами — событие первостепенной исторической важности и для нас, для России, величайшего значения. Только, конечно, наши политики

* СС. Т. I. С. 634 (примеч.).

медлят и колеблются и забывают, что рано или поздно нам все равно предстоит с ней великая борьба на Востоке, борьба не только двух государств, но и двух начал, все тех же, борющихся уже много веков. Мне до мучительности ясны события будущих столетий»*. У Брюсова сложилось понимание всемирной истории как борьбы того, что позднее было названо в геополитике «евразийством» и «атлантизмом»: Россия и Англия выступали не только как противоборствующие мировые державы, чьи интересы сталкивались во многих регионах сразу, но и как представители враждующих геополитических ориентаций — континентальных и морских сил, Суши и Моря. Англо-бурская война 1899–1900 годов, антиевропейское «боксерское восстание» (восстание ихэтуаней) в Китае в 1900 году, эсхатологические пророчества «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Вл. Соловьева — в такое время и на таком фоне политические события начинают все чаще появляться в письмах, записях и разговорах Брюсова и проникать в его стихи. Поэтому согласие стать политическим обозревателем «Нового пути» не было случайным.

В общем политические взгляды Брюсова того времени можно определить как империализм, паневропеизм (и панславизм как его часть) и антидемократизм, точнее, «антиохлократизм». Как империалист он приветствовал территориальную экспансию развитых стран, оценивая ее по одному критерию — угрожает это государственным интересам России или нет. Как паневропеист он уже в первой «новопутейской» статье отказывал Турции в праве быть европейской и «цивилизованной» державой и не раз критиковал протурецкую и антиславянскую политику кайзера Вильгельма II, усматривая в ней измену общеевропейскому единству. Как критик парламентской демократии в ее европейском варианте он предвидел опасность социализма — разрушительной, а не созидательной силы, идущей к власти самым что ни на есть законным путем. Если статьи о папстве и антиклерикальном законодательстве французских радикалов «трепала» духовная цензура, то отклик на электоральные успехи германских социал-демократов оказался неприемлем для редакции. «Мережковские склонны отвергать мою статью, *не читая*, — возмущенно писал Брюсов Перцову 2 августа 1903 года. — <...> Решил твердо политик (политических обозрений. — В. М.) более для „Нового пути“ не писать»**. «Несомненно, что мои „политики“ никогда не попадут в тон „Нового пути“, — заявил он тому же Петру Петровичу

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 400. Повторено в письме Станюковичу: ЛН. Т. 85. С. 748.

** ЛН. Т. 27/28. С. 295.

пятью днями ранее. — Я смею думать, что предан „свободе“ (и политической?) не меньше Мережковских с Егоровым*, и во всяком случае не меньше их и всех либералов и редакторов вместе желаю преоборота и даже переворота, но только не для того, чтобы перестроить Русь на западный образец, а чтобы и на Западе уничтожить все эти опостылевшие образы. Таков смысл всех моих политик. Если это ретроградно, я смиряюсь. <...> Я лучше пойду грибы собирать, благо они у нас объявились**.

В сказанном заметно ощущается разочарование — не столько в себе как в политическом комментаторе, сколько в аудитории, не способной или не готовой понимать его суждения. А ведь речь шла о людях, близких если не духовно, то, по крайней мере, литературно и социально. Отвечая в феврале 1901 года Горькому, который призвал его присоединиться к протесту против отдачи участников студенческих волнений в солдаты, Брюсов писал: «Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а условия, их создавшие. Не студенты, отданные в солдаты, а весь строй нашей жизни, всей жизни. Его я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты о днях, когда это будет сокрушено***. В этом можно усмотреть позерство «декадента», еще недавно восклицавшего: «Родину я ненавижу!». А можно трезвое понимание язв современного общества, развитое в заметке о смертной казни (март 1906): «Не вижу причин, зачем начинать с отмены смертной казни, а не с уничтожения всего строя современной жизни <...> Пока держится этот строй, я, во имя откровенности, из презрения ко всякому лицемерию, — за смертную казнь!»****

Уже первые «политики» Брюсова вызывали ассоциации с Тютчевым, причем не всегда положительные. Друг юности Курсинский откликнулся на его «империалистическое» стихотворение «Июль 1903» (по поводу убийства русского консула в турецком городе Битолия) ехидным фельетоном в «левой» газете «Курьер»: «Г-н Валерий Брюсов перестал быть собой, перестал быть бесстрастным волхвом. <...> Он сошел к людям, сблизился с ними в их страстях и кричит вместе с ними за общие интересы. И как подобает всякому новообращенному, кричит громче других. Известная часть нашей прессы кричит: Идем

* Секретарь редакции «Нового пути» Е. А. Егоров, выходец из народнических кругов, был союзником Мережковских и выступал против «политик» Брюсова.

** *Материалы*. С. 133.

*** *ЛН*. Т. 27/28. С. 642.

**** Там же. С. 298.

на Константинополь – пора! Г-н Валерий Брюсов возглашает: Скорей на Константинополь! А то будет поздно <...> Он перестал быть Валерием Брюсовым. Кажется, он стал Тютчевым нашего времени»*. Отправляя 12 августа 1903 года Брюсову этот текст, автор писал: «Десять лет наших близких отношений дают мне право делать тебе строгие замечания, когда ты делаешь шаги, слишком тебе неподходящие. Поэтому посылаю тебе мой фельетон, направленный против тебя со всей искренностью негодования, возможной в печати, и тем более, что он выражается в органе узколиберальном. Я не верю в твой патриотизм, и тем более, что он выражается как патриотизм мелких консервативных газет („Русский листок“, где появилось стихотворение. – В. М.). Тебе ли не понимать, что в настоящее время честию России будет остаться крепкой и верной себе, а не играть мелкую роль сильного орудия в руках других держав. Если ты хочешь заниматься политикой, то изучи получше политическое положение момента»**. Совет «изучить получше политическое положение момента» следует отнести на счет разногласий Курсинского и Брюсова, а не недостаточной компетенции последнего, однако подобные отклики укрепили его решимость оставить стезю политического комментатора. Много лет спустя, в 1935 году, Иоанна Матвеевна сообщила историку литературы Д. Е. Максимова: «Сам Валерий Яковлевич про свои политические писанья всегда говорил с легкой насмешкой над собой и уверял, что никогда не сумеет „потрафить“ современным ему редакторам»***.

Но даже литературное участие Брюсова в «Новом пути» наталкивалось на противодействие Мережковских, которые в стремлении сделать издание массовым решили избежать «крайностей». Поэтический раздел журнала, печатавшего стихи не «в подборку» и тем более не «на затычку», а в виде авторских циклов, в тогдашней России не имел себе равных, и обойтись в нем без Брюсова было невозможно. Ситуация с прозаиками оказалась много хуже. Несмотря на все уговоры и посулы, отказался Чехов. «Петр и Алексей» Мережковского стал «гвоздем программы», но прочая беллетристика: Гиппиус, Вилькина, Поликсена Соловьева (под мужскими псевдонимами), начинающие Ремизов, Зайцев, Сергеев-Ценский и ряд забытых авторов – вызывала у Брюсова резкое отторжение. «Очень уж

* *Досужий обыватель* <Курсинский А. А.> Начало конца // Курьер. 1903, № 165. 12 авг. С. 3.

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 353.

*** Цит. по: *Молодяков В. Э.* Валерий Брюсов: политический портрет // МС. С. 17.

многое в нем (журнале — В. М.) прямо противоположно мне, — признавался он Гиппиус в июле 1903 года, — решительно отталкивает меня <...> Пусть я люблю все „двери“ и „сразу умею проникнуть во все я“*. Но все же милее прочих мне дверь поэзии, искусства. А в „Новом пути“ она в таком виде, словно это „черный ход“, дверь на грязную лестницу**. <...> Мои упреки сводятся к тому, что „Путь“ не литературный журнал. Да! это то именно, чего вы искали: *делание* через журнал, работа им как лопатой. И ради целей пропаганды (скверное слово, но что делать, оно на месте) все хорошо: можно и пошлости печатать, если они привлекают читателей, можно и прожужжавшие уши повторения, — чтобы покрепче было».

С началом выпуска «Нового пути» салон Мережковских стал центром символистского Петербурга. В Первопрестольной главенствовал Брюсов — «жрец дерзновенный московских мистерий», как назвала его Гиппиус. Рядом восходила звезда Андрея Белого. Они познакомились 5 декабря 1901 года в доме Михаила и Ольги Соловьевых***, но имя «студента-декадента» уже было известно Валерию Яковлевичу: в октябре он получил от Соловьева рукопись «Симфонии 2-й драматической» с предупреждением, что автор — сын декана физико-математического факультета Московского университета и что псевдоним ни в коем случае не должен быть раскрыт. «Симфония» Брюсову понравилась, но он объяснил, что «Скорпион» завален заказанными и оплаченными рукописями, а средства его не безграничны, поэтому книга может выйти только через год. Михаил Сергеевич оплатил немедленное печатание «симфонии» под маркой «Скорпиона», и она увидела свет в апреле 1902 года. Осенью авторство открылось и вызвало оживленные пересуды в «профессорской» и литературной Москве.

Первое впечатление Брюсова от знакомства было не лишено иронии: «Бугаев старался говорить вещи очень декадентские». Но разве не так поступал сам Валерий Яковлевич в юные годы? Летние встречи 1902 года вызвали иную реакцию: «Едва ли не интереснейший человек в России. Зрелость и дряхлость ума при странной молодости. Вот очередной на место Коневского!» Высочайшая оценка — с учетом того, что значил для него Коневской. «Он очень настоящий человек, — писал Брюсов об

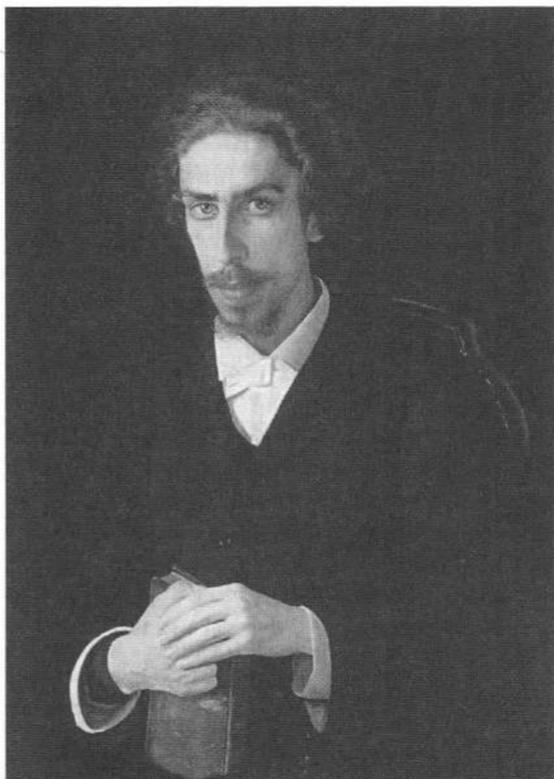
* Из стихотворения Гиппиус «Валерий, Валерий, Валерий, Валерий...» (1903).

** Бальмонт, активно печатавшийся в журнале, в письме Брюсову (26 июля 1903) оценил его еще резче: «помойная яма, и не очень глубокая помойка, так что в ней нет даже очарования истинной отвратительности»: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 152. Брюсов процитировал эти слова в письмах Ремизову и Белому, добавив во втором случае: «Он не неправ»: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 165; ЛН. Т. 85. С. 362.

*** Белый А. Начало века. С. 172-175.

Ольга Соловьева
Автопортрет. 1890-е

Михаил Соловьёв
*Портрет работы
О. М. Соловьёвой.
1890-е*

Андрее Белом Перцову 19 октября 1902 года. — У меня душа успокаивается, когда я думаю, что он существует»*.

Белый был моложе Брюсова на семь лет. К моменту знакомства он был житейски неискушенным, «неиспорченным» юношей, но обладал разносторонним образованием и богатым опытом духовных исканий, испытав влияние Шопенгауэра, Ницше, Метерлинка и Вл. Соловьева. Он уже был символистом, но «символизм Белого выростал в гораздо большей степени из внутреннего уединенного опыта, чем благодаря активному усвоению начавшего заявлять о себе в России „нового“ искусства (к „декадентству“ у юноши Белого поначалу было весьма настороженное отношение)»**. Он был автором двух «симфоний», не имевших аналогов в тогдашней русской литературе и занимавших «особое промежуточное положение между традиционной прозой и традиционной поэзией как своеобразный опыт синтеза не только разных видов искусства, но и различных форм литературного творчества»***. В поэзии же он обрел собственный голос после знакомства с Брюсовым и не без его влияния. Мережковский только провозглашал:

Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.

Брюсов в «Русских символистах» воплотил это в жизнь. Белый сделал то же самое — например, в стихотворении «На горах», где некий седовласый горбун

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.
И дугу описав,
озаря окрестность,
ананас ниспадал, просяив,
в неизвестность.

Для современников это были «бледные ноги» в новом исполнении.

* Цит. по: *Перцов П. П. Литературные воспоминания*. С. 320.

** *Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность*. М., 1995. С. 40.

*** Там же. С. 45.

Борис Бугаев
в гостиной квартиры Бугаевых
1900–1901

Наряду с сочинением «странных» произведений Борис Николаевич отличался экстравагантностью поведения. Осенью 1903 года Брюсов записал его рассказ, как тот «ходил искать кентавров за Девичий монастырь*», по ту сторону Москва-реки. Как единорог ходил по его комнате... Мои дамы (И. М. Брюсова,

* Ново-Девичий монастырь занимал особое место в личной мифологии Белого: там были похоронены его отец Н. В. Бугаев, любимый наставник Л. И. Поливанов, кумир юности Вл. Соловьев, старшие друзья М. С. и О. М. Соловьевы. В прогулках его часто сопровождал Сергей Соловьев – сын Михаила, племянник Владимира, троюродный брат Александра Блока и будущий ученик Брюсова.

ее младшая сестра Б. М. Рунт и, возможно, Н. Я. Брюсова. — В. М.), слушая, как один это говорит серьезно, а другой серьезно слушает, думали, что мы рехнулись. Потом А. Белый разослал знакомым карточки (визитные), будто бы от единорогов, силенов etc. Иные смеялись, иные сердились <...> Сам Белый смутился и стал уверять, что это „шутка“. Но прежде для него это не было шуткой, а желанием создать „атмосферу“, — делать все так, как если бы эти единороги существовали». Знакомые были всерьез обеспокоены душевным здоровьем человека, от которого получали такое:

Огыга Пеллевич
Кохтик-Ррогиков
Единоглаз

Вечные боязни. Серничихинский тупик, д. Омова.

И только Валерий Яковлевич 20 октября 1903 года вложил свои визитные карточки в три конверта, надписав их «Борису Николаевичу Бугаеву для передачи Огыге Пеллевичу Кохтик-Ррогикову», единорогу «Виндалаю Левуловичу Белорогу», обитавшему на «Беллендриксовых полях», и «Полю Ледоуковичу Фавивве» из «Миусских козней»*.

Принимая «правила игры», Брюсов, вероятно, вспомнил тщательно продуманные «декадентские» выходки собственной юности. Он мог догадываться, но не мог знать, что «безумие» Белого тоже было рассчитанным. В августе 1901 года Борис Бугаев размышлял в дневнике: «Если ты желаешь, безумец, чтобы люди почтили безумие твое, никогда не злоупотребляй им! Если ты желаешь, чтобы твое безумие стало величественным пожаром, тебе мало зажечь мир; требуется еще убедить окружающих, что и они охвачены огнем. Будь хитроумной лисой! Соединяй порыв с расчетом, так, чтобы расчет казался порывом и чтобы ни один порыв не пропал даром. Только при этом условии люди почтят твое безумие, которое они увенчают неувядаемым лавром и назовут мудростью. <...> Озадачивай их блеском твоей диалектики, оглушай их своей начитанностью, опирайся, насколько это возможно, на точное знание!»** Сходство этих высказываний с дневниковыми записями молодого Брюсова очевидно.

Знакомство с Брюсовым стало одним из важнейших событий жизни Белого и, выйдя за пределы литературы, многие годы оказывало на него сильное влияние. Не менее значительным было для Бориса Николаевича знакомство с Мережковскими

* Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 140.

** Лавров А. В. Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 123.

Париж
Открытка. Конец XIX — начало XX в.

Париж. Улица Галеви
Открытка. Конец XIX — начало XX в.

у Соловьевых днем позже, 6 декабря 1901 года. Между ним и Гиппиус сразу же завязалась переписка на «идейные» и духовные темы: Зинаида Николаевна обрела «сотаинника» (которого тщетно искала в Брюсове) и восхищалась его статьями, хотя и находила их «трудными» для «Нового пути». В свою очередь, Белый стал пламенным пропагандистом идей новых друзей, отдалившись даже от Соловьевых. Озабоченный построением «фаланги», Брюсов начал опасаться ухода перспективного автора «на сторону»: в ноябре 1902 года взял у Белого «Северную симфонию» для издания отдельной книгой, затем стихи (которые при разговоре с глазу на глаз жестко, но конструктивно раскритиковал) и драматический отрывок «Пришедший» для «Северных цветов», а в апреле 1903 года предложил ему подготовить поэтический сборник для «Скорпиона» — будущее «Золото в лазури»*. «Я обязан ему всей карьерой своей, — утверждал Белый, — я ни разу себя не почувствовал пешкой, не чувствовал „ига“ его: только помощь, желанье помочь, облегчить. <...> Через несколько лет о нем сеялись слухи: де лезет из кожи ходить императором, травит таланты-де; правда, травил — разгильдяйство и лень <...> Все сплетни о его гнете, давящем таланты, — пустейшая гиль, возведенная на него»**.

В апреле 1903 года Брюсовы впервые побывали в Париже, где провели 16 дней. «Париж мне пришлось очень по сердцу, — занес он в дневник. — Изумило меня отсутствие в нем декадентства. Было, прошло, исчезло. Нет даже „нового стиля“. Москва более декадентский город». С французскими литераторами пообщаться не удалось, зато встреч с соотечественниками оказалось в избытке. Валерий Яковлевич несколько раз посетил Русскую высшую школу общественных наук, которую обозвал «пародией на университет», и даже прочитал там лекцию «Ключи тайн». «Весело было слушать, — вспоминал присутствовавший на ней литератор Николай Поярков, — возражения, высказываемые всевозможными юношами, обвинявшими лектора в безнравственности, беспринципности и отсутствии общественных идеалов. Невозмутимо лектор парировал нападки, иногда остроумными замечаниями вызывая дружный хохот всей аудитории»***. В круг преподавателей и слушателей Школы, оппозиционно настроенных по отношению к российским властям, Брюсовых ввел революционер и юрист Александр Яценко. Валерий Яковлевич познакомился

* Переписка с Андреем Белым. 1902-1912 / Вступ. ст. и публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // *ЛН*. Т. 85. С. 327-427 (перечисленные сюжеты: С. 350-370).

** *Белый А.* Начало века. С. 178-179, 186.

*** *Поярков Н.* Поэты наших дней. СПб., 1907. С. 59-60.

с ним в конце 1900 года в салоне московской меценатки Варвары Морозовой, в котором товарищ Яценко по революционному кружку Георгий Чулков 14 января 1901 года прочитал доклад о его поэзии. Позднее Чулков утверждал, что Брюсов написал стихотворение «Кинжал» (которое сам датировал 1903 годом) в конце 1901 года для задуманного этим кружком нелегального сборника. В начале 1902 года Яценко и Чулкова арестовали и сослали в Восточную Сибирь; первый вскоре был освобожден и уехал в Париж, второй находился в ссылке до 1904 года, а по возвращении стал одной из ключевых фигур «раскола в символистах»*.

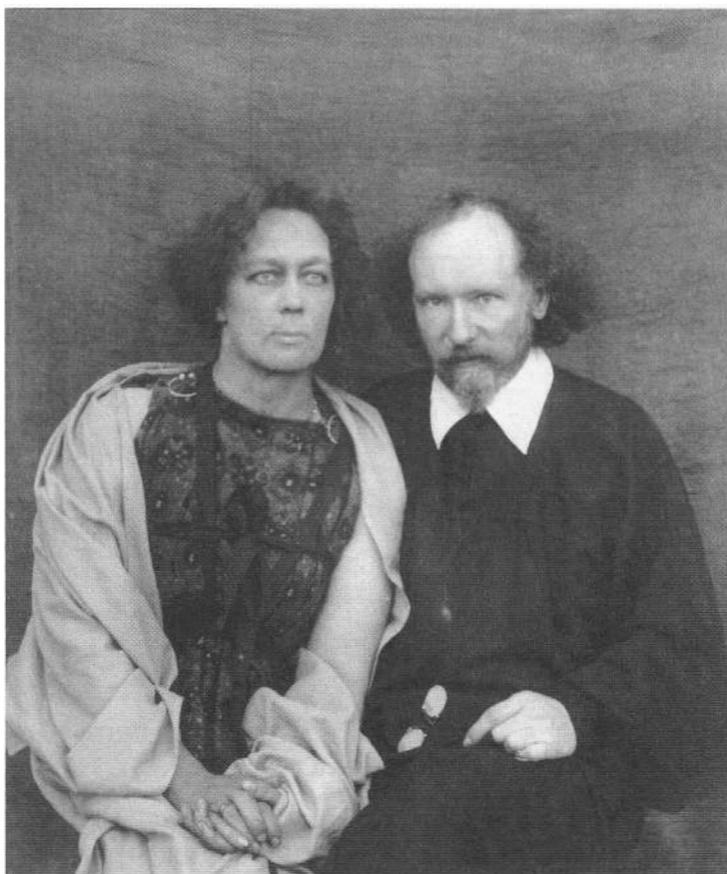
В Париже Брюсов познакомился со многими примечательными людьми — давно жившей во Франции переводчицей Александрой Гольштейн, художницей Елизаветой Кругликовой, собирателем пушкинских реликвий Александром Онегиным-Отто, поэтом Вячеславом Ивановым и его женой Лидией Зиновьевой-Аннибал, которых знал заочно. В октябре 1900 года Иванов предлагал «Скорпиону» переводы Гольштейн из французских поэтов, а в «Северных цветах на 1903 год» появились его стихи и объявление о выходе сборника «Кормчие звезды», на который Брюсов успел благожелательно откликнуться в «Новом пути». В марте 1903 года «Скорпион» принял роман Зиновьевой-Аннибал «Пламенники», который по разным причинам так и не увидел свет. Встречу с Ивановым Валерий Яковлевич назвал наиболее интересным из парижских впечатлений и сразу вступил с ним в переписку**. Зиновьева-Аннибал понравилась ему много меньше. «Она — довольно-таки пустая особа, извне набитая чужими идеями, как чучело соломой. Иногда говорит она вещи глупые до поразительности. А ведь Вы на издание романа согласились?» — писал он Полякову 25 апреля (8 мая)***. Импульсивная Зиновьева-Аннибал надеялась на издание «Пламенников», а потому так отозвалась о новом знакомом: «Брюсов (так! — В. М.) умный очень, и искатель, и крупный талант, и очень интересен лицом и манерами. Его муза родственна нашей, и, быть может, мы будем дружны в будущем. Это глубоко радостно. Он на меня производит сильное впечатление»****. Потом она будет не раз неистово проклинать его...

* Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 91–92, 100–103.

** Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903–1923 / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова // ЛН. Т. 85. С. 428–545.

*** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 76.

**** Письмо М. М. Замятниной (24 апреля (7 мая) 1903) цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 77.

Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал
1900-е. ИРЛИ

На осень 1903 года Брюсов наметил «что-то вроде генерального сражения», как писал он Белому 31 июля. «Ватерлоо или Аустерлиц?» — задавался Валерий Яковлевич вопросом, поясняя: «Вся русская поэзия будет в „Скорпионе“». На выходе были книги стихов Мережковского, Гиппиус, Сологуба, самого Брюсова («Urbi et orbi»), «Северная симфония» Белого, посмертный однотомник Коневского, готовились сборники Белого, Бальмонта и Балтрушайтиса*. Однако последний собрал свои стихи под одной обложкой только в 1911 году, а неверный Бальмонт отдал новую книгу «Только любовь» конкурентам — издательству «Гриф». Его владельцем был присяжный поверенный

* ЛН. Т. 85. С. 360.

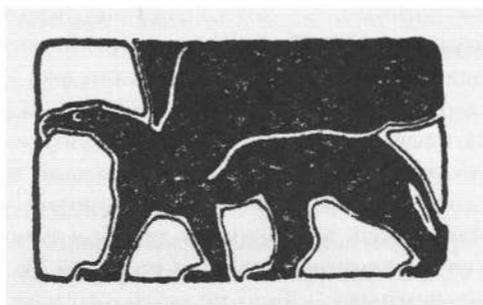
Сергей Кречетов (Соколов)
1910-е. ИРЛИ

Сергей Соколов, «в литературе – Кречетов», четко разграничивавший в себе ипостаси адвоката и декадента. На пропаганду «нового искусства» он пустил сорок тысяч рублей, полученных от продажи имения во Владимирской губернии, но главным «капиталом» «Грифа» стал плодовитый Бальмонт. С собой он привел Модеста Дурнова, рисунки которого определили фирменный стиль издательства: «Точно такие ж обложки он „ляпал“ на книги: и марку придумал издательства своего: жирнейшую „грифину“, думая, что „Скорпиона“ за пояс заткнул он; „Скорпион“ – насекомое малое; „Гриф“ – птица крупная»*.

«Гриф» начался с выпуска альманаха – ответ на «Северные цветы». В нем не было ни историко-литературного отдела, ни «живых классиков», ни серьезных статей. Зато было много стихов – в основном молодых и очень молодых поэтов, включая восторженные посвящения Брюсову «Я в свисте временных потоков...» Андрея Белого и «В немую даль веков пытливо ты

* Белый А. Начало века. С. 255.

проник...» Александра Койранского. Брюсов дал три стихотворения. «Грифовская» молодежь: Виктор Гофман, Михаил Пантюхов, Александр Рославлев, братья Александр, Борис и Генрих Койранские – осенью и зимой 1902/1903 года стайкой ходила за ним. На периферии пестрой компании мелькали Владислав Ходасевич и Александр Брюсов, младший брат Валерия. «Загрозились и совершенно безымянные мрачно-эстетизирующие гимназисты в синих очках с пышными шевелюрами и разутюженные чистенькие юноши с орхидеями и туберозами»*, – иронически вспоминала Нина Петровская, жена Соколова и «розовая женщина» Брюсова.

Марка издательства «Гриф» работы М. А. Дурнова

Разобравшись, что «среди них нет никого истинно талантливого», Валерий Яковлевич быстро осознал опасность для символизма эпигонов и вульгаризаторов. В неотправленном письме к Соколову от 6 ноября 1903 года он заявил, что «Гриф» «утратил всякую индивидуальность, стал повторением, копией, т. е. тем, что мне более всего нелюбезно в мире»**. Соколов, в свою очередь, сделал ставку на обиженных: по словам Петровской, «оскорбленные самолюбия выплакивались в редакторскую жилетку». «Гриф» принимал все отвергнутое «Скорпионом», который не только высоко поднял «планку», но печатал много переводов (чего в «Гриф» почти не было) и даже виднейших отечественных авторов стремился представить равномерно. 9 апреля 1903 года Белый жаловался Эмилию Метнеру, что «Скорпион» «всегда переполнен и крайне медлителен»***. «Гриф» «выстрелил» несколькими книгами Бальмонта, переиздал «Лествицу» Миропольского, принял рукописи у Белого

* Петровская Н. Воспоминания. С. 21.

** ЛН. Т. 85. С. 280.

*** Цит. по: ЛН. Т. 85. С. 373.

(третья симфония «Возврат») и Сологуба (сказки), позже у Курсинского и Александра Блока. К стихам последнего, полученным через Соловьевых (О. М. Соловьева и А. А. Кублицкая-Пиотух, мать Блока, активно обсуждали Брюсова в переписке), Валерий Яковлевич поначалу отнесся скептически, но уже осенью 1902 года взял его цикл в «Северные цветы», придумав заголовок «Стихи о Прекрасной Даме». Первую книгу Блока под этим заглавием два года спустя выпустил расторопный Соколов, хотя Александр Александрович придерживался отрицательного мнения о нем и о других «грифах»*.

Валерий Яковлевич отказался участвовать в изданиях «Грифа», кроме первого альманаха, и попытался ограничить присутствие там «скорпионов», хотя делал вид, что выступает за всеобщее примирение**. Приезжавшие в Москву в конце октября 1903 года Мережковские поддержали его, хотя Гиппиус не удержалась от колкостей в адрес «варварской розы московского декадентства» в целом***. Под их влиянием Белый обещал забрать рукописи у Соколова, но в начале декабря вдруг заявил, что уходит из «Скорпиона», стесняющего его свободу, и не будет участвовать в «Весах». 5 декабря Брюсов написал ему большое откровенное письмо, в котором «возвышенное» переплелось с «земным»: «Дело не только во мне и в вас. Среди нас иная сила, пренебрегать которой мы не смеем. Маленькие чародеи, мы заклинали страшного духа; он предстал; и его не заставят исчезнуть наши бессильные заклинания. Мы уже не над „Скорпионом“, а в нем; мы управляем им не более, чем кормщик кораблем, крутимым бурей. И с вашим уходом „Скорпион“ и „Весы“, конечно, не пропадут****. К нам примкнут еще многие, ибо вокруг уже образовался тот водоворот, который засасывает всех, плывущих мимо. Но с вашим уходом от „Скорпиона“ будет отнято все присущее лично вам, *ваша вера, ваша зоркость, ваша молодость*».

Белый хорошо понимал этот язык, но Брюсов не обошелся без конкретики: «У Бальмонта есть *специальные* причины покровительствовать не „Грифу“, а Соколову, но вы, но вы? Не можете

* Письмо С. М. Соловьеву (8 марта 1904): ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 370–372.

** Письмо Блоку (3 декабря 1903): Переписка Блока с В. Я. Брюсовым (1903–1919) / Вступ. ст. З. Г. Минц и Ю. П. Благоволиной. Публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // ЛН. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 466–524 (цит. С. 485).

*** Антон Крайний <Гиппиус З. Н.> Два зверя // Новый путь. 1903. № 6. С. 227–232; перепеч.: Гиппиус З. Дневники. Т. 1. С. 212–217.

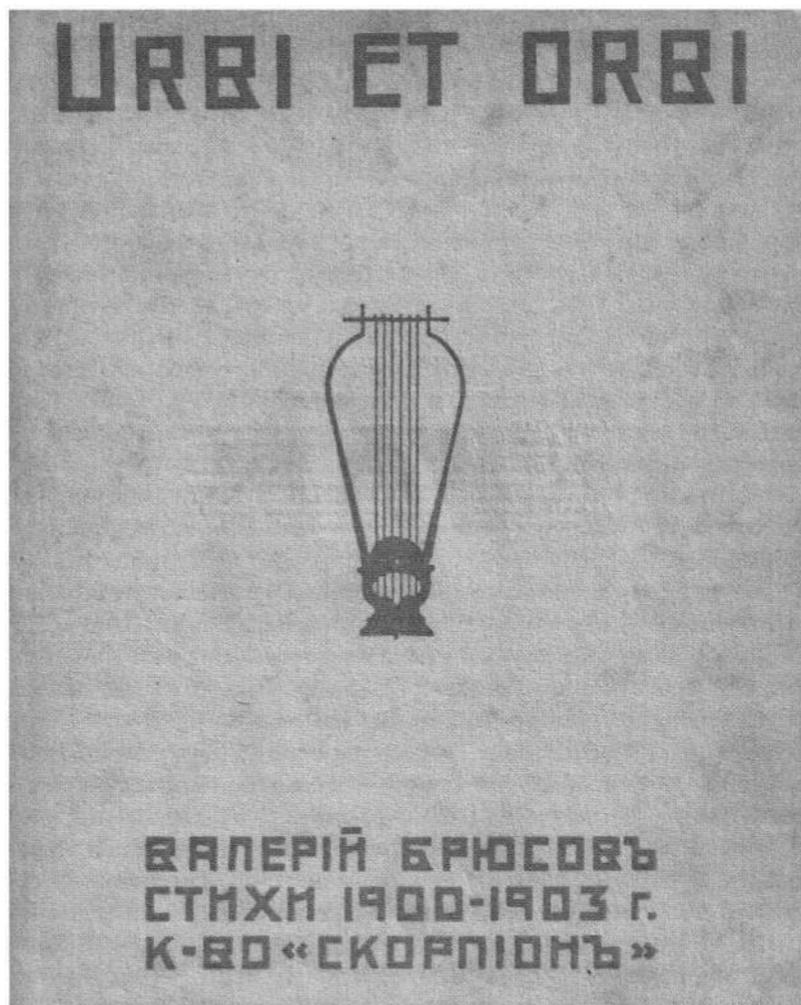
**** В черновике: «Уходя из „Скорпиона“, вы его не погубите: своих читателей, своей публики у вас еще нет. <...> Вы из-за личных счетов отказываете своим книгам, своим словам в том распространении, которое может им доставить теперь же „Скорпион“ и которое во всяком случае станет доступным „Грифу“ (если станет) еще очень в далеком будущем».

же вы не видеть, что Соколов — балаганный шут, неумело-бездарный шарлатан, в устах которого все самые истинные слова становятся фиглярством и пошлостью!»* В приступе гнева Валерий Яковлевич позволял себе неэтичные намеки на личные, интимные обстоятельства — в данном случае на связь Бальмонта с Петровской, которой ее муж не противодействовал ни как «Соколов», ни как «Кречетов». Сам Белый с весны 1903 года переживал мистическую влюбленность в Нину Ивановну, которая отвечала ему столь же мистической взаимностью, считая его «новым Христом». В конце года их отношения приняли более земной характер: Петровская влюбилась в Белого и «соблазнила» его, что Борис Николаевич воспринял как «падение». Судя по нескромным намекам в черновике письма, Брюсов догадывался об этом. Однако инцидент был улажен, и Белый не покинул «фалангу».

«Скорпион» победил не «интригами», но книгами. Особое место среди них занял сборник Брюсова «Urbi et orbi», посвященный «К. Д. Бальмонту, поэту и брату». Он был представлен в цензуру в отпечатанном виде: «препоны и рогатки» не преодолело только «Свидание», которое пришлось вырезать из всего тиража и заменить другим стихотворением под тем же заглавием**. Название книги обыгрывало формулу благословения римского папы, распространяемого на весь мир. «Я хотел сказать, — пояснял Брюсов в „Автобиографии“, — что обращаюсь не только к тесному „граду“ своих единомышленников, но и ко всему „миру“ русских читателей». При переизданиях книга не менялась так радикально, как предшествующие. Самый тяжелый удар ей нанес Главлит, исключивший из «сиреневого» семитомника половину знаменитых баллад (6 из 12). Именно на них В. М. Жирмунский построил исследование «Валерий Брюсов и наследие Пушкина»: в этих стихотворениях «основная тенденция стиля Брюсова выражается особенно отчетливо», поэтому они «могут быть сделаны исходной точкой для более широкого исследования, определяющего место поэта в литературной традиции». Заслуживает внимания вывод ученого: «Желая выразить яркость и напряженность страстного переживания, Брюсов подыскивает слова и образы самые яркие, изображающие высшую степень качеств, безусловное его существование, без оттенков, смягчений и переходов <...> Если желание вызвать звуками неопределенное лирическое настроение, скорее чем зрительный образ или сознательную мысль,

* ЛН. Т. 85. С. 371–372.

** Экземпляр первого варианта в Музее книги РГБ: *Прижизненные издания*. С. 36.

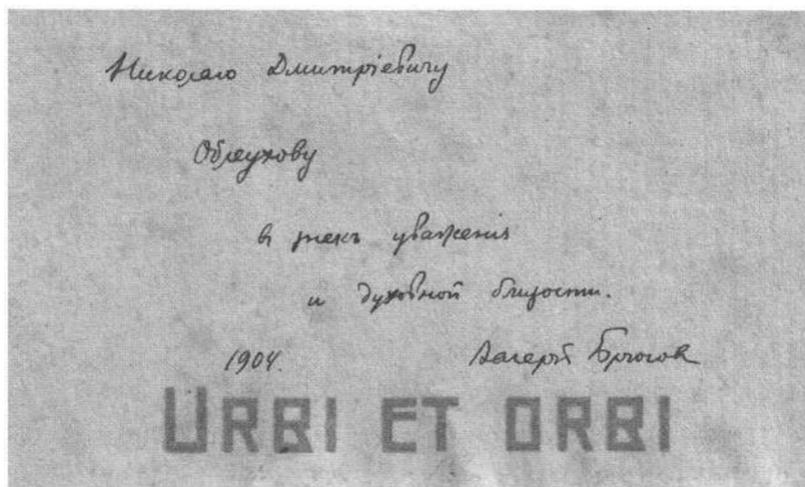

Книга Валерия Брюсова «Urbi et orbi» (М., 1903)

Титульный лист по рисунку автора

объединяет Брюсова с символистами как представителями неоромантической лирики, то стремление к напряженности и яркости, к сгущению лирического переживания и аккумулярованию художественных впечатлений дает право включить его в группу символистов индивидуалистического типа, представителей первого поколения русских символистов»*. Это мнение не только филолога, но и читателя-современника.

* Жирмунский В. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. Пб., 1922. С. 7, 50.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Николаю Облеухову на авантитуле книги «Urbi et orbi» (М., 1903):
 «Николаю Дмитриевичу Облеухову в знак уважения
 и духовной близости Валерий Брюсов 1904»
 ВЭМ

«Urbi et orbi» стала первой книгой Брюсова, которую многие критики из чужого лагеря встретили без оговорок относительно личности и репутации автора — как книгу «нормального» поэта, который сам признался: «Желал бы я не быть „Валерий Брюсов“» — отречение не от себя, но лишь от некоей литературной репутации. В либеральных «Русских ведомостях» Илья Игнатов констатировал, что «автора интересует все, что касается душевного мира человека: его искания, его муки, его отношения к людям и к непостижимым для него явлениям, его сомнения и победы»*, — всего через три года после слов народнического оракула Якубовича о том, что поэзия Брюсова «лишена всякого человеческого содержания». Теперь критики вспоминали народнического барда «П. Я.» в связи со стихотворением «Каменщик», которое вместе с «Кинжалом» позднее войдет в «Революционные чтецы-декламаторы» и останется брюсовским «патентом на благородство» в самые антидекадентские годы советской эпохи. Амфитеатров и Владимир Бояновский приветствовали «Каменщика» как новое слово в поэзии Брюсова**, хотя сам автор считал его риторичным. Слава

* И. Литературные отголоски // Русские ведомости. 1903. № 324. 25 нояб. С. 4–5.

** Аббадонна <Амфитеатров А. В.> Отклики // Русь. 1904. 15 мая. № 152. С. 2; Бояновский В. Критические наброски // Русь. 1904. № 333. 16 нояб. С. 2.

этого стихотворения вообще удивительна — особенно в сравнении с такими неожиданными для «книжочия» и «декадента» декларациями, как «Работа» в том же сборнике:

Здравствуй, тяжкая работа,
 Плуг, лопата и кирка!
 Освежают капли пота,
 Ноет сладостно рука!
 Прочь венки, дары царевны,
 Упадай порфира с плеч!
 Здравствуй, жизни повседневной
 Грубо кованная речь!

Недостатка в хулителях по-прежнему не было. Ругань Буренина никого не оскорбила, но грубую рецензию Евгения Ляцкого в «Вестнике Европы»: «уродливое копанье в грязи», «жалкие потуги сказать нечто глубокомысленное», стремление «предавать и насилловать общественную мысль и совесть»* — Бальмонт назвал «гнусным хамством», потребовал опубликовать в «Весах» свой ответ и заявил, что если встретит Ляцкого, «между нами будет особый разговор, какого еще ни с кем у меня не было»**. Надо сказать, что Константин Дмитриевич по характеру был несдержан, а во хмелю буен (за это в середине ноября 1903 года Брюсов дал ему пощечину, и поэты несколько месяцев не разговаривали), но в случае с Ляцким обошлось без выяснения отношений. «Весы» (1904. № 3) напечатали протест Бальмонта, Брюсов там же «прошелся» по книге Ляцкого о Гончарове, но это не помешало им установить добрые отношения после благожелательной рецензии критика на «Венок»***. Рецензент «Биржевых ведомостей» Александр Измайлов увидел в авторе «Urbi et orbi» «настоящего Божьей милостью поэта, то нежного, то глубокого», хотя и с «зачатками истинной мании величия»****, а позже написал остроумную пародию на двусмысленные строки из стихотворения «In hac lacrimarum valle»*****:

Мы натешимся с козой,
 Где лужайку сжали стены.

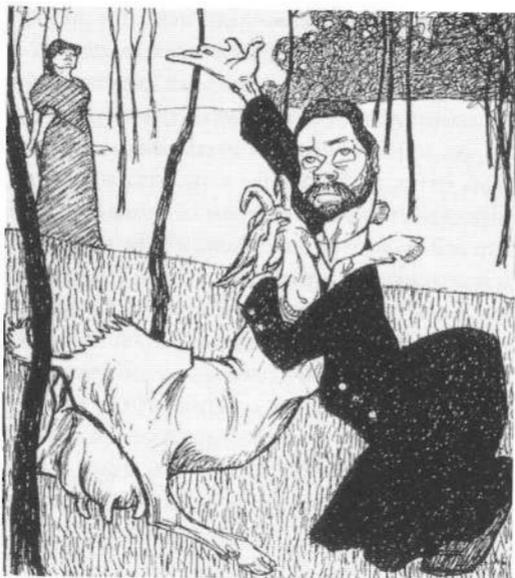
* Вестник Европы. 1904. № 3. С. 376–381 (подпись: Евг. Л.).

** Письмо Брюсову (4 марта 1904): ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 155.

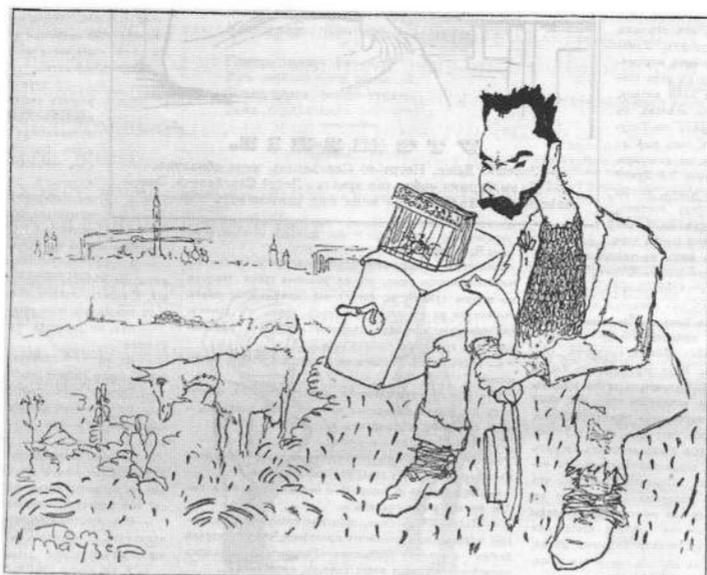
*** Брюсов В. Письма Е. Ляцкому / Предисл. и примеч. И. Ямпольского // Новый мир. 1932. № 2. С. 190–196.

**** Измайлов А. Литературные заметки. (Новая более определенная фаза декадентства. Книга стихов В. Брюсова «Urbi et orbi») // Новая иллюстрация. Приложение к газете «Биржевые ведомости». 1903. № 47. 25 нояб. С. 15.

***** «В этой долине слез» (лат.).

Любовь в отечественной литературе
 Карикатура Баяна из журнала «Сатирикон» (1908. № 2)

„Я жить усталъ среди людей и въ днѣхъ,
 Отъ смѣны чувствъ, желаній, вкусовъ,
 Отъ смѣны истинъ, смѣны речей въ стихахъ,—
 Желаль бы я не быть „Валерій Брюсовъ“...“

Брюсовъ.

Новые поэты в иллюстрациях. Валерий Брюсов
 Карикатура Тома Маузера из журнала «Будильник» (1908. № 31)

«Коза поэта Брюсова» прославилась так же, как «бледные ноги», и на много лет стала «вечным спутником» его образа в пародиях и карикатурах. Враги глумились, друзья недоумевали...

Собратья-символисты были в восторге от книги. Вяч. Иванов назвал ее «художественным подвигом», славил «твой правый стих, твой стих победный» в послании к автору и переложил его прозой в виде «импрессионистской рецензии», правда, оставшейся ненапечатанной*. Белый в начале ноября 1903 года в письме к Блоку поставил Брюсова в один ряд с Пушкиным, Лермонтовым, Майковым, Полонским, Тютчевым, Фетом, А. К. Толстым, Некрасовым и Вл. Соловьевым. «Книга совсем тянет, жалит, ласкает, обвивает. Внешность, содержание — ряд небывалых откровений, прозрений почти гениальных», — отвечал Александр Александрович 20 ноября**. «Брюсов теперь первый в России поэт, — делился Блок 23 февраля 1904 года с Александром Гиппиусом. — <...> Старого декадентства нет и следа. Есть преемничество от Пушкина — и по прямой линии***.

Речь шла не столько о формальном сходстве, сколько о месте Валерия Яковлевича в русской поэзии. «Обнаруживается его кровная связь с Пушкиным: начало XIX века подает руку началу XX, — провозгласил Белый в статье „Апокалипсис в русской поэзии“. — Благодаря Брюсову мы умеем теперь смотреть на пушкинскую поэзию сквозь призму тютчевских глубин. Эта новая точка зрения открывает множество перспектив. Замыкается цикл развития пушкинской школы, открывается провиденциальность русской поэзии»****. Сергей Соловьев, которому Блок в те же дни писал: «Я совершенно не могу надеяться вырасти до Брюсова»*****, — восторженно восклицал в стихах: «Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял...»

Блок и Белый не могли не заметить в книге стихотворение «Младшим», адресованного как раз им — новому, «мистическому» поколению символистов*****. Получив в начале ноября 1904 года «Стихи о Прекрасной Даме» с дарственной надписью, звучавшей как стихи:

* ЛН. Т. 85. С. 439–440, 543.

** Белый-Блок. С. 109, 121.

*** Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.: Л., 1962. С. 90. Блок написал две рецензии на книгу: *Блок-ЛСС*. Т. 7. С. 139–141 (опубл. посмертно), 141–144 (Новый путь. 1904. № 7. С. 202–208).

**** В. 1905. № 4. С. 11–28; перепеч.: Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. I. М., 1994. С. 375–390 (цит. С. 383).

***** Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 96.

***** Перцов П. П. Брюсовское стихотворение «Младшим» // Перцов П. П. Литературные воспоминания. С. 319–321.

Законодателю русского стиха,
Кормщику в темном плаще,
Путеводной зеленой звезде,
Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову
В знак истинного преклонения* —

Брюсов отвечал Блоку: «Не возлагайте на меня бремена, которое подъять я не в силах. Принимаю разве только первую строчку. Дайте мне быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова — все большее довершите вы, молодые, младшие»**. Это не поза. Это — позиция, определившая дальнейшее развитие русского символизма.

* ЛН. Т. 27/28. С. 671.

** ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 489.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«ВЕСЫ»

Роль Брюсова в истории «Весов» хорошо изучена. Но какую роль сыграли «Весы» в его жизни?

В июле 1903 года он писал Зинаиде Гиппиус, критикуя низкий художественный уровень «Нового пути»: «Лучше издавать журнал в 4 листа ежемесячно для 200 человек, чем в 15 листов для 20 000». У него уже сложилась концепция журнала нового для России типа — литературно-критического и библиографического, не только без «вопросов социологических и политико-экономических», но даже без стихов и беллетристики. За образец брались европейские литературные обозрения — как модернистские «*Mercur de France*» и «*Das litterarische Echo*», так и традиционный «*The Athenaeum*». Брюсов убедил Полякова финансировать этот проект, несмотря на его заведомую убыточность: «У „Нового пути“, — писал он издателю 22 января 1903 года, — подписчиков 1 217. <...> Сколько раз мы уговаривали Вас издавать журнал. Эти 1 217 были бы наши!»* Впрочем, характер задуманного издания делал его не конкурентом, но соратником «Нового пути» и «Мира искусства».

3 июля 1903 года Поляков подал прошение о разрешении издания «Весов». Через четыре месяца оно было получено, и началась подготовка первого номера. Название выбрали в пару к «Скорпиону» — Буренин в «Новом времени» тут же выдал: «Водолей: Журнал крылатых полетов по самым новым спиральям и зигзагам мысли». В качестве фронтисписа взяли соответствующую зодиакальную миниатюру из «Часослова» герцога де Берри XIV века, дав необходимое пояснение, которого, впрочем,

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 70.

Валерий Брюсов

Фотография С. В. Шицмана. Москва. 1898–1899

не заметил никто из газетчиков, изошрявшихс насчет «нового ублюдка декадентской музыки»*. Художественную концепцию журнала придумал Лев Бакст, охотно откликнувшийся на предложение Брюсова о сотрудничестве: «Название интересно и будит художественное воображение рисовальщика»**, — и оформивший первые три номера. Феофилактов сделал бланк с реквизитами обоих изданий, на русском и французском языках: «Издательство и журнал имели большой набор стильной почтовой бумаги разных форматов, с перфорацией и без нее, конвертов, открыток с этой маркой»***.

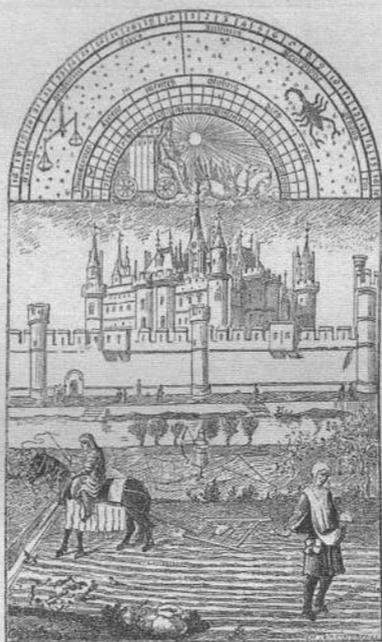
Первоначальное «ядро» журнала составили — в алфавитном порядке — Балтрушайтис, Бальмонт, Белый, Брюсов, Поляков

* Эс. <Козиевко М. П.> «Весы»: Новый декадентский журнал // Киевская газета. 1904. № 45. 14 февр. С. 2.

** Письмо Брюсову (24 ноября 1903) цит. по: ЛН. Т. 85. С. 264.

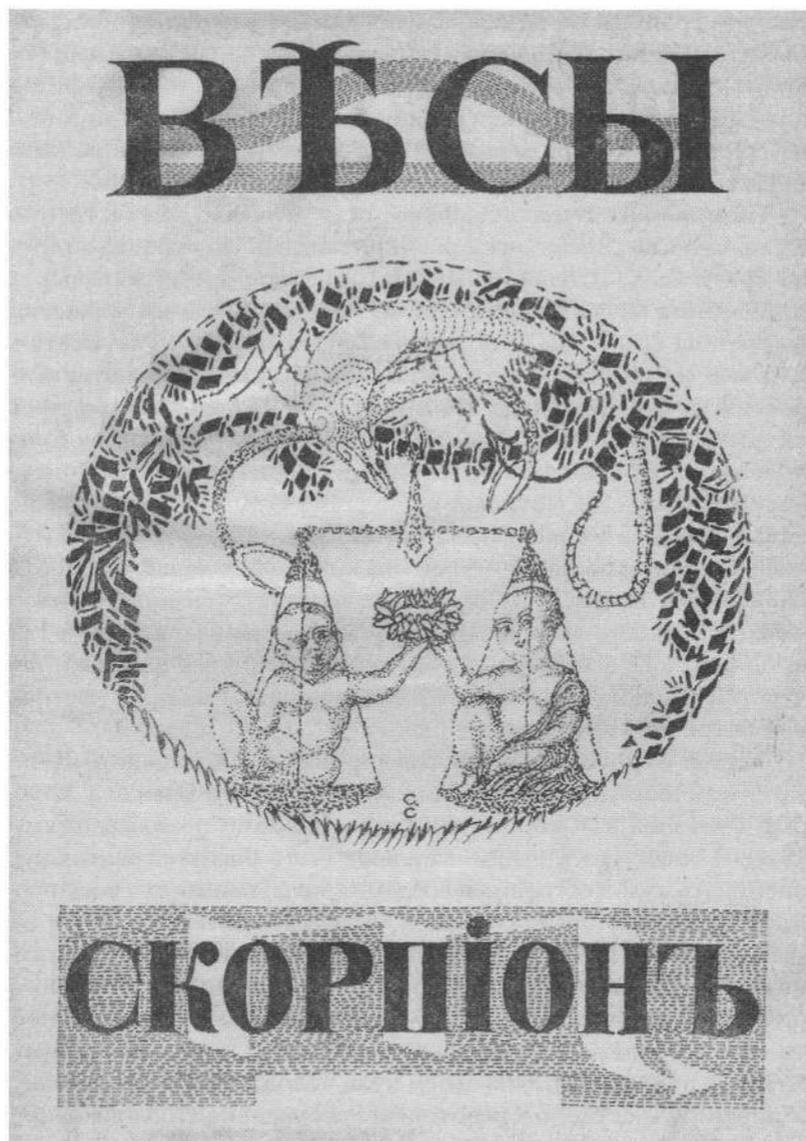
*** Примеч. Н. В. Котрелева: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 86.

ВѢСЫ ◉ ЯНВАРЬ ◉ 1904

Журнал «Весы» (1904. № 1)
Титульный лист

и Семенов, однако их вклад в «общую копилку» оказался неодинаков. Балтрушайтис в работе почти не участвовал. Бальмонт был готов много писать, но интересовался только своими рукописями и гонорарами. Белый претендовал на роль идеолога, но не годился для регулярной работы и питал «преступную слабость» к «грифам». Семенов, единственный, кто имел опыт

Каталог «Весы»—«Скорпион» (М., <1907>)

Обложка С. Ю. Судейкина

самостоятельной журнальной работы (марксистское «Новое слово» в 1897 году), видел в «Весях» прежде всего «подспорье» для «Скорпиона», ссылаясь на пример журнала «Das litterarische Echo» и издательства «Fontane» в Германии. Его уговоры повлияли на принципиальное решение Полякова выпускать журнал, и все же преувеличивать роль Семенова в «Весях» не стоит:

ухав за границу, он немало сделал для привлечения иностранных сотрудников, присылал списки зарубежных книжных новинок, давал советы, но реального влияния не имел. Официальный редактор Поляков ограничился финансовой стороной и — на пару с Феофилактовым — оформлением журнала, хотя периодически пытался напомнить, «кто в доме хозяин».

Главной «рабочей лошадью» стал Брюсов. «Естественно было, чтобы в „Весках“ всем распоряжался я. Но это устроилось не сразу. С. А. (Поляков. — В. М.) в первое время выказывал притязания на фактическое редакторство. Впрочем, он желал бы, чтобы все делал я, но под его руководством. Разумеется, я не мог согласиться на это. Мне было бы легко обманом, хитростью везде проводить свои решения. Но мне не хотелось хитрить. При выходе первого № у нас было несколько столкновений, и я решительно подумывал бросить все дело. Понемногу все обошлось, хотя и поныне есть у С. А. неприятный мне начальнический голос, из-за которого я часто готов бросить дело. Работников, конечно, не оказалось. Все делаю я один и, разумеется, не без ошибок. И мне делается обидно, если тот же С. А. находит возможным попрекать меня за ошибки»*. Так продолжалось весь первый год, чем объясняется повышенная чувствительность Брюсова к любым упрекам в адрес «Весов» и обостренная реакция на них.

Задачи журнала были сформулированы в обращении «К читателям», написанном при ближайшем участии Брюсова, который считался в «Скорпионе» специалистом по «воззваниям»: «Весь», говорилось в нем, «желают быть беспристрастными, оценивать художественные создания независимо от своего согласия или несогласия с идеями автора. Но „Весь“ не могут не уделять наибольшее внимание тому знаменательному движению, которое под именем „декадентства“, „символизма“, „нового искусства“, проникло во все области человеческой деятельности. „Весь“ убеждены, что „новое искусство“ — крайняя точка, которой пока достигло на своем пути человечество, что именно в „новом искусстве“ сосредоточены все лучшие силы духовной жизни земли, что, минуя его, людям нет иного пути вперед, к новым, еще высшим, идеалам». Переходя к конкретике, редакция извещала, что «каждый № „Весов“ будет распадаться на два отдела. В первом будут помещаться общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы. <...> Второй отдел „Весов“ предоставлен хронике литературной и художественной жизни»**.

* Дневниковая запись (начало 1904) цит. по: *Семенов М. Н. Вакх и Сирены*. М., 2008. С. 657 (примеч.).

** В. 1904. № 1. С. III–IV.

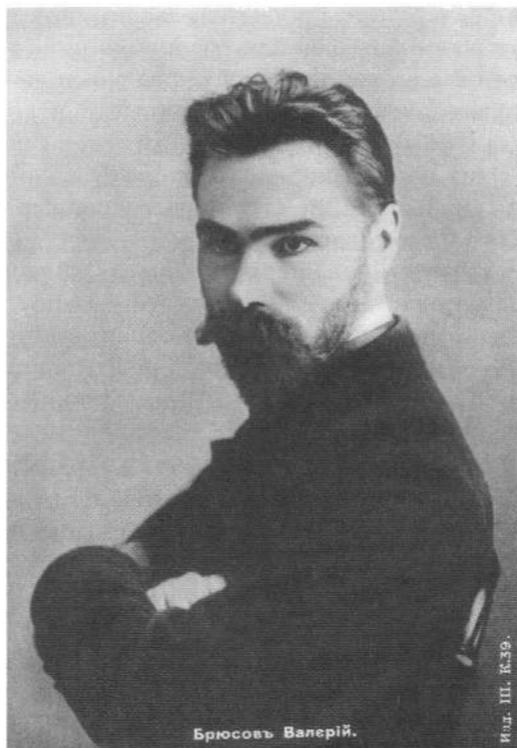
Журнал был подчеркнуто просветительским, поэтому выпады против него как против «одной из разновидностей того московского самодурства, которое бьет зеркала в отдельных кабинетах и устраивает „аквариумы“, наливая шампанское в роуль и напуская туда живых стерлядок»*, — выглядели особенно непристойно. Этот перл принадлежал перу бульварного журналиста Семена Любошица, не стеснявшегося в выражениях по адресу Брюсова и его товарищей.

Перечень сотрудников «первого отдела» «Весов» включал всех заметных представителей русского «нового искусства»; многие, правда, участием в списке и ограничились. «Второй отдел» был более пестрым: Поляков (как языковед), брюсовские приятели Каллаш, Саводник и Миропольский (как специалист по эзотеризму и спиритизму; однако значительную часть книг на эти темы Брюсов рецензировал сам), композиторы Ребиков и Рачинский, писавшие романсы на стихи Валерия Яковлевича, Блок и Ремизов на всякий случай. Завлекательно выглядел и список стран, где журнал имел корреспондентов: Франция, Германия, Англия, Италия, Испания, Дания, Норвегия и даже Индия. Подписная цена за двенадцать книжек объемом по 6–7 печатных листов составляла пять рублей, что было нормально для толстого журнала объемом в несколько раз больше, но без художественного оформления. Гонорар был назначен: для статей — пятьдесят рублей за печатный лист, для рецензий и заметок — десять копеек за строку**.

Что дал Брюсов «Весам», видно из библиографии. В течение первых двух лет, до появления беллетристического отдела, он написал множество рецензий и заметок, составлял хронику, делал переводы, редактировал поступавшие в редакцию рукописи. Всего он использовал в «Весках» 22 псевдонима, не считая неподписанных текстов. «Не было в журнале ни одной строки, — констатировал он в „Автобиографии“, — которую я не просмотрел бы как редактор и не прочитал бы в корректуре. Мало того, громадное число статей, особенно начинающих сотрудников, было мною самым тщательным образом переработано, и были случаи, когда правильнее было бы поставить мое имя под статьей, подписанной кем-нибудь другим». В 1913 году, в момент написания приведенных строк, Брюсов мог гордиться сделанным, но в июле 1904-го горько жаловался Иванову: «Вся работа оказалась на мне. „Весы“ отнимают у меня всю жизнь; изо дня <в день> у меня остается свободного времени, только

* -бо- <Любошиц С. К.> Кустари // Новости дня. 1904. № 7444. 26 февр. С. 2.

** Письмо Блоку (21 ноября 1903): ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 485.

Валерий Брюсов
Открытка. 1901

чтобы отдохнуть, не более. И через это самое дело идет хуже, чем могло бы. У меня недостает ни времени, ни внимания, ни даже знаний — для многого. Я не успеваю писать нужнейшие редакционные письма. Я упускаю многое в хронике, еще больше в библиографии. Я не могу выправлять всех статей (а многие в этом нуждаются) и читать все корректуры. Не говорю уже о том, что будучи один, я не могу отлучиться из Москвы и в случае моей болезни „Весы“ просто останутся. Во-вторых, я не могу примириться с той беспорядочностью, какая царит в конторе. <...> Для распространения „Весов“, для рекламы не делается ничего. <...> Редакцию и контору „Весов“ надо перестроить в основании или бросить все дело. Быть редактором нечитаемого журнала, журнала обреченного вечно иметь 500 подписчиков, я не хочу. Ведь не ради 100 рублей, получаемых мною за редактирование, хлопочу я о „Весках“*.

* ЛН. Т. 85. С. 455–456.

Что дали «Весы» Брюсову? Он реализовал себя. У него появился журнал, где он был пусть не полновластным, но хозяином, где он мог воплотить свои мечты: знакомить русского читателя с шедеврами и последними достижениями «нового искусства», оперативно откликаться на значимые книги, выставки и спектакли, привлекать и воспитывать литературную молодежь, отсекал эпигонов, высмеивать неучей и хулиганов от литературы. Здесь Брюсов отточил мастерство рецензента, которым овладел в «Русском архиве»: в короткой заметке дать точное представление о книге, сберегая время потенциальному читателю. Здесь он стал блестящим полемистом. Здесь завершил построение символистской фаланги.

Брюсова за работой увековечил Андрей Белый:

«— Да, да... Книгоиздательство „Скорпион“! — раздается металлический голос, четкий. <...> Это вы вошли в редакцию „Весов“. Полки, книги, картины, статуэтки. И вот первое, что вам бросилось в глаза: в наглухо застегнутом сюртуке высокий, стройный брюнет, словно упругий лук, изогнутый стрелой, или Мефистофель, переодетый в наши одежды, склонился над телефонной трубкой. Здоровое, насмешливо-холодное лицо с черной заостренной бородкой — лицо, могущее быть бледным, как смерть, — то подвижное, то изваянное из металла. Холодное лицо, таящее порывы мятежа и нежности. Красные губы стиснутые, точно углем подведенные ресницы и брови. Благородный высокий лоб, то ясный, то покрытый легкими морщинами, отчего лицо начинает казаться не то угрюмым, не то капризным. И вдруг детская улыбка обнажает зубы ослепительной белизны. <...> Из-под длинных-длинных, точно бархатных ресниц грустные вас обжигают, грустные глаза неприязненно. Вы немного смущены. Вы не знакомы с Валерием Брюсовым. Предлагаете ему вопрос. „Не знаю, право: это касается...“ Вы замолчали. Молчит и он <...> Вас поразила деловитая серьезность поэта безумий Валерия Брюсова, чуть подчеркнутая, будто старомодная вежливость. <...>

— Я к вашим услугам: у меня в распоряжении пять минут.

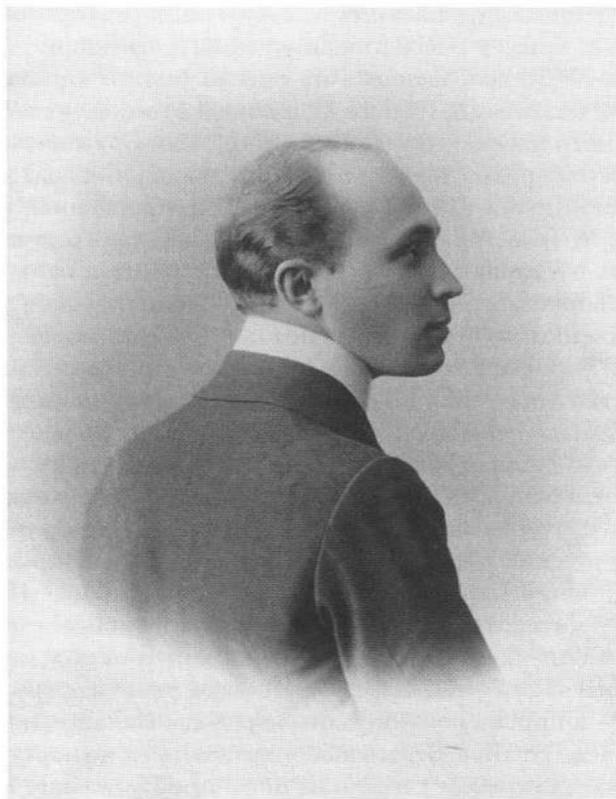
Церемонно пружинным движением показал вам стул. Сам не сел. Руками держась за спинку стула, приготовился вас слушать. <...> Такой талант, такая яркая индивидуальность: мог бы оставить в стороне все посторонние хлопоты? А на нем бремя ответственности за целое движение, охватывающее Россию. Он один его организовал. <...> Часто он кажется властным: ну еще бы, спасибо ему, что он такой. Ведь эта властность вытекает из чувства ответственности. Он сознает ответственность за судьбы того течения, которое ему дороже жизни <...>

Если вы пришли показать стихи, он холодно разберет каждое слово, разобьет в вас ваше горделивое самомнение. Не только укажет на недостатки, но и с математической точностью их докажет. Попутно сделает экскурсию в историю литературы, осыпет градом цитат, ухватится за одно слово хорошо вам известного стихотворного отрывка и этим словом стряхнет с вас ходячие взгляды поэтов и критиков на индивидуальность разбираемого поэта. Если вы пришли к нему, желая сообщить свои соображения о том или ином идейном течении, он с любознательностью необычайной выпьет у вас все ваши мысли, легко овладеет вашей терминологией, сам сделает вывод из ваших слов, вовсе необычайный, пунктуально доказав, что иного вывода сделать нельзя. <...> Такой он, когда создает свои дивные образы, такой он, когда разбирает перед начинающим поэтом художественные красоты Баратынского и Пушкина или латинских поэтов (руки летают по полкам, книги точно сами собой раскрываются в нужном месте). Таков он в „Скорпионе“ у телефона, в типографии, на выставках*.

Саму редакцию — двухкомнатную квартиру на пятом этаже новомодной гостиницы «Метрополь» (арендная плата — 150 рублей в месяц) — красочно описал Борис Садовской: «Две высокие комнаты в стиле „модерн“; синие обои, пол паркетный, огромные окна. В первой комнате направо от входа — телефон, слева — вешалка и полка для книг; за полкой — незаметная дверца в каморку Василия**; стол перед окном. В простенке — большой портрет Ницше <...> Тут же портрет-триптих З. Н. Гиппиус в белом со шлейфом платье. Направо дверь в кабинет редактора. Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографские счета, пачки корректур, письма Рене Гиля и Реми де Гурмона, роскошно переплетенные экземпляры „Весов“, рукописи, конверты. В глубине комнаты, справа от входа, стол с книгами, присланными для отзыва; на краю стола, свесив ноги, сидит гипсовая нимфа; всюду статуэтки, безделушки, изящные вещицы. Над шифоньеркой между столами портреты Метерлинка, Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна, много рисунков. На стенах картины Борисова-Мусатова, Феофилактова, Сапунова. У задней стены турецкий большой диван. Здесь собирались мы по вторникам для дружеских бесед. Ни вина, ни чаю не полагалось; не было ни шуток, ни смеха; юмор целиком уходил в статьи. Но как весело было ходить сюда! Как

* *Белый А. В. Брюсов: (Силуэт) // Свободная молва. 1908. № 1. 28 янв. С. 3–4; перепеч.: Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. I. С. 350–366.*

** Василий Курников — артельщик (служащий конторы) «Скорпиона» и «Весов».

Борис Садовский

Фотография М. В. Дмитриева. Нижний Новгород. 1914. ИРЛИ

мы любили нашу редакцию! <...> Мальчишеством, в сущности, и был проникнут этот для многих серьезный и грозный журнал. Мы беззаботно резвились на его страницах. Строгость Брюсова тоже была напускной: мальчик, изображающий редактора. Но мы его боялись и чтили*. Белый, однако, утверждал: «Он не держался „редактором“, не штамповал, не приказывал — лишь добивался советом того или этого: он оберегал со-бойцов, чтобы в личной, порой упорной беседе добиться от нас — того, этого: мягкими просьбами»**.

Брюсов определял стратегию и тактику «Весов» и ведал «разделением труда». Главными теоретиками стали Белый и Иванов, получившие полную свободу. Порой Валерий Яковлевич спорил

* *Садовской Б. «Весы». (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее. Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 19–20.*

** *Белый А. Начало века. С. 179.*

с ними, демонстрируя открытость журнала для добросовестной полемики: пример — его статья «В защиту от одной похвалы» (В. 1905. № 5), возражавшая на статью Белого «Апокалипсис в русской поэзии» (В. 1905. № 4), и новый ответ Белого «В защиту от одного нареkania» (В. 1905. № 6)*. Сам Брюсов как теоретик выступал редко, но метко, открыв два первых года издания статьями «Ключи тайн» (В. 1904. № 1) и «Священная жертва» (В. 1905. № 1), которые воспринимались как программа журнала: в них отстаивалась идея свободы творчества от ограничений нетворческого характера, будь то политические (против «общественников») или религиозные (против «идеалистов»). Бальмонт присылал в основном эссе: редактор не стеснял «брата Константина», зная привлекательность его имени для читателей. Однако, учитывая характер журнала, не менее, чем теоретики, ему были нужны рецензенты и обозреватели.

Лучшим рецензентом «Весов» был сам Брюсов, хотя, конечно, не все его отзывы были одинаково высокого уровня: кроме книг русских и французских поэтов и критиков, он разбирал сочинения Кардека и дю Преля о спиритизме, «Историю японской литературы» В. Астона, «Морской сибирский путь на Дальний Восток» Л. Брейтфуса и «Латынь и проблема международного языка» Ш. Андре. Особо надо отметить его выступления по вопросам поэтического перевода. Нечасто, но качественно писал Иванов. Белый выступал активно, но нерегулярно, загораясь интересом к той или иной проблематике. Работой ученых-филологов Брюсов остался недоволен: «Надо выбрать одно: или *интересные* рецензии, или рецензии о *интересных* книгах. Я окончательно решил выбрать первое и раскаиваюсь, что давал в „Весках“ место разным пустословиям В. Саводника (В. С.), В. Каллаша (В. К.) и других ради только того, что о таких-то изданиях надо было иметь отзыв. Рецензия сама по себе должна представлять ценность и интерес — только тогда ей место в „Весках“**». Добавлю, что он не опубликовал хвалебный — и малопонятный для «непосвященных» — отзыв Блока о «Urbi et orbi», объяснив это соображениями тактики: «и так „Русь“ все попрекает нас, что мы друг друга славим***».

Продуктивным оказалось привлечение в журнал начинающих литераторов, которым редактор заказывал рецензии и подсказывал желаемые — по соображениям тактики — оценки. Первое время главным объектом атак были реалисты-«знаньевцы»,

* В этих статьях Брюсов и Белый обращались друг к другу по имени и на «ты», чего никогда не делали в жизни.

** Письмо Семенову (19 ноября 1904): *Семенов М. Н.* Вакх и Сирены. С. 497.

*** Письмо Блоку (до 23 февраля 1904): *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 488.

которых «Весы» третировали за «бездарность» и «бескультурие» (идея привлечь в журнал Леонида Андреева была сразу же похоронена). «Принимая в расчет, что „Сборники Знания“ расходятся в громадном количестве экземпляров, — писал Валерий Яковлевич в рецензии на четвертую и пятую книги этого издания (В. 1905. № 4), — надо признать, что они развращают и принижают литературный вкус читателей. Все любящие русскую литературу и русскую речь должны бы бороться с влиянием этих Сборников». Борис Садовской вспоминал: «Брюсов взял со стола брошюру Боцяновского о Вересаеве. „— Вы, вероятно, не особенно любите Вересаева. Боцяновский же пишет прямо идиотские вещи. Так вы их...“ Я с восторгом подхватил мысль Брюсова. <...> Перспектива „пробрать“ Боцяновского показалась мне заманчивой»*. Рецензия, правда, в печати не появилась (не хватило места в майской книжке 1904 года, потом пропала злободневность), но ее автор вскоре превратился в боевого полемиста, прозванного «цепной собакой»**.

Валерий Яковлевич привлек в «Весы» молодого Корнея Чуковского, не смущаясь его репутацией «одесского репортера»: «Брюсов выволок меня из газетной трясины, затягивавшей меня с каждым днем все сильнее, приобщил меня к большой литературе и руководил мною в первые годы работы. При этом он ни разу не становился в позу учителя. Вся сила и прелесть его педагогики заключалась именно в том, что эта педагогика была незаметна»***. Их первая встреча произошла в Петербурге в середине января 1906 года, в редакции журнала «Сигналы», который редактировал Чуковский. В письме к жене он описал «черного высокого господина. Стыдливо такого. Очень простого и все будто задумавшегося. — „Я, Корней Иванович, к вам“. — Я думаю, что это какой-нибудь художник, прошу его подождать, а сам выхожу в другую комнату, <...> Александр Адсольфович мне говорит: отчего же вы Брюсова оставляете одного? — Какого Брюсова? — „А в той комнате“. Бегу, оказывается, что это настоящий Валерий Брюсов. Пришел просить моего постоянного сотрудничества в „Весы“. Сразу заговорил о литературе, о Суинберне, о Россетти, о Уитмане. <...> Я просто в него влюбился. Знаю, что он не так хорош, что простота у него деланная, — но все же мне приятно сохранять такой оазис — среди пошлых и скучных встреч последнего времени»****.

* Садовской Б. «Весы». С. 18–19.

** Щербаков Р. Л. Переписка В. Я. Брюсова с Б. А. Садовским // НЛО. 1993. № 4. С. 101–122.

*** Чуковский К. Из воспоминаний. С. 332–333.

**** Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 14. С. 78.

Нескольких перспективных авторов Брюсов все же упустил: не проявил интереса к предложениям Блока, у которого сам просил рецензий; не настоял на участии в «Весак» и «Скорпионе» Ремизова, творчество которого не нравилось Полякову. Если Блок поначалу не был интересен Брюсову ни как человек, ни как поэт (такого же мнения о нем придерживался Бальмонт), то Ремизов, с которым он познакомился 1 ноября 1902 года, обратил на себя его внимание как представитель «крайнего красного лагеря» (тот ненадолго приехал в Москву из вологодской ссылки). В результате Блок и Ремизов стали постоянными авторами «Нового пути» и изданий Соколова*. Всего по разу выступили в «Весак» будущий лидер «антибрюсовского» лагеря Георгий Чулков и Владислав Ходасевич.

Гордостью «Весов» стали международные связи, каких тогда не было ни у одного русского журнала. Их установление потребовало больших усилий: несмотря на славу Толстого и Достоевского, Россия воспринималась Европой как культурная периферия (к тому же не участвовавшая в конвенциях об авторских правах**), а о существовании там модернизма вообще мало кто знал. Надежд на то, что именитые литераторы согласятся специально писать для еще не выходящего русского журнала, почти не было, поэтому приходилось рассчитывать или на личные связи, или на «второй-третий сорт». Меньше всего проблем было с Англией: именитый оксфордский профессор Уильям Морфилл, редактор «The Athenaeum», лично знал Бальмонта и заочно Брюсова как обозревателей своего журнала и согласился стать корреспондентом «Весов». Семенов взял на себя итальянцев, обеспечив участие в журнале молодого, но уже известного Джованни Папини.

О Германии писали «русские немцы» Максимилиан Шик и Артур Лютер. Шик в детстве жил в Москве и окончил гимназию в Лейпциге; вернувшись в конце 1901 года в город своего детства для получения русского аттестата зрелости, он увлекся «новым искусством», исправно посещал театральные премьеры,

* Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) / Вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова. Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 137–222.

** «В конце 80-х – начале 90-х годов в русской печати широко обсуждался вопрос о целесообразности присоединения России к заключенной в 1886 году международной Бернской конвенции для защиты литературных произведений и о возобновлении истекших в 1886–1887 годах двусторонних литературных конвенций России с Францией и Бельгией. <...> Брюсов <...> горячо возражал против отношения к созданию поэта как к товару, оцениваемому по рыночной стоимости» в статье «К вопросу о литературной конвенции» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 36. Ед. хр. 46), написанной в начале 1894 года, но оставшейся неопубликованной (коммент. С. И. Гиждина: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 644).

730

Kuther, Valer Neijsson

730

Heißlich, der unermüdliche Friedrich Heibel läßt bei Neijsson ein Gedicht nach dem anderen erscheinen. Aber ich glaube, die russische Kritik beachtet sich mit seinen Arbeiten viel mehr als die deutsche. Auch wohl müssen wir ihm dankbar sein. Einmalen von Vermonstom, Merzi, Zeltzer, Kolgom hat er wunder schön überreicht. Aber um all den verdienstlichen Inhaltswandlungen, die er j. B. in seinem „Rustischen Bureau“ vereinigt hat, gerecht zu werden, reicht seine Kraft nicht aus, wie sollte sie auch? Dinitz all der Refraktionen, Jolowanz, Radion schaut denn doch am Ende derselbe Friedrich Heibel hervor.

Und doch verdiente gerade die neuere russische Lyrik viel mehr erkannt zu werden, als sie es ist.

Sichtlich ist, nicht nur im Russische, sondern auch in Rußland selbst. Ich habe hier schon öfter von einer Überzahl jüngerer Künstler gesprochen, die verdienstfertige Neuentwicklungen „bedenklich“ getraut sind, weil die ersten Versuche der jüngeren Leute stark von ausländischen Vorbildern beeinflusst waren. Und wie man sie nur sehr selten nennt, so nennt man sie heute noch. Doch sich unter ihnen eine ganz beträchtliche Anzahl starker, eigenartiger Talente befindet, davon acht kaum jemand etwas.

Jedes war auch von Natom, Weijsson, Neijsson selbst wird mit dem herkömmlichen Dichtergeschicht befaßt. Und wer etwa zu behaupten mag, die russische Lyrik sei nicht nur einer neuen Welle entgegen, sondern habe schon mitten darin in dieser Welle, der hat sich blamiert für alle Zeiten.

Was weiß natürlich nicht, ob das nur Unverständnis oder auch Böhrigkeit ist. Von einem rechtshändigen Dichtungsverständnis kann man natürlich nicht verlangen, daß er alles das versteht, worüber er schreibt. Aber auch das Publikum denkt ebenso, nicht nur der Jahrbücher, sondern selbst die von redigierten im Hande sein müssen, schließlich zu empfinden. Die Versuche dieser auf den ersten Blick so sonderbaren Erscheinung liegen dieser, als man gewöhnlich annimmt. Die russische Lyrik ist am Ende, nachdem schon zwei Jahrhunderte seit der Gründung Petersburgs, daß „Heißlich nach Gensop“ vertrieben sind, immer noch eine Qualität. Immer noch führt man bei halbwegs energischem Strahlen zwar nicht auf den vornehmlichen Latenzen, wohl aber auf den Barbaren. Dieser Barbar hat den mystischen Schauer vor dem Auge als solchen noch nicht überwinden. Bei einem Dichte, dessen größere Dichte aus Analphabeten besteht, ist das Ver-

ständnis immer noch eine Art spärlicher Kraft. Von dem Buch verlangt der Leser vor allem Beherrschung. Das wäre an sich nun kein Fehler. Ich habe schon früher einmal in diesem Blatte den Gedanken ausgesprochen, daß der Mensch der „l'art pour l'art“ für Rußland ein nationales Ideal wäre. Gerade in dem leidenschaftlichen Eifer, mit dem die russischen Schriftsteller für Ideale und Prinzipien kämpfen, die dem Wohlstande schon so sehr in Fleisch und Blut übergegangen sind, daß er sie kaum beachtet, liegt das Geheimnis ihrer großen internationalen Wirkung.

Es ist nur selber auch ein Mann bei der Sache.

Wer unten steht, sieht nur die Dinge unten lieh, alles Höhere verschwindet in grauem Nebel. Das Wort „Bekehrung“ in Rußland durchaus zu einer Zeit, zu hochalldem genommen. „Was die Höhe bildet, selbst nur es gemacht werden“, sagte Goethe, als sein Gedemant an Worten herauszukommen mochte. Die Zerkai über Worten denkt, weiß ich nicht, aber seine Intellekt über Friedrich Heißlich, Richard Wagner, Arnold Schönberg, Gustav Mahler sind weitbekannt. Zerkai ist Wüste durch und durch, wenn er etwas „Mysterisches“ und „Entel“ zum Dichte“ zur höchsten Kunst rechnet und Höheren, Mysterioses und Goethe zur „Schleichen“.

Doch jedes edle Kunstwerk vor allem die Offenbarung einer großen Persönlichkeit ist und doch darin allem schon ein gewaltiger Widerspruch liegt, daß hat man in Rußland noch nicht begriffen. Darunter aber hat keiner so gesehen, wie der letzte Dichter. Der populäre Dichter Rußlands ist immer noch Heißlich; man begreift seine ungeschicklichen, deren Zahl allerdings nicht groß ist, sondern für seine ganz uninteressanten verächtlichen Dichterei.

In den wichtigsten werden dann bei jenen verstorbenen Nation mit seinen gut gemeinten, aber kraftlos verstandenen Bestrebungen von Menschen und Dichterei auf den Schritt gehalten. Gewiss natürlich große Fehler aber, wie Zerkai und Heißlich, nur man (und ich es auch heute noch) beizubringen ungerade, weil sie als Politiker zu sehr recht haben. Doch sie für die letzten Gegenstand in sogenannten „Kontroversen“ streiten um so eiliger herauszufinden werden, vertriebt sich von selbst. Aber ob man lieber oder tadelt, der Blick darüber und bereit sich sehr uninteressant um jene Schöpfungen, die der Zeit angediehen und mit der Zeit vergehen werden; die Werke aber, die

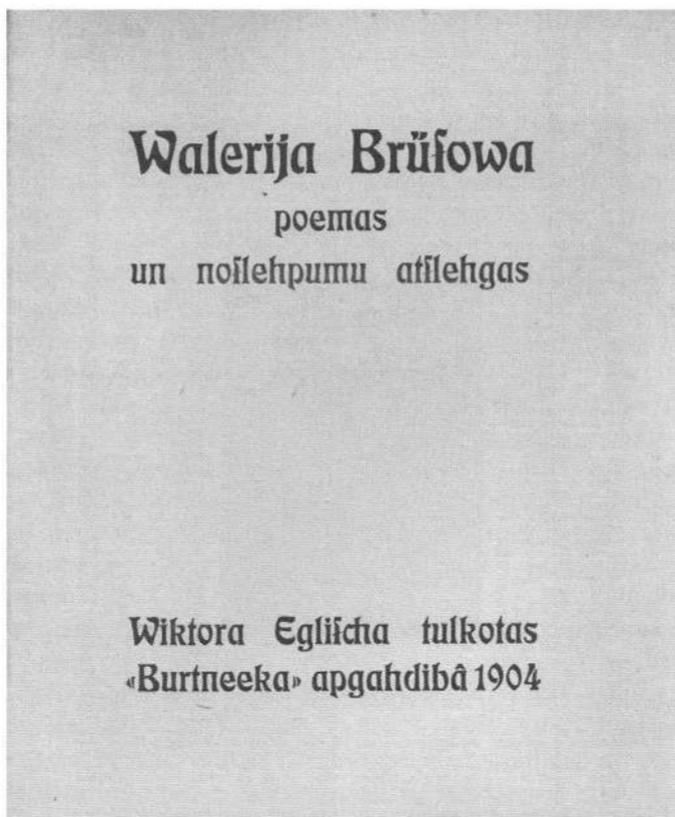

Valer Neijsson.

Фрагмент статьи Артура Лютера о Валерии Брюсове в немецком журнале «Das litterarische Echo» (1904. № 11)

лекции и диспуты, а в конце 1902 года познакомился с Брюсовым, став его частым собеседником. В 1903 году Максимилиан Яковлевич уехал в Берлин и поступил в университет, но регулярно сообщал в Москву литературные и художественные новости, а годом позже стал официальным корреспондентом «Весов», писавшим обзоры, рецензии и хронику. Не довольствуясь ролью хроникера, Шик хотел стать мостом между двумя культурами и уже летом 1903 года задумал книгу «О современной русской поэзии» для немецкого читателя, к сожалению, оставшуюся ненаписанной*; в 1907 году он вернулся в Москву,

* План книги в письме Брюсову (1 августа 1903): *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 203–204.

Первое отдельное издание произведений Брюсова
на иностранном языке — сборник стихотворений
в переводе Виктора Эглитиса на латышский язык (Рига, 1904)

Обложка

где прожил до конца жизни. Уроженец Орла Артур Лютер был однокурсником Брюсова по университету, затем преподавал немецкий язык в учебных заведениях Москвы и много писал для русской и германской периодики: ему принадлежит первая серьезная статья о Брюсове на немецком языке, опубликованная в журнале «Das litterarische Echo», который, как говорилось выше, был одним из образцов для «Весов»*. Шик и Лютер прославились переводами русской литературы на немецкий язык, но судьбы их сложились по-разному: оказавшись летом 1914 года в Германии, Лютер так и не смог вернуться в Россию и даже был интернирован как «вражеский подданный».

* *Luther A. Valer Brjussow // Das litterarische Echo. VI Jg. 1904. № 11. 1. März. Sp. 758–765.*

Из Норвегии писала поэтесса Дагни Кристенсен, возлюбленная Бальмонта. С датской литературой читателей знакомил... коммерсант из Вологды Оге Маделунг, приятель Ремизова и других политических ссыльных (Николая Бердяева, Павла Щеголева, Бориса Савинкова, Ивана Каляева); позднее он стал известным прозаиком, писавшим по-немецки и по-датски, но первые рассказы создал на русском языке и послал Брюсову, который напечатал один из них в «Северных цветах»*. С латышской — поэт Виктор Эглитис, в переводе которого в 1904 году вышел первый сборник стихов Брюсова на иностранном языке. А вот в Северо-Американских Соединенных Штатах корреспондентов не было, по этой причине первый американский декадент Джордж Вирек остался неизвестным в России.

Наибольшее внимание привлекала Франция. Париж претендовал на звание литературной столицы Европы (а значит — и мира), поэтому без новостей оттуда было не обойтись, и все уважающие себя русские журналы имели там более или менее постоянных корреспондентов. Замысел Брюсова требовал французских авторов, причем с «именем». На помощь пришел поэт и художник Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин, с 1901 года живший в Париже и ставший «своим» в тамошних литературных и художественных кругах. В начале 1903 года он приехал в Россию, вооруженный рекомендательными письмами к Брюсову от Бальмонта и Яценко**. Впервые Волошин увидел Валерия Яковлевича 23 января 1903 года на Религиозно-философском собрании в Петербурге: не зная, кто это, запомнил «лицо испугленного, изувера раскольника», — а днем позже познакомился с ним в редакции «Нового пути»: «„Как можно ошибаться в лицах“, — подумал я, когда увидел, что это лицо может быть красивым, нежным и грустным»***.

Отношения Волошина с «Новым путем» не задались: его стихи появились там в грубо искаженном Перцовым виде, а затем были изруганы Гиппиус, — но среди московских символистов он имел большой успех. Заинтересовался им и Брюсов. В конце 1903 года Макс, как звали его друзья и как он сам подписывал письма и статьи, отправился в Париж, имея при себе удостоверение «редактора отдела изящных искусств» «Весов». На протяжении 1904 года Волошин был одним из ведущих

* Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к датскому писателю О. Маделунгу / Сост., подг. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976. Письма Брюсова переч.: Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 175–182.

** Переписка с М. А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. ст., публ. и коммент. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова // ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 251–399.

*** Волошин. С. 407.

Максимилиан Волошин
1900-е

сотрудников журнала (уже в первом номере появилась его статья «Скелет живописи»). По просьбе Брюсова он взял на себя контакты с местными литераторами и художниками, сумев привлечь к оформлению «Весов» Одилона Редона (апрельский и майский номера 1904 года целиком оформлены им). Правда, рассчитывать на «мэтров» вроде Анатоля Франса не приходилось, а визит к Метерлинку закончился неудачей. Реми де Гурмон разрешил объявить свое участие в журнале, но ограничился позволением переводить уже опубликованные статьи и советом привлечь к работе своего куда менее знаменитого брата Жана. Полезным сотрудником стал секретарь редакции «Mercure de France» Адольф Ван Бевер, однако у него не было «имени». Самой крупной рыбой в неводе «Весов» оказался Рене Гиль — известный в узких кругах, но непопулярный и мало читаемый теоретик «научной поэзии», давний знакомый Александры Гольштейн, дружески опекавшей Волошина.

В истории французского символизма Гиль без ложной скромности ставил свое имя вслед за Верленом и Малларме. Практически не имевший доступа в парижскую прессу, он охотно согласился писать для московского журнала. При отсутствии других «имен» выбирать не приходилось. Гиль был одним из активнейших авторов «Весов» на протяжении всех лет их существования, позднее продолжив сотрудничество с Брюсовым в «Русской мысли» и с Волошиным в «Аполлоне». Валерий Яковлевич с уважением писал о его «научной поэзии» и периодически ссылаясь на его авторитет (хотя почти не переводил стихи «мэтра»), в результате чего в России Гиль казался серьезной литературной величиной. Впрочем, так думали не все. 15 декабря 1904 года в письме Брюсову из Парижа Семенов назвал Гиля «иксом*, да к тому же скучным», добавив, что «так же на него смотрят и все те французы, с которыми я здесь встречаюсь, а это все народ, так или иначе причастный к литературно-художественным кругам**». «Хвастливый француз пользуется страницами русского журнала для того, чтобы полемизировать со своими литературными врагами, главное же — сочинять себе панегирики как реформатору», — отмечал Эмилий Метнер в екатеринославской газете «Приднепровский край», которая, благодаря ему, оказалась не только хорошо информированной о «новом искусстве», но и превозносила его. Уже после «русской славы» Михаил Кузмин назвал Гиля «секундной рябью», которую Брюсов принял за «движение воздуха», а Илья Эренбург — «захудалым поэтом».

Насколько Валерий Яковлевич понимал это, судить трудно, но несомненно, что он дорожил сотрудничеством Гиля и интересовался его теориями. Могла привлекать его и поза непризнанного новатора, которую принимал Гиль, — Брюсов тоже был новатором и тоже прошел через непризнание. Однако трудно поверить в то, что он, неплохо знавший французскую литературу и разбиравшийся в поэзии, соглашался с экстравагантными оценками «мэтра» и принимал на веру его рассказы о собственном величии и поголовном восхищении современников. Публикатор их содержательной переписки Р. М. Дубровкин попытался показать истинный масштаб творчества Гиля и характер его статей для «русского рынка» в контексте современной ему французской литературы, а не через призму брюсовских похвал. «В парижской литературной среде первых лет XX века Рене Гиль был самое большое курьезным воспоминанием

* То есть неизвестной величиной: так Брюсов в письме к нему назвал Ван Бевера.

** Семенов М. Н. Вакх и Сирены. С. 500–501.

Рене Гиль

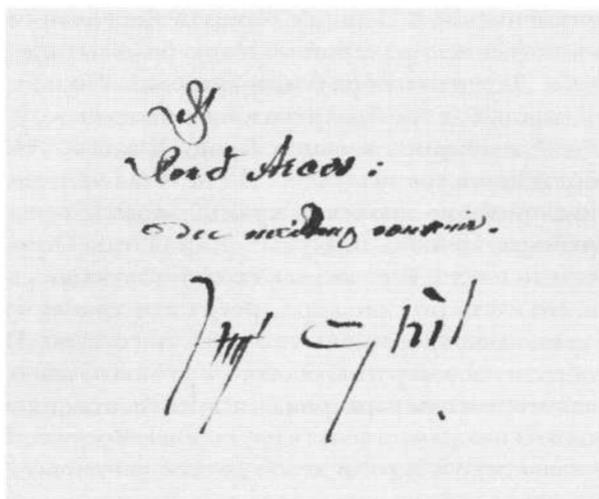
Портрет работы Ф. Валлотона. 1896

об отгремевших сражениях символизма. Для того чтобы убедиться в полноте забвения, достаточно просмотреть указатели к корреспонденции тогдашних писателей, отчеты о литературных событиях, мемуары и т. п. Имени Гиль там не обнаруживается даже в случайных перечислениях. <...> В чужой стране, на чужом языке Гиль, годами не печатавшийся у себя на родине, теперь вступал в спор с ведущими парижскими критиками <...> Французский раздел „Весов“ — журнала, претендующего на всемирность, — получился в результате не столько партийным (чего, собственно, и добивался Брюсов), сколько однобоким. <...> Мы можем без преувеличения утверждать, что, начиная с 1905 года, „Весы“ проглядели или неверно интерпретировали все яркие литературные события эпохи*.

Возможно, этот вывод является слишком жестким, но он вносит необходимые коррективы в сложившиеся представления.

Появление «Весов» совпало с началом Русско-японской войны, поэтому в списках книжных новинок сразу же появился особый раздел изданий о Дальнем Востоке. Брюсов не сомневался в скорой победе России. Стихотворение «К Тихому океану», опубликованное в «Русском листке» 29 января 1904 года, на следующий день после объявления войны, вызвало восторженные

* Дубровкин Р. Рене Гиль — Валерий Брюсов: Хроника одной переписки // Рене Гиль — Валерий Брюсов: Переписка. 1904–1915 / Публ., вступ. ст. и коммент. Р. Дубровкина. СПб., 2005. С. 16, 24, 39, 29.

Дарственная надпись Рене Гиля Рене Аркосу
на книге «Даты и творения. Символизм и научная поэзия» (Paris, 1923):
«A René Arcos: avec meilleurs souvenirs. René Ghil»
(«Рене Аркосу: с наилучшими воспоминаниями. Рене Гиль»)
ВЭМ. Публикуется впервые

отзывы Перцова: «Я порадовался: нужно продолжать Тютчева», — а позднее Петра Струве, марксиста, ставшего империалистом: «поэтическая жемчужина патриотической мечты»*. Главную идею: господство на Тихом океане есть историческое предназначение России — Брюсов повторил Волошину в начале февраля: «Япония будет раздавлена страшной тяжестью России, которая катится к Великому Океану по столь же непобедимым космическим законам, как лавина катится вниз, в долину»** — и развил в одной из «весовских» рецензий: «Русским людям всех направлений понятно, что ставка идущей теперь борьбы: будущее России. Ее мировое положение, вместе с тем судьба наших национальных идеалов, а с ними родного искусства и родного языка, зависит от того, будет ли она в XX веке владычицей Азии и Тихого океана. Каковы бы ни были личные симпатии того или другого из нас к даровитому народцу восточных островитян и их искусству, эти симпатии не могут не потонуть в нашей любви к России, в нашей вере в ее назначение на земле»***.

* Струве П. Б. Наше «бездарное» время // Полярная звезда. 1906. № 14. С. 225.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 310.

*** В журналах и газетах // В. 1904. № 4. С. 73. Авторство установлено И. М. Брюсовой: Библиография. С. 32.

19 марта в письме к Перцову Валерий Яковлевич выразился еще воинственнее: «Ах, война! Наше бездействие выводит меня из себя. Давно нам пора бомбардировать Токио <...> Надо бросить на произвол судьбы Артур и Владивосток — пусть берут их японцы. А мы взамен возьмем Токио, Хакодате, Йокогаму! <...> Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливейшие японские храмы, музеи с вещами Кионаги, Оутомара, Йейши, Тойкуны*, Хирошимы (Хиросигэ? — В. М.), Хокусаи и всех, всех их, так странно звучащих для арийского уха. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого, — а я за варваров, я за гуннов, я за русских! <...> Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке. Великий Океан — наше озеро, и ради этого „долга“ ничто все Японии, будь их десяток! Будущее принадлежит нам, и что перед этим не то что всемирным, а космическим будущим — все Хокусаи и Оутомара вместе взятые»**. Он не случайно признался, что любит японское искусство и хотел бы увидеть его шедевры не только в России или Европе, но и в самой Японии. Вот еще одно признание, более позднего времени, но о том же: «Мы (круг „Весов“. — В. М.) тоже разрушаем — но оковы, мешающие нам свободно двигаться, и стены, закрывающие нам дороги. Но мы не имеем и не можем иметь ничего общего с теми „молодыми“, которым хочется сокрушить античные статуи за то, что это статуи, и поджечь дворцы за то, что это дворцы. Конечно, и в варварстве, как во всем в мире, есть своя прелесть, но я не колеблясь поставлю скорострельную пушку для защиты Эрмитажа от толпы революционеров»***.

Перцов был настроен менее воинственно и более скептически. Он не успел ответить Брюсову, как произошло событие, моральные последствия которого оказались столь же тяжелыми, как и военно-политические: 31 марта, подорвавшись на mine, затонул флагман Тихоокеанской эскадры броненосец «Петропавловск», на котором погиб командующий эскадрой вице-адмирал С. О. Макаров. Брюсов посвятил этому статью «К несчастью с „Петропавловском“»: «декадент» читал отчеты о результатах ходовых испытаний военных кораблей! — но не

* Имена японских художников в тогдашней транскрипции; ныне принято: Киёнага, Утамаро, Эйси, Тоёкуни.

** Цит. по: Перцов П. П. Брюсов в начале века (1901–1903) // Знамя. 1940. № 3. С. 253.

*** Письмо Кузмину (3 августа 1907): Кузмин М. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 175.

смог пристроить ее ни в одно издание*. 3 апреля Перцов писал ему: «Теперь, после чудовищного 31 марта все другое заслонилось. Какие дни мы переживаем! Не хочется ни говорить, ни думать об „этом“ — и только о том и думаешь. Как мог случиться этот ужас?» Затем последовал ответ на «выкладки» адресата: «А стратегия Ваша — та более эстетична, нежели практична. Конечно, красиво, как Хокусаи дробятся от бомб, — вопрос: как до них добраться? „По морю аки посуху“? Сменить Порт-Артур на Токио, вероятно, никто бы не отказался, но отдать первый легче, чем получить второй».

В частных письмах Брюсов давал волю эмоциям, но стремился сделать политическую линию «Весов» — если вообще можно говорить об их «линии» — максимально нейтральной. Журнал цитировал японофобские филиппики Реми де Гурмона, на соседних страницах давая статью о художнике Харунобу. Октябрьский и ноябрьский номера 1904 года были оформлены в японском стиле, причем часть воспроизведенных в них гравюр была заимствована из «собрания редакции»: «Помещая в этом номере ряд воспроизведений японских рисунков, мы хотим напомнить читателям о той Японии, которую все мы любим и ценим, о стране художников, а не солдат, о родине Утамаро, а не Ойамы**». Апология культуры врага в дни, когда все связанное с Японией объявлялось «желтой опасностью», выглядела вызывающе, противореча не только официальному курсу, но и настроениям большей части общества. 23 ноября Семенов писал Брюсову из Парижа: «Обложка произвела самое удручающее впечатление, на одних (из которых первый есмь аз) из патриотических соображений, и решительно на всех из эстетических. <...> Тут уже ходит версия, что редакция „Весов“ поместила этот рисунок из ненависти к японцам, из желания показать, насколько скверно их искусство». Брюсов решительно не согласился: «Как только возникла у нас с Сергеем Александровичем мысль сделать „японский“ №, мы спросили себя: не будет ли это бестактно. И, рассудив, решили, что нет. „Весы“ должны среди двух партий японофильствующих либералов и японофобствующих консерваторов занять особое место. „Весы“ должны во дни, когда разожглись политические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело „Весов“ руководить вкусом публики, а не потворствовать ее инстинктам. <...> Что касается художественного достоинства

* Впервые: МС. С. 82–84.

** В. 1904. № 10. С. 39; маршал Ивао Ояма — главнокомандующий японской армией.

«Японский» номер журнала «Весы» (1904. № 10)
Обложка

рисунка на обложке, то спор об этом мог бы стоять на твердой почве, если б мы с Вами изучали специально японское искусство; но оба мы в нем вовсе не знатоки. Вам рисунок не нравится, мне — нравится, и дело кончено». Брюсов болезненно переносил критику в адрес «Весов», принимая ее на свой счет, поэтому Семенов поспешил объяснить: «Если я Вам, может быть, и в резкой форме, указывал на недостатки „Весов“, то мною руководило лишь желание видеть „Весы“ лучшими, и никакого намерения обидеть кого-либо у меня не было. Я имел в виду исключительно дело, а не лиц». Но рисунок на

обложке «японского» номера все равно назвал «скверным», ссылаясь на мнение специалистов*.

К концу лета 1904 года в письмах Брюсова появились скептические ноты. «Начинаю думать, — писал он 29 августа Вячеславу Иванову, — что всю войну с Японией мы проиграем. Мои бодрящие стихи <...> производят теперь чуть не комическое впечатление**». Перелом настроения выразился в статье «Метерлинк-утешитель. (О „желтой опасности“)\», не нашедшей издателя***. «Кажется мне, Русь со дня битвы на Калке не переживала ничего более тягостного. <...> Нельзя безнаказанно „попускать“ столько поражений. Рок не прощает, если его вызываешь на состязание. Победа, настоящая победа нужна нам не столько по военным, даже не по психологическим, а по почти мистическим причинам», — писал он Перцову после сдачи Порт-Артура****. Но никаких побед не было. Наоборот, новая серия неудач русской армии заставляла задуматься над извечным вопросом: кто виноват в случившемся? «Нет, пусть японцы — гении, — отвечал Перцов 24 февраля 1905 года, — пусть их вдвое против нас, пусть у них стосаженные пушки, — но нельзя, нельзя так! Тут что-то *не то*. Проигрываем мы, собственными руками. Если и после этого все еще останется Куропаткин***** и это угрюмое убожество*****, — я брошу вовсе газеты и буду только горланить, как либерал: до-лой войну, до-лой войну!»

Последние слова метили в адресата, которому досталось за появление в «Новом пути» (1904. № 10)***** «тираноборческого» «Кинжала», напечатанного без даты и легко относимого к недавним событиям: «Досаден только его синхронизм с нынешней, слишком безопасной „бурей“ в либеральных стаканах», — сетовал Перцов 14 ноября. «„Эсдечники“ (социал-демократы. — В. М.) называют вас теперь из-за них „русским Беранже“ и „своим“, и это слышать ужасно как-то огорчительно и за вас неприятно», — вторила ему 22 декабря Гиппиус, против публикации, однако, не возражавшая.

«Итак революция, дорогой Петр Петрович! — сообщал Брюсов 10 декабря 1904 года. — <...> Я был на обеих московских

* Семенов М. Н. Вакх и Сирены. С. 494–504.

** ЛН. Т. 85. С. 458.

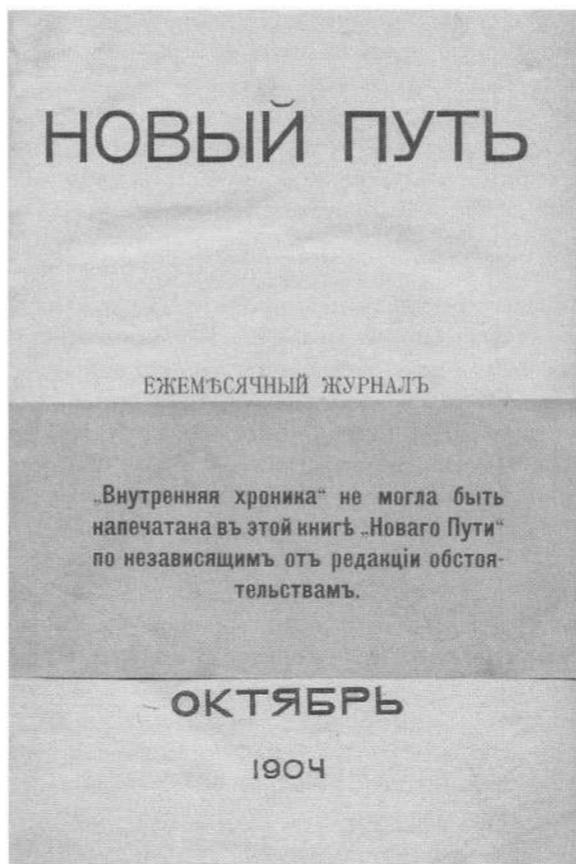
*** МС. С. 84–90.

**** Цит. по: Перцов П. П. Литературные воспоминания. С. 314.

***** Генерал А. Н. Куропаткин, военный министр, главнокомандующий сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии.

***** Вероятно, адмирал Е. И. Алексеев, наместник на Дальнем Востоке и предшественник Куропаткина на посту главнокомандующего.

***** С этого номера в журнале активно участвовали «идеалисты» — группа авторов сборника «Проблемы идеализма» (1903) во главе с Н. А. Бердяевым и С. Н. Булгаковым.

Журнал «Новый путь» (1904. № 10)
с вкладышем, извещающим о цензурном запрете
«Внутренней хроники». В этом же номере опубликовано
стихотворение Валерия Брюсова «Кинжал»
Титульный лист

манifestациях, особенно удачно на первой. Я вошел в кофейню Филиппова, и нас там заперли. Радикалы не могли меня упрекать, что я не примкнул к манифестантам, а правительство не могло меня осуждать, что я присутствовал на манифестации: уйти было нельзя. <...> Потом писали какой-то адрес „к обществу“ с выражением „омерзения“ правительству. Я покорно, и не удивляясь более, подписал»*. Иронический тон письма — по отношению к собственному участию в событиях, а не к самим событиям, включая разгон мирных демонстраций, — не избавил его от

* Русский современник. 1924. № 4. С. 232-234.

упреков бескомпромиссного друга. В ответ Валерий Яковлевич написал стихотворение «К согражданам», призвав отложить внутренние распри до победы над внешним врагом.

Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!

Стараниями Перцова оно появилось в газете «Слово». «Очень спасибо за напечатание стихов к неистовому трибуну, — благодарил Брюсов. — Мне это очень важно и дорого»*.

Петр Петрович понял, что погорячился: «Ну не сердитесь <...> Вас же мне особенно жаль отдавать „либералам“ — даже с чисто художественной точки зрения: ибо Ваши „патриотические“ стихи всегда лучше „возмутительных“. Конечно, никакой либеральный „Тиртей“** (ни даже П. Я.!) не напишет „Кинжала“, но таких стихов, как „К согражданам“ и „Двенадцатый час“, не всегда удавалось писать и Тютчеву. Это вне всякого сомнения, что Вы останетесь политическим поэтом новой России (помимо других Ваших чинов), как Тютчев, Майков, Хомяков и прочие постарше — были поэтами старой. Смотрите же, пишите так, как нужно писать такому поэту». Да и дневники Брюсова говорят о его, как минимум, неоднозначном отношении к происходившему: «Я не мог выносить той обязательности восхищаться ею (революцией. — В. М.) и негодовать на правительство, с какой обращались ко мне мои сотоварищи (кроме очень немногих). Я вообще не выношу предрешенности суждений. И у меня выходили очень серьезные столкновения со многими. В конце концов, я прослыл правым, а у иных и „черносотенником“. Последнее относилось к „р-р-революционным“ „грифам“. Не их ли имел в виду Брюсов, когда в середине февраля 1905 года писал Перцову: „Правовое государство“ — „административный произвол“... Когда я еще раз слышу эти слова, я испытываю жадное желание спустить говорящего с ближайшей лестницы»***?

Окончание боевых действий на Дальнем Востоке совпало с первым серьезным кризисом в «Весах». Семенов уже с начала 1905 года настаивал на введении беллетристического отдела для оживления журнала и привлечения подписчиков. 21 июня

* СС. Т. I. С. 631 (примеч.).

** Древнегреческий поэт (VII век до н. э.), восхвалял спартанскую старину и воспевал доблесть спартанских воинов; считался образцом «гражданского» поэта.

*** Цит. по: Перцов П. П. Литературные воспоминания. С. 316.

Поляков подал соответствующее прошение и 7 октября получил разрешение на изменение программы издания. Неожиданно Брюсов объявил об уходе от редакторства: «„Весы“ покидаю на заботы Брони* и Сергея Александровича», — сообщил он сестре Надежде 3 июля**. Наряду с накопившейся усталостью и раздражением от работы в одиночку свою роль сыграли бурный «роман» с Ниной Петровской, который в тот момент был для него важнее любых редакционных дел, и начало писания «Огненного ангела». И все же собратья, прежде всего Иванов, объявивший его «побег» «дезертирством», уговорили Брюсова остаться: «„Весы“ без тебя — невозможность, или уже не „Весы“...»***. Понимая, что «на заботах Брони и Сергея Александровича» журнал погибает, Валерий Яковлевич в сентябре вернулся к работе, а в декабре подготовил проект реформы редакции, принятие которого совпало с общей реорганизацией журнала.

До осени 1905 года цензура еще действовала, поэтому, говоря о революции, приходилось прибегать к аллегориям. Дело не только в «эзоповом языке»: Брюсов привык смотреть на вещи «в мировом масштабе», даже когда думал о текущей политике. Таково стихотворение «Юлий Цезарь» — одно из его наиболее ярких политических выступлений. По форме это обычный для Брюсова портрет «любимца веков», но в сборнике «Венок» оно вошло в раздел «Современность» с примечанием, что написано «до октябрьских событий», т. е. до Всероссийской политической стачки и Манифеста 17 октября. Несмотря на римские реалии, ясно, что речь идет не о Юлии Цезаре. Или не только о нем:

Хотя б прикрыли гроб законов
 Вы лаврами далеких стран!
 Но что же! Римских легионов
 Значки — во храмах у парфян!
 Давно вас ждут в родном Эребе!
 Вы — выродки былых времен!..

Ни либеральные, ни революционные «Тиртеи» таких стихов не сложили. Кроме того, «неистовые трибуны» жаждали

* Б. М. Рунт (в замужестве Погорелова) стала секретарем редакции «Весов», но общалась в основном с литераторами антибрюсовского лагеря: Погорелова Б. «Скорпион» и «Весы» // *НДЖ*. 1955. Кн. 40. С. 168–178; перепеч.: Воспоминания о Серебряном веке. С. 312–321; *Немирова М. А.* Автографы из старого альбома. Альбом автографов поэтов Серебряного века Брониславы Рунт (1885–1983) из коллекции Государственного музея В. В. Маяковского. М., 2006.

** *ЛН*. Т. 85. С. 279.

*** Письмо Брюсову (1 августа 1905): Там же. С. 477.

свободы любой ценой, а для Брюсова главным оставались государственные интересы России, ради которых он был готов поступиться даже политической свободой:

Да! цепи могут быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты...

Если же «значки римских легионов» оказались «во храмах у парфян»... «Бывают побитые собаки, — писал он Перцову 24 сентября, — зрелище невеселое. Но побитый всероссийский император!»*

Осудив самодержавие, проигравшее «желтолицым макакам», Брюсов видел в революции разрушительную силу, стихию, которой мог любоваться, но не питал иллюзий относительно ее характера и возможных последствий. Еще в 1901 году в письме к Горькому он восклицал: «Лучшие мои мечты о днях, когда все это будет сокрушено. <...> Я не считаю себя вне борьбы. Разве мои стихи <...> не нанесли ни одного удара тому целому, которое и сильно своей цельностью? И если можно будет, о, как весело возьмусь я за молот, чтобы громить хоть свой собственный дом, буду жечь и свои книги. Да. Но не буду братья за молот лишь затем, чтобы разбили мне голову. Для этого я слишком многих презираю**». Конечно, в этих словах много «декадентской» позы, но сквозь нее видна позиция. В протестах и петициях, милых сердцу либералов со времен «великих реформ», максималист Брюсов видел полумеры, годные лишь для того, чтобы тешить самолюбие участников, а потому с иронией относился к политическим «экстраваганцам» Бальмонта. Да и не верится, что он собирался «громить свой собственный дом». Одно дело мечтать о мистическом очистительном костре, в котором сторгит ветхая оболочка дряхлеющего мира. И совсем другое — сталкиваться с пораженчеством, приветствиями в адрес «микадо», стачками, террором, со всем, что неслла России революционная волна.

Но как же быть со стихотворением «Грядущие гунны», написанным осенью 1904 года и доработанным в начале августа 1905 года, заключительные строки которого: «Но вас, кто меня уничтожит, // Встречаю приветственным гимном», — так часто цитировались по поводу и без повода? Оно показывает, что Брюсов видел в революции *только* разрушительное начало, о чем писал еще в 1903 году в отвергнутой Мережковскими

* Письма П. П. Перцову / Публ. и предисл. Г. Лелевича // Печать и революция. 1926. № 7. С. 44.

** ЛН. Т. 27/28. С. 642.

статье «Торжество социализма»: «Прежде чем строить новую, еще небывалую общественную жизнь, — должно сокрушить все современные устои. <...> Если бы социалисты договорили до конца, если бы они смели иногда сознаваться сами себе, — они должны были бы поставить на своем знамени первым словом вопль: „Спалим!“» В стихотворении «Близким», обращенном к радикальной оппозиции и одному из ее литературных воплощений — группе «Факелы», он заявил:

Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!
Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»,
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами, строить — нет!

Не случайно на последнюю строчку — ради которой стихотворение и было написано — обратил внимание Ленин, назвавший автора «поэтом-анархистом»*.

В разгулявшемся хаосе Брюсов не находил себе места. «Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездиновском переулке)**». А живу своей жизнью, сгораю на вечном костре... — писал он Шестеркиной 1 ноября. — Останусь собой, хотя бы, как Андрэ Шенье, мне суждено было взойти на гильотину. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги, — это будет неизбежно. Революция красива и как историческое явление величественна, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны***. Что же делать? Покорно ложиться на плаху или под молот? Ответ — в том же стихотворении.

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

* Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 14. М., 1960. С. 288.

** 19 октября 1905 года И. М. Брюсова писала Н. Я. Брюсовой: «Валю совсем было убили, но „Бог миловал“, только остается сказать. Он, Валя, замешался в толпе, которая стала громить дом полицейстера, по толпе дали залп. Как Валя рассказывает, совсем рядом стоявшего человека ранили»: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 195. Эти ощущения Брюсов описал в рассказе «Последние мученики».

*** СС. Т. 1. С. 634–635 (примеч.).

Москва. Вступление
Рисунок Б. Кустодиева. 1905

Значит, «мудрецам и поэтам», «тепличным цветам человечества, которым погибнуть под ветром и пылью», как назвал их Брюсов в рассказе «Последние мученики», с революцией не по пути, и она несет им только гибель. Отвечая год спустя на анкету Корнея Чуковского о связи между революцией и литературой, Брюсов был краток: «Писатели разделяются на талантливых и бездарных. Первые заслуживают внимания, вторые — нет. Талант писателя ни в каком отношении к его политическим убеждениям не стоит. <...> Какая связь между революцией и литературой? Революция может дать несколько тем писателю, разработать которые он может или талантливо, или бездарно — вот и все»*.

Ну а «приветственный гимн»? Что приветствовал в революции Брюсов? Ответ можно найти в стихотворении Волошина

* Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 149; перепеч.: Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 6. С. 410.

«Северовосток», написанном в 1920 году, «перед приходом советской власти в Крым» (примечание автора), точнее, в эпиграфе к нему: «„Да будет благословен приход твой – Бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя“. Слова Св. Лу, архиепископа Трусского, обращенные к Атилле».

Нам ли весить замысел Господний?
 Все пойдем, все вынесем любя –
 Жгучий ветер полярной Преисподней –
 Божий Бич – приветствую тебя!

Летом 1905 года Валерий Яковлевич написал сердитую стихотворную отповедь «одному из братьев», навеянную спорами с радикально настроенным младшим братом Александром: тот осудил стихи о «неистовом трибуне» как призыв уйти от борьбы, хотя они были написаны в совершенно иной ситуации*. Брюсов предоставил страницы «Весов» Белому для рецензий на анархистские и социал-демократические брошюры**, а в другом стихотворении о революции, «Знакомая песнь», заявил:

Я, быть может, богомольней,
 Чем другие, внемлю ей,
 Не хваля на колокольне
 Неискусных звонарей.

Отправляя его 1 ноября в редакцию «Вопросов жизни»*** – намного более радикального журнала, чем «Весы», – Брюсов просил непременно поставить под ним дату: «Август 1905 (показывающую, что стихи написаны до революционного октябрьского взрыва, когда „звонари“ показали гораздо больше искусства)»****. Сказанное проясняется письмом к Перцову от 24 сентября: «Революция... Плохо они делают эту революцию! Их деятели – сплошная бездарность! Не воспользоваться никак случаем с „Потемкиным“! Не использовать до конца волнений на Кавказе! Не дать за 16 месяцев ни одного оратора, ни одного трибуна!»***** Адресат был шокирован, как был шокирован Иван Розанов, услышав в феврале 1901 года от Брюсова по поводу покушения на министра народного просвещения

* Брюсов А. Воспоминания о брате. С. 299–301.

** Белый А. Начало века. С. 180.

*** Выходили с января по декабрь 1905 года вместо «Нового пути» под редакцией Булгакова, Бердяева и Д. Е. Жуковского, позже – Н. О. Лосского при фактическом руководстве Чулкова.

**** Цит. по: Чулков Г. Годы странствий. С. 339.

***** Печать и революция. 1926. № 7. С. 44.

Боголепова следующие слова: «Люди, к сожалению, совершенно разучились убивать друг друга». «Брюсов был прав. Все, что делаешь, надо делать хорошо. Если необходимо убивать, надо бить без промаха. Но отчуждение от Брюсова у меня все-таки осталось», — констатировал Розанов, добавив, что оно продолжалось восемь лет*. Брюсов позже вложил эти слова в уста художника-нищееанца Модеста, героя повести «Последние страницы из дневника женщины»: «Современный человек должен все уметь делать: писать стихи и управлять электрической машиной, играть на сцене и убивать».

Среди отзывов современников об отношении Брюсова как человека и поэта к революционным событиям заслуживает внимания мнение Чуковского: «Когда хлынула революция, Брюсов единственный из всех русских поэтов встретил ее, не изменяя самому себе. <...> Поэт-мудрец не отдал своей мудрости за чечевичную похлебку уличных похвал. Что же — он отвернулся от революции? Нет, напротив — встретил ее с объятьями. Но он взял ее в реторту своего творчества, там растворил ее, расплавил, подверг тысячам различных реакций, и когда из этой реторты она дошла до нас, она в каждом изгибе своем была брюсовской, мудрой и мраморной. <...> Прочтите (или лучше заучите наизусть) его „Грядущих гуннов“, его „Медузу“**, его „Довольных“, „Знакомую песнь“, „Юлия Цезаря“, — и вы лучше всяких слов поймете, почему единственным русским революционным поэтом ныне должен считаться „декадент“ и „символист“ Валерий Брюсов. Он один перевоплотил революцию в личную *свою* лирику, в *свои* грезы, *свои* ощущения, в *свои* надежды, *свое* отчаяние»***.

Так думали не все, даже в символистском лагере. 17 марта 1906 года Чуковский сообщал Брюсову из Петербурга: «Был на днях у Вячеслава Иванова. Вечер изобиловал поэтами иудейского вероисповедания, воспевавшими баррикады и забастовки. Много говорили о Вас»****. Что именно говорили, можно представить по истории ссоры Иоанны Брюсовой с Зиновьевой-Аннибал в январе того же года. Версия Лидии Дмитриевны: «...Пришла Брюсова и стала говорить, что она и прочие „обыватели“ Москвы благодарны Дубасову (генерал-губернатору, подавившему декабрьское вооруженное восстание. — В. М.), и что лучше ей слушать пристава, нежели еврея. Я ругалась,

* ЛН. Т. 85. С. 767.

** Стихотворение «Лик Медузы».

*** Чуковский К. О Валерии Брюсове // Свобода и жизнь. 1906. № 10. 20 окт. С. 2; перепеч.: Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 6. С. 402–407.

**** Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 14. С. 88.

а Вячеслав сказал, что в своем доме не допустит больше ни одного слова, оправдывающего расстрелы (удалилась в слезах бедная злая дурочка)*. «Бедная дурочка» зафиксировала несколько иную картину в письме к Надежде Брюсовой: «...Лидия говорила о Дубасове всякие ужасы, о зверях-солдатах, я ей что-то возражала. Ничего ужасного я не говорила, а так, обычные слова, вроде что бы стали говорить революционеры про зверей-солдат, если бы они к ним присоединились и т. д. <...> Иванов <...> накинулся на меня, что он не позволит, чтоб в его доме защищали убийц, так же, как и Валерий не позволяет, чтобы в его доме осуждали Толстого. Конечно, это была давно затаенная месть. Когда-то действительно Валя такие слова говорил Лидии. Но, видит Бог, я не виновата, что Валя может наговорить грубостей. <...> ...Я не сумела говорить, слезы выступили на глазах, и я ушла. Ив<анов>, проводив меня вниз, уговаривал не обижаться, но я все-таки рассердилась очень. Пришла домой. Вале ничего не сказала и боялась, он бы их заел. <...> В воскресенье они (у Сологуба) сторонились меня. Тут Валя уже знал о моей ссоре. Он говорил удивительно противореволюционные вещи. Иванов только слегка защищался**».

Под воздействием захвативших общество настроений Валерий Яковлевич снова стал переводить Эмиля Верхарна, стихи которого показались ему созвучными происходящим событиям. Готовые тексты он отдал в «Вопросы жизни», учитывая революционный характер журнала. К весне 1906 года переводов набралось на отдельную книгу, о которой Брюсов давно мечтал: 5 марта он впервые написал Верхарну, рассказав о себе и официально попросив разрешения на готовящееся издание. Знаменитый бельгиец незамедлительно ответил и дал требуемое разрешение. С этого началась их переписка, а затем и дружба, продолжавшаяся до самой гибели Верхарна в конце 1916 года***. Выпущенные «Скорпионом» в июне 1906 года «Стихи о современности» открыли давно задуманную «Библиотеку новой поэзии». Один из первых экземпляров был подарен «моему сотоварищу и сопернику по переводам Э. Верхарна Георгию Ивановичу Чулкову в знак неизменного дружества»****, но уже в следующем году автор и адресат стали литературными врагами. Переводы высоко оценили Бальмонт и Блок. «Привет

* Письмо М. М. Замятниной (21 января 1906) цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 158.

** Письмо Н. Я. Брюсовой (28 января 1906) цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 159–160.

*** Переписка с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / Вступ. ст. и публ. Т. Г. Динесман // ЛН. Т. 85. С. 546–621.

**** Прижизненные издания. С. 68.

Эмиль Верхарн
Портрет работы Ф. Валлотона. 1896

Au très cher Eugène Demolder
Ces cris pour la Flandre
son ami
Em. Verhaeren

Les héros

Дарственная надпись Эмиля Верхарна Эжену Демольдеру на книге «Вся Фландрия. Герои» (Bruxelles, 1908): «Au très cher Eugene Demolder ces cris pour la Flandre son ami Em. Verhaeren» («Очень дорогому Эжену Демольдеру эти восклицания за Фландрию его друг Эм. Верхарн»)

ВЭМ. Публикуется впервые

тебе за гордую победу, — писал „брат Константин“ 2 (15) июля 1906 года из Франции. — <...> В твоём воссоздании получился сильный, красивый, грозный, интересный поэт*». «Переводы Брюсова передают и силу, и грубость, и страстность, и нежность того „свободного стиха“, создателем которого считают Верхарна. Наш поэт во многом родственен знаменитому бельгийцу», — отметил Блок во второй из своих рецензий**. С этим выводом солидаризовался знаток европейской литературы Федор Батюшков***, но решительно не согласился Волошин, сделавший строгий разбор книги: «Верхарн отразился не в плоском, а в выпуклом зеркале, и настоящее лицо его исказилось, хоть и осталось внешне похожим. Это естественное следствие столкновения двух столь непохожих темпераментов. <...> Брюсову я ставлю тяжелое обвинение в том, что он при всей своей любви к Верхарну работал над стихом переводов далеко не с той великой требовательностью, с какой он работает над своими собственными стихами». Валерий Яковлевич, в свою очередь, ранее критиковал волошинские переводы из Верхарна на страницах тех же «Весов», где теперь велась их корректная, но принципиальная полемика: несмотря на настойчивые просьбы Соколова-Кречетова, редактора враждебного Брюсову журнала «Перевал», Волошин не отдал ему свою статью, чтобы она не выглядела выпадом против «Весов» и их «кормчего»****.

Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 года, дававший надежду на эволюцию самодержавной монархии в сторону конституционной, был восторженно встречен либералами: «крайне правые» сочли его позорной капитуляцией, «крайне левые» призвали продолжать борьбу, удвоив силы. Отношение Брюсова к нему красноречиво и недвусмысленно выражено в стихотворении «Довольным»:

Довольство ваше — радость стада,
 Нашедшего клочок травы.
 Быть сытым — больше вам не надо,
 Есть жвачка — и блаженны вы!
 Прекрасен, в мощи грозной власти,
 Восточный царь Ассаргадон,

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 174.

** Золотое руно. 1906. № 7. С. 175–176; Хризопрас: Художественно-литературный сборник. М., 1906. С. 76–77; перепеч.: Блок-ЛСС. Т. 7. С. 198–200, 204–205.

*** Мир Божий. 1906. № 7. С. 88–92 (2-ой пар.).

**** О Максe Волошине и древнем эмее // В. 1905. № 8. С. 69–71 (без подписи); Волошин М. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // В. 1907. № 2. С. 74–81 (перепеч.: Волошин. С. 427–433); Брюсов В. Р. С. // В. 1907. № 2. С. 81–82 (перепеч.: Волошин. С. 728–729).

И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!
Но ненавистны полумеры...

Ноябрь 1905 года стал для Валерия Яковлевича временем особенно тяжких раздумий: а что дальше? Приветствуя революционеров как «гуннов», которые сметут «всей этой жизни строй, позорно-мелочный, неправый, некрасивый» («Кинжал»), он никогда не сочувствовал их позитивной программе. Возможно, Брюсов не представлял себе со всей четкостью, что надо делать. Но он точно знал, чего делать не надо, чего надо бояться.

13 ноября в петербургской «Новой жизни», первой легальной газете большевиков, была опубликована статья Ленина «Партийная организация и партийная литература». Валерий Яковлевич оказался среди ее первых читателей — видимо, потому, что редактором газеты, к неудовольствию многих «эсдеков», числился Минский. Брюсов не просто внимательно прочитал статью, но через шесть дней написал полемический ответ «Свобода слова» и сразу же отдал его в печать (В. 1905. № 11; подпись: Аврелий). Ранее он только раз полемизировал с марксистами в печати — в краткой рецензии на «Очерки реалистического мировоззрения», среди авторов которых оказались его бывшие приятели Фриче и Шулятиков (В. 1904. № 2; подпись: Пентаур). Теперь Брюсов ответил подробно, стараясь как можно лучше аргументировать свою точку зрения. Ведь речь шла о том, о чем он размышлял в эти дни, — о месте писателя в условиях победившей революции, о его возможных отношениях с новой властью и о политике этой власти в области литературы и свободы слова.

Главный тезис Ленина: только победа большевиков принесет писателю свободу от «буржуазного издателя» и «буржуазной публики», «от денежного мешка, от подкупа, от содержания»*. Однако рядом утверждалось, что «для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом». «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, — постулировал автор. — <...> Литераторы должны войти непременно в партийные организации. <...> За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать». Брюсов правильно понял Ленина, несмотря на его оговорки: «Мы далеки от мысли

* *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1960. С. 99-105.

Владимир Ленин (Ульянов)
Москва. 1900

проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями».

Трудно сказать, что именно автор «Свободы слова» к тому времени знал об авторе «Партийной литературы», но прочитанное он воспринял всерьез — чуть ли не единственный из «декадентов». «Вот по крайней мере откровенные признания! Г. Ленину нельзя отказать в смелости: он идет до крайних выводов из своей мысли; но меньше всего в его словах истинной любви к свободе». Большевики считали себя не только самой революционной частью оппозиционного движения, но и наиболее преданной идеалу свободы. Брюсов замахнулся на святая святых, показав, чем обернется их победа: «Многим ли отличается новый цензурный устав, вводимый в социал-демократической партии, от старого, царившего у нас до последнего времени?»

По-новому оценил он и отношения между социал-демократами и анархистами. Если в «Торжестве социализма» Брюсов утверждал, что «только «вопросы тактики» не позволяют социалистам признать в анархистах своих верных братьев», то теперь заявил: «Совершенно понятно, почему г. Ленину хочется опозорить анархизм, смешав его в одно с буржуазностью. У социал-демократической доктрины нет более опасного врага, как те, кто восстают против столь любезной ей идеи „архе“. Вот почему мы, искатели абсолютной свободы, считаемся у социал-демократов такими же врагами, как буржуазия». Понятно и то, почему Ленин

назвал Валерия Яковлевича «поэтом-анархистом». На «Свободу слова» он не ответил и, видимо, даже не читал ее. Брюсов тоже вряд ли узнал о ленинской оценке своих стихов: содержащая ее статья «Услышишь суд глупца...» вышла брошюрой в небольшом партийном издательстве «Новая дума».

После разгрома декабрьского восстания Брюсов долгое время публично не высказывался о политике, хотя не переставал следить за ней. 22 марта 1906 года, оценивая в письме к Перцову победу кадетов на выборах в Государственную думу: «Хочешь не хочешь, а изо дня в день будем слушать из Таврического дворца те же рассуждения, в которых с детства захлебывался на страницах „Русских ведомостей“ и всего им подобного. Бррр!...», — он признался: «Я бы уж предпочитал лучше Думу социал-демократическую»*. Роспуск Второй думы 3 июня 1907 года произвел на Брюсова, как он писал отцу, «впечатление сильнейшее»: «Куда теперь кинуться: справа реакция дикая, слева бомбы и экспроприации, центр (твой**) лепечет умилительные или громкие слова. <...> Вопрос теперь в том, как будет реагировать на роспуск вся Россия: если устроит нелепое „выступление“, ее избыют, если смолчит, ее скрутят, — что лучше? <...> Кажется мне, что нет для России выхода ни влево, ни вправо, ни вперед, — заключил он, — разве что назад попятиться, ко временам Ивана Васильевича Грозного!»***

* Русский современник. 1924. № 1. С. 235.

** «Шестидесятник» Яков Кузьмич в конце жизни симпатизировал кадетам.

*** Цит. по: Ямпольский И. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 337–338.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«ПАМЯТЬ ВРАЖДЫ И ЛЮБВИ»

21 апреля 1907 года, в ночь под Пасху, Валерий Брюсов вернулся к дневнику, который забросил в конце 1903-го. «За 1904, 1905 и 1906 годы сохранилось лишь несколько отрывочных заметок. Жаль: то были годы очень интересные и очень остро пережитые мною. <...> Для меня это (1904/1905 год. — В. М.) был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги „Stephanos“. Кое-что вошло и в роман „Огненный ангел“. Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова». Прежде всего он имел в виду драматический «роман» с Ниной Петровской.

До недавнего времени эту историю знали «из вторых рук». Первым о ней написал Владислав Ходасевич в очерках «Брюсов» (1925) и «Конец Ренаты» (1928), позднее вошедших в книгу «Некрополь» (1939). Затем свою версию изложил Андрей Белый в «Начале века» (1933), где Петровская выведена под литерой «Н.». Позиция Ходасевича была открыто антибрюсовской, позиция Белого — амбивалентной. «Воспоминания» Петровской полностью напечатаны только в 1990 году, хотя готовились к публикации в середине 1920-х и в конце 1930-х годов*, но в широкий читательский оборот — в отличие от предыдущих текстов — так и не вошли. Наконец, в 2004 году появилось отдельное издание переписки Брюсова

* ЛН. Т. 27/28. С. 691.

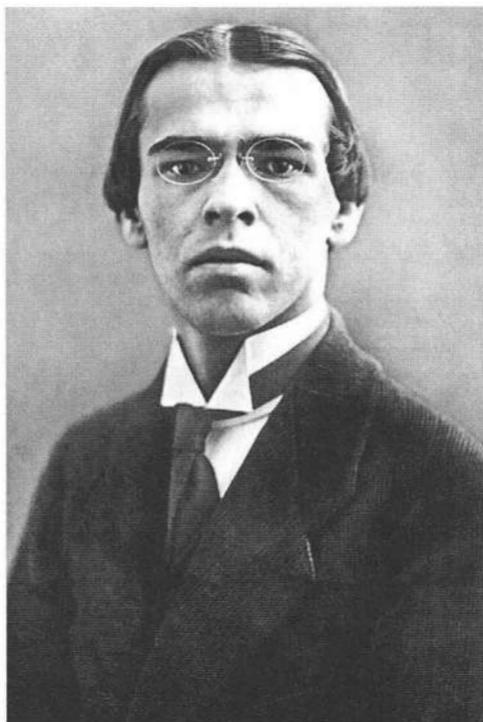

Валерий Брюсов
1904–1905

и Петровской*. Теперь у нас есть почти все необходимые источники: «почти», потому что письма Валерия Яковлевича сохранились не полностью.

Эти документы заставляют по-новому оценить свидетельства Ходасевича, которые до сих пор не только влияют на отрицательный «имидж» Брюсова, но и считаются источником, безусловно заслуживающим доверия. Главная причина — магия имени автора как одного из крупнейших русских поэтов XX века,

* *Брюсов В., Петровская Н.* Переписка: 1904–1913 / Вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. М., 2004; далее цит. без сносок, с указанием даты и автора письма. Публикация переписки оправдана не только ее историко-литературным значением, но и тем, что сам Брюсов допускал такую возможность: 9 мая 1911 года он передал С. А. Соколову на хранение письма Петровской, а затем свои, с разрешением опубликовать их через десять лет после смерти того из корреспондентов, кто проживет дольше, и с условием, что этим будет заниматься комиссия в составе Соколова, Бальмонта, Полякова, Белого и С. М. Соловьева. Несмотря на неоднократные просьбы, Брюсов отказался вернуть Петровской ее письма, поскольку она намеревалась их уничтожить; письма Брюсова к ней после апреля 1909 года не сохранились и, вероятно, были ею уничтожены.

Владислав Ходасевич
Начало 1910-х

подкрепленная тем, что он — символист, т. е. участник описываемых событий, и эмигрант, свободный от цензуры. Однако следует учитывать, что Владислав Фелицианович, даже будучи автором «Тяжелой лиры», не смог забыть, как четверть века назад его не приняли в «Весы» и «Скорпион» — несмотря на дружбу с Александром Брюсовым и «вхожесть» в дом на Цветном бульваре. Помнил он и то, что Валерий Яковлевич долгое время не считал «Владю» серьезной литературной величиной, хотя и был посаженным отцом на его свадьбе. Блока, Чулкова, Кречетова «Весы» критиковали или высмеивали, Ходасевича просто не замечали. Написанное им — свидетельство не «символиста вообще», но именно «грифа», продиктованное личными обидами (он, кажется, единственный из мемуаристов описывал Валерия Яковлевича «некрасивым» и «невзрачным», явно перенося на него собственные комплексы) и отягощенное пристрастием к сплетням*.

* Ходасевич стал прототипом Владислава Феликсовича Грабовецкого в набросках романа «Стеклянный столп», но не был упомянут в примечаниях к его публикации (видимо, по цензурным соображениям): *ЛН*. Т. 85. С. 114–164.

При жизни «великого мага» Владислав Фелицианович высказывался о нем в печати только положительно, в 1914 году подарил ему «Счастливым домик» с надписью «моему учителю, с чувством неизменной любви к его творчеству», одновременно собирая «антибрюсовское ополчение» из Садовского, Чулкова и суворинского журнала «Лукоморье»*. В эмиграции нелюбовь к «скорпиону» помножилась на нелюбовь к «большевику», против которого позволительны самые вздорные обвинения — от юдофобии до «анекдотического невежества» в отношении социализма. Не случайно и то, что среди героев его мемуарных очерков так много людей «антибрюсовского» лагеря: Кречетов, Садовской, Айхенвальд, Виктор Гофман, Софья Парнок. Сложные отношения связывали Ходасевича и с другими участниками драмы. Петровская то дружила с «Владькой», то ссорилась с ним, но не воспринимала всерьез — ни как литератора, ни как мужчину. Белый, в «весовские» годы, видел в нем не более чем одного из «грифят». Пик их общения пришелся на 1922–1923 годы, когда оба поэта жили в Берлине: Белый опубликовал восторженные статьи «Рембрандтова правда в поэзии наших дней» (о «Путем зерна») и «Тяжелая лира» и русская лирика», но перед окончательным отъездом в СССР поссорился с Ходасевичем. Знавший обоих Михаил Осоргин заподозрил в воспоминаниях последнего желание свести счеты, в том числе за мемуары самого Белого**.

Фотографий Петровской сохранилось мало. Ее внешность лучше других зарисовал Андрей Белый — почти через три десятилетия после их близости — не прибегая к обычным гротескам: «Самый облик ее противоречивый и странный: худенькая, небольшого росточку, она производила впечатление угловатой; с узенькими плечами, она казалась тяжеловатой, с дефектом; какая-то квадратная и слишком для росточку большая, тяжелая голова, казавшаяся нелепо построенной; слишком длинная, слишком низкая талия; и слишком короткие для такой талии ноги; то казалась она мешковатой, застывшей; то — юркала, точно ящера: с неестественной быстротой; она взбивала двумя пучками свои зловещие черные волосы, отчего тяжелая ее голова казалась еще тяжелее и больше; но огромные карие, грустные, удивительные ее глаза проникали в душу сочувственно; и подмывали на откровенность даже и тогда, когда открывалось, что верить ей нельзя; бледное, зеленоватое лицо с огромными кругами под глазами она припудривала

* Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому. М., 1996. С. 381–382, 410–411.

** В неопубликованном письме О. А. Масленикову: *Maslenikou O.A. The Frenzied Poets. Andrey Biely and the Russian Symbolists. Berkeley, 1952. P. 110, 166.*

<...> в разгаре беседы вдруг сквозь эту пудру проступал нежный румянец; и лицо наполнилось выражением; но огромные, чувственно вспученные губы, кровавые от перецвета, кричали с лица неудачною кляксою; улыбнется, — и милое, детское что-то заставляло забыть эти губы; густые широкие ее брови точно грозили кому-то; и черная морщина, перерезавшая лоб, придавали лицу вид спешащей преступницы: пустить себе пудю в лоб; наклонив вперед свою тяжелую, раздутую волосами голову, подтянув к ушам узкие, нервные плечи, в черном платье с небольшим треном и застежкой на спине, шуркая шелком, как ящерка, скользила она в толпе, перепудренная и покрашенная <...> Никто б не сказал, что мрачная, напоминающая Эриннию, женщина, растерянной девочкой, под голову руку и голову склонив на подушку дивана, свернувшись комочком часами мечтает о таком о простом, о хорошем; и готова в такую минуту на подвиг, на жертву»*.

Он же точно описал психологический облик Нины Ивановны, каким он предстает и из ее писем: «Она была и добра, и чутка, и сердечна; но она была слишком отзывчива: и до... преступности восприимчива; выходя из себя на чужих ей словах, она делалась кем угодно, в зависимости от того, что в ней вспыхивало; переживала припадки тоски до душевных корч, до навязчивых бредов, во время которых она готова была схватить револьвер и стрелять в себя, в других, мстя за фикцию ей нанесенного оскорбления; в припадке ужаснейшей истерики она наговаривала на себя, на других небылицы; по природе правдивая, она лгала, как всякая истеричка; и, возводя поклеп на себя и другого, она искренно верила в ложь; и выдавала в искаженном виде своему очередному confidentу слова всех предшествующих confidentов <...> она портила отношения; доводила людей до вызова их друг другом на дуэль; и ее же спасали перессоренные ею друзья, ставшие врагами; она покушалась на самоубийство под действием тяжелого угнетения совести; вокруг нее стояла атмосфера — опасности, гибели, рока. <...> Я бы назвал ее Настасьей Филипповной, если бы не было названия еще более подходящего к ней: тип средневековой истерички <...> таких, как она, называли ведьмами»**.

Брюсов и Петровская впервые встретились в самом начале 1900-х годов (точной даты мы не знаем) в доме спиритки Александры Бобровой: Нина Ивановна «могла бы процитировать ему наизусть два его сборника целиком, а он на меня взглянул

* Бельи А. Начало века. С. 307-308.

** Там же. С. 306-307, 308.

мельком, как на стену»*. Дальше беглого взгляда дело не пошло. Подлинное знакомство состоялось весной 1903 года при создании «Грифа», но еще полтора года оставалось исключительно светским. Петровская не интересовала Брюсова, высказывавшегося о ней весьма непочтительно: «Андрей Белый соблазнен Грифихой, т. е. Ниной Петровской, и услан матерью, спастись, в Нижний Новгород»**. Только осенью 1904 года «я однажды сказала В. Брюсову: Я хочу упасть в Вашу тьму, бесповоротно и навсегда... <...> Брюсов положил мне руки на плечи и посмотрел в глаза невыразимым взглядом: И пойдете? Со мной? Куда я позову? <...> В эту осень В. Брюсов протянул мне бокал с темным вином, где, как жемчужина Клеопатры, была растворена его душа, и сказал: Пей! Я выпила и отравилась на семь лет»***.

Прежде чем перейти к истории их любви, попробуем представить фон, на котором она развивалась. Его запечатлела в одном из писем Зиновьева-Аннибал, 16 марта 1904 года приехавшая с Ивановым в Москву и сразу же окунувшаяся в символистский «водоворот». Это впечатления «свежего человека», чем они и интересны. Опуская фрагменты о Бальмонте, перейдем сразу к нашему герою: «Что касается Брюсова (в оригинале везде с двумя „с“. — В. М.), то пил он мало, но внезапно побледнел и испутился по-своему мрачно и трагично, неопишимо. Он сказал мне о себе такие страшные признания, до того безвыходно трагичные, что я не смею верить в их действительность, и пришел в экстатическое помешательство на идее поклона в грязную землю Раскольникова. <...> ...Брюсов пригласил Вячеслава стать на колени перед Бальмонтом. Вячеслав сказал, что не стыдится стать на колени перед Богом в Бальмонте, но Бог мгновенен, и уже Бальмонт не тот, что был за минуту, и поэтому теперь он не встанет, и что тот же Бог и в нем, и в Брюсове, и во всяком художнике, и никто не знает, кто высший, если я сегодня, ты завтра, может быть. Тогда Брюсов стал на колени, и Бальмонт тоже, и стали целоваться друг с другом»****. В чем же «страшном» признался Валерий Яковлевич Зиновьевой-Аннибал? Говорил новой знакомой нечто «ультрадекадентское», как раньше в письмах Ясинскому или Бунину? Вполне возможно...

Нина Ивановна присутствовала при этой сцене, кульминация которой разыгралась в доме Соколовых. Первое из

* Петровская Н. Воспоминания. С. 20.

** Письмо Волошину (29 марта 1904): ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 331.

*** Петровская Н. Воспоминания. С. 67–68.

**** Письмо М. М. Замятниной (24 марта 1904) цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 97–98.

сохранившихся писем Брюсова к ней датировано 15 октября 1904 года: он обращается к ней на «вы» и вполне официально. Но уже 12 ноября он послал Шестеркиной стихотворение «Опять душа моя расколота...», которое «невозможно зачислить по ведомству привычной любовной лирики, однако в своей основной психологической тональности, в самозабвенном погружении в амбивалентный мир полярных, доведенных до предельной остроты катастрофических переживаний оно, безусловно, было вдохновлено отношениями с Петровской и во многом предвосхищало последующие отражения этих отношений в брюсовских стихах и прозе»*. Второе письмо к Нине Ивановне, от 13 декабря, звучит совсем по-другому: «И опять мне снится, как вчера ночью, что я тот юноша из моего ненаписанного романа. Медленно надеваю широкую испанскую шляпу. Вкладываю шпагу в ножны. Кланяюсь. Ухожу. Прощай. Твой Валерий». «Ненаписанный роман» – будущий «Огненный ангел». К письму прилагалось стихотворение «В застенке»:

Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?..
Сораспята на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеш! Пора!

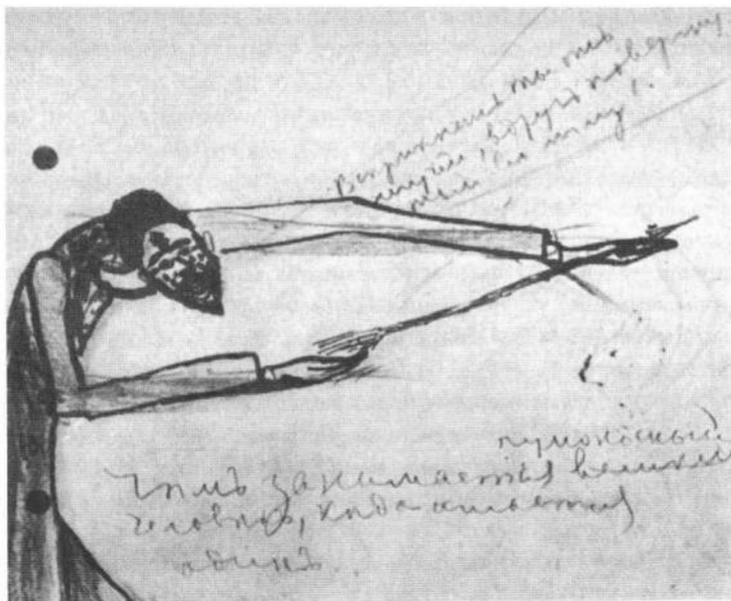
Письмо предостерегает от «наивного биографизма»: «не вправе я Тебя назвать „сораспятой“, потому что нет более в твоих глазах никакой муки». Тогда о чем речь? Скорее всего об Андрее Белом, «бросившем» Петровскую, которая захотела отомстить ему, «закрутив роман» с Брюсовым. «Отвергнутая Белым, но в глубине души преданная ему и желавшая сохранить верность его идеалам и заветам, она делилась своими переживаниями с Брюсовым; Белый тем самым становился постоянным объектом их интимных бесед. <...> Неудивительно, что в этих обстоятельствах у Брюсова разгоралось чувство соперничества, которым отчасти можно объяснить занятую им позицию: он хотел проверить крепость и стойкость жизненно-го кредо своего „антагониста“»**.

Белый утверждал, что Петровскую преследовал «демонический» образ «мага» Брюсова***. Но в первую очередь он

* Давров А. В. Валерий Брюсов и Нина Петровская: биографическая канва к переписке // Брюсов В., Петровская Н. Переписка. С. 11.

** Давров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 170

*** Белый А. Начало века. С. 309–312.

«Чем занимается великий чумоносный человек, когда остается один»
 Карикатура Андрея Белого на Валерия Брюсова. 1904–1905. РГАЛИ

Орфей и Эвридика
 Карикатура Андрея Белого на Валерия Брюсова и Нику Петровскую.
 1904–1905. РГАЛИ

преследовал самого Белого, который стал видеть прямую угрозу в концовке адресованного ему послания из «Urbi et orbi»:

Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

Брюсов в такой интерпретации неповинен: стихотворение написано в 1903 году, задолго до начала «романа», и представляет собой не лишенную позерства «декадентскую» декларацию. Что касается «мага», его придумал сам Белый в стихотворном посвящении Брюсову 1903 года:

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

Образ зажил собственной жизнью. Уже в конце марта 1904 года Белый послал Блоку стихотворение в трех частях (или цикл из трех стихотворений) «Одинокий» с подзаголовком «Учителю и врагу»*; через два года оно появилось в «Весах» без подзаголовка, но с посвящением Брюсову. «С Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения; кроме того, я чувствую, что какая-то дверь, доселе отделявшая меня от преисподней, — распахнулась: точно между мной и адом образовался коридор: и — вот: по коридору кто-то бежит, настигая меня; чувствую: этот бегущий — враг, меня осенило: враг — Брюсов»**. Эта позднейшая запись точно отражает тогдешнее состояние духа Бориса Николаевича, писавшего Эмилию Метнеру в начале мая 1904 года, что Валерий Яковлевич — «черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серных паров»***. Тем не менее в начале августа того же года Белый написал тоскующе-исповедальное послание именно Брюсову и получил от него письмо-раздумье о том, что «нет в нас достаточно воли для подвига», что «мы придумываем всякие оправдания своей несправедности» и «привычно лжем себе и другим»****.

Осенью ситуация обострилась. Влюбившись в Петровскую, Брюсов хотел «обладать» ею полностью, в том числе психологически. Белый воспринимал соперничество мистически,

* *Белый-Блок*. С. 133-134.

** «Материал к биографии» (1923) цит. по: *Лауров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. С. 170.

*** Там же.

**** *ЛН*. Т. 85. С. 376-380.

Брюсов — художественно, с сильным элементом игры. Он «уже был готов к осуществлению долго вынашивавшегося замысла „Огненного ангела“ (главные герои которого, Рупрехт, Рената и граф Генрих фон Оттергейм, как известно, „списаны“ им с себя самого, Петровской и Белого), и его позиция по отношению к Белому отчасти объясняется и писательской заданностью — воплотить возможно точнее и полнее задуманные психологические типы, проверить „жизнью“ сюжетные ходы <...> Белый вовлекался в глубоко продуманный „жизнетворческий“ эксперимент, инспирированный, однако, не им самим»*. По-человечески это было жестоко, но Петровская поняла Брюсова: «Он подставлял лицо и душу палящему зною пламенных языков и, сгорая, страдая, изнемогая всю жизнь, исчислял градусы температуры своих костров. Это было его сущностью, подвигом, жертвой на алтарь искусства, не оцененной не только далекими, но даже и близкими, ибо существование рядом с таким человеком тоже требовало неисчислимых и, хуже всего, не экстагических, а бытовых, серых, незаметных жертв. Для одной прекрасной линии своего будущего памятника он, не задумываясь, зачеркнул бы самую дорогую ему жизнь»**. Нина Ивановна сама согласилась на это, так что позднейшая «жалость» Ходасевича к ней выглядит неискренней. Ведь они оба читали статью Брюсова «Священная жертва», которая провозглашала: «Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь. Пусть хранит он алтарный пламень неугасимым, как огонь Весты, пусть разожжет его в великий костер, не боясь, что на нем сгорит и его жизнь. На алтарь нашего божества мы бросаем самих себя». Это были не просто слова.

Конфликт достиг кульминации, когда Брюсов, отождествив соперника со «светлым Бальдером» древнескандинавских мифов, демонстративно принял облик его антипода — темного бога Локи и начал увлеченно играть в него. «Раз я, приподнявши бокал, возгласил: „Пью за свет“. В. Я. Брюсов, усевшийся рядом со мною, вскочил, как ужаленный; он, поднимая бокал, прогортанил: „За тьму!“***. Во второй половине ноября (вскоре после написания «Опять душа моя расколота...») Брюсов передал Белому послание «Бальдеру Локи», свернув лист, на котором оно было написано, в виде стрелы. Это уже была настоящая угроза:

На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен...

* *Лафров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 171.*

** *Петровская Н. Воспоминания. С. 58.*

*** *Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 94.*

Пусть в пещере яд змеиный
 Жжет лицо мне, — я в бреду
 Буду петь с моей Сигиной:
 Бальдер! Бальдер! ты в аду!...
 Но последний царь вселенной,
 Сумрак! сумрак! — за меня.

Белый принял вызов: 9 декабря написал стихотворение «Старинному врагу» с подзаголовком «В знак любви и уважения»*. «Пока писал — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и — знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии, — раз навсегда: грохотала во мне сила света»**.

Моя броня горит пожаром.
 Копье мне — молнья. Солнце — щит.
 Не приближайся: в гневе яром
 Тебя гроза испепелит.

Через пять дней послание дошло до адресата с приложением листа бумаги, на котором был нарисован крест и выписаны цитаты из Евангелия. В редакцию «Весов» его отнес Павел Флоренский. Юный мистик воспринимал происходящее абсолютно всерьез и 5 декабря написал Брюсову письмо (видимо, оставшееся неотправленным):

«Магия не проходит даром. Она засасывает в себя, и в тот момент, когда маг торжественно кричит: „Они в моих руках“, он сам бывает в руках их. Когда слышишь от Вас фразы наиболее мощные, то невольно улыбнешься контрасту, и притом вовсе не тому, чтобы мощности в них не было. Нисколько не отрицаю известной доли мощи, но не могу не улыбнуться жалостливо, когда вижу, что такая сильная личность, как Вы, является в руках темных сил простым аппаратом для передачи воздействий. Только изредка, сквозь чужие слова прорываются струйки истстрадавшей и измучившейся личности. <...> Вас эксплуатируют, над Вами издеваются, Вас гипнотизируют, Вас непрерывно днем и ночью мучают, шекотят и заставляют судорожно передергиваться (эти передергивания Вы принимаете за выражение удовольствия), — и Вы не замечаете или не хотите замечать всего этого, отдаетесь во власть истязателей. <...> На одну минуту проснитесь, скиньте

* Посланный Брюсову текст: ЛН. Т. 85. С. 337–338; опубл.: Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 100 (с разночтениями и без подзаголовка).

** «Берлинская редакция» «Начала века» (1923); цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 174–175.

власть гипноза и посмотрите, что *они* с Вами делают. Только на минуту очнитесь, и Вы — я уверен в этом, — закричите нечеловеческим голосом из той тьмы внешней, которую Вы, как полагаете (а на самом деле не Вы, а *они* в Вас), так любите»*. Видимо, автор разбирался в «одержимости» не хуже адресата, поскольку 1 декабря писал Белому: «Мы не дадим Вас. Хотя В. Б. и пристаёт, но я сознаю, что он надломился и теперь больше форсит, чем имеет подлинной силы»**.

Эти события Белый позже назвал «умственной дуэлью». Получив послание «Старинному врагу», Брюсов видел во сне, как дрался с Белым на шпагах и тот поразил его, после чего проснулся с болью в груди. «Бальдеру» об этом рассказала Петровская, а ей, надо полагать, сам Брюсов; однако, зная склонность Нины Ивановны к фантазиям, нельзя исключить, что она всё это придумала. 18–19 декабря Белый написал большое письмо Блоку с рассказом об «адских кознях»: «Брюсов снял маску. Он объявил, что уже год „творит марево“ <...> Гипнотизер он сильный <...> Были медиумические явления: у нас в квартире мгновенно тухла лампа, когда ее никто не тушил, полная керосину, раздавались стуки. <...> Не будучи в состоянии напасть открыто, он стал тревожить ложными вылазками, не давая отдыху. <...> Мне предстоит выбор: или убить его, или самому быть убиту, или принять на себя подвиг крестных мук»***.

Не берусь судить о достоверности «стуков» и причастности к ним Брюсова, но нервы у Белого были на пределе. 21 декабря он отправил истерическое письмо Полякову с заявлением об уходе из литературы и с упреками личного характера: «Мне чрезвычайно трудно поддерживать живую связь со „Скорпионом“ благодаря тому, что пришлось бы иметь дело с Валерием Брюсовым, который держал себя по отношению ко мне более чем возмутительно». Через несколько дней он дезавуировал сказанное как «неправду» — но в столь же истерическом тоне: «Я иступленный, нервный, измученный человек, мне самому больно, а я другим делаю больно. За что, за что я так отнесся к Бальмонту и Брюсову? Ведь я их люблю»****. Это не помешало Борису Николаевичу 16 января 1905 года в Петербурге говорить о «Звере, выходящем из бездны, в лице Бальмонта и Валерия Брюсова», о чем последнему днем позже сообщил

* Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С. 53–54 / Публ. Е. В. Ивановой, Л. А. Ильюниной.

** Там же. С. 36.

*** *Белый-Блок*. С. 189.

**** Цит. по: *Malmstad J. E. From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. I. P. 74–78.*

Перцов*. Поездка Белого в столицу к Мережковским, ставшим для него опорой в борьбе с «тьмой», встревожила Брюсова главным образом перспективой «отпадения» Бориса Николаевича от «Весов». 19 февраля в гостях у Белого он начал «злословить» по адресу Мережковского и отношений того с меценаткой Образцовой. В тот же вечер Белый послал ему осуждающее письмо, ответом на которое стал вызов на дуэль за подписью «уважающий ваш литературный талант Валерий Брюсов». Было ли это заранее рассчитанным шагом, как полагал Белый, или внезапной вспышкой раздражения, — но всерьез драться со «светлым Бальдером» и, тем более, убивать его «Локи» не собирался, а потому принял извинения и счел инцидент исчерпанным**.

Узнав о случившемся, Вяч. Иванов писал Брюсову 24 февраля (9 марта): «Благодарю силы, которые призываю на тебя за то, что преступление совершено тобою *только* в мире возможного. Ибо ты хотел убить Бальдера. <...> Не могу описать ужаса душевной тоски, в который ты поверг меня на целые сутки <...> Я предвидел, что Бальдер все сделает, чтобы избежать этого кощунственного поединка; но считал возможным и принятие вызова, в каком случае он, конечно, не поднял бы руки на тебя (твоя жизнь для него священна), но *ты* мог бы его убить, чтобы потом казнить самого себя <...> Что бы ни случилось, мы не можем стать Каинами. <...> Исполни мое желание: помирись с Бальдером сполна и братски, ибо ведь и ты, себя не узнающий, — *светлый Бог****. Увлеченный «магизмом», Иванов даже не подумал, что Валерий Яковлевич вряд ли стал бы подвергать себя риску уголовного преследования... и лишать «Весы» одновременно редактора и одного из главнейших сотрудников.

«После несостоявшейся дуэли напряженность во взаимоотношениях Белого и Брюсова разрядилась, ее сменила дружелюбность и даже душевная теплота»****, как и после несостоявшейся дуэли Белого и Блока в августе 1906 года. 9 июня 1905 года Белый писал из деревни «воистину дорогому мне Валерию Яковлевичу»: «Хочу сказать вам из тишины, где ближе душа к самому себе, что я вас всегда любил, а теперь еще более глубоко люблю, что бы между нами ни было в прошлом или в будущем»*****. На литературных отношениях конфликт не отразился: уже в марте 1905 года Брюсов пригласил Белого на

* Цит. по: *Лауров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. С. 176.

** *ЛН*. Т. 85. С. 381–383. См.: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 159–202.

*** *ЛН*. Т. 85. С. 473.

**** *Лауров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. С. 176.

***** *ЛН*. Т. 85. С. 384.

чение своей драмы «Земля», изъявив готовность перенести его на удобный для адресата день, и печатал в «Весах» фантазии Бориса Николаевича, в которых не мог не узнать себя: «профессор мрака» в «Химерах» и «маг, закрытый пледом» в «Сфинксе». Впрочем, отзвуки «дуэли» слышны в статье «Апокалипсис в русской поэзии», где творчество Брюсова превозносится, но с оговоркой: «Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движимый паром и электричеством. Здесь мы имеем дело с паровым воскресением мертвых»*. Вспомним относящиеся к этому же времени слова Брюсова о том, что спиритические силы найдут себе применение, подобно пару и электричеству...

В марте 1905 года Валерий Яковлевич писал своей confidentке Марии Рунт: «На мою жизнь иногда находят смерчи. И тогда я не властен в себе. В таком смерче я сейчас»**. По свидетельству Полякова — первого, кто был посвящен в подробности «романа» с Петровской, — Брюсов примерно тогда же составил завещание и попросил его быть душеприказчиком, поскольку ждал близкой смерти и вроде бы даже подумывал о двойном самоубийстве с возлюбленной***. «Я знаю, меч меня не минет», — восклицал он в январском стихотворении «Кубок». В апреле был написан «Антоний» — отнюдь не только о древнеримском полководце:

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель — за тебя!
О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!****

«С легкой руки едкого и остроумного В. Ходасевича г-жу Н. в нашем интимном кругу (т. е. в „Гриффе“ и вокруг него. — В. М.) прозвали „Египетской Кормой“, — вспоминала Бронислава Рунт. — <...> „Египетской Корме“ (с которой, как было известно, муж собирался разводиться) явно хотелось, чтобы

* *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 383.

** Цит. по: *Лагров А. В.* Валерий Брюсов и Нина Петровская. С. 12.

*** *Ашукан Н.* Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой // *НЛО*. 1998. № 32. С. 194.

**** В первом издании «Венка» «Антоний» и «парное» к нему стихотворение «Клеопатра» входили в раздел «Из ада изведенные», который объединил тексты, связанные с Петровской; в собрании стихов «Пути и перепутья» они были перенесены в «исторический» раздел «Правда вечная кумиров».

Иматра. Пансион Рауха
Открытие начала XX в.

ее Антоний кинул, наконец, всерьез свой корабль за ней. Иными словами, требовала развода и женитьбы. Но, отдав должное в звучных стихах безумцу Антонию, которым уже сколько веков восхищаются эстеты, поэт В. Брюсов упорно не желал следовать его примеру. Он по-своему любил свой дом, налаженную семейную жизнь и тот порядок, при котором ему так хорошо работалось*». Однако ситуация была сложнее, чем казалось «Броне», склонной относиться к знаменитому родственнику с иронией. Да и события нескольких лет она спрессовала в несколько фраз.

«Смерч» захватил Валерия Яковлевича всерьез, но в июне 1905 года влюбленные на месяц обрели покой в городке Иматра на финском озере Сайма, воспетом Вл. Соловьевым. Написанный здесь цикл «На Сайме» заметно отличается от других стихов Брюсова того же времени, более всего напоминая «Картинки Крыма и моря». Подлинный смысл этой тихой пейзажной лирики становится понятен, только если знать контекст:

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшего думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.

* Погорелова Б. Валерий Брюсов и его окружение // НЖ. 1953. Кн. 33. С. 184.

«Я — упоен! мне ничего не надо!» — признание не только лирическое, но и сугубо личное.

По возвращении из Финляндии Брюсов отправился в Антоновку, имение своих родственников Калюжных на Оке близ Тарусы, заехав на день в Москву. Оттуда он написал Нине Ивановне поразительное письмо, каких в его богатой событиями биографии и в не менее богатой эпистолярии немного. Их переписку хочется цитировать страницами, но ее объем делает это невозможным, а доступность — ненужным. Для этого послания можно сделать исключение — *такого* Брюсова мы не найдем ни в чужих мемуарах, ни в его собственных стихах.

«„Девочка, милая, хорошая, маленькая, я люблю Тебя“. Странно звучит эта формула здесь, сегодня, в моей забытой комнате, с завешанными книгами, под „шум монотонный дождя“. Теперь я понял, зачем нам надо было ошибаться на целые сутки! Иначе мы попали бы на севавтопольский поезд, и я проехал бы прямо на берег Оки. Теперь же меня бросили на Цветной бульвар (где случайно оказалась и И. М.) в разгар всех домашних, домовых и скорпионных дел. Словно жесткий ветер повеял над моей душой. Та моя душа, которую я так лелеял за месяц жизни в Финляндии, которая раскрылась для меня, как редко цветущий цветок, — сжалась под этим ветром, сжалась, поникла, и лепестки стали опадать — быстро, быстро, жалко, жалко, один за другим.

Девочка, огонечек мой, маяк мой! но разве что может отнять у меня этот месяц, этот лучший месяц моей жизни, этот месяц, в который мне не стыдно было говорить слово „счастлив“! Я ехал в Финляндию на „новые пытки“, а надо мной просияло небо, встала радуга — залогом, что казни больше не будет, — открылось озеро, отныне любимое, боготворимое мною, озеро голубое, и палевое, и золотое, и пурпурное... Это ясное и яркое озеро — символ всех моих переживаний за месяц. Все то чудо, которое есть в небесном свете, в закатных красках, в их отражениях на земле, — повторилось и в моей жизни. Для меня этот месяц был днями чудес, я дышал атмосферой чудес, чудесное стало для меня повседневным. Разве не чудо, что я увидел Тебя, Тебя настоящую, с тихо расчесанными волосами, с „умным“ лбом и большими, большими глазами, которые вдруг оказываются всевластными на Твоем лице. Но насколько же большее чудо, что я слышал те Твои слова, произносимые замедленно и поспешно, вспоминая которые я пьянею и хочу опять упасть перед Тобой на колени, целовать Твои руки, плакать, — слова, бессмысленные для всех, но бывшие для меня последним счастьем, слова, которые я не доверю даже этому письму, которые сберегу только в воспоминании.

Но и за этими пределами мыслимого, и за этими кругозорами, дальше которых, казалось бы, нет ничего, в самые последние дни вдруг осветились новые дали, страшно влекущие, но и действительно страшные, грозные. Безвольная, не думая, странно смотря мимо, Ты говоришь мне: „Милый Валерий, я тебя очень люблю“. Девочка! счастье мое! жизнь моя! вот я перед Тобой на коленях, клоню голову, прячу ее... А передо мной опять Ты, печальная, прислонясь к тусклой двери вокзала, и слезы Твои тихо падают на безобразные плиты его лестницы. И у меня нет более слов, и чаша чуда исполнена до краев, и есть только горькое сожаление, почему тогда, при всех, при этой тупой толпе, я не поцеловал эти два темных пятнышка на пыльных камнях ступеней!..

Только не сердись, что я говорю громко, что повторяю, твержу о всем том, о чем, может быть, следовало бы лучше благоговейно молчать. Говорю, вспоминаю, потому что в этом мое счастье, потому что осталось мне сейчас одно — вспоминать и повторять. Да, мое сравнение верно. Кости, брошенные моей судьбой, выпали самыми большими очками, какие только были на них. Этот месяц был для меня не только счастьем в смысле блаженства, но и счастьем в смысле удачи, — ибо все, все сложилось единственно благоприятно для меня. Я радуюсь, что сознавал, понимал смысл этих дней. Как много раз я говорил, — да, то была вершина моей жизни, ее высший пик, с которого, как некогда Пизарро*, открылись мне оба океана — моей прошлой и моей будущей жизни. Ты вознесла меня к зениту моего неба. И Ты дала мне увидеть последние глубины, последние тайны моей души. Может быть, ради этого месяца прожил я все томительные тридцать лет моей жизни, и воспоминаниями об этом месяце будут озарены все следующие тридцать лет. Как символ этих дней, Твой образ стал для меня святыней. Раньше, смутно предчувствуя, я верил в Тебя грядущую, — ныне мне хочется молиться Тебе бывшей. Не знаю, был ли я нужен Тебе, Твоей судьбе, — но Ты дала мне ключ ко всей моей жизни, счастьем пережитых дней объяснила все мучительства прошлого, светлостью и ясностью новых моих настроений оправдала долгие ожидания, теми часами, которые казались, может быть, однообразными, утомительными, обогатила меня на годы и годы, так что не исчерпать мне, в своих мечтах и в своих стихах, этих сокровищ никогда, я знаю.

* 26 сентября 1513 года отряд конквистадоров во главе с Франциско Пизарро впервые увидел одновременно Тихий и Атлантический океаны с вершины одной из гор на Панамском перешейке; примечательное сравнение для Брюсова — любителя книг о путешественниках и завоевателях.

И прости мне, что в этом письме я говорю о себе, все о себе и только о себе. Мне непобедимо надо повторить, запечатлеть те слова, которые бессвязно я говорил Тебе в дни прощаний, в последние наши три дня, которые, как огненный венец, завершают и месяц нашей жизни вместе, и все первые месяцы нашей близости, моей любви. Мне непобедимо надо хоть бегом, хоть в отрывках повторить все пережитое, провести перед глазами огненные лики мелькнувших часов, казавшихся медленными, но слившихся теперь в одну мгновенную вспышку молнии... Эти часы — отныне мой храм. Прости, что я не могу еще ничего иного, как медлить в нем, молиться у тех же икон, вглядываться во тьму, пока еще теплятся зажженные Тобой свечи. Они погаснут. Тени уже смеются в окна. Они протянутся сквозь решетки, вползут в двери. Кривляясь и хохоча, они обступят меня. Сомкнут пальцы над моей головой. И я упаду в их черный хоровод, во мрак, в ту ночь, которой не было для меня при бледном сиянии северного полуночного солнца.

Прощай.

Твой — да! еще совсем, совсем Твой Валерий».

В тот же день Петровская написала ему из Малаховки, подмосковного имения мужа: «Милый Валерий, я тебя очень люблю. Дорогой, не уходи, не отдавайся ни в чью власть, будь со мной, береги свою любовь». Первое же письмо Брюсова встревожило ее подчеркиванием «прошедшего времени»: «Не надо такой безнадежности! Ты говоришь, „спуск“, вершина миновала, впереди тебе как будто не видится ничего <...> Это не спуск, это начало» (3 июля); «Будь со мной! Нам дали увидеть друг друга, не будем же вновь закрывать глаз» (4 июля).

Они условились пока не встречаться: «Страшно, страшно наложить хоть одну черту на прошлое. Это такая полная завершенная картина, что я не знаю, как продолжать ее» (Брюсов, 8 июля). Зато все лето обменивались страстными посланиями, соблюдая правила конспирации. Иоанна Матвеевна не знала подробностей поездки мужа, но не могла не замечать нового «увлечения», что видно из мартовского письма Брюсова к Марии Рунт: «Ничего дурного, злого Жанне — я не желаю. Я просто поглощен чем-то иным, не ею. Она чувствует это и отчаивается. Проще: она ревнует. <...> Я прихожу поздно домой, — она что-то подозревает, рыдает, происходят мучительнейшие сцены, о которых не хочется рассказывать. <...> Я очень хочу жить с ней еще много, много лет, — до конца дней. Я очень рад, что моя жена — она, а не кто другой»*. В Антоновке Брюсов,

* Цит. по: *Лауров А. В.* Валерий Брюсов и Нина Петровская. С. 18.

обложившись книгами и стремясь не упустить ничего из впечатлений, начал «Огненного ангела» — «Твой роман», как он называл его в письмах к Нине Ивановне, — и злился, когда работа не шла. Соколов окончательно отдалился от жены*, которая стала опасаться, что Брюсов не последует примеру Антония:

«Ах, Валерий, я предчувствовала то, что с тобой сейчас. Едва коснувшись губами *края* чаши, ты уже испытываешь страх, смущенье и тоску. Ты испугался счастья. Испугался его облика, который *на миг* мелькнул из разорванных туч. Ты был радостнее, когда я мучила тебя (зимой и весной 1905 года. — В. М.). Ты ведь тогда написал свои лучшие стихи!.. А теперь и в те дни — не мог ничего. И в этом слышится мне горько-незаслуженный упрек. Мне грустно и больно, Валерий. Ты заставляешь меня жалеть о многом. Но мной никогда не руководили никакие расчеты, ты знал все, что приходило мне в душу, и если в этом крылась погибель всего, что между нами, — пусть. Оставайся с призраком 30 дней, если боишься, что можно нарушить эту „завершенную картину“, а я тихо и гордо отойду от тебя, но не хочу меняться, не хочу жить и чувствовать по выгодному плану. О, зачем у тебя такие мысли? Зачем ты губишь все так рано! <...> Милый, милый Валерий, ну вспомни все, разве не хотел бы ты опять быть со мной! Куда ты уйдешь? В одиночество, в работу? Но разве я мешаю тебе? Что сделать, чтобы опять ты стал опьяненным, радостным, безумным, как на Сайме?» (17 июля).

Это настроение тревожило и печалило Брюсова. Он пытался объяснить Нине Ивановне — как некогда Вилькиной, но гораздо серьезнее, — что пережитый «миг» не может длиться вечно и что нельзя постоянно жить на пределе, «опьяненным и безумным»: «Надо не быть людьми, а как достичь этого? Надо жить вне жизни, а за ее пределами лишь смерть. Надо дышать только любовью, но еще нет страны, где вечно веет этот воздух» (20 июля). Она упрекала его. Он каялся. Потом они ободряли друг друга экзотическими клятвами в вечной любви. 28–30 июля, в ожидании близкого свидания в Москве, Брюсов написал стихотворение «Из ада изведенные», проникнутое темой Любви-мучения, которая особенно остро звучала в письмах тех дней. В «Венке» он дал это название циклу стихов, связанных с Петровской, но несводимых к отношениям

* В августе 1905 года он познакомился с Лидией Брылкиной, которая с весны 1906 года стала его гражданской женой и в том же году дебютировала на сцене под фамилией «Рындиной». В ноябре 1907 года Соколов развелся с Петровской и тайно обвенчался с Рындиной, поскольку на него была наложена епитимья (при расторжении брака он взял на себя вину в адюльтере). После развода Соколов и Рындина поддерживали дружеские отношения с Петровской.

с ней: тема была не нова для автора и только получила мощный творческий импульс.

В начале августа они провели несколько дней вместе в Москве. Казалось, сказка вернулась. «Ты вдруг открыла мне за последней ступенью безмерную лестницу, алмазную, сияющую, уходящую в пламенную высь, в блеск, и в последнее, в невозможное, в несбыточное счастье. Иду, всхожу, все выше, выше, и там, на высоте, надо мной, для меня, протягивая мне руки, говоря мне „люблю Тебя“, — там — Ты!» (Брюсов, 5 августа). «Я люблю тебя и ничего не знаю, и ничего не хочу говорить, кроме этих слов, в которых вся я, вся моя душа, вся моя безмерная нежность к тебе» (Петровская, 7 августа). «Ты — мое счастье, Ты — моя радость, Ты — мой свет» (Брюсов, 7 августа). «Ничто уж не властно, когда я *совсем с тобой*, держу твои руки, смотрю тебе в глаза» (Петровская, 10 августа). «Умираю, да! умираю в последнем, предельном, в несбыточном счастье» (Брюсов, 12 августа). Читать эти письма даже неловко — как будто подглядываешь в замочную скважину.

В конце лета наступил кризис: пора было возвращаться в город и как-то «обустраивать» свои отношения. «Я хочу *всё*, тебя *всего* до конца, и это вовсе не искусство стоит сейчас между нами», — жестко заявила Петровская 24 августа, давая понять, что более не согласна довольствоваться тайными свиданиями. Следующие письма мягче, с жалобами на одиночество и неприкаянность. «Я так же неуместна, несвоевременна, не нужна в жизни, в мире», — сетовала она 28 августа и в том же письме просила посвятить ей готовящийся к изданию «Венок»: «Не посвящай мне отдел. Это невозможно. Подари мне *всю ее*. <...> Ты же говорил мне: „Все, все, что хочешь“... Я хочу твою книгу. Это мечта всего прошлого года. Я прошу тебя в первый раз. Неужели обида Вячеслава сильнее моей страстной мечты? Больше об этом не попрошу тебя никогда. Или скажи мне одно „да“, или не будем говорить об этом. Я пойму без слов твое „нет“». Брюсов посвятил «Венок» «Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу»; имени Петровской в нем не было. Были новые нежные письма, новые страдания и заклинания: «Сбережем нашу светлую, милую радость» (Петровская, 30 сентября). И вопль отчаяния 14 декабря: «Валерий, куда ушло наше счастье?! Куда улетела твоя мечта быть со мной *всегда*? <...> Ты уж больше никогда не говоришь прежних слов о *нашей* жизни. <...> Мне нужна *вся твоя* любовь. Вот что значит мое *всё*».

В следующие годы Нина Ивановна написала «милому звёздочку» много таких писем, которые становились все длиннее: обвиняла во всех смертных грехах, грозила немедленным разрывом — и тут же умоляла остаться и трогательно спрашивала

о здоровье (Брюсов был подвержен легочным заболеваниями). Менялось содержание, менялся тон, с годами становясь все более требовательным и злым, но неизменным оставался максимализм. «И в доброте, и в злобе, и в правде, и во лжи — всегда, во всем хотела она доходить до конца, до предела, до полноты, и от других требовала того же, — утверждал Ходасевич. — „Все или ничего“ могло быть ее девизом». Не обладая значительным литературным талантом, Петровская всю энергию и темперамент бросила в «жизнетворчество» — в этом солидарны все писавшие о ней. Для Брюсова главным была Литература, не в пренебрежительном смысле, как в верленовском «Искусстве поэзии», а как «любовь, соединившая страсть и долг»*. «Чтобы стать безумным, нужны душевные силы, а у меня их нет, — писал он 2 июня 1906 года, в разгар очередного „самого“ мучительного кризиса. — Чтобы стать безумным, нужна энергия и воля, а их у меня сейчас нет. Чтобы стать безумным, нужно, наконец, *безумие*, а во мне его теперь нет вовсе». «Для Тебя „любовь“ и „безумие“ одно и то же, а для меня не одно и то же. Любовь есть в моей душе, безумия — нет», — объяснял он три дня спустя, стучась в закрытую дверь. Нина Ивановна экстатически твердила о желании умереть, «чтобы смерть Ренаты списал ты с меня, чтобы быть моделью для последней прекрасной главы» (23 марта 1908), и не понимала, почему Брюсов — если любит ее — не разводится с женой, которую она ненавидела и проклинала: «У тебя есть *она*, которой ты, не задумываясь, приносишь в жертву меня с моей жизнью. <...> *Всё* для нее, — для меня остатки, клочки. Нет, — спасибо!» (26 июня 1908), — самое мягкое из сказанного. Иоанна Матвеевна платила ей вполне понятной антипатией, прежде всего за приобщение мужа к морфию. Но все это было позже...

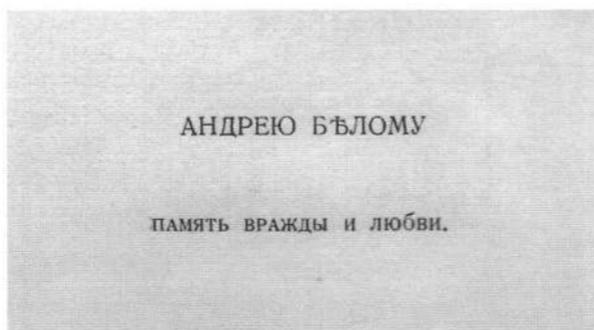
«Венок»** печатался в декабре 1905 года, в дни вооруженного восстания в Москве, а потому не сразу дошел до читателя. Автор охотно дарил его «далеким и близким»: Михаилу Врубелю «в знак восторженного преклонения пред его гением» и Петру Боборыкину как «скромную дань вассала», «старому другу» Курсинскому и психиатру Николаю Баженову, который бранил декадентов, не утруждая себя чтением их произведений***. Это был первый сборник Брюсова, единодушно принятый всеми серьезными критиками, «своими» и «чужими», — вот почему его стали считать вершиной творчества Валерия Яковлевича. Блок, получивший книгу с инскриптом «одному из немногих

* Лурье С. Далекий голос // Нева. 1973. № 12. С. 179.

** На обложке название сборника было напечатано по-гречески и по-русски, но в литературе его часто записывают латинскими буквами «Stephanos».

*** Прижизненные издания. С. 36, 37–40 (фото); НН. С. 262; Дневники. С. 137.

избранных наших дней», написал две рецензии: для первого номера декадентского журнала «Золотое руно» и для газеты. В первой — заявив, что новая книга не превзошла «Urbi et orbi», но «по-новому заострила и оттенила давно прекрасное, страшное и знакомое», — он попытался импрессионистически описать «брюсовское», определив его формулой «Любовь и Смерть». Во второй — учитывая характер аудитории — назвал поэзию Брюсова «примером быстрого и здорового перерождения литературных тканей», а его самого — поэтом «пушкинской плеяды»*. Ляцкий рассыпался в неожиданных похвалах автору изруганного им «Urbi et orbi»: «Пусть же он будет сам собою и таким войдет в немногочисленную семью истинных поэтов, чутко отдающих

Посвящение Андрею Белому в книге Валерия Брюсова
«Земная ось» (М., 1907)

ся обаянию дивного и вещего русского слова, — войдет простой, искренний, вдохновенно размеренный, умно-мечтательный, сдержанно свободный», — но с оговоркой, которую позже подхватили советские литературоведы: «Отошел, как нам кажется, г. Брюсов от прежних декадентов»**. В «Весах» рецензии не было — возможно, чтобы избежать упрека в саморекламе, хотя Аделаида Герцык оценила на их страницах переводы Брюсова из Верхарна как «редкое чудо перевоплощения»***.

Готовя осенью 1906 года первую книгу прозы «Земная ось», Брюсов решил посвятить ее «Андрею Белому память вражды и любви», испросив его разрешение. Тот с радостью согласился: «Мне это чрезвычайно лестно и интимно дорого»****, — понимая,

* Золотое руно. 1906. № 1. С. 136–140; Литературное приложение к газете «Слово». 1906. № 382. 12 февр. С. 4; перепеч.: *Блок-ЛСС*. Т. 7. С. 179–183, 189–190.

** Вестник Европы. 1906. № 4. С. 793–796.

*** В. 1906. № 8. С. 66–68.

**** Там же. С. 401–402.

Книга «Агриппа Неттесгеймский. Знаменитый авантюрист XVI века»
(М., 1913) под редакцией Валерия Брюсова
Обложка

что́ стоит за этими словами. Речь шла не только об их отношениях в прошлом, но и об их будущем отражении в романе, над которым работал Валерий Яковлевич. «Огненный ангел» — самое известное и самое переиздаваемое из крупных произведений Брюсова. Вместе с «Мелким бесом» Сологуба и «Петербургом» Белого он принадлежит к высшим достижениям русской символистской прозы. Внешне это исторический роман о Германии 1530-х годов, написанный с большим знанием дела, что было оценено немецкими критиками после его выхода в переводе Рейнгольда фон Вальтера в 1910 году. Одновременно это психологически точная, хотя и художественно переосмысленная история отношений Брюсова, Петровской и Белого, на что в тексте есть ряд прямых намеков, вроде упоминания Бальдера и Локи или сцены, где граф Генрих дарит

Рупрехту молитвенник Ренаты с надписью «память вражды и любви» (в жизни было наоборот). Наконец, «Огненный ангел» был первым в России оккультным, эзотерическим романом, относившимся к «высокой», а не к «массовой» литературе, вроде «Жар-Цвета» Амфитеатрова или книг Веры Крыжановской-Рочестер.

Все три «круга» романа равноценны: именно их гармоническое единство делает его выдающимся произведением. В отличие от авторов традиционных исторических романов, ориентированных прежде всего на юношескую аудиторию, Брюсов не считал главной целью просвещать читателя относительно жизни описываемой эпохи, но щедро (по мнению некоторых критиков, *слишком* щедро) делился своей эрудицией и, во всяком случае, стремился избежать анахронизмов и фактических ошибок, находя их даже у такого эрудита, как Мережковский. С другой стороны, он не использовал образы и события прошлого для иллюстрации собственных философских концепций, как делал тот же Мережковский. Общим местом стало сравнение «Огненного ангела» с «Саламбо» Флобера — если не по воплощению, то по замыслу. Не обошлось и без влияния русских и европейских романтиков, среди которых критика называла имена Гофмана и Мэтьюрина.

В процессе написания и публикации романа в «Весах» (1907–1908) началось «культивирование в жизни запечатленных в романе отношений, воздействие художественной реальности на судьбы и духовный облик людей, ставших прототипами вымышленных героев»*. Для автора работа над книгой превратилась в акт аутоэкскурцизма: с ее помощью он пережил вражду с Белым и мучительную страсть к Петровской. Белый позже писал, что Брюсов «почтил» его изображением в романе, а Эллис в стихотворном послании к Белому прямо использовал образы ангела Мадиеля и графа Генриха — небесного и земного воплощений «списанного» с него героя. Петровская полностью отождествила себя с Ренатой, что видно из ее писем к Брюсову; для него же эта глава закончилась навсегда. Литературно — с завершением работы над романом. Биографически — с окончательным отъездом Нины Ивановны за границу из Москвы (Брюсов провожал ее) 9 ноября 1911 года**. Но в «Роковом ряде» она заняла особое место:

* Лавров А. В., Гречишкин С. С. Символисты вблизи. С. 51.

** О поведении Брюсова в этот день Ходасевич написал дважды, дав ему положительную оценку в письме к Петровской (24 ноября 1911; Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой // Минувшее: Исторический альманах. 14. М., 1993. С. 391) и отрицательную в очерке «Брюсов».

Ты — слаще смерти, ты — желанней яда,
 Околдовала мой свободный дух!
 И взор померк, и воли огонь потух
 Под чарой сатанинского обряда.
 В коленях — дрожь; язык — горяч и сух;
 В раздумьях — ужас веры и разлада;
 Мы — на постели, как в провалах Ада,
 И меч, как благо, призываем вслух!
 Ты — ангел или дьяволица, Дина?
 Сквозь пытки все ты провела меня,
 Стыдом, блаженством, ревностью казня.
 Ты помнишься проклятой, но единой!
 Другие все проходят за тобой,
 Как будто призраков туманный строй.

Роман понравился даже тем, кто был далек от Брюсова. По прочтении первых глав Эмилий Метнер делился впечатлениями с Эллисом: «В страшном восторге от „Огненного ангела“ <...> Интеллигентно-гибельный (или просто гибельный) характер Брюсова остается мне антипатичным, но как художника я *уважаю* его больше всех современных русских художников всех специальностей. Прозаика такого не было со времен Пушкина» (ранее он дал аналогичную оценку «Земной оси», пояснив: «Не то, что он пишет, восхищает меня, а то, как он пишет»)*. Николай Рёрих 5 июня 1908 года признался автору, что «Огненный ангел» «прямо потряс меня своею глубиною истинной проникновенности»**. Дочитав роман, Ремизов 4 декабря 1908 года написал Валерию Яковлевичу: «„Огненный ангел“ будет встряской для русских писателей, и я уверен, скоро по кусочкам его растащут для повестей и рассказов»***. Сыграл он свою роль и в литературной борьбе, которую можно назвать «расколом в символистах».

* Цит. по: Ших Н. Валерий Брюсов в переписке Метнера и Эллиса // *Сборник-1977*. С. 153.

** *Короткина Л. В.* Письма Н. К. Рёриха В. Я. Брюсову // *РЛ*. 1983. № 4. С. 174.

*** *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 205. Ср.: «Теперь язык его присвоили все; десятки новоявленных брюсовцев черпают свой словарь из его словаря»: *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. II. С. 409.

И на голос мой восторженный
Откликаются бойцы.
Но настанет миг — я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюся первым — я.

Валерий Брюсов

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВСЕ НАПЕВЫ
(1906–1917)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«РАСКОЛ В СИМВОЛИСТАХ»

В декабре 1905 года Брюсов составил проект «Предполагаемой организации „Весов“», который назвал «конституцией» журнала:

«§ 1. Редакция состоит из С. А. Полякова, М. Н. Семенова, В. И. Иванова, В. Я. Брюсова и, в случае их согласия, также из К. Д. Бальмонта и Б. Н. Бугаева.

§ 2. Члены редакции обязуются печатать всё, ими написанное, подходящее к программе „Весов“, исключительно в „Вессах“, а „Весы“ обязаны давать место всем таким их произведениям.

Примечание 1. Нарушением этого § не должно считаться напечатание членами редакции в других изданиях статей, к программе „Весов“ не подходящих, а также и отдельные случаи помещения в других изданиях произведений, которые могли бы быть напечатаны в „Вессах“, если только это помещение не имеет характера постоянного сотрудничества.

Примечание 2. К. Д. Бальмонт может быть принят в члены редакции, не давая обязательства, требуемого § 2.

§ 3. Произведения членов редакции никакому предварительному редактированию не подлежат и могут быть лишь опротестованы перед редакционным собранием С. А. Поляковым.

§ 4. Остальной поступающий в редакцию материал члены редакции распределяют между собой по отделам, причем каждый член редакции пользуется по отношению к произведениям своего отдела правом абсолютного veto.

§ 5. Предполагаемый состав книги журнала, согласно с предложениями редакторов отделов, обсуждается на редакционном собрании, причем спорные вопросы решаются большинством голосов присутствующих.

Валерий Брюсов
1906. РГБ

§ 6. С. А. Полякову доставляются в сверстанном виде все листы №, причем ему предоставляется право опротестовывать те или другие места текста, но в случае, когда это будет касаться вопросов литературных, спор должен быть передан на редакционное собрание.

Схотия. Желательно, чтобы „Весы“ были выразителем идей кружка, так что при обсуждении статей посторонних сотрудников могут быть принимаемы во внимание не только литературные достоинства статьи, но и руководящая ее идея.

Сия программа должна быть принята целиком (en bloc) или целиком отвергнута.

(Подписано рукой В. Я. Брюсова): М. Семенов, В. Иванов, В. Брюсов

(Подписано рукой подписавших): К. Бальмонт, С. Поляков, Б. Бугаев

Часть материальная (рукой М. Н. Семенова. — В. М.).

Все счета с типографиями и бумажными фабрикантами ведутся непосредственно С. А. Поляковым.

На редакционные расходы С. А. Поляковым должно быть ассигновано ежемесячно 300 рублей (на уплату гонораров редакции и сотрудникам), а кроме того ежегодно по 1000 р. на рекламу*.

* ЛН. Т. 85. С. 280–281.

Чего хотел Брюсов? Во-первых, избавить себя от работы в одиночку и одновременно от возможного вмешательства Полякова в редакционные дела. Во-вторых, добиться стабильного финансирования работы редакции. В-третьих, не допустить «утечки» к конкурентам произведений Иванова и Белого (требовать этого от плодовитого Бальмонта было бессмысленно, а Поляков и Семенов занимались только переводами).

Бальмонт на все согласился: январский номер 1906 года открывался его большим циклом «Над вечным морем». Иванов отверг второй параграф: «4 сотрудника-поэта делят между собой 300 рублей и не смеют ничего более зарабатывать (разве случайно — слабейшими из своих писаний), при том они подвергаются чьей-то верховной цензуре! Курьезный аппарат для снимания сливок с подойников Музы!»* Положение не исправили ни посвящение ему «Венка», ни публикация в февральском номере его цикла «Северное солнце»: сохраняя дружеские отношения с Брюсовым, Вячеслав Иванович отдалился от «Весов», предпочтя им альманах Чулкова «Факелы» и журнал «Золотое руно». Белый говорил, что «подмахнул» документ, не читая, а в декабре 1905 года «написал два тождественных письма — нам, в „Весы“, и в „Золотое руно“. Просил обеспечить себе 60 р. в месяц (в „З. Р.“ 80)**. Писал: „Я продащик — вы покупатели. Я продаю кровь своего сердца“. „Во сколько оценят ‘Весы’ (‘З. Р.’) крик души Андрея Белого“. Гриф (С. А. Соколов. — В. М.) ответил первым. Согласился. Белый взял отданные нам стихи, под предлогом поправки их, и передал в „З. Р.“***.

Брюсов остался главной «рабочей лошадью» и «арбитром вкусов» (с этим словом часто рифмовали его фамилию), теперь и в отношении художественных произведений, которые «Весы» начали публиковать с 1906 года. Он повторил приглашения «мэтрам» символизма и занялся отбором перспективных начинающих. «Обращаюсь к Вам еще раз с просьбой и с предложением — сотрудничать в „Весях“, — писал он 3 февраля Юрию Верховскому. — От Вас мы ждем не только стихов, но и прозы: статей, заметок, рецензий <...> Передайте, прошу, мой привет Михаилу Алексеевичу (Кузмину. — В. М.). От него

* Письмо Брюсову (17 декабря 1905): ЛН. Т. 85. С. 488.

** 12 мая 1906 года Брюсов сообщил Верховскому гонорарные ставки: «за прозу статей и рецензий — 3 р. со страницы; за художественную прозу — 95 р. с полного листа; перевод — 25 р. с листа; стихи — отдельное стихотворение 30 коп. со стиха; стихи — серия стихотворений 80 р. с листа, т. е. 5 р. со страницы, *полной и неполной*»: НЖ. Кн. 220. Сентябрь 2000. С. 195 / Публ. В. Э. Молодикова.

*** Запись Брюсова: ЛН. Т. 85. С. 390–391. В аналогичных выражениях Белый объяснял свой поступок Блоку (31 декабря 1905 и 6 января 1906): Белый. Блок. С. 264–269.

мы ждем, для одного из № „Весов“ — Александрийских стихов, ибо прозы он, кажется, не пишет. (А что, если бы он попытался написать что-либо о музыке?)»*. Ровно через месяц Кузмин, с которым Брюсов познакомился 18 января 1906 года на «Башне» Иванова, выслал ему «Александрийские песни», «чтобы Вы сами могли сделать выбор годного, что, равно как и перестановку их, предоставляю на полнейшее Ваше усмотрение»**. Стихи появились в июльской книжке, а ноябрьская была полностью отдана под его повесть «Крылья», для чего требовалась известная смелость, а не только вера в талант автора.

Стихов было много, но Брюсов решил придерживаться «новопутейского» принципа публикации больших авторских подборок-циклов (как правило, одна в номере), периодически делая общую для «молодежи». «Вы понимаете преимущества этого, скажу, „метода“, — писал он в конце апреля Верховскому. — 10–12 стихотворений, собранных в одной книжке, могут более или менее полно охарактеризовать поэта или известный период его творчества, тогда как стихотворение, стоящее одиноко, особенно автора еще малоизвестного, не говорит читателю почти ничего. Но благодаря такому решению, мы можем предоставить страницы „Весов“ лишь очень небольшому числу поэтов. Книжки 1–4, как Вы видите, были посвящены К. Бальмонту, Вяч. Иванову и З. Гиппиус***. Дальнейшие обещаны: А. Блоку, А. Белому, Ф. Сологубу, Ю. Балтрушайтису, М. Волошину, М. Кузмину и мне. Одна книжка будет „сборная“, но, во-первых, в ней предполагается приютить лишь совсем начинающих поэтов (как В. Пяст, Городецкий), а во-вторых, каждый из них будет представлен не более как двумя, много тремя стихотворениями». Однако «наше желание предоставлять каждый № лишь одному поэту вызвало множество нареканий, — говорилось в следующем письме. — Никто не хотел ждать очереди, как у театральной кассы». С 1907 года «мы уничтожаем, — извещал Брюсов Верховского 12 октября, — столь стеснительный (хотя и имеющий различные преимущества) обычай — печатать стихи целыми циклами, и это даст нам возможность гораздо чаще предоставлять страницы „Весов“ различным поэтам»****.

«Он вел полемику, — описывал Ходасевич Брюсова этих лет, — заключал союзы, объявлял войны, соединял и разъединял, мирил и ссорил. Управляя многими явными и тайными нитями, чувствовал себя капитаном некоего литературного корабля

* *НЖ*. Кн. 220. С. 191.

** *Кузмин М.* Стихотворения. Из переписки. С. 163.

*** Сдвоенный № 3/4.

**** *НЖ*. Кн. 220. С. 192–195.

и дело свое делал с великой бдительностью. К властвованию, кроме природной склонности, толкало его и сознание ответственности за судьбу судна». «Миноносец „Весы“ пускал мины в эскадры журналов; я был офицером команды его, — вспоминал Белый, — Брюсов был капитаном. <...> Брюсов — скомандовал: Трапы — поднять. Пушки с правого борта — на левый!»* В кого стреляли «Весы»?

В январе 1905 года художник Николай Тароватый начал выпускать журнал «Искусство», задуманный как продолжение прекратившегося «Мира искусства». Он делался силами молодых декадентов, без «имени» и репутации: Ходасевича, Гофмана, Пантюхова — и продержался меньше года. Гибнувший журнал подхватил энергичный Соколов, но спасти его не смог. Зато сумел убедить эксцентричного миллионера Николая Рябушинского, «баловавшегося» живописью и литературой, выпускать с января 1906 года ежемесячник «Золотое руно». «Рябушинский сделал всё, чтобы привлечь в свой журнал лучшие символистские и околосоциалистские литературные силы <...> В издание были вложены огромные средства. Оформление отличалось вызывающей дороговизной исполнения. Ориентация изначально была задана на самые громкие, самые престижные в своем роде имена. <...> По объему и уровню литературного отдела номера „Золотого руна“ не уступали выпускам „Весов“**.

В декабре 1905 года Соколов познакомил Брюсова с Рябушинским. Какое впечатление произвел на него меценат, мы не знаем, но отзывы петербуржцев о нем были единодушно презрительными — при согласии работать за высокие гонорары. «Казалось, точно он нарочно представляется до карикатуры типичным купчиком-голубчиком из пьес Островского», — вспоминал Александр Бенуа, которого Рябушинский, вознамерившийся «продолжать дело Дягилева» хотел привлечь к руководству «Золотым руном» в качестве аутентичного «мирискusstника». Бенуа отказался***. Брюсов поначалу согласился и 31 января на банкете в честь выхода первого номера журнала произнес примечательную речь:

«Тринадцать лет тому назад, осенью 1893 года я работал над изданием тоненькой, крохотной книжки, носившей бессильное и дерзкое название „Русские символисты“. Бессильным это заглавие назвал я потому, что оно бесцветно, ничего не говорит само по себе, ссылается на что-то чужое. Но оно было и дерзким,

* Белый А.: 1) Между двух революций. М., 1990. С. 300; 2) Начало века. С. 422.

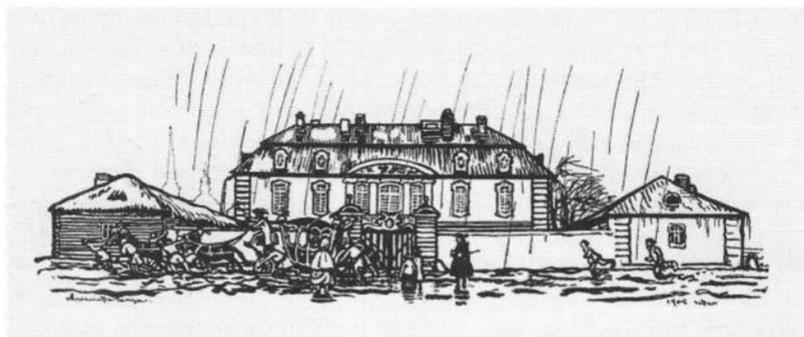
** Лавров А. В. «Золотое руно» // Лавров А. В. Русские символисты. С. 457-485 (цит. с. 460-462).

*** Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн. Кн. IV, V. 2-е изд. М., 1990. С. 435-436.

Заставка А. Н. Бенуа к циклу стихотворений Валерия Брюсова «Отзвуки античного» в журнале «Золотое руно» (1906. № 10)

потому что открыто выставяло своих авторов защитниками того движения в литературе, которое у нас до того времени подвергалось только самым ожесточенным нападкам и насмешкам, если не считать очень двусмысленной защиты его на страницах „Северного вестника“. Началась борьба, сначала незаметная, потом замеченная лишь для того, чтобы тоже подвергнуться всякого рода нападкам. И длилась она 13 лет, все разрастаясь, захватывая все более обширные пространства, привлекая все более значительное число сторонников. Сегодня, наконец, я присутствую при спуске в воду только что оснащенного, богато убранного, роскошного корабля Арго, который Язон вручает именно нам, столь разным по своим убеждениям политическим, философским и религиозным, но объединенным именно под знаменем нового искусства. И видя перед собой это чудо строительного искусства, его золотые паруса, его красивые флаги, я сознаю, наконец, что борьба, в которой я имел честь участвовать вместе со своими сотоварищами, была не бесплодной, была не безнадежной. Но, вступая на борт этого корабля, я задаю себе вопрос: куда же поведет нас наш кормщик? За каким Золотым Руном едем мы? Если за тем, за которым 13 лет назад выехали мы в утлой лодочке, — то оно уже вырвано в Колхиде у злого дракона, уже стало достоянием родной страны. Неужели же задача нового Арго только развозить по гаваням и пристаням пряди Золотого Руна и распределять его по рукам? Неужели дело нового издания только распространять идеи, высказанные раньше другими? О, тогда ваш Арго будет не крылатым кораблем — а громадным склепом, мраморным саркофагом, которому, как пергамским гробницам, будут удивляться в музеях, но в котором будет пышно погребена новая поэзия. Я поднимаю бокал за то, чтобы этого не было, я подымаю бокал против всех, кто хочет отдыхать, торжествуя победу, и за всех,

Заставка А. Н. Бенуа к рассказу Валерия Брюсова «Сестры»
в журнале «Золотое руно» (1906. № 10)

кто хочет новой борьбы, во имя новых идеалов в искусстве, кто ждет новых неудач и новых посмеяний»*.

Формулы ритуальной вежливости еле-еле прикрыли напоминание о своем первенстве и вызов на «бой во имя новой воли» — подобный стихотворению «Близким», отданному в «Факелы». Новый Арго нес на борту ведущих писателей и художников модернизма, но Брюсов сомневался в талантах «кормщиков» и их способности к оригинальному творчеству. Концовку речи он использовал в первой же своей статье о «Золотом руно», а в февральском номере «Весов» поместил язвительный фельетон Гиппиус за подписью «Товарищ Герман» (подлинное имя автора хранилось в тайне), обвинявший новый журнал в неоригинальности и бескультуре.

Что касается второго конкурента — «Факелов», то в них Брюсова отталкивали политическая ангажированность и литературная всеядность: Чулков ставил идейность выше художественности, а в погоне за «именами» привлек в альманахах Андреева и Бунина. Критике первой книги «Факелов», вышедшей в апреле 1906 года, «Аврелий» посвятил обстоятельную статью (В. 1906. № 5). Главный упрек заключался в том, что доктрина «мистического анархизма», провозглашенная как альтернатива «символизму, выращенному в оранжереях мещанской культуры» и «жалкому декадентству», нежизнеспособна: «Формула „Я мира не приемлю“ выбрасывает за борт весь материал художественного творчества: весь мир», — и не поддержана никакими творческими достижениями. 24 апреля он писал Блоку, у которого «Скорпион» купил новую книгу стихов «Нечаянная радость»: «Перечел Ваш „Балаганчик“. Прекрасно, хорошо совсем. <...> Все остальное

* Цит. по: *Лавров А. В.* Русские символисты. С. 459–460.

в „Факелах“ (в том числе стихи мои и Б. Н.) — дрянь, вещи, которые к искусству причислить нельзя никак. И никакого „мистического“ анархизма не оказалось, а — просто тенденциозная беллетристика, во вкусе „Русского богатства“. И эту старую, пережеванную муку нам выдают за истинный хлеб, которым должно будто бы заменить очерствелый символизм! И эти „факельщики“, подлинные реакционеры в искусстве, воображают себя прогрессистами и новаторами! Стыдно*». В том же духе он написал Чулкову, но на их отношениях это пока не сказалось.

За «Факелы» вступился Иванов (В. 1906. № 6). «Аврелий» ответил личным письмом, разъяснив причины своего участия в критикуемом альманахе**, но дальнейшее сотрудничество с ним оказалось под вопросом. Назвав присутствие Чулкова в «Весах» «очень желательным», Брюсов отверг его рецензию на 10-й сборник «Знания» с похвалами пьесе Андреева «К звездам»: «Эти сцены — мертворожденные, ходульные, шаблонные, доказывающие — по-видимому однажды навсегда, что Андрееву не следует браться за писание драм, как и стихов***, — и фактически отказался от участия в альманахе: «В „Факелах“ помещались создания искусства или нет? Если да, то там не место вещам, оскорбляющим художественное чувство <...> Если нет, если „Факелы“ хотят только под флагом искусства вести проповедь революции, там не место „декадентам“, которые прежде всего отстаивали и будут отстаивать свободу творчества****. <...> Если редакция „Факелов“ возводит эстетическую неразборчивость в принцип, мое сотрудничество невозможно. Если же помещение произведений антихудожественных произошло случайно или в силу того, что редакция иначе, чем я, оценивала их художественное значение, — я, конечно, готов и рад появиться на одних страницах с Вяч. Ивановым, с Вами, с Ф. Сологубом»*****.

Летом 1906 года Брюсов с Иоанной Матвеевной отдыхал в Швеции: изучал шведский язык и писал стихи, среди которых особое место занимает «Карл XII. Памятник в Стокгольме»:

Ты в древних сагах был предсказан,
Последний викинг, вождь-герой!
Мечтой веков миропомазан
За Север на смертельный бой!
Ты принял беспощадный вызов,
Поверив в помощь тайных сил,

* ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 494.

** ЛН. Т. 85. С. 490-491.

*** Повторено в рецензии: В. 1906. № 6. С. 63 (подпись: Пентаур).

**** Отсылка к статье «Свобода слова».

***** Чулков Г. Годы странствий. С. 342-343.

Памятник Карлу XII в Стокгольме
Фотография начала XX в.

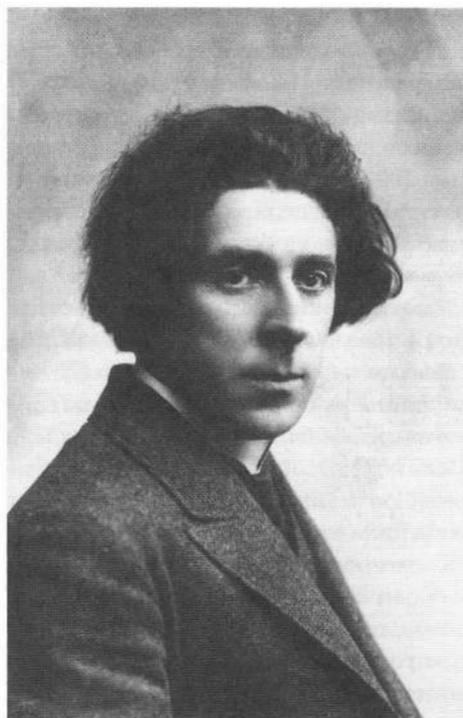
Свой подвиг, сана не унизив,
Как Рыцарь Полюса свершил.
И пусть, обманут зовом славы,
Ты дерзко жребии метал,
Пусть на пустых полях Полтавы
Судьбу столетий проиграл, —
Но сны заветные народа
В тебе свой образ обрели,
Сны духовидца, морехода,
Завоевателя земли!

Стоишь ты, призрак древней саги,
 В своей столице над толпой
 И вдохновенным взмахом шпаги,
 Как прежде, манишь за собой.
 Мне, гостю с вражьего Востока,
 Склониться пред тобой дозволь,
 Игрок безумный в кости Рока,
 Венчанный Полюсом король!

При первой публикации в «Весах» оно входило в пейзажный цикл «В Швеции»*, но в сборнике «Все напевы» переместилось в раздел «Приветствия», заняв место рядом со стихотворением «Медному всаднику» — значимое соседство. Брюсов не просто отдал дань политическому врагу России, не просто дал новую оценку тому, кого было принято считать авантюристом и неудачником. Он создал мифологический образ Рыцаря Полюса, вневременной облик человека Традиции, проецируемый на другие эпохи и других героев.

В это время Чулков выпустил брошюру «О мистическом анархизме» с предисловием Иванова «О неприятии мира» и прислал ее Брюсову. Новый отзыв «Аврелия» (В. 1906. № 8) был столь же обстоятельным, но гораздо более резким: «На страницах г. Георгия Чулкова неопределенные ценности, о сокровенном существовании которых заявлял г. Вяч. Иванов, разменены на медные пятачки газетных фельетонов, и после этого гг. „мистические анархисты“ не могут не признать себя банкротами». Публикации предшествовало откровенное письмо Чулкову: «Я люблю Вас, очень люблю. Этим я хочу сказать, что как человек, как личность Вы мне очень нравитесь <...> Но — странное дело: все, что Вы пишете, мне большей частью бывает не по сердцу. И как писателя я Вас скорее *не люблю*. Из этого возникает моя „несправедливость“ как критика. <...> Боясь быть лицеприятным, я впадаю в другую крайность — я отношусь к Вашим вещам строже, враждебнее, чем отнесся бы, будь Вы моим личным врагом. <...> Постараюсь всячески избежать этого, разбирая Вашу последнюю книгу. Но в моих отношениях к ней есть все то же непобедимое противоречие. Совершенно определенная дружественность к Вам как к Георгию Чулкову, которого я знаю, как к цельной личности и в этом смысле как „к зачинателю “Факелов”“ борется во мне со столь же определенной враждебностью и к высказываемым Вами идеям, и к той форме, в которой Вы их высказываете.

* О восприятии Брюсовым Швеции см. предисловие к публ.: Nilsson N. Å. Eight Letters from Valerij Brjusov to Alfred Jensen // Acta Slavica Uppsaliensia. Vol. 1. Uppsala, 1960. P. 70-81.

Георгий Чулков
Середина 1900-х

<...> Лично мне хочется быть вместе с Вами и вместе с Вяч. Ивановым. Но я решительно не разделяю взглядов, высказанных в книге о неприятии мира и о мистическом анархизме. С этими взглядами, поскольку я критик, я буду бороться*». Отношения писателей стали натянутыми, но порвались только в апреле 1907 года после резкой рецензии Чулкова на «Земную ось» и его формального ухода из «Весов». Объяснения автора: «Надеюсь, что мой отзыв о Вас как о писателе Вы не истолкуете как акт, враждебный Вам как человеку. Наоборот: невысоко ценя Ваши рассказы, я очень люблю Вас как человека**», — не удовлетворили Брюсова, хотя Георгий Иванович только вернул ему — всерьез или иронически — его собственные слова.

* Чулков Г. Годы странствий. С. 343–344. 17 октября 1906 года Брюсов писал Иванову: «В проповеди, затеянной тобой с Георгием Ивановичем, мне видится нечто глубоко гибельное для того движения в литературе, которому я служу. <...> Я прямо вменяю себе в долг всеми средствами, вплоть до насмешки, бороться с „мистическим анархизмом“ и твоим „неприятием мира“»: ЛН. Т. 85. С. 493–494.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 374; ответ Брюсова (30 апреля): Чулков Г. Годы странствий. С. 348.

Одновременно у «Весов» разгорелась полемика с «Золотым руном»*. «Товарищ Герман» взбесил Соколова, ополчившегося на «не совсем приличные намеки» («купечество» издателя) и «ноту оскорбленного монополизма»**. Новый злой фельетон под той же маской написал Брюсов, продолжавший тем не менее сотрудничать в «Руне» до конца 1906 года и периодически читавший там похвалы себе как поэту. «Г. Сергей Кречетов, — говорилось в фельетоне, — наговаривает столько забавных нелепостей, что его патетический ответ не может возбудить ничего, кроме взрывов здорового смеха. <...> Обидно, однако, что в журнале, считающем в числе своих сотрудников наших лучших стилистов, редакционные ответы пишутся языком г. Сергея Кречетова!» (В. 1906. № 5). Добил противника памфлет Брюсова «Вопросы» — на сей раз без подписи, — где «Золотое руно» было названо «судном без капитана и кормчего» (В. 1906. № 6). Особенно неприятно прозвучали утверждения, что журнал Рябушинского экономит на иллюстрациях.

Соколов снова дал отповедь «товарищу Герману», но она осталась в архиве: дни его как редактора литературного отдела были сочтены. Если Брюсова раздражал «начальственный голос» «тишайшего», по общему мнению, Полякова, то Рябушинский, как он сам говорил, «привык командовать служащими». Ради возможности редактировать журнал «круче», чем у ненавистного Брюсова, Соколов терпел, хотя его хватило лишь на полгода. 4 июля он направил издателю пространное заявление об уходе, разослав копии многим литераторам: «Авторитет знания, опыта и утонченного вкуса Вы подменили грубым авторитетом денежной силы, которой подчинить Вы считали возможным всё. <...> Не любя Искусства истинной любовью, смотря на него, как на забаву, как на свою личную прихоть, Вы и не уважали Искусства»***. Он рассчитывал на уход именитых сотрудников, но ошибся: литературная братия посмеивалась над Рябушинским, однако и «Сергей Кречетов» мало у кого вызывал симпатию. «Купчик» не растерялся и уже на следующий день обратился за советом к Брюсову.

Валерий Яковлевич не торопился в Москву из Швеции, но не отказался от заманчивого предложения. Зная «ндрав» Рябушинского, он ограничился советами, а на постоянную работу «сосватал» своего старого приятеля Курсинского. На полгода «Золотое руно» стало союзником «Весов». Правда, уже в марте

* Материал по истории внутрисимволистской полемики: Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Вступ. ст. Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 269–367.

** Кречетов С. Апологеты культуры // Золотое руно. 1906. № 3. С. 131–133.

*** Полностью: Богомалов Н. К истории «Золотого руна» // Богомалов Н. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 42–46.

Курсинский со скандалом ушел оттуда, не выдержав обращения издателя, который «сначала прекратил со мною всякие совещания о делах, касающихся журнала, затем прекратил всякие разговоры вообще, словно совершенно не замечал моего присутствия в редакции, и, наконец, довел свою невнимательность ко мне до явно оскорбительного отношения, выражавшегося в том, что 15 марта, уходя из редакции и прощаясь с присутствующими, обошел меня и не подал мне руки»*. Редакция «Весов» откликнулась на его просьбу об организации третейского суда и вынудила Рябушинского принести извинения. Тем не менее суд не состоялся, и причитавшихся ему денег Курсинский не получил. «Купчик» цинично заявил: «Неужели я не могу *отказать* своей *кухарке* без того, чтобы в это дело не вмешались „Весы“?»** Он пригласил Белого возглавить литературный отдел, но тот решительно отказался. Брюсов дал несколько «прощальных залпов» по «Руну», которое отныне для него было потеряно навсегда. Новый секретарь редакции Генрих Тастевен и приглашенный на роль ведущего критика Блок в союзе с Ивановым и Чулковым решили придать «Золотому руну» собственное лицо. Это лицо было антивесовским и антибрюсовским, хотя Блок прислал Валерию Яковлевичу «Нечаянную радость» с надписью: «Венценокосному певцу безмерных глубин и снежных высот <...> внимательный и всегда преданный ученик»***.

На другом фланге в бой вступил «Перевал» (Брюсов немедленно окрестил его «Провалом») — «журнал свободной мысли», издававшийся с ноября 1906 года Соколовым на деньги мецената Владимира Линденбаума****. Соколов бравировал своим радикализмом (его сборник «Алая книга» был изъят из продажи по приказу московского генерал-губернатора) и решил придать журналу «общественный» характер. Задуманный как орган «Грифа», «Перевал» собрал всех отвергнутых «Весами», включая Криницкого, Ходасевича и Петровскую, но первым делом издатель хотел поквитаться с Рябушинским и его «зловонной лавочкой». Особое место в журнале занял Белый, привлеченный возможностью публиковать большие теоретические и публицистические работы. В то же время он выступал как представитель «весовской» группы, по мере сил уравнивая и смягчая враждебность «перевальцев» к ней*****.

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 273.

** Эти слова Брюсов привел в письме Сологубу (31 августа 1907): ЕРОПД на 1973 год. С. 110–111.

*** ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 495 (фото).

**** Лаэров А. В. «Перевал» // Лаэров А. В. Русские символисты. С. 486–498. Относящаяся к «Перевалу» переписка далее цит. по этому источнику без сносок.

***** Белый А. Между двух революций. С. 221–227.

Валерий Яковлевич тоже получил приглашение в новый журнал, но уклонился от сотрудничества, ссылаясь на занятость в «Весах» и в «Руне», «в которое между прочим я был введен лично Вами», как он не без иронии напомнил Соколову. Надежды на «дипломатические отношения» были похоронены рецензией Чулкова («перевальцы» критиковали «мистических анархистов», но «враг моего врага — мой друг») на сборник рассказов Брюсова «Земная ось»: «Несмотря на художественное бессилие этой книги, она представляет значительный интерес. <...> Подобно тому, как кассовая книга разорившегося банкирского дома своими мертвыми цифрами говорит сердцу о тайной драме, о крушении какой-то большой нелепой постройке, созидавшейся годами, так и „Земная ось“ напоминает нам о крушении некоторого мирозозерцания. <...> Это мирозозерцание определяется как ложный индивидуализм, т. е. такой „индивидуализм“, который по своей религиозно-философской слепоте мечтает утвердить себя вне общности. Отсюда — бескровность, бездушие и реакционность того „искусства“, которое связывает себя с этим внешнепонятым индивидуализмом»*.

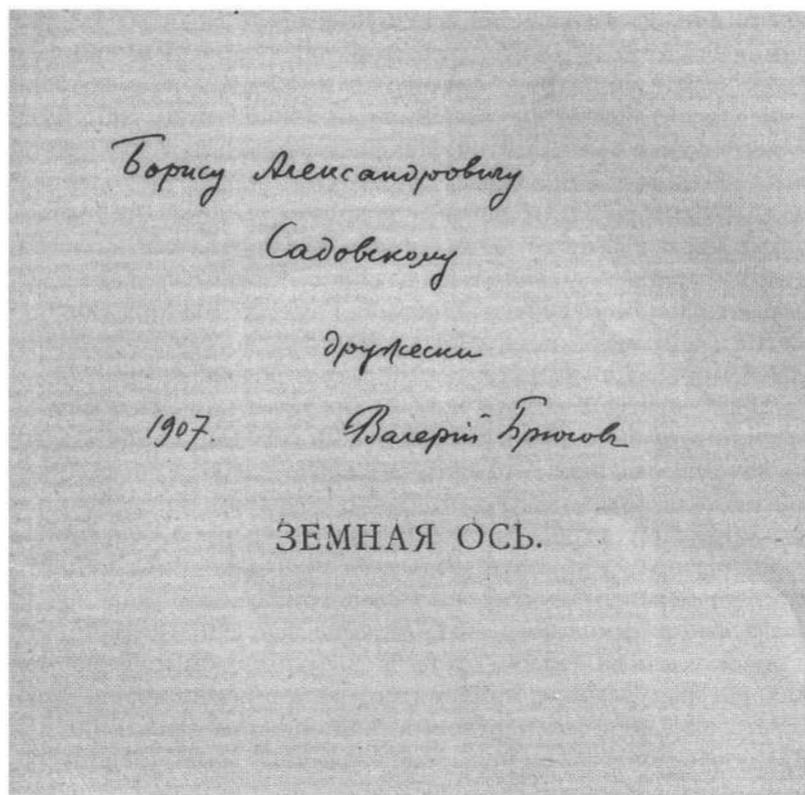
Редакция оговорила, что оставляет за собой право вернуться к оценке книги, но Соколов с радостью принял памфлет Чулкова и подбивал его, как и Волошина, «разнести» брюсовские переводы из Верхарна**. Идейные упреки не удивили Брюсова, который уже обсуждал с Чулковым «реакционность» «Весов» и наличие у них «врагов слева»***. Под впечатлением услышанного и прочитанного он признался далекому от символизма Ляцкому: «Хотя извне я и кажусь главарем тех, кого по старой памяти называют нашими декадентами, но в действительности среди них я — как заложник в неприятельском лагере. Давно уже всё, что я пишу, и всё, что я говорю, решительно не по душе литературным моим сотоварищам, а мне, признаться, не очень нравится то, что пишут и говорят они»****. В свое время подобные фразы, выхваченные из контекста, цитировались как доказательство «отхода» Брюсова от «чуждого» ему символизма, но он-то как раз имел в виду защиту символизма от чуждых воздействий религиозно-философского и общественно-политического характера.

* Перевал. 1907. № 4. С. 64–65. Близкий к оппонентам Брюсова Городецкий высоко оценил книгу в письме к нему (20 января 1907): *Айвазян М. К.* «Быть судимым... по законам для немногих». (В. Брюсов и С. Городецкий) // *Чтения*. 1973. С. 261–262.

** Письмо Соколова Чулкову (5 февраля 1907): *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 269–270.

*** Письмо Чулкову (19 января 1907): *Чулков Г.* Годы странствий. С. 346–348.

**** Новый мир. 1932. № 2. С. 191. Письма Ляцкому и Чулкову написаны в один день.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Борису Садовскому
на авантитуле книги «Земная ось» (М., 1907):
«Борису Александровичу Садовскому дружески Валерий Брюсов 1907»
ВЭМ

Рецензия Чулкова стала первым публичным выпадом против Брюсова как художника со стороны «своих»: ругать его как поэта было неудобно, но рассказы давали повод и для принципиальных высказываний, и для сведения счетов. Эллис разорвал отношения с Блоком, когда тот не согласился с ним, что «заметка Чулкова о „Земной оси“ противоречит всем элементарным условиям чести, логики, приличия и честности!»* Гиппиус написала отзыв для «Весов», корректный по форме, «кисло-сладкий» по содержанию: «У хорошего поэта не может быть совершенно плохой прозы <...> Так как он-то сам, Брюсов, — целиком — поэт (только потому и настоящий поэт), — то его *самого* для прозы и не остается. <...> Пленительности, непременно пленительности

* Письма Эллиса к Блоку (1907) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова // ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 290.

истинного искусства — нет в искусственной прозе Брюсова*». Замечания Гиппиус можно применить к ней самой: ценивший ее поэтическое дарование, Брюсов, как и многие другие, холодно отзывался о беллетристике Зинаиды Николаевны, например о ее сборнике «Алый меч», появившемся незадолго до «Земной оси». «Когда я писал о вашей книге, — признавался он в письме к ней 27 декабря 1906 года, — я больше думал о своей. Все упреки, какие я делал вам, я относил и к себе. Все недостатки, какие находил у вас, знал и у себя». Блок назвал «Земную ось» «странной, поразительной, магической книгой**». Эллис восторженно отметил в ней сочетание «глубокого философского содержания» и «свободной, утонченной и ритмически-строгой формы***».

Исследователи «малой прозы» Брюсова уделяли основное внимание именно «Земной оси» (в 1910 году вышло второе, дополненное издание). Что примечательно в этой книге? Автор следовал не русским традициям, но образцам европейской и американской остросюжетной прозы, популярной в России, но не нашедшей здесь последователей. Это отметил Сергей Ауслендер в рецензии на второе издание книги: «Возрождение рассказа фабулистического, возрождение ясности и стройности в повествовании должно стать боевым лозунгом современной литературы, раздираемой смятением импрессионизма. Брюсов-прозаик один из передовых бойцов этого движения****. Как повествователь он примерял различные маски (репортера, психопата, женщины, средневекового хрониста), но не тяготел к вошедшей в моду стилизации. К его рассказам применимо пушкинское определение «драматические *изучения*» (вариант названия «Маленьких трагедий»): автор не просто показывает, но изучает необычные психологические явления, уклоняясь, однако, от морализирования по поводу их «ненормальности». Наконец, проза Брюсова очень кинематографична. Его тексты легко преобразовать в сценарии, а жанровое разнообразие позволяет снять по ним любой фильм: мистический триллер («В зеркале», «Огненный ангел»), исторический блокбастер («Алтарь Победы»), антиутопию («Республика Южного Креста», «Последние мученики»), хоррор («Теперь, когда я проснулся», «Элули, сын Элули»), психологическую драму (рассказы сборника «Ночи и дни»), историко-бытовую панораму («Обручение Даши») и даже

* Гиппиус З. Проза поэта // В. 1907. № 3. С. 69–71; перепеч.: Гиппиус З. Дневники. Т. I. С. 342–345. После этой рецензии выражение «проза поэта» вошло в широкий обиход.

** Золотое руно. 1907. № 1. С. 86–88; перепеч.: Блок-ЛСС. Т. 7. С. 206–209.

*** Эллис. Русские символисты. С. 174.

**** Ауслендер С. Проза поэта // Речь. 1910. № 300. 1 нояб. С. 4.

«крутую эротику» («Сестры»). Удивительно, что этот богатейший материал остается практически невостребованным*.

Особое место в сборнике занимает драма «Земля», которая завершает «Земную ось» как концентрированное выражение идей, содержащихся в рассказах. Это наиболее значительное и наиболее известное из драматических произведений Брюсова, опубликованных при его жизни**. Автор сам назвал ее «написанной скорее для чтения, чем для театра», что породило мнение о принципиальной несценичности «Земли»***. Опыт ее постановки Большим драматическим театром в Петрограде в 1922 году (режиссер Николай Петров, композитор Михаил Кузмин) привел критику к решительному выводу: «Конечно, это не пьеса. В лучшем случае, она — сцены или, вернее, инсценированные диалоги, монологи, философские концепции, алгебраические формулы и т. д. Тут нет живого духа театра, как нет в ней театра вообще. „Земля“ абсолютно лишена действия, движения, динамики»****. В 1907 году, уже после публикации драмы, Всеволод Мейерхольд, высоко ценивший Брюсова как поэта и теоретика «условного театра»*****,

* В октябре 1913 года Брюсов предоставил Курсинскому право на инсценировку для кино всех своих ранее опубликованных рассказов. По рассказу «Сестры» Курсинский написал сценарий, одобренный Брюсовым, для московской фирмы «Торговый дом П. Тимана и Ф. Рейнгардта. Кинематограф и ленты». Постановка не состоялась, сценарий был утерян, но в 1918 году восстановлен автором (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 355–358). О единственном фильме, снятом по сценарию Брюсова при его жизни, см. главу 14. После смерти Брюсова по его прозе сняты три фильма: «Захочу — полюблю» (1990; Россия; реж. В. С. Панин; «Последние страницы из дневника женщины»), «Жажда страсти» (1991; Россия; реж. А. И. Харитонов; «по мотивам прозы»), «Откровения незнакомцу» (1995; Франция–Россия–Италия; реж. Ж. Бардавилль; «Последние страницы из дневника женщины»).

** Другие: «психодрама» «Путник» (РМ. 1911. № 1. С. 129–136; в сб. «Ночи и дни» и в ПССП), трагедия «Протесилай умерший» (РМ. 1913. № 9. С. 1–31; в ПССП), историческая сцена «Моление царя» (Армянский вестник. 1916. № 12/13. С. 8–9) и драматический этюд «Пифагорейцы» (Художественное слово. Кн. I. М., 1920. С. 17–20; в сб. «Миг»).

*** 5 августа 1905 года Брюсов писал Ремизову, предложившему Театру-студии Мейерхольда поставить «Землю» (постановка не осуществилась): «Считаю постановку ее на сцене недостижимой. Я, когда писал, имел в виду читателя»: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 191.

**** З. Л. <Львовский З> «Земля» Валерия Брюсова (К сегодняшнему 1-му представлению в Большом Драматическом театре) // Вестник театра и искусства. 1922. № 8. С. 2. Премьера состоялась 27 января 1922 года; до конца сезона пьеса шла 11 раз.

***** Брюсов и театр / Вступ. ст. и публ. Г. Ю. Бродской // ЛН. Т. 85. С. 167–189. Статьи Брюсова о театре не собраны, хотя в 1915 году он планировал издать сборник «Перед сценой», который, по его словам, «скорее ставит вопросы, чем дает ответы»: Валерий Брюсов — театральный критик / Публ., предисл. и примеч. Р. Помирчего // Литературная Армения. 1973. № 12. С. 86–90.

писал ему: «Да посетит Вас вдохновение *задумать* пьесу»* (курсив мой. — В. М.). Не берусь оценивать «Землю» с точки зрения «театральности», но это одна из интереснейших антиутопий в русской литературе, во многом предвосхитившая роман Евгения Замятина «Мы». В ней переплелись две темы, давно волновавшие автора: обреченность техногенной цивилизации в противоборстве с природой и ответственность личности, облеченной неограниченной властью, за свои поступки, от которых зависит судьба человечества. Имена героев — Тлакатль, Теотиль, Неватль — заимствованы, как сообщил Брюсов 26 мая 1907 года немецкому переводчику Александру Элиасбергу, «из одного древнеамериканского наречия (и все имеют в этом языке *свой смысл*)»**.

Первую публикацию трагедии в «Северных цветах Ассирийских» (1905) положительно оценили Белый и Чулков***. Наиболее восторженный отзыв оставил Эллис: «„Земля“ является самым значительным из всего, когда-либо им созданного, соединяя в себе, как в одном магическом фокусе, все самые существенные черты его поэтической личности, всю совокупность приемов его художественного творчества. Мы скажем более: кто не оценил и не полюбил этой мировой драмы, пережитой душой одного человека, тот вообще не способен понять, принять и полюбить поэта Брюсова. <...> В титанической постановке вопроса Брюсов почти не имеет предшественников; по силе основного душевного движения, создавшего эту драму, мы можем сравнить его лишь с первоклассными художниками-гигантами, с великим автором „Фауста“. <...> Конечно, наша так называемая „критика“ сочтет бредом мои слова по поводу этой драмы; такова несвоевременность и великая несовременность этой драмы»****. Среди позднейших оценок выделяется оригинальное суждение Лелевича, что автор «Земли» «безусловно, наделил каждого героя какой-нибудь чертой *своего* мировоззрения или мировосприятия. <...> Всё это лишь *различные* лики самого Брюсова. Правда, эти лики враждебны друг другу и противоречивы, но ведь и сам Брюсов состоял из враждебных друг другу противоречий»*****.

* Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 82.

** Лазарев В. А. Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. Крупской. Т. CXVI. Очерки по истории советской литературы. Сб. 3. М., 1962. С. 99. Ср.: «Найти возможные имена для последних людей на земле было очень трудною задачей, и он разрешил ее остроумно и логично, взяв древнейшие имена, дошедшие до нас, — имена племени майя»: Волошин. С. 426.

*** В. 1905. № 6. С. 70; Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 256–257.

**** Эллис. Русские символисты. С. 169–170.

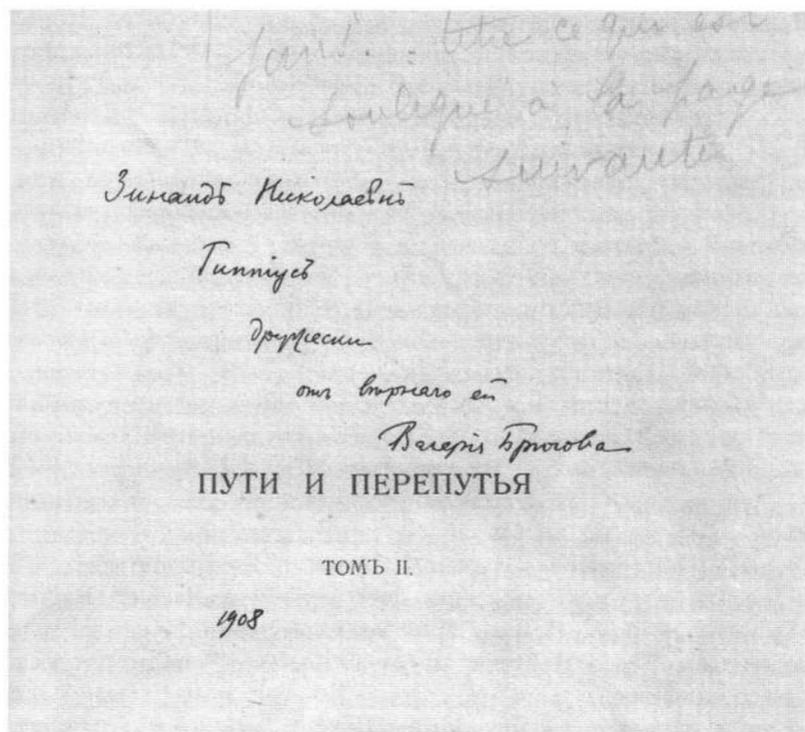
***** Лелевич Г. В. Я. Брюсов. С. 218.

Велико искушение предположить, что не слишком сведущий в символизме «напостовец» услышал эту мысль от Иоанны Матвеевны или Перцова, помогавших ему в работе.

В условиях разгоревшейся на многих фронтах полемики Брюсов объявил «тотальную мобилизацию». В «Весах» продолжал ощущаться недостаток бойкого и острого пера, пригодного к стремительным литературным атакам и маневрированию*. «Цепные собаки» Садовской и Чуковский, далекие от символизма по мировоззрению, годились для высмеивания реалистов из «Знания» и малограмотных газетчиков, но не для внутримодернистской полемики. Этим искусством отлично владела Гиппиус, а сотрудничество такого «тяжеловеса», как Мережковский, могло заметно укрепить позиции журнала. Поэтому 31 июля 1906 года Брюсов в письме предложил им и сложившейся вокруг них группе «Меч» (Д. В. Философов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков) формальный союз: «Соединив свои силы, мы могли бы завоевать этому журналу и внешний „успех“, и настоящее „влияние“. <...> Нам не довольно того, что в „Весах“ будет печататься большее число статей Д. С., Ваших (Гиппиус. — В. М.), Д. В. и Бердяева: мы мечтаем на самом деле о слиянии „Весов“ и „Меча“, о том, чтобы этот „меч“ мог естественно влиться в эмблему „весов“». Конкретные условия были такими: из семи печатных листов каждой книжки три отводятся под стихи и беллетристику, четыре под статьи, рецензии и хронику, которые делятся пополам между «Весами» и «Мечом»; стороны распоряжаются этим объемом по своему усмотрению, с единственной оговоркой, что редакция имеет право отказаться от материала, который может грозить закрытием журнала (жившие во Франции Мережковские опубликовали там ряд работ, запрещенных в России); «все более значительное из своих произведений» Мережковские отдают в «Весы».

12 (25) августа Гиппиус отвергла эти расчеты: они не оставляют места для «громоздких статей Дм. С.», которые и есть «все более значительное», а значит, «Весы» «для него не будут „своим“ журналом». Запросив четыре листа ежемесячно, она предложила увеличить объем номера до десяти или двенадцати листов, что не устраивало издателя. 17 (30) августа Брюсов разъяснил Философому, что отводившиеся «Мечу» «два листа предполагались для чисто журнального материала», а крупные работы могут помещаться «в первом отделе, который я не совсем правильно назвал „беллетристичкой“. <...> В этом отделе мы помещаем не только стихи и рассказы, но все, имеющее

* Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» // ЛН. Т. 85. С. 288–289.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Зинаиде Гиппиус на авантитуле книги «Пути и перепутья» (Т. II. М., 1908):
 «Зинаиде Николаевне Гиппиус дружески
 от верного ей Валерия Брюсова 1908»
ВЭМ. Публикуется впервые

непреходящее, не временное значение. Во всяком случае о том, что в „Весах“ не окажется места для страниц Д. Мережковско-го и З. Гиппиус, не может быть и речи». Вместе с тем гаранти-ровать им фиксированный объем в первом отделе он не брал-ся. Не имевшие в России постоянной трибуны, Мережковские поняли, что «хватали лишку», и согласились на два листа «по-стоянного отдела». Однако Брюсов узнал, что они вели анало-гичные переговоры с Рябушинским, и жестко отреагировал на «закрытый аукцион», так что Дмитрию Сергеевичу пришлось оправдываться*. В итоге его сотрудничество в «Весах» ограни-чилось осенью 1905 — весной 1906 года, зато Гиппиус охотно

* Неопубликованное письмо Брюсову (16 (29) октября 1906) в Архиве-библиотеке Российского фонда культуры; указано: *Лавров А. В. Письма Анд-рея Белого и Валерия Брюсова в собрании Амхерстского центра русской куль-туры. С. 46.*

отдала им свое перо: «ее бойкие остроумно-язвительные фельетоны и рецензии <...> были именно тем ферментом, которого заметно не хватало „Весам“ в их полемике»*. Самые злые филиппики против эпигонов и вульгаризаторов символизма («Трихины», «Засоборились», «Братская могила») написаны именно ею. В то же время фельетон Философова с издевательской оценкой внутрисимволистской полемики: «вынесли на улицу свои домашние дрязги»**, — привел к его немедленному исключению из «Весов». «Я полагаю, — известил его Брюсов 29 сентября 1907 года, — что самым фактом напечатания этой статьи Вы сами отказались от сотрудничества по крайней мере в „Весакх“. В „Весакх“ место лишь тем, кто их любит и уважает. <...> Позвольте в следующем списке сотрудников „Весов“ Вашего имени уже не упоминать».

В конце февраля 1907 года в Москву из-за границы вернулся Андрей Белый, тяжело переживавший влюбленность в Любовь Дмитриевну Блок и запугавшийся в отношениях с «братом Сашей». Он с радостью взялся за работу в «Весакх» как теоретик, критик и полемист: «Моя жизнь два года исчерпывалась тактикой: все для „Весов“; это значило: все — для Брюсова <...> смелость Брюсову импонировала; и он не перечил мне»***. Если до того «Весы» можно было, с оговорками, называть «журналом Брюсова», то теперь это был «журнал Брюсова и Белого». Последний разошелся не хуже «товарища Германа», пустив по адресу эпигонов символизма знаменитое выражение «обозная сволочь» (в статье «Вольноотпущенники»). В «идейной» полемике был и личный момент: главными мишенями его инвектив стали Блок и Чулков (особенно после того, как Белый узнал о «кошунственной» в его глазах любовной связи жены Блока с Чулковым)****, а также Иванов и Сергей Городецкий. В августе 1907 года Белый окончательно порвал с «Золотым руном» (ссора с журналом началась еще в апреле того же года), после чего оттуда официально ушел Брюсов, захватив с собой Мережковских, Балтрушайтиса, Кузмина и Михаила Ликиардопуло, секретаря редакции «Весов». «Золотому руно» они (за исключением Кузмина) давно уже ничего не давали, но демонстративный уход с оповещением через газеты подорвал репутацию журнала.

Особого упоминания заслуживает инцидент, случившийся 14 апреля 1907 года на лекции Белого «Символизм в современном русском искусстве» в московском Политехническом

* Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы». С. 298.

** Философов Д. Дела домашние // Товарищ. 1907. № 379. 23 сент. С. 3.

*** Белый А. Между двух революций. С. 182–183.

**** Белый А. Начало века. С. 424–425.

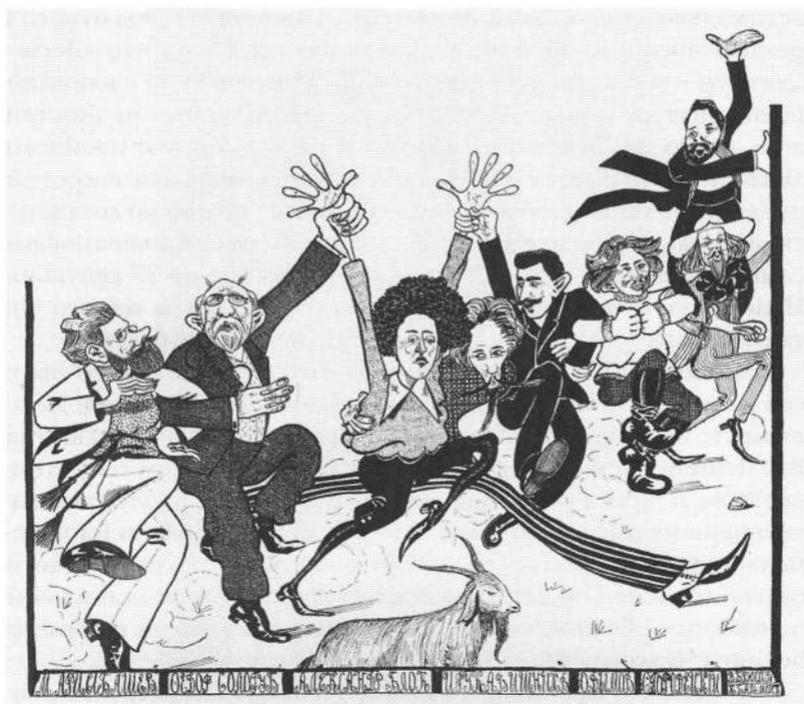
музее. «Подошла ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), — сообщил Брюсов Гиппиус несколько дней спустя, — вынула вдруг из муфты браунинг, приставила мне к груди и *пустила курок*. Было это во время антракта, публики кругом было мало, все разошлись по коридорам, но все же Гриф, Эллис и Сережа Соловьев успели схватить руку с револьвером и обезоружить. Я, правду сказать, особого волнения не испытал: слишком все произошло быстро. Но вот что интересно. Когда позже, уже в другом месте, сделали попытку стрелять из того же револьвера, он выстрелил совершенно исправно — совсем как в Лермонтовском „Фаталисте“. И, следовательно, без благодетельной случайности или воли Божией вы совершенно просто могли получить, вместо этого письма, от „Скорпиона“ конверт с траурной каймой». «Дамой» была Петровская. Видели сцену многие, но путаница в их «показаниях» невероятная. Евгения Ланг, сестра Ланга-Миропольского, утверждала, что лекцию читал Брюсов, что Петровская прицелилась ему в лоб, а затем «точным, спокойным движением, не дрогнув, Брюсов поддел Нинину руку снизу, раздался выстрел. Пуля вонзилась в невысокий потолок над дверью. Валерий таким же точным движением, как выбивал револьвер, взял под руку спокойную Жанночку и спокойным шагом пошел с ней к выходу»*. Она же сообщила, что Петровская получила револьвер от Ланга. Белый утверждал: «Пришла ей фантазия, иль рецидив, в меня выстрелить; но, побежденная лекцией, вдруг свой гнев обернула на... Брюсова (?!) (вновь рецидив); в перерыве, став рядом с ним (он же доказывал Эллису что-то**), закрытая, к счастью, своими друзьями от публики, она выхватила револьвер, целясь в Брюсова; не растерялся он, тотчас твердо схватил ее за руку, чтобы эту „игрушку опасную“, вырвавши, спрятать себе в карман»***. Жена «Грифа» Лидия Рындина утверждала — надо полагать, со слов мужа, что браунинг Петровской подарил Брюсов, что инцидент произошел в «передней литературного кружка» и что Соколов забрал револьвер, а затем отдал ей****. 31 декабря 1908 года Валерий Яковлевич писал Петровской: «Ты еще долго будешь возить с собой по разным странам браунинг, подаренный Тебе в наши знаменательные дни С. А. (Соколовым. — В. М.)». Перед этой разноголосицей свидетельских показаний, хорошо знакомой любому историку, не говоря о криминалисте, биографу впору стать агностиком...

* Брюсов-ЖЗЛ. С. 272.

** Ланг запомнила «профессорского типа осанистого старика», перепутать с которым Эллиса было невозможно.

*** Белый А. Начало века. С. 315.

**** Там же. С. 638 (примеч.).

Пляска безумства.

Справа налево: Валерий Брюсов, Константин Бальмонт,
Сергей Городецкий, Осип Дымов, Иван Рукавишников,
Александр Блок, Федор Сологуб, Михаил Арцыбашев
Карикатура из журнала «Искры» (1909. № 2)

Множить число литературных врагов Брюсов не собирался, поэтому счел необходимым объясниться с Ивановым, который 23 июля 1907 года прямо спросил его, «до какой степени простирается их („Весов“. — В. М.) враждебность к литературным зачинаниям, с которыми связано мое имя», имея в виду уничтожающие отзывы Белого, Гиппиус и Эллиса о второй книге «Факелов» и об альманахе «Цветник Ор», выпущенном «домашним» издательством Иванова «Оры» (Брюсов дал туда одно стихотворение). «Ты просишь меня определить отношения „Весов“ к тебе, — отвечал Валерий Яковлевич. — Но отношения эти *никогда* не менялись. „Весы“, если можно говорить об этом отвлеченном или собирательном понятии, *всегда* читли в тебе большого поэта и большого писателя и потому всегда дорожили твоим участием. <...> Ты сам сделал ошибку, связав свое имя столь тесно с именем Георгия Чулкова. <...> Это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист. <...> Против мистического анархизма

есть только одно оружие: насмешка». 4 августа Иванов ответил резким письмом, обвинив корреспондента в том, что «Весы» для него – «средство и орудие внешних воздействий и влияний на литературу и особенно на биржу литературных ценностей дня» и что он, «умертвив журнал в смысле органа идейного движения», пытается сделать его приемлемым для широкой публики. Реакция Брюсова нам неизвестна, но можно догадаться, насколько задело его это обвинение – ранее брошенное им самим «Золотому руну». В следующем письме от 27 сентября Иванов, заявив: «Я считаю *тебя* ответственным за *всё*, что читая в „Весак“, – дал понять, что компромисса не будет*.

Удачнее сложились отношения с Блоком, у которого Брюсов 5 октября попросил стихов, заметив: «„Весы“, хотя и давали место нападкам на Вас отдельных своих сотрудников, всегда Вас ценили очень высоко и очень дорожили Вашим сотрудничеством. Я лично уже давно считаю Вас в числе наших замечательнейших писателей». Это были не пустые слова, и Блок немедленно дал журналу стихи**. В качестве «дополнительного приза» он отмежевался от «мистического анархизма» письмом в редакцию «Весов», хотя и без упоминания «имени гонимого бедняги Чулкова»***.

Осень 1907 года стала временем очередной перегруппировки сил. В ноябре из-за недостатка средств закрылся «Перевал». Укрепив свои позиции в «Руне», Блок попытался привлечь к редактированию Иванова, желая сделать журнал более «цивилизованным» и смягчить личные моменты в полемике, чему препятствовали Тастевен и Чулков. «Почти в каждом номере „Золотого руна“ методично появлялись выпады по адресу „Весов“, журнал Брюсова и Белого не оставался в долгу, и полемические пикировки по самым разнообразным поводам уже не воспринимались в „Золотом руне“ как нечто экстраординарное, а стали своеобразной нормой существования, чуть ли не особым отделом в журнале»****. В свою очередь «Весы» декларировали, что «считают своим долгом восставать как против всех явлений, враждебных свободному развитию духовной жизни, так и против всякого варварства, посягающего на культурные ценности. <...> Внимание, проявленное обществом к „новому искусству“, привлекло в ряды его деятелей немало лиц, к тому совершенно не призванных. „Весы“ ставят

* ЛН. Т. 85. С. 499–506.

** ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 501–506.

*** В. 1907. № 8. С. 81; письмо Блока Белому (26 августа 1907): *Белый-Блок*. С. 336–337; письмо Чулкова Блоку (20 августа 1907): ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 400–402.

**** Лаферов А. В. Русские символисты. С. 481.

Эллис (Лев Кобылинский)
1905. ГЛМ

себе как прямую цель — провести разграничительную черту между истинным искусством и лже-искусством, между творчеством настоящих художников наших дней и художников-самозванцев»*. Фамилий и названий, разумеется, не было, но и писатели и читатели понимали, в кого метил этот манифест. Сам Брюсов почти не участвовал в «журнальной драке», ограничиваясь обзорами поэтических новинок (разумеется, не свободными от полемики), но умело направлял ее ход**. Наряду с Белым активное участие в дискуссии приняли его друзья — Лев Львович Кобылинский, выступавший под заимствованным из тургеневских «Призраков» псевдонимом «Эллис», и Сергей Михайлович Соловьев.

Отношение Эллиса к Брюсову точно описывает эпиграмма последнего:

* Скорпион — Весы: Каталог. № 7. С. 3–4.

** От литературных боев его отвлекала тяжелая болезнь отца, который в январе–июле 1907 года лечился во Франции; Яков Кузьмич скончался 7 января 1908 года в Москве.

Им руган я немилосердно,
 Потом хвалим усердно им,
 А после – руган был усердно
 И милосердно был хвалим...

«Этот странный человек с остро-зелеными глазами, белым мраморным лицом, неестественно черной, как будто лакированной, бородкой, ярко красными, „вампириными“ губами, превращавший ночь в день, а день в ночь, живший в комнате всегда темной с опущенными шторами и свечами перед портретом Бодлера, а потом бюстом Данте, обладал темпераментом бешеного агитатора, создавал необычайные мифы, вымыслы, был творцом всяких пародий и изумительным мимом»*. Личное знакомство Брюсова с Эллисом в конце апреля 1903 года дома у Андрея Белого закончилось скандалом, за что Валерий Яковлевич на следующий день письменно извинился перед хозяином, добавив, что братья Кобылинские – «одни из самых пустых, вздорных и несносных болтунов в Москве»**. Неприязнь была и литературной, и личной: Брюсов резко критиковал стихи и переводы Эллиса, а вызывая Белого на дуэль в феврале 1905 года, просил об одолжении не приглашать Льва Львовича в секунданты. Обладавший бешеным темпераментом Эллис ненавидел Брюсова, но в апреле 1907 года поговорил с ним по душам... и пришел в восторг. По ироническому замечанию Белого, хорошо знавшего характер друга, «проклинавшийся уже два года Брюсов в 24 часа взлетел на недосягаемый пьедестал»***. Спорщик от природы, не склонный считаться с «условностями», Эллис стал самым яростным полемистом «Весов», которые хотел превратить в боевой теоретический и критический журнал. Оппонентов он не щадил и слов в их адрес не выбирал: его письма к Брюсову пестрят выражениями вроде «Монблан навоза и пошлости», «разлагающийся труп», «гнилые мухоморы и проституты», «идиотизм вприсядку»****. К социальным и эстетическим теориям Эллиса Брюсов относился без энтузиазма, но ценил его как «журнального бойца».

Отношения Сергея Соловьева с Брюсовым знали не меньшие крайности. «На заре моей жизни, – вспоминал он в 1924 году – я был совершенно раздавлен могучим гением Брюсова»*****,

* Валентинов Н. Два года с символистами. Stanford, 1969. С. 151.

** ЛН. Т. 85. С. 357.

*** Белый А. Начало века. С. 46.

**** Письма к Брюсову: Эллис в «Весех» / Предисл., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 297–327.

***** Цит. по: Лавров А. В. Русские символисты. С. 376.

Сергей Соловьев
1904. ГЛМ

хотя, подобно своему другу Боре Бугаеву, настороженно относился к декадентству. В октябре 1904 года мистически настроенный юноша, как и Белый, «вдруг увидел, что Брюсов следит за всем» и пытался постичь «план кампании мага Валерия». Но уже в феврале следующего года Сергей Михайлович признался Блоку: «Брюсов растет не по дням, а по часам. Хочется говорить: Эсхил, Гёте, Брюсов. В моей и Бориной борьбе с ним было много недоразумения, в котором и он был виноват, ибо надевал страшную маску*». «Весовские» годы — время их наибольшей близости: здесь в 1905 году Соловьев дебютировал как критик, а в «Северных цветах Ассирийских» как поэт. В первом сборнике «Цветы и ладан» он прославил учителя:

Ты, Брюсов, не был бы унижен
Среди поэзии царей,
И к ямбу Пушкина приближен
Твой новоявленный хорей...
То вещим магом, то ученым,
Ты встал: безжалостно греметь.

* Переписка Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915) / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 308–413 (цит. с. 378–379, 389).

В твоём стихе озолоченном
Звенит Вергилиева медь.

Но в следующей книге он счел необходимым оспорить его рецензию на «Цветы и ладан»*. Соловьев, наряду с молодым Гумилевым, был наиболее последовательным учеником Брюсова, за что его упрекали в эпигонстве. Однако духовной близости с учителем у него, как и у Эллиса, не было. В итоге оба — не отличавшиеся устойчивой психикой — не просто ушли от него в религиозно-мистические искания, но и начали неистово проклинать бывшего кумира. Эллис после отъезда за границу в 1911 году исчез из жизни Брюсова (в 1914 году тот негативно отозвался о его книге «Арго. Забытые обеты» и написал стихотворение «Эллису», а в 1916 году цитированную выше эпиграмму), но с Соловьевым Валерий Яковлевич не раз встречался и после революции.

Белый, Эллис и Соловьев стали творцами культа Брюсова. Хотя многих в литературной среде это раздражало, такую линию диктовали стратегия и тактика: «Брюсов обладал не только высокими качествами редактора-организатора, не только являлся крупнейшим и наиболее признанным поэтом-символистом, но он был среди своих друзей по журналу самым цельным человеком, имевшим самое законченное и твердое, наиболее отвечающее общей „фракционной“ тактике мировоззрение»**. Недоброжелатели говорили о том же другими словами: «Если ему посвящается столько беззастенчиво-льстивых фельетонов, если Брюсова выдвигают как знамя, то не потому, что хоровод декаданса действительно считает его пророком и гением, а потому что Брюсов, как ни скромны его художественные силы, нужен и удобен именно как знамя... Здесь вопрос просто в необходимости сбиться в кучку, в стадо и иметь впереди вожатого, толкового, трезвого и настойчивого»***. «Если же раболепство перед ним в „Весы“ продолжается, — писал Виктор Гофман 14 октября 1909 года ниспровергателю Брюсова Андрею Шемшурину, — то это, главным образом, так сказать, — по инерции, в силу своеобразной привычки. Не раболепствовать они там не в состоянии»****.

* Ответ Валерию Брюсову // Соловьев С. Scurifragium. М., 1908. С. 143–153.

** Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 119.

*** Абрамович Н. Я. В осенних садах. М., 1909. С. 57.

**** Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину / Предисл., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. С. 262.

Белый посвятил Брюсову сборник «Урна» (1909), который открывается циклом из четырех посвящений ему же («Поэт», «Созидатель», «Маг»* и «Встреча»). Приведу второе:

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —
Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.
Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть.
Пляшет черная борода,
В острых взорах власть и страсть.
Пламень уст — багряных маков —
Оттеняет бледность щек.
Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.
Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях — молниеносный излом.
Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.
Нет, не мысли, — иглы молний
Возжигаешь в мозг врага.
Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,
Потряса стогим тоном
Звезды строящий эфир...
Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир: —
Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:
Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.
Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —
Мира брэнного обманность —
Только мысль о прожитом.
В строфах — рифмы, в рифмах — мысли
Созидают новый свет...
Над душой твоей нависли
Новые миры, поэт.
Все лишь символ... Кто ты? Где ты?
Мир — Россия — Петербург —

* Отличное от ранее цитированного стихотворения 1903 года под тем же заглавием.

Солнце — дальние планеты...
 Кто ты? Где ты, демиург?
 Ты над книгою изогнут,
 Бледный оборотень, дух...
 Грустен взор. Сюртук застегнут.
 Горд, серьезен, строен, сух.

«Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса, — писал Белый в рецензии на первый том „Путей и перепутий“. — Он, вынесший на себе всю тяжесть проповеди символизма среди непосвященных, он выносит теперь и весь позор эпигонства, чтобы спокойно пронести свой огонь в лучшее будущее»*.

«Если теперь Брюсов стал поэтом достижений и ваятелем слов, то недалеко то время, когда он был поэтом предчувствий, душой, до боли пронизанной предрассветным холодом новых откровений и дрожью новых дерзаний, — вторил ему Эллис, сравнивая Валерия Яковлевича со своим кумиром Бодлером. — <...> Уже в этих книгах предчувствий Валерий Брюсов является тем тройственным слиянием Демона мысли, Гения страсти и Ангела печали, каким мы знаем и любим его во всех его позднейших, зрелых и совершенных творениях»**. Он же посвятил восторженную рецензию брюсовской антологии «Французские лирики XIX века», оценив ее как «редкий (особенно в наше теперешнее безвременье) образец подлинной художественной ценности; среди чрезмерных, неполноценных и прямо фальшивых ценностей, переполнивших всю область литературы, снова появляется огромная ценность, абсолютно чуждая каким бы то ни было современным приемам книгоделания»***. Соловьев увидел в сборнике Брюсова «Все напевы» «все дорогие нам черты его поэзии», подытожив: «Поэт идет к Вифлеему, неся в дар неведомому богу золото своей поэзии. Оно — чисто и нетленно»****.

Хроника «Весов» прилежно фиксировала упоминания Валерия Яковлевича в печати и зарубежные публикации его произведений, отметив вышедшие в Германии сборник рассказов «Республика Южного Креста» в переводе Иоганнеса (Ганса) фон Гюнтера, познакомившегося с Брюсовым в апреле 1906 года,

* Критическое обозрение. 1907. № 5. С. 32–35; перепеч.: Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. II. С. 403–408.

** В. 1908. № 1. С. 82–86. Иронический отзыв: *Философов Д.* Дневник журналиста. Опаснее врага // Столичная почта. 1908. № 248. 27 февр. С. 3. Ответ «Весов»: *Поляков С.* Письмо в редакцию // Столичная почта. 1908. № 253. 4 марта. С. 5.

*** В. 1909. № 7. С. 87–98.

**** В. 1909. № 5. С. 76–78.

и антологию «Современная русская лирика» в переводе Александра Элиасберга, который с 1907 года стал в «Весях» ведущим обозревателем немецкой литературы. Элиасберг перевел ряд произведений Брюсова, включая повесть «Рея Сильвия», психодраму «Путник» и трагедию «Земля», с которой, однако, произошел неприятный для обоих инцидент. В 1907 году автор дал устное разрешение Гюнтеру, Элиасбергу и Лютеру переводить «Землю», полагая рассмотреть вопрос об авторизации перевода после его завершения. Гюнтер первым закончил перевод и «пристроил» его, когда об этом узнал Элиасберг. Между германскими издательствами существовала неписаная договоренность не выпускать одно и то же произведение, даже в разных переводах, одновременно. Мюнхенский издатель Вебер предпочел перевод Гюнтера и выпустил его в 1909 году как авторизованный. Брюсов извинился перед Элиасбергом за «неосторожный, а может быть, и легкомысленный поступок», и инцидент был исчерпан*.

Новую волну полемики вызвало отдельное издание «Огненного ангела» в ноябре 1908 года (второе, дополненное примечаниями, появилось в конце августа 1909-го). Восторженный отзыв Белого: «„Огненный ангел“ останется навсегда образцом высокой литературы для небольшого круга истинных ценителей изящного; „Огненный ангел“ — избранная книга для людей, умеющих мыслить образами истории», — почти весь состоял из инвектив против «модернистических перьев» и «псевдосимволических зубовных скрежетов» с эффектной концовкой: «Впрочем, не будем распространяться: все это демимонду останется до конца непонятным; демимонд** увлекается тяжелогрохотным грохотом символических эпигонов***. Белый метил в статью Чулкова «Фауст и Мелкий бес», который, назвав роман «роковой неудачей», упрекал его в стилизации, растянутости, и отсутствии занимательности, а автора — в «бедности фантазии» и «сухости дарования», выводя эти черты из «душевных особенностей» Брюсова****. Эллис назвал «Огненный ангел» «гениальным психологическим романом», в котором впервые в России «индивидуальная трагедия нечеловеческой любви и жажда высочайшего знания облечены в форму исторического,

* Письма Брюсова к Элиасбергу: *Лазарев В. А.* Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия. С. 91–134; *Cheron G.* Letters of K. Bal'mont and V. Brjusov to A. Eliasberg // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 28. 1991. S. 371–375. *Азадовский К. М.* Об Александре Элиасберге: (Штрихи к портрету) // «Весы»: Из истории символистской журналистики. С. 161–174.

** От *фр.* demi-monde — «полусвет».

*** В. 1909. № 9. С. 91–93; перепеч.: *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. II. С. 408–411.

**** Речь. 1908. № 301. 8 дек. С. 3.

реально-объективного, местами даже бытового повествования»*. Соловьев отметил, что «наконец, русская литература имеет образец классической прозы, столь сжатой и точной, что ее трудно читать <...> хочется изучать каждую строку, вновь и вновь открывая заключенные в ней стилистические сокровища»**.

Несимволистская критика встретила роман разноречиво. Петр Коган, бывший приятель, а ныне беспощадный критик Брюсова во всех ипостасях его творчества, писал: «Научное исследование, испорченное приемами романиста; роман, испорченный приемами исследователя. Он слишком скучен для того, кто хотел бы найти в нем художественное воссоздание эпохи. Он неубедителен для того, кто стал бы искать в нем научных выводов. Самое ценное в нем — примечания»***. Тем не менее некоторые немецкие авторы, прочитав перевод, усомнились, что такое произведение мог написать иностранец****. Мнения критики можно суммировать двумя цитатами. Скорее отрицательное: «Брюсов — мозаист, а не творец, составитель, а не поэт. <...> Вдохновение не осенило книги. Ярко выдающийся поэт современности написал обыкновенный роман», который «никакого реального психологического интереса <...> не представляет»*****. Скорее положительное: «Нельзя без особого уважения относиться к этому огромному и неустанному труду, вдохновляемому научной и художественной любознательностью. <...> Он добился, он воскресил для себя то, что жило около четырех веков тому назад, он *видит* эту Германию XVI столетия <...> Какое сочетание фантастики с психологическим и бытовым реализмом! Но в том-то и дело, что не творческая фантазия, а трезвый, ясный, изощренный наукою ум берет верх в Брюсове»*****. Речь почти об одном и том же...

Стороннему наблюдателю «Весы» могли казаться монолитом, однако в их «активе» назрели серьезные проблемы, причиной которых оказался Белый. В феврале 1908 года он написал Элису большое письмо с обвинениями: «Брюсов относится ко мне варварски; постоянно меня игнорирует, не считается с моими

* Элис. Русские символисты. С. 174.

** РМ. 1909. № 2. С. 29 (2-й паг.).

*** Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы. Т. III. Современники. Вып. II. М., 1910. С. 108.

**** 31 марта 1910 года Брюсов сообщил А. А. Измайлову отзыв «Berliner Lokal-Anzeiger» от 9 января 1910 года: «Я не верю в русское происхождение автора романа, ибо такое знание этой части нашей истории едва ли допустимо у иностранца», — добавил: «Приблизительно то же говорил критик „Baseler Nachrichten“ (28 декабря 1909): Брюсов В. Я. Письма к А. А. Измайлову / Публ. Э. С. Литвин // ЕРОПД на 1978. С. 238.

***** Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1911. С. 90–92.

***** Гуревич Л. Литература и эстетика. М., 1912. С. 115–123.

мнениями; извлекая *для себя* всю пользу моей тактики, он всеми способами вредит проявлению моей индивидуальности. Ему нужно закабалить меня, изолировать от всех и потом перегрызть горло. <...> Я считаю, что в теории искусства в настоящее время в России я единственный теоретик, но мне негде печатать свои взгляды, мне отводится роль — подтирать рот Брюсову. <...> Может быть, Вам с Брюсовым только это и нужно: низвести А. Белого до газетного фельетониста, чтобы лицемерно сокрушаться: „А. Белый стал фельетонистом“, как это делал Брюсов, забывая, что для тактики или для него же я писал чаще, чем следует, в газетах. <...> Я не прекращаю сотрудничества в „Весах“. Но при малейшем нажиме со стороны Брюсова, в котором усмотрю нежелание видеть меня в числе сотрудников, я покидаю „Весы“ <...> Не доводите меня до необходимости выпрямиться во весь рост, до необходимости возвысить голос, как подобает это мне по данному мне от Бога праву»*.

Толчком для написания этого «странного письма, в духе тех, которые должны были писать герои Достоевского»** послужили личные недоразумения между Белым и Эллисом. Борис Николаевич чувствовал, что в «Весах», которым он отдает все силы, ему не позволяют высказаться в полной мере и что за этим стоят козни Брюсова. Полное личных оскорблений: «Как человека Валерия Брюсова за некоторые нюансы отношения ко мне я способен минутами презирать», — послание давало обоим обвиненным идеальный повод для дуэли, но Эллис проявил несвойственные ему благоразумие и выдержку: утихомирил Белого и, видимо, не показал письмо Брюсову. Валерий Яковлевич имел все основания для тяжелой обиды: насчет «притеснений» можно было поспорить, но сотрудничать в газетах он никого не заставлял.

Белого особенно уязвили подозрения в том, что он изменил общей тактике: он клялся в верности «Весам» и расписывал, на какие жертвы пошел ради них. При этом в апреле 1908 года, т. е. всего через полтора-два месяца, он сам передал в «Золотое руно» цикл стихотворений, который был немедленно принят, оплачен и отдан в печать. Брюсов открыто возмутился этим — и получил очередное послание Белого, на сей раз «покаянное». Подробно описав свое тяжелое материальное положение, тот изъявил готовность забрать стихи из «Руна» (оказалось, что уже поздно) и отказать от гонорара, временно прекратить сотрудничество в «Весах», «пока вы не формально, а искренне снимете с меня ужасное

* Лавров А. В. Письмо Андрея Белого к Эллису // Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. 412–424.

** Относящаяся к Белому характеристика из письма Брюсова к П. Б. Струве (начало 1912) цит. по: Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики. С. 348–349.

подозрение, что я в ваших глазах черт знает кто» и даже разорвать отношения с Блоком и Ивановым (до этого не дошло). Брюсов сумел успокоить и поддержать Белого. Как именно, мы не знаем (его ответ не сохранился), но результат виден из второго письма Бориса Николаевича, заключавшегося словами: «Спасибо вам еще раз за доверие ко мне и за ваше *хорошее* обо мне мнение»*.

Из-за него же у «Весов» возникла новая проблема: Сологуб обиделся на статью Белого о его творчестве «Далай-лама из Сапожка» в мартовском номере, где комплименты литературному таланту соседствовали с отождествлением писателя и его героев и с фразами вроде: «Колдовство Сологуба — блоший укус... сам-то он... немногим больше блохи». Федор Кузьмич отправил сердитое письмо Брюсову, завершив его фразой: «От более же распространенных комментариев воздержусь, помня, что писачке „немногим больше блохи“ подобает скромность». Из «партийных» соображений Валерий Яковлевич защищал Белого: «Самый факт появления этой статьи, изучающей Ваше творчество медленно, подробно, старающейся вникнуть в его глубину, — свидетельствует о том, что и автор ее, и журнал, поместивший ее, придает Вашим произведениям значение исключительное». Сологуб настаивал: «Сравнение меня с блохой — может быть, и очень верно, но недопустимо на страницах журнала, где я участвую». Стремясь сохранить для «Весов» обоих писателей, Брюсов оправдывал Белого: «...Несколько шуточный, если хотите шутовской, тон ее (статьи. — В. М.) — это *метод* автора, а существо статьи — любовь и уважение к Вам и Вашему творчеству»; но Сологуб был непреклонен: «О великом колдуне, по-моему, можно говорить лишь в шутку. Но если это серьезно, то я с удовольствием предоставляю это шутовское звание другому». Брюсов пересказал его письма Белому, предоставив тому объясниться с «далай-ламой» напрямую. 30 апреля Борис Николаевич отправил Сологубу послание в том же духе, что и Брюсову по поводу публикации своих стихов в «Золотом руне». Сологуб ответил сухо и иронично, прося больше не сравнивать его с «ёлкичем» и другими подобными персонажами, и конфликт разрешился миром**.

Брюсов устал. «Только теперь, после того, как месяц я проблуждал по Италии и месяц провел на берегу океана, — писал он Гиппиус 13 (26) сентября из окрестностей Биаррица, — начинаю я понимать вполне, до чего я устал от двух лет московской „литературной“ жизни. Понемногу начинаю обретать себя

* ЛН. Т. 85. С. 412–416.

** Письма Брюсова Сологубу: ЕРОПД на 1978 год. С. 114–115; письма Сологуба Брюсову и Белому цит. по: Лавров А. В., Гречишкин С. С. Символисты вблизи. С. 366–369; письмо Белого Сологубу // Там же. С. 363–365.

самого — таким, каким был я в дни „Нового пути“, а может быть, раньше. „Весы“, „Золотое руно“, газеты, письма в редакцию, обиды всех на всех и интриги всех против всех, вечная истерика Андрея Белого и вечный савонаролизм Элліса, ядовитая придурковатость Городецкого и бычачье себе на уме Макса Волошина — все это, и многое другое, образует такую систему зубчатых колес, после которой от души остаются лишь кровавые клочья». А по возвращении домой, 8 ноября, сообщил Петровской: «Здесь, в Москве, нашел я страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим. „Весы“ медленно погибают и должны были прекратиться к январю».

Что же произошло? Еще летом 1908 года Поляков говорил, что намерен прекратить выпуск «Весов»: он потерял к ним интерес, видя, что энтузиазм Брюсова убывает, а другие используют журнал для сведения счетов. Сергей Александрович заявил, что не сможет финансировать «Весы» в полном объеме, поэтому их судьба будет зависеть от подписки*. «Я много раз говорил Тебе, что „Весы“ мне надоели, что я хотел бы отказаться от заботы о них, — пояснял Брюсов Петровской. — Но видя такое неожиданное и стремительное крушение всего, что я делал в течение пятнадцати лет; видя, как внезапно все значение, вся руководящая роль переходит в литературные течения, мне и моим идеалам враждебные; видя, как торжествуют те, кто, в сущности, обокрал меня и моих сотоварищей, — я не мог не изменить решение. <...> Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 году так или иначе, но издавать „Весы“ или другой журнал и удержать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит. Ты понимаешь, что такое положение требует с моей стороны величайшего напряжения энергии. С. А. Поляков — за границей и продолжать „Весов“ не хочет. Другого издателя нет. Все друзья и союзники готовы продать и „Весы“ и меня за 30 сребреников или дешевле. Чтобы снова все сплотить, все устроить, все повести — надо не выпускать возжей и нитей всяких интриг ни на минуту. И вот я в самом разгаре всяких неизменнейших дел и отношений, в которых снова задыхаюсь, как в душной тюрьме, но бросить которые *не могу, не хочу, не должен*» (курсив мой. — В. М.).

В качестве первого шага Брюсов предложил Полякову, который оставался редактором-издателем, передать журнал в руки редакции. Тот согласился, но выставил условием нахождение

* Количество подписчиков: 670 в 1904 году, около 800 в 1905 году, 845 в 1906 году, 1095 в 1907 году, 1691 в 1908 году, 1190 в 1909 году; средние тиражи, разные для каждого номера: 1270 в 1904 году, 1120 в 1905 году, 960 в 1906 году, 1120 в 1907 году, 1850 в 1908 году: ЛН. Т. 85. С. 299–300, 322.

другого издателя или соиздателя, который примет на себя основные затраты. Поиски окончились неудачей: узнав о переговорах с Соколовым, Поляков пришел в ярость и заявил, что лучше сам будет выпускать «Весы» в уменьшенном виде, сообразно имеющимся средствам. Тогда Брюсов попросил передать журнал лично ему. Находившийся в Италии издатель согласился: «Это была бы первая попытка поставить дело ведения журнала на твердый и правильный путь», — писал он 11 (24) декабря. Однако он имел в виду только 1909 год, не заглядывая дальше, а Брюсов затребовал «Весы» в собственность будущей компании из числа сотрудников редакции. На это Сергей Александрович, взвинченный двухмесячными переговорами по переписке, ответил решительным отказом и отложил решение до своего возвращения в Москву. «Дела мои в „Весак“ крайне плохи», — извещал Брюсов Петровскую 4 января 1909 года, хотя двумя неделями ранее писал ей: «С 1909 года я беру на себя издание „Весов“» (курсив мой — В. М.), — и даже строил на этом финансовые расчеты. По возвращении Поляков объявил, что будет руководить журналом при помощи редакционного комитета («...сведется это, конечно, к тому, что будут „Весы“ выходить под редакцией М. Ф. Ликиардопуло», — саркастически заметил Брюсов Петровской 25 января), и предложил Валерию Яковлевичу возглавить литературный отдел*.

Брюсов отказался, оповестив читателей официальным письмом на имя Полякова от 1 марта, что «с января 1909 года обстоятельства личной моей жизни и разные предпринятые мною работы заставляют меня несколько видоизменить мои отношения к „Весам“. Надеюсь быть по-прежнему деятельным сотрудником „Весов“, я, вероятно, не буду иметь возможности содействовать журналу как-либо иначе. Поэтому, с тем большей настойчивостью, я прошу гг. критиков не возлагать на меня, с января 1909 года, ответственности за статьи, напечатанные не за моей подписью». Конечно, свою роль сыграли обстоятельства, на которые он только намекнул (Жанна Матвеевна, катаясь на лыжах, сломала руку и долго болела, а сам Валерий Яковлевич был занят издательскими делами и статьями о Пушкине), но в литературных кругах поняли, что «Весам» предстоят большие перемены. Они перестали быть «журналом Брюсова», как раньше, пусть даже он заявил: «Я решительно не могу принять на себя ответственность за „Весы“ в их целом, как, с другой стороны, должен отклонить от себя честь — считаться их создателем и руководителем»**. Эпоха завершилась.

* Переписка с Поляковым: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 113–122; Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы». С. 302–306.

** В. 1909. № 2. С. 89.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ»

В 1906–1907 годах символистов признало большинство вчерашних противников. «Некоторые журналы, когда-то насквозь пропитанные безобидным либерализмом и народолюбием, — писал Блок в рецензии на „Венок“, — теперь переполняются той самой истинно „упадочнической“, или просто незрелой, литературой, которую некогда поносили. „Декадентство“ в моде; интересен тот факт, всякой моде сопутствующий, что теперь бросаются без различия на дурное и на хорошее»*. «Из гонимых и осмеиваемых они превратились — по-видимому, неожиданно для самих себя — во всеми чтимых, признанных, для всех желанных. Широко распахнули для них объятия почти все толстые журналы, те самые (по крайней мере, по названиям), которые 10–15 лет назад так единодушно отрицали декадентство, — журналы самые передовые, начиная с кадетской «Русской мысли» и кончая социал-демократическими изданиями», — писал Якубович, откликаясь на выход «Путей и перепутий» в народническом «Русском богатстве», едва ли не единственном «идейном» журнале, чуждом «заразе декадентства». «Что же это? — вопрошал он. — Изменилась так радикально русская публика, а с нею и критика?»**. «Декаденты победили, потому что изменились мы», — отвечал ему Ардов, добавив: «Понятый и признанный Брюсов — тот же Брюсов, которого побивали камнями»***.

Внешним проявлением признания стали статьи в энциклопедиях. В 1905 году дополнительный том энциклопедического

* Блок-ПСС. Т. 7. С. 189.

** П. Я. <Якубович П. Ф.> Без руля и без ветрил // Русское богатство. 1908. № 5. С. 130–131.

*** Ардов Т. Отражения личности. С. 76–77, 80.

словаря издательства Брокгауз—Ефрон отвел «галантливому поэту» Брюсову почти шесть столбцов с большим количеством цитат*. Статью написал историк литературы Семен Венгеров, который уже в конце 1904 года предложил Валерию Яковлевичу принять участие в переводе «Божественной комедии» Данте для «Библиотеки великих писателей» и в дальнейшем не раз привлекал его к своим литературным проектам. В новом издании той же энциклопедии статья Венгерова о Брюсове занимала десять столбцов, давая обстоятельный очерк творчества «известного поэта, одного из создателей русского модернизма»**. Зато в «демократическом» словаре братьев Гранат «один из главарей „новой“ поэзии» удостоился лишь неполных двух столбцов***.

Первыми символистов признали на левом фланге — за их позицию во время революции. Ведущий журнал этого направления «Современный мир», руководимый Ляцким и Богдановичем, в 1907 году пригласил к сотрудничеству Брюсова и Бальмонта. Народнический критик Аркадий Горнфельд в статье «Торжество победителей» признал, что «левиафаны прессы начинают заигрывать с символистами», но назвал это «легкой и поверхностной победой», по поводу которой «жрецам» не следует слишком радоваться****. Брюсов согласился с констатацией факта, но в статье под тем же — восходящим к Шиллеру — заглавием (В. 1907. № 9) заявил: «Публика, презрительно бросавшая лучшие книги „декадентских“ поэтов, теперь охотно раскупает их новые сборники, где многие — увы! — только слабо повторяют себя... Настало время тем из них, кто сохранил смелость взгляда и готовность на новую борьбу, — горько смеяться!» Марксист Каменев назвал Брюсова «величайшим из поэтов современности в России»: «Поэтическая история такого вождя школы, каким был и остался Брюсов, — есть история поэзии как социального явления данной эпохи. <...> В Валерии Брюсове русская буржуазия пережила свою идеологическую молодость и нашла певца своего реального трепета и фатального Рока»*****.

До 1907 года из несимволистских изданий стихи Брюсова печатали только «Русский листок», журналы Ясинского, газета «Слово», к которой был близок Перцов, и «Журнал для всех» Виктора Миролюбова*****. В 1907 году ему открыли свои

* Энциклопедический словарь. Т. 1 доп. СПб., 1905. С. 322–324.

** Новый энциклопедический словарь. Т. 8. СПб., <1912>. Стб. 313–323.

*** Энциклопедический словарь. Т. 7. СПб., <1911>. Стб. 11–13 (автор — В. М. Фриче).

**** Горнфельд А. Торжество победителей // Товарищ. 1907. № 352. 23 авг. С. 3.

***** Каменев Ю. О Ласковом Старике и о Валерии Брюсове. С. 59, 91–92.

***** Брюсов В. Я. Письма к В. С. Миролюбову (1904–1908) / Подгот. А. Б. Муратовым // Литературный архив. 5. М.; Л., 1960. С. 172–185.

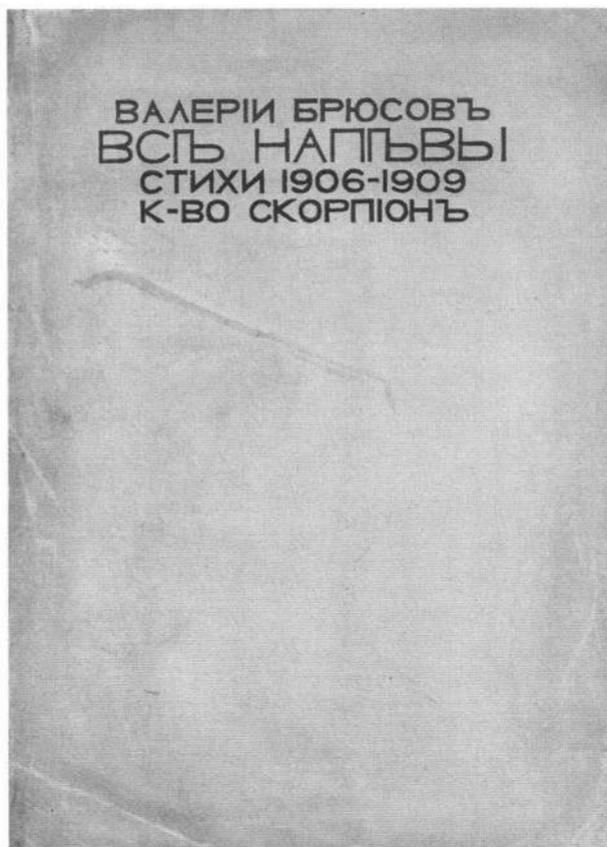
Валерий Брюсов

Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург. 1907. ИРЛИ

страницы «Образование» и «Современный мир», что отметили даже в провинции: «Символистские стихи уже печатаются в большинстве журналов, т. е. стали известны огромному большинству публики»*. С 1908 года произведения Брюсова замечали в провинциальных газетах вроде «Смоленского вестника», харьковского «Южного края», оренбургского «Нашего пути» и владивостокской «Далёкой окраины»**. Трехтомник «Пути

* А. П-к <Поляк А. П.> О символизме в поэзии. <Ч. I> // Саратовский листок. 1908. № 58. 11 марта. С. 3.

** Перечислим неучтенные в *Библиографии*: Дар поэта («Как страстно ты ждала ответа...») // Южный край. 1908. № 9287. 17 янв. С. 4; То же // Смоленский вестник. 1908. № 18. 22 янв. С. 2; То же // Далёкая окраина. 1908. № 238. 2 фев. С. 3 (в дальнейшем озаглавлено «Близкой»); Сны («Спите, дети! Спите, люди...») // Смоленский вестник. 1908. № 88. 19 апр. С. 2; То же // Наш путь. 1908. № 170. 20 апр. С. 2.

Книга Валерия Брюсова «Все напевы» (М., 1909)
 Обложка работы Н. П. Феофилактова

и перепутья»*, в котором знакомые сборники были дополнены значительным количеством стихотворений, извлеченных из стола, получил «хорошую прессу»**, хотя Ходасевич лукаво

* Т. 1, включавший разделы «Юношеские стихотворения» (1892–1896) (из «Juvenilia» и «Шедевров»), «Это — я» (1896–1898) и «Третья стража» (1898–1901), вышел 7–14 декабря 1907 года с датой: 1908; Т. 2, включавший «Риму и миру» (1902–1903) и «Венок» (1904–1905), вышел 10–17 апреля 1908 года; Т. 3 «Все напевы» (1906–1909) вышел 4–11 марта 1909 года. Анализ композиции первых двух томов не предпринимался; нет и работ о сборнике «Все напевы».

** *Ляцкий Е.* Пути и перепутья в поэзии Валерия Брюсова // Современный мир. 1908. № 3. С. 39–52 (2-й паг.); Речь. 1908. № 127. 29 мая. С. 5 (Н. С. Гумилев; перепеч.: Гумилев. С. 76–77); *Анненский И.* О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 1. С. 12–42 (перепеч.: Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 328–357); *Антон Крайний <Гиппиус З. Н.>* Свой. (В. Брюсов — человек-поэт) // РМ. 1910. № 2. С. 14–20 (2-й паг.); *Чернов В.* Модернизм в русской поэзии // Вестник Европы. 1910. № 11. С. 209–228; № 12. С. 107–135.

заметил: «Эта книга что-то дорогое кончает, отчеркивает, и обстоятельная библиография в конце ее звучит как некролог. Словно несут за гробом на бархатных подушках ордена». Отрицательно отозвались о «Путях и перепутьях» только «литературные окаменелости» вроде Буренина и Якубовича, который назвал Брюсова «талантом, рано загубленным нелепою, прямо дикую литературную “школою”»*. Но их мнения уже никого не волновали, а остроты — никого не смешили.

Новый сборник «Все напевы» (часть тиража вышла в особой обложке, без обозначения принадлежности к «Путям и перепутьям») был воспринят не как шаг вперед, но как подведение итогов**, на что настраивало и предисловие автора: «В стихотворениях этого тома — те же приемы работы, может быть, несколько усовершенствованные, тот же круг внимания, может быть, несколько расширенный, как и в стихах двух предыдущих томов. <...> Во многом этот сборник завершает мои прежние начинания или, вернее, он лучше разрешает те же задачи, за которые, без достаточной подготовки, я брался и раньше». Среди молодых модернистов пошло гулять непочтительное словцо «Все перепевы».

Показателем широкого признания Брюсова стало обилие пародий и шаржей на него в журналах и газетах, заметное с 1908 года, а также его включение в юмористические «обозрения» текущей литературы в стихах и карикатурах. Его стихи «перепевали» все ведущие пародисты эпохи: Измайлов, Сергей Горный (Александр Оцуп), Фрицхен (Федор Благов), Авель (Лев Василевский) и штатный «смехач» «Голоса Москвы» Weга, он же Владимир Голиков, — «поэт для кроликов», некогда чуть не попавший в «Русские символисты». Образ Брюсова в массовой печати, оперировавшей набором легко узнаваемых признаков, определялся «бледными ногами» и «козой». «Брюсов с козой, Сологуб с лозой, Кузмин с „банщиком“, Вербицкая с ключами да Каменский с жеребцами», — удачно охарактеризовал этот набор стереотипов А. В. Бурлешин. Значительная часть стихотворных пародий относилась к популярному жанру «анкет» с откликами на современные события от имени известных литераторов в присущей им манере, как ее понимали и могли воспроизвести газетные острословы. Пожалуй, лучшую пародию — похожую на оригинал

* П. Я. Без руля и без ветрил. С. 141.

** Слово. 1909. № 788. 7 мая. С. 5 (В. В. Гофман); Русская мысль. 1909. № 6. С. 138–141 (2-й паг.) (Б. А. Садовской); Современный мир. 1909. № 7. С. 183–185 (В. Л. Львов-Рогачевский); Адрианов С. Критические наброски // Вестник Европы. 1909. № 10. С. 845–854.

и отметившую его характерные особенности — написал Горный*:

Дрожи, бесславный Иловайский,
Чеканной песней побежден.
Малайский — рифма для Бискайский.
Поэт идет дорогой райской
В леса исчезнувших времен.
Я в кликах Римского разгула.
Мне близок твой, Петроний, бред.
На что мне Тула?.. Марий, Сулла?
Я друг эдильного курула,
О, Ганимед!.. О, Архимед!..
Мне близки Фивские равнины,
До самых нежных дальних фибр.
Мои прадеды Антонины,
Друзья — Теоны и Эсины,
И вместо Волги блещет Тибр.
В Понтиде сослан был Овидий.
Под всплески весел у трирем
Мою статую делал Фидий!..
Пишу на память об Эвклиде
В стихах собранье теорем.
Я вижу каменные лики.
Копьем блестит легионер,
И плачет стих об Андронике,
К тебе иду, Катон Великий,
Сульпиций Гракхович Север!

Зимой 1908/1909 года, когда решалась судьба «Весов», Брюсов вел переговоры о сотрудничестве с редакцией «Русской мысли». После смерти в конце 1906 года многолетнего редактора Виктора Гольцева журнал перешел к Петру Струве, который главное внимание уделял публицистике, а литературный отдел, переданный в руки Мережковского, Айхенвальда** и Семена Лурье, существовал по принципу «у семи нянек дитя без глаза». Мережковские получили трибуну для пропаганды своих взглядов — более политических, нежели литературных. Одновременно

* Свободные мысли. 1908. № 38. 16 янв. С. 3.

** В памфлете «Валерий Брюсов: (Опыт литературной характеристики)» (М., 1910), перечеркивавшем все творчество Брюсова, автор назвал его «Сальери», «илотом искусства» и «преодоленной бездарностью», добавив, что он пишет на «дурном русском языке» (со ссылкой на анекдотическую книгу А. А. Шемшурина «Стихи В. Брюсова и русский язык»).

Струве и Лурье начали не только печатать Брюсова, но и оказывать ему знаки внимания, что вызвало ревность Гиппиус. «Ваше описание „редакционного“ совета у Лурье* доставило нам всем глубокое наслаждение, — писала она Валерию Яковлевичу 22 апреля 1909 года. — И немножко позлорадствовали, — нежно. Ага, мол, повозись-ка и ты с ними! Попался... если не как кур во щи, то как цукат — в пломбир. Вместо литературного дела и сребреников — жидовский пломбир и возможность поласкать лурьиного младенца, если очень захочется. Или не поухаживать ли вам за m-me Лурье? Или за mesdemoisell'ями? Широкое поле деятельности! В следующем № „Русской мысли“ будут тогда напечатаны не две, а три рецензии Вал. Брюсова**... Нет, нет, не сердитесь, я шучу, ей Богу, очень нежно».

Через несколько дней после этого письма Брюсов оказался в центре скандала, вызванного его выступлением на праздновании столетия со дня рождения Гоголя, которое устроило в Москве Общество любителей российской словесности. Речь, озаглавленная «Испепеленный», прозвучала диссонансом к юбилейным славословиям, в которых классик привычно подавался как реалист и обличитель. Брюсов показал его прежде всего фантастом, склонным — и в литературе, и в жизни — к гиперболам, и позволил себе несколько непривычных для публики замечаний о сочетании религиозной экзальтации с бытовой мнительностью и любовью хорошо поест. «Моя речь не была сплошным панегириком, мне приходилось указывать и на слабые стороны Гоголя, — разъяснял автор. — Но разве возможна правдивая оценка человека и писателя, если закрывать глаза на его слабые стороны?». Хороший завет для биографа.

«Раздалось резкое шиканье и крики по адресу оратора: „Стыдно! Довольно!“, — передавал по телефону с места происшествия в петербургские «Биржевые ведомости» Александр Измайлов. — Многие поднялись и стали покидать зал. Двое демонстрантов вышли, намеренно опрокинув свои стулья. Кое-кто поднялся даже с эстрады. Словом, произошел настоящий скандал***. Настроения толпы с пафосом выразил Анатолий Бурнакин, вскоре приглашенный в «Новое время» на помощь стареющему Буренину: «Нашелся смельчак и содрал кожу с Гоголя и трижды перевернул ее шиворот-навыворот: в пророке усмотрел Хлестакова,

* Это письмо не сохранилось.

** С 1909 года Брюсов перенес критическую деятельность из «Весов» в «Русскую мысль».

*** *Измайлов А.* Скандал на гоголевском празднике // *Биржевые ведомости.* Веч. вып. 1909. № 11079. 29 апр. См.: *Гоголевские дни в Москве.* М., 1909. С. 89–90.

Гоголевские дни в Москве.

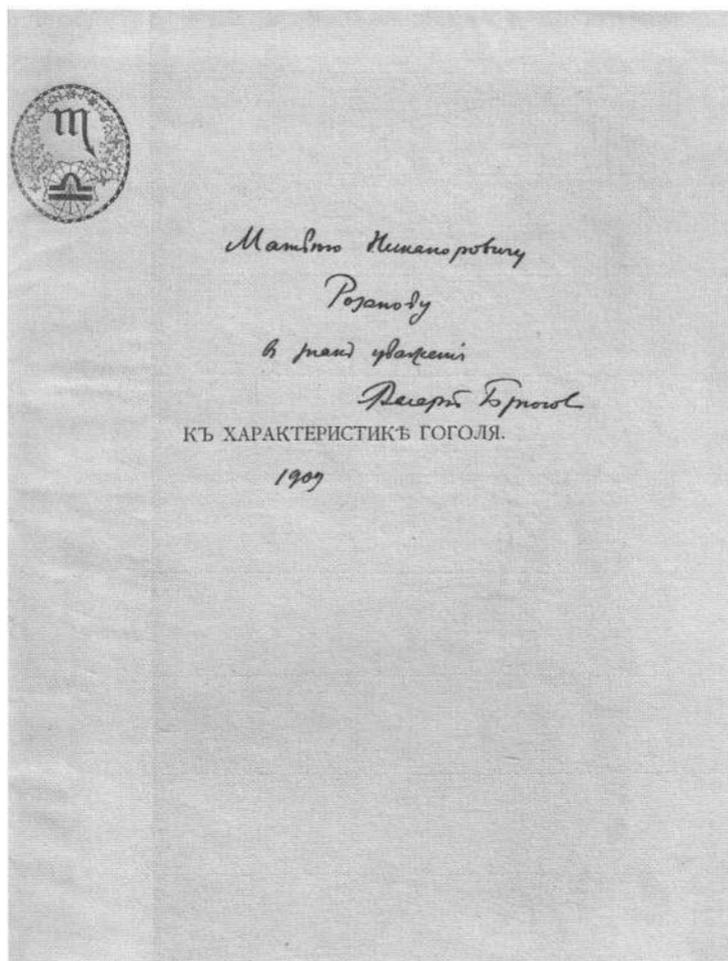
Общий вид памятника Гоголю работы Н. А. Андреева

Фотография из журнала «Искры» (1909. № 17)

идеалиста-аскета представил Маниловым и поэта перекроил в литературного Чичикова. <...> Мы „не по плечу“ г. Брюсову — где же уж нам? — мы толпа; ну, а Гоголь — тоже не по плечу? или Декадентскому Величеству дозволено плевать в кого угодно?» Но даже он признал, что освивавшие доклад «сводили старые счета, посрамляли неучитивого, заносчивого декадента»*.

«Со стороны Брюсова не было ни преступления, ни оскорбления, — пояснил Измайлов. — <...> Он — только жертва

* Бурнакин А. Трагические антитезы. М., 1910. С. 28–32.

Первое издание книги Валерия Брюсова
«Испепеленный: К характеристике Гоголя» (М., 1909)
Авантитул с дарственной надписью Матвеем Розанову:
«Матвею Никаноровичу Розанову
в знак уважения Валерий Брюсов 1909».
ВЭМ. Публикуется впервые

недоразумения, певец, затянувший великопостный канон в светлую Пасху, спевший вечную память на молебне». При этом критик высоко оценил содержание речи: «Пусть в ней много парадоксального, но это — новое, не вошедшее в учебники, не старая жвачка»*. Бальмонт осудил «Испепеленного»: «Его

* Измайлов А. «Испорченный молебен» // Русское слово. 1909. № 96. 28 апр. С. 4.

10-лѢТІЕ МОСКОВСКАГО ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО КРУЖКА.

Фот. К. Ф. Лео.

1. Домъ Вострокова на Е. Дмитревск. 2. Собрание кружка. 3. Встрѣча. 4. Наставникъ кружка, 5. Членъ кружка, 6. Директоръ кружка, 7. Членъ кружка, 8. Членъ кружка, 9. Членъ кружка, 10. А. П. Лоскутовъ и А. В. Суворовъ (Кружокъ), 11. О. Н. Шашкинъ—въ работѣ кружка, 12. Членъ кружка, 13. Членъ кружка, 14. Членъ кружка, 15. Членъ кружка, 16. Членъ кружка, 17. Членъ кружка, 18. Членъ кружка, 19. Членъ кружка.

Десятилетіе Московскаго литературно-художественнаго кружка
 Фотографіи К. Ф. Лео изъ журнала «Искры» (1909. № 40)

опровергнуть — и как юбилейное чтение, и как литературный анализ — так же легко, как бросать по ветру соломинки», — но аргументов не привел*.

«Самый лучший венок, какой можно было возложить на памятник Гоголю, — считал Вересаев, — самая лучшая речь, какую можно было почтить его память, — был независимый, интересный подход к нему, свое, не банальное слово о нем. <...> Я подошел и выразил горячее одобрение за его речь и сочувствие по поводу нелепых на него нападок <...> Брюсов был очень тронут, крепко пожал мне руку»**. Инцидент имел неожиданные последствия: вскоре после него в Московском литературно-художественном кружке состоялись пере выборы председателя дирекции, поскольку бессменно занимавший этот пост с 1899 года князь Александр Сумбатов (по сцене Южин) запросился на покой. Брюсов с 1902 года был членом Кружка, а с 1907 года одним из директоров и проявил себя как отличный администратор. «Любо было слушать, как толково и деловито говорил он на общих собраниях Кружка о балансе, амортизации и т. п.», — вспоминал Вересаев, выдвинувший его кандидатуру.

«Южин поморщился.

— Я очень люблю и уважаю Валерия Яковлевича. Но знаете, выбирать его в председатели сейчас же после его бестактной речи о Гоголе — неудобно.

— Как?! Единственная блестящая, стоящая речь <...> Нам тем паче еще следует выбрать именно Брюсова.

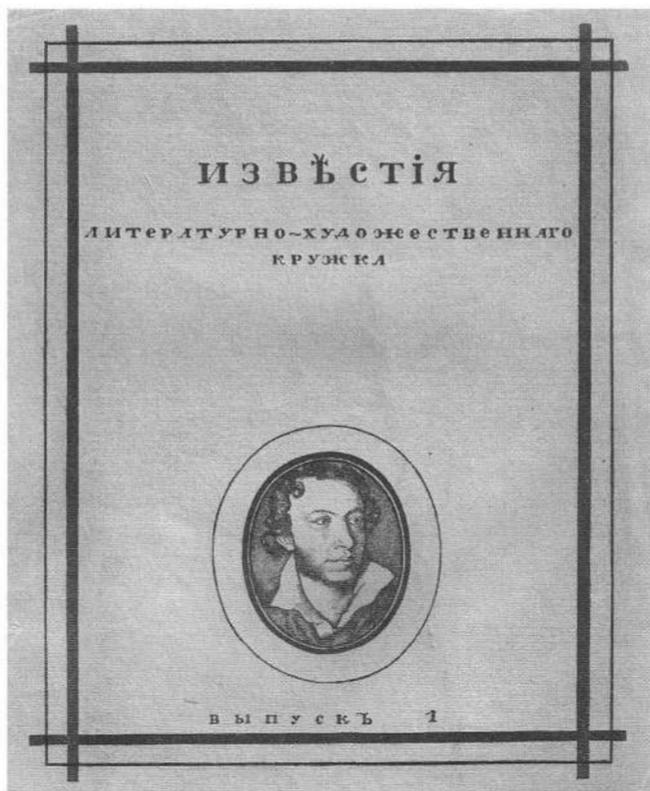
И еще горячее я стал агитировать за его избрание».

Большинством голосов Брюсов был избран и возглавлял Кружок до его закрытия большевиками (действовал до лета 1918 года, официально ликвидирован в 1920 году), которые реквизируют для Московского комитета партии его здание (улица Малая Дмитровка, дом 15а). Занимаясь хозяйственными делами, он хлопотал не только о кухне и картах, привлекавших посетителей-спонсоров, но о библиотеке и докладах. В 1913 году по инициативе и под редакцией Брюсова Кружок начал выпускать «Известия», ставшие интересным историко-литературным и библиографическим журналом.

Другим предметом забот Валерия Яковлевича было Общество свободной эстетики, созданное осенью 1906 года и располагавшееся в одной из комнат здания Кружка. «Если Кружок был витриной новой литературы, то Общество свободной эстетики было скорее ее лабораторией», — пояснил участвовавший

* Письмо Брюсову (8/9 (21/22) июня 1909): ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 208.

** Вересаев В. В. Я. Брюсов // Вересаев В. Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 437–448; встречается также дата избрания: 1908 год.

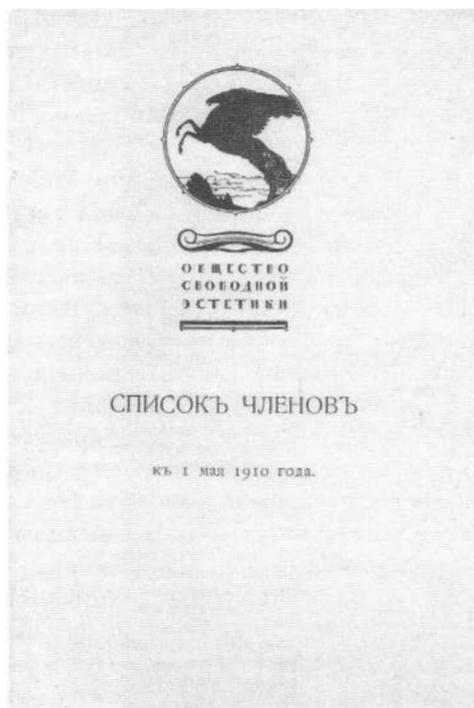

Журнал «Известия Московского литературно-художественного кружка»
под редакцией Валерия Брюсова (1913. № 1)
Обложка

в обоих философ Федор Степун*. «Здесь аудитория, тщательно профильтрованная в смысле причастности к искусству, принимала и оценивала еще не опубликованные произведения молодых литераторов, музыкантов, теоретиков искусства. Здесь собирались наиболее радикальные новаторы, — вспоминал Асеев. — <...> Над всеми главенствовал В. Я. Брюсов. Это была его, им созданная аудитория, подготавливаемая им тщательно, как землепашцем целина, к прозябанию и всходам непризнанного тогда еще в полной мере символизма»**. Изменить характер Кружка, при приеме в который несколько «декадентов» были забаллотированы, не мог даже председатель дирекции, но в игнорируемой «реалистами» «Эстетике» такого не случилось. Согласно печатным спискам, к 1 мая 1910 года Общество

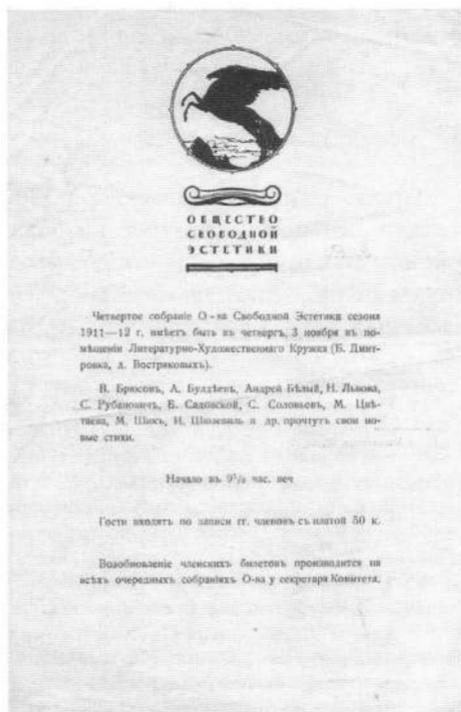
* Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 242.

** Асеев Н. Валерий Брюсов // Известия. 1924. № 233. 11 окт. С. 3.

«Список членов Общества
свободной эстетики
къ 1 мая 1910»
Обложка. ВЭМ

Пригласительный билет
на 4-е заседание Общества
свободной эстетики
сезона 1911-1912 года
с участием
Валерия Брюсова
ВЭМ

насчитывало 120 членов (в 1914 году — 196), а в его комитет входили: Брюсов, Белый, Валентин Серов, Константин Игумнов, фабрикат Владимир Гиршман и врач Иван Трояновский (два последних — известные коллекционеры). Кружком Брюсов руководил, в «Эстетике» — царил.

Дружеские отношения с Южиным* — одна из страниц «театрального романа» Валерия Яковлевича, начавшегося еще в юности, когда он играл в любительских спектаклях. Первыми опытами профессиональной работы для сцены стали переводы пьес — «Пеллеаса и Мелизанды»** Метерлинка и «Франчески да Римини» Д'Аннунцио. Вдохновительницей была Коммиссаржевская, обратившаяся к Брюсову в июле 1907 году с просьбой прочитать в ее Драматическом театре на Офицерской лекцию о Франке Ведекинде, пьесу которого «Пробуждение весны» она собиралась ставить***. В начале осени Брюсов отдал ей перевод «Пеллеаса и Мелизанды». Совместная работа над пьесой стала началом любви актрисы и поэта. Вера Федоровна так вжилась в роль Мелизанды, что не только подписывала этим именем письма к Брюсову, но как будто говорила ее голосом и писала без знаков препинания (восстановленных публикаторами), прихотливо обрывая фразы: «Мне кажется, что я схожу с ума. Пусть будет, что было. Пусть будет, что будет. Пусть не будет то, что есть». «Острые дни и часы», как скупно сказано в дневнике, вдохновили Брюсова на стихи, составившие цикл «Обреченный» во «Всех напевах»:

Ты позовешь, — я отвечу,
Скажешь, — приму приговор.

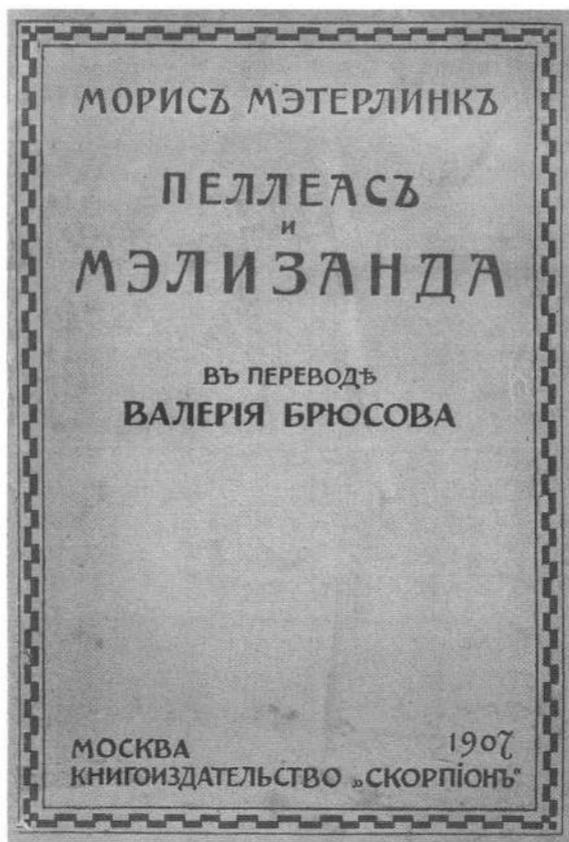
Премьера пьесы 10 октября 1907 года в постановке Мейерхольда, которую критика назвала «сценическим садизмом», окончилась провалом и для режиссера-экспериментатора (он же исполнитель одной из главных ролей) с его «пошленькими и дешевенькими фокус-покусами», и для актрисы****. Приехавший

* Переписка В. Я. Брюсова с А. И. Сумбатовым-Южиным / Вступ. заметка, публ. и примеч. М. К. Айвазян // *НБ*. С. 401-423.

** Встречались также написания «Пелеас», «Мелисанда» и «Мэлизанда» (в отдельном издании перевода).

*** Знакомство поэта и актрисы произошло 28 октября 1906 года на одной из «суббот» ее театра. Письма Коммиссаржевской к Брюсову цит. по: Вера Федоровна Коммиссаржевская: Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. М.; Л., 1964. С. 164-174; Рыбакова Ю. В. Ф. Коммиссаржевская и В. Я. Брюсов // *О Коммиссаржевской: Забытое и новое. Воспоминания. Статьи. Письма*. М., 1965. С. 117-130.

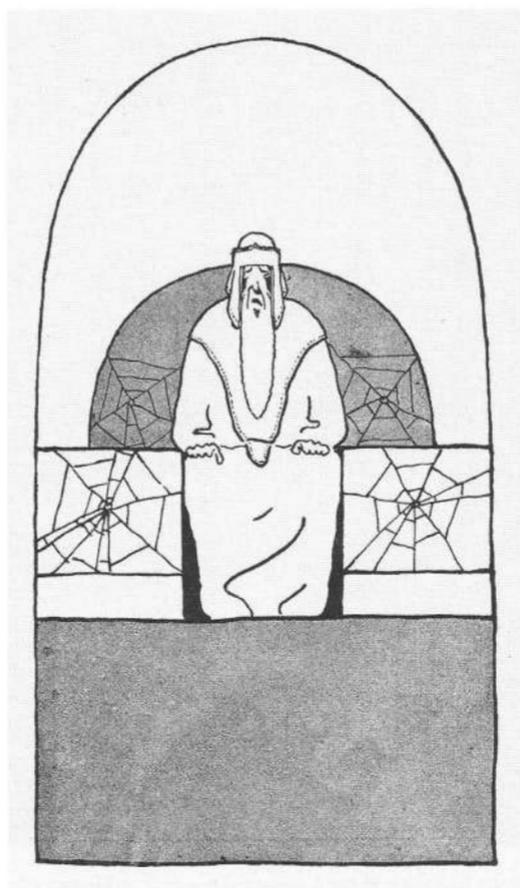
**** Осипов И. <Абельсон И. О.> «Обозрение театра» В. Ф. Коммиссаржевской // *Обозрение театров*. 1907. № 217. 12 окт. С. 12; Азов Вл. <Ашкинази В. А.> «Пелеас и Мелизанда» // *Речь*. 1907. № 241. 12 окт. С. 2; Тамарин Н. <Окулов Н. Н.> Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской // *Театр и искусство*. 1907. № 41. С. 661-662.

Книга Мориса Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда»
в переводе Валерия Брюсова (М., 1907)
Обложка

на премьеру Брюсов отметил в дневнике «замечательную ночь», а днем позже написал два стихотворения: «Себастьян», в котором сравнил себя со святым, пронзенным стрелами, и «Голос» — от имени возлюбленной. В статье о спектакле он решительно защищал игру Коммиссаржевской (критики указали на несоответствие возраста актрисы и ее юной героини) и резко высказался о работе Мейерхольда*, в которой, как это ни парадоксально, воплотились идеи самого Брюсова о «театре будущего». Валерий Яковлевич уже отошел от них, поэтому руководительница театра, порвав с Мейерхольдом, обратилась за помощью именно к нему.

* «Пеллеас и Мелизанда» на сцене театра Коммиссаржевской // Голос Москвы. 1907. № 237. 13 окт. С. 3–4 (подпись: Латник); перепеч.: Мейерхольд в русской театральной критике. <Т. 1>. 1892–1918. <М.,> 1997. С. 156–160.

Всеволод Мейерхольд в роли короля Аркеля
в пьесе Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда»,
поставленной в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской
Карикатура из журнала «Стрекоза» (1907. № 42)

Мнение московского гостя имело в театре на Офицерской большой вес. «Комиссаржевская, как правило, нуждалась в авторитетах. Она постоянно искала людей, способных расширить ее горизонты, повести за собой»*. Вера Федоровна решила найти яркую и неизвестную в России пьесу, постановка которой дала бы театру новую жизнь. Остановив выбор на «Франческе да Римини», она 3 ноября послала Брюсову текст, умоляя перевести его за десять дней: «Раньше Вас я услышу приближение часа,

* См.: Бродская Г. Ю. В. Я. Брюсов — В. Э. Мейерхольд — В. Ф. Комиссаржевская // Русский театр и драматургия эпохи революции 1905–1907 гг. Л., 1987. С. 96–130 (цит. с. 106).

когда Вы мучительно-радостно положите на мои протянутые руки создание обреченного мной. Раньше меня Вы услышите приближение часа, когда песню, рожденную Вами, — по-новому прекрасную — принесет Вам мой голос. Как хочу я запрокинуть Вашу голову так, чтобы показать Вам бездну, какой Вы не видели ее никогда». Брюсов согласился, но, понимая, что один не справится, обратился к Балтрушайтису — лучшему русскому переводчику Д'Аннунцио. Отказ Балтрушайтиса поверг актрису в отчаяние: «Как Вы свершите подвиг, я не знаю, — заклинала она Брюсова 8 ноября, — но Вы должны его свершить, потому что если не сделаете Вы — не делает никто».

Выручил Вячеслав Иванов. Вместе они перевели пьесу за несколько недель. Вера Федоровна благодарила Брюсова за первые сцены уже 14 ноября: «Я не послала Вам благодарности в телеграмме <...> Я не хочу лишиться Вас радости взять ее из моих глаз, улыбки, руки, из всей меня. <...> Через музыку Ваших слов я так слышу огонь души Франчески». С лирическими признаниями чередуются деловые письма: Коммиссаржевская стремилась вовлечь Брюсова в работу своего театра, а тот желал поскорее увидеть перевод в печати. Постановка откладывалась, что бросило тень и на их личные отношения. 5 января 1908 года актриса приехала в Москву — попрощаться с Брюсовым перед отъездом на гастроли в Америку. Через пять дней он получил от нее записку: «Милый, милый, бедный, я зову, я жду, я верна. Я». Днем позже было написано стихотворение «Близкой», открывавшее «Все напевы» вместе с программным стихотворением «Поэту»:

Как страстно ты ждала ответа!
И я тебе свой дар принес:
Свой дар святой, свой дар поэта, —
Венок из темно-красных роз*.

Коммиссаржевская получила его уже в дороге. Во время гастролей она не раз писала Брюсову: «Милый, милый, здесь (в Варшаве. — В. М.) почти весна. Здесь много солнца, много неба, цветов, радостных, красивых лиц, здесь особенно любят меня и совсем восторженно встречают меня — бедную Беатрису**»; «Хочется послать какие-нибудь слова через океан. Через этот совсем огромный, беспокойно-спокойный океан. Какой-то нежеланный в своей бесконечности. Пусть идет слова без слов».

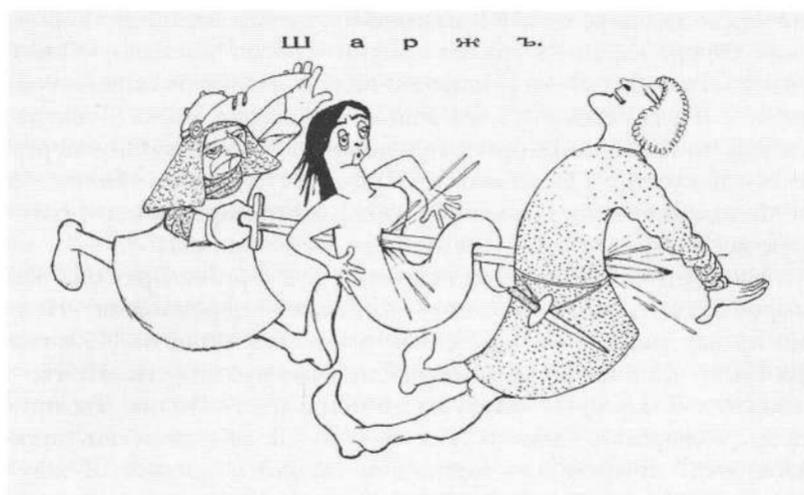
* Пристрастие актрисы к розам было общеизвестно.

** Роль Беатрисы в пьесе Метерлинка «Сестра Беатриса» считалась одной из лучших в репертуаре Коммиссаржевской.

Вера Коммиссаржевская в роли Франчески
в пьесе Д'Аннунцио «Франческа да Римини»,
поставленной в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской
1908

Американские гастроли Коммиссаржевской оказались неудачными. Дополнительным ударом для нее стало решение Брюсова напечатать перевод до премьеры, причем он не только не заявил в Союзе драматических писателей, что право первой постановки принадлежит театру на Офицерской, но и отдал его в московский Малый театр. Со стороны Валерия Яковлевича это было не только не по-дружески, но просто неэтично. «Стремясь к гарантированному успеху — успеха и только успеха ждал он от императорской сцены, — он примерял пьесу

Смерть Франчески
 Карикатура из журнала «Рампа и жизнь» (1908. № 4)

д'Аннунцио к академическим, заслуженным, выродившимся в консервативные традиции Малого театра, против которых пытался бороться Ленский. „Вот, рассуждал я, пьеса по-оперному красивая, не очень глубокая, но очень пышная и романтическая — совсем для Малого театра“, — писал Брюсов Н. Е. Эфросу (9 октября 1908 года. — В. М.), оправдывая свой союз с образцовой казенной сценой^{*}. Премьера постановки Александра Ленского с Верой Пашенной в главной роли 1 сентября 1908 года закончилась провалом. «Неприятное впечатление унылой, серой скуки» признали даже дружественные критики^{**}, поэтому пьесу сняли после пяти представлений. «Правду сказать, я этого не ждал, — писал Брюсов Иванову из Франции. — Пьеса не хитрая, драма полуоперная, совсем под силу казенному театру. Но, видно, наша образцовая сцена одряхла совершенно, и никакие Ленские ее не спасут от погибели»^{***}.

«Воздушную и красивую» постановку «Франчески» театром Коммиссаржевской (режиссер Николай Евреинов), впервые показанную во время московских гастролей 4 сентября того же года в театре «Эрмитаж», ждал большой успех. Веру Федоровну

^{*} Бродская Г. Ю. В. Я. Брюсов — В. Э. Мейерхольд — В. Ф. Коммиссаржевская. С. 125.

^{**} Старый друг <Эфрос Н. Е.> «Франческа да Римини» в Малом театре // Театр. 1908. № 255. 2 сент. С. 8; № 256. 3 сент. С. 4–9; Эфрос Н. Из Москвы // Театр и искусство. 1908. № 36. С. 628–629; Дий Одинокий <Туркин Н. В.> Дневник театрала // Голос Москвы. 1908. № 204. 3 сент. С. 4.

^{***} Письмо от 13 (26) сентября 1908 года: ЛН. Т. 85. С. 511–512.

в Москве любили, хотя сборы именно этот спектакль дал скромные. Общее мнение выразил критик «Голоса Москвы»: «О возможности победы г-жи Пашенной над г-жой Коммиссаржевской, если и могла быть речь, то только в конторе Малого театра, между чиновниками, приставленными к театру на гибель русского искусства». Показали в Первопрестольной и «Пеллеаса и Мелизанду» в постановке Федора Коммиссаржевского, которую все-таки поругали за рецидивы «мейерхольдии»*.

Наступило и личное охлаждение со стороны Брюсова, которое актриса, судя по ее письмам, тяжело переживала: «Нежно прошу твою память не отнимать у тебя ничего» (15 января 1909); «Сейчас во всем мире один мне нужен — ты. Не ты — твои глаза, которые выслушают меня, пусть молча. Ты придешь, услышишь слово и уйдешь. Ты — поэт — почувешь большое этой минуты для меня, для главного во мне. Я жду» (17 января); «Ты должен дать новую боль моим ранам. Ты должен взять себе мою улыбку» (18 января). Брюсов не пришел. «Волны безумия, плеснувшие было в берег души, почти мгновенно откатились вспять», — писал он Петровской 8 ноября 1908 года. Отношения порвались, но трагическая смерть Коммиссаржевской — 10 февраля 1910 года от черной оспы в Ташкенте — больно ударила по нему. Он простился стихами с великой актрисой:

Рыцарь суровый, над телом погибшей и руки ломай, и рыдай!
Верим мы все, что открыт Мелизанде желанный и радостный рай.

— и с бывшей возлюбленной:

На краткий миг, но были мы слиты,
Твой поцелуй был трижды драгоценен...

Театр был связан для Брюсова не только с Коммиссаржевской. Осенью 1908 года он опубликовал в «Весак» еще один драматический опыт — перевод трагедии Верхарна «Елена Спартанская», сделанный с рукописи; в конце января 1909 года появилось отдельное издание**. На сей раз Валерия Яковлевича больше

* *Старый друг* <Эфрос Н. Е.>: 1) «Пеллеас и Мелизанда» // Театр. 1908. № 257. 4 сент. С. 3–5; 2) Вторая «Франческа» // Там же. № 259. 6 сент. С. 3–7; *Дий Одинокий* <Туркин Н. В.> Дневник театрала // Голос Москвы. 1908. № 204. 3 сент. С. 4; № 206. 5 сент. С. 4; *Львов Я.* <Розенштейн Я. Л.> Гастроли В. Ф. Коммиссаржевской // Рампа. 1908. № 4. С. 61–62.

** Положительная рецензия В. В. Гофмана: Речь. 1909. № 59. 2 марта. С. 3; отрицательная — Ю. И. Айхенвальда: РМ. 1909. № 4. С. 85–86 (2-й пар.).

волновала литературная, а не театральная сторона дела. «В подлиннике, — отметил он в предисловии, — „Елена Спартанская“ написана рифмованными стихами. <...> Для передачи трагедии на русский язык я выбрал белый стих, преимущественно пятистопный ямб. На это я решился прежде всего из желания дать перевод более точный, чем то возможно при рифмованных стихах». Не вдаваясь в оценку работы Брюсова-переводчика, отмечу, что в 1920 году он перевел сатирическую драму Романа Роллана «Лилюли», написанную ритмизованной прозой, пятистопным ямбом без рифм, объяснив Иоанне Матвеевне, что «стихами переводить легче и интереснее»*.

Неудачи «Мелизанды» и «Франчески» на время отвратили Брюсова от сцены, но в конце апреля 1911 года Южин предложил ему перевести для Малого театра «шекспировскую» трагедию Уайльда «Герцогиня Падуанская». Валерий Яковлевич согласился, договорившись о ее издании в популярной серии «Универсальная библиотека» Владимира Антика: в 1911–1918 годах там вышли три издания «Избранных стихов» Брюсова (первый сборник для широкого читателя), по два издания повестей «Обручение Даши» и «Рея Сильвия» (вместе с рассказом «Элули, сын Элули»), переводов из Верхарна, «Герцогини Падуанской» и «Баллады Редингской тюрьмы» Уайльда. 15 сентября 1911 года перевод в рукописи был послан Южину, а 8 октября — уже в корректуре — влиятельному чиновнику Главного управления по делам печати Николаю Дризену, чтобы облегчить его прохождение через драматическую цензуру. В течение недели трагедия была дозволена к представлению «за выпуском двух стихов, вернее — одного стиха и одной ремарки», как сообщил Брюсов Южину 14 октября. «Сознаюсь, что я ожидал большего количества красных чернил», — писал он в тот же день Дризену**. В конце октября пьеса вышла отдельной книгой и 15 февраля 1912 года была поставлена на сцене Малого театра учеником Ленского Сергеем Айдаровым с Екатериной Рошиной-Инсаровой в главной роли. Успех спектакля критика оценила как «средний» (в течение года пьеса выдержала 17 представлений): Рошину-Инсарову, мастерски воплощавшую «изломанные» и «надрывные» образы современных женщин, упрекали в «опрошении» трагической героини, не соответствовавшей ее амплу, а Брюсова —

* *Материалы*. С. 145. Перевод был прочитан Брюсовым в Доме печати 9 и 16 сентября 1921 года и издан в июле 1922 года при поддержке Луначарского, что видно из адресованного ему инскрипта «с глубокой признательностью за защиту этой книги»: Трифонов Н. А. Луначарский и Брюсов // *РЛ*. 1973. № 4. С. 14.

** Письма Дризену: *НЖ*. Кн. 218. С. 91–97 / Публ. В. Э. Молодякова.

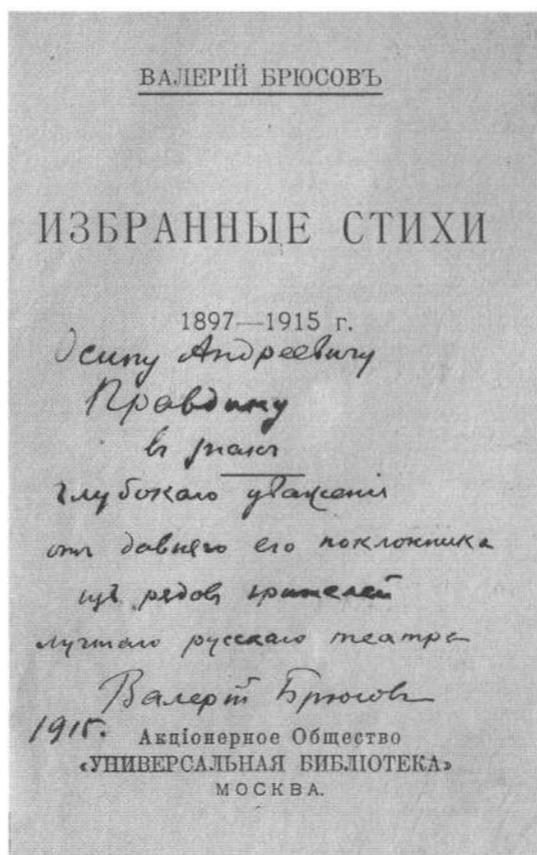

Екатерина Рощина-Инсарова в роли Беатриче в пьесе Оскара Уайльда «Герцогиня Падуанская», поставленной в московском Малом театре
Карикатура Мака из газеты «Голос Москвы» (1912. 17 февр.)

в небрежности перевода, хотя позднее его работа получила высокую оценку*.

Пожалуй, самым необычным опытом сотрудничества Валерия Яковлевича с театром стало участие в «спектакле литераторов», устроенном по инициативе журнала «Рампа и жизнь»: 8 апреля 1912 года в Литературно-художественном кружке «в пользу голодающих» был представлен «Ревизор», в котором все роли играли писатели. Брюсову досталась эпизодическая роль Коробкина. «Бремя участия в спектакле, — заметил Эфрос, — никого так не давило, как московского поэта. На лице явственно читалось: „И кой черт понес меня на эту галеру!“» Зал был полон лишь наполовину, но деньги для голодающих собрали.

* *Койранский А.* «Герцогиня Падуанская» (Малый театр) // Утро России. 1912. № 38. 16 февр. С. 4; *И. <Игнатов И. Н.>* Малый театр. «Герцогиня Падуанская» // Русские ведомости. 1912. № 38. 16 февр. С. 4; *Львов Як. <Розенштейн Я. Л.>* «Герцогиня Падуанская» // Новости сезона. 1912. № 2349. 17 февр. С. 5–6.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Осипу Правдину на титульном листе книги «Избранные стихи. 1897–1915» (М., 1915):
«Осипу Андреевичу Правдину в знак глубокого уважения от давнего его поклонника из рядов зрителей лучшего русского театра Валерий Брюсов 1915».
ВЭМ. Публикуется впервые

На банкете после спектакля чествовали актера Малого театра Николая Падарина – Городничего, единственного профессионала среди участников: Брюсов поднес ему венок и поблагодарил за руководство «труппой» Кружка*.

Устранившись с началом 1909 года от работы в «Весех», которые перешли в руки Белого, Эллиса и Ликиардопуло, Брюсов, однако, не порывал с ними связи и осенью того же года планировал предложить журналу первые фрагменты задуманного

* Юрьев М. Спектакль литераторов // Рампа и жизнь. 1912. № 16. С. 10–11; Чужой <Эфрос Н. Е.> На спектакле литераторов // Речь. 1912. № 98. 11 апр. С. 2.

Спектакль литераторов «Ревизор». Общая группа участвующих
Фотография К. Фишера из журнала «Рампа и жизнь» (1912. № 16)

антиутопического романа «Семь земных соблазнов». Готовясь к новой работе, он в середине июля вместе с женой поехал отдыхать в Швейцарию, по дороге посетив Ригу, несколько немецких городов и Прагу, где встретился с чешскими писателями. 15 сентября Иоанна Матвеевна, узнав о скоростижной смерти своего брата, срочно вернулась в Москву. Валерий Яковлевич отправился в Париж, где оставался до 23 октября, а на обратном пути провел сутки в гостях у Верхарна*. Почти все подробности мы знаем из его ежедневных писем жене, которые «представляют собой своего рода дневник в эпистолярной форме, с обычным для Брюсова хроникальным лаконизмом, неизменно окрашенным иронией»**. *Почти* — потому что о встречах с Петровской он домой не писал.

Чем занимался Брюсов? Во-первых (хотя трудно сказать, что для него было «во-первых», а что «во-вторых» и «в-третьих»), возобновил знакомство с Рене Гилем и общался с молодыми поэтами из группы «Аббатство» — Александром Мерсеро, Рене Аркосом, Шарлем Вильдраком, Жоржем Дюамелем и Жюлем Ромэном. Впечатления оказались не столь восторженными, как раньше: «Скучно. Все они „оперились“, получили доступ в журналы, стали банальнее и менее интересны». Бальмонт обозвал их «силлабическими чирикалками, самый вид коих делает меня больным и не интересным ни для себя, ни для других»***. Гийом Аполлинер, слава которого была еще впереди, заинтересовал гостя как библиофил и знаток французской литературы XVIII века, в том числе эротической. Это подводит нас ко второй «теме» приезда Брюсова в Париж — изучению «соблазнов» для задуманного романа. «Для многих его сцен, — писал он жене, — я нахожу здесь как бы модели, чего мне будет весьма недоставать в Москве».

Спутником его блужданий оказался Бальмонт:

Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом
Кружит огни Париж, своим весельем пьян...

Однако поэты не только предавались «соблазнам»: Константин Дмитриевич познакомил друга с французскими славистами Полем Буайе и Андре Лиронделем. «Я видел тебя, — писал он „брату Валерию“ 27 октября (9 ноября), вскоре после

* В гостях у Верхарна // *РМ*. 1910. № 8. С. 1–7 (2-й пар.); *ИМЖ*. С. 25–33.

** *Лаферов А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // *Лаферов А. В.* Русские символисты. С. 143–153. Письма Брюсова жене из Парижа далее цит. по этому источнику.

*** Письмо Брюсову (18 (31) августа 1909): *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 209.

Валерий Брюсов
в роли Коробкина
в спектакле литераторов
«Ревизор»
Рисунок Эльского
из журнала «Студия»
(1912. № 27)

Валерий Брюсов в роли
Коробкина в спектакле
литераторов «Ревизор»
Карикатура Мака из газеты
«Утро России» (1912. 11 апр.)

расставания. — Видел глаза твои, слышал голос твой, я рад, мне хорошо, я снова верю в тебя невозмутимо и целиком»*. «Он очень изменился. Поумнел, — сообщил Брюсов жене. — Говорит о себе и своих стихах трезво. Видит и понимает свои недостатки, чего прежде не было никогда».

Хождение с Бальмонтом по «кабакам» встревожило Иоанну Матвеевну, и муж поспешил ее успокоить: «Во всех моих писаниях, в стихах и прозе, я часто подходил к вопросам о всем *темном* в жизни и в душе. И это *темное* до сих пор знал я почти только по догадке да по жалким его отражениям у нас в Москве. Здесь представляется мне случай в самом, так сказать, горниле „зла“ посмотреть на него, лицом к лицу. <...> *За меня не бойся.* Силы воли у меня хватит для каких угодно соблазнов. Да и во всем том, что я здесь вижу, я не встречаю никакого соблазна». Он сравнил себя с Данте, сходящим в Ад — ад притонов морфинистов и гомосексуалистов. «Данте помог ему найти адекватный угол зрения при восприятии „ночной“ стороны парижской жизни. Явно парижскими впечатлениями вдохновлена поэма Брюсова „Подземное жилище“: описываемое в ней движение из одного потаенного зала в другой, каждый из которых предназначен для удовлетворения определенных страстей или пороков, проецируется на иерархическую структуру дантовского Ада»**. И. С. Поступальский обратил внимание «на тот, не совсем пустой, факт, что в „Подземное жилище“ автор проникает не как соучастник, а... с полицией»***. Увиденное также сказалось в «наркотических» стихах «Зеркала теней» (циклы «Объятия снов» и «Неизъяснимы наслажденья») и в незавершенном романе «Семь земных соблазнов».

О парижских встречах с Петровской и вызванных ею чувствах можно судить по длинному стихотворению «Видение во сне», которое Брюсов так и не напечатал:

И, как дух небесной сферы,
Тихо веющий из мглы,
Та, ушедшая когда-то,
Та, любимая без меры,
Стала молча у скалы.
Все, что сердцу было свято,
Все вернул мне этот лик,
Нежность губ, печальность взора...

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 212.

** Лавров А. В. Русские символисты. С. 151.

*** Поступальский И. Поэзия Валерия Брюсова // Брюсов В. Избранные стихи. М.: Л., 1933. С. 62.

И душа была объята
 Прежним пламенем в тот миг!..
 Полон страсти неизвестной,
 Руки к тени я простер,
 И меня объятья скрыли,
 Унося в простор небесный,
 Бросив в пламенный костер.

Брюсов был одним из первых, кого пригласил к сотрудничеству новый петербургский журнал «Аполлон», издававшийся Михаилом Ушковым под редакцией художественного критика Сергея Маковского. 24 августа 1909 года редактор писал ему: «Позвольте мне напомнить Вам о нашей беседе, еще весною, относительно возможностей Вашего сотрудничества в „Аполлоне“. Вы отнеслись тогда с сочувствием к нашему начинанию, но не захотели ничего *обещать* для первых номеров журнала... Тем не менее мне очень хочется еще раз просить Вас дать „Аполлону“ не только право упомянуть Ваше имя в числе сотрудников, но хоть что-нибудь более реальное. <...> Из всех современных поэтов Вы, конечно, наиболее дороги нам (пишу от имени редакции) — вот почему моя просьба, обращенная к Вам, приобретает совсем исключительный смысл»*. В литературных кругах даже циркулировали слухи, что Валерий Яковлевич переедет в столицу. Начавший выходить в октябре 1909 года, «Аполлон» воскрешал традиции «Мира искусства» и подхватил эстафету закрывающихся «Весов». Новый журнал смог объединить почти всех видных литераторов-модернистов, художников, искусствоведов и театральных деятелей. Брюсова привлекла четко заявленная ориентация на художественность — в противовес религиозности или общественности, — но уже в следующем году сотрудничество омрачилось несколькими инцидентами.

Решив почтить память «Весов» (последний номер за 1909 год вышел весной 1910 года; одновременно прекратилось издание «Золотого руна»), «Аполлон» выбрал для этого странного автора — Чулкова, назвавшего свою статью «некрологом»**. 19 мая Брюсов отправил Маковскому и секретарю редакции Евгению Зноско-Боровскому коллективный протест против статьи Чулкова, «авторитет которого никак не может считаться непререкаемым в литературных кругах и беспристрастие которого в оценке „Весов“ может быть заподозрено», пояснив: «Мы (Брюсов, Белый, Ликиардопуло, Садовской, Элис. — В. М.)

* Писатели символистского круга. С. 256 (примеч.)

** Чулков Г. «Весы». Некролог // Аполлон. 1910. № 7 (апрель). С. 15–20; перепеч.: Чулков Г. Годы странствий. С. 192–197.

<...> обсудили в нем каждое слово, считаем его составленным в выражениях весьма сдержанных и не можем согласиться ни на какие в нем изменения. <...> Добрые литературные обычаи (и даже закон) указывают, чтобы протест был напечатан в том же отделе и тем же шрифтом, как та статья, которая его вызвала. Но если это неудобно по техническим соображениям, мы на том не настаиваем. Само собой разумеется, что отказ редакции „Аполлона“ напечатать наше письмо повлечет за собою отказ всех, подписавшихся под письмом, от дальнейшего участия в „Аполлоне“*. Назвав в письме к Иванову статью Чулкова «шутовской и оскорбительной», Брюсов попытался привлечь к протесту и его. Вячеслав Иванович отказался, заключив письмо словами: «В мою личную дружбу и крепкую к тебе привязанность верь, прошу тебя, вопреки всяческой возможной агитации. Если бы мы поссорились, совершилась бы не личная только, но общая роковая неправда. Как брат-поэт, обнимаю тебя старинным, неизменным, нежным объятием»**. Извинившись перед Брюсовым в частном письме, Маковский отказался печатать протест или дезавуировать «некролог», не испугавшись возможного ухода «москвичей». В качестве примирительного жеста «Аполлон» поместил доброжелательные статьи Гумилева и Кузмина о поэзии и художественной прозе «Весов».

Брюсову пришлось смириться, однако появившиеся на тех же страницах несколько месяцев спустя статьи Иванова «Заветы символизма» и Блока «О современном состоянии русского символизма» вызвали его резкое неприятие. Многим Вячеслав Иванович казался ведущим теоретиком журнала, поэтому его «теургические» речи были восприняты не только как новый «раскол в символистах», но и как «перемена фронта» «Аполлоном». Брюсов быстро отправил в журнал едкую статью «О „речи рабской“, в защиту поэзии»: «Как большинству людей, и мне кажется полезным, чтобы каждая вещь служила определенной цели. Молотком следует вбивать гвозди, а не писать картины. Из ружья лучше стрелять, чем пить ликеры. <...> От поэтов я прежде всего жду, чтобы они были поэтами. <...> Неужели после того как искусство заставляли служить науке и обществу, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему наконец свободу!» «С твоей полемикой я не согласен, — отвечал Иванов 13 ноября, — не вижу в ней желания понять меня и досаду на ее — как мне показалось — не вполне дружелюбный и не вполне серьезный тон». «Свою статью я

* Протест: ЛН. Т. 85. С. 526–527. Письма к Зноско-Боровскому: НЖ. Кн. 218. С. 82–85 / Публ. В. Э. Молодякова.

** ЛН. Т. 85. С. 526–530.

Михаил Кузмин
1909/1910. ГЛМ

писал безо всякой враждебности к тебе или к Блоку, — разъяснил Брюсов через две недели. — Но, разумеется, я писал ее с решительной враждебностью к вашим идеям. С этими идеями я враждовать и бороться должен и буду»*.

Сторону «теургов» приняли Белый и Эллис, в том же году разошедшийся с Ивановым и выпустивший книгу «Русские символисты» с восторгами по адресу Брюсова, которому подарил свой труд «на добрую память о совместном плавании — в незабываемом»**. Валерия Яковлевича поддержали Мережковские. «Вашу отповедь „теургам“ прочитала, — писала Гиппиус 28 августа, — и хотя, как вам известно, я не рыцарь искусства „для искусства“ — однако от теургических статей поперхнулась

* ЛН. Т. 85. С. 530–531.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 375; собрание Л. М. Турчинского.

и рада, что вы прочли проповедь трезвости». Маковский и «молодая редакция» «Аполлона»* тоже были на стороне Брюсова. «Когда Вы прислали нам свою статью, нельзя представить, какая бодрость и почти ликование настали в „молодой“ редакции», — известил его Кузмин 27 августа**. И все же сотрудничество с «Аполлоном» не сложилось, хотя отзывы журнала о произведениях Брюсова были почтительными и, как минимум, корректными.

Основной точкой приложения сил Валерия Яковлевича стал литературный отдел «Русской мысли», который он возглавил с конца августа 1910 года (жалованье 200 рублей в месяц), вскоре забрав в свое ведение критику и библиографию. Первым делом он обратился к старым и новым сотрудникам: Мережковским, Бальмонту, Сологубу, Белому, Иванову, Блоку, Кузмину, Ремизову, Гумилеву, Садовскому, Алексею Толстому, Вересаеву, а также многим критикам, историкам литературы и иностранцам, включая Гиля, Верхарна и Стефана Цвейга. Брюсов просил не только о формальном согласии сотрудничать, но и о скорейшей присылке материалов, наличие которых «облегчит мне возможность отвергнуть ту или иную рукопись разных „постоянных“ сотрудников и, увы! сотрудниц „Р. М.“ (имена их Ты, Господи, веши), которые, конечно, будут меня удручать своими домогательствами»***. Несмотря на скромные гонорары, почти все согласилось, а единичные отказы (Вересаев) объяснялись «партийными» причинами. Об успехах Брюсов рапортовал уже 2 сентября, в первом из многочисленных деловых писем к Струве****. Затем он начал разгребать «авгиевы конюшни» рукописей, принятых предшественниками и частично оплаченных хозяином, который в беллетристике ориентировался на «глупого читателя». Особенную тоску на него нагнал «Андрей Щербина» — пространный роман толстовца Петра Сергеенко, намекавшего, что он сможет завлечь в журнал «самого» Льва Николаевича, — тем более что новые романы «Русской мысли» обещали Мережковский («Александр I») и Гиппиус («Чертова кукла»). «Я привлечение их к более близкому участию в журнале

* Кузмин, Гумилев, Зноско-Боровский и Валериан Чудовский; название возникло по аналогии с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин» во главе с Ап. А. Григорьевым и А. Н. Островским.

** Кузмин М. Стихотворения. Из переписки. С. 194.

*** Письмо Кузмину (12 сентября 1910): Кузмин М. Стихотворения. Из переписки. С. 197.

**** Частично опубликованы: Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве (1910–1911) / Подгот. А. Н. Михайловой // Литературный архив. 5. С. 257–345. Далее письма Брюсова цит. по этой публикации, неопубликованные письма Струве — по предисловию и примечаниям к ней.

Журнал «Русская
мысль» (1913. № 1)
с публикацией
стихотворений
Валерия Брюсова
Обложка

Наши толстые
ежемесячники.
В. Брюсов и
Д. Мережковский
Карикатура Ш.
из журнала «Чурило»
(1912. № 7)

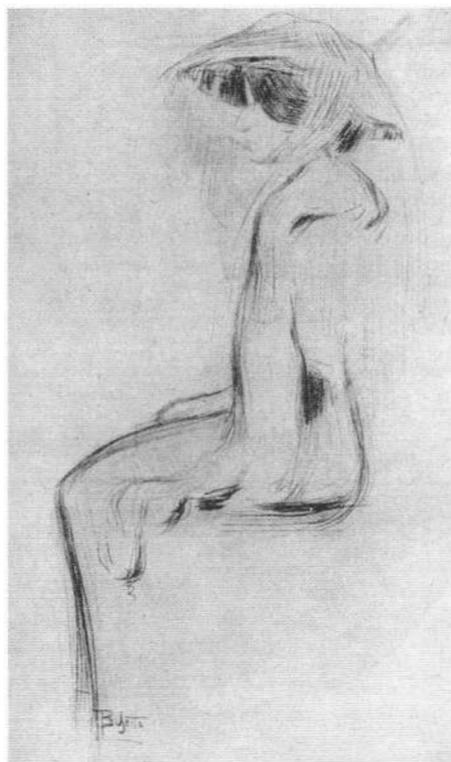

Петр Струве
1905

считаю чрезвычайно важным, — заявил Брюсов. — Это кружок исключительно культурных и весьма даровитых людей, которых в России заменить некем».

Брюсов и Струве сработались, хотя редакция находилась в Москве, а хозяин в Петербурге. Валерий Яковлевич, не пытаясь влиять на «генеральную линию» журнала, демонстрировал властному и честолюбивому Струве необходимое почтение и в то же время нередко отвергал предложенные через него рукописи; Петр Бернгардович не вмешивался в литературную «епархию». «В вас есть, помимо личного таланта и неисчерпаемых знаний, хорошая уравновешенность, которая, как мне кажется, прямо предназначает вас на взятую вами роль», — писала Гиппиус Брюсову 31 августа 1910 года. Не обошлось без проблем: декабрьский номер 1910 года был арестован цензурой за повесть Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», охарактеризованную автором как «верх скромности и целомудренности» в сравнении с сочинениями Михаила Арцыбашева и Анатолия Каменского. Запрет вскоре был снят, журнал почти не потерял убытков, Валерий Яковлевич обещал «быть

Мария Тарновская на скамье подсудимых
во время своего процесса в Венеции

Рисунок Т. Бьетто из журнала «Current literature» (1910. № 6)

еще осторожнее в выборе материала», поскольку ополчившаяся на модернистов пресса «прошлась» и по Струве: «Человек, который стоял в гордой позе Герцена, и вдруг... главный распорядитель на сцене кафе-шантана»*.

Повышенное внимание публики к «Последним страницам» было вызвано не столько несомненными художественными достоинствами повести, но тем, что в ее сюжете видели отражение слушавшегося в 1910 году в Венеции громкого дела красавицы-авантюристки Марии Тарновской и ее поделщиков**, — хотя сам автор отрицал это. Разумеется, его интересовали не

* *Дий Одинокий* <Туркин Н. В.> Литературный календарь // Голос Москвы. 1911. № 35. 13 февр. С. 3–4.

** Влюбленный в Тарновскую граф Павел Комаровский застраховал свою жизнь в ее пользу на полмиллиона франков и был убит ее любовником Николаем Наумовым; вдохновителями убийства были Тарновская и другой ее любовник, адвокат Донат Прилуков. Тарновская, Наумов и Прилуков были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению.

уголовно-сенсационная сторона, а психология современной женщины и «все темное в жизни и в душе», которые здесь причудливо переплелись. Венгеров нашел в «Последних страницах» «реализм в лучшем смысле слова», обратив внимание на «совершенство формы, на ее чрезвычайно отчетливый рисунок, обилие подробностей, строго подобранных для того, чтобы сосредоточить внимание читателя на одном пункте»*. Елена Колтоновская похвалила «благородный, красивый язык» повести: «Наивная простота и ясность лучших из старых стилистов как будто сами собой сочетались у Брюсова с нежной благозвучностью, цветистостью и гибкостью новой речи», — но отказала автору в психологизме: «Многие черты женщины-модернистки, женщины, стоящей на высшей ступени интеллектуального развития и безвозвратно утратившей свою непосредственную, стихийную природу, схвачены автором верно. Но творчески обобщить эти черты, создать живое лицо ему не удалось. Героиня его ходульна и неубедительна, как почти все лица в повести»**.

С этой оценкой перекликаются слова Гиппиус из письма к Брюсову 15 декабря 1910 года: «Ваша женщина чувствует и действует совершенно так, как она в жизни действует и чувствует. Но написать, сказать об этом она бы не могла — и в этом ложь. Она потому только может быть такой, что не может себе этого рассказать. <...> Поэтому — дневник ее *подложный*, это то, что мужчина умеет рассказать о женщине, а не она о себе». Видимо, Зинаида Николаевна имела в виду такие признания героини: «Я хочу свободы в любви, той свободы, о которой вы все говорите и которой не даете никому. Я хочу любить, или не любить, или разлюбить по своей воле или пусть по своей прихоти, а не по вашей. Всем, всем я готова предоставить то же право, какое спрашиваю себе. Мне говорят, что я красива и что красота обязывает. Но я и не таю своей красоты, как скупец, как скряга. Любуйтесь мною, берите мою красоту! Кому я отказывала из тех, кто искренно добивался обладать мною? Но зачем же вы хотите сделать меня своей собственностью и мою красоту присвоить себе? Когда же я вырываюсь из цепей, вы называете меня проституткой и, как последний довод, стреляете себе в сердце!»

Молодому критику Александру Закржевскому повесть — автор которой «проник в то святое святых, о котором знает только женщина» и создал «такой законченный, такой яркий и живой образ женщины» вампирического типа — дала повод для общих

* Венгеров С. Литературные настроения 1910 года // Русские ведомости. 1911. № 14. 19 янв. С. 2-3.

** Колтоновская Е. А. Брюсов о женщине // Колтоновская Е. А. Критические этюды. СПб., 1912. С. 182-188.

оценок: «Брюсов — это музыка бесконечной ночи сладострастия, извращенности и восторгов пола. Это — драгоценный, порфироносный плащ (так! — В. М.), наброшенный на испуганность звериного <...> Его творчество, его музу, его вдохновение дерзко и жадно ужалила женщина, — и вот вспыхнуло, загорелось, разнеслось какое-то необычайное пламя, какой-то дикий экстаз, какая-то зловещая и садическая молитва, повергнутая у той завесы, за которой таинственно и тихо мерцает непознанное и чудесное, первопричина всего, основа вселенной, корень земного — пол. В муках вдохновения, когда возникают провалы, граничащие с безумием, поэт интуицией своей проникает за эту завесу, и сладостно сливается сознание с миром запредельной тайны, и мысль, ослепленная новыми искрами, — брызжет светом прозрения во тьме»*. И еще много страниц в том же духе. Годом позже, откликаясь на выход первого тома ПССП, Виктор Чернов резко отозвался о том, что восхищало Закржевского: «Любить в любви яростную вспышку первобытной страсти — это значит не идти вперед, к любви будущего, истинно человеческой, *очеловеченной*, — нет, это значит возвращаться к атавистическим пережиткам в натуре человека-полузверя, удовлетворявшего властную стихию своего полового инстинкта в атмосфере борьбы и насилия, это значит будить роковые ассоциации любви и ненависти, наслаждения и мук — те роковые ассоциации, из которых вытекает столько отвратительных явлений половой патологии. <...> Страшно за человека, когда видишь его возвратившимся к первобытному полузверю»**.

Пристальный интерес к психологии женщины, особенно в экстремальных ситуациях, и стремление проникнуть в нее, вплоть до самых интимных деталей, отличали Брюсова с юности: с одной стороны, можно вспомнить рассказ «С Божьей помощью» (1899), натуралистически описывающий муки роженицы***, с другой — баллады из «Urbi et orbi», в которых любовная страсть неразрывна с физической мукой. Критики сравнивали его с Сологубом, но у Федора Кузьмича интерес к этой теме был не только литературным. Брюсов-прозаик обычно описывал экстремальные ситуации со стороны: «рассказов врача» у него больше, чем «рассказов психопата», — за что Абрамович назвал его «почти фотографом души в моменты плотского экстаза, широко и рельефно снимаемого»****. Около 1910 года Брюсов

* Закржевский А. Карамазовщина: Психологические параллели. Киев, 1912. С. 18–41.

** Чернов В. Эрос и мечта в поэзии Валерия Брюсова. С. 58–59, 66–67.

*** Простор. 1993. № 12. С. 209–212 / Публ. В. Э. Молодякова.

**** Абрамович Н. Я. Литературно-критические очерки. Творчество и жизнь. Кн. 1. СПб., 1909. С. 103.

задумал сборник рассказов «Дыба», о характере которого говорят заглавия намеченных для него произведений: «Рассказ акушера», «Добрый Альд» и «Дворец крови»*. Судя по сохранившемуся проекту титульного листа** с выходными данными: «Женева. 1910. Hors commerce***» — автор предполагал выпустить книгу за границей, поскольку в России это привело бы к запрету и конфискации тиража, а затем к судебному процессу с осуждением автора и издателя. Впоследствии он отказался и от такого варианта.

Тематику второго сборника рассказов Брюсова «Ночи и дни» определило, как сказано в предисловии, желание «всмотреться в особенности психологии женской души». Книга прошла не то чтобы незамеченной, но непонятой. Рецензент «Нового времени» Николай Вентцель утверждал: «Жизненной правды в изображении выведенных в “Ночах и днях” отечественных Мессалин и доморощенных нищееанок было бы напрасно исать. Но если смотреть на них как на поэтический вымысел, то и тогда радости от них мало: несмотря на попытки автора сделать их интересными, все его яростные и исступленные героини попросту скучны»****. Союзником консервативного критика оказался марксист Лев Войтоловский: «Брюсов не загрязняет воображения, а холодно копается в им же придуманных уродствах. Его опьяненные вакхическим сладострастием женщины имеют слишком трезвый и скучный вид. В душе их гораздо больше дурной логики, чем пороков и страсти»*****. С ними солидаризовался Бальмонт: «Имея лишь внешнюю способность повествования, Брюсов бессилён изобразить в своих рассказах какое-либо живое лицо. <...> Женщина — обманщица. Эта столь глубокая и оригинальная мысль, известная всему человечеству с тех самых пор, как оно существует, в особенности обурекает художественный ум Брюсова, и он в каждом из своих рассказов дает иллюстрацию этой безнадежно-банальной и неверной мысли»*****. Интересное наблюдение сделал Ходасевич, уклонившись от

* «Добрый Альд»: *НЛО*. 1994. № 5. С. 5–20 / Публ. и послесл. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова; *НН*. С. 118–137. «Рассказ акушера» об извращенцах, наслаждающихся муками рожениц, закончен, но не перебелен, и к середине рукопись становится нечитаемой (*РГБ*. Ф. 386. Карг. 35. Ед. хр. 19). О замысле «Дворца крови» ничего не известно.

** *РГБ*. Ф. 386. Карг. 34. Ед. хр. 19. Л. 1. Подзаголовок: «Рассказы 1906–1909».

*** Не для продажи (*фр.*).

**** Новое время. 1913. № 13341. 4 мая. С. 7 (подпись: Ю-нъ).

***** *Войтоловский Л.* Летучие наброски // *Киевская мысль*. 1913. № 97. 7 апр. С. 3.

***** *Бальмонт К.* Восковые фигурки // *Утро России*. 1913. № 149. 29 июля. С. 5; перепеч.: *Бальмонт К.* О русской литературе. С. 116–117.

разбора самой книги: «Лаконизм Брюсовской прозы заимствован у стихов, как и лаконизм прозы пушкинской».

Вернемся к «Русской мысли». «Вы сделали чудеса: весь номер можно читать», — писал Брюсову 17 февраля 1911 года Блок, печатавшийся здесь редко, но значимо: достаточно назвать «Шаги командора». «Сознаюсь, что „мотор“ Дон-Жуана меня несколько смущает, и я не вполне уверен, хорошо ли это», — делился Брюсов 29 сентября 1912 года сомнениями по поводу стихотворения. «Относително „мотора“ Вы, кажется, правы, — ответил Блок, — но строфе этой уже около двух лет, а я все не сумел исправить, ничего лучшего пока не нашел»*. Так «мотор» остался в стихотворении — и в истории. «Добрые литературные обычаи» не позволяли без разрешения автора править художественные тексты, хотя порой такая необходимость возникала. 7 августа 1912 года в Петербурге Брюсов встретился с Кузминым, который читал ему свои новые стихи и стихи Всеволода Князева, а через неделю послал и те и другие в «Русскую мысль». Брюсов ответил только 7 сентября, когда корреспондент уже начал волноваться, но зато ответил четко и обстоятельно:

«Вы, вероятно, стали делать выбор со слишком большой осторожностью, и в результате прислали мне далеко не лучшие стихи. Само собою разумеется (как это я Вам говорил), плохих стихов Вы написать просто не можете: это, вероятно, выше Ваших сил. Но то, что Вы мне читали в Петербурге, право, острее и тоньше, чем то, что Вы прислали, — Вы это сами знаете. Было бы мне несколько грустно печатать эти Ваши стихи, зная, что у Вас есть другие, лучшие. Но если бы Вы остались скупы, и другого „Русской мысли“ дать не захотели, я из присланного прежде всего остановился бы на стихотворении „Пуститься бы по белу свету“. В этом стихотворении (которое очаровательно по началу и по концу и по отдельным стихам) меня все же останавливают следующие частности: Хорошо ли „стеснение мер“? не слишком ли это отвлеченно? Уместна ли в совершенно современном стихотворении „трирэма“? Не лучше ли всю строфу, где встречается это слово, выпустить? (Ее два первых стиха очень хороши, два последних, простите мне мою смелость, — условность). Наконец, стих 3-ий с конца в „Русской мысли“ (подчеркиваю) лучше бы заменить как-нибудь, например:

На океанском пароходе,
Все тот же я, все так же твой...

Наконец, в пятой строфе один стих у Вас не дописан:

* ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 514–517. Слово «мóтор» (с ударением на первом слоге) в значении «автомобиль» встречается в стихотворениях Брюсова «На память об одном закате» (13 декабря 1914) и «Казачье становье» (9 июля 1915).

И будет ясно...

Не так ли:

И ни на миг мы не забудем...

Все мое оправдание, когда я позволяю себе делать эти замечания, только в том, что я рассчитываю на Ваше дружеское ко мне расположение, потому что лично я, хотя мы и встречаемся редко, никогда не переставал относиться к Вам, восхищаясь как читатель Вашими страницами, именно дружески. Это дает мне надежду, что Вы поймете чувство, продиктовавшее эти строки: желание, чтобы в Ваших стихах не оставалось ничего „менее совершенного“. <...> Стихи Вс. Князева, как и те, что Вы мне читали, очень милы. Бесспорно, он станет значительным поэтом, и я этому весьма радуюсь. Из присланных стихотворений наиболее подошли бы для журнала „Всегда вас видеть“ и „Сколько раз проходил“... Окончательно о том, удастся ли мне в близком будущем воспользоваться этими стихотворениями, я сообщу Вам в ближайшие дни. Еще раз прошу извинить мне смелость моей критики некоторых Ваших стихов»*.

11 сентября Кузмин благодарил Брюсова за «обстоятельное и дружеское письмо» и принял все предложенные исправления, кроме «стеснения мер».

«Если позволите, я воспользуюсь Вашим стихом

И ни на миг не позабудем.

<...> Последний фиговый листок, если он необходим, конечно, возможен, и я благодарен Вам за подсказанный так удачно временный стих:

Все тот же я, все так же твой»**.

В сборник «Глиняные голубки» стихотворение вошло с посвящением «В.» (В. Г. Князеву) и с восстановлением первоначального варианта. Однако стихи самого Князева, несмотря на напоминания, в журнале так и не появились.

«Русская мысль» сталкивала Брюсова с необычными людьми, вроде отсидевшего четверть века в Шлиссельбурге народолюбца Николая Морозова, который упоминался в первой главе как знакомый родителей Валерия Яковлевича. Симпатия была обоюдной и мотивировалась не только тем, что Николай Александрович некогда качал маленького Валерия на

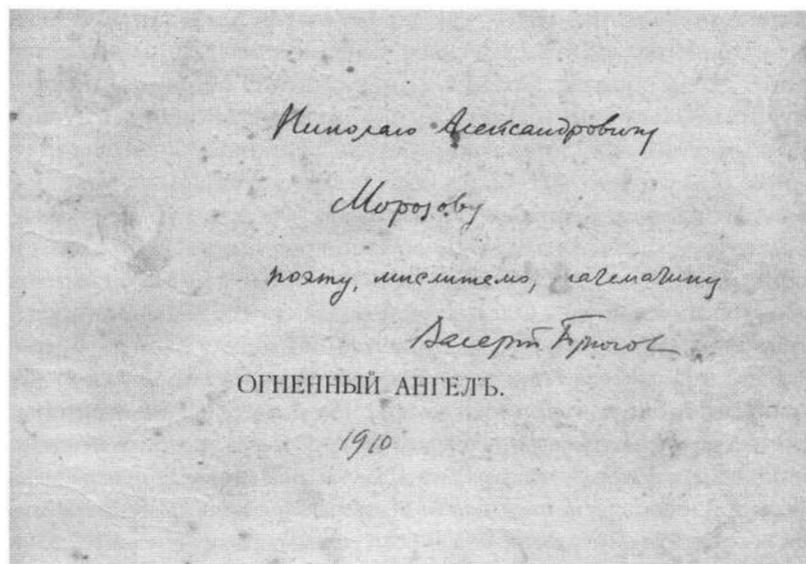
* Брюсов и Кузмин: неизвестный эпизод // НЖ. Кн. 238. Март 2005. С. 145-148; собрание В. Э. Молодякова.

** Письма Кузмина (14 и 20 августа, 6, 11 и 14 сентября 1912): Кузмин М. А. Стихотворения. Из переписки. С. 203-208.

Николай Морозов
 Фотография А. Скасси. Харьков. 1909. ИРЛИ

коленях. «Взрослое» знакомство состоялось в марте 1910 года в издательстве «Скорпион», выпускавшем собрание стихов Морозова «Звездные песни». Они обменялись книгами: Морозов получил второе издание «Огненного ангела» с надписью «поэту, мыслителю, математику», Брюсов — «Письма из Шлиссельбургской крепости», о которых высоко отозвался — сначала в письме к автору, затем в «Русской мысли», охотно печатавшей недавнего узника. Им было о чем поговорить: Валерий Яковлевич подарил оттиск своей статьи «Научная поэзия» «одному из истинных пионеров „научной поэзии“ Николаю Александровичу Морозову на память о беседах», а в одном из писем обещал при встрече поспорить с ним о «четвертом измерении».

Дарственная надпись Валерия Брюсова Николаю Морозову на авантитуле второго издания романа «Огненный ангел» (М., 1909): «Николаю Александровичу Морозову поэту, мыслителю, математику Валерий Брюсов 1910»
ВЭМ. Публикуется впервые

Новый импульс их отношениям придало судебное преследование «Звездных песен». 18 июня 1910 года Комитет по делам печати наложил арест на книгу, в которой содержалось несколько революционных стихотворений более чем тридцатилетней давности, и привлек ее издателя Полякова к ответственности. Морозов официально попросил перевести обвинение на него. Надуманный характер дела был очевиден для всех, но Брюсов оказался среди немногих, кто практически помог автору в организации публикаций и лекций, в контактах с издателями и в попытках освободить напечатанную книгу от ареста путем замены запрещенных стихотворений на приемлемые для цензуры*. Юридическая баталия длилась около двух лет. 24 ноября 1911 года Московская судебная па-

* В 1914 году из-за рассказа Брюсова «После детского бала» аресту подвергся альманах «Альциона»; открывавший книгу рассказ был вырезан вместе с титульным листом и заменен циклом стихотворений Брюсова, а на новом титульном листе было указано: «издание второе». В 1916 году цензура задержала сборник Брюсова «Семь цветов радуги» за стихотворение «Запах любимого тела...» (впервые: *НН*. С. 33), лист с которым был заменен во всем тираже. После этого в обоих случаях арест был снят. Политической подоплеки эти акции не имели.

лата приговорила Морозова к году тюремного заключения, а в начале марта 1912 года Сенат отверг его кассационную жалобу. Узнав об этом, Брюсов не ограничился выражением сочувствия («вся Россия — скажу с уверенностью — будет душой с Вами»), но предложил конкретную помощь: «Располагайте мною, как хотите. Все Ваши поручения, касающиеся Москвы, давайте самым широким образом мне. Посылайте меня к каким угодно издателям, в любые типографии, а если надо, и в официальные места: я буду рад для Вас принять на себя все эти маленькие хлопоты. Одним словом, считайте меня, на время своего заключения, Вашим поверенным в Москве, которому можно поручить *всё* и который, — обещаю Вам это, — всё будет исполнять аккуратно и скоро, как только может. И очень Вас прошу принять это мое предложение *прямо*, не смотреть на него как на простую вежливость, а действительно им воспользоваться». В начале июля Морозов был заключен в Двинскую крепость и уже через несколько дней просил Брюсова побудить Полякова к более решительным действиям для вызволения книги или ее переиздания в исправленном виде. Ответ Брюсова неизвестен, но первое издание «Звездных песен» осталось «под спудом», хотя и продавалось из-под полы, а второе появилось только в 1920 году. После освобождения Николая Александровича 21 февраля 1913 года, по амнистии к 300-летию дома Романовых, они виделись еще не раз, но подробностей этих встреч мы не знаем*.

Несмотря на отдельные разногласия, сотрудничество Брюсова со Струве шло гладко, пока не случился инцидент с Андреем Белым**. Весной 1911 года Струве предложил тому написать роман для «Русской мысли», выставив жесткие условия: 15 авторских листов к 15 декабря (позднее срок был продлен на месяц), без аванса, с получением гонорара по одобрении рукописи. Брюсов счел вопрос решенным, но редактор обозначил роман в объявлениях о подписке на 1912 год лишь как «обещанный». Нуждаясь в деньгах, Белый согласился, хотя не стеснялся заявлять, что Брюсов его «обмерил и обвесил»***, — как будто

* В. Я. Брюсов и Н. А. Морозов: (Неопубликованные письма В. Я. Брюсова) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 4. С. 331–339 / Предисл. и публ. С. В. Белова; Внучков Б. Два письма В. Я. Брюсова // Москва. 1969. № 11. С. 193–195; Судебное преследование «Звездных песен»: Из переписки Н. Морозова и В. Брюсова / Публ. и примеч. Б. Внучкова // Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 182–206.

** Долгополов Л. К. Андрей Белый в работе над «Петербургом»: (Эпизод из истории создания романа) // РЛ. 1972. № 1. С. 157–167; Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики. С. 345–349.

*** Письма Блоку (15–16 и 19 ноября 1911): *Блок-Белый*. С. 426–427, 429.

не знал, кто определяет размер гонорара*, — и быстро написал большую часть романа «Злые тени» (первый вариант «Петербург»). 10 января 1912 года он известил Брюсова, что готов передать 12,5 листа через несколько дней, а остальное напишет к апрелю-маю, и попросил выплатить ему хотя бы треть от обещанного гонорара**.

Брюсов, безотлагательно прочитав рукопись, одобрил ее и переслал Струве, который — к изумлению Валерия Яковлевича — категорически отверг роман: «Вещь эта абсолютно неприемлема, написана претенциозно и небрежно до последней степени. <...> Мне лично жаль огорчать Белого, но я считаю, что из расположения к нему следует отговорить его от напечатания подобной вещи, в которой проблески крупного таланта утоплены в море настоящей белиберды, невообразимо плохо написанной». Петр Бернгардович разозлился всерьез, ибо раньше не позволял себе вмешиваться в дела литературного отдела и ни об одном произведении, тем более крупного писателя (в таланте Белого он не сомневался, даже прочитав «Злые тени»), в таком тоне не высказывался. Брюсов, чувствуя ответственность перед Белым, пытался убедить хозяина сменить гнев на милость: «Достоинства у романа есть бесспорные. Все же *новый роман Белого* есть некоторое событие в литературе, даже независимо от его абсолютных достоинств. Отдельные сцены нарисованы очень хорошо, и некоторые выведенные типы очень интересны. Наконец, самая оригинальная манера письма, конечно, возбудит любопытство, наряду с хулителями найдет и страстных защитников и вызовет подражания». Струве остался непреклонен. Отказ привел Белого в отчаяние, однако вину он свалил на... Брюсова, заявив что тот «очень уж мне перегрыз горло***», и прекратил с ним общаться.

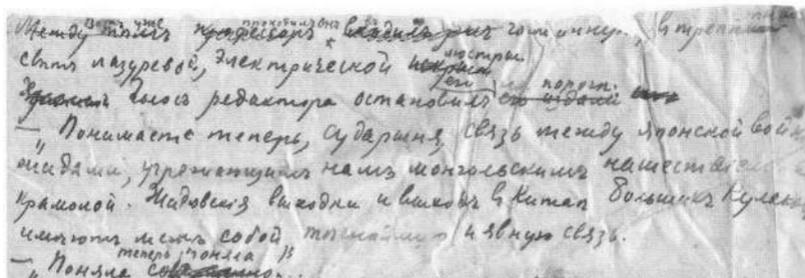
Почему терпимый к модернизму Струве был столь резок? Вспоминая эти события в конце жизни, Белый не отказался от обвинений в адрес Брюсова, но увидел в реакции Петра Бернгардовича личный мотив: болезненно воспринимавший любые намеки на свое «рenegатство», он посчитал фигуру либерального «профессора статистики» (главка «Бал») карикатурой на себя****. Слова о том, что «некоторые выведенные типы очень

* Белому был назначен гонорар в 100 руб. за авторский лист, хотя известные писатели получали в *РМ* от 150 до 250 руб. за лист. Для сравнения: Бунин в эти годы требовал — и во многих изданиях получал — 500 руб. за авторский лист: Бунин *И. А.* Письма 1905–1919 годов. С. 193–199.

** *ЛН*. Т. 85. С. 425–426.

*** Письмо Э. К. Метнеру (30 января 1912) цит. по: *ЛН*. Т. 85. С. 344.

**** *Белый А.* Между двух революций. С. 433–439.

Фрагмент рукописи романа Андрея Белого «Петербург»
(«сиринская» редакция)
1911–1912. ВЭМ

интересны», могли только разозлить его. Так что грех «обмера и обвеса» с души Брюсова можно снять.

В апреле 1912 года Струве решил с осени перевести редакцию «Русской мысли» в Петербург и предложил Брюсову пост ее московского представителя с сохранением за ним беллетристического отдела. Тот согласился, хотя понимал — по опыту «заочного» секретарства в «Новом пути»: это ненадолго; тем более, что хозяин по разным поводам и даже без повода стал демонстрировать ему свое недовольство. Наметив в приемники более покладистую Любовь Гуревич, Струве не хотел терять Валерия Яковлевича как автора, а потому 22 ноября предложил ему на выбор «две комбинации» за право преимущественного приобретения новых произведений: 100 рублей в месяц при прежних гонорарах или повышенный гонорар. Брюсов выбрал первое, но резонно предпочел другие издания, когда с началом войны Струве отказал ему в ежемесячном «фиксе».

Всеобщее признание Брюсова-поэта закрепило «Зеркало теней», вышедшее в первой декаде марта 1912 года*. Обругал книгу только Буренин**. Впервые новый сборник Валерия Яковлевича не рецензировали символисты, хотя Иванов тепло отозвался о нем в письме***, а Блок ответил на его получение стихами:

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой

* Прижизненные издания (С. 55) указывают 20–27 марта, но 9 марта, в день своих именин, Брюсов подарил эту книгу Волошину: Радянське літературознавство. 1974. № 2. С. 83.

** Буренин В. Литературные заметки // Новое время. 1912. № 12954. 6 апр. С. 5.

*** Письмо Брюсову (9 (22) января 1913): ЛН. Т. 85. С. 536.

Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.
Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Теперь Валерия Яковлевича венчало лаврами следующее поколение. Гумилев посвятил книге две рецензии. В «Аполлоне» он дал обобщающую оценку: «Слова „брюсовская школа“ звучат так же естественно и понятно, как школа парнасская или романтическая. <...> Может быть, это нечто есть основание новой, идущей на смену символизму, школы. <...> „Зеркало теней“ ярче, чем другие книги, отражает это новое и, следовательно, принадлежащее завтрашнему дню слово»*. В журнале Цеха поэтов «Гиперборей» внимание было сосредоточено на мастерстве: «Его можно не любить, но читать и даже изучать его должно. <...> Его прелесть в зрелости мысли, точности выражений и уверенности, с какой поэт подходит к своим образам»**. Особого внимания заслуживают слова о «новой, идущей на смену символизму, школе»: через полгода в «Аполлоне» появились манифесты акмеизма — «Наследие символизма и акмеизм» Гумилева и «Некоторые течения современной русской поэзии» Городецкого. Отметив, что «Зеркало теней» «волнует, увлекает, очаровывает», Городецкий заявил: «В простоте, в художественной решительности, в прямоте подхода к миру вещей и миру чувств Валерий Брюсов достигает небывалой высоты»***. Можно поспорить о применимости этих оценок к «Зеркалу теней» — самой «декадентской» по тематике (эротика, самоубийства, садомазохизм, наркотики) книге Брюсова после «Шедевров», — но «ключевые слова» акмеизма здесь налицо.

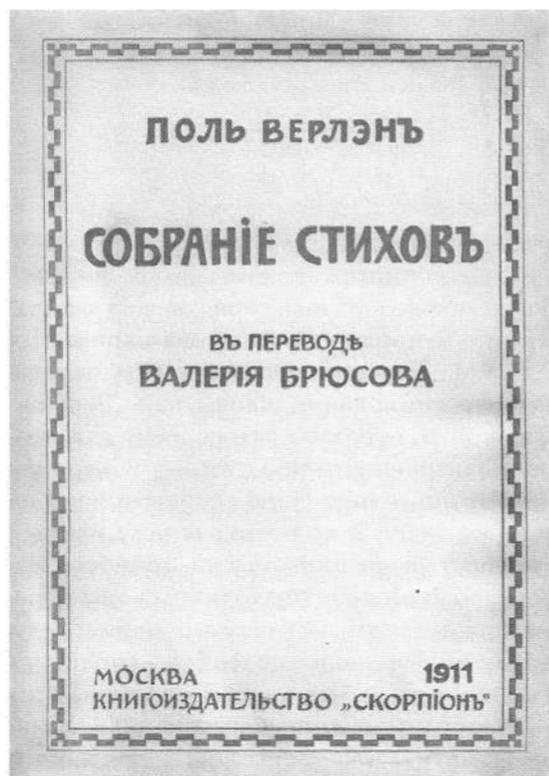
Александр Булдеев отметил «неожиданный поворот Брюсова в сторону жизни, и если точнее выразиться, то даже не поворот, а стремительное метание к жизни»****. «Из признанных поэтов — первенство Брюсову, — констатировал Измайлов. — <...> Его спокойный, мудрый и трезвый полдень перевалил на вторую половину. Еще нет бледных и мертвенных сумеречных теней, но минули радостные и буйные вспышки

* Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 3/4. С. 99–100; перепеч.: Гумилев. С. 141–142.

** Гиперборей. 1912. № 1. С. 27; перепеч.: Гумилев. С. 155.

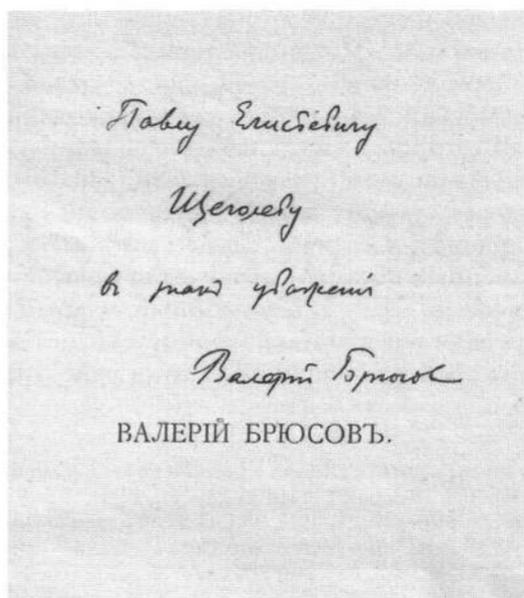
*** Речь. 1912. № 89. 2 апр. С. 3.

**** Булдеев А. Валерий Брюсов в «Зеркале теней» // Жатва. Лето 1912. <Кн. 3> М., 1912. С. 220–230.

Книга Поля Верлена
«Собрание стихов»
в переводе Валерия
Брюсова (М., 1911)
Обложка

Дарственная надпись
Валерия Брюсова
Павлу Щеголеву
на авантитуле
второго издания
книги «Земная ось»
(М., 1910):
«Павлу Елисеевичу
Щеголеву в знак
уважения
Валерий Брюсов»
ВЭМ. Публикуется
впервые

утра»*. Отдали должное книге стоявшие в стороне от «нового искусства» историк Александр Малеин и старый приятель Владимир Каллаш**. Особенно красноречив был Ходасевич: «Враждебная критика любит упрекать Брюсова в том, что он всегда и везде остается литератором. Какой вздор! Почему поэту разрешается писать стихи, работать над ними всю жизнь, но воспрещается любить их? Точнее: почему эта любовь не может служить такою же темой стихов, как любовь к женщине или к природе? Поэзия сама по себе есть источник глубочайших и чистейших переживаний». Не знаю, есть ли в этих словах скрытая ирония, но позднейшие писания Ходасевича о Брюсове во многом соответствуют той «враждебной критике», которую он сам назвал «вздором».

Аналогичный прием был оказан и другим книгам Валерия Яковлевича. В начале октября 1910 года вышло второе издание «Земной оси», обложку и семь рисунков к которому выполнил итальянский график Альберто Мартини, прославившийся как иллюстратор Эдгара По. «Хорошо издаете вы свои книги, — писал Брюсову 1 ноября Павел Щеголев, — завидно смотреть. Рисунки интересные и страшные»***. На сей раз споров книга не вызвала. Ауслендер отметил, что автор «возрождает несколько забытое благородное мастерство рассказчика, взвешивающего каждое слово, искусно строящего свое повествование»****. Рецензент «Голоса Москвы» подчеркнул, что «не в пример другим писателям русской модернистской школы, Брюсов сумел выработать свой собственный прозаический язык, точный и изящный. Этот язык достаточно гибок, чтобы передать иногда запутанную психологию брюсовских героев, и достаточно прост, чтобы быть понятным для читателя», хотя отметил, что «темы рассказов <...> и трактовка их — мало дают и сердцу и уму»*****.

Бранные отзывы стали редкостью и диктовались, как правило, личными мотивами. Чулков обрушился на брюсовские переводы из Верлена, увидевшие свет в начале апреля 1911 года: отказался признать за ними какое бы то ни было значение, кроме... педагогического, и издевательски заметил, что они могут быть

* *Измайлов А.* По садам российской поэзии // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. № 13101. 21 авг. С. 3.

** *Гермес.* 1912. № 7. С. 199; *Россия.* 1912. № 1962. 7 апр. С. 3 (подпись: В. К.).

*** *Переписка с П. Е. Щеголевым (1903–1917) / Вступ. ст. Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева. Публ. и коммент. Л. К. Кувановой и Е. Ю. Литвин // ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 235.*

**** *Ауслендер С.* Проза поэта // *Речь.* 1910. № 300. 1 нояб. С. 4.

***** *Голос Москвы.* 1910. № 238. 16 окт. С. 2 (подпись: -чь).

рекомендованы для библиотек казенных учебных заведений*. С другой стороны, по мнению Петровской, «в этой книге Брюсов, насколько было возможно, приблизился к тому совершенству работы, которое доступно поэту-переводчику вообще». Гумилев отметил точность переводов, а Чуковский назвал их «великим литературным подвигом»**. Александр Тиняков, некогда поддержанный Брюсовым и подражавший ему***, теперь пренебрежительно отозвался о книге его очерков и воспоминаний «За моим окном», которая увидела свет в начале июня 1913 года. Рецензент заявил, что эти «фельетоны» хуже Боборыкина и вровень с Измайловым: «Чувствуется, что будничную жизнь Брюсов изображать не умеет. Это, по нашему мнению, указывает на ограниченность таланта Брюсова вообще»****. Даже Лернер, находившийся в споре с Валерием Яковлевичем, признал, что его «суховатая, сжатая, деловая, но не лишенная изящества проза <...> читается легко и с интересом»*****. Сборник «Далекое и близкое. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней», изданный в конце октября 1911 года, был воспринят критиками — будь то народник Горнфельд, марксист Войтоловский или либерал Чехихин-Ветринский — так сказать, исторически, без былой полемики*****. Время «бури и натиска» прошло.

Для завершения картины «торжества победителей» следует сказать о признании Брюсова как историка литературы. Достижениями и репутацией в этой сфере он дорожил и подавал пример в филологических студиях Блоку, Чулкову, Садовскому, Александру Кондратьеву, чьи работы сохраняют научную ценность. Публикации в «Русском архиве» способствовали «реабилитации» Брюсова в глазах публики: оказывается, певец «бледных ног» знает и любит «наше всё». Утверждения о принадлежности Пушкину кощунственной «Гавриилиады»*****, от которой тот отрекся перед императором, были восприняты как выходка «декадента», «избравшего себе специальность —

* Чулков Г. Верлен // Речь. 1911. № 147. 1 июня. С. 2.

** Петровская Н. Между музыкой и поэзией // Утро России. 1911. № 75. 2 апр. С. 7; Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 1. С. 72 (перепеч.: Гумилев. С. 139); Чуковский К. Русская литература в 1911 году // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1912. С. 439–440 (перепеч.: Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 7. С. 552).

*** Письма к Тинякову: НЖ. Кн. 220. С. 188–191 / Публ. В. Э. Молодякова.

**** Новый журнал для всех. 1913. № 10. С. 123.

***** Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1913. № 8. С. 619 (подпись: Л.).

***** Русское богатство. 1912. № 2. С. 165–167 (6. п.); Киевская мысль. 1911. № 301. 31 окт. С. 3; Вестник Европы. 1912. № 2. С. 368–370 (подпись: Ч. В-ий).

***** В начале XX века это название писалось с одним «и».

грязнить память»* «солнца русской поэзии». Исследование «Лицейские стихи Пушкина» (1907), подвергнувшее аргументированной критике первый том академического издания, встретили с некоторым недоумением: оно казалось слишком неожиданным для автора, не имевшего филологического «мандата», и оказалось слишком «ученым» для присяжных критиков. Неумолимый Лернер, получив от Брюсова книгу с инскриптом «другу Пушкина и моему другу»**, написал как минимум шесть отзывов на нее: хвалебные общего характера для литературных изданий и критические, с подробным разбором и указанием на недостатки, для специальных***. Венгеров поспешил привлечь Валерия Яковлевича к работе над новым полным собранием сочинений Пушкина — не только для написания статей по конкретным проблемам («Пушкин в Крыму») или об отдельных произведениях («Гавриилиада», «Медный всадник»), но как текстолога и комментатора. Высоко ценил его работы Щеголев. В 1910 году Брюсову предложили редактировать сразу два собрания сочинений Пушкина: сначала малое академическое (совместно с Лернером), затем для «Библиотеки русских писателей» издательства «Деятель», — но оба не состоялись по не зависящим от него причинам****. Не увидела свет и подготовленная им для издательства «Альциона» книга «А. С. Пушкин. Суждения о всемирной литературе, собранные систематически под редакцией и с предисловием Валерия Брюсова». Удивительно, что никто не заинтересовался этой рукописью даже в эпоху поголовного официального «пушкиньянства».

История жизни Брюсова становится похожей на «записку об ученых трудах», что признавал он сам: «Моя биография сливается с библиографией моих книг». Рассказать обо всем невозможно, но нельзя пройти мимо работ о его любимых поэтах — Тютчеве и Каролине Павловой. В 1910 году он начал работать над

* *Стародум <Стецкий Н. Я.>* Журнальное обозрение // *Русский вестник*. 1903. № 8. С. 707. Отрицательным, но корректным по форме был отзыв: *Барсуков Н.* По поводу заметки В. Я. Брюсова «О ране совести Пушкина» // Там же. № 7. С. 268–270. Полемику вызвали статьи Брюсова: 1. Из жизни Пушкина // *Новый путь*. 1903. № 6. С. 84–102; 2. Пушкин. Рана его совести // *Русский архив*. 1903. № 7. С. 473–478.

** *Голубева О. Д.* Автографы заговорили. С. 168.

*** *В.* 1907. № 6. С. 68–70; *Товарищ*. 1907. № 443. 7 дек. С. 5–6 (подпись: Н. Л.); *Былое*. 1907. № 8. С. 308–310 (подпись: Н. Л.); *Исторический вестник*. 1907. № 9. С. 999–1002; *Русская старина*. 1908. № 6. С. 3 обл. (подпись: Н. Л.); *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. 1908. Т. XVIII. № 1. С. 428–436.

**** <Письма> Е. В. Аничкову / Публ. Э. С. Литвин // *ЛН*. Т. 85. С. 672–675; *Литвин Э. С.* Письмо В. Я. Брюсова Е. В. Аничкову (3 декабря 1910) // *Чтения*. 1980. С. 350–354.

книгой «Околдованный поэт», задуманной как максимально полный свод проверенных фактических данных о Тютчеве. «Довольствуясь скромной ролью летописца, я не принимаю на себя притязательных и ответственных обязанностей биографа»*, — заявил он в предисловии. Федор Иванович рано или поздно был бы признан великим национальным поэтом, но без усилий Брюсова это, вероятно, случилось бы позже и по-иному.

В юности он открыл для себя и Каролину Павлову, автора крылатых слов о «святом ремесле» поэта. Она умерла в полном забвении, немного не дожив до первого выпуска «Русских символистов». Первую работу о ней Брюсов напечатал в 1903 году, а через десять лет подготовил двухтомное собрание ее сочинений, с обстоятельной вступительной статьей и комментариями. Заметили издание в основном специалисты, высказавшие немало замечаний о качестве его подготовки**. Исключение составил двусмысленный отзыв Ходасевича, развенчавшего саму поэтессу: «Муза Павловой умна — и необаятельна. К тому же бывает она скучновата. Холодная и рассудочная, она не из тех, с кем хочется побыть с глазу на глаз, чтобы „отвести душу“. <...> Не от сердца, но от сухого разума эти стихи». В кого метил рецензент, догадаться нетрудно.

* Цит. по: *Коншина Е. Н.* Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 128.

** Речь. 1915. № 281. 12 окт. С. 3 (Н. Лернер); Северные записки. 1916. № 1. С. 279–280 (В. Жирмунский); Исторический вестник. 1916. № 6. С. 784–785 (Вл. Княжнин).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«ЛЮБУЮСЬ ВАМИ, ВАШ ОГОНЬ ДЕЛЯ...»

23 января 1914 года, оправляясь после тяжелой душевной травмы, речь о которой впереди, Брюсов писал в стихотворении «Юношам»:

Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю, — вы томилась и любили,
Вы душу предавали тайным снам...
И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуюсь вами, ваш огонь деля...
Таким живу, таким пребуду вечно, —
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любясь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

Валерия Яковлевича всегда окружали молодые — в двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят лет. Они шли к ровеснику, старшему товарищу, мэтру, учителю, поэтому воспоминаний о разговорах с ним «про стихи» так много и они похожи друг на друга: Брюсов вежлив, внимателен и деловит, просит читать стихи вслух, оставляет рукопись у себя и назначает новую встречу, во время которой разбирает стихотворение за стихотворением, указывает на формальные недостатки и дает советы. Он не отвечал на вопрос «Стоит ли мне писать стихи?», но давал «путевку в жизнь» тем, кого считал достойными, даже если они не могли прийти в себя после, казалось бы, разгромного разбора их творений. Или, напротив, осторожно советовал

заняться чем-либо другим — переводами, критикой, философией. Из множества свидетельств я выбрал одно, хотя оно может показаться наиболее уязвимым с исторической точки зрения, поскольку взято не из дневника или мемуаров, а из художественного произведения. Сделаем исключение для романа Константина Большакова «Маршал сто пятого дня», первая книга которого «Построение фаланги» вышла в 1936 году, а вторая пропала на Лубянке после ареста автора годом позже. Итак, начинающий поэт Глеб Елистов в 1912 году принес стихи в редакцию «Русской мысли», помещавшуюся в Ваганьковском переулке (ныне Староваганьковский; дом не сохранился, а на его месте книгохранилище РГБ):

«Брюсов заглянул сюда, словно он пробежал мимо, хотя передняя была тут же за дверью, и было слышно, как он раздевался. Вытирая платком усы и бороду, он неуверенно поклонился с порога.

— Кто, господа, первый?

Поднялась худая, в тени сидевшая дама. Лицо у нее было скрыто густой вуалеткой. Брюсов шире приоткрыл дверь, пропуская ее вперед, и опять с тем же неуверенным поклоном оставил переднюю.

Очередь Глеба была последней.

Ну да, конечно, это был педагог, — его не обмануло первое впечатление, — сухой, не любимый классом и очень строгий преподаватель латинского или греческого. Он без улыбки, не перебивая, учтиво выслушал довольно несвязное бормотание, почему и зачем попал в его кабинет этот посетитель.

— Вы принесли мне что-нибудь? — спросил он, когда Глеб замолк.

— Да... Собственно, я хотел бы... У меня есть с собой несколько стихотворений. Если позволите... — растерянно, не находя нужных слов, бормотал Глеб.

— Очень хорошо, — гортанно и отрывисто, как будто пролаял, а не проговорил мэтр. — Вы мне их оставите? Благодарю вас. В следующий вторник, если вы только пожелаете, я смогу побеседовать с вами о них.

Он задал еще несколько вопросов, но каких-то неживых, словно расспрашивал иностранец, совершенно не представляющий, как живут люди в этой стране. Ответы не могли завязать беседу. Потом с поклоном пожал руку и учтиво проводил до самой передней.

Второй визит был значительно продолжительней. Мэтр предложил Глебу вслух прочесть все его вещи, которые он оставил у него в первый раз. После каждого прочитанного стихотворения отрывистыми, быстрыми фразами делал он свои

замечания. Он совершенно не касался содержания, он ничего не говорил о том, удалось ли или не удалось молодому поэту выразить, что его занимало или привлекало, и когда Глеб сам решился спросить об этом, улыбнулся. Улыбка была сухой и какой-то неживой. Еще не согнав ее с лица, Брюсов сказал:

— Ну что ж! Очевидно, вы то и выразили, что вам хотелось.

Замечания его относились почти исключительно к строфике, он много говорил о метрике, отметил какафоничность некоторых столкнувшихся в строчке слов. Больше всего все-таки он распространялся по поводу рифмы, и у Глеба осталось впечатление, что мэтр больше всего обращает внимание именно на рифму. В голове все время вертелся наивный и смешной вопрос: „А скажите, Валерий Яковлевич: вообще-то стоит мне писать дальше?“

Глеб понимал всю бессмысленность и наивность вопроса и тем не менее не удержался — спросил.

Опять такая же неживая улыбка.

— Я думаю, что стоит заниматься всем, к чему только чувствуется влечение. Важно желание и терпение научиться делать это хорошо.

Дальше последовали пространные и обстоятельные советы, как и чем можно достигнуть мастерства. Указания подкреплялись примерами из многих биографий. Преподано было фетовское наставление: поэзию, как творог, нужно оставлять на время под прессом, чтобы из нее отжалась вся вода. Уже поднявшись с кресла, только не протянув еще руки, Брюсов преподает последний заключительный совет:

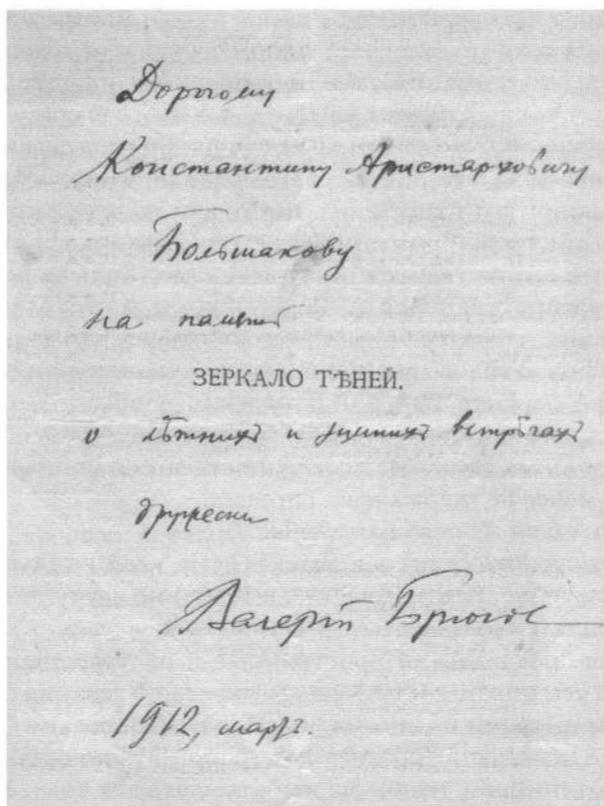
— Вы знаете иностранные языки? Тогда переводите. Это лучшая школа. Старайтесь передать фактуру и внутренний строй оригинала. Если вам удастся это, можно сказать, что вы владеете стихом.

Кажется, Глеб добился этого скоро. Исправно раз в неделю ходил он на приемы, и каждый раз выслушивалось и подвергалось замечаниям каждое новое его произведение <...> Книжка „Русской мысли“ с напечатанными стихами, за полной его, Глеба Елистова, подписью, была настоящим триумфом и в гимназии, и дома*.

Брюсов подарил — уже не Елистову, а его автору — один из первых экземпляров «Зеркала теней», написав: «Дорогому Константину Аристарховичу Большакову на память о летних и зимних встречах дружески Валерий Брюсов. 1912, март»**.

* *Большаков К.* Маршал сто пятого дня. М., 1936. С. 99–102.

** Собрание В. Э. Молодякова.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Константину Большакову на авантитуле книги «Зеркало теней» (М., 1912): «Дорогому Константину Аристарховичу Большакову на память о летних и зимних встречах дружески Валерий Брюсов 1912, март»
ВЭМ

Адресат, которому к моменту «летних встреч» 1911 года исполнилось всего 16 лет, как раз в это время выпустил первый сборник стихов и прозы «Мозаика». «Поступая в университет, Елистов считал себя уже признанным поэтом. Гумилев похвалил его в „Аполлоне“. Книжка стихов, неизвестно почему называвшаяся „Возвращение Энея“, завоевала ему очень достойное, как расценивал он сам, место среди московских поэтов. Брюсов предложил ему принять участие в переводах для „Антологии французских поэтов XVIII века“*. Он был своим человеком и

* В антологии «Французские лирики XVIII века», составленной И. М. Брюсовой под редакцией и с предисловием Брюсова (1914), Большаков не участвовал. Из поэтов его поколения свои переводы в ней поместили С. П. Бобров и В. Г. Шершеневич.

постоянным посетителем и „Свободной эстетики“, и „Кружка“. Его приглашали на все литературные вечера, он свыкался уже с мыслью, что принадлежит к этому кругу*^{*}. Это в романе. Но и в жизни строгий Гумилев отметил «Мозаику»: «подражания Бальмонту, иногда даже слишком рабские, радуют подлинной непосредственностью и какой-то особой, юношеской восторженностью»**^{**}, — а не менее строгий Брюсов писал в «Русской мысли»: «Природным даром музыкального стиха обладает Константин Большаков».

«Валерий Яковлевич, — вспоминал Сергей Шервинский, — стремился помочь молодым поэтам, научить их, а не только демонстрировать свое превосходство. <...> Брюсов вручил мне мою машинопись со своими карандашными пометками. Они были резковаты и лаконичны. Без уступок, но и без придирок. Терпимость сочеталась с четкостью. Замечания касались более всего банальностей, штампов. <...> Я возвратился домой не только не подавленный железной рукой Брюсова, а наоборот. <...> Он совершенно не насиловал волю своего ученика. <...> Он не выносил только плохой поэзии»***^{***}.

Еще больше стихов приходило по почте или приносилось с посылными. Александр Булдеев, выпустивший в конце 1909 года сборник «Потерянный Эдем», писал Брюсову: «Около месяца тому назад я занес Вам недавно вышедшую книгу моих стихов. Не желая Вас беспокоить, я эту книгу вручил прислуге с просьбой передать ее Вам. Делая это дело, я думал только о том, что мне будет очень лестно иметь Вас моим читателем, а равно и то, что у меня — читателя Ваших изумительных созданий — нет других средств выражения признательности и поклонения со стороны неизвестного Вам человека. Но постепенно после долгих колебаний я пришел к глубокому желанию узнать Ваше мнение о моих стихах. Валерий Яковлевич! Мне нечего бояться сказать Вам, что я Вас считаю единственным в современной русской поэзии. <...> Судите же сами, насколько для меня, начинающего, важно и ценно знать Ваше мнение. <...> Если у Вас есть хоть „minimum“ времени для меня, то очень прошу Вас указать день и час, когда я смогу Вас видеть»****^{****}. Состоялась ли встреча, неизвестно, но Брюсов откликнулся на сборник отдельной рецензией в «Русской мысли», не поместив автора в «братскую могилу» обзоров, а два года спустя перепечатал

* *Большаков К.* Маршал сто пятого дня. С. 102–103.

** *Гумилев.* С. 123.

*** *Шервинский С. В.* Ранние встречи с Валерием Брюсовым // *Чтения-1963.* С. 494–498.

**** *НЖ.* Кн. 231. Июнь 2003. С. 143–147 / Публ. В. Э. Молодякова.

отзыв в «Далеких и близких», куда включил только наиболее важные статьи.

Обзоры и рецензии Брюсова в «Весах» и «Русской мысли» были хорошей школой для молодых поэтов — по крайней мере, для тех, кто хотел и был готов учиться. Их отличительные черты — объективность (изменившая автору только в начале 1920-х годов) и установка на полезность, прежде всего в области стихотворной техники. В них мало похвал, но это не от «критиканства», а от природной строгости в сочетании со стремлением больше сказать «по делу» в ограниченном объеме. В них нет «импрессионизма». В них встречаются резкие выражения, но нет оскорблений и грубости, свойственных многим рецензентам и до, и после революции. «Письма о русской поэзии» Гумилева с их установкой на мастерство — производное от рецензий Брюсова, который на страницах журнала «Печать и революция» высоко оценил посмертный сборник статей своего лучшего ученика даже через два года после его расстрела. Брюсовское влияние очевидно в рецензентской практике и других поэтов, включая Ходасевича и Георгия Иванова.

«Напомнил мне меня 1895 года», — записал Валерий Яковлевич 15 мая 1907 года о первой встрече с Николаем Гумилевым, пояснив: «Видимо, он находится в своем декадентском периоде». Их переписка — ценный источник и увлекательное чтение; если бы письма Брюсова сохранились полностью, это был бы уникальный мастер-класс. Николай Степанович присылал учителю почти всё, что писал (некоторые тексты сохранились только в архиве Брюсова), а тот открыл ему страницы «Весов», поддерживал и защищал — например, от Гиппиус, оказавшей молодому поэту издевательский прием. Суть своего ученичества Гумилев подытожил в письме из-за границы 2 (15) августа 1907 года — почтительном и веселом, серьезном и ироничном, скромном и самонадеянном:

«Ваше молчанье — совершенно справедливое возмездие для меня, но неужели оно продолжится вечно? Подумайте, что это может повергнуть меня в такое мрачное отчаянье, что я начну писать революционные стихи для „Перевала“ и плагиаты-компиляции для „Золотого Руна“. И на Вашу совесть ляжет гибель юноши. Теперь я хочу привести основания, по которым Вы могли бы меня простить: во-первых, Вы сами писали мне два года назад, что я поэт, и я не настолько слеп, чтобы не видеть, что я делаю успехи с каждым годом. А ведь Вы переписываетесь со мной не как с человеком, который по несчастной случайности оказался невежливым по отношению к Вам, а как с молодым поэтом, который еще не имеет установившихся взглядов на искусство и каждую минуту может потерять веру в себя. Неужели за невольный грех человека

Вы допустите погибнуть поэту? Второе мое оправдание в том, что я люблю Вас. Если бы мы писали до Р. Х., я сказал бы Вам: Учитель, поделись со мной мудростью, дарованной тебе богами, которую ты не имеешь права скрывать от учеников. В средние века я сказал бы: Maître*, научи меня дивному искусству песнопения, которым ты владеешь в таком совершенстве. Теперь я могу сказать только: Валерий Яковлевич, не прекращайте переписки со мной, мне тяжело думать, что Вы на меня сердитесь**. Неудивительно, что первая «взрослая» книга Гумилева «Жемчуга» (1910) была посвящена «моему учителю Валерию Брюсову».

Брюсов редко писал предисловия к книгам современников, особенно в виде напутствия начинающему поэту. Таких всего четыре: «Сосен перезвон» Николая Клюева (1912), «Старая сказка» Надежды Львовой (1913), «Эра славы» пролетарского поэта Ивана Филипченко (1918), приславшего ему стихи еще в 1912 году («декаденту», а не в «идейный» журнал!***, и поэма Сергея Аргашева (С. П. Семенова) «Парида» (1924)****. Переписка с Брюсовым, как можно судить по письмам инициировавшего ее Клюева (сохранилось лишь одно ответное письмо)*****, была для олонецкого поэта не так значительна и важна в духовном плане, как переписка с «кающимся дворянином» Блоком, но именно Брюсов содействовал признанию Клюева как поэта. «Клюев — поэт. Клюев из народа. Но Клюев — не „поэт из народа“, — писал Ходасевич в отзыве на „Сосен перезвон“, — не один из тех, которые пишут плохие стихи и гордятся своей безграмотностью, чем несказанно радуют иных писателей из господ».

Брюсова и Клюева познакомил идеолог секты «голгофских христиан» Иона Брихничев, издававший журнал «Новая земля», куда старался привлечь известных литераторов*****. Ва-

* Мастер; учитель (*фр.*).

** Переписка с Н. С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. ст. и коммент. Р. Д. Тищенко и Р. Л. Щербакова. Публ. Р. Л. Щербакова // *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 400–514 (цит. с. 436).

*** Ранняя поэзия Ив. Филипченко в оценке В. Брюсова / Публ. и коммент. подгот. Б. М. Сиволов // Вопросы русской литературы. Вып. 3 (12). Львов, 1969. С. 86–90.

**** Предисловие не включено в *Среди стихов*; перепеч.: Тахо-Годи Е. А. Великие и безвестные. Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX веков. СПб., 2008. С. 634–635.

***** Переписка с В. Я. Брюсовым и письма к И. М. Брюсовой (1911–1915) // *Клюев Н. Письма к Александру Блоку. 1907–1915* / Публ., вводная ст. и коммент. — К. М. Азадовский. М., 2003. С. 306–353.

***** В рекламных объявлениях журнала сотрудниками названы В. Бестужев (Вл. В. Гиппиус), Блок, Городецкий, Клычков, Нарбут, Ходасевич и поэтесса Любовь Столица, с которой у Брюсова был «роман» в 1906–1907 годах; судя по посвященному ей девятому сонету «Рокового ряда», это была попытка освободиться от «демонского» влияния Петровской.

лерий Яковлевич изредка давал стихи и прозу в журнал, один из номеров которого (1911. № 11) вышел с его портретом на обложке, а в других появились посвященные ему стихи издателя и хвалебный отзыв о «Путиях и перепутьях». Разумеется, привлекало его не это, а близость Брихничева и Клюева к среде, в которую ушел Александр Добролюбов, память о котором продолжала волновать Валерия Яковлевича и особенно Надежду Яковлевну. Брихничев хотел устроить первый сборник Клюева в «Скорпион». Брюсов не отреагировал на его намеки, но написал предисловие к книге, которую выпустил сочувствовавший «гогольским христианам» В. И. Знаменский. Автор остался недоволен качеством издания и годом позже переиздал «Сосен перезвон» в Ярославле у Константина Некрасова, выпустившего также несколько книг самого Брюсова.

Отметив в предисловии, что «огонь, одушевляющий поэзию Клюева, есть огонь религиозного сознания», Брюсов напутствовал и оценивал его как поэт поэта, что видно из инскрипта: «Любимому поэту Николаю Алексеичу Клею в знак дружбы, „Издrevле сладостный союз поэтов меж собой связует“. Москва. 4 декабря 1912». В конце 1912 года Клеюев рассорился с Брихничевым, но это не сказалось на его отношениях с Брюсовым, которому Николай Алексеич продолжал присылать книги с теплыми дарственными надписями. Отношения поэтов распались только после революции, когда Брюсов отрицательно отозвался о собрании стихов Клеюева «Песнослов», напомнив в то же время, что приветствовал его дебют. Тот ответил стихотворением «Меня хоронят, хоронят...»: «Песнослову грозитя Брюсов изнасилованным пером». Эти строки, вошедшие в сборник «Львиный хлеб», адресат прочитал (книга сохранилась в его библиотеке) и коротко отметил в одном из обзоров, что Клеюев сохранил «долю той свежести, которая пленяла в его ранних книгах».

Относясь к делу с исключительной серьезностью, Валерий Яковлевич не уподоблялся Стефану Малларме, который ни о ком не отзывался плохо даже в частных письмах, а потому его похвалой гордился никем более не признанный Рене Гиль. Вот лишь один пример. Получив в начале 1912 года «самотekom» для «Русской мысли» рассказы Леонида Кропивницкого, Брюсов ответил автору: «Нахожу их неудачными. Изображенные Вами характеры неоригинальны и не интересны. Если Вы не сумели подметить в душах людей ничего иного, кроме того, что уже давно было подмечено и описано разными писателями, — не стоило и писать рассказы. Психология действующих лиц в Ваших рассказах — крайне примитивна и не разработана. Кроме того, оба рассказа написаны очень плохим языком.

„Оскандалившийся май“, „целовать с азартом“, „флиртовать“, „поцелуй обожателя“, — все это выражения не литературные. Постоянное повторение союза „И“, которым Вы иногда начинаете все фразы на 2–3 страницах, крайне неприятно, так же как и упорное повторение „уж“, „уж“, „уж“, или противоположение предложению, начинающемуся с „но“, — другого, тоже начинающегося с „но“. Есть у Вас и прямо неправильности языка, напр. в употреблении местоимений „он“, „ея“, которые часто неизвестно к кому относятся. Наконец, все действующие лица в Ваших рассказах говорят удивительно бесцветным и пошлым языком <...> Я позволил себе написать Вам все это только потому, что Вы сами, в своем письме, просили меня высказать Вам мое мнение, признавая его „авторитетным“. Разумеется, как все люди, я могу ошибаться, но свое мнение высказываю Вам вполне искренно*.

Оскорбленный Кропивницкий ответил пространным возмущенным письмом с типичными для авторов отвергнутых рукописей аргументами: мои произведения ничуть не хуже тех, что печатает ваш журнал, их хвалил признанный литератор имярек (в данном случае Телешов), но кругом «кумовство», честным путем в литературу не пробиться...** Спорить Брюсов не стал. А его корреспондент остался в истории лишь как отец Евгения Кропивницкого, основателя «лианозовской династии» поэтов и художников.

Те, кто считал себя недооцененным, упрекали Брюсова в... зависти. Первой это сделала Марина Цветаева, в гимназические годы любившая его стихи, по собственному определению, «страстной и краткой любовью» и написавшая восторженное эссе «Волшебство в стихах Брюсова»***. Обнаружив в рецензии на свой первый сборник «Вечерний альбом» (1910), который сама подарила «Валерию Яковлевичу Брюсову с просьбой просмотреть»****, такие слова: «Когда читаешь ее книгу, минутами становится неловко, словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру <...> Мы будем также

* НЖ. Кн. 218. С. 86–87; собрание В. Э. Молодякова.

** РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 53.

*** Цветаева М. Волшебство в стихах Брюсова // День поэзии. М., 1979. С. 33–34 / Публ. А. А. Саакянц; перепеч.: Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М., 1994. С. 226–229.

**** В стремлении обличить Брюсова Ходасевич попытался взять в союзники даже своего антагониста — Цветаеву: «Молодой поэт, не пошедший к Брюсову за оценкой и одобрением (курсив мой. — В. М.), мог быть уверен, что Брюсов никогда ему этого не простит. Пример — Марина Цветаева». Добавлю, что Ходасевич дал более резкий отзыв о «Волшебном фонаре», чем Брюсов: «Есть что-то неприятно-слащавое в ее описаниях полудетского мира, в ее умилении перед всем, что попадает под руку».

Любимому поэту
Николаю Алексеевичу Клюеву
в знак дружбы

„Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует.“

Москва, 4 декабря 1912. Валерий Брюсов

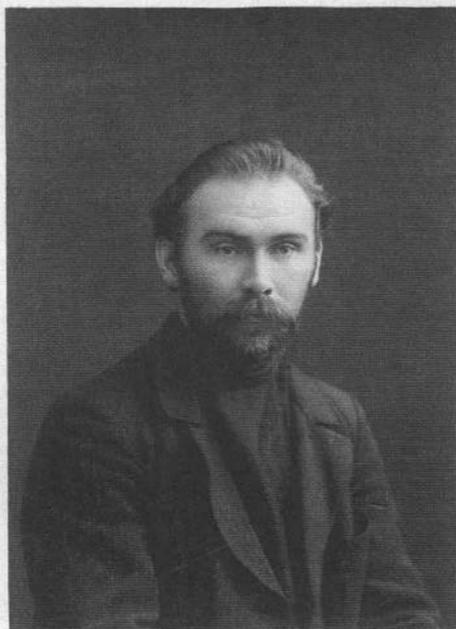
Валерий Брюсов

Фотография с дарственной надписью Николаю Клюеву:
«Любимому поэту Николаю Алексеевичу Клюеву в знак дружбы.

„Издревле сладостный союз поэтов меж собой связует“.

Москва, 4 декабря 1912. Валерий Брюсов».

Середина 1900-х

ОТТО РЕНАРЪ МОСКВА,
ТВЕРСКАЯ

Валерию Яковлевичу Брюсову
с любовью великой
Николай Клюев.
Зима. — 1912 г.

Николай Клюев

Фотография О. Ренар. Москва.

С дарственной надписью Валерию Брюсову: «Валерию Яковлевичу Брюсову
с любовью великой Николай Клюев. Зима. — 1912 г.».

1912. ИРЛИ

РЕДАКЦІЯ
ЕЖЕМЯСЯЧНОГО
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО
ИЗДАНІЯ
„Русская Мысль“.

17 февраля, 1 марта 1912 г.

МОСКВА, Воздвиженка, Ваганьковский
пер., д. 3.

Адресъ для телеграммъ:
Москва, Русская Мысль.

Милостивѣйшій Государь
Леонидъ Ивановичъ!

По поводу Вашего наболевшаго вопроса
узнаю мое мнѣніе о режисерахъ, доведен-
наго Вамъ въ ред. „Русской Мысли“, и думаю
Вамъ сказать, что нѣкотору изъ нихъ давали.
Изображеніе Вамъ характеръ не оригинальнъ
и не интереснъ. Если Вы не увидѣте подлиннъ
въ душахъ людей много иного, кромѣ того,
то уже давно было подмѣчено и описано
разными писателями, — не стоило и писать
рецензій. Психологія действующихъ лицъ въ
Вашихъ режисерахъ — крайне кривдивна и,
не разработана. Кромѣ того, оба режисера

Письмо Валерія Брюсова Леониду Кропивницкому
17 февраля, 1 марта 1912.
Первая страница. ВЭМ

ждать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые <...> и мысли более нужные», — в следующем сборнике «Волшебный фонарь» (1912) она с вызовом ответила:

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, —
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.

Брюсов снова откликнулся: «Невозможно примириться с этой небрежностью стиха, которой все более и более начинает щеголять г-жа Цветаева. Пять-шесть истинно поэтических красивых стихотворений тонут в ее книге в волнах чисто „альбомных“ стишков, которые если кому интересны, то только ее добрым знакомым». И заслужил очередную отповедь:

Я забыла, что сердце в вас — только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти — критика...

Проявление «зависти» Цветаева увидела в том, что на поэтическом конкурсе Общества свободной эстетики (председатель жюри — Брюсов) ей дали не первый приз, а лишь первый из двух вторых; первый решено было не присуждать вовсе. В ее «записях о Валерии Брюсове» собственно о Брюсове сказано мало. Больше всего — как всегда — о самой себе*.

Осенью 1913 года, в ответ на упрек Цветаевой, Брюсов писал: «Оценивая стихи, я предъявляю поэту требования *высокие* и считаю, что это — долг критика. Право на существование имеют лишь те поэты, которые вносят что-то новое в область поэзии. Перепеватели чужого, хотя бы и искренние, не нужны». Далее он привел список тех, кого поддерживал и защищал от критики: Добролюбов, Коневской, Белый, Блок, Городецкий, Кузмин, Верховский, Северянин. «Я не помню, чтобы я резко отрицательно высказался о поэте, который позднее выказал подлинное дарование, и, наоборот, я не помню, чтобы я настойчиво рекомендовал стихи поэта, который позднее обнаружил свое творческое убожество»**. В его рецензиях много

* Цветаева М. Герой труда: Записи о Валерии Брюсове // Воля России (Прага). 1925. № 9/10, 11, 12; перепеч.: Цветаева М. Собрание сочинений. Т. 4. С. 12–63.

** ЛН. Т. 85. С. 205–209.

Марина Цветаева
1913

резких выражений: «автор как поэт — безнадежно бездарен», «рифмованные упражнения не очень грамотного и далеко не образованного человека», «безобразные стихотворные опыты» — но они относятся к авторам, сведений о которых сегодня не могут найти ни филологи, ни коллекционеры.

При этом Валерий Яковлевич замечал то, чего не видели другие. «Маленькая брошюрка г. Ж., — писал он в 1905 году в „Весах“ о поэме „Владимира Ж.“ „Бедная Шарлотта“, — <...> из числа тех, которые можно увидеть лишь в редакциях, куда их присылают авторы „для отзыва“, и которые обычно попадают, непрочитанными, в корзины для ненужной бумаги. Но анонимная поэма о Шарлотте Кордэ заслуживает лучшей участи. Она написана с большим умением, какой-то уверенной рукой, в ней есть хорошие стихи и много интересных рифм». Под криптонимом скрывался 24-летний Владимир (Зеев) Жаботинский, будущий трибун сионизма. Брюсов также заметил и оценил его переводы (под псевдонимом Altalena) из Эдгара По. «В „Одесских новостях“ я нашел удивительные переводы стихов По, — писал он Бальмонту в конце января 1902 года, — много лучше Ваших». «Стихи Альталены очень плохи, и как стихи, и как перевод», — раздраженно ответил Константин Дмитриевич, считавший

лучшим переводчиком По самого себя*. Брюсов повторил эту оценку в 1924 году, выпуская итоговое собрание своих переводов из «безумного Эдгара»: признал выполненный Жаботинским перевод «Ворона» лучшим из существовавших к тому времени на русском языке**, хотя сам долго бился над этим стихотворением, оставив семь вариантов перевода***.

Одновременно с наброском о «зависти» Брюсов написал «Открытое письмо молодым поэтам»:

«Как бы вы ни писали стихи, кого бы вы ни избирали своим ближайшим учителем и образцом — Бальмонта или меня, Надсона ли, Игоря Северянина — все равно, вы все близки мне уже потому, что пишете стихи. <...> Но при всем том я никак не могу признать, что эта моя принадлежность к „семье поэтов“ налагает на меня обязанность всю мою жизнь посвятить служению ей. <...> Между тем вы, милостивые государи и дорогие друзья, последнее время вот уже несколько лет решительно требуете, чтобы я был занят исключительно вами и выражаете иногда крайнюю обиду, если я позволяю себе от этого уклоняться. Почти ежедневно (не преувеличиваю) я получаю по почте или иным путем тетради начинающих стихосочинителей. Конечно, бывают исключительные счастливые дни, когда не приходит ни одной новой тетради, но зато нередко в один день на моем письменном столе их появляется две, три и даже больше. Авторы этих стихов в приложенном письме большею частью извиняются в том, что, не будучи со мною знакомы, отнимают у меня время, просят прочитать присланную тетрадь и дать о ней отзыв, а также указать, следует ли им продолжать писание стихов.

Последний вопрос всегда вызывает во мне чувство досады и обиды, обиды за поставившего его. Сколько мне известно, никогда ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Тютчев не спрашивали ни у кого, следует ли им продолжать писать стихи. <...> Я сам тоже в своей юности никогда и никого не спрашивал, надо ли мне писать стихи, и, напротив, когда без моего вопроса мне говорили, что стихи писать мне не следует, не обращал никакого внимания на суждение добровольных советчиков.

Но вы, мои молодые собратья по перу, не только просите дать вам такой совет, но вы желаете получить мой „отзыв“

* ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 117, 120.

** По Э. Полное собрание поэм и стихотворений / Пер. и предисл. В. Брюсова. М.: Л., 1924. С. 112; перепеч.: По Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 200.

*** Автографы шести вариантов: Коншина Е. Н. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 98–103 (фото).

Галерея наших современников и современницъ.

ФИГНЕРОВСКАЯ САТРАПИЯ.

«Директеръ» Фигнеръ аккуратный:
Блуда свои лишь барыши,
Пивецъ сей дряхлый и зашатный
Артистамъ жалуетъ гроши.

Въ словахъ оиъ удержя не знаетъ
И, не жалѣя этихъ словъ,
Словахъ артистовъ оиъ ругаетъ,
Кричить на нихъ, какъ на рабовъ.

И отъ такого отношенья
(Тутъ вчужъ примешься тужить)
Артистамъ бѣдытъ не до пивка:
Имъ впору прямо валкомъ выть.

Ан. Беляевскій.

Валерій Брюсовъ.

Поэтъ-богатырь. Сила его таланта столь велика и необъемлема, что простому смертному, нормальному (sic особенно важно) человѣку нѣтъ никакой «психической возможности» объять своимъ разумомъ его сверха-откровенныя творенія... При упорныхъ потугахъ постичь его музу деганищаго ожидать давъ участя: или оиъ уснетъ, или попадетъ въ «келый домъ»...

Галерея наших современников и современницъ: Валерий Брюсов

Карикатура Яна Тома из еженедельника

«Шутъ» (1912. № 1)

о написанном вами. Подумайте, что должен был бы я сделать, чтобы добросовестно исполнить ваше желание! Мне пришлось бы, прочтя внимательно присланную мне тетрадочку стихов (иной раз рукопись в 100 и более страниц), подумать над ней хорошенько и написать ее подробный критический разбор. Если бы я захотел быть действительно полезным каждому из вас, я должен был бы указать при этом каждому его промахи, художественные и чисто технические, объяснить подробности русского стихосложения, не изложенные ни в каких учебниках, дать советы, каких поэтов и как следует изучать и тому подобное, то есть написать не только статью, но и целый маленький трактат. Ведь если бы я написал в ответ автору, приславшему мне свою тетрадь, просто: „Ваши стихи, по-моему, нехороши“, это никакой пользы ему бы не принесло, да он и не поверил бы мне. Но чтобы писать трактаты и критические разборы ежедневно, я должен был бы отдать на это дело весь свой день и уже ничем другим не заниматься.

В этом моем „открытом письме“ я хочу раз и навсегда заявить следующее. Все присылаемые мне тетради стихов я читаю. (Присылаемые мне незнакомыми мне лицами рукописи прозаических произведений — не читаю.) Но читаю я эти тетради сообразно со своими занятиями, тогда, когда у меня бывает свободное время. Иногда присланную мне тетрадь я прочитываю в тот же день, иногда через неделю, иногда только через несколько месяцев. Ставить мне какие-либо обязательные сроки для прочтения присланных рукописей я никого не считаю вправе. Прочтя рукопись, я, в том случае, если нахожу ее неинтересной, поступаю с ней „по своему усмотрению“: так, например, я могу ее уничтожить и вовсе не обязываюсь все рукописи сберегать и хранить. Если рукопись кажется мне интересной, я тогда пишу ее автору письмо, но опять-таки не принимаю на себя обязательства непременно писать ответ только потому, что автору пришло на мысль послать свою тетрадку мне и приложить к письму почтовую марку. Наконец, вовсе не обязуюсь я авторов всех этих рукописей и принимать у себя и вести с ними беседы. <...>

Иные мне говорили прямо, что я обязан, по своему положению, читать стихи начинающих поэтов и давать им советы, что, отказываясь от этого, я поступаю неправильно (говорившие, вероятно, только из вежливости не сказали „нечестно“). Другие в письмах выражали свое крайнее негодование на то, что я еще не дал желаемого ответа, тогда как посланная ими тетрадка лежит у меня уже „целых две недели!“ Третьи авторы рукописей, которые я счел нужным просто бросить в корзину, угрожали мне, что потребуют с меня судом стоимость ее (каковую они высчитывали в несколько сот рублей). Четвертые,

когда я, столь же добросовестно прочитав рукопись, столь же добросовестно извещал ее автора, что, по моему крайнему разумению, его стихи очень плохи, писали мне ответ, в котором рядом с весьма отборными ругательствами содержалось указание, что я сам поэт не то что плохой, но вообще никуда не годный, последняя бездарность, возомнившая себя поэтом. <...> Продолжая получать сотни тетрадок со стихами в год (хотя ныне я не состою членом ни одной редакции), я отныне ставлю себе правилом отвечать лишь тем авторам, которые покажутся мне людьми талантливыми. Будет ли таких тетрадок в год десять или одна или ни одной, все равно остальных „дорогих друзей“, связанных со мною „сладостным союзом“, я вынужден оставить без своего ответа»*.

Почему Брюсов не опубликовал свое послание? Побоялся насмешек фельетонистов? Побоялись этого редакторы? Или потому, что все литературные дела заслонила личная трагедия — самоубийство 24 ноября 1913 года его 22-летней возлюбленной, поэтессы Надежды Львовой. Это один из самых нашумевших эпизодов жизни Брюсова — и самых превратно истолкованных.

Надежда Григорьевна Львова была дочерью служащего Московского почтамта, имевшего небольшой дом в Подольске. В гимназические годы состояла в подпольной большевистской организации «Союз учащихся средних учебных заведений» вместе с Ильей Эренбургом (которого приобщила к стихам Брюсова и о котором рассказывала Брюсову) и Николаем Бухариным. В 1908 году окончила Екатерининскую гимназию в Москве с золотой медалью... и сразу же оказалась под арестом. «Ее судили, но тогда ей было 16 лет, и, когда она предстала в гимназической форме, скромной, застенчивой перед Судебной Палатой и ей по обвинению в революционной деятельности угрожала, по крайней мере, ссылка на поселение в Восточную Сибирь, ее защитник, один из лучших адвокатов по политическим процессам Лидов, обосновал защиту на ее внешнем виде, инфантильности: мол, самое высшее судебное учреждение

* Из архива Валерия Брюсова / Предисл. и публ. Р. Л. Щербакова // *Чтения-2002*. С. 341–346. Толчком к написанию этого текста могло быть письмо М. Галановой с вопросом, сможет ли ее сын, пишущий стихи, прожить литературным трудом. 24 сентября 1913 года Брюсов отвечал ей (письмо не было отправлено): «Если бы я писал только стихи, я давно умер бы с голода. <...> Литература вообще — самая невыгодная из всех существующих в мире профессий. <...> Если у Вас есть какое-либо влияние на сына, уговорите его немедленно бросить не только стихи, но все мечты о литературной работе»: Новый мир. 1926. № 6. С. 127–132 / Публ. Н. С. Ашукина. Общая характеристика писем молодых литераторов: *Копкина Е. Н.* Переписка и документы В. Я. Брюсова в его архиве // *Записки Отдела рукописей ГБЛ*. Вып. 27. М., 1965. С. 24–26.

в Москве и судит... девочку. Судьи оправдали ее якобы за недостатком улик». После освобождения дочери на поруки отец отправил ее в Подольск под надзор старших братьев*. В 1910 году Надежда начала писать стихи и весной 1911 года принесла их в «Русскую мысль» — по рекомендации Анны Шестеркиной, с которой была знакома. «Я не обратил на них внимания, — вспоминал Брюсов 15 декабря 1913 года в записке „Правда о смерти Н. Г. Львовой. (Моя исповедь)“ — Она возобновила посещение осенью того же года. Тогда ее стихи заинтересовали меня. Началось знакомство, сначала чисто „литературное“**». Брюсов напечатал стихи Львовой в «Русской мысли» и рекомендовал их разным журналам. Отношение учителя к ученице закрепило «Посвящение» в «Зеркале теней»:

Мой факел старый, просмоленный,
Окрепший с ветрами в борьбе,
Когда-то молнией зажженный,
Любовно подаю тебе...

Знающие люди угадывали ее же за стихами, над которыми не было формального посвящения:

Я снова, с радостным мучением,
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движением
Ее стыдливо-робких плеч.

«Я читал стихи Н., поправлял их, давал ей советы; давал ей книги для чтения, преимущественно стихи. Незаметно знакомство перешло во „флирт“. <...> К весне 1912 года я заметил, что увлекаюсь серьезно и что чувства Н. ко мне также серьезнее, чем я ожидал. Тогда я постарался прервать наши отношения. Я перестал бывать у Н., хотя она усердно звала меня. <...> Осенью 1912 года я еще настойчивее избегал встреч с Н., сознательно желая подавить в ней ее чувство ко мне. Я постарался занять себя другой женщиной (Е.), чтобы только отдалиться от Н.». Здесь появляется новая героиня — Елена Александровна Сырейщикова, о которой известно совсем мало. Судя по фамилии, она происходила из купеческой семьи, писала стихи, кое-что

* Родик А. Ф. Из минувшего: Воспоминания педагога-краеведа. М., 1965. С. 46; Бобров А. Серебряный век Подмосковья. С. 199–201.

** Лафров А. В. Вокруг гибели Надежды Львовой: Материалы из архива Валерия Брюсова // Лафров А. В. Русские символисты. С. 199–208. Документы из этой публикации далее цит. без сносок.

переводила, кое-что публиковала — по «протекции» Брюсова, отношения с которым продолжались минимум до 1917 года. «Мне было нужно — позабыть, уснуть», — признался он в сонете «Елена» из «Рокового ряда». Письма к возлюбленному Сырейщикова подписывала «Нелли», видимо, считая свое настоящее имя слишком прозаическим*. И здесь мы подходим к самой знаменитой мистификации Брюсова.

В начале лета 1913 года издательство «Альциона» выпустило книгу стихов Львовой «Старая сказка». Несмотря на хвалебное предисловие Брюсова, за полгода было продано не более пятидесяти экземпляров, а единичные отклики в печати принадлежали знакомым. В середине лета «Скорпион» издал загадочный сборник «Стихи Нелли. С посвящением Валерия Брюсова», который открывался посвящением Львовой от автора и сонетом Брюсова «Нелли», игравшим роль предисловия. Несклоняемое имя создавало намеренную двусмысленность: стихи то ли написаны самой Нелли, то ли посвящены ей**. Авторство Брюсова было «секретом Полишинеля», хотя он старательно скрывал его: подарил книгу в библиотеку Литературно-художественного кружка с надписью «от автора *посвящения*», подчеркнув последнее слово***, и послал протест в редакцию газеты «Речь», на страницах которой Городецкий раскрыл его инкогнито со словами: «Вся книга кажется ненужной шалостью мастера»****. «„Стихи Нелли“ вызывают одобрительные споры, — вспоминал Асеев об одном из брюсовских „четвергов“ 1913 года (у него ошибочно: 1914 года). — Брюсов как будто не слышит. Наконец, на обращенный к нему вопрос о достоинстве их — бросает два-три критических замечания. Поднимается спор. Брюсов не настаивает на утверждениях, уступая напору двадцати хвалебных отзывов»*****. Лукавую рецензию написал посвященный в тайну Ходасевич: «Имя Нелли и то, что стихи написаны от женского лица, позволяют нам считать неизвестного автора женщиной. <...> Каюсь, не зная я настоящего автора, я не задумался бы

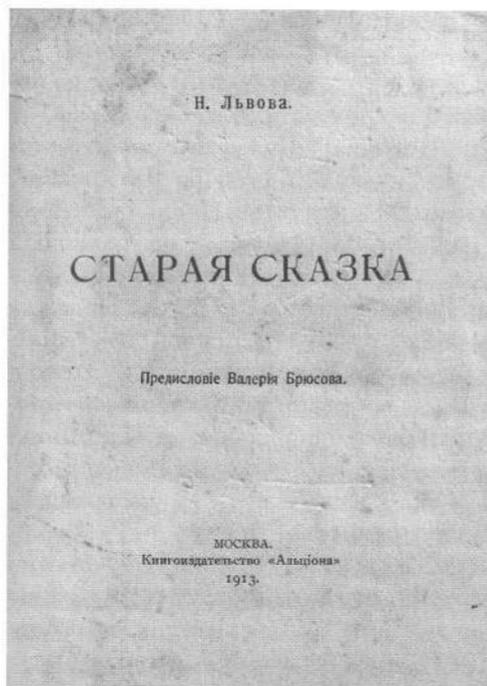
* В неоконченной повести Брюсова «Шара» (1913) героиня Евдокия называет себя «Дина», а ее двойник дразнит ее «Авдотьей»: *НН*. С. 150–177, 302–303. Имя «Нелли» встречается в третьем сюжете («Измена») цикла «Сны» (1 июля 1911), который, по утверждению Брюсова, является точной записью его реальных снов: *НН*. С. 138–144.

** *Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии // *Аполлон*. 1914. № 1/2. С. 122; перепеч.: *Гумилев*. С. 169.

*** *Прижизненные издания*. С. 58.

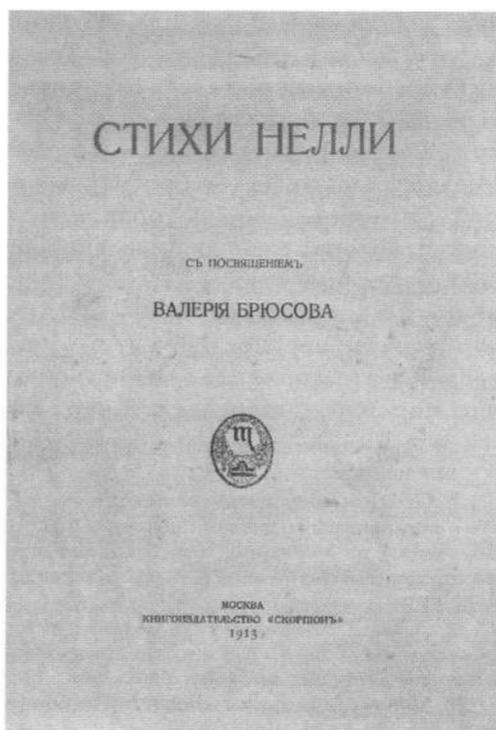
**** *Городецкий С.* Два стана // *Речь*. 1913. № 323. 25 нояб. С. 3; *Брюсов В.* Письмо в редакцию // Там же. № 326. 28 нояб. С. 6.

***** *Асеев Н. У* Валерия Брюсова // *Дальневосточное обозрение* (Владивосток). 1920. 20 июня; перепеч.: *Асеев Н.* О поэтах и поэзии. Статьи и воспоминания. М., 1985. С. 50–54.

Книга Надежды Львовой
«Старая сказка»
с предисловием Валерия
Брюсова (М., 1913)
Обложка

Анонимно изданная
книга Валерия Брюсова
«Стихи Нелли» (М., 1913)
Обложка

приписать эти строки Брюсову». Подражание Валерию Яковлевичу он отметил и в отзыве о «Старой сказке».

Долгое время «Стихи Нелли» не включались ни в одно из посмертных изданий Брюсова, а исследователи отмахивались от них как от неудачной шутки*. Историю книги, «автора» которой первоначально звали «Мария Райская» или «Ира Ялтинская», и ее неоконченного продолжения «Новые стихи Нелли» восстановил А. В. Лавров**. Работа над «Стихами Нелли» — не только над текстом, но и над маской — шла параллельно с развитием «романов» с Львовой и Сырейшиковой. 9 сентября 1912 года Надежда Григорьевна объявила: «В любви хочу быть „первой“ и — единственной. А Вы хотели, чтобы я была одной из многих? Этого я не могу. И что Вы делали с моей любовью? Вы экспериментировали с ней». «В глазах девушки была одна любовь, — вспоминал хорошо знавший ее Вадим Шершеневич. — <...> Любовь помогает только сильным, слабых она расслабляет. Самая страшная любовь — первая. Еще страшнее единственная»***.

Письма Львовой напоминают письма Петровской. Иоанна Матвеевна не зря сохранила их. Когда они будут опубликованы, исчезнет легенда о «коварном оболстителе», погубившем «невинное создание». С другой стороны, может быть, лучше их не печатать... Петровская была наркоманкой, Львова страдала манией суицида. «Н. написала мне, что, если я не буду ее любить, она убьет себя. Тогда же она сделала попытку самоубийства: пыталась отравиться цианистым кали. <...> Н. желала, чтобы я стал ее мужем. Она требовала, чтобы я бросил свою жену. С первого раза я отказал. Она настаивала. <...> Мне казалось нечестно бросить женщину (мою жену), с которой я прожил 17 лет, которая делила со мною все невзгоды жизни, которая меня любила и которую я любил. Кроме того, если б я ее бросил, это легло бы тяжелым камнем на мою совесть, и я все равно не мог бы быть счастлив. Вероятно даже, что жена не перенесла бы этого моего поступка и убила бы себя. Все это я объяснил Н. Она все поняла и согласилась, что я не могу и не должен сделать этот шаг».

* Оригинальная точка зрения высказана Е. Н. Коншиной: «Для Брюсова это — сочиненный им дневник женщины в форме лирических стихотворений. Вот почему, на мой взгляд, этот сборник следует причислить к поэмам, а не к чистой лирике»: *Коншина Е. Н.* Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 94.

** *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // *Лавров А. В.* Русские символы. С. 154–198. Письма Львовой к Брюсову далее цит. по этой публикации.

*** *Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 470.*

Для современников «Стихи Нелли» связывались с Львовой, но в них не менее ошутимо присутствие Сырейщиковой, больше похожей на «модерную», кокетливую и соблазнительную героиню-автора:

Скинув тонкое боа,
Из-под шляпы черно-бархатной,
Я в бокале ирруа
Вижу перлы, вижу яхонты...
Будет счастье или нет,
Ах, теперь не все равно ли мне!
Легкой жизни силуэт
Встал еще обороленной.

«Вы совсем не хотите видеть, — восклицала Львова, — что перед Вами не женщина, для которой любовь — спорт, а девочка, для которой она — всё». Не берусь утверждать, что для Сырейщиковой любовь была «спортом», зато к «Нелли» эта характеристика подходит отлично. Другой важный компонент «Нелли» — уже не маски, а текстов — влияние эгофутуристов: Северянина, которого Брюсов заметил еще в 1911 году, и Шершеневича, который учился у него «технологии славы».

Июнь 1913 года Брюсов провел с Львовой на озере Сайма — как семь лет назад с Петровской. «Дай верить, что я тоже прежний», — написал он в эти дни. «А сердце смеялось почти успокоенно, забыв о пройденной дороге Голгофы», — уверяла подруга, но успокоения не было. Равнодушие критики и публики к ее книге, затем отъезд Валерия Яковлевича с женой в Голландию повергли поэтессу в депрессию. В ее стихах, написанных после «Старой сказки», зазвучали эгофутуристические ноты, близкие «Нелли». 27 октября Ходасевич в письме к Садовскому иронизировал: «Бедная Надя потолстела и стала футуристкой. А стишки плохонькие...»,* — хотя после ее смерти уверял читателей, что «в последние месяцы своей жизни Львова как поэтесса сделала огромный шаг вперед. В стихах ее стало звучать нечто совершенно самостоятельное, не присущее никому другому». Последние слова метили в Брюсова.

Летом 1913 года Львова сблизилась с Вадимом Шершеневичем, вместе с которым — под руководством Брюсова — переводила стихи Жюль Лафорга. Не берусь судить, насколько далеко зашла их «близость», но можно говорить о литературной и личной дружбе и о взаимном доверии. Шершеневич узнается

* Ходасевич В. Некрополь. С. 343.

в ее стихотворении, датированном 7 августа и опубликованном в футуристическом альманахе «Пир во время чумы»:

Мне нравятся Ваши длинные ресницы
И девически нежные щеки...
Кто меня целовал у старого дивана —
Вы или он?

На отношения двух мужчин этот «роман», насколько можно судить, не повлиял, но в поведении Надежды Григорьевны трудно увидеть желание поступать назло Брюсову.

Витоге наступил кризис. У Львовой снова появился яд. Потом она стала требовать у Брюсова револьвер: «Я спрашиваю только то, что мне уже обещано. А обещания свои исполнять должно (твои вчерашние слова). Пришли мне свой револьвер. Все те „возможности“ уйти, которые у меня есть, — очень мучительны. <...> Я не хочу больше мучений. И не хочу, чтобы у меня было искаженное, синее лицо. Пусть оно останется спокойным и красивым. Это моя последняя просьба, а в них, кажется, отказывать не принято. Встань на ту точку зрения, что если у меня хватит сил нажать курок, у меня хватит сил и выпить порошок».

Брюсов не верил в серьезность ее намерений и дал ей какой-то револьвер, но взял слово «не пользоваться им против себя». Александр Львов, брат Надежды, отобрал его, а после смерти сестры требовал от Брюсова ответа на вопрос: «Считаете ли Вы себя виновным морально в самоубийстве Нади и физически в снабжении человека, уже находившегося под властью известного настроения, <...> удобным, нестрашным, автоматически действующим средством вызвать смерть?». — «Да, считаю, — ответил Брюсов, — но в той же мере, в какой должны считать себя „морально виновными“ и Вы лично, и все другие, бывшие с ней близкими. <...> Человек, решившийся на самоубийство, всегда найдет для этого средства. Вам, может быть, неизвестно, что я, в самом начале моего знакомства с Н. Г. (курсив мой. — В. М.), дважды удерживал ее от сходного поступка в самые последние минуты. В те дни, когда Вами был отнят у Н. Г. тот револьвер, у нее в руках уже был другой, который она мне показывала*. <...> Мне казалось, что с таким настроением должно бороться не внешними мерами, которые должны были оказаться бесплодными, а иным путем: стараниями вызвать в Н. Г. любовь к жизни, желание жить». «Иным путем» стала литературная работа, спасавшая самого Валерия Яковлевича. Львовой она не

* Вероятно, его дал Львовой кто-то из бывших товарищей по революционному подполью.

помогла. Во всяком случае утверждение Ходасевича о том, что «Брюсов *систематически приучал ее* (курсив мой. — В. М.) к мысли о смерти, о самоубийстве», — намеренная ложь.

1 ноября Львова написала жестокое* стихотворение, которым завершается посмертное переиздание «Старой сказки»:

Мне заранее весело, что я тебе солгу,
Сама расскажу о небывшей измене,
Рассмеюсь в лицо, как врагу, —
С брезгливым презрением.
А когда ты съежишься, как побитая собака,
Глядя твои седеющие виски,
Я не признаюсь, как ночью я плакала,
Обдумывая месть под шприцем тоски.

В этот день ее навестил приятель Алексей Родин, впоследствии известный педагог и краевед: «Она сказала мне, что не спала всю ночь. „Видно, скоро конец“, и подарила мне четыре листка с переписанными ею стихами. Одно из них начиналось словами:

Лежу бессильно и безвольно...
В дыму кадильном надо мной
Напев трепещет богомольный,
Напев прощанья с жизнью дольной —
С неверной радостью земной**.

24 ноября Надежда Григорьевна покончила с собой в наемной квартире в доме № 4 по Крапивенскому переулку. Было воскресенье. Львова звала к себе по телефону друзей, включая Брюсова и Шершеневича, «по очень важному делу», но никто ее не навестил. В начале десятого она выстрелила себе в сердце, успев попросить соседа по квартире позвонить Брюсову. Тот немедленно приехал, но застал ее уже без сознания, умирающей. По словам репортера «Русского слова», «Брюсов был страшно потрясен. Он даже не взял письма, оставленного покойной на его имя»***. В нем говорилось: «Хочу я быть с тобой. Как хочешь, „знакомой, другом, любовницей, слугой“ — какие

* «Мотив жестокости, — отметил Ходасевич в рецензии на переиздание „Старой сказки“, — вообще почти неизменно сопутствовал последним стихам Львовой».

** Родин А. Ф. Из минувшего. С. 48.

*** Н. Б. Самоубийство поэтессы Н. Г. Львовой // Русское слово. 1913. № 272. 26 нояб. С. 4.

страшные слова ты нашел. Люблю тебя — и кем хочешь — тем и буду. Но не буду „ничем“, не хочу и не могу быть». Вместе с бумагами покойной оно оказалось в полиции и попало к адресату только в середине декабря. Прочитав его, он писал Шестеркиной: «Это и жестокое, и прекрасное письмо. Конечно, я плакал, читая его. <...> Я должен был все разбить, все уничтожить и все же радостным прийти к ней. Этого я *не мог* сделать, и в этом я виноват».

В ночь с 24 на 25 ноября Брюсов уехал с курьерским поездом в Петербург и остановился в «Северной гостинице», откуда послал Шестеркиной записку — «почерк, которым написан этот текст, лишь отдаленно напоминает брюсовский»*:

«*Напишите мне*
 Русская Мысль
 Нюстадтская 6
 Петербург
 Напишите *всё*
 Пишите *жестoko*
 Я хочу жестокости
 Простите бред
 Я брежу
 Напишите *всё*
 Ваш В.»

Собравшись с силами, он в тот же день написал ей более связно: «Быть там, видеть, это слишком страшно. Быть дома, видеть тех, кто со мной, — это еще страшнее. Вы поймете, Анечка, что я эти дни *не мог быть дома*. Мне надо быть одному, мне надо одному пережить свое отчаянье. Ибо это — отчаянье. В ней для меня было *всё* (теперь можно сознаться). Без нее нет ничего. Поступать иначе, чем я поступал в жизни, я не мог: это был мой долг (говорю это и теперь)». «Кажется, вчера я наделал много глупостей, — писал он жене днем позже. — Послал два очень глупых истерических письма Шестеркиной <...> Пока оставь меня *одного*, мне это так нужно, очень. Во всяком случае, если жить дальше, то *совершенно по-другому*. Со вчерашнего дня я прежний исчез: будет ли „я“ другой, еще не знаю. Но „Валерий Брюсов“, тот, что был 40 лет, умер». Письмо от 28 ноября было более спокойным: «Если можно, будем жить. Но жить *по-иному*, совсем. Преодолей себя, эти дни и жди меня. Начнем жизнь новую»**.

Едва ли не единственные, с кем он виделся, были Мережковские. «Брюсов так вошел, так взглянул, — вспоминала Гиппиус, —

* Лавров А. В. Русские символисты. С. 201.

** Брюсов-ЖЗЛ. С. 406.

такое у него лицо было, что мы сразу поняли: это совсем другой Брюсов. Это настоящий, живой человек. И человек — в последнем отчаянии. <...> Был ли Брюсов так виноват, как это ощущал? Нет, конечно. Но он был *проклят* своей виной <...> В этот странный, единственный час и он чувствовал нашу близость. И, может быть, она немного помогла ему*. «Валерий Яковлевич, милый, Вы нам стали близки, — писала Зинаида Николаевна 14 декабря. — Мы все помним всё это время, думаем о вас глубоко и нежно. <...> Через страдание видишь человеческие глаза. И уж потом никогда не забываешь». «Знаете, почему Вы мне особенно близки? — добавил Мережковский. — Потому что у нас с Вами общий грех — и общее страдание. <...> Для нее, для ушедшей, очень важно, как Вы будете жить, т. е. не в смысле „добродетели“, „нравственности“, а в смысле основной глубокой воли жизни (*к не-одиночеству*). Вы ей можете помочь, как никто: через себя — ей. И я верю, что так и будет. <...> Целую Вас крепко, милый».

27 ноября Львову похоронили на Миусском кладбище (могила не сохранилась). У гроба стояли родители и братья, Садовской, Ходасевич, Шершеневич, друзья из не-литературной жизни. От имени Брюсова был возложен венок с надписью: «Вы, безнадежные, умрите без боли: где-то есть нежные просторы воли»**. Позже на памятнике выбили строку из Данте «Любовь, которая ведет нас к смерти»***. В день ее похорон в Москву из Петербурга приехал Верхарн. Брюсов нашел силы переговорить с ним еще в столице и объяснить, почему не будет встречать друга в Первопрестольной. Сам он вернулся в Москву 1 декабря и на следующий день принимал Верхарна у себя дома, днем позже — в Кружке, а затем показывал ему город.

Проводив гостя, Брюсов в середине декабря уехал в санаторий доктора Михаила Максимовича, специалиста по нервным болезням, в Эдинбурге (ныне Дзинтари) под Ригой. Оттуда он 7 января 1914 года написал Иванову: «Судьба не захотела, чтобы я воспользовался вполне твоей жизнью в Москве. Сначала она не позволила мне видеть тебя так часто, как я того желал бы. Теперь она увела меня на берег полузамерзшего Рижского залива. И верь мне, что то была судьба, а не мое небрежение. Все время я порывался чаще бывать у тебя, но не мог, — теперь это можно сказать.

* Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. С. 270.

** Родин А. Ф. Из минувшего. С. 48–49; искаженная (мемуаристом?) цитата из стихотворения Львовой без заглавия, начинающегося «Все безнадежные, усните без боли!..» (РМ. 1912. № 9. С. 180).

*** Родин А. Ф. Из минувшего. С. 48–49; Бобров А. Серебряный век Подмосковья. С. 205–206.

В санатории М. М. Максимовича.
В центре Валерий Брюсов. Стоят слева направо: Мария Вульфарт,
Елена Шапот, Иоанна Брюсова
Фотография Ю. Кронберга. Майоренгоф. Зима 1913/1914. ГЛМ

Когда выберешь отсюда, еще не знаю». Через восемь дней Вячеслав Иванович ответил: «Меня и тронули и обрадовали твои строки, память твоя и весть ответная на думы о тебе. Мне хотелось увидеться с тобой до твоего отъезда (из Москвы. — В. М.), но я понял, что это невозможно. Рад, что ты стихи пишешь, но хочется посоветовать тебе не возвращаться скоро к очередным занятиям в привычном тебе темпе и не сокращать так сроков необходимого тебе отдыха вдали от здешней суеты»*.

К письму Иванов приложил только что написанные стихотворения «Лира» и «Ось». «Пленен, обрадован, тронут твоими стихами», — откликнулся Брюсов 20 января, посылая ему стихотворный ответ. Десять дней спустя Иванов известил его, что отдал свои стихи в альманах «Сириус» и «хотел бы надписать посвящение „Валерию Брюсову“, но в этом случае, ввиду того интимного, что содержат стихи, без твоего согласия и одобрения не смею и надписываю „другу-поэту“». Но если бы ты был согласен на упоминание твоего имени, тогда уж печатать подряд „Ответ“ — Вяч. Иванову. Твои стихи великолепны, и дуэт мне кажется и красивым и символически ярким**». Брюсов согласился; их стихи появились в альманахе под общим названием «Carmina amoebaea»***, т. е. песни, исполняемые поочередно двумя певцами. О Львовой ни слова, но указание Иванова на «то интимное, что содержат стихи» не оставляет сомнений. Посылая ответ, Брюсов сообщил: «О себе не пишу: трудно. <...> Кое-что узнаешь все же из стихов».

Общий тон послания Иванова — ободрительно-утешающий. Это голос старшего друга и советчика. Впервые за всю историю их знакомства Вячеслав Иванович заявил о себе как о «старшем», а не о «равном» (хотя «по паспорту» был старше на семь лет), напоминая Брюсову о грехе и о Боге:

Есть Зевс над твердью — и в Эребе.
Отвес греха в пучину брось —
От Бога к сердце к Богу в небе
Струной протянутая Ось
Поет «да будет» Отчей воле
В кромешной тьме и в небеси...

Он не только наставлял, но и как бы судил друга, указуя ему путь ко спасению:

* Оба письма впервые: Молодяков В. Э. Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов: окончание диалога (1914–1924) // Collegium. Международный научно-художественный журнал (Киев). 1994. № 2–3 (на обложке: 1995, № 1–2). С. 87.

** ЛН. Т. 85. С. 538–539.

*** «Чередующиеся песни» (лат.).

Ристатель! Коль у нижней меты
 Квадриги звучной дрогнет ось,
 Твори спасения обеты,
 Бразды руби и путы сбрось.

Можно сказать, что он застиг Брюсова врасплох, в минуту слабости, особенно тяжелую для сильного человека. Валерий Яковлевич — при всем уважении и любви к Иванову — не считал его моральным авторитетом для себя и, усмотрев в послании вызов, принял его. Он скромно писал о своем ответе: «смотри на него лишь как на письмо, хотя и в стихах, ибо соперничать с твоими они не смеют», — но это самоуничтожение не кажется вполне искренним. Безупречный по форме, ответ Брюсова таил не менее глубокое содержание — поэтическое и биографическое. Это сознание своего поражения:

Да, так! Моя у нижней меты
 Квадрига рухнула во прах...

(Так в ранней редакции.)

Это решимость выстоять:

И, не повергнут и не согнут,
 Я стал у сломанной оси.
 Нет, я не выбуду из строя,
 Но, силы ярые утроя,
 Вновь вожжи туго закручу:
 Уже на колеснице новой,
 Длить состязание готовый,
 Стою, склоняю грудь, лечу!

Это вежливое неприятие ивановского «учительства» и снисхождения «старшего» к «младшему»:

Всем суждены крушения,
 Кто поднял парус белый,
 Кто в море вышел, смелый,
 Искать земли иной!
 Благих богов решения
 Да славят эти песни:
 Опасней и чудесней
 Да будет жребий твой!

Литература снова переплелась с жизнью. Как бы цинично это ни звучало, известность Львовой принесло именно самоубийство. «Как хлопья белого снега, на другой же день после смерти полетели из книжных магазинов экземпляры „Старой сказки“, — с горечью писал Шершеневич. — В издательство

звонили ежеминутно, прося пополнения. Издание разошлось в три-четыре дня. Спешно было выпущено второе издание*. <...> Если бы при жизни Львовой была написана хоть сотая часть похвал, которые прозвучали после ее смерти, может, оборвавшаяся любовь была бы заменена работой**. Критики и журналисты создали легенду о «погибшем даровании», по-фактум преувеличив ее скромный талант. Кое-кто прямо метил в Брюсова. Софья Парнок восклицала:

Какой неистовый покойник!
 Как часто ваш пустеет гроб.
 В тоскливом ужасе поклонник
 Глядит на островерхий лоб.
 Я слышу запах подземелий,
 Лопат могильных жуткий стук, —
 Вот вы вошли. Как на дуэли,
 Застегнут наглухо сюртук.
 Я слышу — смерть стоит у двери,
 Я слышу — призыв в звоне чаш...
 Кого вы ищете, Сальери?
 Кто среди юных Моцарт ваш?

Сплетничал Ходасевич, хотя Иоанна Матвеевна просила его «похлопотать, чтобы в газетах не писали лишнего». Он писал: «Брюсов меня мало заботил, но мне не хотелось, чтобы репортеры копались в истории Нади. <...> Частица соучастия в *брюсовском преступлении* (курсив мой. — В. М.) лежала на многих из нас, все видевших и ничего не сделавших, чтобы спасти Надю».

Затем Брюсова проклял Садовской в сборнике статей «Озимь» — с той же страстью, с какой ранее славил: «Сальери», «старший брат» ненавистных автору футуристов, «апоэт», которому недоступны чувство природы и любовь, а только «постельно-простыночная» «поэзия» в кавычках. «В истории литературы Брюсов со временем займет место подле Сумарокова, Бенедиктова, Минаева и подобных им писателей, воплотивших отрицательные стороны своих эпох». «Не решаюсь оспаривать Ваше мнение о том, поэт ли я, — сухо ответил Брюсов. — Выражаясь высоким слогом, об этом будет судить потомство. Вы отвели мне место подле Бенедиктова и Минаева — поэтов, владевших стихом лучше всех своих современников. Высшей похвалы нельзя пожелать. Но ведь для Вас мы все только стихотворцы». Заклучив ответ словами: «Вы написали откровенно все, что думали. <...> „Озимь“ создаст Вам много врагов. Я не из их

* С «жестокими» стихами о Брюсове и без его предисловия.

** Мой век, мои друзья и подруги. С. 473.

числа»*, — Брюсов тем не менее в письме к жене назвал Садовского «мерзавцем» и потребовал прервать с ним отношения.

Книга была настолько несправедливой, злой и местами неприличной, что понравилась даже не всем врагам. «Рад я, что в своих взглядах на поэзию Брюсова, — писал автору Айхенвальд, — нашел я в Вас единомышленника, и ярко Вы пишете, красочно, по-русски, — только надо бы спокойнее, не задевая личностей**; говорить надо бы исключительно о литературе, а не о литераторах***. Критику особенно возмутил такой пассаж: «Как Вильгельм, создал Брюсов по образу и подобию своему целую армию лейтенантов и фельдфебелей поэзии, от Волошина до Лифшица (т. е. Бенедикта Лившица — В. М.), с кронпринцем Гумилевым во главе****, — который во время войны с Германией звучал неприлично. Годом позже Садовской оправдывался: «Как писателю, ему (Брюсову — В. М.) обязан я действительно очень многим и, не краснея, могу заявить, что любовь моя к нему граничила с обожанием. Однако, ничего стыдного не вижу я также в том, что с течением времени, охладев к Брюсову как к поэту, я нашел влияние его на литературу вредным*****. И сочинил новый пасквиль: в поэме «Наденька», вошедшей в сборник «Морозные узоры» (1922), был выведен «замоскворецкий де Гурмон» Иоанн Аскетов, он же Иван Егорыч Отшвыренков. Брюсов «поквитался» с ним, не упомянув «Морозные узоры» ни в одном из обзоров послереволюционной поэзии, хотя отметил множество неизвестных стихотворцев. Ироническим ответом мог стать и его неоконченный рассказ об эстетике Лучио Семипиано, который на самом деле звался Лукьян Лупыч Семипьяных*****».

Брюсову надо было объяснить не только перед родственниками Львовой или знакомыми, но и перед читателями. 8 января 1914 года он написал стихотворение «Я не был на твоей могиле...», уверяя, что «храню я целой всю нашу светлую любовь», и заклиная: «Не осуждай и не ревнуй!». Основания для ревности у Львовой были и при жизни. Теперь к ним прибавилось

* *НЛО*. 1993. № 4. С. 121; впервые: Аврора. 1973. № 12. С. 65 / Публ. и предисл. В. Н. Орлова.

** Отсылка к фразе: «Уже на наших глазах погибли в легионе безыменных нежные души В. Гофмана и Н. Львовой»: *Садовской Б.* Озимь. С. 22–23. Эту фразу Брюсов имел в виду в письме Чуковскому (12 августа 1915): «В его книжке есть места, цель которых „обидеть“ лично меня, т. е. намеки на обстоятельства „интимные“, которые читателям абсолютно не могут быть понятны»: *Чуковский К.* Из воспоминаний. С. 361. Чуковскому «книжонка Садовского», которого он в письме к Брюсову 7 августа 1915 года назвал «бескрылым импотентом», «внушила омерзение»: *Чуковский К.* Собрание сочинений. Т. 14. С. 366.

*** *НЛО*. 1993. № 4. С. 122.

**** *Садовской Б.* Озимь. С. 38.

***** *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 197.

***** *НН*. С. 191–195, 304–305; написан не ранее середины 1922 года.

новое увлечение — Мария Вульфарт, о которой позже. Как ни относиться к случившемуся, но именно она помогла Брюсову выйти из психологического кризиса. Об этом Валерий Яковлевич написал слишком откровенно:

Умершим мир! Пусть спят в покое
В немой и черной тишине...
Умершим мир! Но мы, мы дышим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!

Когда автор читал эти стихи в «Эстетике», Ходасевич «прослушав строфы две, встал из-за стола и пошел к дверям. Брюсов приостановил чтение. На меня зашикали: все понимали, о чем идет речь, и требовали, чтобы я не мешал удовольствию».

На сей раз Ходасевич, пожалуй, прав, но он сделал вид, что стихотворение «Умершим мир!» было последним словом Брюсова о Львовой, проигнорировав покаянный сонет в «Роковом ряде»:

Зачем, зачем к святому изголовью
Я поникал в своем неправом сне?
И вот — вечерний выстрел в тишине, —
И грудь ребенка освятилась кровью.
О, мой недолгий, невозможный рай!
Смирись, душа, казни себя, рыдай!
Ты приговор прочла в последнем взгляде...

и не менее горькое стихотворение «Памяти другой» (1920):

Твое обиженное тело
Землей и травами прикрыто,
Но здесь, со мной, твоя любовь;
Смотри ж из темного предела
На все, что в смерти не забыто,
Что, жив, я изживаю вновь, —

хотя не мог не знать их. В августе 1917 года Илья Эренбург после первой личной встречи с Брюсовым записал: «О Наде. Жалкий седой»*, — а позже вспоминал: «Брюсов заговорил о Наде Львовой — рана оказалась незажившей. Может быть, я при этом вспомнил предсмертное стихотворение Нади о седом виске Брюсова, но только Валерий Яковлевич (в 43 года. — В. М.) показался мне глубоким стариком»**.

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 520.

** Эренбург И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М., 1966. С. 229.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«ВЫСОКИХ ЗРЕЛИЩ ЗРИТЕЛЬ»

1913 год занял особое место в жизни Брюсова не только из-за трагедии Львовой: начало выходить полное собрание его сочинений (*ПССП*). После успеха «Путей и перепутий» он задумался об издании нового, четырехтомного собрания стихов «Цель», с вариантами и библиографическими примечаниями, пояснив в наброске предисловия: «Часто бывает интересно знать не только ту форму, какую автор впоследствии придал своим созданиям, но и его первоначальные очертания»*. Реальная возможность осуществить этот план представилась через полтора года. 16 октября 1912 года Ремизов сообщил Валерию Яковлевичу, что в Петербурге создано издательство «Сирин» — «солидное, просвещенное, литературное и русское». Последнее слово подчеркивало отличие от «Шиповника» — предприятия Соломона Копельмана и Зиновия Гржебина, которое литераторы за глаза называли «жидовником»: делец Гржебин покупал рукописи и авторские права оптом, платил мало, но издавал быстро и неплохо. «Сирин» не преследовал коммерческих целей: за ним стоял капитал сахарозаводчика-мецената Михаила Терещенко. По рекомендации Ремизова основную работу в издательстве взял на себя критик и публицист Иванов-Разумник, 20 октября выехавший в Москву для делового разговора с Брюсовым**.

Предложение звучало заманчиво, но Валерий Яковлевич был связан со «Скорпионом», поэтому 25 октября подробно и откровенно написал Полякову: «Издавая свои книги у Вас, в привычном и бесконечно дорогом мне (Вы этому поверите) „Скорпионе“, я никогда не стал бы вести переговоров с другим

* Брюсов-ЖЗЛ. С. 361.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 216–217.

Писатель Валерий Брюсов у себя дома.

См. статью во журнале «Огонек» С. Г. Суворова.

Валерий Яковлевич Брюсов живет в Москве, на Первой Мещинской. Занят горько почти не приходится из-за отсутствия каторжников в маленьком узком отделе бывшего подвала английской конюшни, отгороженного от узких заловодных. В соседней Брюсовых, куда принадлежат, В. Я. живет почти безвылазно уже сорок пять лет. — И люблю город, — говорит он, — и живу в Москве, всё лето городскому духу и воздуху, который мне нравится, всё же не могу-сказать... В деревню В. Я. никогда не ходит. Была одна печальная поездка. В деревню ему стало так тяжело,

ние) «Французская литература XIX века», редактирует отделение Карлосом Павловой и г. А. В. Я. участвует в издании и статьи, — много статей, — участвует читать лекции в собраниях общества «Свободной мысли». Докладывает Брюсову на собраниях поэты. — Густо, — говорит В. Я., — но всё же всегда читать приходится.

У В. Я. большая библиотека. Одна половина принадлежит Пушкину: Первые издания «Известия Овчинина», «Коллекция Писемских», редакционные выпуски Пушкина и о Пушкинах. Другая половина собрания — поэты, поэты, поэты — классиков, прошедший современными поэтами России и иностранцами, для поэты, занятая «сложными» футуристами.

Кабинет В. Я. удивительно прост — из одной комнаты, бывшей из сада величии. Большая настенная стена, английские книжки и портреты, другой — с пишущей машинкой, третий — для работы, не гробовой солидности интерьера. Книжки на шкафы, на стенах портреты Пушкина, На, Соколова, почти все англоязычные портреты писателей В. Я. сфотографированы.

Во маленькой узкой комнате — шкафы с литературой по искусству, — большое чашею иностранной, собранной поэтами во время зарубежных поездок. На стенах картины: Рабиндранат Тагору, Феофановича, Ванга, а рядом с ними... Ларионов и г-жа Гончарова. Это все живописи принадлежат поэту автору. В

что он с трудом доводит возможности забыть... Брюсов как и другие Брюсовы указывает на границу — удалившись из моря. Далеко — в Париж или в Палладию — он делает ту работу, которая не нуждается ни в материалах, ни в словарях, пишет стихи и рассказы. Дома работа нива. Утро у В. Я., встало как обычно до полной ночи обязанности председателя Московского литературно-художественного кружка, выступают отсюда покая. Сь работами переписки для себя, что и т. в. работа идет до самого вечера но для его дома, что идет в год, всего уже 25 лет... Работа самая разнообразная. Она требует почти одновременно писать романы, повести, стихи, переводить, редактировать. Сейчас почти закончен русский перевод. Он пишет большую повесть из русской жизни — «Клеветы» американский (основано «Аллага повести»), повесть из русской жизни «Обручение Дашки», статьи об Атаманчик, переводить «Оводку Вирджиния», начинать второй том своего собрания «Миссиссиппи», четыре книги (второе издание) «Миссиссиппи», четыре книги (второе издание)

1) В. Я. Брюсов пишет на машинке. 2) На отдыхе в гостинице. 3) За рабочим столом. 4) За завтраком.

этой маленькой гостиницы В. Я. принадлежит к кругу близких к ней известных писателей, которая она указывает своему отцу. Г. И.

Писатель Валерий Брюсов у себя дома
Репортаж из журнала «Огонек» (1914. № 1)

издательством, если бы передо мной, с каждым годом все настойчивее, не вставал вопрос чисто материальный. Дело в том (говорю вполне откровенно), что разные полученные мною „наследства“ (после деда и после отца) подходят у меня к своему прискорбному концу, и близко время, когда я буду принужден довольствоваться своим литературным гонораром, которого

мне никогда не хватало. С другой стороны, подходят сроки уплаты некоторых моих долгов <...> „Сирин“, который безусловно *может* выполнить свои обязательства, предлагает мне: издать в течение нескольких лет (соответственно срокам, когда были выпущены предыдущие издания моих книг) собрание в 27–30 томов (в том числе несколько новых), в 3 000 экземпляров> (с сохранением матриц для дальнейших изданий), ценою по 1 р. 50 к. за том, и согласен уплатить мне 25 % с номинальной цены издания, т. е. приблизительно 30.000 р., из коих авансом, в день подписания договора, готов выдать мне сумму от 7 до 10 тысяч р.* <...> Для меня могут иметь значение не только самые эти „условия“, сколько возможность одновременно получить некоторую, — для меня значительную, — сумму денег, которая мне весьма нужна и которую все равно, если не в этом году, то в следующем, я был бы принужден искать. <...> Вопрос в сущности идет о том, может ли „Скорпион“ в какой-либо степени компенсировать мне предложения „Сирин“. Иначе говоря, — пожелали бы Вы (если бы предложения „Сирин“ оказались вполне обоснованными) и имели ли бы возможность выдать мне одновременно сумму, приближающуюся к авансу, предлагаемому мне „Сирин“, т. е. 7 или хотя бы 6 тысяч рублей, сохраняя за мною при этом дальнейший гонорар в 150–200 р. в месяц**, так чтобы в течение лет 5 я мог бы получить если не 30.000 р., о которых говорит „Сирин“, то хотя бы 18–20 т. р.*** Если бы у Вас была охота и возможность предложить мне что-либо подобное, я, конечно, немедленно прервал бы все дальнейшие переговоры с „Сирин“ и был бы от души рад такому исходу дела****.

«Скорпиону» это было не по силам. В конце октября Брюсов отправился в Петербург для официальных переговоров, завершившихся договором об издании *ПССП* в 25 томах, с вариантами

* В черновике письма названы несколько иные условия: 25–27 томов, 2000 экземпляров, 1 руб. 50 коп. за том, гонорар 25 % с номинальной стоимости, т. е. 20–21 тыс. руб. в сумме, 8–10 тыс. руб. авансом. «Скорпион» тогда платил Брюсову 15 % с номинальной стоимости книги.

** После заключения договора «Сирин» платил Брюсову 300 руб. в месяц в счет гонорара.

*** Бунин, ведя в 1910 году переговоры с издательством «Просвещение» об издании полного собрания сочинений, требовал 35 тыс. руб. (первоначально 70 тыс. руб.) за право переиздания ранее вышедших книг сроком на 10 лет и по 20 % с номинальной стоимости каждого нового тома при тираже в 20 тыс. экземпляров; «Просвещение» предлагало 40 тыс. руб. за приобретение «навек» прав на эти книги (с выкупом их за счет автора у прежнего владельца — издательства «Знание») и по 500 руб. за авторский лист будущих книг; переговоры закончились неудачей: *Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов*. С. 137–138, 153–157.

**** *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 131–134.

и примечаниями, на которые Иванов-Разумник с готовностью согласился. Тираж издания был определен в 2100 экземпляров, цена в 1 руб. 75 коп. за том объемом в 16–20 листов. Для книг в издательских картонажных переплетах с золотым тиснением это было недорого: «скорпионовские» книги Брюсова в бумажных обложках при сопоставимом и меньшем объеме стоили по 2 руб. («Далекие и близкие», «Зеркало теней» и «Собрание стихов» Верлена). Издание сочетало простоту и строгость оформления с высоким качеством полиграфии, что стало фирменным знаком «Сириня». «На мертвенно-сером фоне холодно и жутко горят золотые буквы титула — такова обложка Полного собрания сочинений В. Брюсова. И в этом сочетании есть действительно что-то подлинно брюсовское. Сквозь серую, сумеречную „повседневность“ странно, болезненно и немного жутко вспыхивают золотые „мгновения“ снов и мечтаний*». Не знаю, видел ли Валерий Яковлевич в этом сочетании цветов глубокий смысл, но оформлением он остался доволен.

Выпуск собрания сочинений был обычной практикой для тогдашних русских писателей, молодых и ветеранов, реалистов и модернистов. Зачастую такие издания механически воспроизводили ранее вышедшие книги, а новые выпускались как очередные тома собрания. Брюсов придерживался иной точки зрения, что видно из предисловия к первому тому *ПССП*: «Я никак не могу разделить взгляда, распространенного в наши дни, что „Собрание сочинений“ — лишь случайный агломерат разных сочинений данного автора. <...> Мы видим также печальные примеры, что писатели, которые должны были бы относиться более строго к написанному ими за их уже долгую жизнь, решаются выпускать в свет свои „Собрания сочинений“ в виде простой перепечатки разных своих книг, соединенных в совершенно случайном порядке. Мне всегда казалось, что в таком отношении к своей работе есть значительная доля неуважения к самому себе и к своему делу. Вот почему, решившись впервые соединить все, написанное мною, в форме „Собрания сочинений“, я счел своим долгом обдумать и план, и состав издания. Я постарался расположить написанное мною в определенном порядке, который облегчил бы читателю, — когда собрание сочинений будет закончено, — возможность понять то, что мне хотелось сказать ему».

Первоначальный план *ПССП* был таков. Тома с I по IV — переиздание книг стихов до «Зеркала теней» включительно;

* Рецензия Б. М. Эйхенбуама на третий и четвертый тома *ПССП*: Северные записки. 1915. № 4. С. 223–225; перепеч.: *Эйхенбаум Б. М.* О литературе. М., 1987. С. 321–323.

Проспект «Полного
собрания сочинений
и переводов»
Валерия Брюсова,
выпускавшегося
издательством «Сирин»
1913. ВЭМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СИРИН"

Б.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПУШКИНСКАЯ, 10.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВодОВЪ
ВАЛЕРІА БРЮСОВА.

Полное собрание будетъ заключать 25 томовъ. Издание будетъ выпускаться въ переплеткахъ по специальному заказу издательства, печататься на бумаге «верже»; каждый томъ будетъ состоять изъ 16—18 печатныхъ листовъ (260—300 стр.). Первый томъ выйдетъ въ февралѣ 1913 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

- ТОМЪ 1. Поэтыя мѣла. Предисловіе въ полное собраніе сочиненій и переводовъ. Юношескія стихотворенія (1-е изданіе). Сдѣл. Родутичъ (2-е изданіе, значительно дополнено). Мѣ ели ели (2-е изданіе, значительно дополнено). Въ этотъ томъ войдетъ около 50 стихотвореній, не включившихся въ собраніе «Луки и поречья». Предисловія и послѣдія.
- ТОМЪ 2. Письма (1-е изданіе, значительно дополнено). Письма (2-е изданіе, значительно дополнено). Вѣд.
- ТОМЪ 3. Стихотворенія. Вѣдѣныя (2-е изданіе, дополнено).
- ТОМЪ 4. Стихотворенія. Вѣдѣныя (2-е изданіе, значительно дополнено).
- ТОМЪ 5. Сѣд лон залитыя. Вослѣдъ хлѣба стихотв. (1-е изд.).
- ТОМЪ 6. Дневникъ Меленя. Дневникъ Меленя. Стихотв. (1-е изд.).
- ТОМЪ 7. Стихотворенія. Директорскія оравація жидовъ (оригиналы, стихи, статьи и письма (1-е изданіе)).
- ТОМЪ 8. Стихотворенія. Стихотворенія (2-е изданіе).
- ТОМЪ 9. Воля и лѣн. Вторая книга рассказовъ (2-е изданіе, дополнено).

- ТОМЪ 10. Третья книга рассказовъ (1-е изданіе).
- ТОМЪ 11. Стихотворенія. Поэтыя мѣла. Первая часть (1-е изданіе).
- ТОМЪ 12. Опыташій ангелъ. Вторая часть (2-е изданіе).
- ТОМЪ 13. Лазарь Поубанъ. Поэтыя мѣла. Книга 1—II (1-е изданіе).
- ТОМЪ 14. Лазарь Поубанъ. Книга IV. Юлѣево, лювернетинскій Пѣнскій-IV мѣла (1-е изданіе).
- ТОМЪ 15. Дрѣво. Звѣзда. Путь. Просторная умерщвлѣніе и др. (1-е изданіе, озаглавлено).
- ТОМЪ 16. Стихотворенія. Стихотв. и записки о дружествѣ. Стихотв. отъ Тополева до нашихъ дней (2-е изданіе, дополнено).
- ТОМЪ 17. Стихи биогрѣфическія. Статьи по иностранной лингвистикѣ (1-е изданіе).
- ТОМЪ 18. Звѣзда. Статьи историческія. Статьи о царствѣ (1-е изд.).
- ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Историческія и записки о Пушкинѣ, биогрѣфическія, критическія и библиографическія дополненія.
- ТОМЪ 20. За мѣла. Стихотв. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли (2-е изданіе, значительно дополнено).
- ТОМЪ 21. Французскіе поэты XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики (2-е изданіе, дополнено).
- ТОМЪ 22. Поля. Вертеки. Собрание стихотв. въ переводѣ и оригиналѣ биогрѣфическаго очерка (2-е изд., доп.).
- ТОМЪ 23. Эпигра. Вертеки. Критико-биогрѣфическія очерки въ оригиналѣ и переводѣ. Стихотворенія. Стихотворенія. Стихотворенія.
- ТОМЪ 24. Стихотв. По. Собрание стихотв. въ переводахъ и критико-биогрѣфическаго очерка (1-е изданіе).
- ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихотв. (1-е изданіе).

Цѣны по полнотѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія — 25 р. Допускается раскромка платежа: при подпискѣ авансомъ 3 руб. и при выходѣ каждого тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома — безплатно. Желаніемъ получить съ доставкою книги высказываются напередѣ, переводы, переписки по доставленію стонимки, платякомъ, переписки въ каждаго тома 1 р. 75 к.

Гр. членораздѣльно при продажѣ отдѣльныхъ томовъ 25%; съ подпискою цѣны снижены нѣтъ.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сирин“, СІВ., Пушкинская, 10.

См. на оборотѣ

V, VI и VII — новые сборники стихов «Sed non satiatu»*, «Девятая Камена» и «Сны человечества»; VIII, IX и X — книги рассказов «Земная ось», «Ночи и дни» и неозаглавленная третья**; XI и XII — «Огненный ангел»; XIII и XIV — новый роман «Алтарь Победы»; XV — пьесы; XVI — «Далекие и близкие»; XVII — «Статьи биографические. Статьи по иностранной литературе»; XVIII — «Звенья. Статьи теоретические. Статьи о театре»; XIX — «Мой Пушкин. Исследования и заметки о Пушкине, биографические, критические и библиографические»; XX — «За моим окном. Встречи, впечатления, мысли»; XXI — «Французские лирики XIX века»; XXII, XXIII и XXIV — переводы из Верлена, Верхарна и По; XXV — «Разные переводы в стихах». Ранее опубликованные книги предполагалось переиздать в «значительно дополненном» виде. Датированный апрелем 1914 года, новый проспект издания вносил коррективы: из плана исчезли «Сны человечества», третья книга рассказов и «Статьи биографические»; на переиздание книг стихов отводилось пять томов, «Далеких и близких» — два тома; появился новый роман «Юпитер поверженный». Свет увидели только восемь томов: I–IV (стихи до первой части «Всех напевов» включительно), XII, XIII, XV и XXI***. Добавлю, что не все из указанного в проспекте было подготовлено к печати, а «Юпитер поверженный» и вовсе остался неоконченным.

Включение извлеченных из стола ранних стихотворений, а также наличие вариантов и примечаний, непривычных тогда в издании здравствующего автора, требовали объяснений. «Я прошу не видеть в этом излишнего авторского самолюбия, придающего цену каждой написанной строчке. <...> Иная вещь, слабая сама по себе, не удавшаяся автору или представляющая простое подражание другому, — на своем месте, в „Собрании сочинений“, получает смысл и значение****. <...> Теперь, в годы,

* Авторский перевод: «Но не утоленный» или «Все же еще не пресыщенный» (лат.).

** В материалах собрания сочинений, которое Брюсов в 1919 году готовил для издательства Гржебина, есть план третьей книги рассказов «Здесь и там»: «Обручение Даши», «Последняя любовь», «После детского бала», «Султан Мурад», «Рея Сильвия», «Эзули, сын Эзули»: *Благоволина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова. С. 51.

*** Т. I (13–20 мая 1913), II (26 февраля — 6 марта 1914), III (19–26 июня 1914), IV (21–28 января 1915; дата: 1914), XII (6–13 августа 1913), XIII (17–24 сентября 1913), XV (19–26 июня 1914), XXI (5–12 февраля 1914; дата: 1913).

**** Ср. предисловие Блока к первому тому «мусagetского» «Собрания стихотворений» (1911): «Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии»: *Блок-ПСС*. Т. 1. С. 179.

когда уже наступает время критически отнестись к своему прошлому, перечитывая, после длинного промежутка времени, различные редакции одного и того же стихотворения, я не всегда нахожу наиболее удачную последнюю. Правда, мне удалось исправлять явные промахи неопытной руки начинающего стихотворца, но случалось также, незаметно для самого себя, уничтожать этим характерное одушевление юного поэта. Теперь эти разные обработки одной и той же темы я отдаю на суд читателей».

Трудно сказать, кого *персонально* имел в виду Брюсов, говоря о писателях, переиздающих свои произведения «в виде простой перепечатки разных своих книг, соединенных в совершенно случайном порядке». Но Бальмонт обиделся и поднял перчатку: «Валерий Брюсов полагает, что он академик и что он уже помер. Он издает поэтому академическое посмертное собрание своих сочинений, с примечаниями, вариантами, точными датами и трогательно-подробным сборником библиографических указаний <...> Брюсов глубоко заблуждается. Он еще не помер, хотя его способ прощаться с живыми свидетелями своих истинных переживаний, — с лирическими стихами юных своих дней, — его способ, переиздавая их, забивать их в гроб и добивать их вариантами и примечаниями, может заставить опасаться, — хочу думать, опасаться напрасно, — что как лирический поэт он близок к смерти. <...> Лирика по существу своему не терпит переделок и не допускает вариантов. <...> Лирическое стихотворение есть молитва, или боевой возглас, или признание в любви. Но кто же в молитве меняет слова? Неверующий»*.

Брюсов ответил «брату Константину» не потому, что его отзыв был столь резким, а потому что тот затронул принципиальный вопрос: вправе ли поэт исправлять и перерабатывать свои стихи или нет. Бальмонт считал, что не вправе, и сам был к этому не способен (что причина, а что следствие — судите сами). Той же точки зрения придерживался Уайльд, ответивший на просьбу исправить несколько запятых при переиздании своей пьесы: «Кто я такой, чтобы посягать на совершенство». Сокологуб не отрицал необходимости работы, но не любил переделывать законченные тексты: «Всякий автор, когда пишет, напрягает себя до последней степени. <...> Как же он может сказать еще что-то лучшее и большее, когда напряжение его прошло, когда он и во времени отошел от своего создания? <...> Я ничего существенного не могу ни прибавить, ни изменить

* Бальмонт К. Забывший себя // Утро России. 1913. № 179. 3 авг. С. 3; перепеч.: Бальмонт К. О русской литературе. С. 117–120.

в законченной вещи, потому что этому предшествует длинный период обработки, поправок, перечитываний, переписываний»*.

В статье с программным названием «Право на работу» Брюсов заявил: «И вовсе не для защиты своих стихов, но ради интересов всей русской поэзии и ради молодых поэтов, которые могут поверить Бальмонту на слово, я считаю своим долгом против его категорического утверждения столь же категорически протестовать. <...> На исчерканные черновые тетради Пушкина, где одно и то же стихотворение встречается переписанным и переделанным три, четыре, пять раз, мне хочется обратить внимание молодых поэтов, чтобы не соблазнило их предложение Бальмонта отказаться от работы и импровизировать, причем он еще добавляет: „И если пережитое мгновение будет неполным в выражении — пусть“. Нет, ни в коем случае не „пустить“: поэты не только вправе, но обязаны работать над своими стихами, добываясь последнего совершенства выражения». Его союзником оказался Поль Валери: «Стихотворение с вариантами — настоящий скандал для ума обыденного и ходячего. Для меня же — заслуга. Сила ума определяется количеством вариантов»**.

21 августа Бальмонт писал Брюсову: «Спора никакого здесь быть не может, ибо тут догмат, у меня один, у тебя другой. Догмат можно принять или отвергнуть». Но продолжал спорить: «Мы знаем в истории литературы целый ряд примеров, что и талантливые и гениальные поэты, переделывая, портили свои произведения. <...> Если достойнейшие люди этим занимались в минуту прихоти или оскудения или повинуюсь неверному методу, зачем бы и я стал делать то же»***. В письме он был более резок: «Я воистину огорчен формой твоих, изданных вновь, прежних книг. Они теряют так всякую власть надо мной, и это мне прискорбно. И такие стихотворения, которые мы пережили вместе, — „Моя любовь палящий полдень Явы“, — отняты у меня, как бы лично у меня»****. Адресат счел дальнейшую полемiku бессмысленной.

Отклики на первые тома *ПССП* даже в антимодернистском лагере отличались подчеркнутым объективизмом*****. Ходасевич

* Цит. по: Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 147.

** Валери П. Об искусстве. М., 1975. С. 586.

*** Бальмонт К. Что есть работа: (Ответ В. Брюсову) // Утро России. 1913. № 193. 22 авг. С. 4.

**** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 233.

***** Современник. 1913. № 8. С. 323–325 (В. Л. Львов-Рогачевский); Современный мир. 1913. № 9. С. 254–256 (2-й паг.) (В. П. Крайнихфельд).

констатировал: «Каково бы ни было влияние Брюсова на русскую поэзию <...> для каждого беспристрастного читателя давно уже ясно, что имя Брюсова никогда не будет забыто историей». Валерий Яковлевич и сам понимал это, но современность волновала его больше, чем история. У него обострилось предчувствие нового, глобального конфликта. В 1911 году он написал стихотворение «Проснувшийся Восток», вошедшее в «Зеркало теней», а в 1913 году развил его идеи в статье «Новая эпоха во всемирной истории»*, основу которой составила давняя рукопись «Метерлинке-утешителя». Несмотря на повторы, это самостоятельные статьи, вызванные к жизни разными событиями: неудачной для России войной с Японией и победоносной Балканской войной славянских государств против Турции, — но их основные положения совпадают.

Во-первых, это географическая и геополитическая завершенность мира, «освоенность» всего земного шара: «Железные дороги, трансокеанские стимеры, телеграфы, телефоны, автомобили и, наконец, аэропланы связали между собою страны и народы. То, что прежде было разделено многими днями или даже неделями пути, теперь приблизилось на расстояние одной или двух ночей переезда или по телеграфу на расстояние нескольких минут». Во-вторых, взаимосвязанность происходящего на планете — политическая, экономическая, информационная, культурная: «Четверть века назад европейские газеты довольствовались телеграммами из одних европейских центров. В наши дни нам уже необходимо знать, что вчера случилось в Нью-Йорке и в Пекине». В-третьих, критика европоцентризма: «Гордая своими успехами, открытиями, изобретениями, завоеваниями, Европа давно употребляет слова „культура“, „цивилизация“ в смысле „европейская культура“, „европейская цивилизация“. Она забыла, что были другие культуры, ставившие себе иные задачи, оживленные иным духом, отличавшиеся внешними формами, в которые отливало их содержание». Брюсов выступал как защитник европейско-христианской цивилизации и культуры, но предостерегал от недооценки других: «Какие же причины воображать, что европейская культура окажется, не говорю — бессмертной, но более долговечной, чем многие другие, восставшие на земле во всем сиянии знания, религиозно-философского мышления, художественного творчества и после нескольких столетий жизни исчезающие из истории навсегда?»

Объединяет статьи и тема борьбы европейско-христианской цивилизации со своими врагами. Еще в «Метерлинке-утешителе»

* РМ. 1913. № 6. С. 94–105; перепеч.: МС. С. 103–114.

Брюсов утверждал: «Разве теперь культуры Европы и Дальнего Востока не противоположны друг другу по самой своей сущности: это именно два мира, в которых все разное – самый способ мышления, красота и безобразие, добро и зло, Бог и Дьявол». Он четко охарактеризовал «пробуждение Азии»: «Гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах Ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом. Первая, в новое время, открытая победа неевропейцев над европейцами, быть может, самое замечательное событие последних веков. <...> Будущему предстоит видеть вместо отходящих в прошлое войн между народами столкновения рас, культур, миров».

Переходя от рассуждений к анализу текущей ситуации, он предсказывал: «Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке». Эта фраза особенно интересна, поскольку в то время не было никаких конкретных оснований для пророчеств о «пробуждении Африки». Брюсов отказывался верить в возможность внутриевропейской войны: «Европе предстоит сплотиться перед лицом общих врагов всей европейской культуры. Важно ли, кому будет принадлежать клочок земли, вроде Эльзаса-Лотарингии, Шлезвиг-Гольштинии, Скутари, когда под угрозой окажется все добытое двумя или даже тремя тысячелетиями культурной жизни. <...> В опасности окажется весь строй нашей жизни, весь ее дух, а перед такой угрозой все европейцы не могут не почувствовать себя гражданами единой страны, детьми единой семьи».

За все, что нам вещала лира,
Чем глаз был в красках умилен,
За лики гордые Шекспира,
За Рафаэлевых мадонн, —
Должны мы стать на страже мира,
Заветного для всех времен.

На выступление Брюсова отозвался идеолог эсеров Виктор Чернов, но империалист и социалист говорили на разных языках: «Вместо „угрозы европейской культуре“ налицо скромная попытка освобождения от ига разбойников колониальной политики, от опеки интриганов иноземной дипломатии, от назойливости привозных миссионеров да еще от чудовищной эксплуатации воротил европейской биржи, банков и мануфактур. Правда, это люди, принадлежащие к одной с нами расе. <...> Разглагольствования о новой эре всемирной

истории кончаются весьма „практичным“ призывом к буржуазным государствам Европы сплотиться в прочный политический и экономический трест для увековечения нынешнего порабощения „желтых“ и „черных“ собратьев». Выводы тоже были разные: «На деле эта система двух друг против друга стоящих союзов*, — писал Чернов, — не консолидировала Европу, а разорвала ее надвое и, под громким именем „европейского равновесия“, парализовала ее взаимным соперничеством. <...> Величайший позор нашей цивилизации заключается в том, что эта розничная „игра вничью“ тройственного союза и тройственного соглашения, установившая для переживаемого десятилетия норму непрерывных частичных войн, является еще наименьшим из зол <...> Вся Европа может превратиться в арену таких же ужасов и гнусностей, какими только что, на глазах у нас, были полны Балканы. Для всего мира может наступить такая же зловещая полоса дней огня и крови»**.

Время показало правоту Чернова, причем показало очень скоро — в августе 1914 года в Европе началась полномасштабная война. Брюсов воспринял ее как глобальную трагедию, что видно из цикла стихов «Современность» и статьи «Война вне Европы»***. Он сразу осознал масштаб конфликта (гибельный, по его мнению, для Германии), но обольщался, что война станет последней в истории человечества, избавив его от всех несправедливостей:

Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

Ивективы Брюсова отличались сдержанным тоном (самые резкие — «надменный германец» и «тевтон»), не содержали шапкозакидательских заявлений и оскорблений в адрес противника. А взрыв ненависти ко всему немецкому был в России бурным и внезапным. Издатель эсеровского журнала «Заветы» Сергей Постников вспоминал об одном из редакционных собраний первого месяца войны: «Ф. К. Сологуб громил немцев и призывал к отомщению за их жестокости, о которых тогда писали русские газеты. За каждого убитого русского, говорил он, мы должны убить десять немцев. За изнасилованную русскую женщину — насилловать немок. П. Е. Щеголев <...> поддерживал

* Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии и Тройственное соглашение (Антанта) Великобритании, Франции и России.

** *Вечев Я. <Чернов В. М.> Дела и дни. П. Чайния грядущего // Заветы. 1913. № 9. С. 113–131 (2-й паг.)*

*** *РМ. 1914. № 8/9. С. 241–244. 131–141.*

Сологуба и говорил о некультурности немцев. Блок недоуменно смотрел на них и по обыкновению молчал. М. М. Пришвин напевал солдатские песни*. В хоре проклятий Германии тон задавали не только бульварные журналисты, но и такие люди, как Бальмонт, Сологуб, Городецкий, Северянин, ранее не отличавшиеся шовинизмом.

Журналы и газеты наполнились «страшилками» о жестокости немцев на фронте, особенно в Бельгии, о шпионаже и опасности диверсий в тылу, сея подозрительность и разжигая темные инстинкты. Своим авторитетом эту кампанию поддержал Верхарн в книге «Окровавленная Бельгия», в рецензии на перевод которой Брюсов допустил наиболее резкие выпады против Германии: «Она всегда была страной безжалостных маркграфов и кровавых ландскнехтов. Тысячелетия она бросала свои орды на Европу. В этом ее роковое и страшное предназначение**». Влюбленный в стихи великого бельгийца, пацифист Волошин осудил его: «Провидец, пророк — Верхарн ослеп. Гражданин заглушил поэта. Вместо ужаса перед совершавшимся и крика о безмерной любви он забыл свое поэтическое служение и написал „Окровавленную Бельгию“ — книгу ненависти. Он изменил себе, — а это не проходит даром поэту, — и потому он умер***».

Пренебрежительных высказываний о Германии Брюсов не допускал даже в письмах и разговорах — не то что о японцах десятью годами ранее: он делал различие между «белыми» и «желтыми». По той же причине германско-турецкий союз казался ему предательством Европы со стороны кайзера. Валерий Яковлевич демонстративно предпослал антитурецкому стихотворению 1915 года «Отрывок» («Там, где Геллеспонта воды...») эпиграф из баллады Шиллера «Геро и Леандр», хотя недостатка в цитатах из «невражеских» поэтов не было.

Брюсов четко выразил свою позицию: «Если бы обстоятельства момента сложились так, что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, после чего наступит грядущее торжество родины, и тогда явится поэт, достойный великого момента****». Поэтому только предвзятостью можно объяснить запись Гиппиус: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как

* Цит. по: *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: Идеология, основы, режимы власти. М., 1998. С. 33–34.

** Русские ведомости. 1915. № 154. 5 июля. С. 5.

*** Изложение лекции Волошина «Судьба Верхарна» (2 февраля 1917): *Лаустовский К.* Поэтическое излучение. М., 1976. С. 409.

**** Выступление на банкете в Московском литературно-художественном кружке (18 января 1915): *Известия Литературно-художественного кружка.* Вып. 10. Февраль 1915. С. 40.

зарезанная, о войне с первого момента. И так бездарно, один стыд сплошной. <...> Но Брюсов! Но Блок! И все, по нисходящей линии. Не хватило их на молчание. И наказаны печатью бездарности*». Если военные стихи Брюсова к шедеврам не относятся, то блоковские «Стихи о России» «бездарными» не назвать. Позднейшие оценки напрямую зависели от политической ситуации. В 1930-е годы писали, что «почти весь комплекс патриотизма, слепого шовинизма и империалистической агрессии у Брюсова налицо**». В годы Великой Отечественной войны его стихи вышли в массовой серии «Писатели — патриоты великой Родины», а позже акцент делался на сочетании патриотизма и интернационализма, присущем его позиции.

Из-за начала войны незамеченным прошел первый и, насколько известно, единственный фильм, поставленный по сценарию Брюсова при его жизни. Это драма популярного режиссера Евгения Бауэра «Жизнь в смерти» со звездой немого кино Иваном Мозжухиным в главной роли, выпущенная кинофабрикой Александра Ханжонкова: премьера в провинции 6 августа, в Москве 24 октября 1914 года***. «Вестник кинематографии» дал следующий анонс не дошедшей до нас ленты: «Страшная катастрофа — смерть молодой невесты — навсегда перевернула жизнь доктора Ренэ, изменила весь смысл и значение ее. Одиноко живет он, всецело отдаваясь своим странным, никому не нужным опытам. Он задался целью сохранить от тления красоту. Это ему до некоторой степени удается — в его лаборатории хранятся никогда не увядающие цветы. Однажды к нему приходит привлеченный его репутацией врача и ученого некий адвокат Покровский и умоляет спасти его жену. Неохотно следует за ним Ренэ, но остается, пораженный совершенной красотой больной. Знакомство их продолжается, и по выздоровлении молодую женщину не удовлетворяют серые будни жизни, она ищет красоту, ищет и в жизни, в искусстве, в любви. Встреча с доктором Ренэ произвела на нее огромное впечатление — ее тянет к нему какая-то таинственная, непонятная ей сила, и мучает ее что-то странное, жуткое в нем. По совету врачей Покровский решает отправить жену на юг и просит доктора сопровождать ее. И тут Ренэ выполняет свою заветную мечту: он убивает молодую женщину, чтобы сохранить красоту ее. Красота должна быть нетленной. Проходит 15 лет. В то время как женившийся вторично Покровский наслаждается

* Гитлис З. Дневники. Т. 1. С. 401 (28 мая 1915).

** Поступальский И. Поэзия Валерия Брюсова. С. 71.

*** Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945. С. 40.

настоящим мещанским семейным счастьем, уже дряхлый, разбитый доктор Ренэ спускается в помещение, где хранится его сокровище – нетленная красота любимой женщины)*. Заинтересовавшись перспективой работы в новой области, Брюсов уже после революции служил в Московском кинокомитете, где редактировал сценарии и сам писал их. По договору от 29 июня 1918 года кинокомитет купил у него сценарий «Карма», но фильм по нему так и не был поставлен**.

«Валерий Яковлевич не был в стороне от бурно развивающихся событий. Жил он лето 1914 года в Опалихе, но часто наведывался в Москву и даже договорился, чтобы ему немедленно сообщили о начале военных действий. На другой день по объявлении войны, согласно договоренности, рано утром за Брюсовым на машине приехал заместитель председателя Литературно-художественного кружка Иван Иванович Попов, и они поехали в Москву. <...> После недолгих приготовлений и прощального банкета в стенах Литературно-художественного кружка (24 июля. – В. М.), Брюсов уехал на театр военных действий»*** корреспондентом «Русских ведомостей». Ярославская газета «Голос» получила право перепечатывать его статьи с небольшими изменениями и называть его «собственным корреспондентом».

26 июля председатель Общества любителей российской словесности Алексей Грузинский написал Брюсову: «От души желаю, чтобы Ваша поездка дала Вам то обновление, в котором периодически нуждаемся все мы, когда жизнь долго держит нас в одних рамках. Мне кажется, что наша русская жизнь накопила жажду такого обновления; думаю, что и Вы испытываете нечто подобное. <...> Мы переживаем его, и все почувствуем очищение воздуха, когда пройдет гроза, и Вы будете тогда счастливее многих, ибо Ваше обновление произойдет на почве прямого соприкосновения с могучим пульсом жизни»****.

9 августа Валерий Яковлевич председательствовал на чрезвычайном общем собрании Литературно-художественного кружка. 13 августа он выехал из Москвы и через два дня был в Вильно. Там он встретился с «милым юношей» Вацлавом Ледницким – сыном польского общественного деятеля Александра Ледницкого, от которого заранее получил рекомендательные письма к местной интеллигенции. Старинный город

* Вестник кинематографии. 1914. № 95/15. 1 авг. С. 28–29.

** Вознесенский А. С. Встречи с Брюсовым / Предисл. Ю. Красовского // Из истории кино. Вып. 7. М., 1968. С. 93–97.

*** Чудецкая Е. В. Из переписки Брюсова 1914–1915 годов // Чтекия-1973. С. 437–438 (в статье есть хронологические ошибки).

**** Переписка Брюсова с А. Е. Грузинским / Вступ. заметка, публ. и примеч. И. А. Атаджанян // НБ. С. 433.

Янка Купала
1913

произвел на Брюсова впечатление не только своей архитектурой, но и тем, что здесь он попал «в круг белорусов, мечтающих о возрождении Белоруссии, фанатиков своей идеи, убежденных, что белорусы — единственные подлинные славяне»*. Это были поэт Янка Купала, знаток белорусской старины этнограф Иван Луцкевич и его младший брат Антон, критик и публицист. Первое впечатление гостя от белорусской словесности было не лучшим: «Продолжаю думать, что никакого белорусского языка *нет*, а есть местный говор и скверное фонетическое правописание», — однако стихи Купалы настолько увлекли его, что он сразу же начал переводить их (четыре перевода появились в виленской «Вечерней газете» уже 22 и 25 августа).

20 августа Валерий Яковлевич приехал в столицу Царства Польского; в тот же день в «Русских ведомостях» появилась его первая корреспонденция «Путь на Запад». Его взял под опеку старший Ледницкий, которому посвящено стихотворение «В Варшаве»:

* Письмо И. М. Брюсовой (18 августа 1914). В настоящей главе письма Брюсова, если не оговорено иное, цит. по указанной выше статье Е. В. Чудецкой и по: Букчин С. Корреспондент Валерий Брюсов // Неман. 1987. № 6. С. 136–155.

В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славы роковых годин.

«Я побывал во всех редакциях, — сообщал Брюсов жене 23 августа, — у всех знаменитых писателей и у всех видных общественных деятелей, особенно у последних. Пришлось научиться если не говорить, то понимать по-польски. Все говорят по-польски, а я отвечаю по-русски. И, представь себе, — ничего, так или иначе разбираюсь». Днем позже его чувствовало Общество литераторов и журналистов: «Было много народа. Произносились речи по-польски, по-русски и по-французски. Говорили, что сегодня великий день, когда пала стена между польским и русским обществом. Что еще два месяца назад они не могли думать, что будут в своей среде приветствовать *русского* поэта, хотя бы столь великого, как я (это — их слова, извиняюсь). Что с этого дня, со дня моего чествования, наступает новая эра русско-польских отношений и т. д.»

Начало войны сделало «польский вопрос» особенно актуальным и для России, и для ее противников: польская аристократия, политическая и интеллектуальная элита, желавшие создания независимой или хотя бы автономной Польши, не любили династию Романовых, но мало кто предпочитал им Гогенцоллернов и Габсбургов — врагов славян. Вопрос был в том, какая из сторон даст больше гарантий. 1 августа от имени верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича появилось «Воззвание к полякам», где говорилось о грядущем возрождении Польши «свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении» «под скипетром русского царя». Полное широким, хотя и неконкретных обещаний, воззвание было с воодушевлением встречено большинством поляков. «Многие, может быть, не ожидали того энтузиазма, с каким отнеслась Польша к войне с Германией, — отмечал Брюсов. — <...> Народная память не позабыла, что для поляков, более чем для всех других славянских племен, немцы — враг исконный, заклятый. Народная масса приняла войну как великое родное дело, и, можно сказать, увлекла за собой вожakov различных партий»*. В стихотворении «Польше», написанном 1 августа как отклик на воззвание великого князя, он, со ссылкой на Тютчева, выступил за единство двух народов перед лицом «германской опасности»:

* Варшава в дни войны // Голос. 1914. № 200. 31 авг. С. 2.

Вильно. Памятник Екатерине II (открыт 10 сентября 1904)
Фотография Останкевича («Искры». 1904. № 36)

Варшава
Открытка начала XX в.

Опять родного нам народа
Мы стали братьями, — и вот
Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет...
И крики «Польска не сгинела!»
По-братски, с русским гимном слей!

Стихотворение понравилось прорусски настроенным полякам и было включено в записку по польскому вопросу, составленную для Николая II; в августе 1917 года с этим документом ознакомился Блок, служивший в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства*.

В Польше у «Русских ведомостей» было несколько корреспондентов. Брюсов писал в основном о социально-бытовой стороне войны: снабжении армии и помощи из тыла («На питательном пункте», «Неделя о подарках»), уходе за ранеными («В варшавских госпиталях», «Походный госпиталь»), положении местного населения («Варшава в дни войны», «Безработица в Польше»), отношении поляков к русским, немцам и австрийцам — последние проявили себя с худшей стороны («Война и население», «В разоренной стране», «По Галиции»). Для его корреспонденций — как и для стихов о войне, позднее вошедших в сборник «Семь цветов радуги», — характерны внимание к «мелочам жизни» вроде отдыха солдат (за это его упрекали в банальности), отсутствие риторики и «шапкозакидательства», объективная оценка тягот войны. В них нет ненависти, но есть горечь.

В Варшаве Брюсов поначалу жил в гостиницах «Франция» и «Брюль», а затем снял квартиру на Мазовецкой улице. Но на месте ему не сиделось. 11 сентября он писал жене: «Начинаю входить во вкус работы „корреспондента“ и понимать это ремесло, а до сих пор только учился». В пометах под его стихами и статьями мы видим Ярослав, Пултуск, Люблин, Лодзь, Цеханов, Радом, Белосток, Лович. В зону боевых действий Валерия Яковлевича допустили не сразу (местное военное начальство не слишком благоволило ему), но уже в середине сентября он смог увидеть если не самые бои, то поля недавних сражений, на которых собирал письма, найденные при убитых немцах («В бою под Красником», «Поле битвы», «Письма врагов и к врагам»). Особый интерес вызвали его корреспонденции из Лодзи, несколько раз переходившей из рук в руки. Сопровождавший Брюсова

* Дневниковая запись (5 августа 1917) и комментарии к ней: Блок А. Собрание сочинений. Т. 7. С. 296, 503.

Перед боем. Пехотный полк в польском местечке перед атакой
 Фотография З. М. Шубского из журнала «Искры» (1915. № 2)

в разъездах журналист Михаил Суганов вспоминал: «Под светом ручного фонаря писал часами, выкуривая по сотне папирос. <...> Две-три любимые книги, чернильница и свечи в бутылках были всегда у него под руками. Часто пробуждался ночью, нервничая, подходил к двери, пока я не спрашивал о причине бессонницы. Тугими пальцами крутил табачную гильзу и с одинаковым вниманием, порою с утомляющей, черствой методичностью, подбирая отточенные мысли, по неуловимым сцеплениям и поводам говорил о Верхарне, о влиянии Тамерлана в архитектуре, об античной эротике, о национализме Данте, о манере Скрябина»*. В Варшаву он возвращался чтобы отдохнуть, подготовить корреспонденции, обработать написанные по дороге стихи, ответить на письма, не оставляя при этом литературных трудов («Юпитер поверженный» и повесть «Моцарт», переводы из Вергилия и Эдгара По, «учебник стихосложения», двухтомник Каролины Павловой) и даже руководства Кружком, о чем подробно писал Иоанне Матвеевне.

Вне писем и мемуаров остались встречи с юной уроженкой Риги Марией Владимировной (Вульфовой) Вульфарт. Посвященный ей заключительный сонет «Рокового ряда» единственный не озаглавлен именем героини: «Пребудешь ты не названной, безвестной». Весной 1913 года, когда ей было всего

* Талызин М. <Суганов М. А.> По ту сторону. Париж, 1932. С. 167.

В санатории М. М. Максимовича
 Слева направо: Валерий Брюсов, Иоанна Брюсова,
 Мария Вульфарт, Елена Шапот
 Зима 1913/1914. ГЛМ

15 лет, Мария начала засыпать поэта нервно-восторженными письмами: на конверте от одного из них он сделал нехарактерно резкую пометку: «Сумасшедшая Маня Вульфарт»*. Их личное знакомство состоялось в конце 1913 года. По свидетельству неизвестного лица, восходящему к словам Иоанны Матвеевны, Брюсов «лечился в санат[ории] д-ра Максимовича, где вскоре влюбился в больную Вульферт (так. — В. М.) и И. М. уехала с целью ускорить окончание увлечения, т. к. боялась повторения. Вульферт была сильно похожа лицом на Н. Львову; была старшей из 7-ми детей в семье, брошенной отцом; страдала эротическим помешательством»**. Среди ее писем к Брюсову сохранился клочок бумаги, на котором они обмениваются рукописными репликами: сначала идет стихотворение Валерия Яковлевича «Что сказала она: „меня надо убить?“...», потом Вульфарт пишет: «Неясно мне теперь одно — / Меня он видит — иль ту?... / Скажите откровенно»; Брюсов отвечает: «Конечно, Вас. Это сходство лишь дало повод, подсказало мне желание Вас узнать... Но как и всегда в прозе это — не вся правда. Есть

* Письма Вульфарт к Брюсову (1913–1915 и 1918): РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 16–18. Далее цитаты из них без сносок.

** Собрание А. Л. Соболева

еще что-то, что я сумею сказать лишь стихами. И постараюсь ответить стихами. Там будет вся правда. В.».

После возвращения Брюсова в Москву Вульфарт писала ему почти ежедневно — до востребования на фамилию «Бакулин» — умоляя о письмах и свиданиях. В середине февраля 1914 года Валерий Яковлевич ненадолго ездил в Петербург под предлогом литературных дел и встречался с «Манечкой», которая оставилась в квартире их общей знакомой по санаторию — гимназической преподавательницы Елены Шапот. Узнав об этом, Иоанна Матвеевна заявила ей, что та «стала посредницей» между мужем и Вульфарт. 13 марта Елена Павловна попыталась оправдаться: «Втроем мы бывали в театре, смотрели Петербург. Бывали в ресторане. В чем же Вы видите мое посредничество. Я теперь напр<имер> абсолютно не знаю — что и как обстоит дело, не знала ничего и до приезда Манечки. Я очень очень хорошо отношусь к Манечке. Так я относилась к ней еще до Вашего приезда. Предана я дружески Валерию Яковлевичу и Вам, Иоанна Матвеевна. <...> Может, Вы считаете недопустимым, что я, зная многое, не отвернулась от Манечки и В. Я. И не разыграла комедию, которую разыгрывали все санаторские гусыни. Я не могу, я не умею оценивать то, что не подлежит суду людей. Не в моем характере вообще осуждать». «Письмо И. М. я считаю совершенно „недопустимым“, — писал Брюсов Елене Павловне четыре дня спустя. — <...> Вернувшись из Петербурга, я рассказал, что виделся там, часто, с Вами и с Манечкой, — только это. <...> И. М. приняла мои слова очень остро, и были у нас печальные разговоры, описание которых я пропускаю. Вывод этих разговоров был, конечно, тот, что каждый остался при своих взглядах, как должно жить»*. Недоразумение уладилось, и 2 мая Валерий Яковлевич прислал Шапот привет из Зегевольда под Ригой: «Неизбежно и неизменно образ Ваш с нами, ибо мы двое — всегда неразлучны с Вами. Жалеем очень, что Вас нет с нами в эту минуту расплавленного солнца на закате и свежего изумруда весны. Вечер, веранда, вино, вдвоем, — ах, есть много хороших слов на *в*, напр. „Ваши“. Маня. Валерий Брюсов»**. Днем раньше написано стихотворение «В старинной Риге», заканчивавшееся словами: «Иль влюблен я снова? Иль я снова молод?».

Роман продолжался после начала войны. В Вильно Брюсов написал стихотворение «Еврейским девушкам», упомянув в нем городок Тальсен в Курляндской губернии, где жила Вульфарт. Он заехал сюда в конце августа 1914 года и увез Марию в Варшаву, где

* РГБ. Ф. 386. Карт. 157. Ед. хр. 34. Л. 2-3 (Шапот — Брюсовой); Карт. 73. Ед. хр. 11. Л. 6-7 (Брюсов — Шапот).

** Собрание В. Э. Молодякова.

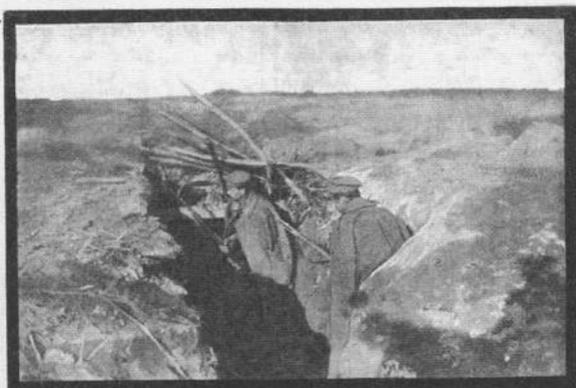
Открытка Валерия Брюсова и Марии Вульфарт Елене Шапот
2 мая 1914. ВЭМ. Публикуется впервые

устроил в консерваторию*. С Вульфарт связана его любовная лирика 1914–1915 годов, но с возвращением поэта в Москву они расстались. В апреле 1915 года из Варшавы начали в административном порядке высылать лиц, приехавших туда после начала войны. Вульфарт попала в эту категорию, но не хотела уезжать вслед за родственниками, перебравшимися из западных губерний в Воронеж. 8 июля Мария известила Брюсова: «Валюся, я решила остаться. Совершенно невыносимо мне уехать». Затем ее следы теряются на несколько лет. 17 июля 1917 года Вульфарт послала Брюсову через «Общество польских евреев» стандартную просьбу о вспомоществовании; судя по приложенной расписке, он отправил ей 8 августа 100 рублей. Следующая весточка от нее пришла летом 1918 года: «Уже минуло 3 ½ года с тех пор как не имею известий от моих родителей а также от родных и знакомых. Это очень печально и очень больно. Неужели Вы никак не могли мне несколько слов написать. <...> Сейчас нахожусь в больнице ибо нервы мои ужасно сдают. <...> Умоляю Вас, Валерий Яковлевич, немедленно, если возможно телеграммой сообщить где все находятся, а также о себе». На этом достоверные данные о ее судьбе обрываются. Есть основания предполагать, что Мария осталась в Варшаве, занималась музыкой, вышла замуж и умерла не ранее 1933 года.

В письмах Валерия Яковлевича часто встречаются фамилии других военных корреспондентов — Суганова и писателя Александра Федорова, а также обоих Ледницких и польского поэта Эдуарда Слоньского, который переводил его стихи. На адресованный ему сонетный диптих Слоньского, опубликованный в виде открытки, Брюсов в мае 1915 года, накануне окончательного отъезда из Варшавы, ответил сонетным диптихом «Польша есть!», который, правда, увидел свет только в 1945 году.

Оторванный от привычного уклада, Валерий Яковлевич, по собственному признанию, имел «столько одиночества, чтобы обдумать все» и в результате «многое понял и представил себе иначе». 7 октября он писал жене: «Я смотрю на эту мою жизнь как на некое искупление. И самому мне еще не хочется отрываться от нее и возвращаться в Москву», — поясняя 1 ноября: «Мне просто стыдно вернуться, когда война далеко не кончена и дела еще много. Все скажут или хотя бы подумают, что у меня не хватило энергии, взялся и не исполнил, устал, позабавился и бросил... Мне самому страшно возвращаться и хочется еще остаться здесь!» Важную роль играли материальные

* Дименштейн И. «Мой милый маг, моя Мария...»: Талсинская возлюбленная Брюсова: [Эл. ресурс]: <http://www.ves.lv/article/46871>.

Стихи Валерия Брюсова

ВЪ ОКОПѢ

Въ семь суровыхъ ветерановъ
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали — подъ снѣгомъ спитъ Цѣхановъ,
И далъ въ снѣгу погребена.

Незримо судьбы всей Европы
Съ судьбой уральцевъ сплетены.
Но нынче въ снѣжные окопы
Доходить смутно гулъ войны.

Сквозь сѣрые туманы, солнце
Неярко свѣтитъ, безъ лучей.
Тиха бесѣда о японцѣ,
И равномѣренъ звукъ рѣчей.

Миръ крикнулъ этимъ бородатымъ
Сибирякамъ: „Братъ, выручай!“
И странно съ сумрачнымъ солдатомъ
Пить на досугъ мутный чай.

Неизмѣримымъ бредятъ грезы,
Крушеньемъ царствъ и благомъ всѣхъ...
А здѣсь — рассказы про шимозы
Смѣняетъ беззаботный смѣхъ.

26 декабря 1914.
Цѣхановъ.

Стихотворение Валерия Брюсова «В окопе»
Журнал «Отечество» (1915. № 2)

обстоятельства: «Разве мог бы я теперь своими стихами, романами, статьями зарабатывать то, что зарабатываю корреспонденциями?» Однако в письме от 30 ноября появляются иные ноты: «Мне крайне необходимо быть в Москве. Надо сделать много дел, доперевести VI книгу Энеиды, посетить разных лиц и ликвидировать отношения к Кружку. <...> Я намерен „ликвидировать“ все свои прежние отношения (я уже делаю это постепенно), дабы после войны начать эту самую „новую жизнь“, может быть, и вероятно, не в Москве». Беспокоясь о здоровье

мужа, которому кочевая жизнь была явно не на пользу, Иоанна Матвеевна настойчиво звала его домой. 13 декабря он пояснил: «Я твердо решил одно. Как война кончится (а она все же когда-нибудь кончится), мы уедем надолго, на год или больше, из Москвы, во Францию или еще куда. <...> У меня десятки больших вещей (повестей, романов, драм, поэм) в голове. Их надо писать вне всякой суеты».

В начале 1915 года Валерий Яковлевич приехал «на побывку». 13 января на «Польском вечере» в Кружке он читал перевод из Юлиуша Словацкого и новые стихи. 18 января там же был устроен товарищеский ужин, превратившийся в празднование 25-летия литературной деятельности Брюсова, которую юбиляр исчислял с... заметки о тотализаторе в «Русском спорте». Годовщина приходилась на сентябрь 1914 года, но, как язвительно заметил Садовской, «гром австро-немецких пушек вышиб из сознания русской интеллигенции не только двадцатипятилетие спортивной статьи В. Брюсова, но и лермонтовскую столетнюю годовщину»*. Сумбатов-Южин и Милюков говорили о значении военных корреспонденций Брюсова, старший Ледницкий — о его роли в достижении взаимопонимания между русскими и поляками, польский поэт Лео Бельмонт прочитал приветственные стихи. Вячеслав Иванов «высказал пожелание, чтобы В. Я. скорее вернулся к своей музе и всецело отдался служению поэзии». «В. Я. Брюсов в ответной речи указал, что не время говорить о „лицах“, о поэтах и поэзии, об юбилеях, когда совершаются великие события, когда помыслы всех и каждого обращены к будущему, к судьбам народа, богатством языка и образов которого питается поэт и живет литература. <...> После речи г. Брюсова о поэзии и родине оратору была устроена шумная овация»**. 22 января он выступил с новыми стихами в «Эстетике», а 25 января выехал в Варшаву.

Из польской столицы Валерий Яковлевич отправился к месту боев под Праснышом, где был пять месяцев назад. В середине марта одним из первых среди корреспондентов он въехал в занятый русскими войсками Перемышль, когда на окраинах города еще стреляли. «Шесть дней мы почти не выходили из автомобиля, — коротко сообщил он Иоанне Матвеевне 19 марта. — Последний день ехали непрерывно 23 часа, от 5 утра до 4 ночи». В разъездах были написаны очерки о командире отряда блиндированных автомобилей (броневиков) штабс-капитане Павле Гурдове, павшем под Праснышом, — портрет храброго

* Садовской Б. Озимь. С. 34.

** Чествование В. Я. Брюсова // Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 10. С. 39–40.

Новые хозяева Перемышля. Первый казак в завоеванном городе.

На углу улиц 9 марта и Мицкевича

Фотография из журнала «Искры» (1915. № 13)

и разносторонне одаренного офицера, резко отличавшийся от господствовавших в довоенной литературе карикатурных описаний: «Гурдов разработал свою теорию нового способа военных действий, при котором „живую силу“ человека должны были, в значительной степени, заменить машины. <...> Гурдов был приглашен в Петроград — читать лекции в высших военно-учебных заведениях. <...> Он много читал, изучая иностранную литературу по интересовавшим его вопросам, и сблизился с несколькими профессорами и деятелями науки. <...> Можно было встретить Гурдова и на всех лучших художественных выставках. <...> Подчиненные любили Гурдова до самозабвения. Он был с ними строг, требователен, но всегда делил все трудности похода и боя наравне с простыми солдатами. <...> Смерть Гурдова — утрата тяжелая, и хочется утешиться лишь верою в то, что его идеи, его дело и его пример не погибнут»*. Биография Гурдова, восстановленная современными военными историками, показывает, что Валерий Яковлевич не преувеличивал**.

* Штабс-капитан Гурдов // Русские ведомости. 1915. № 41. 20 февр. С. 5; Памяти мечтателя: (Новые данные из жизни штабс-капитана Гурдова) // Там же. № 56. 10 марта. С. 7.

** Юшко В. Герой-броневладелец // Игрушки для больших. 2003. № 1 (22). С. 8–11.

Еще одна тема, которой Брюсов уделил особое внимание, — авиация: о войне в воздухе он написал, кажется, первым из русских поэтов. Блок и Ходасевич воспринимали авиацию как приметку времени, но сугубо отстраненно, как нечто постороннее себе. Авиатор-футурист Каменский упивался скоростью, движением и шумом моторов — в духе Маринетти. Брюсов уже в первом стихотворении на авиационную тему «Кому-то» (1908; первоначально «Первым авиаторам») писал, что

...Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной,

т. е. господством над четырьмя стихиями. В стихотворении «К стальным птицам» (1915) он говорил о значении завоевания воздуха:

Казалось: уничтожив грани
Земель, народов, государств, —
Жить дружественностью начинаний
Мы будем — вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств.

И клял войну в воздухе, особенно бомбардировки мирного населения (сам видел немецкие аэропланы и дирижабли над Варшавой), — хотя ее возможные масштабы тогда мало кто мог себе представить. «Я думаю, — записал Брюсов слова одного летчика-наблюдателя, — что настоящую пользу мы можем принести почти исключительно при разведках. Бросание бомб в сущности — вздор. Нацелиться с высоты страшно трудно <...> На большом расстоянии стрелять бесполезно: при быстроте хода аэропланов ни за что не попадешь. А подойти в воздухе близко к неприятелю удастся один раз из ста, если не из тысячи»*. Но уже в конце 1916 года он поставил эпиграфом к стихотворению «Падшие цари» газетное сообщение: «Французский летчик, утром сбросив бомбы в Германии, к полудню достиг Милана». Альпы перестали быть преградой...

Постепенно письма Брюсова домой наполнялись жалобами не только на усталость, но и на цензуру, которая становилась все строже. «Мую статью «Тревожные дни» («Тревожные дни в Варшаве». — В. М.) не то что поцарапали, как Ты пишешь, а прямо истребили, — возмущался он 14 октября. — <...> Получилась

* Летчики // Русские ведомости. 1915. № 28. 5 февр. С. 5.

статья столь глупая, что глупее не выдумаешь. А ведь иные читатели подумают, что я так писал». 5 декабря Валерий Яковлевич интересовался судьбой давно отправленной в редакцию статьи «Письма врагов и к врагам», назвав ее одной из лучших своих корреспонденций, — но статья увидела свет лишь через девять дней после этого напоминания. 18 февраля 1915 года он сетовал: «Две моих статьи, писанные в „Русские ведомости“, погибли. Одна — безвозвратно, от другой уцелел отрывок, которому дали заглавие „Старая новая крепость“, подписав Л. А.* Что означают сии инициалы, не знаю. Ты, вероятно, никак не догадалась, что это — я?» От окончательного отъезда его удерживали только уговоры главного редактора Александра Мануйлова: «Ваше присутствие в Польше нам *абсолютно* необходимо. Ваши корреспонденции читаются с неослабевающим интересом. Они составляют *основу* всей нашей корреспондентской части в связи с войной. Поэтому лишиться их теперь было бы для газеты крайне тяжело**». «„Начав войну“, мне хотелось бы довести ее до конца, — писал Брюсов 27 апреля Измайлову, который предложил ему в случае ухода из „Русских ведомостей“ стать корреспондентом „Биржевых ведомостей“, — и было бы досадно бросить дело на половине, видеть первые акты великой трагедии, а потом уйти из театра и быть вынужденным довольствоваться чужими рецензиями***. Но речь шла только об отсрочке окончательного решения.

На состоянии духа Валерия Яковлевича сказались и судьба собрания его сочинений. В ноябре 1914 года Терещенко решил ликвидировать убыточное издательство и прекратить все начатые издания, о чем официально объявил в начале января 1915 года. «Известие о „катастрофе“, постигшей „Сирин“, признаюсь, поразило меня, что называется, „как громом“, — сообщил Брюсов 14 января Иванову-Разумнику. — <...> Собрание моих сочинений было единственным моим достоянием, теперь это достояние у меня отнято. В самом деле, иметь 8 разрозненных томов из 25-ти в сто, в тысячу раз хуже, чем не иметь ни одного или иметь все 25. Эти 8 томов на много лет будут препятствием для нового издания, т. к. никто покупать их не станет, и они постоянно будут находиться на книжном рынке. Думать же, что найдется издательство, которое возьмется продолжать издание „Сирин“, — совершенно нельзя: издание „Сирин“ было предпринято крайне неэкономично, цена тома почти не

* Точное заглавие: «Современная и старая крепость».

** Цит. по: Чудеукая Е. В. Из переписки Брюсова 1914–1915 годов. С. 442–443.

*** ЕРОПД на 1978 год. С. 244 / Публ. Э. С. Литвин.

покрывала его стоимости (Вы это знаете лучше меня), и никто не захочет продолжать такое издание в такой его форме». «Сирин» «лишил меня возможности издать полное собрание моих сочинений едва ли не *навсегда*», — жаловался он совладелецнице издательства Пелагее Терещенко 30 января, поясняя: «К ущербу материальному присоединяется потеря, так сказать, идейная. Собрать все свои сочинения в одном издании всегда составляет заветную мечту писателя. Пока „Сирин“ не предпринимал своего издания, я не сомневался, что раньше или позже осуществлю это свое намерение»*. В поисках выхода Брюсов даже подумывал о продолжении издания за свой счет, если «Сирин» передаст ему экземпляры выпущенных томов в кредит («потому что денег у меня нет», — признался он) со скидкой 50 % с номинальной цены, но коммерческий риск оказался слишком велик.

Собранием сочинений Брюсова заинтересовался «Мусагет», глава которого Викентий Пашуканис уже 3 февраля 1915 года обратился с расспросами к Иоанне Матвеевне. Однако грандиозный проект был не по силам небольшому и небогатому издательству, а его предложения не удовлетворили Брюсова. При посредничестве Чуковского Валерий Яковлевич пытался продать собрание издательству А. Ф. Маркса в качестве приложения к «Ниве» (что означало гораздо более скромное издание): 24 тома, «причем в том числе будут вещи неизданные, 3–4 тома», по 600 рублей за каждый «с условием — в течение 5 лет после того не издавать другого собрания сочинений». «Впрочем, *все* эти условия подлежат всяческому пересмотрам и изменениям», — добавил он**. «Ниву», незадолго до того купившую полное собрание сочинений Бунина для однократного издания и за несравненно большую цену, предложение не привлекло. «У Вас серьезный противник — война, — писал Чуковский Брюсову 21 сентября 1915 года после совещания в издательстве. — <...> К тому же они хотят в этом году дать писателей, *которые похуже*, ибо во время войны центр тяжести не в писателях, а в картинках и батальных рассказах»***.

Корреспондентская деятельность Брюсова закончилась в мае 1915 года. «Русские ведомости» «упорно не печатают ничего из того, что я посылаю им, — жаловался он жене 10 мая. — Недавно мне вернули шесть статей». В начале месяца Валерий Яковлевич побывал на местах боев в Шавлях, откуда отправил последние корреспонденции, и через Вильно отправился домой. 20 мая

* Цит. по: Ильинский А. Литературное наследство Валерия Брюсова // ЛН. Т. 27/28. С. 498–499.

** Чуковский К. Из воспоминаний. С. 359–360.

*** Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 14. С. 367–368.

он известил Иоанну Матвеевну о скором приезде, добавив: «Обрадовала бы встречей».

По возвращении в Москву Брюсов занялся подготовкой сборника «Семь цветов радуги», замысел которого возник у него еще при работе над «Зеркалом теней»: «декадентскую» книгу он решил дополнить жизнеутверждающей под названием «*Sed non satiatius*». «Автор полагал, что своевременно и нужно создать ряд поэм, которые еще раз указали бы читателям на радости земного бытия, — писал он в ноябре 1915 года в предисловии к сборнику. — <...> Пусть же новое название книги говорит о том же: все семь цветов радуги одинаково прекрасны, прекрасны и все земные переживания, не только счастье, но и печаль, не только восторг, но и боль». Композиция сборника была сложной: семь разделов, названных по цветам радуги, каждый из которых включал по три цикла. Тематика отличалась разнообразием: «военные», «любовные», «пейзажные», «исторические», «детские» циклы, примеры редких форм, рифм (но рядом «любовь — кровь!») и размеров. И все же в «Семи цветах радуги» заметны самоповторы и упадок творческой энергии: количество стихов не переходило в качество, а, напротив, утомляло. С Брюсовым случилось то, в чем он упрекал Бальмонта, — его стало скучно читать! Самыми живыми оказались «Лирические» и военные стихи, но сравниться с таким шедевром, как блоковское «Петроградское небо мутилось дождем...», не могли даже лучшие из них.

Сказанное можно отнести и к следующей поэтической книге «Девятая Камена» — единственной, не увидевшей свет при жизни Брюсова. Предназначенное для девятого сборника стихов, это название присутствует в проспекте ПССП в 1913 году, хотя работа над книгой началась лишь в 1917 году. В следующем году она была набрана в некоей петроградской типографии, однако ни рукопись, ни набор не сохранились. В 1919 году, готовя собрание сочинений для издательства Гржебина, автор включил «Девятую Камену» в четвертый том. Этот вариант был впервые опубликован в 1973 году, но к тому времени почти все стихи сборника уже появились в периодике, в книгах «Опыты» и «Последние мечты», в посмертных изданиях.

Первые отклики на «Семь цветов радуги», исходившие от знакомых, были осторожными и вежливо-критичными. «Хотя новый сборник В. Брюсова, — писал Константин Липскеров, — и не достигает большой высоты его лучших сборников — „Венка“ и „Urbi et orbi“, все же его появление должно быть принято с интересом каждым любителем его строгой музыки. Для историка Брюсова по этой книге любопытно будет проследить духовный путь ее автора, все более отдаляющегося от острых

“высей”, и рассмотреть, как бывалое чувство мастерства, утрачивая в своем напряжении, открывает место переживаниям простым и житейским”*. Ходасевич, повторив высказанную в рецензии на «Зеркало теней» мысль о том, что «моменты творчества для него самые острые, самые достопамятные в жизни», подытожил: «Если и нет в ней большой внешней новизны (хотя некоторые новые в творчестве Брюсова приемы можно бы указать и здесь), то все же значительным этапом в его поэтической и личной жизни она является. Заметить этот этап — дело читательской зоркости».

Огорчили отзывы незнакомых молодых критиков — «юношей», которым было адресовано одноименное стихотворение в книге. Марк Слоним признал, что «Семь цветов радуги» «не особенно порадуют любителей поэзии Брюсова»: в них «не находишь прежней силы брюсовских стихов, их резкой тяжести и того боевого настроения, которые сообщали им особый чеканно-строгий стиль»**. Маргарите Тумповской, обстоятельно разобравшей книгу в «Аполлоне», «Семь цветов радуги» показались «нескончаемой цепью строф, странно схожих и странно не зацепляющихся за память»: «Не слитый с миром событий, поэт бессилён приобщиться к миру чувств. Какой принужденностью, какой неинтересной риторикой веет от его описания любовных чувств. <...> Воображение Брюсова перестало рисовать образы; оно их мыслит наскоро, оно по ним пробегает, как по таблице с выкладками, и находит в них только средство для воссоздания очередной схемы»***. Отрицательно отозвался о книге и Георгий Иванов: «Может быть, мы не в меру чувствительны, но читали эти стихи не без чувства стыда за написавшего их»****.

Диссонансом прозвучала статья Вячеслава Иванова «О творчестве Валерия Брюсова», содержащая, помимо высоких оценок, несколько интересных, хотя и спорных утверждений: «Брюсов-лирик — фаталист в своем восприятии земной жизни и жизни загробной, в переживаниях любви и страсти, в воспоминаниях о прошлом человечества и в гаданиях о временах грядущих <...> Глубочайшая и сокровенная стихия этого лиризма — лунная, как будто женская одержимая душа обитает в мужском, юношеском теле этих чеканных словесных форм <...> Брюсов-романтик даже в самые трезвые минуты своего поэтического созерцания и в самых кристаллически-прозрачных, безусловно классических

* Русские ведомости. 1916. № 294. 21 дек. С. 6.

** Одесский листок. 1916. № 179. 3 июля. С. 5–6.

*** Аполлон. 1917. № 1. С. 38–43.

**** Иванов Г. Творчество и ремесло // Русская воля. 1917. № 22. 23 янв. С. 7; перепеч.: Иванов Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 477–482.

Общество имени А. Н. Островского. (Тел. 3-22-02).
 ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. — В СУББОТУ, 5-го МАРТА, начать бытъ
ВЕЧЕРЪ, ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.
 посвящ. творчеству

1. Д. ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.—Вступительное слово о творчествѣ Валеріи Брюсова.
 2. ВАЛЕРІЯ БРЮСОВЪ прочтетъ рядъ своихъ стихотвореній. П. Произведенія ВАЛЕРІИ БРЮСОВА въ исполненіи артистовъ Императорскихъ и частныхъ театровъ: К. В. Васнецова, О. В. Гроздовой, М. Л. Корчинской, Е. А. Подольской, Е. А. Полевой, К. Е. Роговской, В. А. Сибиряковой, Е. М. Садовой, П. А. Смирновой, С. В. Халютинѣ, А. Л. Шешкаевой, В. Р. Юдко, М. С. Куркинскому, В. В. Маженкова, А. К. Минсера и И. И. Москвитина.

Партно-фортепиано исполнитъ В. А. ЗИРИНГЪ. ☉ Сборъ съ вечера итѣтъ поступитъ въ кассу Общества имени А. Н. Островскаго для устройства квантитативной станціи на Кавказѣ для увѣчныхъ артистовъ-воиновъ. ☉ НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Билеты наиблагоразумнѣе можно получить: 1) у швейцара Политехническаго музея езднн.; 2) въ отд. «Симфонія» близъ Консерваторіи (В. Никитская, д. 15, телеф. 2-19-31). Цѣны билетовъ: 1-й рядъ—3 р. 95 к., 2-й рядъ—4 р. 75 к., 3-й рядъ—3 р. 95 к., 4-й—3 р., 5, 6, 7 и 8-й ряды—2 р. 45 к., 9, 10, 11 и 12-й ряды—1 р. 75 к., ост. ряды сирота—1 р. 15 к., Балканъ: 1-й рядъ—1 р., остальн. ряды—50 коп. Входные—50 коп. 1198 2

Анонс вечера, посвященного творчеству
 Валерия Брюсова (5 марта 1916)
 Газета «Русское слово» (1916. 26 февр.)

по манере и по завершенности созданиях, — романтик и при случае, по прихоти или склонности, чернокнижник, но никогда не мистик и даже по своему мирозерцанию не символист, — если символизм понимается не как прием изобразительности, а как внутренний принцип поэтического творчества»*.

«Вячеслав Великолепный» послал другу корректуру, пояснив: «Желанна ли тебе эта статья или нет, я лично не смею решать, но ни за что не хотел бы, чтобы она увидела свет, если она тебе не желанна», — и попросил отметить на полях «частные определения, которые тебе не по душе». Брюсов ничего не возразил, понимая, что дело не в определениях, а в разности мировоззрений: «Какое же может быть сомнение, что мне *дорого всё*, что ты найдешь нужным сказать обо мне!»** Не берусь судить о «женском» или «мужском» характере брюсовского лиризма (Бальмонт и Чуковский однозначно считали его «мужским»), но утверждение о «лунной стихии» оспаривают стихи самого Валерия Яковлевича. Луну он всегда воспринимал негативно: достаточно вспомнить стихотворение «Лунный дьявол» во «Всех напевах» и цикл «Под мертвою Луной» в «Зеркале теней».

Предсказать реакцию врагов было нетрудно. Айхенвальд сухо заметил, что «по-прежнему стихи Брюсова блещут внешней печатью мастерства, но им недостает живой души и нервности»***. Над книгой поглумился Лернер, ранее издевательски откликнувшийся на прекращение ПССП****. Брюсов

* Иванов Вяч. О творчестве Валерия Брюсова // Утро России. 1916. № 77. 17 марта. С. 5.

** ЛН. Т. 85. С. 539–540.

*** Айхенвальд Ю. Литературные наброски // Речь. 1916. № 159. 12 июня. С. 2.

**** Лернер Н.: 1. Облезлая радуга // Журнал журналов. 1916. № 27. С. 13; 2. Заметки читателя // Там же. 1915. № 2. С. 7–8.

даже хотел предать гласности свои отношения с критиком, ранее писавшим ему льстивые письма, но передумал*. Софья Парнок опубликовала памфлет против «Семи цветов радуги», «созданных последними усилиями ослабевающей воли», и написанного Брюсовым в 1914–1916 годах окончания «Египетских ночей» Пушкина, в котором видна «несомненная ловкость фальсификатора»**. Результаты этого эксперимента однозначно понравились только Горькому: «Читал и радостно улыбался. Вы — смелый, и Вы — поэт Божией милостью, что бы ни говорили и ни писали люди „умственные“»***. Последние слова относились к Парнок, пытавшейся уничтожить Валерия Яковлевича не только как поэта: «Может быть, Брюсов, сам столь скуподаренный вдохновением, станет вдохновительным образом для чьего-нибудь творческого воображения. Кто знает, — может быть, будет написан новый Сальери, не тот великий Сальери, у которого был свой Моцарт, а Сальери — вечный жид, для которого Моцарт — опасность гения — скрыт даже в футуристе». Историки литературы отметили влияние этого текста на мемуары Цветаевой. Это исчерпывающий ответ на вопрос о ценности «Героя труда» как исторического источника.

Ходасевич дал корректный отзыв о «Египетских ночах»: «Многие стихи звучат воистину по-пушкински», — хотя и заметил: «Одной из очаровательных черт „Египетских ночей“ (Пушкина. — В. М.) было то, что они не кончены»****. Жирмунский детально разобрал опыт Брюсова с филологической точки зрения, придя к выводу, что он «представляет любопытный факт своеобразного истолкования одним поэтом органически ему непонятого замысла другого поэта. Брюсов старается освоить пушкинский отрывок с помощью привычных ему эстетических категорий, превратить поэму Пушкина в новую эротическую балладу Брюсова»*****. Самый неутешительный вердикт вынес Мочульский: «Законченные им „Египетские ночи“ производят впечатление античного торса с приделанными к нему восковыми руками и ногами. Но влечение его — безнадежное и упорное — к пушкинскому мастерству — крайне показательно»*****.

* Заметка «К биографии Н. О. Лернера. Факты»: *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 457–458.

** *Полякин А.* <Парнок С. Я.> По поводу последних произведений Валерия Брюсова // *Северные записки*. 1917. № 1. С. 157–162.

*** *ЛН*. Т. 27/28. С. 654.

**** *Ипокрена*. 1918. № 2/3. С. 33–40.

***** *Жирмунский В. М.* Валерий Брюсов и наследие Пушкина. С. 7–8.

***** *Мочульский К.* Возрождение Пушкина // *Звено*. (Париж). 1924. № 72. 16 июня; перепеч.: *Мочульский К.* Кризис воображения. Томск, 1999. С. 32–35.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Брюсова всегда привлекал Древний Рим: избрав его изучение своей профессией, он мог бы стать видным ученым. «Даже Греция близка мне лишь постольку, поскольку она отразилась в Риме, — признался он Волошину. — <...> Антонины* для меня золотой век человечества и латинской литературы»**. Однако его интерес не ограничивался эпохой Антонинов и переводом «Энеиды»: «Я пленен не авторами золотого века, не многословным Овидием и не Вергилием, который, конечно, великолепен, а позднейшими писателями IV века. По-моему, они не только не уступают тем, но восходят даже на ступень большего совершенства»***.

Дебютом Брюсова в этой области стали очерки о римских поэтах IV века Пентадии и Авсонии**** — первые серьезные исследования о них в России — и переводы их стихотворений (*PM.* 1910. № 1; 1911. № 3). Оттиск статьи об Авсонии «Великий ритор» автор послал в журнал «Гермес», посвященный античной истории и филологии. Редактировавший его профессор Александр Малеин первым из специалистов оценил работу Брюсова, одновременно указав на некоторые ошибки в ней*****, и пригласил его к сотрудничеству. Валерий Яковлевич с радостью согласился, даже не попросив гонорара. В восторг пришел Бартенеv: «Уж как я Вам благодарен за Авзония!

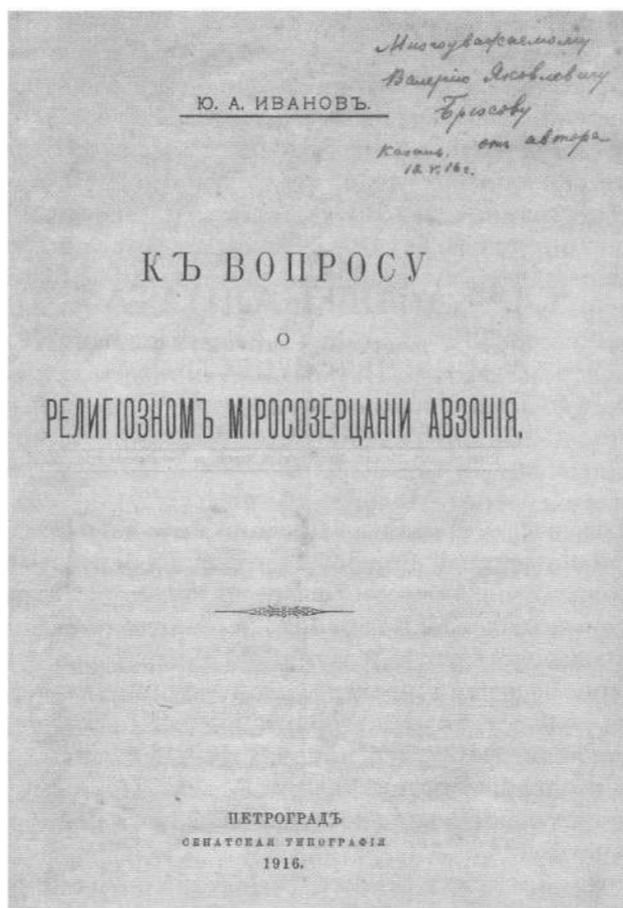
* Династия римских императоров, правившая в 96–192 годах.

** *Волошин.* С. 415.

*** Цит. по: *Измайлов А.* Литературный Олимп. С. 392.

**** В начале XX века было принято написание: Авзоний. Итоговое русское издание: *Авсоний.* Стихотворения / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М., 1993 (переводы Брюсова: С. 223–227).

***** *Гермес.* 1911. № 9. С. 228–230 (подпись: А. М.).

Отдельный оттиск статьи Юрия Иванова
 «К вопросу о религиозном миросозерцании Авзония» (Пг., 1916)
 из «Журнала Министерства народного просвещения» (1916. № 4)
 Титульный лист с дарственной надписью Валерию Брюсову: «Многоуважаемому
 Валерию Яковлевичу Брюсову от автора. Казань. 18. V. 1916 г.».
 ВЭМ. Публикуется впервые

Прочел его с истинным удовольствием и с радостью за Вас, что Вы одарены таким биографическим талантом. Я думаю, никто у нас лучше Вас не знает IV век, и какое у Вас мастерство не утомлять читателя избытком того, что Вы знаете, а художественно пользоваться оным для изображения избранного Вами лица. Усердно призываю Вас продолжать Ваши труды на этом поприще. Вот как следует написать биографию Тютчева»*.

* Письмо Брюсову (7 мая 1911): *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 353.

Иного мнения был Лернер, назвавший Авсония графоманом, а Брюсова компилятором, выразительно добавив: «Автор знаменитого стихотворения „О, закрой свои бледные ноги!“ (это все стихотворение) сочувственно переводит из Авсония „Рим“: „Рим золотой, обитель богов, меж градами первый“ (это тоже все стихотворение)»*.

Брюсов не просто изучал Авсония, но «облюбовал именно эту эпоху потому, что она до известной степени гармонировала с развитием его собственной литературной деятельности. Автор, стремившийся проложить новые пути в поэзии и избиравший для этой цели иногда довольно необычные приемы, естественно, должен был остановиться на том времени, когда в римскую поэзию вошли, по его собственным словам, „новые веянья, новые идеи и новые приемы творчества“**.

Разделенных шестнадцатью веками поэтов сближало и отношение к религии: возвышенный христианским императором Грацианом, Авсоний старался казаться христианином, оставаясь язычником в душе и в творчестве (кроме заказных произведений), хотя «некоторые христианские мотивы и, пожалуй, идеи просочились в его сознание, не вытесняя старых языческих верований и мирно уживаясь с ними. <...> Глубокое подчинение античности — первый пункт, который отличает его от христианства в собственном смысле слова»***.

Этот вывод историка античности Юрия Иванова (и одновременно поэта, стихи которого были отмечены влиянием Брюсова) был известен Валерию Яковлевичу, который, судя по пометам, внимательно прочитал полученный от автора в мае 1916 года экземпляр его работы о религиозном мирозерцании Авсония.

«Сейчас я весь предался Риму, — сообщал Брюсов Измайлову 2 мая 1911 года, — именно IV веку, с времен Константина Великого до времен Феодосия Великого. Мой „Авзоний“ только одна из длинного ряда задуманных статей. Ближайшая будет называться „Рим и мир“ и будет говорить о международных отношениях империи (с Персией, Индией, Китаем и т. д.). В то же время пишу роман из той же эпохи (времена императора Грациана) — „Алтарь Победы“»****. Книга «Aurea Roma. Золотой

* Исторический вестник. 1912. № 6. С. 1027–1028 (подпись: О.).

** Малевич А. В. Я. Брюсов и античный мир // Известия Ленинградского государственного университета. Т. II. Л., 1930. С. 188.

*** Иванов Ю. А. К вопросу о религиозном мирозерцании Авсония. (Эпизод из истории падения язычества в Римской империи) // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Апр. Отд. V. С. 138–164. Оттиск с инкриптом автора Брюсову в собрании В. Э. Молодякова.

**** ЕРОПД на 1978 год. С. 242.

Александр Измайлов

Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург. Конец 1900-х. ИРЛИ

Рим. Очерки жизни и литературы IV века по Р. Х.» анонсировалась в 1911–1913 годах как «печатающаяся», но так и не была написана: романист взял верх над историком.

Какую книгу задумал Брюсов? В одном из вариантов предисловия он пояснил: «Я не имею претензий открыть что-либо новое ученому миру. В моем распоряжении нет данных, которые не были бы ранее использованы в исторической литературе. Но я полагаю, что за пределами круга ученых специалистов, которые посвятили себя изучению последних веков Рима, есть еще достаточно обширный круг читателей, которые интересуются жизнью прошлых веков. <...> Я постоянно имел в виду читателя неспециалиста, но, конечно, подготовленного

к чтению исторических сочинений»*. «„Золотой Рим“ должен быть работой компилятивной», — отметил М. Л. Гаспаров, уточнив: «Компилятивность не исключает, конечно, наличия объединяющей концепции. Концепция у Брюсова есть, и она — апологетическая. <...> „IV век был веком высшего расцвета римской идеи, когда римский мир пожинал плоды посеянного; то была эпоха, когда не надо было ни завоевывать, ни организовывать, ни искать, но удерживать завоеванное, сохранять сделанное, углублять найденное в искусстве и литературе“; и только с V века началось падение. Что это была за „римская идея“, которая достигла полного развития в IV веке и которая определяет своеобразие и самоценность римской культуры в смене мировых культур? Это — идея власти, идея организации. Такая мысль не нова, но редко она утверждалась с таким пафосом, с каким прославляет ее Брюсов, вечный поклонник власти и организации. Для него привлекательна не империя Антонинов с ее дробным муниципальным строем, а именно империя IV века с ее сквозной иерархической бюрократией. „Административный строй IV века надо признать высокооригинальным созданием своей эпохи. В этом строе, в котором бюрократизм достиг высшего своего развития, Рим доказал свою способность к творчеству новых форм. <...> Строй, созданный IV веком, стоит перед нами как создание цельное, законченное, строго логическое“. <...> Этот редкостный апофеоз бюрократического строя с эстетической точки зрения крайне характерен для брюсовского подхода к истории»**.

Римские «штудии», как и остальные работы Валерия Яковлевича, связанные с исторической проблематикой, были формой познания современности. С точки зрения историографии их значение, возможно, невелико, но как опыт историософии они представляют немалый интерес. «Римская идея» не случайно присутствует в политических статьях и стихах Брюсова о современности: выходя за пределы дозволенного биографу, замечу, что ему было бы о чем поговорить с Юлиусом Эволой, главным трибуном «римской идеи» и «языческого империализма» в XX веке. Последняя формула звучит настолько «по-брюсовски», что удивительно не встретить ее в набросках к «Золотому Риму». Сошлись бы они и во взглядах на христианство, хотя Эвола был его радикальным отрицателем. М. Л. Гаспаров писал о Брюсове: «Христианство ему не импонирует, оно

* Цит. по: Кошкина Е. Н. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 133.

** Гаспаров М. Л. Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре // Чтения-1971. С. 189–208 (далее цит. без сносок). Для удобства чтения текст Брюсова выделен курсивом.

неприятно ему тем, что оно в лице Амвросия и других энергичных епископов вмешивается в дела власти и подрывает ту монолитную цельность монархического строя, которая так пленяет Брюсова в IV веке. Только когда христианство само переймет у языческого Рима его идею власти и организации, тогда Брюсов переменит свое к нему отношение». Отношение, можно добавить, политическое и эстетическое: в душе он предпочитал иных богов. Как Авсоний...

План книги был таков: «Предисловие. Перечень источников: а) Античные писатели; б) Писатели нашего времени. Глава I. Империя в IV веке. 1. Пределы империи. 2. Международные сношения. 3. Внутренняя торговля. 4. Блеск городов. 5. Рим. Глава II. Администрация. 1. Священная иерархия. 2. *Honos sine labore**. 3. Строй общества». 4. Организация армии. 5. Налоги и доходы. Глава III. Быт и жизнь. 1. Общество. 2. Одежда. 3. Повседневная жизнь в высших классах. 4. Любовь. 5. Семья. 6. Увеселения. Глава IV. Борьба за религию. 1. Исторический очерк успехов христианства в IV в. 2. Религия отцов. 3. Разрушение храмов. 4. Пережитки политеизма в IV и V веках. 5. Влияние язычества на христианство, на литературу, искусство etc. 6. Победенный Юпитер победил. Глава V. Наука и искусство. 1. Наука. Математика, естествознание, география. 2. Архитектура. 3. Живопись и скульптура. 4. Музыка и др. Глава VI. Литература. 1а. Интерес к литературе. 1б. Вкус того века. 2. Писатели и их круги (в Риме). 3. Стихотворные сборники, романы. 4. Письмо. 5. История. Глава VII. Формы поэзии. 1. Вкус того века. 2. (пропуск. — В. М.). Глава VIII. [Правительство и общество. 1. Священная иерархия. 2. *Honos sine labore*. 3. Строй общества. Классы. 4. Организация армии]. Глава IX. Причины падения»**.

Материалы к «Золотому Риму» вводят нас в творческую лабораторию Брюсова: «разрозненные выписки и заметки, систематизированные и разложенные по бумажным обложкам с наименованием глав. Можно различить три типа этих заметок: а) карандашные записи по ходу чтения той или иной книги на разные темы, в последовательности страниц книги; б) чернильные записи, систематизирующие эти выписки по темам: листы с заглавиями «Города», «Дороги и акведуки», «Гражданское управление империей», «Налоги», «Костюм». «Пороки», «Суеверия» и т. п., и на каждом — выписки из разных книг; в) наброски связного изложения, обычно в начале глав: текст

* *Честь без труда (лат.)*.

** Цит. по: *Коншина Е. Н.* Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 133. Текст в квадратных скобках зачеркнут в оригинале.

их идет легко, но недолго и скоро опять рассыпается на разрозненные заметки».

Замысел книги вырос из материалов к роману «Алтарь Победы», а от «Золотого Рима», в свою очередь, отделились замыслы антологии «Осенние цветы римской поэзии» и перевода «Эвхаристикона Богу» Павлина из Пеллы (вероятно, внука Авсония), которому Брюсов хотел дать подзаголовок «Исповедь неудачника IV века». Оба труда не продвинулись дальше набросков, но в 1916–1917 годах Валерий Яковлевич вместе с Сергеем Шервинским начал готовить книгу статей и переводов из поэзии Рима, уделив особое внимание «младшим богам». «Почему привлекло Брюсова это хрестоматийное предприятие? — писал М. Л. Гаспаров. — Во-первых, потому что интерес к забытому и малоизвестному был в духе эстетизма того времени: восторгаться Авсонием и Кальвом было изысканней, чем восторгаться школьным классиком Вергилием. Во-вторых, потому что брюсовская концепция самоценных культур особенно ярко демонстрировалась не на творчестве великих классиков, уже ассимилированных новым временем, а на творчестве малых поэтов, более доступном свежему восприятию». Сказанное можно применить и к Каролине Павловой, изучением и изданием наследия которой Валерий Яковлевич занимался как раз в эти годы. «Венка» из «римских цветов» он так и не сплел, но отдельные переводы появились в журналах, другие составили сборник эротических стихов «Еготораегния»*, вышедший в 1917 году, после отмены царской цензуры и до введения советской. Кроме «Алтаря Победы», материалы «Золотого Рима» легли в основу курса лекций «Рим и мир (падение Римской империи)» для народного университета им. А. Л. Шанявского, о котором позже.

Если применительно к «Огненному ангелу» приведенные ранее слова критика Петра Когана о «научном исследовании, испорченном приемами романиста» и «романе, испорченном приемами исследователя» были несправедливы, то «Алтарю Победы» они дают весьма точную характеристику. Автору стало изменять «мастерство не утомлять читателя избытком» своих познаний. Брюсов писал основательно, гладко, логично, но многословно и с избытком подробностей, злоупотребляя латинскими названиями и «латинизируя» даже принятые в русском языке слова: «ретор» вместо «ритор», «таберна» вместо «таверна» и т. д. В результате «роман может быть воспринят как художественный путеводитель по Римской империи

* «Любовные игры» (лат.).

IV века, как роман-музей»*. Правда, на обрисовке характеров это не сказалось. В «Алтаре Победы» нет автобиографического «двойного дна», но интеллеktуал Децим Юний Норбан, аристократ Аврелий Симмах, «роковая женщина» Гесперия и язычница Валерия, которой автор не случайно дал свое имя, в художественном и психологическом отношении не менее убедительны, чем Рупрехт, Рената и граф Генрих.

«Алтарь Победы» близок к историческому роману «познавательного» типа, поэтому его порой трактовали как «поворот к реализму». Это же относится к его неоконченному продолжению «Юпитер поверженный» (впервые опубликован в 1934 году) и к изящной психологической повести «Рея Сильвия», над которыми Брюсов работал в годы Первой мировой войны. Он изо всех сил пытался дописать новый роман, но на судьбе этой работы, возможно, сказался прохладный прием, оказанный «Алтарю Победы»: рецензенты сочли его сложным и скучным**, а настоящих знатоков — вроде Малеина, с которым автор активно переписывался в ходе работы, — нашлось не много.

Заметным событием литературной жизни стало чтение Брюсовым 19 января 1912 года в Обществе свободной эстетики перевода четвертой песни «Энеиды». «Чтение 700 с лишним стихов — перевод сделан стих в стих — заняло больше часу, и, несмотря на такую продолжительность, слушатели, наполнившие залу, следили за ним с неослабным вниманием, так ярки краски перевода»***. Как одну из примет времени его описал Константин Липскеров в поэме «Другой», интересном опыте «московской гофманианы», созданном зимой 1916/17 года:

Блестит над сумрачным сукном
Лоб острый Брюсова. Кругом
Маячат призрачные лица,
Недвижной бабочкой лучится
Взор Белого. Среди седин
Классиковедающих шорох
Усталых юношей, которых
Воспел насмешливо Кузмин.

* Давров А. В. Русские символисты. С. 76.

** Измайлов А. А. Хрестоматия новой литературы // Новое слово. 1912. № 1. С. 116–118; № 2. С. 113–116; № 11. С. 113–115; Игнатов И. Литературные отголоски // Русские ведомости. 1912. № 98. 28 апр. С. 3; № 202. 1 сент. С. 2; Адрианов С. Критические наброски // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 348–351. Более высокая оценка: Чудовский В. «Русская мысль» и романы В. Брюсова, З. Гиппиус, Д. Мережковского // Аполлон. 1913. № 2. С. 72–77.

*** Московские вести // Русские ведомости. 1912. № 16. 20 янв. С. 3.

И в черном, в желтом и в лиловом,
Превознесенные Серовым, —
В строках упорных и тугих,
Москвы отобранные жены
Внимают ропоту Дидоны,
Из мглы доплывшему до них.

Перевод «Энеиды» был для Брюсова делом жизни. Готовя первые книги для издательства Сабашниковых, он поставил на титульном листе: «Иоанне Матвеевне Брюсовой, доброй помощнице, этот труд многих лет посвящает Валерий Брюсов»*. Однако у этого перевода, по замечанию М. Л. Гаспарова, «дурная слава»: «Когда бывает необходимо предать анафеме переводческий буквализм <...> извлекаются примеры буквализма из „Энеиды“ в переводе Брюсова, и ответственность их бывает безотказна». Дело, конечно, не только в дискуссиях о переводе, которые велись уже после смерти Валерия Яковлевича и в которые вмешивалась власть: в Советской России художественный перевод, как и все остальное, был делом государственным. Брюсов потерпел неудачу, сделав трудночитаемым своего «русского Вергилия», многие фразы которого, по словам Гаспарова, «звучат или как загадка, или как насмешка»:

Конь роковой на крутые скачком когда Пёргамы прибыл
И, отягченный, принес доспешного воина в брюхе, —
Та, хоровод представляя, эвающих вкруг обводила
Фригиек в оргии; факел сама посредине держала
Мощный и Данаев им звала с высоты крепостицы...

Опыты предшественников Брюсов отверг как «вольные и часто неверные пересказы» (письмо Малеину 27 июня 1911 года), опрощающие оригинал. Он задался целью передать Вергилия с максимальной точностью, сохранив всё многообразие его поэтических приемов и словесной инструментровки, включая непривычные для русского слуха ударения вроде «Гéкуба» и «Пáллада». Но латинский язык — не русский, о чем переводчик как будто забыл. Видимо, поэтому «Энеида» давалась Брюсову с таким трудом: несмотря на многолетнюю работу, он перевел лишь половину текста; для публикации в 1933 году перевод завершил Сергей Соловьев. Сегодня вряд ли кто-то ради собственного удовольствия будет читать Вергилия «по

* Цит. по: *Коншина Е. Н.* Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. С. 132.

Брюсову», но для специалистов перевод сохраняет определенную ценность*.

Неудачи Брюсова могут быть не менее значимы, чем удачи, особенно если речь идет о замыслах. Показательный пример — рассчитанное на несколько томов собрание стихов «Сны человечества», целью которого было «представить *все* формы, какие прошла лирика у *всех* народов во *все* времена (курсив мой. — В. М.)». Книгу, поначалу называвшуюся «Зеркало теней», он задумал в 1909 году, но только через два года начал писать ее и нашел окончательное заглавие, которое внес в проспект ПССП. 14 ноября 1913 года в «Эстетике» Брюсов рассказал о своем проекте, признав: «Здание, воздвигаемое мною, так велико, что я не знаю, успею ли я его достроить», — и прочитал подборку стихотворений «от примитивных песенок дикарей <...> до баллад романтизма»**.

Сначала Валерий Яковлевич думал создать антологию переводов типичных произведений всех эпох и народов, однако вскоре отказался от этого. Уже в первом варианте предисловия говорилось: «Моей задачей было именно дать собрание произведений *художественных*, которые представляли бы не только исторический интерес, но и чисто художественный интерес. Я хотел не только дать книгу для изучения, но и для чтения. Хотел, чтобы читатель не только мог ознакомиться с поэзией прошлых эпох, но и почувствовать ее непосредственно»***. Замысел был грандиозным и... неосуществимым, напоминая «Творение» Рене Гиля, над которым тот работал всю жизнь, но так и не преуспел, лишь смутно представляя себе очертания целого. Брюсов выработал план книги и знал, чего хотел, но колебался в отношении метода: «Мне хотелось бы перенять не столько внешности различных образов лирики, сколько их дух». Единая схема, единый метод тут, конечно, были невозможны. Даже если бы он написал все задуманные тексты, они не могли быть в равной степени удачны. Что удалось ему? Не берусь судить, но стилизации японской поэзии понравились уже первым слушателям:

Устремил я взгляд,
Чуть защелкал соловей,
На вечерний сад;
Там, средь сумрачных ветвей,
Месяц — мертвого бледней.

* Брюсов В. О переводе «Энеиды» русскими стихами // *Вергилий. Энеида*. М.; Л., 1933. С. 39–46; Брюсова И. К истории перевода В. Я. Брюсова // Там же. С. 319–321; *Гаспаров М. Л.* Брюсов и буквализм: (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // *Мастерство перевода*. Сб. 8. М., 1971. С. 88–128 (цит. с. 90).

** Сны человечества: (Отчет) // *Русское слово*. 1913. № 265. 16 нояб. С. 7.

*** Предисловия и планы: *СС*. Т. 2. С. 459–464.

По волнам реки
Неустанный ветер с гор
Гонит лепестки.
Если твой я видел взор,
Жить мне как же с этих пор?

Это первые оригинальные *танка* на русском языке.

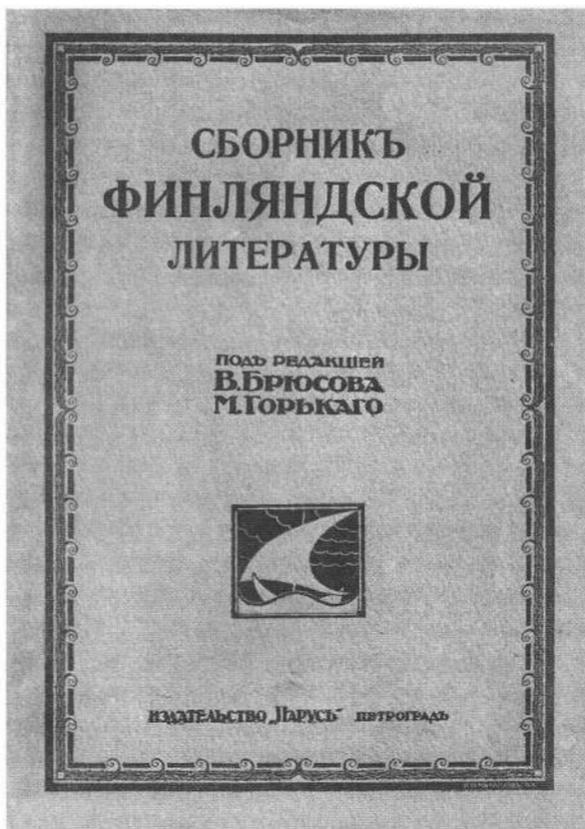
Брюсов осуществил примерно десятую часть своего плана — невольно вспоминается его стихотворение «Десятая часть»:

Что ж пражу мгновений, теперь, как вначале,
Еще мы упорно стараемся пражь?
Совьется желаемой нити — едва ли
Десятая часть!

25 стихотворений из задуманной книги вошли во второй сборник «Сирин», вышедший в декабре 1913 года. Весной 1914 года автор, исключив «Сны человечества» из ПССП, отослал готовые тексты «Сирину» как «выпуск первый» для отдельного издания, но оно не состоялось. Готовя в 1916–1917 годах собрание сочинений, он составил новый вариант книги, увидевший свет только в год столетия со дня его рождения, — хотя еще в начале 1930-х годов Иоанна Матвеевна передала «Сны человечества» Издательству писателей в Ленинграде и заключила с ним договор. Добавлю, что после революции Брюсов задумал книгу рассказов, основанных на подлинных фактах из жизни разных эпох и народов, — прозаический аналог «Снов человечества». Он написал предисловие и перебирал варианты заглавия: «Кинематограф столетий», «В подзорную трубу веков», «Отражения времен» — но этим дело и ограничилось*.

Просветительская деятельность Брюсова привлекла внимание Горького, вернувшегося в 1914 году из эмиграции и годом позже основавшего в Петрограде издательство «Парус». Для властей «буревестник» оставался неблагонадежным, поэтому владельцем «Паруса» числился литератор Александр Тихонов, известный под псевдонимом «Серебров». Горький внес первоначальный капитал (25 тысяч рублей), но старался не афишировать свое участие в делах издательства и созданного при нем в конце 1915 года журнала «Летопись», которые были частями единого целого. С началом войны он занял «пораженческую» позицию, которую не мог высказывать публично, хотя секрета из нее не делал, что и породило толки о финансировании его

* Брюсов В. Неизданная проза. М., 1934. С. 5–6.

«Сборник финляндской литературы»
под редакцией Валерия Брюсова и Максима Горького (Пг., 1917)
Обложка работы Р. М. Михайлова

изданий немцами. В советское время эта тема находилась под запретом, тем более что архив «Летописи» загадочным образом пропал. Среди сотрудников обоих предприятий преобладали меньшевики-интернационалисты и большевики, стоявшие на «циммервальдской» платформе*, а также друзья и знакомые самого Горького.

Горький привлек Брюсова к работе над «инородческими» сборниками, цель которых состояла в ознакомлении русского читателя с творчеством народов Российской империи. Алексей Максимович думал об их издании с 1901 года, когда был одним

* Конференция левых интернационалистских меньшинств социалистических партий Европы, проходившая в швейцарской деревне Циммервальд 5–8 сентября 1915 года, выпустила манифест с призывом начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов.

из пайщиков, а затем главным идеологом и совладельцем издательства «Знание». Через полтора десятилетия он вернулся к оставленному проекту, который в условиях мировой войны смотрелся уже по-иному. С одной стороны, издание «иностранческих» сборников подчеркивало духовную и культурную близость народов, населявших империю, с другой — оно объективно способствовало усилению сепаратистских настроений на «национальных окраинах», в чем были заинтересованы Германия и Австро-Венгрия. Горький не мог не учитывать это обстоятельство. Брюсов тоже — однако согласился участвовать в деле, имевшем несомненное культурное значение. Вместе с Алексеем Максимовичем он редактировал сборники латышской и финской литературы, увидевшие свет в июне и октябре 1917 года, участвовал в подготовке так и не вышедших украинского и еврейского сборников, для которых сделал ряд переводов, и вел переговоры об эстонском сборнике. Переводы Брюсова также появились в «Еврейской антологии» под редакцией Ходасевича и видного сиониста Льва Яффе*, но, несмотря на уговоры Горького, он отказался сотрудничать с Русским обществом для изучения жизни евреев, деятельность которого вызывала неприятие многих литераторов, в том числе Блока**.

Горький дорожил сотрудничеством Брюсова — литератора с безупречной репутацией, хотя и из противоположного политического лагеря. 3 октября 1916 года Тихонов писал Валерию Яковлевичу: «До сих пор от более близких отношений с Вами <...> нас удерживала — чтобы быть вполне откровенным — Ваша близость к „Русской мысли“ — журналу, с которым мы находимся в коренном принципиальном несогласии, — конечно, это обстоятельство остается, по-видимому, в силе и по сие время, — но тем не менее год совместной с Вами работы дал мне смелость думать, что и у „Летописи“ найдется с Вами также немало общего, особенно в области литературы и критики, и что союз наш в этой области был бы возможен и плодотворен»***. В начале 1917 года Горький послал к Брюсову своего помощника по издательским делам Зиновия Гржебина для переговоров о выпуске собрания его сочинений в десяти томах. В мае договор был подписан, и Валерий Яковлевич взялся за подготовку рукописей, не упустив случая заново выправить тексты. Тогда же он согласился принять на себя редактирование собрания

* Переводы В. Я. Брюсова в «Еврейской антологии» / Вступ. заметка, публ. и примеч. Н. П. Сейранян // *НБ*. С. 312–329.

** *ЛН*. Т. 27/28. С. 648–650; *Бурачок Д.* Интересные встречи. М., 2005. С. 80–83 / Комм. Л. А. Селезнева.

*** *РГБ*. 386. Карт. 105. Ед. хр. 2. Л. 22–22об.

сочинений Верхарна в восьми томах. Не прошло и года, как издательство из-за финансовых и типографских трудностей свернуло работы, а принадлежавшие ему авторские права выкупил Гржебин. Пользуясь бедственным положением писателей, он скупал их рукописи за стремительно обесценивавшиеся бумажные деньги, не издавал их сам и не давал издавать в других местах. Летом 1919 года Гиппиус назвала его «прирожденным паразитом и мародером интеллигентской среды», пояснив: «У него есть как бы свое (полулегальное, под крылом Горького) издательство. Он скупает всех писателей с именами, — скупает „впрок“, — ведь теперь нельзя издавать. На случай переворота — вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета, — и как выгодно приобретенная! Буквально, *буквально* за несколько кусков хлеба»*. Брюсова это не коснулось — обязательств перед Гржебиным у него не было. Несколько лет тот уверял, что непременно выпустит собрание сочинений Валерия Яковлевича, но их сотрудничество ограничилось изданием сборника «Миг» в 1922 году.

Общение с Горьким принесло неожиданные плоды. Весной 1915 года к Алексею Максимовичу обратились представители созданного в начале войны Московского армянского комитета («Парус» готовил «Сборник армянской литературы») с просьбой указать подходящего редактора для большой антологии армянской поэзии, перевод и издание которой они были готовы финансировать. Горький назвал Бунина и Брюсова, особо рекомендуя второго. 26 июня Карен (Герасим) Микаэлян, Александр Цатурян и Погос (Павел) Макинцян обратились к Валерию Яковлевичу. Искренне удивленный, тот ответил отказом, сославшись на полное незнание предмета и в глубине души не понимая, зачем это ему нужно. Гости настаивали, и он согласился просмотреть приготовленные материалы (переводы на русский и французский языки, подстрочники, книги по истории и литературе Армении), попросив не торопить его с ответом.

При следующей встрече Брюсов буквально заключил гостей в объятия, объявив, что согласен. 2 июля он начал заниматься с Макинцяном армянским языком и вскоре приступил к отбору текстов и переводчиков для задуманной антологии. Итогом стала «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» под его редакцией, увидевшая свет в конце августа 1916 года**. В предисловии редактор объяснил, почему взялся за нее: «Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изучении Армении

* Гиппиус З. Н. Дневники. Т. 2. М., 1999. С. 215–217.

** Переиздана в Ереване в 1966 (с учетом исправлений Брюсова для невышедшего второго издания), 1973 и 1987 (репринт первого издания) годах.

я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что как историк, как человек науки я увидел в истории Армении — целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложнейших вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении — такой же самобытный мир красоты». История этой книги подробнейшим образом исследована армянскими учеными, вклад которых в изучение жизни и творчества Брюсова и особенно в сохранение памяти о нем можно оценить только в превосходной степени. Одно перечисление их работ и подготовленных ими изданий брюсовских текстов займет несколько страниц*. Поэтому остается суммировать главное.

В этом проекте Брюсов в полной мере проявил себя как организатор, переводчик, редактор, составитель, исследователь и популяризатор. Критически пересмотрев имевшиеся переводы, он пришел к выводу, что практически все надо делать заново, и привлек к работе лучших русских поэтов-переводчиков: Балтрушайтиса, Бальмонта, Блока, Бунина, Верховского, Вяч. Иванова, Сологуба, Ходасевича, а также молодых литераторов: Ашукина, Сырейщикова, Шервинского. Он просил, уговаривал, подсказывал, ободрял, торопил. Разумеется, все работали с подстрочниками, и только Брюсов за несколько месяцев интенсивных занятий овладел армянским настолько, что мог читать, писать и вести несложный разговор, а для перевода требовал не только подстрочник, но и оригинал. Знание языка и постоянные консультации с Микаэляном и Макинцяном позволили тщательно отредактировать переводы и добиться общего высокого уровня, хотя отдельные неудачи были неизбежны. Книгу Валерий Яковлевич выстроил как единое целое, создав эталон антологии национальной поэзии, а его собственные переводы были признаны образцовыми, прежде всего самими армянами. Вступительную статью он тоже взял на себя — и создал первый в России концептуальный, сжатый и в то же время информативный очерк истории армянской поэзии, переведенный в 1923 году на армянский язык. Добавлю, что его работа была хорошо вознаграждена: в общей сложности он получил более трех тысяч рублей.

Не ограничившись поэзией, Брюсов неплохо изучил историю Армении. Увидев в ней точку соприкосновения цивилизаций Запада и Востока, он считал примирение, а затем синтез двух культурных миров исторической миссией армянского народа:

* Важнейшие: Брюсов и Армения. Т. 1–2. Ереван, 1988 (далее цит. без сносок); Григорьян К. Н. Валерий Брюсов и армянская поэзия. М., 1962; Айвазян К., Татосян Г. Статьи об армянской литературе // СС. Т. 7. С. 465–481; все издания «Брюсовских чтений».

Валерий Брюсов в кругу армянской интеллигенции
Баку. 1916

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров...
...Вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

Это важный момент в эволюции брюсовской историософии. Итогом стала «Летопись исторических судеб армянского народа» — первая обобщающая работа на данную тему на русском языке, законченная осенью 1916 года и выпущенная Московским армянским комитетом в 1918 году*.

Брюсов открыл русскому читателю Армению, ее историю и поэзию. Никакая другая «инородческая» антология, включая издания Горького, не получила такого резонанса и не имела такого научного и культурного значения, как «Поэзия Армении». Геноцид армян в Османской империи в апреле 1915 года вызвал сочувствие в России, но там слишком мало знали об Армении, чтобы в полной мере понять и оценить трагедию. Обращение Московского армянского комитета к Горькому и Брюсову диктовалось стремлением не только донести до русского общества правду о случившемся, но и рассказать ему об армянах и их древней, богатой традициями христианской культуре. Эта цель была достигнута в полной мере.

15 октября 1915 года Валерий Яковлевич читал в «Эстетике» лекцию об армянской поэзии: «Сегодня перед нами открываются

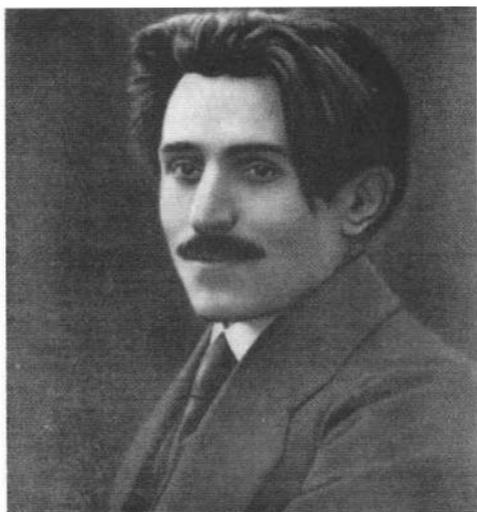
* Переиздана в Ереване в 1940 и 1989 годах.

доселе закрытые для нас двери прекрасного цветущего сада». Кроме него переводы читали Балтрушайтис, Бальмонт, Верховский и Вяч. Иванов. Кавказское общество армянских писателей пригласило Брюсова повторить лекцию в Закавказье. 8 января 1916 года он выступал в Баку, 13 и 22 января — в Тифлисе, 18 января — в Эривани (дважды в один день) — везде с исключительным успехом (за ним даже следила полиция). 17 января в Эчмиадзине его принял и благословил католикос всех армян Кеворк V. Брюсов познакомился и подружился с ведущими армянскими поэтами, которых знал по стихам, — Иоаннесом Иоаннисяном, Ованесом Туманяном, Вааном Терьяном. Поездка дала ему новый творческий импульс: он написал цикл стихов «В Армении» (символично, что туда попали впечатления от Тифлиса и Баку) и с удвоенной энергией принялся за окончание работы над антологией.

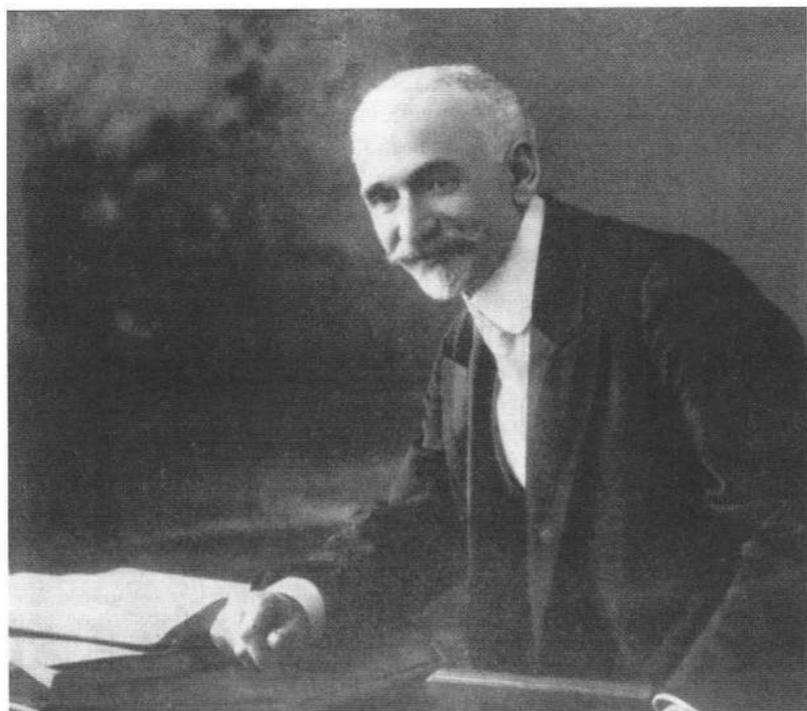
Выход «Поэзии Армении» был встречен единодушным одобрением и признан большим вкладом в *русскую* литературу. Ученый-арабист Игнатий Крачковский писал Брюсову: «Ни в России, ни в Европе (насколько я знаю) ни одна восточная поэзия не представлена в таком образцовом издании, литературно-изящном и в то же время научно-добросовестном». Однако строгий редактор не хотел останавливаться на достигнутом. «Многое в нем, — писал он о сборнике 20 ноября 1916 года Иоаннисяну, — не так хорошо, как того хотелось бы; многого недостает, кое-что и неверно, но силы человеческие ограничены. С чистой совестью могу сказать, что я сделал, что мог. Постараюсь позже сделать лучше и более достойное Вашей прекрасной родины, с которой сживаюсь все теснее». Брюсов не бросал слов на ветер. Через несколько месяцев после выхода книги он задумал второе издание: пересмотрел композицию и внес правку в свой очерк, уточнив факты и оценки, — а 15 февраля 1917 года составил записку об издании прозаической антологии «Айастан» и подал ее в Московский армянский комитет. К сожалению, из-за начавшейся революции оба плана не осуществились.

17 января 1917 года Брюсов снова приехал в Баку для чтения лекций «Эмиль Верхарн и героическая Бельгия», «Учителю учителей» и «Общественные воззрения в поэзии Пушкина». В газетах много писалось о «Поэзии Армении», которая уже была прочитана закавказской интеллигенцией. Здесь же состоялось его примирение с Игорем Северяниным — сюжет, заслуживающий отдельного рассказа.

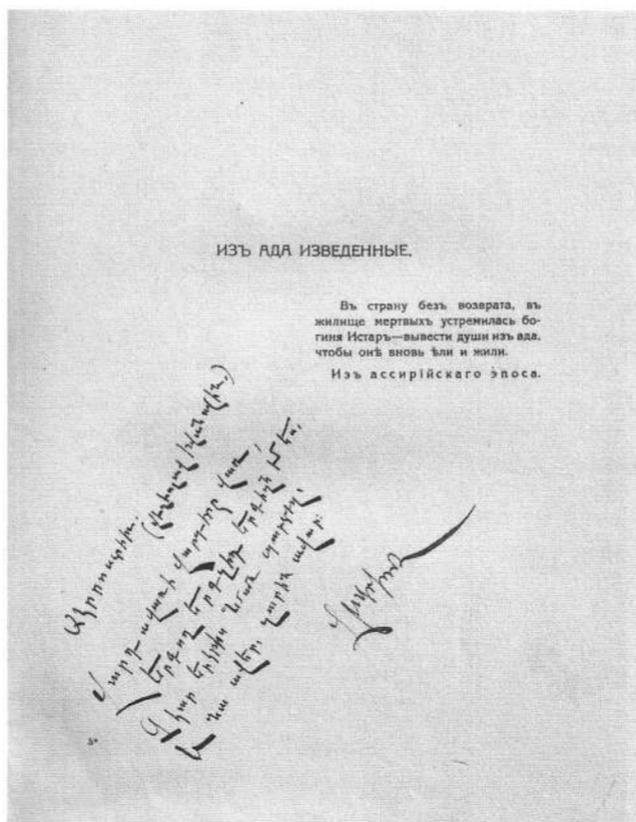
Брюсова упрекали в заигрывании с футуристами. Читавший субординацию, но не делавший из нее культа, он весной 1911 года послал Северянину, с которым не был знаком, письмо и свои книги с дарственными надписями. «Не знаю, любите ли Вы мои стихи, — писал Валерий Яковлевич, — но Ваши мне положительно

Ваан Терьян
1910-е

Ованес Туманян
1915

Стихотворная запись Ваана Терьяна на армянском языке на шумцтитуде четвертого тома «Полного собрания сочинений и переводов» Валерия Брюсова (Пг., 1914):

«Акростих. (Вячеславу Иванову). Яркие розы Преображения, //
Я твой поющего певца певец, // Не было сада похожего на мою страну, //
И он, разваленный, стал добычей. В. Терьян»
(подстрочный перевод С. А. Хримлян)
ВЭМ. Публикуется впервые

нравятся. Все мы подражаем друг другу; молодые — старикам, а старики — молодежи, и это вполне естественно». «В письме ко мне Брюсова и в посылке им своих книг таилось для меня нечто чудесное, сказочному сну подобное, — вспоминал Северянин, приведя эту цитату, — юному, начинающему, почти никому не известному поэту пишет совершенно исключительное по любезности письмо и шлет свои книги поэт, достигший вершины славы»*. Брюсов посвятил молодому собрату несколько

* Северянин И. Встречи с Брюсовым // Северянин И. Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М., 1990. С. 386–390.

Игорь Северянин
Середина 1910-х. ИРЛИ

стихотворений, похвалил его первую книгу «Громокипящий кубок» и пригласил выступить в «Эстетике».

Поэты оставались добрыми знакомыми, пока не появился критический отзыв Брюсова о «Златолире», составленной из старых стихов, которые Северянин не включил в первую книгу (РМ. 1914. № 6). Игорь Васильевич обиделся и обвинил критика в... зависти:

Вы, чьи стихи как бронзолывы,
Вы поступаете бесславно.
Валерий Яковлевич! Вы —
Завистник, выраженный явно.

«В ту пору я не мог поступить иначе, — оправдывался позже Северянин, — больше всего опасаясь, что мое молчание могло бы быть истолковано как боязнь перед „авторитетом“». Брюсов рассердился и ответил, но не в статье о поэзии Северянина — выдержанной и объективной, хотя и строгой, а в примечании к ней: «Любопытно, в чем бы я мог „завидовать“ Игорю Северянину. Мне было бы стыдно, если бы я оказался автором „Ананасов <в шампанском>“, и мне было бы обидно, если бы я сделался объектом эстрадных успехов, выпавших на долю Игоря Северянина». Статья вошла в выпущенный с рекламными целями сборник «Критика о творчестве Игоря Северянина», но личные отношения между поэтами прервались.

В январе 1917 года Северянин и его друг Георгий Шенгели выступали в Баку и остановились в той же гостинице, что и Брюсов. «Северянин, — вспоминал Шенгели, — пожелал помириться с Брюсовым. Но, будучи болезненно-гордым и самолюбивым человеком, больше всего опасаясь подозрений в робости или заискивании, он боялся сделать первый шаг — и возложил на меня дипломатическое поручение: пойти к Брюсову, разведать его нынешнее отношение к Игорю и постараться устроить „случайную встречу“, при которой они могли бы объясниться. <...> Брюсов был слишком крупным человеком, чтобы его можно было оскорбить эquivoками и намеками. Я сказал просто:

— Северянин хочет с вами объясниться и помириться, но ему страшно, что вы превратно поймете его решение. Я должен вас заманить куда-нибудь, где вы с ним встретитесь.

Брюсов улыбнулся своей доброй улыбкой и сказал:

— Какие глупости! Я охотно сам к нему пойду. Идемте.

Он пружинно поднялся, аккуратно убрал свою работу и, предводимый мною, прошел в номер к Северянину. Северянин не ожидал столь быстрого успеха моей миссии. Побледнев, он встал навстречу Брюсову. Они обнялись. Я ретировался в свой номер, не желая мешать объяснению.

Через час ко мне постучался официант и сказал, что меня просят в ресторан при гостинице. Я спустился. В особой ложе ресторанный зала за накрытым столом сидели, оживленно и дружелюбно беседуя, Брюсов и Северянин*». Рассказав этот случай в стихах:

Нежны verceus'ные рессоры —
Путь к дорогому «кабаку».

* Шенгели Г. Валерий Брюсов // Шенгели Г. Иноходец: Собрание стихов. М., 1997. С. 452–453.

Георгий Шенгели
Начало 1910-х

В нем наша встреча, — после ссоры, —
Меж наших вечеров в Баку...
Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы, тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.
И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!

а затем и в прозе, Северянин не назвал имени Шенгели («до сих пор не знаю, как это произошло»), видимо, не желая компрометировать оставшегося в России друга. Мир был восстановлен, хотя значимых встреч больше не было. В марте 1918 года Северянин уехал в Эстонию и оказался отрезан от России. Через два года, после восстановления почтового сообщения с Москвой, он написал Брюсову*, но общение поэтов по каким-то причинам не возобновилось.

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 544–545. Публ. Н. А. Трифонова.

Вернемся к Армении. Изучение ее истории в широком контексте древней истории Азии положило начало еще одной большой работе Валерия Яковлевича – исследованию взаимоотношений между древнейшими цивилизациями, опубликованному в 1917 году в «Летописи» под заглавием «Учители учителей». Затронутая в нем тема Атлантиды волновала автора с юности: в середине 1890-х годов он начал поэму «Гибель Атлантиды» и не раз обсуждал эту проблему с эрудитом Бальмонтом. «Валерий Яковлевич был убежденный „атлантолог“, не допускавший даже возможности сомнений в существовании Атлантиды, – вспоминал Николай Рихтер, племянник его жены. – Сомневаться в существовании Атлантиды, по его мнению, мог только человек, недостаточно в этом вопросе эрудированный или совершенно не разбирающийся в истории древнего мира. <...> Доказательства существования Атлантиды Брюсов приводил с необычайной логикой и страстностью; чувствовалось, так говорить мог только человек, который долго и упорно думал, работал над этим вопросом, мучился и страдал, когда проблемы касались люди мало осведомленные. Заветной мечтой Брюсова было посетить Африку, район Тимбукту, селение Тимгит (Сахара, Судан, верхнее течение реки Нигер). По мнению Валерия Яковлевича, здесь были расположены колонии Атлантиды и была надежда найти какие-то следы поселений и остатки культуры атлантов. Первая мировая война помешала осуществить это намерение»*.

«Атлантида», как первоначально назывались «Учители учителей», должна была стать одним из исследований «неизвестного автора», публикацию которых Брюсов обдумывал в середине 1910-х годов. Об этом грандиозном плане – и о широте его научных интересов – можно судить по перечню тем:

1) Чистая математика. Геометрия многих измерений. Панарифметика.

2) Астрономия, геология, естественные науки, медицина.

3) Механика. Техника.

4) История I. Общие статьи. Древность. Древний Восток. Средиземноморские культуры. Классическая история. История Римской империи.

5) История II. Археология, палеография, антропология, историческая география.

6) Филология. Сравнительное языкознание. Практические вопросы различных языков.

7) История литературы.

* Рихтер Н. В семье Брюсовых // Сборник-1974. С. 181–182.

8) История искусств.

9) Метрика и ритмика. Теория музыки. Теория пластических искусств.

10) Религия. Философия. Логика.

11) Оккультизм, магия, теософия, спиритизм.

12) Политика. Злоба дня»*.

Из этого списка в печати появилась только «Метрика и ритмика». Наметив более реалистический план, Брюсов разъяснял в предисловии: «Большинство читателей, прочтя подзаголовок „из бумаг неизвестного“, несомненно увидят в этом именовании не что иное, как псевдоним автора этих строк <...> Не надеясь окончательно переубедить таких читателей, автор этих строк считает, однако, необходимым категорически заявить, что он и „неизвестный“ — две отдельные личности. Автор этих строк выступает в литературе, вот уже свыше четверти века, как художник: поэт, романист, драматург, литературный критик; „неизвестный“ в течение приблизительно того же периода посвящал свои силы и внимание исключительно науке: чистой математике, естествознанию, истории, гносеологии, эстетике, а также кругу „герметических знаний“. В течение 25 лет „неизвестный“ уклонялся от выступлений в печати, считая себя недостаточно подготовленным, и лишь недавно предоставил автору этих строк, как своему лучшему другу, издать некоторые из своих работ»**. Цикл должны были открыть «Учители учителей», за которыми предполагались «Основные положения геометрии четырех измерений», «Касание мирам иным в физике и химии», «Математические основы эстетики», «Панарифметика», «Место христианства в космосе». Но, кроме оставшихся в рукописи работ по математике, ничего из перечисленного так и не было написано.

«Учители учителей» — образец научно-популярной литературы в лучшем смысле слова: подробное и адекватное изложение достижений науки и гипотез автора, рассчитанное на подготовленного неспециалиста. По этой книге даже больше, чем по сухой «Летописи исторических судеб армянского народа», можно представить, как выглядел бы «Золотой Рим». Загадка Атлантиды не разгадана до сих пор, поэтому судить о правоте Брюсова невозможно, но атлантологи высоко оценили его труд. Однако содержание работы, как следует из подзаголовка «древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение», много шире. Ее основная идея воплотилась и в стихах:

* СС. Т. 7. С. 484.

** Там же. С. 485.

Но смутно душа человека
Хранит в глубине до сих пор,
Что знали — Орфей, Пифагор,
Христос, Моисей, Заратустра, Друиды
И мы, Пирамиды!..
Мы бросили вам семена.
Когда ж всколосится посев Атлантиды?

«Учители учителей» интересны еще и тем, что в них Брюсов первым в России приблизился к пониманию Традиции, принятому в философии традиционализма XX века: «Существовала традиция, шедшая из отдаленного прошлого, которая утверждала гораздо большую древность человеческой цивилизации <...> Опиралось такое историческое учение только на значение *предания*, на некоторые общие соображения и на доводы аналогии. <...> Можно сказать, что в начале XIX века для мыслящего человека предоставлялся выбор между двумя концепциями мировой истории. Первая концепция, быть может, преувеличивая и увлекаясь, считала сотнями тысячелетий. Она учила о четырех „расах“, поочередно принимавших скипетр культурного владычества на земле: желтой, красной, черной и белой. Белая раса, господствующая ныне, признавалась поздним цветком на древе человечества*, перед которым расцветали три других. Расцвет наиболее пышного из них — культуры красной расы, культуры атлантов, заложивших первоосновы всего, чем и поныне живет человечество в области духовной, — падал, согласно с традицией, на отдаленнейшие эпохи от 800–200 тысячелетий до нашей эры... Эта историческая концепция была не только объектом веры, но и предметом изучения и исследований в тех кругах ученых, которым обычно дается название оккультистов». Среди перечисленных далее имен — Фабр д'Оливе, Сент-Ив д'Альвейдр и Станислав де Гуайта, которых сегодня едва ли кто-то назовет «учеными». На их труды во многом опирался классик традиционализма Рене Генон, — еще одна «невстреча» Брюсова, — писавший в том числе об Атлантиде.

Брюсов не только принимал многие работы «оккультистов» всерьез, но и констатировал на основании данных археологии: «То, что раньше представлялось всей „историей человечества“, оказалось лишь ее эпилогом, заключительными главами к длинному ряду предшествующих глав, о существовании которых наука долгое время не подозревала или не хотела подозревать. <...> Наука вплотную подходит ко „второй“, отвергнутой ею, концепции мировой истории и уже принуждена логикой

* Реминисценция стихотворения Ф. И. Тютчева памяти Гёте: «На древе человечества высокою ты лучшим был его листом...» (1832).

событий поставить перед собою проблему о существовании некоего древнейшего культурного мира, аналогичного традиционной Атлантиде». Атлантиду, существование которой обсуждалось академической наукой, он поместил в один ряд с теми цивилизациями, которые наукой не признавались: «Были лемуры, атланты и прочие». Для советского читателя своей «научной поэзии» он позже пояснил: «Лемуры — по оккультной традиции, первая раса, достигшая на земле сравнительно высокой культуры (на исчезнувшем материке в Тихом океане)».

Стремясь донести результаты своих разысканий до широкой публики, Валерий Яковлевич начал сотрудничать с Московским городским народным университетом, основанным в 1908 году на средства генерал-майора в отставке Альфонса Шаняевского и носившим его имя. Это необычное для тогдашней России учебное заведение имело два отделения: научно-популярное (4 года обучения по программам среднего образования) и академическое (3 года по университетским программам). Принимались лица обоего пола не моложе 16 лет, независимо от национальной и религиозной принадлежности; документы о среднем образовании не требовались, поэтому слушателями были служащие, учителя, ремесленники, рабочие, стремившиеся к знаниям: дипломов и соответствующих прав народный университет не давал. В 1912–1913 годах на Миусской площади (дом 6) для него было выстроено здание, где по вечерам проводились лекции и семинары. В отличие от казенных высших учебных заведений, сюда допускались преподаватели без ученой степени. Из знакомых Брюсова здесь читали Матвей Розанов и... Айхенвальд, в попечительский совет входил издатель Михаил Сабашников, а из слушателей достаточно упомянуть Сергея Есенина, Янку Купалу и Николая Вавилова.

В феврале–апреле 1917 года Брюсов прочитал «шанявцам» курс лекций «Учители учителей», а зимой 1917/18 года «Рим и мир», оставшийся неопубликованным. Сопоставив эти лекции с набросками «Золотого Рима», М. Л. Гаспаров отметил несколько важных различий: «Во-первых — расширение исторического кругозора. <...> Во-вторых — внимание к социально-экономическим явлениям <...> В-третьих — изменение оценки императорского абсолютизма. Брюсов больше не восторгается великолепием безраздельной императорской власти и сквозной бюрократической иерархии: он осуждает их за то, что они отстраняются этим от народа и тем лишают силы собственную цивилизацию. <...> Эта перемена оценки — тоже, разумеется, результат разочарования Брюсова не в римском, а в русском самодержавии». Русская революция — сначала Февральская, потом Октябрьская — давала много поводов к историческим аналогиям.

Но глаза! глаза в полстолетие
 партдисциплине не обучены:
От книг, из музеев, со сцены —
 осколки (как ни голосуй!),
Словно от зеркала Г.-Х. Андерсена
 засели в глазу.

Валерий Брюсов

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

В ТАКИЕ ДНИ

(1917–1924)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«ПОВЕЯЛ ВИХРЬ И РАЗМЕТАЛ РОССИЮ...»

Революцию в России ждали давно, но случилась она все равно неожиданно. «Утренняя светлость сегодня, — записала Зинаида Гиппиус 1 марта 1917 года, — это опьянение правдой революции, это влюбленность во взятую (не „дарованную“) свободу»*.

Как и большинство русских интеллигентов, Брюсов приветствовал случившееся: «Только духовные слепцы могут не видеть, как величественно-прекрасен был охвативший всю Россию порыв; только враги родины могут отрицать всемирно-историческое значение недавних событий, в корне изменивших государственный строй в России»**, — и посвятил революции несколько стихотворений того типа, о котором иронически писал пять лет спустя в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»: «Февраль 1917 года был по плечу большинству наших поэтов, побудил „певцов“ быстро настроить свои лиры на лад „свобода-народа“»:

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздольи великом
Созвучно с ручьями встающей весны.

Иногда это звучало как пародия — на самого себя:

* Гиппиус З. Дневники. Т. 1. С. 464.

** Как прекратить войну. М., 1917; перепеч.: МС. С. 142–156 (цит. с. 142). Брошюра вышла между 26 августа и 9 сентября 1917 года и, несмотря на внушительный тираж (50 000 экз.), относится к числу наиболее редких изданий Брюсова; вероятно, большая часть экземпляров была уничтожена после Октябрьского переворота.

Валерий Брюсов
1920/1921. ИРЛИ

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,
И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.

Иногда как пародия на Игоря Северянина:

И втайне жаль, что нынче мне не пятнадцать лет,
Чтоб славить безрассудно, как юноша-поэт,
Мельканье красных флагов и красный, красный цвет!

С революцией Брюсов связывал надежды на переустройство России, которое устранил пороки прежней системы, но сохранит целостность государственного организма. Об этом его статья «О новом русском гимне», содержание и значение которой гораздо шире вызвавшего ее частного повода: речь в ней о том, на кого должна опираться новая власть, кого представлять

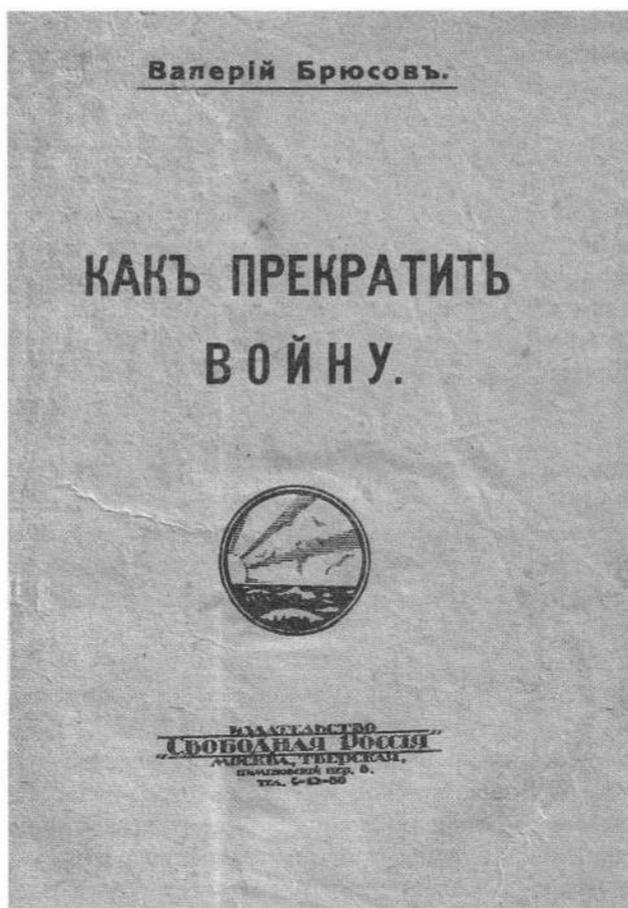
и кого защищать. Брюсов последовательно выступал против любой ограниченности — национальной, религиозной, классовой: «Русский национальный гимн должен быть не гимном „русских“; свой пафос должен почерпать не в одном определенном вероучении и не в идеологии одного определенного класса населения; свое основное содержание должен искать не в военной славе нашей истории и не в огромности русской территории. Мы ждем гимна, который объединял бы все многомиллионное, разнообразное население русской державы, в его лучших, возвышеннейших идеалах. <...> Братство народов, населяющих Россию, их содружественный труд на общее благо, память о лучших людях родной истории, те благородные начала, которые отныне должны открыть нам путь к истинному величию, может быть, призыв к „миру всего мира“, что не покажется пустым словом, когда прозвучит в гимне могучей державы, — вот некоторые из идей, встающих невольно в мыслях при многозначительном слове: Россия»*. Как отметил С. И. Гиндин, эта статья «имеет первостепенное значение для разрушения мифов о Брюсове как о поклоннике и приверженце любой сильной власти, „презиравшем демократию“**», каким его пытался представить Ходасевич.

Другим важнейшим вопросом — наряду с реформой государственного устройства — был вопрос войны и мира. В нем Брюсов занял позицию «революционного оборончества» — правда, с оговорками. Большинство «оборонцев» призывало к продолжению войны «до победного конца» ради реализации ее декларативных целей, включая «разгром тевтонского милитаризма». Валерия Яковлевича заботили прежде всего государственные интересы России, но он думал и об «освобождении порабощенных народов», включая бельгийцев — «народ Верхарна», напомнив 22 марта в стихотворении «Свобода и война»:

В развалинах — башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной — неистовый гнет...
Германских окопов железная лента
От мира отрезала целый народ...
Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!

* Ветвь: Сборник Клуба московских писателей. М., 1917. С. 254–260; перепеч.: Брюсов В. Я. Заря времен. С. 351–356; МС. С. 137–141.

** Брюсов В. Заря времен. С. 478 (примеч.).

Книга Валерия Брюсова «Как прекратить войну» (М., 1917)
Обложка

«Обращение Временного правительства к российским гражданам» от 27 марта подтверждало верность всем обязательствам перед союзниками. Одновременно в нем говорилось об отсутствии у новой России экспансионистских стремлений, что было сделано под давлением Петроградского совета. Написанный Брюсовым в марте проект воззвания московского Союза писателей, в создании которого он принял деятельное участие, декларировал: «Война всегда — величайшее зло; война — проклятие и ужас истории; война — пережиток варварства, недостойный, позорный для просвещенного человечества. Но в наши дни для России война — зло двойное, тройное. Нам нужен мир, чтобы укрепить не вполне еще прочное основание нашей свободы, чтобы пересоздать весь строй нашей жизни на новых,

свободных началах, чтобы наверстать потерянное царским режимом за несколько столетий на всех попрощах. Нам нужен мир, чтобы спокойно предаться созидательной работе, огромной, почти безмерной: коренной перестройке везде подгнившего здания нашей государственности и общественности»*.

Бесперспективность и бессмысленность продолжения войны были для Брюсова очевидны. В то же время он резонно опасался, что поиски сепаратного «мира любой ценой» оттолкнут союзников от России и вынудят ее вести переговоры с Центральными державами в одиночку, а это в сложившихся условиях означало бы сдачу на милость победителя. Поэтому Валерий Яковлевич считал необходимым последнее, решительное напряжение усилий ради достижения военного успеха, который, улучшив стратегическое и тактическое положение России, дал бы ей возможность вести мирные переговоры на равных. Эти идеи он обобщил в статье «Как прекратить войну».

Учитывая усиление антивоенных настроений в стране, союзники потребовали гарантий того, что Россия не заключит сепаратный мир. 18 апреля министр иностранных дел Павел Милюков специальной нотой подтвердил решимость Временного правительства вести войну «до победного конца», что вызвало волнения в Петрограде и перестановки в кабинете, который возглавил Александр Керенский. Статья Брюсова была написана до кризиса: автор счел нужным отметить это в примечании к ее отдельному изданию, вышедшему в конце лета, когда ситуация радикально переменилась. Наступление на Юго-Западном фронте, предпринятое с 18 июня по 15 июля 1917 года под давлением Антанты, закончилось поражением русской армии. Оно несколько облегчило положение союзников на других фронтах, но саму Россию приблизило не к заключению мира, а к большевистскому перевороту. Позднее брошюра привлекла внимание Ленина, хотя его оценка по существу нам неизвестна: «Неожиданное выступление Брюсова в роли политика, который со своей стороны давал рецепт, как прекратить войну, заинтересовало Владимира Ильича, и он отметил книжку Брюсова для прочтения»**.

Горький и его окружение, с которыми Валерий Яковлевич продолжал общаться по литературным делам, начали агитировать за скорейший мир с Германией сразу после Февральской революции. 4 июня в газете «Новая жизнь» появилось стихотворение Брюсова «Тридцатый месяц», написанное в январе 1917 года

* Брюсов В. <Проект воззвания московских писателей> / Публ. Н. А. Трифонова // ЛН. Т. 85. С. 215–216.

** Бочк-Бруевич В. Д. Что читал Ленин в 1919 году // На литературном посту. 1926. № 2. С. 18.

(тридцатый месяц войны) и переработанное в апреле. Это уже полный отказ от «революционного оборончества»:

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И все нелепей, все нестройней
Крик о победе, дикий крик!...
Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...

Стихотворение было сразу же принято газетой — но автор колебался, стоит ли вообще печатать его, а если печатать, то не лучше ли сделать это под псевдонимом. Ослабление внутренних и внешних позиций Временного правительства вызвало новую, искусственную вспышку «оборончества» и «охоты на ведьм», одной из первых жертв которой оказался «пораженец» Горький. Брюсов счел необходимым провозгласить солидарность с ним в сонете «Максиму Горькому в июле 1917 года», напечатанном только в 1920 году, но сразу же сообщенном адресату:

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный крик возник,
И вот она, подъема буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта....

Горький благодарил: «Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич, — редко случалось, чтоб я был так глубоко взволнован, как взволновало меня ваше дружеское письмо и милый ваш сонет. Спасибо вам. Вы — первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия и — совершенно искренно говорю вам — я хотел бы, чтобы вы остались и единственным. <...> Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой, и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю; это — искренно*». «Оборонческая» пресса обвиняла Брюсова в измене прежним убеждениям, но выбор был сделан — хотя он и намеревался заявить на страницах «Новой жизни» о несогласии с «некоторыми из позиций, занятых газетой»**.

Революция не отвлекла Брюсова от общественных дел***. 24 марта в Литературно-художественном кружке собрались

* ЛН. Т. 27/28. С. 657–658.

** ЛН. Т. 27/28. С. 654–656; СС. Т. 2. С. 446–447 (примеч.).

*** Неоконченный «Дневник поэта» / Предисл. и публ. В. С. Дронова // ЛН. Т. 85. С. 25–34 (18–28 марта 1917).

представители научных и литературных организаций Первопрестольной, которым он прочитал доклад, предложив избрать «Совет из десяти лиц, каковые могли бы взять под свое наблюдение и руководство все операции по надзору за печатью в Москве при помощи уже существующих при градоначальстве учреждений <...> Совет должен будет содействовать их работе: а) по регистрации произведений печати; б) по наблюдению за правонарушениями, совершаемыми при посредстве печати». Поясняя свое предложение, Брюсов сказал: «Свобода печати, как известно, есть сила не только могущественная, но даже страшная. Ее нельзя сравнить с ломким цветком, требующим защиты: скорее она — отточенное обоюдоострое лезвие, защищать от которого приходится других, так как оно способно наносить раны глубочайшие и смертельные. Примеры истории учат нас, что пользование свободой печати, особенно в первое время по ее возникновении в стране, нередко ведет к некоторым эксцессам, которые могут рассматриваться как действия, законом караемые. На нашем Совете будет лежать тяжкая обязанность участвовать <...> в определении пределов, за которыми свобода печати переходит в правонарушение»*. Ему возражали «неистовые трибуны», хотя с тезисом о необходимости учета печатной продукции никто не спорил. 27 марта Брюсов по предложению заведующего Книжной палатой профессора Семена Венгерова возглавил Комиссариат по регистрации произведений печати в Москве (с января 1918 года — московское отделение Книжной палаты), созданный взамен старого цензурного комитета, и уже через полтора месяца подал первый — по мнению специалистов, образцово составленный — отчет о работе**.

«Мы переживаем эпоху оживленнейшей деятельности во всех областях: государственной, общественной, научной, — писал он 18 июля брату Александру, находившемуся в немецком плену. — <...> Перспективы будущего — самые блестящие, самые радостные. Ты попадешь в Россию в полный разгар жизни»***. В то же время Валерий Яковлевич не переставал думать о «вечном». Во время первой встречи с Эренбургом Брюсов прочитал ему стихотворение «Ариадна. Жалоба Фессея», «и мы поспорили, — вспоминал Илья Григорьевич. — Если сформулировать эту часть беседы, то она будет выглядеть достаточно неожиданно для августа 1917 года:

* ЛН. Т. 85. С. 34; купюры в первой публикации.

** Боднарский Б. С. В. Я. Брюсов как библиограф // Советская библиография. Сб. 1/3. М., 1933. С. 159–160.

*** Брюсов-ЖЗЛ. С. 494.

1. Правда ли, что Тезей испытывал угрызения совести, оставив Ариадну на безлюдном острове?

2. Как правильнее писать — „Тезей“ или „Фессей“? (Валерий Яковлевич настаивал на последней транскрипции.)

3. Нужно ли современному поэту писать о Тезее? (Я говорил, что не нужно.)»*.

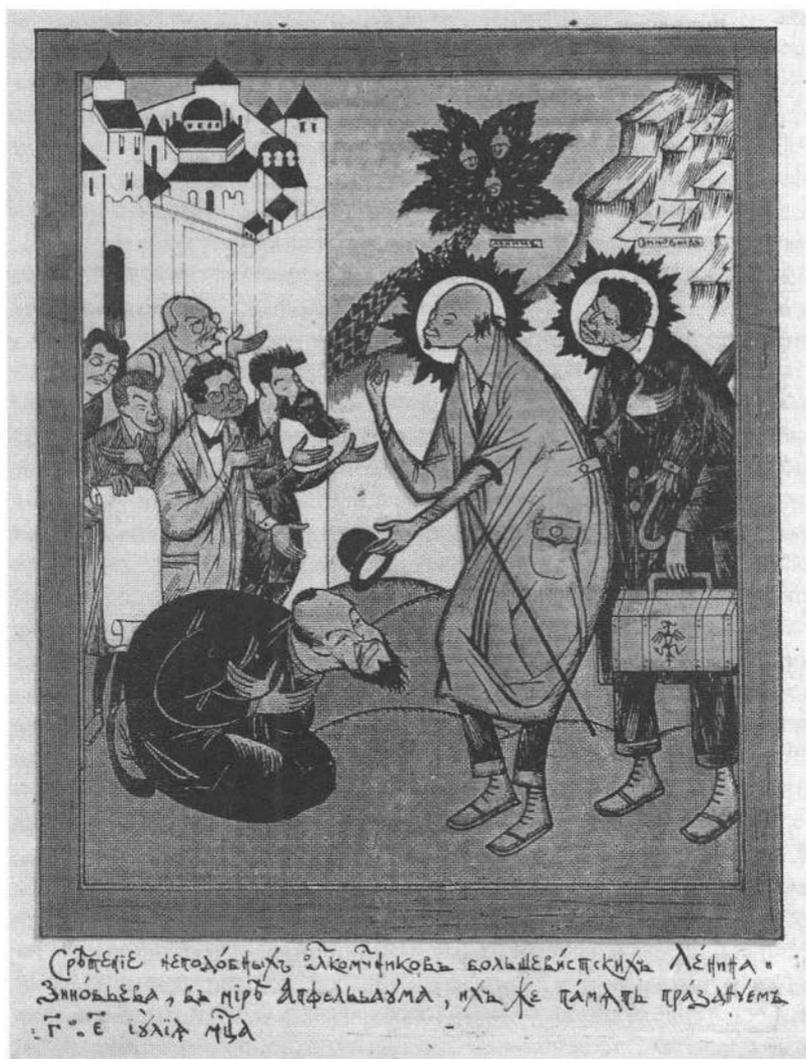
И все же «подлинным поэтом Февраля Брюсов не сделался», — писал И. С. Поступальский, добавив, что «брюсовские стихи в промежуток между Февралем и Октябрем, да и в первые месяцы после пролетарской революции, отмечены каким-то выжидательным характером»**. Чего он ждал? В воспоминаниях Иоанны Матвеевны приведена любопытная сцена, относящаяся к весне 1917 года: «По заведенному обычаю, у нас по средам собирались молодые поэты. Беседа велась исключительно на литературные темы, о поэзии, о стихосложении; политики касались мало. Но помню, однажды в разговоре с одним поэтом В. Я. сказал: „Скоро все переменится, ведь приехал Ленин!“ — „А кто такой Ленин?“ — спросил молодой поэт. Валерий Яковлевич встал и, слегка дотронувшись до плеча своего собеседника, удивленно спросил: „Как, вы не знаете, кто такой Ленин? Погодите, скоро все узнают Ленина“***. К сожалению, мы не знаем ни имени молодого поэта, ни — главное — того, с какой интонацией произнес Брюсов последнюю фразу, которую можно интерпретировать как предостережение и даже как угрозу. Он-то уже в ноябре 1905 года знал, «кто такой Ленин» и что может принести его появление на политической арене в качестве одного из главных действующих лиц.

Факт «принятия» Брюсовым большевистской власти неоспорим. Однако возникают вопросы. Когда он это сделал? По каким причинам? В какой форме? Как сложились его отношения с новыми хозяевами страны? Что он сам говорил и писал об этом, и можно ли этому верить? С брюсовскими признаниями на политические темы, сделанными «задним числом», приходится быть очень осторожным. В нескольких вариантах краткой автобиографии, написанных в конце 1923 года, он утверждал, что «после Октябрьской революции еще в конце 1917 года начал работать с Советским правительством» или даже «предложил свои силы Советскому правительству». Если подразумевать под этим службу в Книжной палате, то к новой

* Эренбург И. Г. Собрание сочинений. Т. 8. С. 224. Образ брошенной Ариадны в этом стихотворении может быть связан с Петровской, как и в более позднем стихотворении «Ариадне» (8 июля 1923), героиня которого находится в Германии, где тогда жила Петровская.

** Поступальский И. Поэзия Валерия Брюсова. С. 75–76.

*** Материалы. С. 144.

Иконопись будущего века.

«Сретеніе неподобныхъ великомучениковъ большевистскихъ Ленина и Зиновьева, въ мірѣ Апфельбаума, ихъ же память празднуемъ 3 и 5 іюля мѣсяца»

Рисунок Синуса из журнала «Бич» (1917. № 36. Сентябрь)

власти это относилось не более, чем лекции в Народном университете Шанявского или председательствование в Московском литературно-художественном кружке. Правда, Ходасевич и здесь не удержался от сплетен:

«Национализировав типографии и взяв на учет бумажные запасы, советское правительство присвоило себе право

распоряжаться всеми типографскими средствами. Для издания книги, журнала, газеты отныне требовалось получить особый „наряд“ на типографию и бумагу. Без наряда ни одна типография не могла приступить к набору, ни одна фабрика, ни один склад не могли выдать бумаги. Выдача этих нарядов была сосредоточена в руках новоиспеченного учреждения. Во главе его с лета 1918 года стал Валерий Брюсов. Ввести прямую цензуру большевики еще не решались — они ввели ее только в конце 1921 года (имеется в виду создание Главлита. — В. М.). Но, прикрываясь бумажным и топливным голодом, они тотчас получили возможность прекратить выдачу нарядов неугодным изданиям <...> Отказы в выдаче нарядов подписывал Брюсов, но, разумеется, директивы получались им свыше. Не будучи советским цензором „де-юре“, он им все-таки очутился на деле*. Ходили слухи, что его служебное рвение порой простиралось до того, что он позволял себе давать начальству советы и указания, кого и что следует пощадить, а что прекратить. Должен, однако, заметить, что я не знаю, насколько такие слухи были справедливы и на чем основывались. Несколько забегаю вперед, скажу, что впоследствии, просматривая делопроизводство подотдела, никаких письменных следов такой деятельности Брюсова я не нашел». Знакомство с историей советской цензуры и контроля над издательским делом показывает, что такими правами Валерий Яковлевич не обладал. Пикантность же ситуации в том, что его преемником в Книжной палате был сам тов. Ходасевич.

Работать в Наркомпросе Брюсов начал в июне 1918 года. Службой тяготился, но — как едва ли не все литераторы — был вынужден служить ради получения пайков, поскольку большевики реквизируют банковские вклады. В Кружке выборным членам дирекции стали платить жалованье, «что для меня, — общал он Бальмонту 24 января 1918 года, — единственный сейчас способ зарабатывать денег столько, чтобы умирать постепенно, а не сразу**». Это последнее из его сохранившихся писем «брату Константину».

Так что брюсовская версия о «конце 1917 года» отпадает сразу. Иоанна Матвеевна вспоминала: «В дни октябрьского переворота Валерий Яковлевич лежал больной. В эти дни, — должно быть, под влиянием болезни, — был сумрачен, крайне неразговорчив и мало реагировал на события, несмотря на то, что стрельба шла почти под окнами***. Это скупое признание,

* Отсылка к очерку Гиппиус «Одержимый» (1923), где Брюсов был назван «большевицким цензором».

** ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 238.

*** Материалы. С. 144.

появившееся в печати в 1933 году, говорит о многом. 26 февраля 1918 года он сдержанно, но откровенно писал брату: «Ты говоришь, что избегаешь слушать всякие нелепые слухи. Увы! Все нелепейшее из нелепого оказалось истиной и действительностью. Нельзя выдумать ничего такого невероятного, что не было бы полной правдой в наши дни, у нас. Поэтому веселого мог бы сообщить мало: пока мы все живы, и это — уже много; с голоду не умерли, и это — уже чудесно. <...> Я почти исключительно читаю по-латыни, чтобы и в руках не держать газет»*.

Что же читал Брюсов? М. Л. Гаспаров заключил, что это «Писатели истории Августов» — собрание биографий римских императоров от Адриана до Нумериана, составленное в IV веке. Историки низко оценивают этот источник, указывая, например, что все приводимые в нем письма императоров — подложные. Но Брюсова волновала не «критика источников», а сходство прочитанного с тем, что происходило за окнами его дома: «Жители принуждены были ходить по улицам города вооруженными, чтобы защищать свою жизнь, и самим принимать меры для охраны своих домов и своего достоинства. Законы бездействовали, справедливость была утеснена, кротости и милосердия не оставалось и следа, нравы огрубели, люди не имели надежды ни сохранить свою жизнь, ни законным образом наследовать по умершим. Всем своевольно распоряжались солдаты, судя не по писанным законам, а по своему неписаному уставу. Город был полон буянами и мятежниками, которые ежедневно делали все, что хотели; честных и порядочных людей изгоняли и имущество их отнимали; а своих врагов убийцы преследовали даже во храмах и наносили удар у алтарей. Государственная казна была опустошена; никто не хотел принимать новые деньги, выпускаемые правительством; потому на рынках стояла страшная дороговизна; при том ощущался крайний недостаток в съестных припасах. Республика распалась; почти каждая область объявила себя самостоятельной. Поселяне избивали помещиков, грабили и сжигали усадьбы, захватывали нивы и пастбища и сами выбирали себе государя. <...> К какой же эпохе относятся эти исторические факты? Написано ли это вчера или это — пророчества, когда-то выставленные каким-то прозорливцем? Ни то ни другое. <...> Это — черты жизни в Римской империи второй половины III века, отмеченные современниками, и если читатель наших дней видит здесь что-то ему знакомое, то лишь

* Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 29. М., 1967. С. 220 / Публ. Н. В. Зейфман.

потому, что „история повторяется“. Сходные причины приводят и к сходным следствиям»*.

Увлекаясь аналогиями, Брюсов, по замечанию М. Л. Гаспарова, «когда-то столь враждебный модернизации прошлого, отважно идет теперь на самую смелую модернизацию. Если Максимиин порывает с сенатом, преследует знатных и богатых, конфискует средства храмов, раздает конфискованное солдатам, вводит военное положение и в письмах апеллирует не к сенату, а к народу, то для Брюсова это — осуществление программы социального переворота, программы связной и обдуманной — не Максимином, конечно, а какой-то таинственной, широко разветвленной подпольной организацией социальных реформаторов, которую Брюсов явно представляет себе по образцу своей современности»**. Правление в 235–238 годах «солдатского императора» Гая Юлия Вера Максимиана, прозванного Фракийцем (первый варвар на римском престоле!), он трактовал как попытку социальной революции, «ускользнувшую от внимания всех историков Рима». Действительно, историки, вслед за античными хронистами, рисовали Максимиана жестоким и алчным диктатором из низов, грабившим страну ради военных нужд (враги уверяли, что ради собственных), ненавидевшим аристократию и самый Рим, где он ни разу не побывал за годы правления, но отдавали должное его мужеству и полководческим талантам. Какой простор для аналогий!

12 марта Брюсов прочитал в Политехническом музее лекцию «Урок истории: кризис Римской империи в III веке по Р. Х. и современность». Судя по черновым записям, он оценил положение России, до которого довел ее царизм, как трудное, но не безнадежное, и призвал новую власть не повторить ошибки римских императоров, отказавшихся от пути социального компромисса. Через два месяца Блок написал этюд «Катилина. Страница из истории мировой революции» о другом «римском большевике» — столь же сомнительный с точки зрения историографии и столь же показательный в плане историософии.

Отношение Брюсова к новой власти проясняют стихи 1918–1921 годов, опубликованные только в 1990-е годы. На новый 1918 год он написал стихотворение о том, как в будущем очевидцы революционных событий будут вспоминать о случившемся:

* Неоконченная статья «Времена тридцати тиранов» (1918) цит. по: *Гаспаров М. Л. Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре*. С. 203–205.

** Там же. С. 205 (вместо «Максимиин» ошибочно напечатано «Максимиан»).

Канут годы в вечность. Наше время
 Станет сказкой, бредом страшных дней.
 Сгинет, словно призрачное племя,
 Наше поколение в мгле теней.
 И, быть может, лик склоня в печали,
 Вдруг окликнет старика старик:
 «Так ли мы осмьнадцатый встречали?
 Тяжек был тогда урочный миг!
 Завтра нам тогда казалось грозно,
 Новый год — всех наших благ концом!...»*

В альбоме неизвестного лица, куда Брюсов вписал это стихотворение, за ним следовала примечательная запись: «Хотя и бесконечно грустно, — и даже больше: — почти гнусно переживаемое нами время, но все-таки „там внутри“ я глубоко верю в конечную победу интеллигенции и небывалый, может быть, больше чем американский, расцвет капитализма. Ив. Макаров**. 9/I-1918».

2 января 1918 года появилось стихотворение «За что?», историческая аналогия на библейскую тему, столь же прозрачная, как некогда «Юлий Цезарь»:

«За что?» — стонали в Мицраиме
 Евреи, руки ввысь воздев...
 Но с каждым днем неумолимей
 Порабощал их Божий гнев...
 «За что?» — За то, что вы терпели,
 Дрожа, насилие и гнет;
 Не научили — к высшей цели
 Стремиться свой родной народ...
 За ужас долгого позора,
 За дни презренья к малым сим,
 За грех безволя и раздора —
 Сегодня целый край казним!

Оно было сразу же опубликовано и несколько раз перепечатывалось в советское время, но во всех случаях, кроме одного, с датой «1915», проставленной Иоанной Матвеевной по цензурным соображениям. «Каюсь, — писала она 22 января 1952 года

* Впервые: МС. С. 157–158. Другие варианты, без каких-либо оценок ситуации: Москва. 1973. № 12. С. 158 / Публ. О. Сайкина; СС. Т. 3. С. 368–369. Ср. стихотворение Вяч. Иванова «Последний плач семнадцатого года!...» (31 декабря 1917) из цикла «Песни смутного времени».

** Сведениями об этом лице не располагаем.

Подъ новый 1918 годъ

Капустъ годъ въ вѣчность. Наше время
Станетъ сказкой, бредомъ страшныхъ дней.
Семетъ, словно призрачное племъ,
Наше поколѣе въ мракъ тѣней.

Но куда же съ насурн будущъ звѣзды тѣ же
Сидятъ декабрьскій столъ остатъ;
Тѣ же звонки рожать воздухъ стѣпъ,
Храмовъ посылая благодатъ.

И опять займется въ бокалакъ,
Съя икры, стѣпое вино;
Въ стѣпныхъ комнатахъ и пыльных залахъ
Прозвучитъ привѣтствіе одно:

"Съ новымъ идемъ! съ новымъ насистемъ!" Дружно
Звенитъ хоръ веселыхъ голосовъ.
Будетъ жизнь, какъ пѣна вѣвъ, желтушкой,
Годъ грядущій — какъ любовный жовъ!

И, бѣтъ мореть, ликъ склонъ въ пеленъ,
Вдругъ окликнетъ старика старинъ:
"Такъ ли ли обмануцатій вѣтръ гонитъ?
"Такъ ли бѣтъ тогда уютный мизъ!

"Завтра нашъ тогда казался грозно,
"Новый годъ — вѣкъ нашихъ блѣдъ концовъ!
"И гаси стужамъ въ помощь: поздно!"
Эту рѣчь прерветъ привѣтствіи гонъ.

Стихотворение Валерия Брюсова «На новый 1918 год»
1 декабря 1917, 6 января 1918. Первая страница автографа. ВЭМ

Д. Е. Максимову, — отнесла я к 1915 году, когда оно 1918 года.
Я думаю, Вы согласитесь со мной, что так лучше*.

Откликом на известия о разгоне Учредительного собрания
«уставшим караулом» стали стихи, уже не попавшие в печать:

Страшных зрелищ зрителями мы
В буре дней поставлены; безвольно
Никнут ныне гордые умы,
Для борьбы нет сил, и сердцу больно.

* Цит. по: МС. С. 217 (примеч.).

Черным клубом ужас родился
Из надежд великих, — спрут огромный;
Щупальцами жизнь зажата вся,
Впереди — провал, бездонно-темный.
Где давно ль на алых знаменах
Мы читали светлый клич свободы,
Против брата брат, вздымая прах,
Рать ведет, и эта рать — народы.
Встать и грудь смертный путь закрыть,
Что-то прокричать, чтоб все сознали...
Шепчет мысль, что тщетно говорить,
Умер слух, и все сердца — из стали!
Падаешь бессильно; грозный спрут
Восемь лап невероятных тянет...
Гибель жизни кто переживут?
Для кого счастливый день настанет?
Все равно! Вам, будущим, привет!
Вспомните, что мы, дрожа во мраке,
Ждали, скоро ль брызнет первый свет...
Голос умер... Этот стих — лишь знаки.

Брюсов не возлагал на «учредилку» никаких надежд, но после ее разгона окончательно убедился в диктаторском характере большевистского режима и в его стремлении разрешать политические проблемы исключительно насильственным путем. 14 января написаны терцины «Джинь», оставшиеся неопубликованными, а после публикации в 1993 году — незамеченными, — о злых духах, губящих караваны в пустыне. Л. К. Долгополов писал о «Джинах»: «Это же Дантовские терцины, чистый Лозинский до Лозинского. Опускание во Ад большевизма. <...> От „джинов“ путь ведет прямо к Блоку: ср. у Брюсова: „И полнят хохотом пустой простор!“, у Блока: „Только выюга долгим смехом заливаётся в снегах!“ Это дьявол российского пространства (любимого Белым) хохочет над революционными стремлениями. Только у Брюсова все проще, его ориентация на Данте лежит на поверхности. С другой стороны, он усиленно использует Случевского, которого хорошо знал и любил и который явился в русской литературе первым крупным аналитиком загробного мира. <...> Брюсов оказался между Данте и Случевским (который сам сознательно подражал Данте) и в преддверии Блока. <...> Он (Брюсов. — В. М.) примитивен, но не гениально примитивен, как Данте, а скорее как Случевский. Он отверг революцию не как геополитик, а как Достоевский, от которого взял, однако, лишь одну идею бесовщины. Но если у Блока сквозь Достоевского маячит еще и Пушкин,

то у Брюсова ничего этого нет. И еще: у Брюсова — караван в пустыне, у Блока кавалькада на просторах Вселенной, близко. И Брюсов, и Блок варились в революции, варясь вместе с тем в искусстве, слугами коего они и были в первую очередь*.

Отношение Брюсова к происходящему окончательно проясняет статья «Наше будущее» с подзаголовком «Литературно-Художественный кружок и русская интеллигенция»**. Здесь он выступил именно как представитель «старой» интеллигенции, вынужденной сосуществовать с новой властью: «Когда пишешь статью в наши дни, знаешь наверное, что ей суждено устареть к завтрашнему утру, если не сегодня вечером. События, и события огромного исторического значения, сменяются с быстротой, которую называют головокружительной. Ни в частной жизни, ни в судьбах нашей родины не обеспечен следующий день, и никто не возьмется пророчествовать, что будет с нами через год, через месяц, через неделю. <...> Есть, однако, некоторые стороны этого близкого будущего, уже теперь выступающие совершенно отчетливо. Не весело быть зловещим пророком и предрекать дурное, но и не должно закрывать глаза на то, что видишь ясно и явно. Если вообще мрачен сумрак, окружающий настоящее, то черты будущего, выступающие из него, может быть, еще чернее и суровее. Можно с полной уверенностью сказать одно: как бы отчетливо ни повернулся дальнейший ход событий, какие бы неожиданные удачи ни ожидали нас на пути, пусть даже исполнятся все самые заветные надежды наших оптимистов, все равно — нам предстоит еще годы и годы переживать тяжелую эпоху. Если даже страшные потрясения нашего времени выведут нас на светлый путь свободы и демократизма, благополучия и преуспеваний, все равно — последствия пережитых потрясений будут чувствоваться долго и остро». В черновом варианте он выразился еще определеннее, говоря про «безумное ослепление крайних партий», т. е. большевиков и левых эсеров, которых поддержали Блок, Белый, Есенин и Мейерхольд.

Коротко, но решительно Брюсов набросал картину тотального кризиса, в котором оказалась Россия, выделяя как ее единственное неуничтожимое достояние — русскую культуру. Что может грозить ей в случае «торжества социализма», он понял уже давно («Спалим!»), а пролеткультовские призывы «во имя Грядущего сжечь Рафаэля» лишь подтверждали его худшие опасения. И дело было не только в призывах: если музеи новая

* Письмо к автору настоящей книги (4 мая 1994).

** *Чтения*. 1962. С. 358–365 / Публ. Б. М. Сиволова; перепеч.: *Брюсов В. Заря времен*. С. 357–363; *МС*. С. 160–166; черновой вариант впервые: *МС*. С. 166–167.

власть взяла под охрану, то частные собрания, библиотеки, усадьбы зачастую оказывались брошенными, обреченными на уничтожение. Брюсов пошел «служить» в советские учреждения не только ради пайка, но и для того, чтобы защитить культурные ценности от хаоса и произвола. Ключ к пониманию его решения можно найти в статье биолога и философа Сергея Чахотина в сборнике «Смена веков»: «Кроме той части интеллигенции, которая оказалась не в силах оставаться в России и бежала в стан антибольшевистских сил, другой части, вынужденной против воли работать в неприемлемых для нее условиях, и третьей части — идейно примкнувшей к вождям революционного экстремизма, есть еще одна группа русской интеллигенции, не принявшая большевизм, но поборовшая себя и оставшаяся в России из особых жертвенных побуждений. Заслуга этой группы перед Россией и человечеством огромна. Это группа, которая считала своим долгом остаться сторожем возле угрожаемых пожаром сокровищ русского духа, русской культуры. Эти люди считали необходимым, чтобы вблизи русских музеев, библиотек, лабораторий, театров остался кто-нибудь, кто бы прикрыл их своим телом в случае опасности, кто бы сохранил нам преемственность русской культурной работы, кто бы, несмотря ни на какие бури, тянул золотые нити русской мысли, русского чувства. И они остались, несмотря ни на что, и они работали среди голода, холода, принуждений, глумлений. Это та единственная часть русской интеллигенции, что не ошиблась, та, что пошла верной дорогой»*.

Так думали не все. Немногочисленные писатели, принявшие сторону новой власти, подвергались остракизму со стороны собратьев по перу: уважаемые, вроде Блока, — с сожалением, неуважаемые, вроде Серафимовича, — с осуждением. Брюсов мостов не сжигал, но зима 1917/1918 года стала временем распада многих литературных связей, прежде всего с Петроградом: единичные послереволюционные письма к нему Блока, Сологуба и Мережковского имеют исключительно деловой характер. Особенно интересно последнее письмо Мережковского от 25 мая 1919 года (судя по дошедшим до нас письмам, они не переписывались более пяти лет): «Я слышал, что вы участвуете в Литературной коллегии или комиссии (не знаю точно названия), которая заведует изданием русских книг. Не сочтете ли возможным взять одну из моих книг, а также З. Н.? <...> Я заранее согласен на все условия» (далее подробный список, включая «Грядущего Хама»). Ответ Брюсова до нас не дошел.

* Смена веков. Прага, 1921; перепеч.: Литературное обозрение. 1991. № 7. С. 63–111 (далее цит. по тексту републикации без сносок).

Сама собой оборвалась дружба с Бальмонтом, хотя в 1919 году они обменялись дружескими стихотворными посланиями. Вячеслав Иванов отрицательно относился к большевикам, но, видя бесперспективность выступлений против них, стал работать в Наркомпросе и нашел общий язык с заведующей его Театральным отделом Ольгой Каменевой. В эти годы он редко встречался с Брюсовым, однако их дружеские отношения остались неизменными*.

Повеял вихрь и разметал Россию.
Где вы, друзья, чье имя легион? —

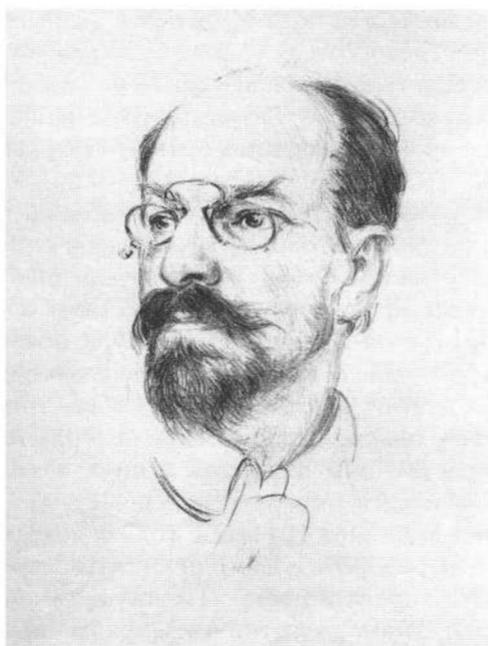
как сказано в одном из брюсовских набросков этих лет.

Пять лет спустя Валерий Яковлевич признался: «Октябрь был для многих, и очень многих, как бы ударом обуха по голове». «Не сразу после Октября это произошло, — писал Павел Антокольский о принятии Брюсовым новой власти. — Понадобились *долгие месяцы* (курсив мой. — В. М.), понадобилась череда размышлений и колебаний, чтобы этот серьезный, ответственный и требовательный человек и писатель нашел себя в эпохе, ориентировался во времени»**.

Тем не менее «это произошло». Известно, что на государственную службу Брюсова привлек народный комиссар по просвещению Анатолий Луначарский. Но когда и при каких обстоятельствах? В речи памяти Павла Сакулина 1 февраля 1931 года Луначарский вспоминал: «Когда революция переменяла все в нашей стране, то вы знаете хорошо, что значительная часть интеллигенции почувствовала себя совершенно растерянной, не говоря уже о той ее части, которая определила свои позиции в отношении революции как резко враждебные, — в то время были относительно редки случаи, когда представители интеллигенции предлагали свое сотрудничество нам и первыми входили в определенный контакт с Советской властью. Одним из таких визитов, которые оставили у меня глубокое воспоминание, было специальное посещение меня в Москве В. Я. Брюсовым и П. Н. Сакулиным. Они пришли вместе и сказали, что, по их мнению, никакого разрыва между интеллигенцией и ее традициями, как они это понимают, и совершившейся

* Оценка рецензии Брюсова на трагедию Иванова «Прометей» (Художественное слово. Кн. 2. М., 1921. С. 59–60) как «отрицательной» (*Среди стихов*. С. 702 (примеч.)) неверна. Несмотря на критические замечания, она принципиально отличается от послереволюционных отзывов Брюсова на книги бывших товарищей по символизму.

** Антокольский П. Г. Валерий Брюсов // СС. Т. 1. С. 25.

Анатолий Луначарский
Рисунок П. Ю. Киселиса. 1922

революцией нет, что затруднения, которые на этой почве возникли, представляют собою горькое историческое недоразумение и что они со своей стороны охотно взяли бы на себя вести переговоры о том, чтобы устранить дальнейшую отчужденность*. «У Брюсова вид был несколько замкнутый и угрюмый», — добавил он в другой раз**.

Даты встречи Луначарский не назвал. Н. А. Трифонов установил, что она могла произойти или в первой половине апреля, или в конце мая 1918 года, когда нарком был в Москве (после переезда Совнаркома в Москву Анатолий Васильевич еще почти год оставался в Петрограде), и склонялся к первой дате***. Иоанна Матвеевна, не называя дат, вспоминала о двух встречах мужа с Луначарским, после которых он получил приглашение работать в Наркомпросе****. Поскольку его служба началась не ранее июня 1918 года, то наиболее вероятной датой встречи

* ЛН. Т. 82. М., 1970. С. 105 / Публ. Л. М. Хлебникова.

** Луначарский А. Брюсов и революция // Луначарский А. Литературные силуэты. М., 1925. С. 170.

*** Трифонов Н. А. Луначарский и Брюсов // РЛ. 1973. № 4. С. 7–8.

**** Шилерович Б. «И искра есть в лучах — моя...»: (Страницы из жизни В. Я. Брюсова) // День поэзии. М., 1969. С. 244.

и начала сотрудничества можно считать конец мая, через семь месяцев после переворота. В «черном списке» «продавшихся», который с начала года исправно вела Гиппиус, имя Брюсова появляется только 2 июня*. Заметим, что именно в это время власть большевиков оказалась под серьезной угрозой как извне, так и изнутри.

О чем шел разговор? Луначарский сообщил, что Сакулин и Брюсов, по их словам, «охотно взяли бы на себя вести переговоры» о разрешении конфликтов между интеллигенцией (в данном случае писателями, журналистами и издателями) и властью. Для такой миссии кандидатура Брюсова как главы Литературно-художественного кружка выглядела вполне естественной. Будучи, как и Сакулин, «общественником», он взялся уладить «горькие исторические недоразумения», выражавшиеся в арестах, обысках, реквизициях, закрытиях газет, журналов, издательств, литературных обществ.

Заслуживает внимания тот факт, что вся деятельность Брюсова с момента переворота и до встречи с Луначарским отмечена подчеркнутой аполитичностью. Не вступая в контакт с новой властью, он не принимал участия и в направленных против нее демаршах вроде однодневной газеты «Слову — свобода!», выпущенной 10 декабря 1917 года с участием почти всех известных московских писателей — от Бальмонта и Иванова до Бунина и Вересаева. Еще продолжалась издательская деятельность и выплачивались гонорары, хотя цены стремительно росли, а деньги столь же стремительно обесценивались (из национализированных большевиками банков сначала выдавали крохи, а потом — и вовсе ничего). В конце 1917 года издательство Александра Кожебаткина «Альциона» выпустило роскошным изданием не для продажи (100 экземпляров) сборник переведенных Брюсовым — но без указания его имени — эротических стихотворений римских поэтов «Egotoraegnia», в начале 1918 года — первое в России полное издание «Гавриилиады» под его редакцией (550 пронумерованных экземпляров), вскоре повторенное для свободной продажи с изъятием шести строк. Тогда же «Альциона» заключила с Валерием Яковлевичем договор на книгу о метрике и ритмике русского стиха — первую часть давно задуманного учебника стиховедения, которая увидела свет в конце лета 1919 года под названием «Наука о стихе»**. В августе 1918 года в издательстве «Геликон» вышел экспериментальный сборник Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и

* Гиппиус З. Дневники. Т. 2. С. 60–61, 128, 208.

** Письмо А. М. Кожебаткину (22 ноября 1918): *НЖ*. Кн. 218. С. 90–91; собрание В. Э. Молодякова.

формам», а Московский армянский комитет опубликовал «Летопись исторических судеб армянского народа»*.

Планов было больше, чем возможностей: многие подготовленные к печати тексты остались неизданными, а замыслы — неосуществленными. Издательство Л. А. Слонимского не смогло выпустить третью книгу альманаха «Стремнины» под редакцией Валерия Язвицкого, в которую Брюсов отдал поэму в терцинах «Страсть и смерть. Исповедь раба»** (в первой книге появилось окончание «Египетских ночей», во второй симфония в стихах «Воспоминанье»). Не увидел свет и сборник «Поэмы», доведенный в 1919 году «Альционой» до верстки***. 8 апреля 1918 года Валерий Яковлевич заключил договор с издательством Соломона Абрамова «Творчество» о переиздании переводов из Верлена, 30 мая — с издательством Сабашниковых на книгу стихов для серии «изборников» русских поэтов. Михаил Сабашников также планировал выпустить в серии «Памятники мировой литературы» сочинения Тацита, предложив Брюсову сделать перевод, а тот интересовался перспективами издания «Энеиды»****. Всем этим замыслам не суждено было реализоваться. Не состоялось и сотрудничество в возобновленном утреннем выпуске «Биржевых ведомостей», куда Брюсова в конце мая 1918 года пригласил новый заведующий литературно-критическим отделом Волюнский*****: остатки «буржуазной прессы» доживали последние месяцы.

Весной 1921 года Валерий Яковлевич вчерне завершил перевод «Фауста» и рассчитывал на его скорую публикацию. 20 апреля Госиздат «принял издание на себя»*****, однако первая часть вышла в свет стараниями Луначарского только в 1928 году, а вторая не напечатана до сих пор. Несмотря на положительные оценки, «Фауст» Брюсова не смог конкурировать с версией Холодковского:

* *Прижизненные издания* (С. 63) датируют выход второй книги декабрем 1918 года, но известен экземпляр с инскриптом автора от августа 1918 года: *РЛ*. 1991. № 4. С. 71.

** Письмо В. И. Язвицкому (12 апреля 1918): Записки Отдела рукописей. Вып. 29. С. 222–223 / Публ. А. Л. Паниной; поэма впервые: *ЛН*. Т. 27/28. С. 253–264 / Публ. Н. С. Ашукина; позднее не перепечатывалась.

*** Содержание: «Воспоминанье», «Роковой ряд», «Страсть и смерть», «Египетские ночи»; корректура в Музее книги РГБ: *Прижизненные издания*. С. 83.

**** Письма М. В. Сабашникову (2 и 24 мая, 11 сентября 1918): Записки Отдела рукописей. Вып. 29. С. 223–226, 229–230 / Публ. А. Л. Паниной. В январе 1920 года Брюсов заключил с Госиздатом договор на перевод «Энеиды», но издание не осуществилось — см. его заявление от 18 октября 1920: Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. (Путеводитель по Фонду Госиздата). М., 2009. С. 141–143, 234.

***** *НБ*. С. 398–399.

***** Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. С. 175–176.

«Рядовой читатель <...> отдаст предпочтение переводам старым, которые, в общем, читаются гораздо легче. <...> Легкость прежних переводов в значительной степени — результат пользования привычным, трафаретным речевым материалом. Глаз читателя легко скользит по строчкам. Брюсовский перевод требует более внимательного и медленного чтения»*. Время для такого чтения не наступило: всё заслонил перевод Пастернака.

Постепенное замирание издательской деятельности, вызванное как репрессивной политикой властей, так и воцарившимся экономическим и хозяйственным хаосом, вызвало к жизни новую форму общения писателей и читателей — публичные чтения в московских кафе, претендовавших на звание литературно-художественных клубов. Уже 21 ноября 1917 года футуристы открыли «Кафе поэтов» на углу Настасьинского переулка и Тверской**. 23 февраля 1918 года в помещении бывшего кафе «Кадэ» на углу Петровки и Кузнецкого моста начало работу кафе-кабаре «Музыкальная табакерка», объявившее о проведении «Живых альманахов». «Художественными руководителями» были объявлены Бальмонт и Брюсов, но дело взял в свои руки энергичный Вадим Шершеневич, вспоминая позднее: «Бумаги не было. Книжки не выходили. Люди, чтобы не забыть азбуку, читали надписи на вывесках и ходили слушать живых поэтов»***.

Выступление Брюсова в «Табакерке» вечером 7 марта описал в дневнике начинающий поэт Тарас Мачтет: «Я никогда не слышал его раньше, видел только на карточках и потому с интересом воззрил на эстраду, когда, наконец, Шершеневич, исполнявший роль конферансье, возгласил весьма торжественно:

— Господа, сейчас выступит поэт, произведениями которого отражается эпоха, стихотворения которого вам всем известны, Валерий Брюсов!

Публика зааплодировала, а я встал со своего места за печкой и тоже захлопал в ладоши. Брюсов не замедлил появиться. Публика встретила его <нрзб.> криками браво. Брюсов быстро поклонился и, протиснувшись сквозь ряд столиков, вышел на эстраду и стал за приготовленный для него столик. Не помню уже, что он выбрал для своего чтения. Я не ожидал, что у Брюсова такой глухой, едва слышный голос, плохие манеры и почти стариковское уже лицо, поседевшая борода. Вид у него во всяком случае не поэта, отразившего произведениями эпоху,

* На литературном посту. 1928. № 20/21. С. 125–128 (Б. Я. Гейман); перепеч.: Гетевские чтения. 1999. М., 1999. С. 235–239.

** ЛЖР. Т. 1. Ч. 1. С. 63; далее сведения из этого издания приводятся без дополнительных указаний.

*** Мой век, мои друзья и подруги. С. 459.

Вадим Шершеневич

1924. Опубликовано в журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном» (1924. № 4). Собрание В. А. Дроздова

и в толпе я не отличил бы его из ряда других. Читал он не особенно хорошо, но и не плохо. За выход взял 100 рублей. Он прочитал несколько своих вещей по книжке, лежавшей перед ним на столике. После своего чтения он скоро ушел»*.

14 марта Мачтет занес в дневник очередную новость: «Э. Бескин в своем журнале „Театральная газета“ в последнем № здорово отчитал Валерия Брюсова за его выступление в „Табакерке“ в „Живых альманахах“. „Пусть лучше, — пишет он, — Брюсов выйдет со своими стихами на площадь или идет с ними в народ, пусть читает в каком угодно собрании, даже бесплатно, или просто для рекламы, но в „Табакерке“ на угоду богатой

* РГБ. Ф. 162 (Мачтет Т. Г.). Карт. 5. Ед. хр. 3. Л. 59–59об. Фрагменты дневника Мачтета сообщены В. А. Дроздовым.

буржуазии, за стаканом кофе или изысканной закуской восседающей за столиком там, читать он не имеет права, свой талант разменивать на мелочи в угоду буржуазии из богатых поляков и немцев он не должен**». В ответ же Бескину Брюсов самым спокойным образом не позже как вчера опять выступил в „Табакерке“ и даже прочел посвященное ей стихотворение**. <...> Стихи вышли довольно звучные, публика много и долго аплодировала ему. Как и в прошлый раз, Брюсов имел успех и, наверное, вполне довольный и собой, и гонораром, полученным за выступление свое, покинул наше собрание»***.

Из затей «Табакерки» наибольшую известность получил «Вечер эротики» 2 апреля 1918 года. «Читали мы все**** сравнительно невинные вещи, — вспоминал Шершеневич. — На эстраду вышел Брюсов и начал читать переводы латинских поэтов. Атмосфера быстро накалялась. Сначала уткнулись носом в стаканы дамы, потом мужчины начали усиленно закуривать. Не смутился один Брюсов.

Издатель альманахов, он же владелец кафе (К. Е. Коротков. — В. М.), подозвал меня и грозно спросил:

— Он только читать будет или и наглядно показывать?

Я успокоил встревожившегося коммерсанта, что Брюсов обойдется только читкой.

Коммерсант требовал, чтоб я прекратил „похабщину“.

Я указал, что Брюсов достаточно аккредитованный поэт.

— Что мне до его кредитов, если мне комиссар кафе закроет!

Брюсов кончил читать и совершенно наивно поглядел на зал, удивляясь, что не аплодируют»*****.

14 апреля в «Табакерке» произошел публичный скандал между Маяковским и Шершеневичем, который заявил, что слагает с себя обязанности редактора «Живых альманахов». Участвовавшие в них поэты во главе с Брюсовым поддержали Шершеневича и известили о намерении покинуть кафе, куда «проникал нежелательный элемент с улицы, приходил для очередных скандальных „выступлений“ Маяковский и комп.», а «дирекцией не было принято должных мер к устранению этих препятствий»*****. Прощальное выступление Брюсова в «Табакерке» состоялось 11 июня. В поисках заработка он также выступал

* Э. Б. <Бескин Э. М.> «Живые альманахи» // Театральная газета. 1918. № 12. 24 марта. С. 8.

** В СС (Т. 3. С. 371–372) стих «Табакерка» датировано 19 марта 1918 года.

*** РГБ. Ф. 162. Карт. 5. Ед. хр. 3. Л. 64об–65.

**** Кроме Брюсова и Шершеневича, в вечере участвовали: Любовь Столица, Семен Рубанович, Константин Липскеров и Владимир Королевич.

***** Мой век, мои друзья и подруги. С. 459–460.

***** Цит. по: ЛЖР. Т. 1. Ч. 1. С. 163.

Владимир Маяковский
Казань. 1914

в кафе «Десятая муза» и «Домино» (с ноября 1918 года — эстрада Профессионального союза поэтов, созданного в том же месяце) с импровизациями на заданные публикой темы*.

«Дело доходит до Брюсова, — вспоминал Сергей Спасский, в ту пору начинающий поэт. — Он на сцене. Разворачивает записку. Тема — что-то вроде „любви и смерти“ — слишком отвлеченна и обща. Брюсов подходит к рампе. Произносит первую фразу. Медленно, строка за строкой, не запинаясь, не поправляясь на ходу, он работает. Тема ветвится и развивается. Строфа примыкает к строфе. Исторические образы, сравнения, обобщения, куски

* Брюсов импровизировал даже научные доклады: «Я представлю список дисциплин и на любую заданную тему сделаю доклад. <...> После получасовой подготовки берусь сорок пять минут говорить на эту тему, популярно изложить основные ее проблемы и указать не меньше пяти книг, посвященных ее истории, развитию и современному состоянию» (*Арго* А. Звучит слово: Очерки и воспоминания. М., 1962. С. 79–89).

лирических размышлений. Вдобавок он импровизирует октавами, усложнив себе рифмовку и умышленно ограничив возможности композиции. Нельзя сказать, чтобы это ему давалось легко. <...> Запавшие глаза сухи и сосредоточенны. Зал примолк, люди боятся двинуться, чтобы не нарушить напряженную собранность поэта. Брюсов продолжает. Удивление переходит в восхищение. И вот облегченный жест рукой: — Я дал вам девять правильных октав, — бросает он гортанным, картавым голосом все закругляющие последние строки. Смолк. Резко дернулась голова. Мгновенная улыбка и обычная серьезность в ответ на бешеные аплодисменты*.

Спасский не без иронии называл Брюсова «профессором поэзии», но и сам Валерий Яковлевич не обольщался относительно творений такого рода. Одна из импровизаций, написанных октавами, начиналась:

Вот я опять поставлен на эстраде
Как автомат для выделки стихов.

Первым официальным контактом Брюсова с новой властью стало присутствие 20 мая 1918 года на совещании при Литературно-издательском отделе Наркомпроса под председательством его комиссара Павла Лебедева-Полянского, которого Ходасевич метко назвал «литературным неудачником, ущемленным собственной бездарностью и задыхающимся от зависти к настоящим писателям». Среди участников — Вересаев, Гершензон, Сакулин. В повестке дня национализация сочинений русских классиков, провозглашенная декретом ВЦИК «О Государственном издательстве» (29 декабря 1917 года), и их выпуск специальной комиссией при Наркомпросе. Писатели приветствовали эту меру в принципе, но внесли много предложений и поправок, стремясь не допустить монополии Госиздата и превращения литературы в инструмент пропаганды. 1 и 18 июня совещание продолжалось, но диалога не получилось: выслушивать аргументы и, тем более, возражения писателей комиссары не собирались.

На совещании Брюсов молчал, но согласился войти в реорганизованную 4 июля Литературно-художественную комиссию по изданию классиков (создана 12 января в Петрограде). 26 июня он заключил с Литературно-издательским отделом Наркомпроса договор на подготовку собрания сочинений Пушкина в шести книгах (три тома в двух книгах каждый) и в течение года сдал в Госиздат первые пять**. Из-за царившего там хаоса весной 1920 года (не позднее 7 апреля) свет увидела только первая книга; еще

* Спасский С. Маяковский и его спутники. Л., 1940. С. 134–135.

** Гонорарные «отношения» от 16 июля и 6 сентября 1919 года: Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. С. 28, 45.

несколько осталось в гранках, а часть рукописей и вовсе потеряли. По воспоминаниям Петра Зайцева, пытавшегося возобновить издание в 1921 году, после смены руководства Государственного издательства, которое литераторы прозвали «государственным издевательством», Брюсов воспринял утрату стоически и согласился приняться за подготовку нового полного собрания сочинений Пушкина, однако дальше заключения договора дело не двинулось*. Возможно, сказался холодный прием, оказанный первому тому специалистами, которые признали работу редактора неудачной. Наиболее резким был аргументированный отзыв Бориса Томашевского, который в те же годы критиковал стиховедческие труды Брюсова как «научнообразные»**. «Побочным продуктом» работы стали пять брошюр со стихотворениями Пушкина под редакцией и с предисловиями Брюсова, выпущенные Наркомпросом массовым тиражом в 1919 году, а также аналогичные издания Жуковского и Тютчева. Валерий Яковлевич изучал «наше всё» до самой смерти и опубликовал ряд интересных работ о его стихотворной технике, хотя упоминания о революционных настроениях Пушкина навлекла на Брюсова упреки в том, что он, как тогда выражались, «подкоммунивает».

О «советских службах» речь пойдет в следующей главе. Кстати, относить ли к таковым должность председателя домового комитета дома 32 на 1-й Мещанской улице, на которую он был выбран, надо полагать, без особых возражений?*** Одновременно были и не советские, вроде Студии стиховедения при Литературной секции Московского союза учащихся искусству, созданной в начале апреля 1918 года по инициативе Брюсова и Иванова. Занятия начались 15 апреля лекцией Брюсова «Ремесло поэта», открывавшей курс «Введение в теорию стиха» и перепечатанной в качестве вступительной статьи к «Опытам». «Вдохновение может прийти и не прийти, а уметь писать вы обязаны, — говорил он студийцам, приступающим к освоению стихотворной техники. — Вот чернильница. Я не спрашиваю с вас вдохновения, а написать грамотное стихотворение о чернильнице вы можете! <...> Вы не стихи пишете сейчас — вы решаете задачу на стихосложение.

* Зайцев П. Н. Воспоминания. М., 2008. С. 210–212, 682–683. 26 марта 1924 года Госиздат постановил «немедленно приступить к подготовке издания сочинений <...> Пушкина — полное собрание сочинений в 6 томах под ред. В. Я. Брюсова» (Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. С. 418), но проект не был осуществлен.

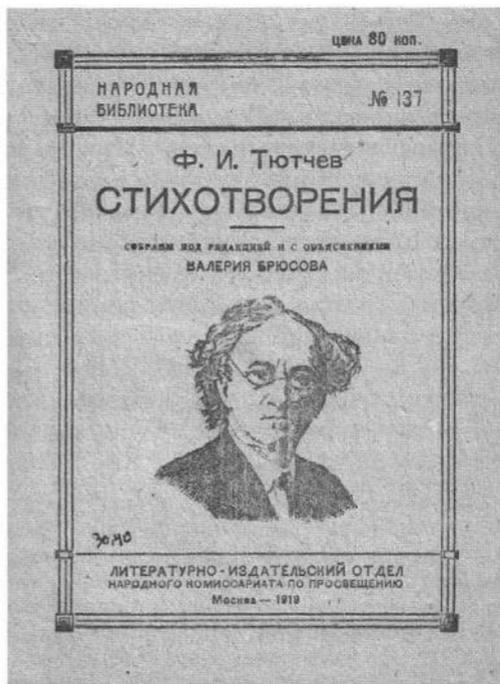
** Книга и революция. 1921. № 1. С. 57–60; Там же. № 10/11. С. 32–34.

*** Во избежание принудительного «уплотнения» в доме поселились сестры И. М. Брюсовой Бронислава и Мария (в замужестве Стоша) с семьей, хотя кратковременного подселения посторонних людей избежать не удалось; позднее там жила семья воспитанника Брюсовых Н. Н. Филлипенко. Домовладелец И. К. Баев с семьей был выселен на чердачный этаж, а затем вынужден переехать в Подмоскowie. Сообщено М. Б. Шапошниковым.

Первая часть первого тома «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина под редакцией Валерия Брюсова (М., 1920)
Обложка

Стихотворения Федора Тютчева под редакцией Валерия Брюсова в серии «Народная библиотека» (М., 1919)
Обложка

Техника нужна для того, чтобы владеть всеми своими силами, когда придут к вам настоящие стихи»*.

Лекции легли в основу «Науки о стихе», а «Опыты» смотрелись как дополняющая их хрестоматия, хотя там было немало стихотворений из прежних или готовых к печати сборников. Брюсов разъяснял в предисловии: «Здесь нет ни одного стихотворения, которое не было бы в то же время подлинным выражением моих внутренних переживаний. <...> В идеале я стремился к тому, чтобы включить в эту книгу лишь те стихи, которые являются подлинной поэзией. Я мог ошибиться в своем выборе, мог слишком снисходительно отнестись к своему произведению, но ни в коем случае не считал, что одно техническое исхищрение превращает стихи в создание искусства. Знаю, что среди помещенных далее стихотворений есть более слабые и менее удачные, но в каждом из них непременно есть „частица моей души“, и мне самому каждое из них, помимо особенностей их техники, напоминает те или другие чувства, глубоко пережитые мною, то или другое раздумье, живо и остро волновавшее меня когда-то». Именно эти слова вызвали негативную реакцию критики: «Чем больше вникаешь в эту книгу, тем более охватывает тебя страх, что эти „опыты“ до ужаса полно отражают все переживания Брюсова, что не осталось у него других переживаний, кроме переживаний технических»**.

Важное событие произошло и в личной жизни Брюсовых — в доме на Первой Мещанской появился маленький ребенок. Как это произошло, рассказала Иоанна Матвеевна: «Я, любительница детворы, затащу к себе то маленьких сестер, то племянников, племянниц, или детей кого-нибудь из знакомых, или соседских детей и подыму с ними шум и возню***. Если случайно Валерий Яковлевич застанет у меня ребят, то он, войдя к нам, холодно поздоровадается, как со взрослыми, на „вы“ с каждым малышом, не узнавая в большинстве случаев никого из них, и с грустным беспокойством пройдет к себе в кабинет. <...> В 1917 году у младшей моей сестры Лены, когда-то бывшей в большой степени моей любимицей, был уже годовалый сын. Вызванная к раненому мужу куда-то на фронт, она оставила сынишку на попечение своей матери, моей мачехи, и просила меня навещать его. К этому времени моя страсть к ребятишкам как-то остыла, было некогда. <...> Но все же ребенка я навестила. Играя с ним, я заметила, что он болен. Я поняла, что

* Цит. по: Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Прометей. № 11. М., 1977. С. 239.

** Горн. 1919. № 2/3. С. 113–114 (Н. Шварц).

*** По воспоминаниям ее племянника Н. А. Рихтера, это было в середине 1900-х годов, когда Иоанна Матвеевна окончательно убедилась, что не может иметь детей: Рихтер Н. В семье Брюсовых. С. 175.

старенькой, хворой бабке не совладать с таким богатырем, каким был Коля, что самой мне с Мещанской улицы нельзя будет ездить на Пречистенку следить за лечением, и я упросила бабушку отпустить его ко мне. Так как положение было серьезное, я ни на минуту не задумалась над тем, что скажет Валерий Яковлевич. <...>

По обыкновению Валерий Яковлевич ничего не сказал, не рассердился, но, посмотрев на мою затею с явной укоризной, прошел к себе в кабинет, тщательней обычного закрывая свою дверь. Здоровье Коли было довольно скоро восстановлено, он привык ко мне и постоянно врывается в комнату „дяди Ва“. К моему величайшему удивлению, оба они друг другу очень понравились. Коля, как все дети в его возрасте, был очень забавен, большой взяточник шоколадок, а Валерий Яковлевич неожиданно сделался одним из самых щедрых дядей. Я минутами не узнавала его и никогда не поверила бы, что он может проявлять столько внимания и забот к ребенку. Мне нередко приходилось останавливать Валерия Яковлевича, спорить с ним, доказывать, что лишнее баловство портит детей. Когда, после трехмесячного пребывания Коли у нас, сестра Лена, вернувшись в Москву, приехала за ним, Валерий Яковлевич упросил Лену не совсем его отнимать, а отпускать иногда к нам гостить. Таким образом Коля стал жить то дома, то у нас, до ноября 1917 года, а затем родители уехали с ним на юг, откуда через пять месяцев вернулись <...> Жизнь в Москве сильно осложнилась, особенно для Колиных родителей, поэтому ребенок был отпущен к нам с меньшим сожалением. <...> Трогательное и исключительное проявление любви и внимания к Коле не ослабевало за все восемь лет, прожитых Колей у нас, а, я бы сказала, усиливалось с каждым днем»*.

Бронислава Рунт, после революции жившая у Брюсовых и делившая с ними все трудности, вспоминала: «Однажды вхожу я в кабинет Валерия Яковлевича и вижу, что Коля в каком-то бумажном колпаке, вооруженный большим ножом для разрезания книг, изображает дикого охотника.

— Колечка, а где дядя Валя?

Мальчуган разводит ручонками.

— Его нету...

А потом, хитро подмигнув, показывает под стол. К неописуемому изумлению вижу: там, скорчившись, на четвереньках стоит Валерий Яковлевич. А Коля заговорщическим шепотом поясняет:

— Это тигр. Я его подкарауливаю.

Целыми часами просиживали вдвоем престарелый поэт и краснощекий бутуз. Валерий Яковлевич читал ему Пушкина, рассказывал сказки. А то, склонившись над толстой книгой

* Брюсов-ЖЗЛ. С. 485-486.

Валерий Брюсов и его воспитанник Коля Филипенко
Начало 1920-х. РГБ

Брэма, они вдвоем любовались зверями. Иногда Валерий Яковлевич отбирал из своей богатой библиотеки две-три книги в изящных переплетах и отправлялся на Сухаревку. Оттуда, продав за бесценок книги, возвращался с сахаром, белыми булочками или яблоками для Коли»*. Так было продано почти все собрание книг по оккультизму и эзотерике.

Вместе они увлеклись филателией: к сожалению, «собрание марок Коли Филипенко и Вали Брюсова» до нас не дошло**. Валерий Яковлевич мечтал дать Коле блестящее образование, но не успел.

Военный инженер Николай Николаевич Филипенко скоропостижно умер в 1957 году в возрасте сорока лет, на глазах у любимой «тети Жанны».

* Воспоминания о Серебряном веке. С. 193–194.

** Обложка и одна из страниц альбома: Ашукин Н. Валерий Брюсов-филателист // Огонек. 1929. № 8. С. 13.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«ТОВАРИЩ БРЮСОВ»

Сотрудничество Брюсова с большевистской властью объясняли просто. «Признал историческую правоту марксизма и неизбежность революции», — гласила официальная советская версия. «Продался», — коротко и решительно вынесли вердикт эмигранты. Первое подкреплялось фактом вступления в партию и цитатами из поздних стихов. Второе мотивировалось психологически, ибо службой ради пайков «грешили» почти все. «Брюсову представлялось возможным, — утверждал Ходасевич, — прямое влияние на литературные дела; он мечтал, что большевики откроют ему долгожданную возможность „направлять“ литературу твердыми административными мерами. Если бы это удалось, он мог бы командовать писателями, без интриг, без вынужденных союзов с ними — единым окриком». Эти утверждения иногда повторяются и сегодня со ссылками на занимавшиеся Брюсовым должности и на его критические отзывы о писателях и поэтах, которые посмертно — и не по своей воле — превратились в «священных коров».

Утверждения Ходасевича о диктаторских амбициях Валерия Яковлевича восходят к борьбе «Весов» с «Золотым руном» и «Перевалом». Власть ради власти как таковой его не привлекала — по крайней мере, достоверных свидетельств об этом нет. Он хотел быть вождем декадентства, считая, что только оно может обновить русскую литературу. Он стал вождем декадентства и обновил литературу — разумеется, не единолично, а во главе «фаланги». Руководил защитой символизма от эпигонов и вульгаризаторов — никто лучше него не справился бы с этим. Символизм как движение кончился и стал историей литературы. Декадент Брюсов тоже стал историей, что закрепили тома «полного собрания сочинений». Но поэт Брюсов продолжал

писать, переводчик — переводить «Энеиду» и Эдгара По, ученый — исследовать русский стих и древние цивилизации, общественный деятель — выступать против геноцида армян и за прекращение войны. «Царский режим» позволял не служить. «Свобода» позвала на государственное дело — в Комиссариат по регистрации произведений печати. Большевики не оставили выбора в отношении службы: Брюсов был немолод, слаб здоровьем и обременен многочисленными родственниками.

Никакой «власти» он не получил, что признал и Ходасевич: «Поскольку подчинение литературы оказалось возможным — коммунисты предпочли сохранить диктатуру за собой, а не передать ее Брюсову, который, в сущности, остался для них чужим и которому они, несмотря ни на что, не верили». Литературой и издательским делом командовали проверенные партийцы Воровский и Лебедев-Полянский с помощью литераторов-«эсдеков» Фриче, Когана и Серафимовича. Относительно «приличный» нарком Луначарский оказался и относительно бесправным. Даже он не смог отстоять от цензурного запрета пьесу Брюсова «Диктатор», завершённую в день четвертой годовщины переворота (начата 23 июля 1921 года), но пробившуюся к читателям только в 1986 году. Единственное, чего автор смог добиться, — прочитать ее в Доме печати и объявить «готовящейся к изданию» в эфемерном издательстве «Созвездие»*.

«Диктатор», имеющий подзаголовок «трагедия в пяти действиях и семи сценах из будущих времен», — самое крупное драматическое произведение Брюсова после «Земли», да, пожалуй, и самое значительное. Персонажи носят условные имена (Орм, Эрм, Кро), но общественный строй Земли прямо назван социалистическим, планетой руководит Центр-Совет, а официальным обращением является «товарищ». Земля больше не может прокормить людей, и председатель Центр-Совета Орм предлагает колонизовать Венеру, населенную хищными полуживотными-полулюдьми. Оппозиция объявляет план Орма гибельным, а он, действуя по принципу «разделяй и властвуй», добивается единоличной диктатуры и требует беспощадного уничтожения противников. Орм — человек-машина, человек-идея, которому не знакомы обычные чувства. Когда правительство населенного разумными существами Марса грозит Земле войной в случае нападения на Венеру, народ и армия восстают против диктатора. Покинутый всеми, Орм оказывается на маленьком острове в Тихом океане, ему угрожают

* Современная драматургия. 1986. № 4. С. 176–201 / Публ. и коммент. С. Гиндина; перепечатано с исправлениями: Брюсов В. Заря времен. С. 387–433.

плен и возможная казнь, но бывшая возлюбленная Лэр убивает его со словами: «Я любила тебя, Орм. Я не позволю тебе узнать позор казни через палачей. Ты должен умереть от моей руки».

Александр Воронский, главный редактор журнала «Красная новь», созданного для привлечения «попутчиков» на сторону революции, отверг трагедию, поскольку она «направлена против современной пролетарской диктатуры» и «будет истолкована и понята в духе, нежелательном для Советской России»* (два года спустя он вынес такой же приговор роману Замятина «Мы»; эта антиутопия имеет немало общего с опытами Брюсова). Обсуждение «Диктатора» 2 декабря 1921 года в Доме печати вылилось в осуждение: «Главные нападки шли по линии идеологической неприемлемости пьесы. Говорили о том, что пьеса по существу пессимистическая, что совершенно невероятен самый факт того переворота, который изображается в пьесе, что в грядущем социалистическом государстве не будет почвы для возникновения диктатора. На все это Брюсов возражал, что не обязательно писать пьесы на тему „Гром победы раздавайся“, что художник вправе замечать темные стороны жизни, вправе указывать на грядущие опасности, если они ему кажутся реальными»**.

Облик будущего обрисован Брюсовым схематично, но стоит упомянуть две детали: «телефоны с экранами кинематографа», т. е. видеотелефоны, и «милиционеры», которыми являются... обученные шимпанзе. Возможно, это злая ирония: дескать, неразумные существа — лучшие слуги режима. Возможно, отражение модных в те годы теорий об использовании человекообразных обезьян в мирных и военных целях.

Осмысляя отношение Брюсова к большевистскому режиму, следует вспомнить сборник «Смена вех» (1921) — манифест интеллигенции, которая боролась с «красными» во время гражданской войны, но признала свое поражение и призвала к сотрудничеству с большевиками — во имя России, а не диктатуры пролетариата, мировой революции или Третьего Интернационала. «Смену вех», переизданную в Советской России большим тиражом и ставшую предметом жарких дискуссий, в том числе на самом высоком уровне — на партийных съездах, Брюсов не мог не читать. «Вам нужно понять, что революция совершилась, и вам нужно принять революцию», — обращался к «товарищам интеллигентам» бывший колчаковский министр иностранных дел Юрий Ключников, вскоре вернувшийся в Москву и

* Письмо Брюсову (21 ноября 1921) // ЛН. Т. 93. С. 552 / Публ. Е. А. Динерштейна.

** Сообщение Б. И. Пуришева: *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 555–556.

Валерий Брюсов
1921

поступивший на службу в Наркомат по иностранным делам. Диалог Брюсова с новой властью свидетельствовал, что он понял и принял изменение ситуации, произошедшее помимо и даже против его воли, но бесповоротно. В 1905 году еще можно было мечтать о том, что «мудрецам и поэтам» достаточно «унести зажженные светы в катакомбы, пустыни, пещеры», чтобы спасти их от «грядущих гуннов». В 1918 году, когда «гунны» пришли и завладели всем, надо было или бросить всё на произвол судьбы и спастись самим, или попытаться сберечь хоть что-то из общенационального достояния.

Брюсов выбрал второе. Об эмиграции он не думал, хотя в мае 1922 года прошел слух, что «Вал. Як. Брюсов, по газетным сообщениям, выезжает из Москвы за границу»*. Свою позицию он четко выразил в письме к журналисту Михаилу Суганову, которого знал по военным годам. В конце декабря 1923 года у них состоялась долгая откровенная беседа. Суганов жаловался на трудности московской жизни и признался, что мечтает об эмиграции. Брюсов отговаривал его, а днем позже написал

* Новая русская книга (Берлин). 1922. № 5. С. 33.

письмо, опубликованное адресатом в 1932 году за границей, куда тот все-таки перебрался: «Уехать Вам — безумие. В эмиграции с Вашим мироощущением и мышцами впадете в нищету духовную и физическую. Здесь провалы и горизонты, там падения... и ничего. Эмиграция изнашивается, как и мы, но наши смены на славянской земле, а у них на чужой. Еще десятилетие — и у нас не будет общего. Вы говорите: много могил. Но много и легенд. Грядущее перепашет и травой покроет могилы, а легенды перепишет и развеет по свету. Бывает тяжело, но Запад... В современности Запада мясники и торговцы подтяжками пользуются плодами науки и искусства. Нет, я приемлю эту Россию, даже в достижении никогда не достижимых целей. И Вам говорю: не уезжайте. Предвижу только Вашу гибель. Миру случайностей не осталось места»*.

Другой «сменовеховец» Николай Устрялов, идеолог колчаковского режима, а затем трибун национал-большевизма, оперировал близкими Брюсову геополитическими категориями: «Россия должна остаться великой державой, великим государством. <...> И так как власть революции — и теперь только она одна — способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, — наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет. <...> Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же — во имя великой и единой России. При всем бесконечном различии идеологии практический путь — один». Параллели к сказанному нетрудно обнаружить в стихах Брюсова, написанных как до появления «Смены вех» («России», «К русской революции», «К Варшаве!»), так и после нее («СССР», «ЗСФСР», «Магистраль»).

Послеоктябрьские «революционные» стихи Брюсова — многочисленные и тщательные отобранные — входили в «антологии советской поэзии» даже самого антисимволистского времени, но официальные толкователи испытывали в отношении них явное неудобство: по идеологической выдержанности они заметно уступали Демьяну Бедному и Маяковскому, по художественной выразительности — «Двенадцати» и «Скифам». Посмотрим на них глазами историка.

Во-первых, среди них очень мало откликов на конкретные события, потому что Брюсов по-прежнему предпочитал анализировать происходящее в общеисторическом контексте и в мировом масштабе. Во-вторых, он подчеркивал национальный характер

* *Талызин М. <Суганов М. А.> По ту сторону. С. 167–168; перепеч.: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 539–540.*

русской революции, сходясь в этом со многими современниками и решительно расходясь с самими большевиками. Это с явным неудовлетворением отметил рапповский критик Георгий Горбачев: «Брюсов говорит о революции словами националистическими, воспринимая Коминтерн как национальное торжество России»*. В-третьих, он не написал ни одной «агитки», обслуживавшей политические кампании новой власти, вроде «воспетого» Маяковским изъятия церковных ценностей. Мы не найдем у него ни единого слова в защиту «красного террора», популярного среди имажинистов. В-четвертых, он не оставался перед критикой политики большевиков. Подобно большинству русских поэтов — от «правверных» Кириллова и Багрицкого до Волошина и Клюева — Брюсов не принял НЭП, увидев в нем — видимо, в силу своего максимализма, — отступление от идеалов революции и торжество ненавистного «торгового строя»:

Миллионы за булки сдобные,
Миллиарды на стол в шмен-де-фер...**
Вороти в колени удобные
Взнузданный Ресефесер!..

Новый мир старина, торжествуя, давила,
Выползала из щелей, плыла в синеве,
И московским царям дубовый Ярило
Протягивал руку в советской Москве.

Отрицательное отношение прижизненной критики к политическим стихам Брюсова послереволюционных лет объяснялось не только художественным несовершенством — хотя шедевров среди них, по правде говоря, мало. Эмигранты не могли простить Валерию Яковлевичу «предательского» перехода на сторону «красных», не задумываясь о его причинах и мотивах. Ортодоксально-марксистская критика, напротив, не уставала преследовать Брюсова за недостаточную «красноту» и «пережитки прошлого». Это сказалоь и на оценке его послереволюционного творчества в целом.

Первой «советской службой» Валерия Яковлевича стали посты заведующего Библиотечным отделом (позднее Отдел научных библиотек) Наркомпроса и Московским библиотечным

* Горбачев Г. Памяти В. Я. Брюсова // Красный журнал для всех. 1924. № 11. С. 831-837.

** Шмен-де-фер (*фр.* chemin de fer — железная дорога) — азартная картонная игра, именовавшаяся в просторечии «железкой».

отделением (подчинявшимся Моссовету), которые он занял в июле 1918 года. Среди первых сотрудников, привлеченных им к работе, были ученый секретарь Ученой коллегии Румянцевского музея Анатолий Виноградов, впоследствии известный прозаик, библиотечный работник Софья Мотовилова, некогда знавшая юношескую любовь поэта Евгению Павловскую, и фольклорист Юрий Соколов, работавший в Историческом музее. Советская власть видела в библиотеках мощное орудие пропаганды, и Брюсов составил несколько записок об организации библиотек для рабочих, крестьян, учащихся. Сегодня из всей его деятельности на этом поприще обычно вспоминают лишь инструкцию «О реквизиции частных библиотек», утвержденную коллегией Наркомпроса 27 декабря 1918 года. Второй целью в ней было названо «справедливое распределение книжных сокровищ, поступивших в ведение Библиотечного отделения, между государственными и академическими библиотеками», но первой — «спасение и охрана библиотечных собраний, коим грозила опасность погибнуть в стихийном революционном движении», о чем нередко умалчивают. Валерий Яковлевич разработал проекты декретов не только «О порядке реквизиции книжных собраний», но и «О порядке охраны библиотек» — последний служил средством борьбы со стихийными «реквизициями», жертвой которых чуть не стал и он сам. Книг в революцию погибло много. Есть ли в этом вина Брюсова? Если бы библиотечное дело возглавил революционный матрос (эпоха знала и не такие назначения!) или, напротив, фрондирующий интеллигент, книг погибло бы больше. Надо упомянуть и такие инициативы Брюсова, как организация межбиблиотечного абонементов, создание государственного собрания рукописей и автографов (прообраз Государственного литературного музея и РГАЛИ) и отмена частной собственности на архивы умерших деятелей науки и искусства, переданные на хранение в библиотеки и музеи, что делало их доступными для исследователей (декретировано Совнаркомом 29 июля 1919 года)*.

Валерий Яковлевич относился к библиотечной службе ответственно и добросовестно — как ко всему, за что брался, — но совмещать ее с работой в Книжной палате ему оказалось не по силам. «Брюсов, живший на 1-й Мещанской, очутился в необходимости ездить на службу (в Книжную палату. — В. М.) через весь город, — вспоминал Ходасевич. — Ни автомобиля, ни лошади ему не полагалось по штату, а трамваи почти не действовали. Брюсов к тому же был болен и иногда по целым неделям лежал

* Документы Брюсова: История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1918–1920. М., 1975. С. 32–37, 100–113, 135–138, 209–210.

в постели». Уже в июле 1918 года, т. е. сразу после назначения, он просил освободить его от обязанностей заведующего Московским библиотечным отделением, а 30 октября написал Венгерову как главе Книжной палаты прошение об отставке с поста заведующего ее Московским отделением. 2 апреля 1919 года такое же прошение было направлено на имя заведующего Отделом печати Моссовета Николая Ангарского, в подчинение которого отделение Книжной палаты перешло в конце 1918 года*. Избавиться от этой службы удалось только к концу 1919 года.

Со временем нашлась новая — более приемлемая и интересная. 13–14 декабря 1918 года в Наркомпросе состоялось совещание Луначарского и Лебедева-Полянского с московскими литераторами: нарком предложил обсудить идею создания в его ведомстве Литературного отдела — во главе с Горьким — для помощи писателям. Налаживание отношений он хотел возложить на беспартийных, но лояльных к советской власти людей вроде Белого, Чулкова, Шершеневича и своего бывшего помощника Рюрика Ивнева. Писатели настороженно отнеслись к инициативе, усмотрев в ней попытку официально поставить их под контроль государства с помощью политики «кнута и пряника». Шершеневич выдвинул кандидатуру Белого в заместители Горького, а Ивнев — сразу в заведующие отделом. Выступление Брюсова не отличалось конкретностью: «Существует новый читатель и спрос на новую книгу. Можно только приветствовать создание Литературного отдела, который учтет эту потребность. Главная задача Литературного отдела — это создание чего-то нового»**. Не встретив восторженного одобрения своих идей, нарком отказался от их реализации на целый год.

11 декабря 1919 года коллегия Наркомпроса утвердила положение о Литературном отделе (Лито) во главе с самим Луначарским. Брюсов стал его заместителем. В коллегию Лито вошли Блок, Горький, Иванов, Балтрушайтис, Серафимович, представитель Пролеткульта Владимир Кириллов и Давид Марьянов из аппарата Наркомпроса; Айхенвальд, Гершензон, поэт Иван Рукавишников (нарком благоволил его жене) и Осип Брик стали кандидатами в члены коллегии. Против категорически выступила Крупская, заявив, что нарком «дает громадную власть в руки кучки людей, власть укреплять свое литературное направление, навязывать его массам и подавлять всякое новое направление, порождаемое новой жизнью»***.

* *НН*. С. 314–317; Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 29. С. 230–231, 233–234 / Публ. М. В. Чарушниковой.

** Цит. по: *ЛЖР*. Т. 1. Ч. 1. С. 313.

*** Цит. по: *ЛЖР*. Т. 1. Ч. 1. С. 481.

Учитывая состав коллегии, нетрудно понять, в кого она метила. Постановление Центральной коллегии Наркомпроса от 26 июля 1920 года признало Брюсова «высококвалифицированным специалистом и незаменимым сотрудником»*. К той же категории были отнесены Гершензон, Фриче, Серафимович и пролетарский поэт Михаил Герасимов с «повышением им оклада месячного жалования до 15 тыс. руб.»**.

Сработаться столь разным людям было сложно, поэтому фактическое руководство взял на себя Брюсов. «Он работал не покладая рук, — вспоминал Кириллов. — С аккуратностью и любовью, достойной лучшего советского работника, он неутомимо руководил деятельностью этого учреждения <...> Он часто приходил раньше всех и усаживался за разборку вороха бумажных дел, которых тогда было изобилие. От гонорарных ведомостей, счетов до ордеров на выдачу сеledок — все это проходило через его руки, рассматривалось и утверждалось им»***. Ироническое описание работы Лито как «невиданной поэтической канцелярии» оставил Эренбург: «На стенках висели сложные схемы организации российской поэзии — квадратики, исходящие из кругов и передающие свои токи мелким пирамидам. Стучали машинки, множа „исходящие“, списки, отчеты, сметы и, наконец-то, систематизированные стихи»****. Отдел должен был «регулировать все отношения государства к литературно-художественной деятельности страны», «оказывать поддержку живым литературным силам», «выявить скрытые в народе литературные дарования и содействовать их росту в духе мировой революции», а также нормировать ставки гонораров, регистрировать литературные общества и организации.

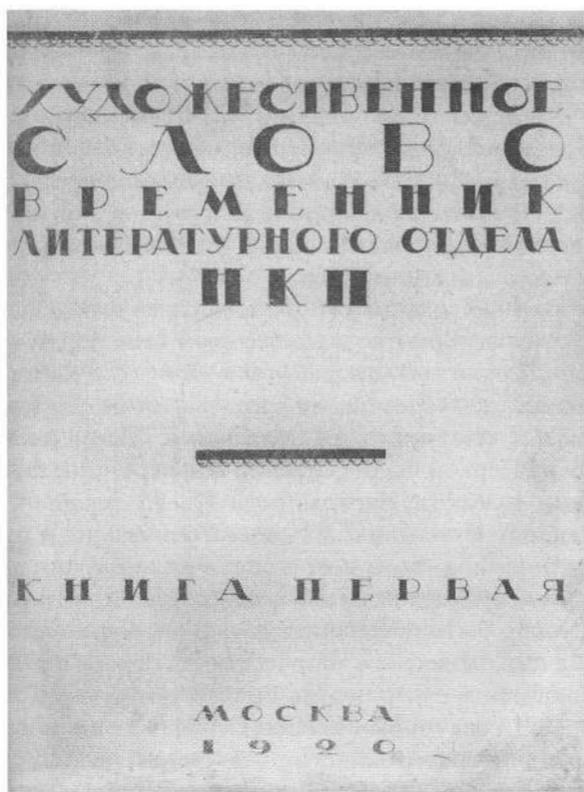
Ходасевич назвал Лито «мертворожденным учреждением», поскольку оно не раз вступало в конфликт с московским Союзом писателей, членом правления которого он был: например, из-за библиотеки Литературно-художественного кружка, реквизированной Моссоветом и переданной в Лито. Однако рисовать его деятельность только черной краской было бы несправедливо. Отдел покупал у писателей рукописи для Госиздата, не обещая выпустить их в обозримом будущем, но оказывая авторам хоть какую-то материальную поддержку. Покупал, конечно, не всё.

* Протокол заседания Коллегии НКП: Государственный архив Российской Федерации Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 5.

** Письмо Брюсова в Комиссию текущих дел НКП (4 сентября 1920) со ссылкой на постановление этой комиссии от 16 августа 1920 года: Там же. Л. 14.

*** Кириллов В. Памяти В. Я. Брюсова // Прожектор. 1929. № 40. 6 окт. С. 15-16.

**** Эренбург И. Валерий Яковлевич Брюсов // Эренбург И. Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 51.

Журнал «Художественное слово»
под редакцией Валерия Брюсова (1920. Кн. 1)
Обложка

Как один из главных рецензентов Брюсов проявлял большую строгость*, чем многие оставались недовольны. Другим направлением работы было создание Литературной студии, которую 1 марта 1920 года предложил учредить Иванов при поддержке Брюсова и Луначарского. Уже 24 мая в студии начались занятия.

В начале октября 1920 года вышел первый выпуск «временника» Лито «Художественное слово» под редакцией Брюсова, на страницах которого Бальмонт соседствовал с Маяковским, Иванов — с Пастернаком, Пильняк — с Фриче, а сам Брюсов — с Герасимовым. Это был если не самый интересный литературный журнал Советской России, то самый разнообразный и представительный, а потому — несмотря на официальный

* Рецензии для Лито: ЛН. Т. 85. С. 241–246 / Публ. Т. В. Анчуговой; для Госиздата: Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 137–141 / Публ. А. Новикова и Д. Субботина; Литературная Армения. 1973. № 12. С. 83–85 / Публ. Ю. Фединского.

статус и участие в нем наркома — вызвал брань ортодоксов. Неприязненно относившийся к Луначарскому Лебедев-Полянский заявил — правда, под псевдонимом: «Одним ненужным и скучным журналом стало больше», — а интенсивно «большевеший» Городецкий назвал его «типичным изданием купеческой Москвы», в котором Брюсов «выращивает поколение новых декадентов»*. Не менее содержательный второй выпуск «временника», вышедший в начале марта 1921 года, оказался последним из-за реорганизации Лито.

22 ноября 1920 года вместо Луначарского заведующим отделом был назначен Брюсов (заместителем стал партийный журналист Вяч. Полонский, проработавший в должности всего месяца), который уже через два дня пригласил к себе московских поэтов, чтобы выслушать их пожелания. Затем он выступил с докладом на Первой Всероссийской конференции заведующих подотделами искусств Наркомпроса (19–25 декабря), призвав к сохранению и изучению классического наследия — пусть даже с пересмотром «под углом коммунистической точки зрения» — и к «всемерной поддержке и развитию современной литературы, причем должно быть обращено главное внимание на новые искания в области словесного творчества»**. Вскоре пролетарские писатели добились отстранения Брюсова от руководства Лито: 25 января 1921 года он был смнен Серафимовичем и назначен заведующим литературной секцией Отдела художественного образования Главного управления профессионального образования (Главпрофобр) Наркомпроса, а позднее возглавил и весь отдел***. 9 февраля Серафимович распустил старую коллегия отдела и попросил утвердить новую, в которой «чужих», включая Брюсова, больше не было. Луначарский смирился, хотя недолюбливал Серафимовича и стоявших за ним агрессивных и малокультурных деятелей. В том же году Лито был реорганизован в Институт художественной литературы и критики, а в марте 1922 года вошел в Литературную секцию Государственной академии художественных наук (ГАХН). Академию, целью которой было «наведение мостов» между властью и лояльной интеллигенцией, возглавил Коган; Брюсов стал одним из ее членов-учредителей. Людям вроде Серафимовича делать в ней было нечего.

Гиппиус иронизировала по поводу «обязательной дружбы» Валерия Яковлевича с наркомом. Несомненная взаимная симпа-

* Пролетарская культура. 1920. № 17/19. С. 98 (подпись: П. Рудокон); Искусство (Баку). 1921. № 2/3. Стб. 60–61 (подпись: С. Г.).

** Резолюция по докладу Брюсова цит. по: ЛЖР. Т. 1. Ч. 1. С. 683–684.

*** После реформы Главпрофобра в конце 1923 года Брюсов до конца жизни заведовал Методическим отделом художественного образования.

тия между ними была. В большевистской среде Луначарский казался энциклопедистом и аристократом духа, эмигранты сочиняли про него злые и во многом справедливые памфлеты. До революции Брюсов едва ли стал бы дискутировать с ним. После революции прежних собеседников почти не осталось, большинство новых не радовало, а во власти вообще не с кем было поговорить — не с Лебедевым-Полянским же, которого в литературных кругах прозвали «Лебедев-Подлянский»? Троцкий и Каменев держались с писателями по-барски, а с Луначарским можно было общаться на равных. Трудно сказать, насколько искренними были похвалы Брюсова стихам и пьесам наркома (литературного таланта он, как минимум, не был лишен), но он подарил «Поэту Анатолию Васильевичу Луначарскому»* сборник «В такие дни», в котором ему были адресованы многозначительные строки:

В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.

Несомненно под влиянием Луначарского Брюсов в первой половине февраля 1919 года стал кандидатом в члены РКП(б), а в мае 1920 года был принят в члены партии**. Этот шаг он незадолго до смерти объяснил Волошину: «Я однажды в одной беседе с Анатолием Васильевичем высказал ему, что я вообще принимаю доктрину Маркса, так же как принимаю дарвинизм, конечно, со всеми поправками к нему. Этот чисто теоретический разговор Анатолий Васильевич счел нужным понять как мое желание вступить в партию и сделал туда соответствующее заявление. Об этом я узнал, только получивши из партии официальное согласие на принятие меня в ее члены. Вы понимаете, что при таких обстоятельствах отказаться было для меня равносильно стать в активно враждебные отношения. Это в мои расчеты не входило. И в то же время не было ничего, что бы меня сильно удерживало от входа в партию. Таким образом я оказался записанным в члены Коммунистической партии. Но я исполнял лишь минимум того, что от меня требовалось,

* ЛН. Т. 80. С. 251 (фото).

** Этим объясняется разницей в имеющихся в литературе датах его вступления в партию; оно было окончательно оформлено решением исполнительной комиссии Хамовнического райкома г. Москвы 21 мая 1920 года: Трифонов Н. А. Луначарский и Брюсов. С. 11. Номер партбилета Брюсова: 211 831 — известен по заполненной им анкете: ЛН. Т. 85. С. 806–807.

и бывал только на необходимейших собраниях». Нет оснований утверждать, что Валерий Яковлевич стремился в партийные ряды, но «записать» его туда не могли — заявление о вступлении он должен был написать собственноручно. Даже в советское время партийные документы Брюсова не были опубликованы*. А они могли бы прояснить некоторые непонятные моменты — например, отношения с органами партийного контроля, о которых он говорил Волошину: «Три раза я уже подвергался чистке и три раза меня восстанавливали снова в правах без всяких ходатайств с моей стороны. В настоящее время партийный билет у меня снова отобран, и я вовсе не уверен, буду ли я восстановлен на этот раз»**. Посмертно он все же остался членом РКП(б), что зафиксировано на мемориальной доске, висящей с октября 1939 года на стене его последнего московского дома.

Вступление в партию стало шагом, который окончательно оттолкнул от Валерия Яковлевича многих бывших друзей. Гиппиус со злости придумала несуществующую книжку Брюсова «Почему я стал коммунистом». «Только читал лекции на эту тему», — поправил ее Ходасевич, но и такие лекции нам неизвестны. 24 марта 1919 года он сообщил Садовскому: «Валерий записался в партию коммунистов, ибо это весьма своевременно. Ведь при Николае II-м он был монархистом. Бальмонт аттестует его кратко и выразительно: подлец. Это не верно: он не подлец, а первый ученик. Впрочем, у нас в гимназии таких били без различия оттенков»***.

Как складывались отношения Брюсова с новой властью? Точнее, как власть относилась к Брюсову? Он был знаком со многими «вождями», но отношения с ними, за исключением Луначарского, не задались.

12 марта 1923 года Валерий Яковлевич написал стихотворение «Диадохи»:

Искали царств, дробили грады,
Бросая здесь, там зиждя трон;
Битв смена — путь их; им награды —
Груз диадем, цепь из корон.
Народ? он — ставка. На кон брошен,
Да ждет, чья кость решит игру!

* Исключение — билет члена фракции РКП(б) Моссовета, выданный 30 декабря 1922 года (ЛН. Т. 85. С. 253 (фото)).

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 394.

*** Ходасевич В. Некрополь. С. 361.

Владимир Ленин
 Фотография с обложки журнала «Прожектор» (1923. № 4)

Как сметь судить? кто в споре спрошен?
 Рок тысяч — у царя в шатру!..

О чем оно? Только ли об исторических «диадохах» — двенадцати сподвижниках Александра Македонского, разделивших между собой империю после его смерти? Или здесь скрыт какой-то иной смысл?

Есть все основания думать, что «Диадохи» — непосредственный отклик на резкое — точнее, как показали события, роковое — ухудшение состояния здоровья Ленина, наступившее 6 марта 1923 года и закончившееся параличом правой части тела и потерей речи 10 марта, а также раздумья о том, что последует за уходом вождя. Чем мотивировано такое предположение?

Брюсов и раньше не раз откликался на актуальные события в форме исторических аналогий, особенно когда говорить прямо было опасно, а то и невозможно. Случай с болезнью Ленина именно таков. В пользу данного вывода говорит и брюсовское восприятие большевистской революции в масштабе «от Перикла до Ленина»,

а самого Владимира Ильича, в послереволюционные годы, как одного из творцов мировой истории, одного из «любимцев веков», которых Брюсов не оценивал в этических категориях. Саму ситуацию — император умирает в окружении наследников — Валерий Яковлевич уже описал в стихотворении «Смерть Александра» (1911). В «Диадохах» появился новый важный мотив: «„Достойнейший“ не встал». В примечании автор пояснил: «„Достойнейшему“, по преданию, завещал Александр свою империю». Одного «достойнейшего» не нашлось, и империю пришлось разделить. Это похоже на положение, сложившееся в высшем советском руководстве осенью 1922 года, с началом болезни Ленина. Только большевистские «диадохи», ведя борьбу за звание «достойнейшего» преемника вождя, делили не саму империю, а власть в ней.

Имена «диадохов» были у всех на слуху. Ленин сам назвал их: Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков — в «Письме к съезду», посвященном определению «достойнейшего», которого вождь так и не нашел. Знал ли об этом Брюсов? Как член партии и «ответственный работник» он был обязан или, по крайней мере, имел возможность читать все партийные документы, в том числе распространявшиеся под грифом «только для членов РКП(б)». К партийной рутине он относился серьезно, но без догматизма. «Однажды я зашел к нему в кабинет в Наркомпросе, — вспоминал Шершеневич. — Он, сдвинув брови, внимательно штудировал постановление последнего партийного съезда. Ему нужно было делать доклад. Я принес в подарок последний сборник имажинистов. Брюсов немедленно отложил в сторону брошюру и начал читать стихи»*. У него не было недостатка в информации о происходящем «наверху» — хотя бы через Луначарского, человека не столь влиятельного, но хорошо информированного.

Итак, «диадохи». Могущественный председатель Революционного совета и народный комиссар по военным и морским делам Лев Троцкий был известен как человек, не чуждый литературе, много писавший о ней и водивший дружбу с писателями, причем не только пролетарскими. Факт его знакомства с Валерием Яковлевичем засвидетельствован дарственной надписью «Т. Брюсову от автора. Л. Троцкий. 4/IV 1922» на книге «Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии» (1922). Титульный лист с инскриптом был сохранен Иоанной Матвеевной, видимо, уничтожившей опасную книгу, однако до 1992 года находился на

* Мой век, мои друзья и подруги. С. 465.

«специальном хранении»*. Последнюю в своей жизни рецензию, над которой он работал во время предсмертной болезни, Брюсов посвятил критике сборника стихов Александра Безыменского «Как пахнет жизнь» и хвалебного предисловия Троцкого к нему**. В свою очередь Троцкий, давая в книге «Литература и революция» (1923) обзор послеоктябрьской поэзии и прозы, проигнорировал Брюсова, за исключением нескольких случайных упоминаний, хотя 17 июля 1922 года попросил заведующего Госиздатом прислать ему для чтения корректуру сборника «Дали»***. Столь же случайно и упоминание Троцкого — как антитезы Деникину — в брюсовском стихотворении «Прибой поколений», которое автоматически стало причиной его запрета советской цензурой после опалы и изгнания «демона революции».

В то же время недавно опубликованные документы показывают, что Троцкий возлагал на Брюсова определенные надежды. 15 июня 1922 года заведующий Политотделом Госиздата Николай Мещеряков докладывал в Политбюро проект восстановления «Нивы» — самого популярного журнала дореволюционной России — как «средства могучей пропаганды советских идей в гуще обывателей» при участии Ивана Сытина и под редакцией Юрия Ключникова, редактировавшего в Берлине «сменовеховскую» газету «Накануне». 25 июня Троцкий, внимательно следивший за литературной жизнью и часто докладывавший о ней на Политбюро, инструктировал Мещерякова: «Чуть не ежедневно выходят книжки стихов и литературной критики. 99 % этих изданий пропитаны антипролетарскими настроениями и антисоветскими по существу тенденциями. <...> Нужно выпускать в большем количестве и скорее те художественные произведения, которые проникнуты нашим духом. В связи с этим, я думаю, следовало бы использовать для литературно-художественной пропаганды в нашем духе будущую „Ниву“. Полагаю, что наилучшим редактором литературно-художественного отдела был бы Брюсов. Большое имя, большая школа и в то же время Брюсов совершенно искренно предан делу рабочего класса. Полагаю, что можно было бы Ключникову подсказать эту мысль в том смысле, что можно было бы завоевать для этого предприятия Брюсова, что сразу подняло бы художественный авторитет издания». Замысел не осуществился из-за конфликта в редакции «Накануне» и

* РГБ. Ф. 386. Карг. 111. Ед. хр. 43.

** Впервые: В. Брюсов в полемике с Л. Троцким: (Одна из последних рецензий Брюсова) // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 271–275.

*** Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. С. 285.

Николай Бухарин
Рисунок П. Ю. Киселиса. 1922

Лев Троцкий
Рисунок П. Ю. Киселиса. 1922

Лев Каменев
Рисунок П. Ю. Киселиса. 1922

недостаточно «советской» позиции Ключникова («Красная нива» появилась уже без него и Брюсова), но Лев Давидович продолжал держать Валерия Яковлевича в поле зрения. 21 августа 1922 года он писал Городецкому в ответ на его записку о литературных группах и об объединении писателей на советской «платформе»: «Почему Брюсов, коммунист и, если не ошибаюсь, член партии, отнесен к одной группе с Бальмонтом и Соллогубом (так! — В. М.)? Стало быть, у Вас допускается отвод по прошлой деятельности. Сомнительная постановка вопроса. Указание на то, будто Брюсов отразил преимущественно бунтарско-анархические силы первых дней революции, кажется мне сомнительным. <...> Брюсов с его алгебраическим складом ума вряд ли может быть причислен к революционным „стихийникам“. Я останавливаюсь так подробно на вопросе о Брюсове ради принципиальной стороны дела. Немотивированное ограничение, имеющее место в отношении такого выдающегося лица, как Брюсов, может сказаться в отношении менее известных писателей»*.

Как меценат и друг писателей был известен председатель Моссовета Лев Каменев, возглавлявший в конце жизни Институт мировой литературы и издательство «Academia». Леонид Гроссман вспоминал, как зимой 1923 года он «встретился с Брюсовым на заседании „Комиссии по изданию критиков и публицистов“ под председательством общего редактора серии Л. Б. Каменева. Обсуждался общий план издания, в состав которого должны были войти представители передовой общественной мысли, преимущественно социалистического уклона. Вырабатывался список авторов, в который входили наряду с корифеями русской критики такие имена, как Пнин, Ткачев, Серно-Соловьевич. Брюсов молча следил за прениями и вдруг совершенно неожиданно, в явном разрыве с общим характером плана и дебатов, внес предложение:

— Следует издать литературно-критические статьи В. В. Розанова, тем более что имеются еще неизданные рукописи его.

Председатель с улыбкой указал на полное несоответствие названного автора с основной идеей серии и составом ее участников. Предложение само собой отпало. Помнится, вскоре Брюсов встал из-за стола и стал быстро и нервно шагать по большому залу, многократно чертя прямоугольники в различных направлениях. В нем было нечто, напоминающее быстро шагающего по клетке тигра с равнодушным и неподвижным

* Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 50–54.

взглядом. Как всегда, он производил впечатление замкнутого, изолированного, непримиримого одинокого сознания»*.

С «любимцем партии» и ее ведущим теоретиком, главным редактором «Правды» Николаем Бухариным Брюсов схлестнулся 7 июля 1920 года на диспуте «О мистике» в Доме печати. Согласно газетному отчету, Валерий Яковлевич «взял на себя задачу реабилитировать мистику... История мистики показывает, что мистический опыт вовсе не обязательно связан с религиозным, что мистика сама по себе — арелигиозна. Мистицизм — это просто другой, второй, нерационалистический, не „научный“ метод познания мира и истины»**. Луначарский вспоминал, что Бухарин «выступил очень резко, с обычной для него острой насмешливостью. Мне тоже пришлось прибавить к возражениям Бухарина кое-какие замечания насчет крайней неточности определения мистики. Брюсов был очень взволнован. В эту минуту он, несомненно, чувствовал себя несчастным. Ему казалось, что он нашел какое-то довольно ладное сочетание того, к чему влекла его натура, и той абсолютной трезвости, которой он требовал от себя как коммуниста»***.

Что касается прочих «диадохов», то Брюсов вряд ли смог бы найти общий язык с «петроградским диктатором» Григорием Зиновьевым, гонителем интеллигенции и главным врагом сменовеховства в партийной верхушке, или с Иосифом Сталиным, еще не проявлявшим особого интереса к литературе. Среди большевистских вождей Валерий Яковлевич выделял Ленина — точнее, отделял его от них, как Александра — от исторических диадохов. Приветствуя Владимира Ильича по случаю его пятидесятилетия от имени московских писателей на собрании в Доме печати 28 апреля 1920 года, он говорил: «Мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего <...> Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, — это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня больше всего». Кроме этого они встречались по крайней мере еще один раз, когда Брюсов, посетив Ленина в Кремле в составе группы литераторов и издательских работников, вручил ему только что вышедшую массовым тиражом в Госиздате книжечку стихов Ивана Сурикова****. 3 января 1919 года Владимир Ильич дал

* Гроссман Л. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М., 1928. С. 273–274.

** Цит. по: ЛЖР. Т. 1. Ч. 1. С. 591.

*** Луначарский А. Литературные силуэты. С. 173.

**** В биохронике В. И. Ленина не отражено. Точная дата встречи неизвестна, но она состоялась вскоре после покушения на Ленина 30 августа 1918 года: Фомин С. Талантливый поэт-самоучка. К 75-летию со дня смерти И. З. Сурикова // Литературная газета. 1955. № 54. 7 мая. С. 2.

распоряжение исполкому города Родники, близ Иванова, по письму Брюсова о судьбе библиотеки бывшего члена Государственной Думы от социал-демократов Петра Суркова, которую реквизируют свои же «товарищи»*. Конечно, этого недостаточно, чтобы говорить о каких-то «отношениях» между ними. Однако в стихотворении на смерть Брюсова, которое написал Василий Дембовецкий, есть примечательные строки:

В Москве, в полуночном Кремле,
Он пребывал, как внемяющий оракул.
И вместе с Лениным к земле
И припадал, и слушал он, и плакал.

Не чувствовал ли Брюсов себя подобием своего любимца — крипто-язычника Авсония при дворе благоволившего к нему христианского императора Грациана?.. «Помню, Валерий Яковлевич любил в позднейшие годы говорить, — вскользь обронила Иоанна Матвеевна, — что свой дневник он стал вести полатыни. Была ли то шутка или неосуществленная мечта, не знаю, только я такого дневника среди бумаг не нашла и не видала его никогда при жизни Валерия Яковлевича»**.

Смерть Ленина произвела на Брюсова тяжелое впечатление***:

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Потому «сотням тысяч — страшны, страшны дни без вождя!»:

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет?..

Нетрудно увидеть здесь тревогу за судьбу страны, оказавшейся в руках «диадохов»:

Народ? он — ставка. На кон брошен,
Да ждет, чья кость решит игру!..

* Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 234–235; Юров Ю. Родниковская новь // В мире книг. 1973. № 5. С. 28–29.

** Брюсова И. <Предисловие> // Дневники. С. <VIII>.

*** Ясинская З. И. Мой учитель, мой ректор // Чтения-1962. С. 317.

Кантата «На смерть Ленина» на слова Валерия Брюсова (М., 1924)
Обложка. ВЭМ

В конце концов «достойнейший» определился. Брюсов до этого не дожил, но оказался прав, говоря: «Рок тысяч — у царя в шатру!»

Недоброжелатели посмеивались над сочиненной им кантатой «На смерть Ленина» на музыку Михаила Багриновского и над текстом к «Реквиему» Моцарта. Историю их создания проясняет письмо Брюсова редактору «Известий» Юрию Стеклову от 28 января 1924 года: «Трагические дни смерти и похорон Владимира Ильича Ленина были для меня крайне неудачны. Я был болен, должен был оставаться в комнате, не мог быть среди товарищей <...> В самый день кончины В. И. ко мне обратились представители Моссовета — с просьбой написать „кантату“, которая будет немедленно положена на музыку и, может

быть, будет исполняться на похоронах. Несмотря на болезнь, я тотчас принялся за работу, написал эту „кантату“, в которую постарался ввести мотивы „похоронного марша“ и „Интернационала“. Моссовет издал мои стихи с музыкой т. Багриновского, но... но присоединил к брошюре нелепейшее предисловие, не знаю, кем написанное. В результате Главлит арестовал эту брошюру и запретил ее распространение»*. Прервем цитату, ибо здесь необходимы пояснения.

Изданная Комиссией помощи детям при президиуме Моссовета и не содержащая более никаких выходных данных, кроме адреса склада издательства, «Кантата» является, пожалуй, самым редким отдельным изданием Брюсова. Впервые она была упомянута в печати в 1967 году при публикации письма к Стеклову с пояснением, что «перед текстом кантаты — краткая и в высшей степени неточная биография В. И. Ленина без подписи автора». Неточностей на полутора страницах биографии нет, а истинной причиной запрета стало содержащееся в первых строках упоминание о том, что вождь мирового пролетариата — «по рождению потомственный дворянин, сын действительного статского советника». Написал злополучный текст председатель Моссовета Каменев**.

Судьба слов к «Реквиему», заказанных Большим театром, оказалась столь же несчастливой. «Я проработал над этим без перерыва целые сутки, — жаловался Валерий Яковлевич Стеклову. — Когда работа была окончена, мне объявили, что Реквием отменен». Уважением к интеллигентам большинство партийцев не отличалось, что видно из рассказа Валентинова о его последней встрече с Брюсовым: «К нему подошла какая-то партийная баба (другого выражения не нахожу) с наглым, командующим лицом, грязными, сальными волосами, во френче, уродски толстозадая, в брюках галифе. Грубо хлопнув Брюсова по колену, она рявкнула: „Ты, Брюсов, мое дело все-таки не двинул. Общаешься, а кроме брехни ничего не получается“. Брюсов с страдальческим видом зажмурил глаза: „Делаю, что могу. Решение не от меня зависит“. Недовольная его ответом, партийная баба продолжала за что-то его шпынять. Дважды повторив, что делает все ему доступное, он замолчал. Сидел, не глядя на бабу, опустив глаза. Мне стало его жалко. Уходя, я сказал: „Вот, Валерий Яковлевич, мое преимущество перед вами, я, беспартийный, этой бабе не позволю говорить мне “ты”. Вы же, став партийным, такое обращение принуждены

* Записки Отдела рукописей. Вып. 29. С. 244–245 / Публ. А. Б. Сидоровой.

** Сообщение Р. Л. Щербакова автору настоящей книги.

выносить. А между тем вас всего от ее хамства коробит». Брюсов не промолвил ни слова»*.

На пятидесятилетии Брюсова Луначарский сказал: «Мы все в Наркомпросе проникнуты глубочайшим уважением и самой глубочайшей симпатией к Валерию Яковлевичу Брюсову, мы поручали ему неоднократно весьма ответственные для судеб России посты, для судеб русской культуры, по крайней мере»**. «Ему предоставили несколько более или менее видных „постов“, — подвел свой итог Ходасевич, — не особенно ответственных. <...> Брюсов совмещал какое-то высокое назначение по Наркомпросу — с не менее важной должностью в Гуконе, то есть... в Главном управлении по коннозаводству». О самой необычной из «служб» Валерия Яковлевича «для особых поручений при отделе коневодства» рассказал его сослуживец по Гукону Владимир Фефер:

«„Особые поручения“ были Брюсову, любителю и знатоку лошадей, по сердцу. Он среди своей разнообразной литературной и служебной работы всегда находил время аккуратно выполнять задания. Особенно его интересовала организация коневодческих школ. В голодовку ценное конское поголовье вымирало, кадры работников конных заводов были профессионально малограмотны. Брюсов выступил тогда в специальном журнале „Вестник коннозаводства и коневодства“ с обстоятельной, исчерпывающей статьей об организации таких школ и своим авторитетом сдвинул вопрос с мертвой точки. В его статье по коневодческим вопросам впервые была изложена разработанная Брюсовым четкая схема — структура школ, для аргументации его положений были совершены убедительные экскурсии в прошлое, поражающие читателя глубоким знанием вопроса. <...> Брюсов, в своем классическом черном сюртуке, сидел немного поодаль от общего стола, держался замкнуто, серьезно, почти не реагировал на начальнические шутки. Высказывался весомо, но мало <...> Если уж надо мной, студентом-новичком, шутили, узнавая, что я служу в Гуконе, то можно себе представить, какой благодарный материал для насмешек давал своей службой Брюсов. Но он не стыдился — это был один из участков, где работа его была нужна. <...> В каждую из областей своей деятельности он вносил новое, хорошо продуманное и практически значительное»***.

* *Валентинов Н.* Два года с символистами. С. 150.

** Речь на юбилейном чествовании В. Я. Брюсова в Большом театре 17 декабря 1923 года // *ЛН*. Т. 82. С. 245–261 (цит. с. 260) / Публ. Л. М. Хлебникова.

*** *Фефер В. В.* Брюсов в «Школе поэтики» / Публ. А. М. Смирновой. Предисл. и примеч. И. Ф. Кунина // *ЛН*. Т. 85. С. 799–826 (цит. с. 807–808).

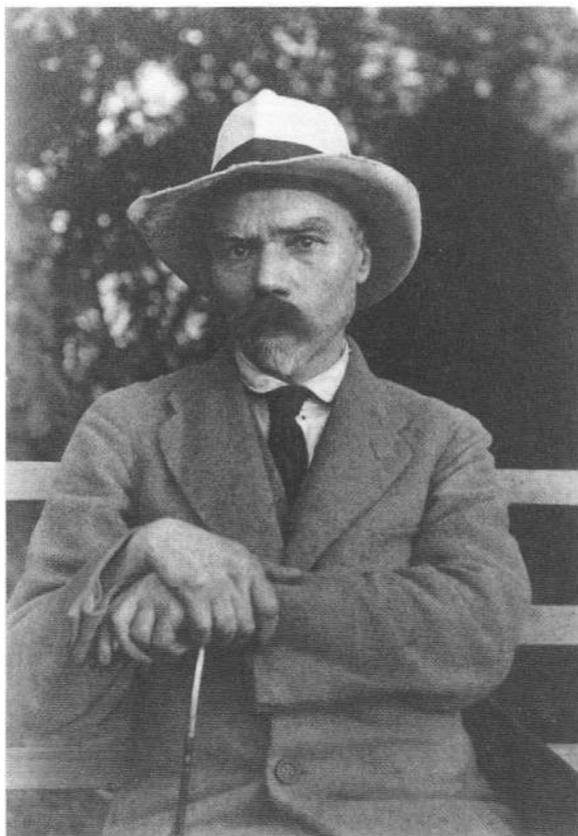
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«ДОМ ВИДЕНИЙ»

Послереволюционное творчество Брюсова принято выделять в отдельный период, ссылаясь на его слова: «Октябрь лег в жизни новой эрой». Биографически 1917–1918 годы действительно стали для него рубежом, но поэтическое «лицо» Валерия Яковлевича изменилось лишь два-три года спустя. Первый послереволюционный сборник, знаменательно озаглавленный «Последние мечты», появился только в начале сентября 1920 года, хотя был подготовлен к печати годом раньше. В него вошли 12 стихотворений из «Девятой камены», так и не увидевшей света, но о принадлежности новой книги к «старой манере» говорило не только это. В предисловии автор отметил, что «стихи по вопросам общественным, отзывы на современность» в сборник не включены*.

«Последние мечты» вышли в издательстве «Творчество» одновременно с «Перстнем» Бальмонта и «Путем зерна» Ходасевича. «Бальмонт и Брюсов, — писал Давид Выгодский. — <...> Хотя и чужие друг другу, почти не узнают, но все же под одной крышей. В один день в одном издательстве, на одинаковой бумаге, с одинаковыми обложками, даже шрифт, число страниц — все одинаково. <...> Но как посмотришь в середине — совсем не то. Как две капли: одна воды, а другая водки. Вода — это Бальмонт. Водичка — ни холодная, ни горячая, так

* Этой книге особенно не повезло в новейших энциклопедиях, утверждающих, что в ней Брюсов «воспел революцию» (Новая российская энциклопедия. Т. 3 (2). М., 2007. С. 20; В. В. Полонский) и «предпринимал попытки создать новую поэтику, соответствующую духу времени и использующую достижения авангардизма» (Большая российская энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 266; Н. А. Богомолов).

Валерий Брюсов
1923/1924. ИРЛИ

себе*. <...> Правда, и в книге Брюсова есть много уже давно знакомого читателю его прошлых книг <...> Однако все же то здесь, то там пробиваются результаты неумирающего творческого духа и вечных исканий мастера, вечной устремленности художника. <...> Такой торжественной завершенности, такого классического ямба Брюсов достигал редко и в старых своих книгах. Брюсов всегда ищет, всегда учится и у других, и у себя самого, всегда ставит перед собой новые и новые задачи, вот почему каждая его книга какой-то шаг, какое-то движение; вот почему голос Брюсова не может не интересовать

* В статье «Поэзия и поэтика: (Из итогов 1916 года)» (Летопись. 1917. № 1. С. 248–250) Выгодский, сравнив «Семь цветов радуги» Брюсова и «Ясень» Бальмонта, сделал вывод: «Оба исчерпывают свой материал до конца, замыкают круг своего творчества».

читателя, которого интересуют судьбы и настроения русской поэзии, а не только успех той или иной школы»*.

Отзыв Выгодского существует в двух вариантах. В первом, присланном в журнал «Печать и революция», есть такие слова: «Даже перепевая самого себя неоднократно, Брюсов пытается каждый раз найти новые ритмы, новые слова, новые созвучия, и стих его „последней мечты“ звучит более сильно, более уверенно, чем предпоследней. <...> Вопль моторов, рев толп людских — говорит о том, что мастер еще не перестал быть учеником»**. В журнале дорожили сотрудничеством Валерия Яковлевича и показали ему текст рецензии. Брюсов расстроился. Известие дошло до Выгодского, который 15 ноября 1921 года написал ему следующее письмо:

«Валерий Яковлевич, я обойду все полагающиеся извинения и буду говорить прямо. Случайно вчера я узнал, что Вы читали присланные мной в „Печать и революцию“ рецензии о Вашей книге и о книге Бальмонта и по их поводу говорили о жестокости молодежи к старикам. Мне жаль, что Ваши слова дошли до меня не непосредственно, и мне трудно судить, что в них принадлежит Вам. И при всем этом слова эти облили меня такой горечью, что не могу удержаться не написать Вам. <...> Если мне приходилось дурно говорить о ком-либо, в моих словах — так мне казалось — было больше скорби, чем злорадства или пренебрежения. И тем больше бывала эта скорбь, когда приходилось говорить о „стариках“, о людях и поэтах, имевших за собой долгий путь. Вот почему Ваши слова о жестокости, отнесенные ко мне, не только больно ударили по моему человеческому сердцу, но и задели мое литературное я. Мне стыдно, если та боль, о которой я говорю, оставалась заметной только для меня. <...>

Вас обидело слово ученичество? Но ведь это лучшее, что может быть в поэте. За это Ваше ученичество (простите, Валерий Яковлевич, но я не только не отрекись от этого слова, но буду настаивать на нем), за вечное искание новых путей, за то, что Вы не застыли на вершине, — за это вечное мое уважение к Вам — как критика, вечная любовь — как читателя. Я о Вашем творчестве писал неоднократно, делал это всегда с радостью и, право же, никогда не бывал не только жесток, но и вообще недоброжелательно настроен. С таким же уважением к Вам как к поэту я писал и последнюю рецензию. И снова — мне обидно, если это оказывается недостаточно заметным для читателя рецензии.

* Выгодский Д. О новых стихах // Петербург. № 1. 1921. Дек. С. 29–30.

** Печать и революция. 1921. № 3. С. 271–272.

Валерий Яковлевич, эти мои косноязычные слова — не извинение, не формальное оправдание моей рецензии. Это — слова от сердца, и я был бы счастлив, если бы они дошли до сердца. Валерий Яковлевич, напишите мне, что Вы поняли меня, что Вы не будете причислять меня к жестокой молодежи, травящей стариков. Это нужно для моего душевного спокойствия*.

Отзыв Выгодского нельзя считать отрицательным (во втором варианте он даже снял слова об «ученичестве») ни сам по себе, ни в контексте эпохи: перемена литературных нравов при большевиках сделала допустимой такую публичную ругань, что позавидовал бы Буренин, доживавший свой век в Петрограде. Неизвестно, что Брюсов ответил Выгодскому и ответил ли вообще. Но это одна из лучших рецензий на книгу, которая не была ни творческой удачей для поэта такого масштаба, ни, тем более, шагом вперед.

Сборник вышел, когда Брюсов был «ответственным работником» и членом партии. Между тем это не просто «несоветская» книга, но «идеологически невыдержанная»:

Весенней ночью встречу звон пасхальный
 Я сорок пятый раз...
 Вновь вижу ночь семнадцатого года.
 Прекрасна и светла;
 Толпу пасхальную ведет Свобода,
 Раскинув два крыла...
 Что ж принесет мне праздник сорок пятый?
 О если б глубь небес
 Родному краю крикнула трикраты:
 «Воистину воскрес!»

Брюсов давно не вспоминал церковных праздников — похоже, для этого потребовалась революция. Как и для стихотворения «Библия»:

Какой поэт, какой художник
 К тебе не приходил, любя:
 Еврей, христианин, безбожник,
 Все, все учились у тебя!..
 Ты — правда тайны сокровенной,
 Ты — откровенье, ты — завет,
 Всевышним данный всей вселенной
 Для прошлых и грядущих лет!

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 553–554 / Публ. Н. А. Трифонова.

«Последние мечты» — еще и «декадентская» книга:

Есть в мире демон, с женственным лицом,
С когтями львицы, с телом сухопарым;
Садится к спящим он, согнут кольцом,
На грудь, и мы — зовем его Кошмаром...
Нельзя бороться и бежать нет сил:
Оковы на ногах и руки в путах,
Повсюду вскрыты пропасти могил,
Блещат из мглы орудья пыток лютых...

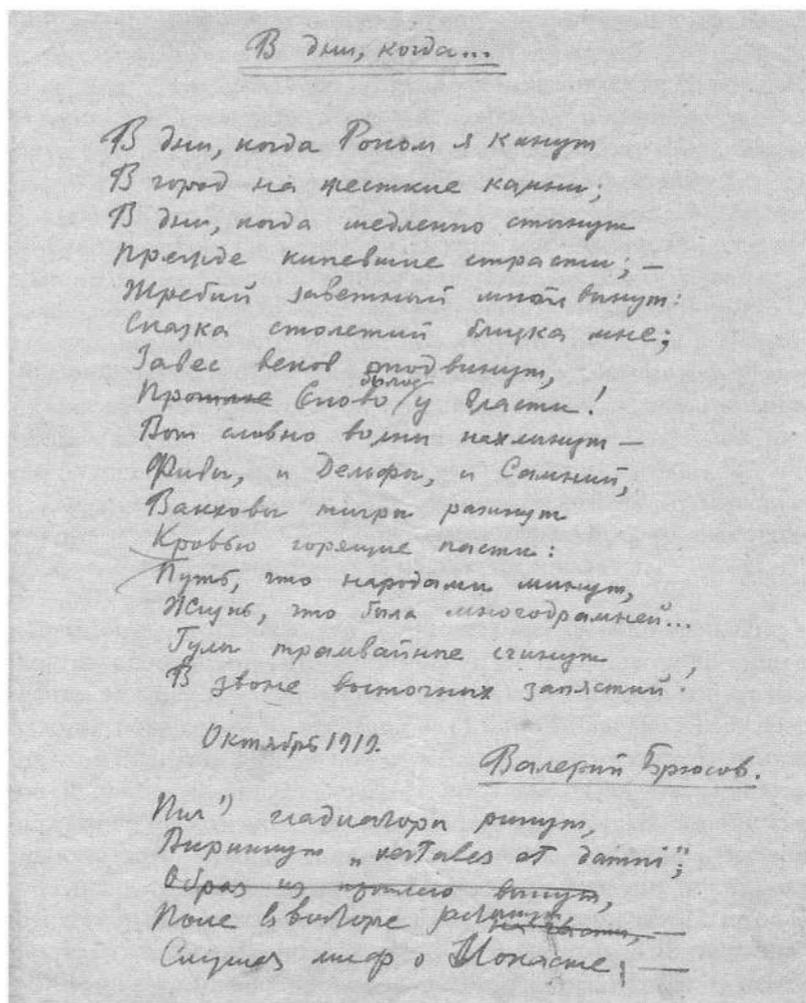
На этом фоне уже не так бросались в глаза эзотерические признания:

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы прѣзренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук.

Луначарский наверняка прочитал книгу, но промолчал о ней — по крайней мере, публично. Можно лишь порадоваться, что до нее не добрались партийные «рудокопы». Зато белогвардеец (без кавычек!) Роман Гуль написал: «В небольшой книжке есть нечто совсем новое Брюсову и новое нам в нем, и об этом хочется сказать несколько слов. Молодой талант, актуальный, борющийся с традициями старого, всегда пьянит своей напряженностью. Прелесть — в его силе. В поэте уходящем, чувствующем свой склон, прелесть — в примиренной успокоенности души. <...> И вот в „Последних мечтах“ Вал. Брюсова — эти нежные, тютчевские отзвуки. Если они и не согревают обычной холодности строф строгого ваятеля, то все же озаряют их необычно ласковым огнем. <...> Но „истаиванье“ не мертвит души, оно лишь — стирает остроту желаний, заостренность дум, рождая радостную, легкоккрылую мудрость. Осознавший смерть, почувствовавший ее „главным“ в жизни — всегда живет радостней и легче; правда, он никогда не будет громко смеяться, но улыбается тихо и ласково. Это чувство теперь у Вал. Брюсова»*.

«Последние мечты» стали прощанием со «старой манерой». После них поменялось всё: тематика — отражение современности, стилистика — влияние Пастернака и умеренных футуристов, эмоциональный настрой — новая любовь, вызвавшая всплеск творческой энергии. 17 августа 1920 года в клубе Союза поэтов

* Новая русская книга (Берлин). 1922. № 2. С. 18.

Автограф стихотворения Валерия Брюсова «В дни, когда...»
Октябрь 1919. ВЭМ

состоялся вечер Брюсова «Стихи последних лет и дней». Общаться с молодежью стало труднее — она не признавала ни авторитетов, ни прежних заслуг. В Союзе поэтов (официально Всероссийский профессиональный союз поэтов; сокращенно, по моде того времени, Сопо), созданном в середине ноября 1918 года (устав утвержден коллегией Наркомпроса 16 декабря)*, верховодили футуристы, но недолго. «Беспорядки

* Косолапов П. Как был создан Всероссийский союз поэтов // Литературная Россия. 1967. № 11. 10 марта. С. 15.

и неурядицы в Союзе поэтов, — вспоминал Иван Грузинов, — росли с каждым днем и к 1920 году достигли, наконец, таких размеров, что на одном из общих собраний было решено „призвать варягов“. Впрочем, множественное число, употребляемое мною, в данном случае ни к чему: решено было призвать одного крупного „варяга“: выбор пал на Валерия Яковлевича Брюсова. Общим собранием Союза поэтов была послана к Валерию Брюсову делегация, состоящая из пяти человек. <...> Через день или два Брюсов явился в Сопо и начал председательствовать»*.

В рассказе Грузинова почти нет дат, поэтому нужны уточнения. Первым председателем Союза стал Василий Каменский. 23 января 1919 года Луначарский подписал мандат, выданный Брюсову как председателю президиума Союза поэтов, но уже в мае этого года Союз возглавил Шершеневич, а Валерий Яковлевич даже не вошел в состав президиума, избранного 24 августа. Не позднее 22 июля 1920 года состоялось его «призвание». Брюсов возглавлял Сопо до конца февраля 1921 года, когда после длительной склоки был свергнут усилиями поэтов из группы «Литературный особняк»** под предлогом упущений в работе. «Брюсов довел его (Союз поэтов. — В. М.) до полного краха, — записал Мачтет разговоры на собрании „Особняка“ 4 октября 1920 года. — <...> За его спиной шла полная вакханалия, спекуляция в буфетах, неправильное ведение протоколов и под тем, чего не было и не обсуждалось, подписи и санкция председателя Союза Брюсова»***. Вместе с ним на пере выборах президиума «прокатили» Аделину Адалис, Александра Кусикова и Сергея Буданцева, считавшихся его ставленниками. Однако когда в ноябре 1923 года отмечалось пятилетие Союза, именно Валерия Яковлевича попросили председательствовать на торжественном заседании и произнести вступительное слово. «Никакой идеологической связи между членами Союза нет, — заявил он, — никакого общего мировоззрения Союз не отражает. В его составе есть истинные пролетарии и по происхождению и по мировоззрению, но в нем могут участвовать и поэты с ярко-буржуазной психологией — теоретически даже и монархисты; в нем могут объединяться

* Грузинов И. Маяковский и литературная Москва // Мой век, мои друзья и подруги. С. 674.

** В эту группу, обособившуюся от Союза поэтов, входили О. Л. Леонидов, М. П. Гальперин, Е. Д. Волчанецкая, Н. Н. Захаров-Мэнский, М. Э. Нетропов, Т. Г. Мачтет и др. При регистрации «Литературного особняка» в Отделе юстиции Моссовета в ноябре—декабре 1919 года Брюсов был включен в его состав (ЛЖР. Т. 1. Ч. 1. С. 458—459), однако не принимал никакого участия в деятельности группы и не раз отрицательно высказывался о творчестве ее участников.

*** РГБ. Ф. 162. Карт. 6. Ед. хр. 6. Л. 21.

писатели с материалистическими предпосылками и идеалисты самой чистой воды, мистики, религиозные писатели*». Брюсов был прав: лояльный к советской власти, Союз поэтов так и не был «коммунизирован», по мере сил защищал свободу творчества и давал возможность печататься поэтам, далеким от «генеральной линии». За что и был ликвидирован в 1930 году.

«Варяг» сосредоточил усилия на налаживании текущей работы Союза, создании петроградского отделения (туда делегировали Надежду Павлович**) и организации литературных чтений, коль скоро возможности наладить печатание книг пока не было. 20 сентября 1920 года в Политехническом музее состоялся вечер «О современной поэзии» под председательством Брюсова, который днем раньше прочитал там же лекцию «Задачи современной литературы», переросшую в острый диспут***. Валерий Яковлевич любил систематизировать поэтов по направлениям и группам, давая названия тем, кто не придумал их сам, против чего поэты периодически протестовали. 25 октября в Большом зале Московской консерватории прошел первый выпуск «Устного журнала» Союза поэтов под его «редакцией». 4 ноября там же состоялся литературный «суд над имажинистами»: Брюсов обвинял — «присяжные» оправдали. 16 ноября в Политехническом имажинисты устроили ответный суд, на котором уже Брюсов защищал современную поэзию от прокурора Шершеневича. «Оправдали» только пролетарских поэтов, но они отказались прийти 7 и 10 декабря в ту же аудиторию на «турнир поэтов» — видимо, чтобы не мешаться с «буржуями». На сей раз появился материальный интерес: Валерий Яковлевич «пробил» через Лито три премии — пятьдесят, тридцать и двадцать тысяч рублей — за лучшие стихи, которые, по итогам голосования слушателей, получили поэтессы Адалис, Надежда де Гурно и Наталья Бенар. 11 декабря в Политехническом под председательством неутомимого Брюсова прошел «вечер поэтесс», шаржированно и с неверной датой описанный Цветаевой в «Герое труда».

Вечера стали неотъемлемой частью литературной жизни Москвы, а Брюсов — их неизменным председателем, даже когда он перестал руководить Союзом поэтов. «Народу уйма, — вспоминал

* Пятилетие Союза поэтов / Публ. К. Н. Суворовой // ЛН. Т. 85. С. 232–235.

** Отчет о работе в письме Брюсову (23 июня 1920); ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 546–547 / Публ. Н. А. Трифонова.

*** Укажем еще «Вечер-демонстрацию поэтических школ и направлений» (Политехнический музей, 17 октября 1921 года; воспоминания В. В. Фефера: ЛН. Т. 85. С. 810–812) и «Вечер современной поэзии» (Дом печати, 12 декабря 1922 года) под председательством Брюсова.

Павел Антокольский, — гораздо больше, чем вмещает аудитория, — полинялые гимнастерки, потрепанные шинели, костыли и бинты, кожаные куртки, старые пальто <...> Зато председатель — в самом что ни на есть чопорном, длинном, черном сюртуке и крахмале, напряженно подпирающем великолепно посаженную голову. <...> Отрывистым, высоким, чуть лающим, но хорошо натренированным для выступлений голосом он приглашает одного за другим на трибуну. Его приглашения звучат как морская команда с капитанского мостика:

- Вячеслав Ковалевский — рубить канаты!
- Сергей Буданцев — на абордаж!
- Вадим Шершеневич — огонь с левого борта!*

«Вот он стоит на эстраде музея, — записал 2 декабря 1920 года Мачтет, — в переполненной и ярко освещенной зале, просто, даже скромно одетый и читает свои стихи, анонсирует выступающих. Читая, он увлекается, вот даже вскочил на стул и читает что-то новое. Одна нога откинута немного назад, руки все время в движении, всем корпусом он налегает на столик, приставленный к эстраде. Я привык видеть и слышать шумный, зычный голос, произвольные движения, лохматую шевелюру своих друзей, а тут мягкий, даже вкрадчивый, но громкий, немного картавящий, словно шепелявящий голос, интеллигентная наружность, седеющие волосы, уже вся в сединах борода, немного худощавая фигура, небольшой покатый лоб. Что-то сухое чувствуется, педантичное, уже словно стариковское во всем лице Брюсова»**.

Один из самых ярких эпизодов этих вечеров описал Шершеневич. 16 ноября 1920 года в конце имажинистского «Суда над современной поэзией» Есенин читал поэму «Сорокоуст». «В первой же строфе слово „задница“ и предложение „пососать у мерина“ вызывает в публике совершенно недвусмысленное намерение не дать Есенину читать дальше. Свист напоминает тропическую бурю. <...> Мой крепко поставленный голос перекрывает аудиторию. Но мало перекрыть, надо еще убедить. Тогда спокойно поднимается Брюсов и протягивает руку в знак того, что он просит тишины и слова. Мы поворачиваемся к нему, потому что понимаем, что это слово будет иметь решающее значение. Авторитет Брюсова огромен. Свист стихает. <...> Брюсов заговорил тихо и убедительно:

— Я надеюсь, вы мне верите. Я эти стихи знаю. Это лучшие стихи из всех, что были написаны за последнее время!

* Антокольский П. Валерий Брюсов // СС. Т. 1. С. 8–9.

** РГБ. Ф. 162. Карт. 6. Ед. хр. 6. Л. 121об.

Аудитория осеклась. Сергей прочел поэму. Овации. Брюсов улыбается. Может быть, он вспоминает скандал, случившийся с ним во время его речи на юбилее Гоголя*.

И другой, «парный» эпизод из тех же мемуаров:

«Молодой поэт (не названный по имени. — В. М.) перешел к своим стихам. Начал читать он что-то неслыханное по похабности. <...> Публика потребовала, чтобы Брюсов остановил чтение. Брюсов привстал и сказал:

— В стихах можно писать о чем угодно...

„Дерзавший“ ободрился.

— ...но, конечно, талантливо. Я прошу вас прекратить читку не потому, что тема непристойна, а потому, что стихи бездарны.

Зал аплодировал Брюсову**.

«С Брюсовым произошла в это время метаморфоза, — вспоминал Грузинов, — подобная метаморфозе, происшедшей с гётевским Фаустом. Среди молодых поэтов и поэтесс Брюсов ожил и помолодел. Он сбросил с себя бремя лет, равнявшееся по меньшей мере половине его возраста. Брюсов превратился в юношу. Он проводил бессонные ночи в „Домино“. Он совершал, сопровождаемый ватагой молодых поэтов, ночные прогулки по улицам Москвы***. Одну из таких прогулок красочно описал Шершеневич:

«Брюсов вдруг вспоминает:

— Мне вчера Семен Яковлевич Рубанович говорил, что он достал чудесного вина. Пойдем к нему!

Время: три часа ночи. Мы у Арбатских ворот. Рубанович спит на Покровке, в Лобковском переулке. Брюсов храбро зашагал через всю Москву. <...> Брюсов молодецкато идет, поднимает камушки и бросает их в стекла вторых этажей.

— Почему именно второй?

— В третий не доброшу, а в первом можно расколоть стекла. <...>

Тихий Лобковский переулок. Подъезд. Заспанный швейцар. Брюсов деловито объясняет сквозь стекло:

— По срочному делу из Петрограда к товарищу Рубановичу!

Швейцар волей-неволей верит серьезному виду Брюсова и еще более серьезной руке Кусикова с кредитной бумажкой.

Звонок. За дверьми испуганный голос. Далеко не вполне одетый Рубанович открывает дверь. По коридору по направлению к черному ходу шуршит шелк чьей-то юбки.

После двух-трех стаканов действительно хорошего вина Брюсов на пари читает любое стихотворение Пушкина и Тютчева.

* Мой век, мои друзья и подруги. С. 461–462.

** Там же. С. 460–461.

*** Там же. С. 674.

Тверская улица

Фотография В. Савельева из журнала «Прожектор» (1923. № 4)

Кусиков завистливо смотрит в рот Брюсова и в книгу, проверяя Валерия Яковлевича и его память. <...>

Ровно в полдесятого утра Брюсов торопливо умывается.

— Сидите, все равно поздно, — приветливо говорит мрачный хозяин, у которого пропала ночь и у которого мы спугнули заночевавшие шелка, убежавшие черным ходом и не отдававшие вина.

— Нельзя. В десять мне надо быть на заседании в Наркомпросе, — отвечает уже совершенно дневной Брюсов*.

Шершеневич уверял, что именно в этот вечер Валерий Яковлевич впервые встретил свою последнюю любовь — поэтессу Аделину Адалис. Уже 8 сентября 1920 года они вместе читали стихи в Союзе поэтов. Брюсов продвигал ее в печать и на эстраду, что вызвало неприязнь «собратьев по перу», объявивших

* Мой век, мои друзья и подруги. С. 462–464.

Сухаревская площадь

Фотография В. Савельева из журнала «Прожектор» (1923. № 4)

войну «временщице». Однако их пересуды, записанные Мачтетом, имели сугубо «кухонный» характер: «она им завладела»; «что он в ней нашел?»; «говорят, она очень хорошо сложена, хотя и некрасива»; «иные и говорят, что она на воблу похожа»*. Зрелое творчество Адалис не выламывалось из «генеральной линии» советской поэзии, но ранние стихи, сохранившиеся в архиве Брюсова, обещали многое:

В глухом краю нечаянных сияний,
 Непобедимые в добре и зле,
 Живем на воле и не платим дани,
 А наши тени бродят по земле.
 Там плавится в огне тысячелетий
 Крутая жизнь, а здесь — пахучий дым.

* Запись от 27 декабря 1920 года: РГБ. Ф. 162. Карт. 6. Ед. хр. 7. Л. 71об–73 об.

Живем недолго, ветру ставим сети,
 Не верим снам и славы не хотим.
 Ах, не утеха вереск у цистерны,
 Ни Кремль в Москве, ни в Риме Яникул!
 Но иногда двойник высокомерный
 Поет в ночи земному двойнику.

Р. Л. Щербаков записал рассказ Иоанны Матвеевны: «В поздний зимний вечер Валерий Яковлевич решил куда-то отправиться*. Я встала в дверях кабинета, раскрыла руки и говорю: „Валя! Уже темно, в Москве где-то стреляют, на Сухаревке промышляют воры и дезертиры... Посидел бы дома! В такие дни...“ Валерий Яковлевич остановился посреди комнаты, внимательно посмотрел на меня, снял меховую шапку, поставил палку, расстегнул шубу, присел к письменному столу, макнул ручку в чернильницу, перечеркнул на титуле сборника „Sed non satiat“ и аккуратно вписал новое заглавие: „В такие дни“. Поднялся, взял шапку и палку, отстранил меня и ушел в ночь**».

Сборник «В такие дни», вышедший в Госиздате в ноябре 1921 года, стал первой «советской» книгой Брюсова, стихи из которой — точнее, из первого раздела «В зареве пожара» — обычно представляли его в антологиях и служили материалом для рассуждений об «идейности» и «мастерстве». Закрываю оба слова в кавычки, потому что «идейность» означала зарифмованные лозунги, а «мастерство» — следование «лучшему и талантливейшему поэту советской эпохи». Разумеется, речь не о критике тех лет, а о посмертной канонизации «агитатора, горлана, главаря», под которого стали «подгонять» остальных. Брюсов ценил Маяковского как поэта, но ответного уважения не снискал.

Революционные стихи сборника «В такие дни» — рыбок автора навстречу новой власти. Об их политическом содержании мы уже говорили. С литературной точки зрения они еще традиционны, хотя автор осторожно пытался «расшатать» строгие формы. В остальных разделах он верен вечным темам: любовь, страсть, античные мотивы, историософские раздумья:

Когда во тьме закинут твой,
 Подобный снам Египта, профиль —
 Что мне, куда влекусь за тьмой,
 К слепительности, к катастрофе ль!

* «На свидание к Адалис», — пояснил Р. Л. Щербаков автору настоящей книги.

** Брюсов-ЖЗЛ. С. 547.

Разрез чуть-чуть прикрытых глаз,
Уклоны губ чуть-чуть надменных —
Не так же ль пил, в такой же час
Ваятель сфинксов довременных?

Хотя и пытался найти для них слова в духе времени, которые одалживал у футуристов и имажинистов:

Фонарей отрубленные головы
На шестах безжизненно свисли,
Лишь кое-где оконницы голые
Светами сумрак прогрызли.

Получалось не всегда убедительно, порой комично. «В такие дни» — неровная, переходная книга. Но в ней несомненно ощущение творческого подъема, прилив энергии, которой лишены «Семь цветов радуги», «Девятая камена» и «Последние мечты».

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?
Ах, много в прошлом, листья спадшие,
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

«За глаза <...> это говорится у нас так: молодец Валерий! — писал автору 12 января 1922 года Борис Пастернак. — Это — про „В такие дни“, как и про Верхарна. Так говорится у моих друзей лишь еще про Белого, которого Вы не любите, и про Маяковского. Это — когда взят на всю жизнь тон идеального возраста: роста»*. Л. Флейшман отметил, что при этом Борис Леонидович никогда не высказывался о Брюсове в печати (кроме юбилейного стихотворения 1923 года) и не упомянул его имени в «Охранной грамоте», что выглядело странно, если не демонстративно. Брюсов же много и хвалебно писал о Пастернаке, который в начале 1920-х годов стал для него «самым сильным художественным впечатлением»**.

В марте 1922 года Валерий Яковлевич выпустил в издательстве Гржебина новую книгу стихов «Миг». Она похожа на «В такие

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 555–556 / Публ. Н. А. Трифонова. См.: Паханяну К. А. В. Брюсов и Б. Пастернак // *Чтения-1973*. С. 278–294; Пастернак и Брюсов: К истории их отношений / Публ. Е. В. Пастернак // *Russia. Россия*. Vol. 3 (1977). С. 239–265.

** Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 37–40.

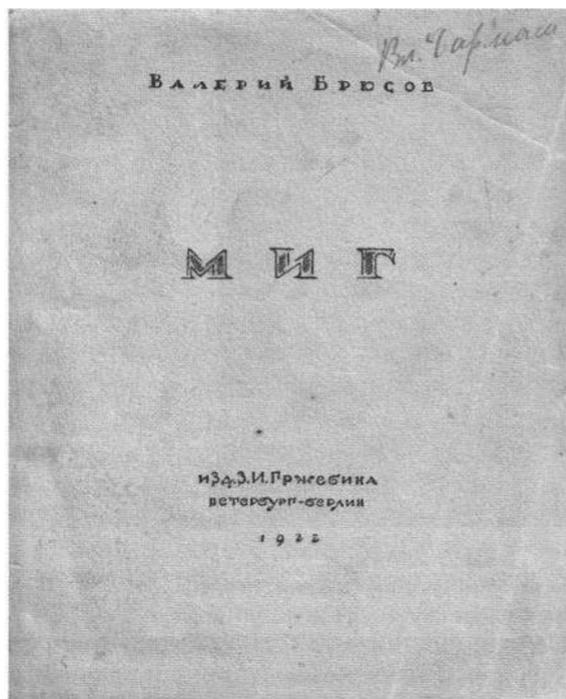
Аделина Адалис
Фрагмент групповой фотографии. 1930-е

дни» и по тематике, и по пропорциям, в которых в ней присутствуют «революция», «современность», «история» и «любовь». Однако позднейшая судьба двух книг оказалась разной: не жалевшие похвал для первого сборника, литературоведы обошли второй вниманием.

Реакция современников была неоднозначной. Бывший футурист, а ныне «красный военспец» Иван Аксенов писал, откликаясь на «В такие дни»: «Нам интересен настоящий Брюсов в период настоящей революции, и сборник отвечает нашему интересу не только в тех его отделах, где автор прямо говорит о политике (это для него новости не составляет: он и в самых ранних своих книгах писал стихи этого рода), но и там, где он говорит о „вечной правде кумиров“, о мелькающих „ночах и днях“, которые до сих пор не могут ему примелькаться»*. Эмигрант Константин Мочульский иронизировал в рецензии на «Миг»: «У Брюсова — вся механика наружу. Мы заранее знаем, какие готовятся „эффекты“; они не всегда удаются, но иногда, право, неплохи. Жаль только, что эффект никогда не может подняться на высоту художественного приема. Поэзия Брюсова — красноречие; стихи его — упражнения на заданные темы по классу риторики»**. Выступавший под псевдонимом

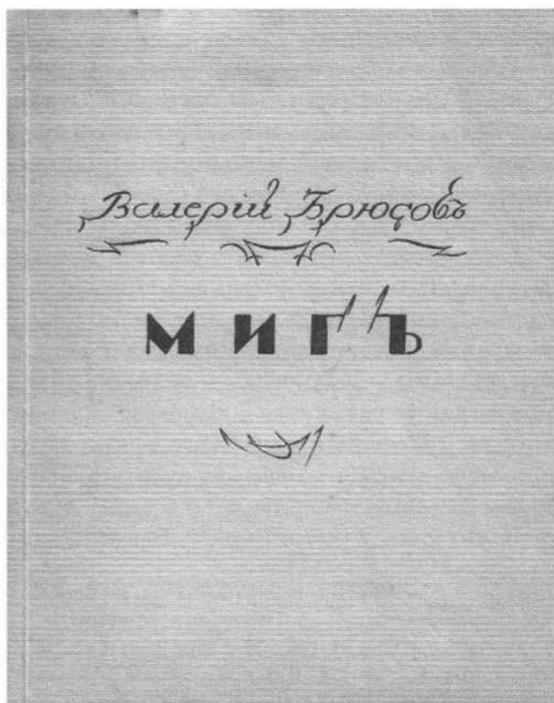
* Печать и революция. 1922. № 6. С. 293.

** Звено. (Париж). 1923. № 4. 26 февр.; перепеч.: Мочульский К. Кризис воображения. С. 323–324. В републикации рецензируемая книга именуется... «Мне» («...и египетской царице Клеопатре» — может добавить читатель).

Книга Валерия
Брюсова «Миг»
(Пб.; Берлин, 1922)
из части тиража,
отпечатанной
в РСФСР по новой
орфографии
Обложка

Книга Валерия
Брюсова «Миг»
(Пб.; Берлин, 1922)
из части тиража,
отпечатанной
в Германии по
старой орфографии
Обложка

«Аннибал», Борис Масаинов в альманахе «Утренники», который чекисты считали органом «внутренних эмигрантов», заявил, что в сборнике «В такие дни» «уже нет прежнего мастера, когда-то почти безукоризненно делавшего свои стихи. Зрение и слух автора притупились, бессильные срывы говорят о начале тусклого умирания его мастерства <...> Он пытается говорить по-новому, но из этих попыток ничего хорошего не выходит»*. «Мигу» Аннибал вынес уничтожающий приговор: «От Валерия Брюсова осталось только одно имя, как поэт он уже умер. <...> „Миг“ — только ненужная реплика бывшего премьера»**. Досталось и «Последним мечтам»: «Автор, судя по названию книги, очевидно, считает, что его деятельность уже приходит к концу», — за чем, со ссылкой на авторитет Айхенвальда, последовал окончательный вердикт: «До сих пор непонятно, почему Брюсова считали и считают самым крупным поэтом нашего времени. <...> При ближайшем рассмотрении бросается в глаза вся его арифметика и высиженная мозаика слов»***. Всего через четыре года Аннибал, даже не сменивший псевдоним, заявил, что именно Валерий Яковлевич написал «первые по-настоящему хорошие стихи о революции»****.

В травлю включились пролеткультовец Семен Родов, интегрировавшийся в советскую литературу мстительный Лернер и пытавшаяся сделать это не менее мстительная Парнок*****. Все рекорды неприличия побил еще один экс-футурист — Борис Лавренев в ташкентском журнале «Новый мир»: «На меня поэзия Валерия Брюсова всегда производила острое впечатление встреч с ужасным, полуразложившимся покойником, сгнившим от духовного сифилиса, но вылезшим из неплотно закрытого гроба. <...> Коммунистический Брюсов — это самый веселый анекдот российской революции, веселый и скабресный. <...> Каждое новое выступление побежденного звуком и эротическим бредом поэта только забивает лишний гвоздь в крышку его гроба. Брюсов умер. Почтим его память вставанием»*****. Диссонансом прозвучал лишь голос Городецкого: «Придя к революции через

* Утренники. Кн. 1. Пг., 1922. С. 120–122.

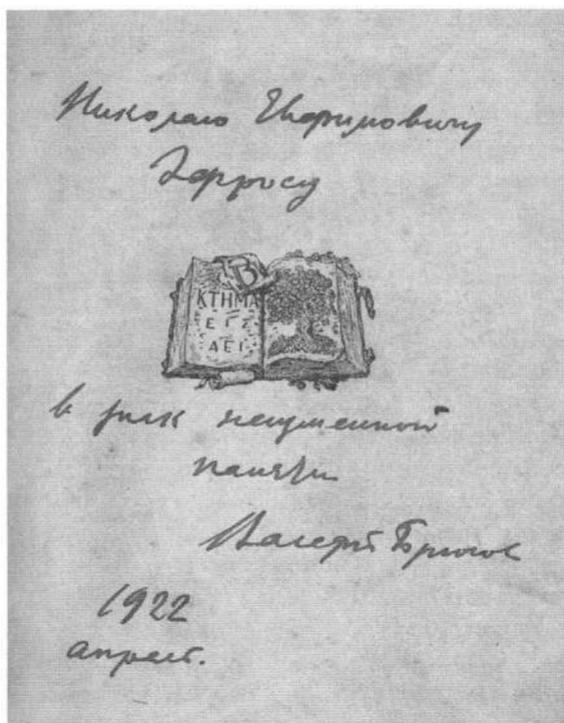
** Утренники. Кн. 2. Пг., 1922. С. 155–156.

*** Аннибал Б. Поэзия или механика? (Опыт характеристики Валерия Брюсова) // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 11–12; 1922. № 1. С. 11–12.

**** Аннибал Б. В. Я. Брюсов // Наша газета. 1926. № 233. 9 окт. С. 2.

***** Оленев С. <Родов С. А.> И было... (Из старой хроники) // Горн. 1922. № 1. С. 136–138; Лернер Н. Саморазоблачение Валерия Брюсова // Жизнь искусства. 1923. № 8. 27 февр. С. 16 (ответ Брюсова, не вошедший в Среди стихов: По поводу очередной критики // Там же. № 9. 6 марта. С. 6); Полякин А. <Парнок С. Я.> Дни русской лирики // Шиповник. Сборник литературы и искусства. Кн. 1. М., 1922. С. 157–161.

***** Цит. по: ЛЖР. Т. 1. Ч. 2. С. 361–362.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Николаю Эфросу на авантитуле книги «Миг» (Пб.; Берлин, 1922; советский вариант):
 «Николаю Евфимовичу Эфросу в знак неизменной памяти
 Валерий Брюсов 1922 апрель»
 ВЭМ. Публикуется впервые

дружбу с „духом разрушающим“, Брюсов, как вся страна, в конце концов осознает и славит „дух созидающий“. <...> Он с самого начала оценил чисто эстетическую остроту современных переживаний и, может быть, даже пришел к коммунизму через высокую оценку новых, данных им, личных мыслей и страстей*». Правы оказались те, кто еще перед революцией грозил «гг. Брюсовым»: «За нами следуют свои Писаревы из народа, и они, не шутя, сведут с вами счеты»**.

Особое место в хоре хулителей занял лефовский теоретик Борис Арватов, статья которого «Контрреволюция формы» звучала как донос: «Основная черта буржуазной поэзии заключается в том, что она резко противопоставляет себя действительности.

* Городецкий С. Алый вечер // Известия. 1922. № 141. 28 июня. С. 3.

** Цит. по: Клейнборг Л. Печатные органы интеллигенции из народа // Северные записки. 1915. № 7/8. С. 122.

Единственным средством для такого противопоставления оказывается формальный уход в прошлое — архаизм. <...> Ахилл для нее „эстетичнее“ Архипа, Киферы звучат „красивее“, чем Конотоп. <...> Брюсов всеми силами тащит сознание назад, в прошлое; он переделывает революцию на манер греческих и других стилей — приспособляет ее к вкусам наиболее консервативных социальных слоев современности*.

Об упадке творчества Брюсова Арватов не писал. Он просто объявил его врагом. После этого напостовская пародия «Египетский профиль» выглядела почти дружеской:

Я зачерпнул из Иппокрены
 Ложноклассическую муть.
 Читатель, огонь морей влей в вены,
 Вдвинь сталь пружин, как сердце в грудь.
 С душой совсем не стариковской
 Ареем мчусь на красный фронт.
 Се я, — советский Тредьяковский,
 Мчу в пристань коммунизм чрез понт**.

Валерий Яковлевич редко отвечал на подобные выпады, но здесь нельзя было промолчать. «Тов. Арватов строит удивительный силлогизм: „Содержание равно словам; слова у Брюсова не новые; следовательно, содержание стихов антиреволюционное“. <...> Если бы тов. Арватов взял на себя труд немного подумать, он увидел бы, что Ахилл в самом деле „эстетичнее“ Архипа, то есть пригоднее для поэзии. „Ахилл“ имеет огромное содержание, „Архип“ — никакого: это только собственное „крестильное“ имя и ничего больше. <...> Конечно, это относится к тем, кто знает, кто такой „Ахилл“***. Ответ был напечатан и получил поддержку Луначарского, который позже язвительно заметил: «Только мелкой хулиганской наглостью можно объяснить то, что кое-кто из левых и молодых часто, несмотря на свою новизну и молодость, абсолютно импотентных человечков, бормотал что-то такое об устарелости и одряхлении Брюсова»****.

Был ли «Миг» очевидным проявлением упадка? Для ответа на этот вопрос достаточно обратиться к поэме «Дом видений»,

* *Арватов Б.* Контрреволюция формы: (О Валерии Брюсове) // ЛЕФ. 1923. № 1. С. 216–230.

** На посту. 1923. № 1. С. 214 (подпись: ЛЕЧ).

*** *Post-scriptum* <к статье «Ответ Георгию Шенгели»> // Печать и революция. 1923. № 6. С. 87–88 (подпись: В. Б.). Полемика с Шенгели касалась переводов из Верхарна.

**** *Луначарский А.* Брюсов и революция // Печать и революция. 1924. № 6. С. 3.

завершающей книгу. Она редко включалась в посмертные «изборники» (ее нет ни в одном из четырех изданий Брюсова в «Библиотеке поэта») и никем всерьез не изучалась. Между тем это не только одна из вершин поэзии Валерия Яковлевича, но и автобиографический документ. Труден был первый шаг: заметить и понять тайнопись поэта. Разбирать «Дом видений» надо внимательно, поэтому приведу полный текст.

Душа моя – Элизиум теней.

Ф. Тютчев

Видениями заселенный дом,
Моя, растущая, как башня, память!
В ее саду, над тинистым прудом,
Застыв, стоит вечеровое пламя;
В ее аллеях прежние мечты
На цоколях недвижны, меди статуи,
И старых тигров чуткие четы
Сквозь дрему лижут мрамор Апостату.

Как же ты
Вошла в мой сад и бродишь среди статуй?
Суровы ярусы многоэтажной башни, –
Стекло, сталь и порфир.
Где, в зале округленной, прежде пир
Пьянел, что день отважней, бесшабашней,
Вливая скрипки в хмель античных лир, –
В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.

На бархатном престоле зоркий зверь,
Привычный председатель оргий,
Глаза прищуря, дремлет, пресыщен:
Окончив спор, лишь тень – Сократ и Горгий;
Вдоль стен, у шелковых завес, еще
На ложах никнут голые гетеры,
Но – призраки, навек сомкнувшие уста;
И лишь часы в тиши бьют ровно, не устав
Качаньем маятника двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни?

Там выше,
По этажам, к недовершенной крыше,

В заветных кельях — облики: глаза
Целованные, милых губ рубины,
Спявшие мне плечи волоса, —
И комнат замкнутых глубины
Дрожат под крыльями произнесенных слов...
Их, вещей птиц, в года не унесло!
Их пепел фениксов, как радуги,
Вычерчивая веера дуги,
Слепит меня опять, опять
И, волю воском растопя,
Невозвратимостью минут тревожит.

Чего же
Тебе искать в незавершенной башне,
Где слишком жуток сон вчерашний!

В саду,
Где памятники с тиграми в ладу,
Где вечности и влажности венчанье, —
В саду — молчанье,
Свой мед кадят нарциссы Апостату,
Над бронзой Данте черен кипарис,
И, в меди неизменных риз,
Недвижим строй в века идущих статуй.
Но все же роз кричащий запах,
Но все ж в огне зальденном запад —
Пьяны разгромом грозовым,
Страшись, чтоб, на росе ночуя,
Но шаг непризнанный почуя,
Тигр пробужденный не завыл!

Видениями заселенный мир, —
Сад и растущая, как башня, память!
На меди торсов, сталь, стекло, порфир
Льет воск и кровь вечеровое пламя;
Горят венцы, волна к волне, в пруду;
Пылая, к статуям деревья льнут в бреду;
По травам блекнущим раскиданы статеры
Вовек не умирающей росы,
И лишь из башни ровно бьют часы,
Не уставая двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни,

Где слишком жутки чуткие мечты?
 Иль ночь напрасно краски отымала?
 Иль цоколям свободным статуй мало
 И может с медью спорить парос,
 Чтоб кровь по мрамору текла?
 Иль должно к башне из стекла
 Прибавить куполоподобный ярус,
 Где все сиянья старины,
 Умножены, повторены,
 Над жизнью, как пустым провалом,
 Зажгутся солнцем небывалым,
 Во все, сквозь временный ущерб,
 Вжигая свой победный герб!

Продуманность видна во всем, начиная с эпитафии. Тютчев кажется здесь наиболее естественным, а выбранный стих задает тему поэмы: подведение итогов жизни. Центральный образ — башня — может быть прочитан в нескольких контекстах. Известно, какое значение он имеет для многих эзотерических традиций. Следом на ум приходит Вавилонская башня. В качестве возможного варианта просматривается «башня из слоновой кости», обитателем которой пытались представить Брюсова пролеткультиовские и лефовские критики. Наконец, это «Башня» Вячеслава Иванова. Кажется, разгадка близка.

«Дом видений» отмечен необычным — даже для Брюсова — обилием реминисценций. «Вечеровое пламя» — воспоминание о «Вечеровых песнях» из «Венка» и «Всех напевов»; в противном случае появилось бы обычное «вечерний»*. «Прежние мечты» — «Последние мечты», которым теперь место лишь в саду памяти. Юлиан Апостат — исторический герой, символ воскресающего язычества в борьбе с христианством (важная для автора тема), и в то же время воспоминание о романе Мережковского «Отступник», который произвел сильное впечатление на молодого Брюсова и оказал влияние на его историсофские взгляды.

Рядом с ним в «Доме видений» оказывается Вячеслав Иванов — мистик и оккультист, влюбленный в античность «дионисиец», остающийся при этом христианином. Иванов — «эллинист» (отсюда в поэме Сократ и Горгий), Брюсов — «римлянин»,

* В письме к В. С. Миролубову (9 марта 1904): «Предлагаю Вам три *Вечеровых песни* (мне хотелось бы, чтобы они не были *Вечерние*: это не совсем одно и то же)». Комментарий публикатора А. Б. Муратова: «В подавляющем числе стихотворений, вошедших в цикл, присутствуют образы вечера, ночи, заката. Однако для автора гораздо существеннее не эта общность, а то, что все песни, как подчеркнуто самим заглавием, — песни вчерашнего дня, песни *прошлого*». Литературный архив. 5. С. 174–175. Старославянское «вечор» означает «вчера».

как верно определила его Цветаева, хоть и в несколько ином смысле. «Башня» Иванова — инициатический (или псевдоинициатический) центр, а сам он — «зоркий зверь, привычный председатель оргий...» В то же время «Башня» — звено, соединяющее античность и символизм: «вливая скрипки в хмель античных лир». «Скрипки» — опознавательный знак символизма: вспомним «Смычок и струны» Анненского, цикл Блока «Арфы и скрипки» и обращенное к Иванову стихотворение Блока «Был скрипок вой в разгаре бала...» «В померкшей зале темной башни тишь теперь» — это написано в 1921 году, когда судьба разметала по свету «башенных жителей»: теперь они лишь «призраки, навек сомкнувшие уста». С начала 1921 года Иванов жил в Баку, откуда за три с половиной года прислал старому другу всего два письма*.

Особое внимание обращает на себя тема «мрамора» и «меди». Это автоцитата, причем значимая. В сборнике «В такие дни» есть стихотворение «Будь мрамором» с эпитафией из Адалис «Ты говоришь, ограда меди ратной...» «Дом видений», вероятно, обращен к ней, но лирическая героиня поэмы — образ собирательный: он связан с личной мифологией автора в целом, а не только с конкретным прототипом. «Будь мрамором» завершается строками, которые можно поставить эпитафией ко всей жизни Брюсова:

Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то в глубине последней
Будь мрамором и медью будь.

Медь и мрамор — символы последней твердости, последней верности и мужества, которые останутся с поэтом, даже если кровь потечет по мрамору...

По тексту «Дома видений» разбросано множество реминисценций и намеков, но далеко не все возможно адекватно понять и истолковать. Известно, какое значение для Брюсова имел Данте — поэт, духовидец, эзотерик, но эта тема нуждается в глубоком исследовании, к которому сделаны лишь первые подступы**. Запад в огне как предчувствие «разгрома грозowego» — не только поэтическая метафора, но и сакрально-географическое указание. «Старых тигров чуткие четы», «строй в века идущих статуй», часы, не устающие «двигать эры», — всему этому можно искать объяснения или ждать, когда они придут сами собой.

* ЛН. Т. 85. С. 541–543.

** Бэла С. И. Данте и Брюсов // Данте и славяне. М., 1965. С. 67–94; Брюсов В. Данте — путешественник по загробью // Дантовские чтения. М., 1971. С. 229–233 / Публ. С. И. Гиндина.

24 ноября 1922 года в Доме печати Брюсов прочитал доклад «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», вскоре появившийся в журнале «Печать и революция». Пятилетие новой власти настраивало на подведение итогов и в области поэзии, с чем кто-либо вряд ли мог справиться лучше Валерия Яковлевича. Отличавшийся исключительной широтой охвата, обзор оказался очень прост методологически. Вчерашним днем были объявлены символисты и акмеисты: «поэты, не ощутившие требования времени, оставшиеся чуждыми новаторскому, обновительному движению в области техники поэзии»; сегодняшним — футуристы: «поэты, прежде всего увлеченные ковкой новых форм, новых средств и приемов изобразительности, нового поэтического языка»; завтрашним — пролетарские поэты, «которые сразу ставили перед собою основную цель — выразить новое мирозерцание, пытаясь использовать для этого как новые, так и традиционные формы». «Истинно современной поэзией будет та поэзия, которая выразит то новое, чем мы живем сегодня, — постулировал автор. — Но подобная задача, перенесенная в область искусства, таит в себе другую, распадается на две. Надобно не только *выразить новое*, но и *найти формы* для его выражения».

Ошибочно думать, что отречение Брюсова от символизма мотивировалось только идеологией. Он объяснил изменение своей позиции: «Если в конце XIX и начале XX века издания символистов были литературным событием, то за последние десять лет они являлись лишь книжной новинкой, порой — увя! — весьма напоминавшей нечто уже прочитанное раньше. Поступательное движение символизма как литературной школы прекратилось еще в самом начале 10-х годов, когда наметилось и явное вырождение тех основных принципов, которые прежде давали силу символической поэзии. <...> Постепенно выработался шаблон символического стихотворения*: бралось историческое событие, народное сказание, философский парадокс или что-либо подобное, излагалось строфами с „богатыми“ рифмами (чаще всего: иностранного слова с русским), в конце присоединялся вывод в форме отвлеченной мысли или патетического восклицания — и все. Такие стихотворения изготовлялись сотнями, находя хороший сбыт во всех тогдашних журналах, вплоть до самых толстых (за исключением „Русского богатства“), и это машинное производство почиталось самой подлинной поэзией». Со сказанным трудно не согласиться. Труднее — исходя из сегодняшнего знания — принять категорический

* Брюсов относил это и к акменстам, указав в той же статье, что «их новаторские теории не вязались с практикой, а практика ранних акмеистов была чисто символическая».

Журнал «Печать и революция» (1922. Кн. 7) с публикацией статьи Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»
Обложка

вывод, что «символисты за пятилетие 1917–1922 гг. писали стихи, одни совсем плохо, другие — лучше, не хуже прежнего, третьи — даже стихи превосходные сами по себе, но движения вперед в этом не было». «Выше ординара» Брюсов оценил новые стихи Иванова, Волошина и Гумилева, ниже — Сологуба, Белого и Кузмина. Но на общей оценке символизма это не сказалось.

С юности Валерий Яковлевич привык мыслить «школами», сменяющими друг друга в литературе. Это было на пользу при построении «фаланги», но теперь сослужило дурную службу — за школами он перестал видеть поэтов. Многие его послереволюционные отзывы поражают несправедливостью и явной глухотой: «бессильные натуги <...> изложенные стихами, которых постыдился бы ученик любой дельной „студии“» (об Ахматовой);

«автор все учился по классикам и до того заучился, что уже ничего не может, как только передразнивать внешность» (о Ходасевиче); «такая поэзия, чтобы прикрыть свою скудость, нуждается в каких-то внешних прикрасах» (о Мандельштаме). Добро бы речь шла о сборниках Бальмонта и Сологуба, перепевавших себя. Увы, так говорилось о «Подорожнике» и «Anno Domini MCMXXI», о «Путем зерна» и «Тяжелой лире», о «Tristia»...

С этим соседствовали восторги по адресу футуристов и надежды на «пролетарских поэтов», которые в советское время было положено выделять в качестве «генеральной линии» послереволюционной критики Брюсова. Он был не единственным символистом, кто принял футуристов всерьез и отзывался о них с похвалой: Сологуб привечал Северянина, Белый восторгался Маяковским. Категорически не принимали футуристов как раз молодые модернисты вроде Садовского и Ходасевича. Маяковский и Пастернак стали казаться Брюсову наиболее адекватными выразителями новой эпохи. С «пролетарскими поэтами» было сложнее. Георгий Шенгели вспоминал, как «состряпал» эпиграмму, «вспомнив купчиху Писемского, которая любила мужа по закону, офицера для чувств и кучера для удовольствия»:

Валерий Яковлевич, в столице москворецкой,
 Не изменяючи традиции купецкой,
 Любвеобилен был, свои статьи вяя:
 Любил он Пушкина, конечно, — по закону,
 Любил он Казина — для нежных чувств (до стону!)
 И Маяковского для удовольствия.

«К вашей эпиграмме, — парировал Брюсов, — требуется эпиграф и комментарий, без этого она непонятна. Значит, она плоха»*. По форме эпиграмма действительно неудачна. Зато по содержанию она попала «в десятку».

Приняв «диктатуру пролетариата» как социально-политический факт, Валерий Яковлевич считал, что ее естественным следствием станет пролетарская культура, которая «будет отличаться от капиталистической столь же сильно, как христианский Рим от Рима Августа»**. Звучит двусмысленно: он признавал историческую неизбежность смены языческого Рима христианским, но лично симпатизировал первому. Допустим, что симпатии Брюсова были на стороне новой культуры, соответствовавшей общественным реалиям. Но тут начинались вопросы. «Под „пролетарской поэзией“, — писал он в статье „Смена культур“, —

* Шенгели Г. Иноходец. С. 455.

** Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 228.

например, одни разумеют — произведения, посвященные быту и идеологии пролетариата, другие — всё, что пишется авторами-рабочими, третьи — нечто, по форме и содержанию непременно противоположное прежней „буржуазной“ поэзии. Так в число пролетарских поэтов то зачисляют Верхарна, то нет; то включают любого рабочего, скропавшего стишки, то мечтают о какой-то совершенно новой, еще небывалой литературе»*.

«Новые поэты» заявили о себе в 1917 году «Сборником пролетарских писателей» под редакцией Горького, Серебров и Чапыгина. «Чтобы стихи можно было назвать „пролетарскими“, — заметил в рецензии на него Ходасевич, — мало того, чтобы авторы их принадлежали к пролетарскому классу: надо, чтобы самые стихи имели специфически пролетарский характер. <...> Если редакторы сборника выделяют данные произведения в особую группу по некоторому классовому признаку, то в чем-нибудь должен же этот классовый признак выразиться. Должны же эти поэты чем-нибудь отличаться от прочих поэтов русских. Но тут-то и оказывается, что ни у кого из поэтов сборника никакого отличия от прочих поэтов нет. И темы, и настроения, и система образов, и структура стиха их давно известны по созданиям поэтов „не пролетарских“».

В течение следующих пяти лет качественных изменений «пролетарская поэзия» не претерпела, но, пользуясь поддержкой партии, стала претендовать на главенство в литературе. В первом выпуске «Художественного слова» Брюсов поместил статью «Пролетарская поэзия», в которой, однако, не смог четко объяснить, что это такое, даже используя работы своего старого приятеля Фриче — ведущего «красного» эстетика, считавшегося продолжателем Плеханова (Ленина по каждому поводу еще не упоминали). Принципиально значим здесь лишь вывод о том, что мировоззрение важнее происхождения. В статье «Смысл современной поэзии» он признал «пролетарских поэтов» «определенным литературным течением, с определенными художественными и техническими принципами», но не назвал ни одного из них. В обзоре «Вчера, сегодня и завтра» он заявил, что среди «пролетарских поэтов» «уже означились поэты значительного размаха мысли и мастера стиха», приведя в пример Садофьева, Гастева, Кириллова, Герасимова и Казина. Но в слове «завтра» звучало не только признание того, что будущее за ними. Это была надежда, которую предстояло оправдать.

Оправдалась ли она? Пришло ли в литературу поколение талантливых пролетариев по рождению, обладавших особым,

* *Сборник: 1977. С. 171–180 / Публ. К. С. Герасимова; перепеч.: МС. С. 169–177.*

пролетарским менталитетом? Создали ли они самостоятельную и творчески значимую школу? Мы знаем, что — нет. Понимал ли это Брюсов? Рецензии на книги «пролетарских поэтов» показывают, что зоркость изменила ему не до конца. Он выделил группу «Кузница», пояснив: «Может быть, в стихах поэтов других пролетарских групп и гораздо правильнее пересказаны партийные и иные директивы, но стихи-то эти — пока бледны и по прочтении как-то безнадежно забываются». Сделав реверанс в сторону «кузнецов», перешел к делу. «Своей, новой формы поэты „Кузницы“ не создали». «С годами „Кузница“, застыв в традициях школы, оторвалась от жизни». «Нельзя безнаказанно желать быть поэтом и разрушать самое существо поэзии как словесного искусства, которое одно и то же и для буржуазных поэтов, и для пролетарских». Филиппченко, «один из даровитейших поэтов „Кузницы“», «рабски повторяет приемы Уитмена». Стихам Герасимова «вредит пренебрежение поэта к фактуре отдельных стихов». Обрадович «пользуется старой техникой символистов и в этой манере пишет стихи на пролетарские темы». Много ли «в сухом остатке»? Неудивительно, что «кузнецы» остались недовольны*. Кириллов вспоминал, как Брюсов, показав ему банальные любовные стихи одного из «кузнецов», спросил: «Что же здесь пролетарского? Я сам крестьянского происхождения — дед мой был крепостным мужиком, почему же я не могу назваться пролетарским поэтом? Ведь такие стихи ничем не отличаются от стихов, которые в свое время писали мы, символисты. Пролетарским поэтом я могу назвать только такого поэта, который дает новое пролетарское содержание и по-новому его воплощает**».

Последним словом Валерия Яковлевича стала рецензия на книгу Безыменского «Как пахнет жизнь» с предисловием-рекомендацией Троцкого, о несогласии с которым он сразу же заявил: «Чтобы человек с „октябрьскими“ мыслями и настроениями стал „октябрьским поэтом“, надо, чтобы он и то и другое умел претворить в поэзию. Просто переключивать в стихи марксистские положения для этого недостаточно. <...> Я боюсь, что Л. Троцкий поторопился, выдавая такую ответственную рекомендацию А. Безыменскому***».

На что же оставалось надеяться? На молодежь, которая пока ничему не научилась и которую еще можно было чему-то научить.

* *Трубниковский Ф.* Судья лукавый: (Валерий Брюсов и «Кузница») // Рабочий журнал. 1924. № 2. С. 141-145.

** *Кириллов В.* Памяти В. Я. Брюсова. С. 16.

*** Цит. по машинописной копии И. М. Брюсовой; собрание В. Э. Молодякова.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«С ПИФАГОРОМ СЛУШАЙ СФЕР СОНАТЫ»

Мечтой Брюсова оставалось создание «консерватории слова» — государственного высшего учебного заведения для подготовки разносторонне образованных литературных работников: не только поэтов, прозаиков, драматургов и переводчиков, но и редакторов, журналистов, фольклористов и библиографов. Он участвовал в работе различных студий и курсов*, но понимал, что этого мало. Большевицкая власть была падка на новое и небывалое — подобных учебных заведений не было нигде в мире, — но ее требовалось убедить в необходимости такого учреждения если не для «мировой революции», то хотя бы для пропагандистских нужд. Идею активно поддержал Луначарский. Осенью 1921 года между ними состоялся разговор, который запомнила жена наркома:

«— Валерий Яковлевич, наконец, вас можно поздравить, теперь вы победили всех врагов и супостатов.

— Только с вашей поддержкой, Анатолий Васильевич. Без вас все бы провалилось... Надеюсь, вам не придется раскаиваться в том, что так энергично помогали нам; ведь это, в сущности, ваша идея.

— Безусловно. Ну, я уже поздравил вас, можете и вы поздравить меня**». Насчет авторства идеи Брюсов, конечно, польстил собеседнику, но без помощи наркома успех был бы невозможен.

* Включая чтение в 1918/19 учебном году лекций по русской литературе (предложенный курс по истории Древнего Рима был отвергнут) в Социалистической академии общественных наук, созданной декретом ВЦИК от 25 июня 1918 года; к этой работе Брюсов был привлечен в августе 1918 года: *Винокурова Н. Н.* Письма В. Я. Брюсова в Социалистическую академию общественных наук // *Чехия-1962*. С. 401-411.

** *Луначарская-Розенель Н.* Память сердца. Воспоминания. М., 1965. С. 56-57.

Валерий Брюсов
1923

Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ), как называли «консерваторию слова», возник из слияния студии Лито Наркомпроса, курсов Дворца искусств, созданного в 1919 году по инициативе Луначарского, и Государственного института слова, влившееся в его состав в начале 1922 года. ВЛХИ получил помещение Дворца искусств — особняк графов Соллогубов на Поварской (дом 52), известный как «дом Ростовых» из «Войны и мира». Однако институту предшествовало еще одно похожее учебное заведение, недолгая история которого заслуживает упоминания.

Первая государственная профессионально-техническая школа поэтики была создана осенью 1921 года и находилась в коммунальной квартире в доме 24/27 на углу Спиридоновки и Садово-Кудринской улиц*. Ее ректором была Адалис, а среди лекторов значились Брюсов и Сергей Соловьев. Расклеенные

* В ЛЖР существование этой школы не отражено.

по Москве афиши заинтриговали начинающего литератора Владимира Фефера именем ректора: «Мне казалось, что это бородатый символист с горящими, как костер, глазами». Вступительный экзамен свелся к разговору о поэзии, а затем «в течение последующих месяцев учились мы многим заманчивым наукам у людей удивительных». 15 октября начались занятия. «Ни твердого, ни нетвердого расписания занятий сначала не было. <...> Части преподавателей, объявленных в афише, мы так и не видели. <...> Педантично аккуратным был Брюсов. Лишь один-единственный раз, в жгучую метель, он пришел запорошенный снегом с опозданием на 7 минут». Просуществовавшая полгода*, школа стала пробным вариантом «консерватории слова», хлопоты о создании которой в то время вошли в заключительную стадию.

Брюсов вместе с Адалис вел занятия по «вольной композиции» и читал лекции по русской литературе, однако их содержание оказалось гораздо шире. Он «учел особенности нашей, в большинстве не очень грамотной, аудитории и умел находить такую форму лекций и бесед, что они незаметно, исподволь делали из нас культурных людей. Сжатость, конкретность, умение отобрать необходимую предельную дозу излагаемого материала были характерными чертами его сообщений. Он понимал все трудности для многих из нас занятий по специальным дисциплинам, когда элементарные приемы не были еще полностью освоены <...> Общеизвестно, что простота и ясность при популяризации предмета являются следствием глубокого его знания. Этим качеством Брюсов владел в совершенстве. <...> Брюсов был деликатен, он не обрывал, не высмеивал, шутки его были добродушны и не обидны»**. Ученикам просто повезло, а для учителя это была тренировка перед главной работой.

16 ноября 1921 года ВЛХИ был официально открыт. Вступительное слово произнес Луначарский: «Несомненно, что литературное творчество может быть поставлено как предмет преподавания. Этот опыт и взял на себя Наркомпрос, создавая Высший литературно-художественный институт. Опыт крайне тяжелый, ибо это первый опыт во всем мире»***. Затем выступил Брюсов, назначенный ректором: «Гениев — писателей и поэтов из вас здесь, может быть, и не сделают, но литературно образованными людьми, культурными работниками вы будете»****.

* Преобразована в Школу поэтики (техникум) при ВЛХИ под руководством Адалис.

** Фефер В. В. Брюсов в «Школе поэтики». С. 800-803, 812-819.

*** Известия. 1921. № 261. 20 нояб. С. 2.

**** Цит. по: Лазовский П. П. Подвижник мысли и труда // Чтения-1962. С. 338.

Правление ВЛХИ.

Слева направо: Михаил Григорьев, Валерий Брюсов, Петр Коган,
Екатерина Херсонская, Петр Коськин
Июль 1923. ИРЛИ

В особняке на Поварской «многое еще продолжало напоминать о временах Тургенева и даже Пушкина: и штофные обои, и потемневшие картины, и изящная ампириная мебель, и зеркала в золоченых рамах. Но в тихий уютный особняк ворвалась новая жизнь. Пестрая, говорливая толпа студентов наполнила барские хоромы. Здесь были представители различных социальных прослоек, люди разных возрастов и эстетических склонностей». «Тут и вылинявшая красноармейская гимнастерка, и соседствующий с ней серый мундирчик недавнего гимназиста, и затасканная куртка рабочего, и матросский бушлат, и пиджаки, и телогрейки. Тут же, вперемежку, лихо надвинутая буденновка или красная косынка или глубокая — не по голове — огромная кепка*». Одним словом, ничего «буржуазного». Одна из студенток, приехавшая в Москву осенью 1923 года, вспоминала о своем опыте поступления в МГУ: «Девушки непролетарского происхождения повязывали голову красной косынкой, надевали старенькое платье, тапочки на босу ногу и шли держать экзамен в вуз. Я же приехала с юга, где мы не знали никакой мимикрии, где люди всегда стремились хорошо

* Пуришев Б. И. Воспоминания об учителе // *Чтения-1971*. С. 516–517; Лазовский П. П. Подвижник мысли и труда. С. 336.

одеваться. И я вырядилась во все лучшее, что у меня было <...> и в таком виде предстала перед приемной комиссией. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы определить: „Такие, как вы, нам не нужны!“ Я совершенно растерялась, впервые в жизни столкнувшись с таким наивным и поверхностным „классовым подходом“*. Во ВЛХИ, ректор которого всегда ходил в «старорежимном» черном сюртуке, ее приняли без проблем.

«Брюсов стойко делил с нами многие невзгоды, — вспоминал бывший студент, историк литературы Борис Пуришев. — Мы это хорошо понимали и еще больше уважали его за это. <...> Из-за нехватки дров институт отапливался не каждый день. Мы одевались по возможности теплее. Сидели на белых с золотом стульях в полушубках, тяжелых зимних пальто. <...> Брюсов, одетый в шубу, рассказывает нам об античной литературе. Холодно. Вдруг открывается дверь, и заместитель ректора по хозяйственной части торжественно вносит в аудиторию охапку дров. Не мешкая, начинаем разжигать камин. Но дрова шипят, дымят и не хотят гореть как следует. Постепенно комната наполняется едким густым дымом. Сидеть на стульях уже нет никакой возможности. И вот мы садимся на пол, внизу не так дымно, садится с нами и Брюсов, и лекция продолжается»**.

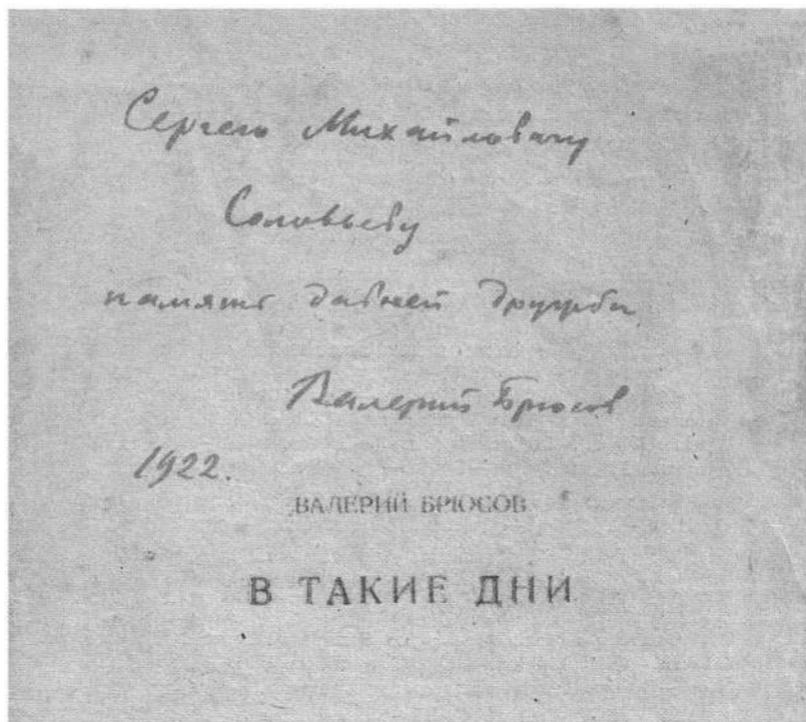
Ректор привлек во ВЛХИ, включавший творческое и инструкторское отделения, лучших специалистов по истории и теории литературы. О «советизации» института Брюсов заботился лишь настолько, насколько это требовалось для его функционирования. Заместителем ректора стал бывший председатель московского Религиозно-философского общества, «талантливый барин-говорун» Григорий Рачинский***, а среди преподавателей был священник Сергей Соловьев, которому Брюсов передал свой курс «Латинский язык в связи со сравнительным языкознанием». В 1922 году они встретились после долгого перерыва: Соловьев подарил Брюсову отдельное издание шуточных пьес своего знаменитого дяди с инскриптом «от старого почитателя и принципиального противника», получив в ответ «В такие дни» как «память давней дружбы»****.

* «Консерватория слова»: Из воспоминаний Е. Б. Рафальской о Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова / Предисл., публ. и примеч. А. Л. Евстигнеевой // *РЛ*. 2001. № 2. С. 188–189.

** *Пуришев Б. И.* Воспоминания об учителе. С. 517.

*** *Стетун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 198. Ср. в письме Белого к Иванову-Разумнику (17 июля 1920): «В Москве искони было два типа заседаний: под лозунгом „караул“ и под лозунгом „ай-люли“; на „караульных“ собраниях председательствовал Брюсов, на „ай-люлийных“ — Рачинский»: *Белый А., Иванов-Разумник.* Переписка. СПб., 1998. С. 207–208.

**** Первая книга: *РГБ*. Ф. 386. Книги. 1371; вторая: собрание В. Э. Молодякова.

Дарственная надпись Валерия Брюсова Сергею Соловьеву на авантитуле книги «В такие дни» (М., 1921): «Сергею Михайловичу Соловьеву память давней дружбы Валерий Брюсов 1922»

ВЭМ

Лекции по древнерусской литературе читал Борис Соколов, по народному творчеству – его брат Юрий, выдающийся фольклорист, по литературе XIX века – Мстислав Цявловский, Валериан Переверзев и мастер на все руки Петр Коган (он же вел обязательный по программе исторический материализм). Античную литературу преподавал сам ректор, западноевропейскую (вводный курс) – Коган, немецкую – Рачинский, итальянскую – Шервинский, французскую – Марк Эйхенгольц, языкознание – Алексей Пешковский, русский язык – Дмитрий Ушаков. Основное внимание уделялось теории литературы и творческим классам, которыми руководили Брюсов (поэзия и курс «Энциклопедия стиха»), Константин Локс (проза и курс «Теоретическая поэтика»), Леонид Гроссман (критика), Владимир Волькенштейн (драматургия) и Рачинский (художественный перевод). Программа не замыкалась на словесности: проректор Михаил Григорьев читал лекции по логике и психологии, Алексей Сидоров – введение в искусствознание, а сам

Валерий Яковлевич факультативно преподавал... историю математики*.

Лекции Брюсова по античной литературе, читавшиеся также в МГУ**, запомнились многим. Они «поражали нас своей удивительной простотой и ясностью. <...> Брюсов как бы брал нас за руку и вводил в мир нетленной древней красоты. И мы словно видели собственными глазами то, о чем он нам рассказывал. Его словам была присуща рельефность и весомость. Были они сродни благородным античным мраморам. <...> Он говорил о древнем Риме так, как будто провел там много лет»***. Наибольший интерес вызывал класс поэзии. От руководства им Валерия Яковлевича отвлекали многочисленные служебные дела, и его заменяла Адалис, не имевшая педагогического таланта и необходимого авторитета, несмотря на покровительство ректора. В 1923/24 учебном году, по воспоминаниям Евгении Рафальской, дело дошло до открытого конфликта, когда студенты заявили: «Мы хотим учиться у Брюсова, а не у Адалис». Тогда Валерий Яковлевич вроде бы вообще отказался вести класс стиха (другие мемуаристы это не подтверждают) и передал его Шенгели****. Сам Георгий Аркадьевич изложил эту историю несколько иначе. «Мы с вами будем чередоваться, как классные дамы, — сказал ему Брюсов летом 1923 года, приглашая на работу в институт. — В этом году вы будете на первом курсе читать энциклопедию стиха, а я вести „класс стиха“ на втором и третьем курсах. В будущем году вы будете вести „класс“ на втором курсе, а я начну энциклопедию на первом и буду заканчивать „класс“ на третьем; в следующем году — наоборот. У вас будут постоянные ученики, у меня — свои»*****.

Как поэта Брюсова любили уже немногие, но уважали как мастера, у которого можно научиться. Стоя выше групп и направлений, он не навязывал студентам свои предпочтения, но разбирал их «творения» аргументированно, доброжелательно — и почти всегда с формальной стороны, хотя ратовал за отображение современности. Например, он «решительно осудил одного из студентов, прочитавшего стихотворение об Арлекине, „тоскующем

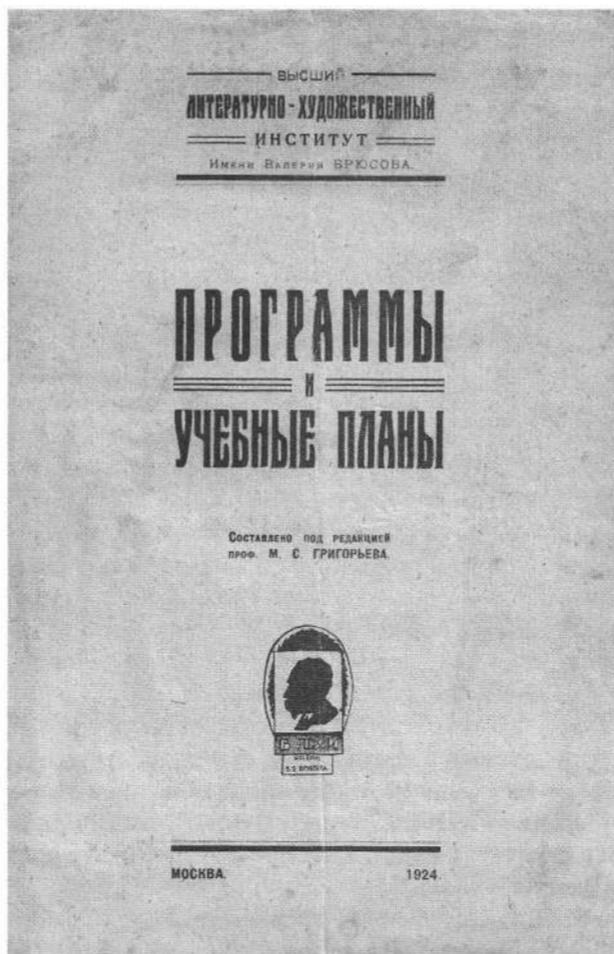
* Высший литературно-художественный институт имени Валерия Брюсова. Программы и учебные планы. М., 1924.

** Курс «Введение в историю античной литературы» в 1929 году был подготовлен к печати бывшим студентом ВЛХИ В. И. Шевченко «по черновым наброскам покойного и записям слушателей, тщательно сопоставляемым и сверяемым между собой», но так и не издан: *Благоволина Ю. П.* Архив В. Я. Брюсова. С. 89.

*** *Пуришев Б. И.* Воспоминания об учителе. С. 517–518.

**** «Консерватория слова». С. 192–194.

***** *Шенгели Г.* Иноходец. С. 457.

Книга «Программы и учебные планы ВЛХИ» (М., 1924)
Обложка

по ритмам». По словам Брюсова, прошло то время, когда существовала в нашей поэзии мода на Арлекинов и Пьеро. Жизнь стала иной, и поэзия стала иной. Ему гораздо больше понравилось стихотворение Степана Злобина о голоде в Поволжье. <...> У стихотворения были свои недостатки <...> и Брюсов не прошел мимо них, но в стихотворении слышался голос самой жизни, и Брюсов указал на это как на большое достоинство*. Разумеется, такой подход не исключал требовательности и строгости. «Однажды, во время чтения стихов, когда один из студентов читал свое

* Пуришев Б. И. Воспоминания об учителе. С. 519–520.

стихотворение — в духе Надсона — и в одном месте употребил выражение „факел просвещения“, Брюсов даже подскочил, всплеснул руками и сказал: „Ну, это уж слишком“*.

Хорошим дополнением к классным занятиям были практические — общение с Есениным, который первым прозвал студентов ВЛХИ «брюсовцами», Маяковским, Багрицким. Сергей Александрович любил приходить в неурочное время, без предупреждения. «Все убегали (с занятий. — В. М.) слушать Есенина. Профессура относилась к таким побегам либерально, не мирился только П. С. Коган. У него чаще других бывали первые часы (занятия во ВЛХИ шли по вечерам. — В. М.). Коган возмущался, разыскивал ректора и почему-то никогда не мог его найти. Знал ли об этих импровизированных вечерах поэзии, срывавших занятия по расписанию, Брюсов-ректор? Я думаю да, знал. И сознательно попустительствовал как поэт**.

Руководство институтом отнимало много времени. «Казалось, у этого человека нет ни одной свободной минуты: все рассчитано», — вспоминал Соловьев***. Брюсов относился к своим обязанностям с обычной серьезностью и аккуратностью, стараясь ничего не упустить. «Мелочей» для него не существовало, о чем говорит следующий пример. 5 августа 1922 года «Известия» сообщили об учреждении при ВЛХИ, по инициативе преподавателя института Ивана Рукавишникова, группы «Орден триолета», целью которой является «изучение строфики и твердых форм, в частности триолета». Через три дня Брюсов послал в газету заявление, что «названный „орден“ ни в коем случае не может считать себя существующим „при“ Литературно-Художественном Институте, так как ни его Правление, ни я, состоящий его ректором, на такую организацию разрешения не давали и даже не были об ней своевременно уведомлены. Среди любителей триолета, устроивших вечер, действительно есть слушатели Института, но действовали они по своему личному почину и связывать свой „орден“ с Институтом не имели никакого права». В личном письме главному редактору он пояснял: «Дело в том, что о руководимом мною Литературно-Художественном Институте уже не в первый раз появляются в печати сообщения, безусловно противоречащие фактам. Обходить их все молчанием мне не представляется возможным, — тем более когда неточные сообщения даются даже читателям „Известий“!».**** Опровержение в печати не появилось: видимо, Брюсов договорился

* Григорьев М. С. Валерий Брюсов в последние годы жизни. С. 22.

** Ясинская З. И. Мой учитель, мой ректор. С. 316.

*** Брюсов-ЖЗЛ. С. 568.

**** НЖ. Кн. 243. С. 171–172; собрание В. Э. Молодякова.

В редакцию «Известий ВЦИК»

Не был, по болезни, несколько дней в Москве, я только теперь ознакомился с заметкой, помещенной в информационном отделе «Известий ВЦИК», где сообщалось о вечере некоего «ордена триолета», причем было сказано, что орден существует «при Литературно-художественном Институте» и что в вечере принял участие также я. Прошу дать место в газете моему заявлению, что 1) включить мое имя в число участников этого вечера я никому разрешения не давал и участвовать в нем не намерен, и что 2) названный «орден» ни в коем случае не может считать себя ^{существующим} «при» Л.-Х. Институте, так как ни его Правление, ни я, состоящий его ректором, на такую организацию разрешения не давали и даже не были об ней своевременно уведомлены. Среди любителей триолета, устроивших

Письмо Валерия Брюсова в редакцию газеты «Известия ВЦИК»
8 августа 1922. Первая страница. ВЭМ

с Рукавишниковым, что деятельность «Ордена триолета» будет протекать вне стен ВЛХИ. Впрочем, она так и ограничилась несколькими литературными вечерами.

«Он не только руководил институтом, — вспоминал бывший заместитель ректора (по выбору от студентов) Александр Корчагин. — Не раз бывал он вынужден во всеоружии отстаивать в кругу работников Наркомпроса право на существование этого института, ибо в то время самый принцип основания литературного вуза многим казался сомнительным»*. Ставший после смерти Брюсова ректором Вяч. Полонский даже при поддержке

* Корчагин А. Из воспоминаний о Брюсове // Чтения-1971. С. 629.

Луначарского не смог спасти ВЛХИ: в конце марта 1925 года было объявлено, что институт переводится в Ленинград, а уже в июне он был закрыт. С 1925 по 1930 год на его «руинах» действовали Высшие государственные литературные курсы (там учились Даниил Андреев и Арсений Тарковский), но заменить ВЛХИ они не могли.

Отличительной особенностью института было активное участие студентов во всех сферах жизни: они «входили в состав академического совета, предметных комиссий, приемных комиссий, с их мнением считалась администрация»*. Одни, как поэт и стиховед Михаил Малишевский, привлекались к преподаванию, другие — к хозяйственной работе, требовавшей, в условиях вечной нехватки всего, энергии и «грубой силы». Известны случаи принятия во ВЛХИ без экзаменов: осенью 1921 года Брюсов, по рекомендации Фриче, зачислил в институт (точнее, сначала в школу поэтики) будущего члена-корреспондента АН СССР Леонида Тимофеева**, год спустя — армянских поэтов Егише Чаренца и Геворга Абова*** («национальным кадрам» уделялось особое внимание).

Знавшая Брюсова по ВЛХИ лишь в последний год его жизни, Рафальская утверждала, что ректор «к большинству студентов относился с какой-то неодобрительной иронией», признавшись, однако, что «время моего учения в институте было временем развенчания в моей душе Брюсова»****. Видимо, всё дело в этом, потому что другим запомнилась совершенно иная картина. «Меня всегда поражала забота Валерия Яковлевича о студентах, — говорил через тридцать лет после его смерти бывший парторг института Иван Козлов. — И неизменно поражала его редкостная деликатность и даже какая-то стеснительность со студентами. <...> Авторитет Брюсова был велик, а доступен он был для всех»*****. «При всяком обращении нас, студентов, к Валерию Яковлевичу лицо его из сурового, сосредоточенного, порой как будто сердитого — делалось ласковым, излучающим скрытую нежность. Казалось, он готов сделать для нас все, что может. И он действительно делал все и для самого института <...> и для каждого из нас в отдельности», — вспоминал выпускник ВЛХИ Павел Лазовский. В доказательство два эпизода из его воспоминаний.

* «Консерватория слова». С. 190. Описание жизни студентов ВЛХИ: *Смирнова-Козлова А. В Брюсовском институте*. М., 1998.

** *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 552–553 / Публ. Н. А. Трифонова.

*** *Абов Г. Воспоминания о Чаренце // Вместе с Чаренцом*. Ереван. 1961. С. 128–132.

**** «Консерватория слова». С. 192.

***** Цит. по: *Смирнова-Козлова А. В Брюсовском институте*. С. 20.

«При поступлении в институт мы сдавали коллоквиум по некоторым общеобразовательным предметам. В это время в аудиторию вошел Валерий Яковлевич. Мой сосед что-то замялся при решении алгебраической задачи. Заметив угрожающую молодому поэту заминку, Брюсов пододвинул к себе листок с условием задачи, решил ее и, передавая решение соседу, тоном извинения тихо проговорил:

— Вот как нужно решать, видите: ничего трудного нет. Почему вы замялись — не пойму».

«Не помню уж по какому случаю у нас была организована скромная вечеринка. Участников было мало — не все знали о ней. В разгар веселья, когда между танцами и песнями затеяли какую-то игру, чуть ли не детскую, вроде „кошки-мышки“, в аудитории незаметно появился Валерий Яковлевич. Он остановился у двери, с любопытством наблюдая за игрой. Одна из студенток втянула его в эту игру. И Валерий Яковлевич, забыв свое положение, отбросив всякую официальность, принял самое деятельное участие в нашем веселье. Он бегал, ловил, увертывался, приседал и заразительно смеялся при всякой удаче. По всему было видно, что он чувствует себя с нами хорошо, проявляя непринужденную простоту»*. Неудивительно, что после празднования его пятидесятилетия в Большом театре, уже в час ночи, он приехал во ВЛХИ на студенческий банкет. «Все обрадовались и несколько удивились, что он так быстро покинул общество „больших людей“.

— А мой отчий дом как раз здесь, среди вас! — объяснил Валерий Яковлевич. Как же весел, обаятелен, остроумен и чистосердечен, ясен и молод душой почти до детской наивности был Брюсов в ту юбилейную ночь!»** Днем раньше, выступая с ответной речью на своем юбилее в ГАХН, он вспомнил книгу «одного из молодых символистов» «Возвращение в дом отчий», сказав, что переживает сейчас нечто подобное. Судя по приведенным воспоминаниям, он имел в виду не марксизм с коммунизмом, а нечто иное. Тем более, что автором книги «Возвращение в дом отчий» был Сергей Соловьев.

За четыре года ВЛХИ подготовил около девяноста выпускников, а многие студенты младших курсов продолжили образование в МГУ. «Гениев» среди них не оказалось, но было немало известных, талантливых и очень разных литераторов: прозаики Сергей Бородин, Степан Злобин, Иван Катаев, Лев Шейнин; поэты Елена Благинина, Николай Дементьев, Василий Наседкин,

* Лазовский П. П. Подвижник мысли и труда. С. 343, 345.

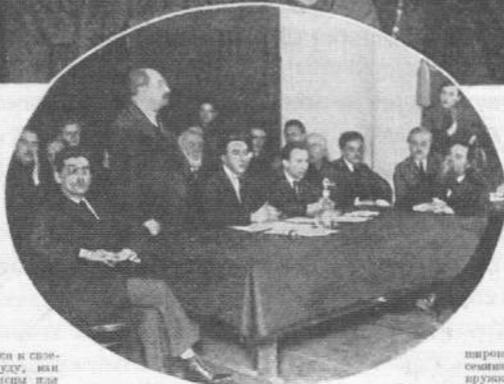
** Ясинская З. И. Мой учитель, мой ректор. С. 317.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА.

Состоится первый выпуск студентов ВЛХИ (Высш. Литературно-Художественного Института). Это, несомненно, важное событие на нашем культурном фронте, достигаем быть отмеченным.

Институту удалось привлечь Валерия Брюсова. Считаю, что художника слова должны так же систематически и планомерно готовиться к своему творческому труду, как инженеры, юристы или учителя, доводя свой надличностный опыт до необходимости создания «Академии поэтов», «Консерватории слова», и в которой будущие специалисты,

Первый выпуск ВЛХИ. Вверху — группа выпускников; внизу — торжественное заседание ВЛХИ; Нарком просвещения т. Луначарский произносит речь.

литературное образование на нашем высшем фундаменте и с целью изыскать творческое отделение в специализации, проза и драматургия, критико-исследовательские отделы, художественного перевода, литературной пропаганды и других. Для практической работы студентов широко проводится система семинаров при отдельных кружках и мастерских, руководимых художниками слова; для углубленной разработки специальных научных вопросов при Институте имеются два ис-

Первый выпуск ВЛХИ им. Брюсова.

Вверху — группа выпускников. Внизу — нарком просвещения Анатолий Луначарский произносит речь на торжественном заседании
Фотографии из журнала «Красная нива» (1925. № 17)

Иван Приблудный, Михаил Светлов; литературоведы Николай Вильям-Вильмонт, Сергей Макашин, Борис Пуришев, Леонид Тимофеев; очеркисты Борис Агапов, Иван Козлов и Иван Рахилло; переводчики Иван Кашкин и Рита Райт-Ковалева.

В 1921 году Брюсов стал профессором литературно-художественного отделения факультета общественных наук (бывшего историко-филологического) 1-го МГУ (2-м МГУ назывался будущий МГПИ, ныне МПГУ), где читал лекции по истории древнегреческой литературы (1921/22 учебный год), римской литературы (1923/24 учебный год) и новейшей русской литературы (1922/23 и 1923/24 учебный годы). Последний курс поначалу ограничивался дореволюционным периодом, а в список пособий входили книги не только Луначарского, Плеханова и Когана, но также Анненского, Белого, Венгерова и самого лектора («Далекое

и близкие»). В следующем году курс пришлось распространить на послереволюционные годы, а место Анненского занял Фриче. «Поэзия в курсе значительно преобладала над прозой. Символизм рассматривается как начало новейшей литературы и ее „период“ — не одно из направлений, а целый период, когда всё остальное мыслится не важным. <...> Относя символизм к прошлому, Брюсов, судя по списку „пособий“, все-таки отводил ему в лекциях львиную долю времени. Это ведь был уже курс истории литературы, пусть новейшей, и Валерий Яковлевич свое прошлое, прошлое своих литературных товарищей не предавал. Вряд ли такие содержание и структура курса вполне устраивали большевистские власти. <...> Брюсов, даже вступив в большевистскую партию, избегал называть себя марксистом, хотя марксистскую теорию освоить старался. Его статьи 1920-х годов свидетельствуют о масштабном историзме и своеобразном социологизме брюсовского мышления, но все же весьма далеких от марксизма и особенно от вульгарного социологизма, захватывавшего тогда литературоведение»*.

Не чуждался Валерий Яковлевич и организационной работы, из которой принято вспоминать лишь согласие с увольнением психолога Георгия Челпанова как «идеалиста». Он выступал за рационализацию усложненных и бюрократизированных (бич советского государственного аппарата всех уровней!) структур и учебных программ, интересовался проблемами не только высшего, но и среднего образования — ведь с 1923 года в университет «принимались почти исключительно окончившие рабфаки», т. е. люди без нормального среднего образования, но «желательные в составе студенчества». Не возражая против этого в принципе, Брюсов призывал заняться подготовкой «профессоров-марксистов по таким важным отраслям знания, как история литературы, языкознание, археология, искусствоведение»**. Он действительно заботился о профессиональных кадрах и едва ли предвидел массовый приход на кафедры полуграмотных начетчиков, как это произошло вскоре после его смерти.

Занятость преподавательской, научной и административной работой, а также рецензиями и обзорами для «Печати и революции»*** не означала отхода от поэзии. Напротив, именно

* Кормилов С. И. В. Я. Брюсов и Московский университет // *Чтения* 2002. С. 5–22.

** Отчет В. Я. Брюсова, члена Моссовета, бил. 840/1492, прикрепленного к Ф. О. Н. 1-го МГУ (октябрь 1923): *ЛН*. Т. 85. С. 251–254 / Публ. Н. А. Трифонова.

*** Переписка с редакцией журнала «Печать и революция» (1920–1923) / Вступ. ст., публ. и коммент. Т. В. Анчуговой // *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 572–582.

в это время Валерий Яковлевич предпринял масштабный эксперимент — создание «научной поэзии» в сборниках «Дали»* (июнь 1922), «Меа»** (вышел в день его похорон) и задуманном «Planetaria. Стихи о нашей планете»***. «Поздний Брюсов старался разрабатывать — в одиночку — ни много ни мало как новую систему образного строя, которая могла бы лечь в основу всей поэтики новой эпохи человеческой культуры, начавшейся мировой войной и русской революцией. Эту поэтику он представлял себе по образцу античной поэтики, а в основе образного строя античной поэтики лежал мифологический пласт, мифологическая картина мира, на которую всякий раз достаточно было мгновенной отсылки через упоминание какого-нибудь имени или названия. Мифологическую картину мира Брюсов заменил научной картиной мира, т. е. составленной из терминов точных наук, из исторических имен и географических названий. (Отсюда его термин „научная поэзия“.)»****

«Дали» — возможно, самая цельная книга Брюсова, подчиненная одной задаче. Понимая непривычность своей новой манеры для советского читателя, автор разъяснял в предисловии: «Стихам, собранным в этом сборнике, может быть сделан упрек, что в них слишком часто встречаются слова, не всем известные: термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события. Автор, конечно, должен признать этот факт, но не может согласиться, чтобы все это было запретным для поэзии. Ему думается, что поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же мирозерцанием. <...> Как ученый должен отдавать свои силы исследованиям, назначенным для специалистов, так художник может работать над темами, обращенными к более узким кругам. Вообще можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же; различны лишь методы».

* Адалис утверждала, что Брюсов посвятил ей сборник стихов. Книги с таким формальным посвящением не существует, но, по предположению Р. Л. Щербакова, это сборник «Дали», поскольку Брюсов дал возлюбленной имя «Даль» и звал ее так в узком кругу: Щербаков Р. Л. Текстологические победы и поражения // *Чтения-1996*. С. 74–75.

** Авторский перевод: «спешн» (лат.). Однако это слово можно перевести как «мое» или «по-моему» (лат.).

*** Предисловие к неосуществленному сборнику стихов «Planetaria» // *ЛН*. Т. 85. С. 236–239 / Публ. К. С. Герасимова.

**** *Гаспаров М. Л. Академический авангардизм: Природа и культура в поэзии позднего Брюсова*. М., 1995. С. 28–29.

С конца 1921 года Брюсов много общался с физиками и математиками, расспрашивая их о последних достижениях науки и обсуждая ее философские аспекты. Племянник Иоанны Матвеевны Андрей Рихтер сообщил, что «летом 1922 года, отдыхая в Буркове*, Брюсов часто беседовал с проф. Богоявленским — руководителем находившейся там биостанции МГУ. Круг вопросов, которые затрагивали при этом поэт и ученый, был очень широк. <...> Брюсов <...> рассказывал Богоявленскому, как он стремился, изучая работы ученых и консультируясь с московской профессурой, создать себе ясное представление о микромире и, в первую очередь, о строении атома, с какими трудностями столкнулся он при этом. <...> Теперь у него создано определенное понятие о строении атома, и он мечтает посвятить этой теме стихи**». Так появилось стихотворение «Мир электрона», написанное 13 августа 1922 года:

Быть может, эти электроны —
 Миры, где пять материков,
 Искусства, знания, войны, троны
 И память сорока веков!
 Еще, быть может, каждый атом —
 Вселенная, где сто планет;
 Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
 Но также то, чего здесь нет...

Полтора года спустя появилось стихотворение «Мир N измерений»:

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
 Мимо них где путь? Засов закрыт.
 С Пифагором слушай сфер сонаты,
 Атомам дли счет, как Демокрит.
 Путь по числам? — Приведет нас в Рим он
 (Все пути ума ведут туда!).
 То же в новом — Лобачевский, Риман,
 Та же в зубы узкая узда!
 Но живут, живут в N измереньях
 Вихри воль, циклоны мыслей, те,
 Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
 С нашим шагом по одной черте!
 Наши солнца, звезды, всё в пространстве,

* Деревня под Москвой, где Брюсовы снимали дачу еще в 1915 и 1916 годах.

** Рихтер Н. А. В семье Брюсовых. С. 191; автор использовал свидетельства своих братьев Георгия (Юрия) и Андрея.

Вся безгранность, где и свет бескрыл, —
Лишь фестон в том праздничном убранстве,
Чем их мир свой гордый облик скрыл.
Наше время — им чертеж на плане.
Вкось глядя, как мы скользим во тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.

Ни «сфер сонаты», ни «боги» в рамки «совлита» не помещались, да и Пифагор присутствует здесь не как автор известной теоремы. «Пифагор учил о „музыке сфер“», — академически сообщил Брюсов в примечании. В стихотворении «Мы и те» речь тоже идет не только об истинности гелиоцентрической системы Пифагора в сравнении с геоцентрической системой Птолемея:

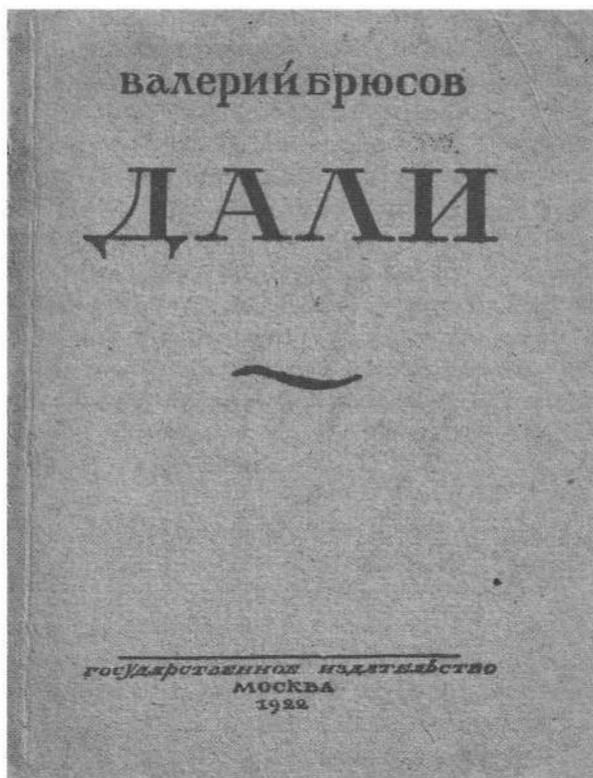
Велика ли корысть, что из двух соперников древности
Пифагором в веках побежден Птоломей...

Здесь говорится о победе Посвященного над непосвященным, сакральной науки над профанической. То же самое находим у Бенедикта Лившица, стихотворения которого этих лет часто перекликаются с брюсовскими, хотя прямых контактов между поэтами тогда не было:

И все-таки системы Птолемея
Не признаю ни в жизни, ни в стихе!

О «научной поэзии» Брюсова писали много, особенно после его смерти. То провозглашали ее продолжением традиций Лукреция, Джордано Бруно и Ломоносова, то сводили к попыткам реализовать путаные построения Рене Гийя (его писания о «научной поэзии» Валерий Яковлевич пропагандировал еще в «Весах»), который, однако, сам не преуспел в практическом воплощении своих теорий. Спорили, есть ли у «научной поэзии» принципиальные отличия от всякой другой, могут ли проблемы и достижения науки быть полноправным источником поэтического вдохновения наряду с более традиционными, достаточно ли коснуться этих тем в стихах или надо обладать особым мировоззрением. Более узко вопрос ставился так: удалось ли Брюсову создать «научную поэзию» и можно ли считать эти опыты творческим достижением?

Отзывы современников о «Далях» были неутешительными. «Спиралей пляску, друг, давно понять пора нам...», — гаерствовал в «Правде» Демьян Бедный, войдя в роль Буренина. «В книге

Книга Валерия Брюсова «Дали» (М., 1922)
Обложка

есть всё, — иронизировал Шершеневич, — отзвук правильных мыслей (в предисловии), отзвук достижений футуризма (ритм и созвучия), имажинизма (грамматика), нет только одного — понимания, зачем это делается»*. «Мало вводить научные термины в поэтический лексикон, нужно еще научное мировосприятие, что как раз и отсутствует у автора, несмотря на всю его начитанность и эрудицию»**. Лишь немногие считали, что поэт «нашел и новые мысли, и новые формы для своих новых стихов»*** и что «он стоял на пороге какой-то новой дороги»****. Мочульский назвал «научную поэзию» «убийственной затеей»: «Из сочетания „научности“ с „конструктивностью“ вырастают самые

* Цит. по: ЛЖР. Т. 1. Ч. 2. С. 467.

** Студенческая мысль (Саратов). 1923. № 3/4. С. 52 (В. А. Сушицкий; подпись: В. С.).

*** Коммуна (Калуга). 1922. № 224. 4 окт. С. 3 (В. Корнеев; подпись: В. Кор).

**** Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2000. С. 398.

чудовищные из его произведений)*. Один из наиболее образованных «комсомольских поэтов» Виссарион Саянов, сетуя на обилие непонятных слов в поздних стихах Валерия Яковлевича, честно признался, что они «подорвали уважение к поэзии Брюсова у людей нашего поколения»**.

Говорить от имени целого поколения ему не стоило. Очень высокую оценку позднему творчеству Брюсова дал поэт и критик Игорь Поступальский, энтузиаст, считавший «научную поэзию» особенно созвучной «эпохе социалистической реконструкции». Назвав «Дали» «книгой творческого подъема», он поставил в заслугу автору увлечение теорией относительности и космической тематикой, включая проблему контактов с внеземными цивилизациями***. Поступальский утверждал, что, несмотря на «срывы», т. е. отступления от канона, определявшегося в то время «Диалектикой природы» Энгельса, «заслуги Брюсова не могут быть умалены никакими неудачами» и что он «уже вплотную подходил к пролетарской философии»****. В смягченной форме эта трактовка пережила второе рождение в 1960–1970-е годы, когда вера в научно-технический прогресс приняла в СССР почти религиозный характер: «Мы вправе назвать Брюсова <...> Циолковским русской поэзии»*****. Критикуя выпущенный в 1957 году в серии «Библиотека советской поэзии» томик Брюсова (по составу действительно очень неудачный), К. С. Герасимов писал: «В сборнике, составлявшемся в то время, когда наши ученые ставили на службу миру и прогрессу энергию атома, именно в тот 1957 год, когда они осуществили беспримечный в истории научный подвиг — запуск первого в мире искусственного спутника Земли, — не нашлось места ни поэтическому провидению Брюсовым „архимедова рычага“ „расщепленного атома“, ни его пророческим стихам о завоевании космоса — первым в нашей поэзии»*****. Такой Брюсов нашел отклик у новых поколений поэтов — даже у тех, кому остались чужды его релятивистские «срывы» и новаторские приемы.

Авторы, далекие от техникстских настроений, относились к его исканиям более строго. Отметив, что «идея включения

* Мочульский К. Валерий Брюсов. С. 180–181.

** Саянов В. Валерий Брюсов // Брюсов В. Стихотворения. Л., 1959. С. 34.

*** В начале 1920-х годов Брюсов работал над повестью «Первая междупланетная экспедиция»: ЛН. Т. 85. С. 103–113 / Публ. Вл. Б. Муравьева.

**** Поступальский И.: 1) К вопросу о научной поэзии // Печать и революция. 1929. № 2/3. С. 61–65; 2) Поэзия Валерия Брюсова. С. 90–116.

***** Герасимов К. С. Научная поэзия Брюсова // Чтения-1962. С. 89–126 (цит. с. 119); Ларцев В. Г. Научная поэзия В. Брюсова // Ларцев В. Г. Поэзия и наука. Самарканд, 1974. С. 53–75.

***** Герасимов К. С. Книга стихов В. Я. Брюсова «Меа» // Чтения-1973. С. 144.

в сферу поэзии научного материала должна быть признана плодотворной» и что «поворот внимания к поэтической стороне науки, попытка воссоздания на современной основе синкретического поэтически-научного мышления <...> — неоспоримая заслуга Брюсова», Д. Е. Максимов вынес суровый приговор его стихам: «Поэзия в них мелькает от случая к случаю, скрываясь за горами научной номенклатуры и вздыбленным синтаксисом. <...> Он намеренно строил свои стихи 1922–1924 годов на принципе стилистической какофонии, ритмических переборах, синтаксических разрывах, тяжелых скоплениях согласных»*. Результатом стали неудобнопроизносимые головоломки вроде:

Так растопчем, растопчем гордость неоправдаваемую!
 Пусть как молния снидет из тьмы ночи ловец —
 Брать наш воздух, наш фосфор, наш радий, радуя и мою
 Скорбь, что в мире смирил умы не человек!

Это трудно понять, не то что полюбить.

Художественная неудача многих стихов «Далей» — книги поисков, но не обретенных — могла поставить под сомнение искания Брюсова в целом, но «Меа» «реабилитирует» их, хотя и здесь хватает невыговариваемых строк. «Всего в сборнике 7 разделов, различающихся постепенным расширением поля зрения: душа („Наедине с собой“); пространство — окрестность („В деревне“), земной шар („Мысленно“); время — советская современность („В наши дни“), мировая история („Из книг“); пространство и время как общие категории бытия („В мировом масштабе“); и „Бреды“. Логика этих семи разделов затемнена их перетасовкой, отчасти в заботах о контрастной резкости, отчасти в ответ на идеологические требования (советскую современность в начало, душу — в конец)**». В книге немало творческих удач, в том числе из области «научной поэзии». «Восхождение вечно, воля неугасима, дух несокрушим, — признал даже Мочульский. — <...> На этой высокой ноте голос его обрывается***. Но о том, что «глаза в полстолетие партдисциплине не обучены», можно было написать лишь в «Бредах».

Отклики на сборник определялись тем, что он оказался *последним*: «Меа» рассматривали или в духе формальной школы, или в рамках «научной поэзии»****. Поэтому немалый интерес

* Максимов Д. Е. Брюсов. Поэзия и позиция. С. 236–238.

** Гаспаров М. Л. Академический авангардизм. С. 28.

*** Мочульский К. Валерий Брюсов. С. 182.

**** Красная новь. 1924. № 7/8. С. 382–383 (К. Н. Лаврова); Шувалов С. В. Последние песни Брюсова: (Стилистический анализ сборника «Меа») // Шувалов С. В. Семь поэтов. М., 1927. С. 159–176.

представляют пометы Вадима Шершеневича на 20 из 57 стихотворений в принадлежавшем ему экземпляре книги*. Он не пришел на чтение Брюсова 17 декабря 1923 года, но написал ему «не поздравительное, а искреннее письмо»: «Мне очень грустно, что уже долгое время мы в силу литературных условий оказываемся как бы по две стороны баррикад искусства. Но даже при этом положении я ни одной секунды не забываю, что только Вы и Ваше искусство помогли мне выучиться писать стихи. Мне очень горько, что среди целого ряда Ваших учеников я оказался в положении одного из наиболее Вами не любимых»**. Видимо, поэт написал это в грустную минуту, поскольку говорить о нелюбви Брюсова к нему нет оснований. Более того, услышав в 1919 году стихотворение Шершеневича «Есть страшный миг...», Валерий Яковлевич сказал ему: «По-настоящему хорошо! Завидно, что не я написал! Может, поменяемся? Отдайте мне это, а я вам в обмен дам пяток моих новых»***. За этой шуткой видно несомненное уважение — Вадим Габриэлевич знал, каким строгим критиком был его собеседник.

Разбирая чужие стихи, Брюсов обращал особое внимание на рифмы. Так же поступил и Шершеневич: исправно подчеркивал «атлантидины — неиденный», «млечности — меч нести», «изодранным — хорда нам», написав на полях «прекрасные, хотя и вычурные рифмы» («СССР»). В книге заметно влияние футуристов, поэтому в маргиналиях встречаются «кто-то из футуристов — не Третьяков ли?» («Эры») и... «бедный Хлебников» («Тетрадь»). Против строк из стихотворения «Явь»:

Колбы, тигли, рефракторы, скальпели
Режут, лижут, свежат жизнь... а <вот>
Явь — лишь эти за окнами капли и
Поцелуй в час полночных свобод.

полемическое замечание: «А сам критиковал за это футуристов. См. статьи Брюсова о предложениях в конце строк»****. Против концовки стихотворения «Мировые спазмы» он написал

* Собрание В. Э. Молодякова.

** ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 564 / Публ. Н. А. Трифонова.

*** Мой век, мои друзья и подруги. С. 446. В этом издании и в перепечатках из него первая строка стихотворения Шершеневича приведена с ошибкой: «мир» вместо «миг».

**** В тексте «Меа» в третьей строке опечатка: в конце пропущено слово «вот». В записи исправлены две описки: «этот» вместо «это», «Брюсову» вместо «Брюсова». Шершеневич имел в виду статью «Новые течения в русской поэзии. Футуристы» (1913), где критикуются подобные рифмы у Маяковского.

7

Я В Ъ

Опрокинут, распластан, рассужден врозь
 Призрак мира от солнц до бацилл...
 Но в зрачки, в их тигриную суженность,
 По заре серый дождь моросил.

Там по памяти, в комнатах замкнутых,
 Бродят цифры, года, имена...
 А голодный крестьянин в глаза кнутом
 Клячу бьет от пустого гумна.

Сны вершин в бармах Фета и Тютчева,
 В кружевах Гете или Малларме...
 Но их вязь — план чьей драмы? этюд чего?
 Их распев — ах, лишь в нашем уме!

День Флориды — ночь Уэллса. Но иначе —
 Изотермы жгут тысячу тел:
 Топчут Гамлета Хорь-и-Калинычи,
 Домби дамбами давят Отелл.

Говори: это — песня! лениво лги
 Там, в тетради, чертами чернил;
 Но, быть может, писк муромской иволги
 Кровью каплет в египетский Нил.

Колбы, тигли, рефракторы, скальпели
 Режут, лыжат, свежат жизнь... а
 Явь — лишь эти за окнами капли и
 Поцелуй в час полночных свобод.

1923

*а сам критикован
 за эти фразы
 с. статьи Брюсова
 о философии и поэзии
 статьи*

Маргиналии Вадима Шершеневича на полях книги
 Валерия Брюсова «Меа» (М., 1924)
 ВЭМ. Публикуется впервые

«переве Бальмонта по сути», а над «Песней девушки в тайге» —
 «хорошо, как молодой Брюсов».

13 декабря 1923 года Валерию Яковлевичу исполнилось
 пятьдесят. Через два дня он закончил стихотворение «Пятьде-
 сят лет», полное ощущением прожитого и страстно устремлен-
 ное в будущее:

Где я? — высоко ль? —
 полвека — что цоколь;

что бархат — осока
низинных болот.
Что здесь? — не пьяны ль
молчаньем поляны,
куда и бипланы
не взрежут полет?..

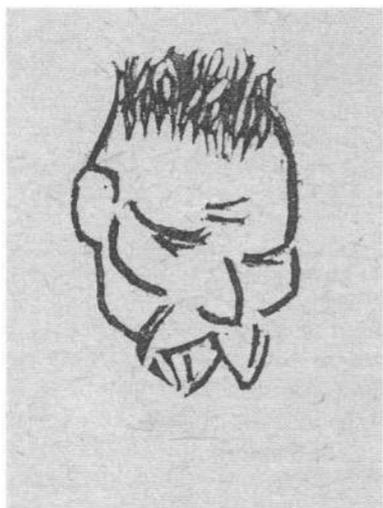
Беден мой след!
ношу лет
знать — охоты нет!
ветер, непрошен ты!
Пусть бы путь достигнуть
мог до больших границ,
прежде чем ниц
ринусь я, сброшенный!

Пятьдесят лет —
пятьдесят веж;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц...
Еще б этот счет! всход вперед!
и пусть на дне —
суд обо мне
мировых сплетниц!

В день рождения Брюсова Луначарский от имени коллегии Наркомпроса подал в Президиум ЦИК СССР официальное ходатайство о награждении поэта орденом Трудового Красного Знамени, упомянув во-первых «его выдающиеся поэтические произведения, представляющие собою несомненно бессмертный вклад в русскую поэзию» и только в-четвертых его членство в партии: «самое наличие его в наших рядах при его европейской известности является, конечно, для нас значительным политическим плюсом»*. «Вечерняя Москва» поинтересовалась у «видных представителей советской литературы и общественности», заслуживает ли Брюсов ордена. «Видные» единодушно ответили, что не заслуживает, и с ними пришлось считаться. Кто же эти судьи? Единственный литератор-орденоносец Демьян Бедный, партийный журналист Лев Сосновский, будущий глава РАПП Леопольд Авербах, бывший акмеист, а ныне партиец и издательский работник Владимир Нарбут**. Альтернативной

* ЛН. Т. 82. С. 262-263 / Публ. Л. М. Хлебникова.

** Наркомпрос хлопочет об ордене Трудового Красного Знамени для Валерия Брюсова. Правильно ли это? (Анкета «Вечерней Москвы») // Вечерняя Москва. 1923. № 8. 14 дек. С. 3.

Валерий Брюсов
 Шарж Н. Т.
 (вырезка из неустановленного издания).
 1923/1924. ВЭМ

Валерий Брюсов
 Карикатура А. Блохина
 из журнала «Зори»
 (1923. № 5)

Валерий Брюсов

Стихи, статьи и переводы
 За томом том, за томом том..
 Воспеть море, горы, воды,
 А много и воды при том,
 Видали-ль вы поэтов... штатных?
 Он заслужил, прожив пол-ста
 Количеством листов печатных
 Пучек лаврового листа.

Рр.

кандидатурой называли Серафимовича: в начале года ему исполнилось 60 лет, но хлопотать за него нарком не стал.

Не берусь судить, насколько тяжело переживал Брюсов отказ в ордене, но развязные выпады были ему, конечно, неприятны. Почувствовавший себя лично уязвленным, Луначарский добился награждения юбиляра грамотой ВЦИК РСФСР с объявлением ему «благодарности Рабоче-Крестьянского Правительства» и сам составил ее текст*. Он же стал почетным председателем юбилейного комитета из 54 человек, где Белый и Поляков-«скорпион» соседствовали с Каменевым и секретарем ЦИК СССР Енукидзе, Есенин — с Немировичем-Данченко, Фриче — с Пильняком**. Первое чествование прошло 16 декабря в здании ГАХН в виде совместного заседания этой академии, ВЛХИ, Общества любителей российской словесности, Всероссийского союза писателей и Союза поэтов. Луначарский председательствовал и сказал вступительное слово. Сакулин прочитал доклад «Классик символизма», Цявловский — «Брюсов-пушкинист», Гроссман — «Брюсов и французские символисты», Рачинский — «Брюсов и ВЛХИ» (институту было официально присвоено имя основателя), Шервинский — «Брюсов и Рим»***. Ответную речь юбиляр начал со... спора с докладчиками, говорившими о нем, как ему показалось, в прошедшем времени: «Очень лестно и почетно быть объектом таких отпеваний, но играть роль немой тени**** все-таки очень тяжело, особенно когда чувствуешь себя способным говорить, а не совсем еще онемелым». Это необычное для юбилея заявление несколько оживило собравшихся. А случайно проходившему в тот вечер мимо здания ГАХН, уже после заседания, Петру Зайцеву запомнилась одинокая фигура «именинника», тщетно пытавшегося найти в холодной и слякотной ночи извозчика: о такой «мелочи» устроители не позаботились*****.

Главное торжество было на следующий день в Большом театре: доклад Луначарского, акт из переведенной Брюсовым «Федры» Расина***** в постановке Таирова, ставшей крупным событием в истории послереволюционного театра*****.

* Валерию Брюсову. М., 1924. С. 77.

** Там же. С. 85.

*** Там же. С. 19–53.

**** Реминисценция стихотворения Фета «На пятидесятилетие музы» (1889), которое он перед этим процитировал.

***** Зайцев П. Н. Воспоминания. С. 216–217.

***** Расин Ж. Федра / Пер. В. Брюсова. М.; Л., 1940.

***** Премьера (в главной роли — А. Г. Коонен) состоялась 8 февраля 1922 года. Отклики: Луначарский А. Камерный театр. «Федра» // Известия. 1922. № 33. 11 февр. С. 3; Бескин Э. «Федра» // Театральная Москва. 1922. № 27. 14–19 февр. С. 13–14; Игнатов С. «Федра» в Московском камерном театре. М., 1925. См.: Коонен А. Страницы жизни. М., 1975. С. 270–276, 284–286. Пьеса прошла 29 раз в сезоне 1921/22 года, 9 раз в сезоне 1922/23 года, 10 раз в сезоне 1923/24 года, не считая гастролей.

и две сцены из «Земли» в постановке Театра Мейерхольда — специально для данного случая. Из-за грамоты ВЦИК и речи наркома, в которой не было ничего специфически «официозного»*, чествование принято считать казенным и печальным. Очевидцы вспоминали, что на пожелания новых юбилеев именинник хмуро отвечал: «Нет, уж довольно одного!». «Юбилей сумели превратить в пытку, — утверждал Асеев. — Никто из бывших соратников не „удостоил“ чествовать действительно же большого поэта и крупнейшую культурно-поэтическую фигуру начала столетия. Швырявшие стулья в начале его поэтической деятельности не посмели этого сделать, конечно, теперь. Но они оставили пустыми эти стулья как знак своей мести, как символ проклятия „отступнику“ от их традиций»**.

Говоря об отсутствующих, уместно вспомнить фразу «иных уж нет, а те далече»: Горький, участие которого официально объявлялось, находился в Германии, Иванов — в Баку, Волошин — в Коктебеле, Сологуб и Кузмин — в Петрограде, Бальмонт — в эмиграции, Блок и Гумилев — в мире ином. Не было Белого, недавно вернувшегося из Берлина, но был Чулков. В ложе сидел литовский посланник Балтрушайтис. Фриче заболел, Чуковский не смог приехать, Шершеневич не явился «совершенно сознательно», хотя все трое тепло поздравили Брюсова в письмах. «Как и в дни моей молодости, имя Валерий Брюсов — для меня прекрасное имя, которым все мы, пишущие, вправе гордиться», — заключил свое послание Корней Иванович***.

Поздравлений было много, опубликованных и неопубликованных, официальных и личных, в стихах и прозе, из Москвы и Петрограда, Минска и Казани, Киева и Баку, Лондона (Ликиардопуло) и Исфагана (Тардов) — список занял пять печатных страниц****. В Берлине сменовеховская газета «Накануне» целиком посвятила Брюсову очередной выпуск литературного приложения, на страницах которого сошлись Петровская, Гуль и Кусиков. «Очень просили меня написать, — делилась Нина Ивановна с подругой, — и нельзя было уклониться, осталось бы пустое место, именно мое. Написала, и вот затосковало сердце... Портрет его повесила, смотрю... Стал он старый-старый, уже не на „мага“, а на „шамана“ похож. Смотрю и понять не могу, как и зачем эти годы мои прошли!»***** Надеюсь привлечь

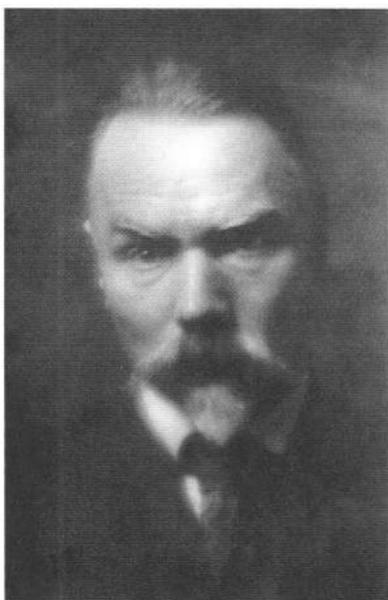
* ЛН. Т. 82. С. 245–261 / Публ. Л. М. Хлебникова. Ответное слово Брюсова: ЛН. Т. 85. С. 239–240 / Публ. Н. А. Трифонова.

** Асеев Н. Валерий Брюсов. С. 3.

*** Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 14. С. 548–549.

**** Валерию Брюсову. С. 80–84.

***** Письмо О. И. Ресневич-Синьорелли (3 февраля 1924) // Минувшее. 8. С. 122.

Валерий Брюсов
1923. ИРЛИ

Брюсова к сотрудничеству в «Накануне», Кусиков прислал ему юбилейный номер и большое восторженное письмо, начинавшееся: «Валерий, милый, любимый, нежный... самый, самый... Впрочем, как-то неловко теперь, дедушка ведь, юбилей был, 50 лет, а я: Валерий». Письмо Брюсова от 25 апреля 1923 года с московскими литературными новостями догнало Кусикова в Париже, откуда он отвечал: «Мы с Бальмонтом Костечкой (такой был у „Сандро“ стиль общения с поэтом на тридцать лет старше. — В. М.) перечитали его два или три раза. Он умилился, вспомнил все старое, тем более, что Ты спрашиваешь там о нем, и тут же, „в четыре руки“ написали Тебе большущее письмо». Увы, до адресата «большущее письмо» не дошло. Поэты обменялись еще несколькими посланиями, и переписка сама собой оборвалась*.

Среди участников чествования зрителям особенно запомнились Пастернак и делегация Армении. Борис Леонидович прочитал только что написанное стихотворение «Я поздравляю

* Лапский Л. Брюсов в начале 1920-х годов. Переписка с А. Кусиковым // Вопросы литературы. 1976. № 7. С. 206–215. Два письма Брюсова перепечатаны здесь с незначительными купюрами из: Nival G. Trois correspondants d'Aleksandr Kusikov // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. XV. 1974. № 1/2. P. 203–206.

вас, как я отца поздравил бы при той же обстановке...», написанное в нарочито «неюбилейном» тоне интимной откровенности, которая не вязалась с привычным обликом Брюсова и казалась неожиданной с учетом неблизких отношений между двумя поэтами:

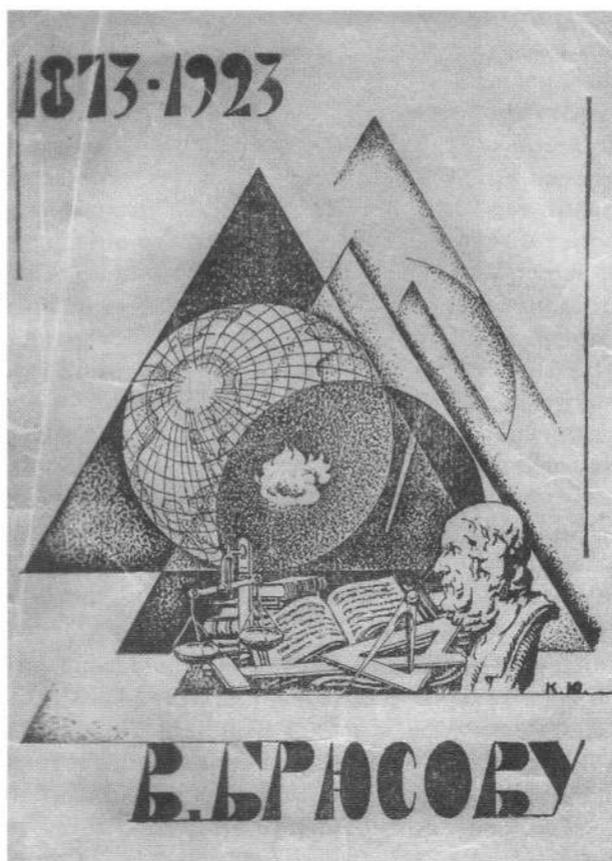
Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
 Где вас, как вещь, со всех сторон покажут,
 И золото судьбы посеребрят,
 И, может, серебрить в ответ обяжут.
 Что мне сказать? Что Брюсова горька
 Широко разбежавшаяся участь?
 Что ум черствеет в царстве дурака?
 Что не безделка — улыбаться, мучась?..
 Что вы дисциплинировали взмах
 Взбешенных рифм, тянувших за глиной,
 И были домовым у нас в домах
 И дьяволом недетской дисциплины?
 Что я затем, быть может, не умру,
 Что, до смерти теперь устав от гили,
 Вы сами, было время, поутру
 Линейкой нас не умирать учили?

Понимая, что верные «с точки зрения вечности» стихи прозвучат на празднике диссонансом, автор оговорился в последней, позднее отброшенной строфе:

От сердца вам желаю дальше блюсть
 Ответственности и призванья горечь.
 Простите, если в строчки вкралась грусть,
 Их смоем радость юбилейных сборищ.

Это была не только дань уважения старшему товарищу, не только выражение солидарности с ним перед лицом новой компании «ортодоксов», но и одна из первых деклараций самого Пастернака на «гражданскую» тему, столь близкую юбиляру. Л. Флейшман назвал стихотворение «Брюсову» «замечательной параллелью» к опубликованной журналом «Лэф» в начале 1924 года поэме «Высокая болезнь», хотя и отметил: «Если для Пастернака исторические „ассоциации“ возвеличивают революцию, то с точки зрения лэфовской платформы они ее компрометируют»*. Примечательно, что именно Брюсов

* Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. С. 34.

Книга «Валерию Брюсову: Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта» (М., 1924)
 Обложка работы К. Ф. Юона

с 1920 года «возвеличивал революцию» с помощью «исторических ассоциаций», за что подвергся резким нападкам левовца Арватова. «Высокая болезнь» не понравилась Валерию Яковлевичу, но на общей высокой оценке им стихов Пастернака это не сказалось. Более того, он завершил собственное выступление на юбилее стихотворением «Вариации на тему „Медного всадника“», «почтительно посвященным» Пастернаку как при чтении, так и в сборнике «Меа».

Оригинальное приветствие армянской делегации описал ее участник — композитор Аро Степанян. «На сцену вышли трое — с таром, кяманчой и дафом*. <...> Внимание зала сосредото-

* Армянские народные музыкальные инструменты.

Борис Пастернак
1920-е

лось на них. <...> Звучит, звенит песня, сладостная, такая проникновенная... Гехарик*, кажется, сам превзошел себя — поет он свободно и взволнованно. <...> Кончили. Поднялись с мест, и под хлопки тысяч людей гехарик берет кяманчу и направляется со сцены к залу. На какое-то мгновение аплодисменты затихают, зал недоуменно смотрит: гехарик спускается, подходит к юбиляру, опускается на колени, не проронив ни слова, молча склоняется перед ним и кладет к его ногам свою кяманчу... Ведь по старинной традиции саз, кяманча ашуга, потерпевшего поражение в состязании, принадлежит победителю! Брюсов встает: ему известны все детали этой старинной ашугской традиции. Он встает и поднимает гехарика. Они обнимаются... От волнения на глазах поэта показались слезы... Неожиданной и необычной оказалась эта дань уважения и любви к поэту**. Символическим жестом дело не ограничилось: юбиляру было присвоено звание Народного поэта Армении, чему он был искренне рад.

Последний год своей жизни Валерий Яковлевич начал, как и все остальные, — в трудах: готовил к печати «Меа», трехтомное собрание стихов для Госиздата*** (стало ясно, что на

* Исполнитель армянских народных песен.

** Степанян А. Встречи с поэтом // Литературная Армения. 1959. № 5. С. 107–109.

*** Там в конце 1922 года вышел «изборник» Брюсова «Кругозор», построенный по тематическому принципу как новая книга стихов.

Гржебина надежды нет), переводы из Эдгара По* (годом раньше появилось итоговое издание Верхарна), учебник «Основы стиховедения», сборник трудов ВЛХИ «Проблемы поэтики», открывавшийся его статьей «Синтетика поэзии» о поэзии как способе познания. В конце января член правления Всероссийского союза поэтов Николай Захаров-Мэнский начал закулисную кампанию с целью «продвинуть» Брюсова в председатели ВСП — вероятно, рассчитывая укрепить этим и свое положение. 4 марта он писал Валерию Яковлевичу: «Группа, насчитывающая 100 московских поэтов, обратилась ко мне с просьбой переговорить с Вами относительно возвращения Вашего на пост председателя центрального правления союза. Это место и по праву и по закону принадлежит Вам — крупнейшему и уважаемейшему из русских поэтов». Однако 28 марта надежды Захарова-Мэнского рухнули: «Меня редко охватывало такое отчаяние, какое охватило, полонило меня после получения Вашего письма с отказом. <...> Разрешите мне, шесть лет кряду стоящему на посту члена правления ВСП (почти бессменного), и просить, и умолять, и требовать от Вас взять этот отказ обратно и быть на общем собрании. <...> Вы — то имя, вокруг которого соединились все. Вы — и крупнейший русский поэт, и литератор, равного которому или хотя бы близкого по значению — нет в Москве. Вы должны быть председателем союза — должны**». Брюсова это, кажется, уже не волновало. 10 марта Совнарком, «признавая необходимым обеспечить ему возможность сосредоточиться на творческой научной и литературной работе», назначил поэту персональную пенсию «в размере полуторной высшей ставки тарифа ответственных работников***». Жить пенсионеру оставалось семь месяцев.

И тут начался самый удивительный «роман» в его жизни — «почтовый». 19 или 20 апреля Валерий Яковлевич получил письмо из города Изюм Харьковской губернии от Ирины Ивановны Шевцовой, двадцатилетней девушки, сочиняющей стихи: «Если Вы мне напишете хоть 2 строчки, я, кажется, сойду

* 16 марта 1924 года он благодарил М. Л. Лозинского за поправки к переводу, которые тот сделал в качестве рецензента издательства «Всемирная литература». Замечания Лозинского к переводам из Верхарна, посланные Брюсову 27 июля 1922 года, остались без ответа: *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 565–566 / Публ. Н. А. Трифонова.

** *РГБ*. Ф. 386. Карг. 86. Ед. хр. 48. Л. 3, 5.

*** Известия. 1924. № 61. 14 марта. С. 6. Между 29 января и 3 февраля 1924 года Луначарский известил Брюсова, что «бумаги давно пошли в СНК» (Записки Отдела рукописей. Вып. 29. С. 252 / Публ. В. М. Федоровой), а 21 февраля официально ходатайствовал о пенсии Брюсову в «150 червонных рублей» (*ЛН*. Т. 82. С. 263–264 / Публ. Л. М. Хлебникова). После его смерти пенсия была сохранена за вдовой.

с ума от радости... но если заставите разочароваться — тоже сойду с ума». Обычно игнорировавший подобные послания, Брюсов ответил Ире (сохранились черновики): «20 лет, сами по себе, вещь более чем хорошая. Мне — 50, что Вы, может быть, знаете. Когда мне было 20, я думал, что это — конец жизни. Теперь этого никак не думаю, но все же завидую Вашим 20 годам. Право, поменялся бы с Вами жизнью и согласился бы быть в Изюме на Донце». Пораженная самим фактом ответа, Ира продолжала писать восторженные, немного наивные, но отнюдь не глупые письма, без малейшей примеси «литературы», что, видимо, нравилось Брюсову — вкупе с «эффектом вагонного попутчика». Он рассказывал о своей жизни, посылал книги и новые стихи и даже сравнил свою заочную знакомую с Навзикаей из «Одиссеи». Обо всем этом мы знаем только из ее ответов, поскольку письма Брюсова пропали, как пропала и сама Ирина Шевцова. Последнее письмо (всего их было десять) она написала 12 сентября. Ответить на него Валерий Яковлевич, судя по всему, не успел*.

В конце июня, по окончании экзаменов в МГУ и ВЛХИ, Брюсов взял двухмесячный отпуск и отправился с женой и Колей в Алупку. Перед этим его ждала встреча с Вяч. Ивановым, приехавшим в Москву для выступления на праздновании 125-летия Пушкина и оформления командировки в Италию. Беседа в начале 1920-х годов с М. С. Альтманом, Иванов наговорил много злых слов о том, что Брюсов «самым грубым образом изнасиловал свою музу», «проституировал поэзию» и даже «служил Злу», хотя и признался: «Да, я был одно время в него влюблен, я помню, целовал его глаза (а глаза его черные, прекрасные, подчас гениальные) неоднократно. Бывало, он стоит так с наклоном головы влево, гибкий весь, упругий, и вдруг он становится весь прекрасным, когда мелькнет у него какой-нибудь замысел**». По свидетельству сопровождавшего его Виктора Мануйлова, «разговор был очень значительный и ответственный»: «Брюсов сидел укутанный пледом. Вячеслав Иванов подошел и сурово и строго поздоровался с ним, а затем сказал приблизительно следующее: „Ну, вот видишь, Валерий, что ты сделал со своей жизнью, а главное со своим творческим даром?“ И Вячеслав Иванович стал строго и гневно высказывать свое суждение о последних стихах В. Я. Брюсова: „Это не ты писал. Писал, как если бы это было тебе заказано. Но это не твои стихи и не твой голос“. <...> Брюсов весь сжался. Он стал

* Четыре письма Шевцовой и два черновых письма Брюсова: *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 566–571 / Публ. Н. А. Трифонова.

** *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 25, 76, 27.

жалким, каким-то маленьким. Как будто действительно почувствовал свою вину. И он говорил, что теперь ничего уже нельзя изменить, что все уже сделано, жизнь почти решена. Он говорил о том, что задумал написать большую вещь, но какую именно, не сказал. „Вот там я все и выскажу, ты поймешь“. <...> Он был в положении человека уязвленного, не обиженного, но раненного. Вячеслав Иванов недолго был у него. На прощание он сказал: „Нам нужно было повидаться, мы долго не виделись. Я хочу, чтоб ты знал, что я тебя любил и мне тебя очень, очень жалко“. Так они расстались. Эта встреча задела и ранила В. Я. Брюсова. Это были дни, когда он подводил итоги своей жизни и чувствовал неудовлетворение от многого*.

Знакомая интонация судьи и учителя, интонация «Лиры и оси», но кое-что важное осталось «за кадром». Иванов не принял ни революционные, ни «научные» стихи позднего Брюсова, но сам как поэт переживал творческий кризис, не написав почти ничего в промежутке между «Зимними сонетами» (1920) и «Римскими сонетами» (1924). Не потому ли Валерий Яковлевич подарил ему самую нехарактерную из своих новых книг — перевод пьесы Роллана «Лилюли» — с надписью «Строгому ценителю»?**

Есть еще одно свидетельство о разговоре поэтов в садике около дома Брюсова. Дмитрий Иванов (сын Вячеслава), которому тогда было 12 лет, запомнил не только содержание, но и атмосферу недолгой беседы поэтов, дружеской, умиротворенной, полной взаимного уважения — при осознании всего, что их разделяло. В ответ на упреки Иванова, относившиеся к его поэтическим экспериментам, «Брюсов сидел, подперев щеку ладонью, и грустно смотрел на отца». Ему было обидно, что старый друг, мнением которого он дорожил, не то что не одобрил, а не понял и не попытался понять его. Но резкого осуждения со стороны Иванова, по словам сына, не было, как не было и напряженности в разговоре, что, конечно, не означало согласия собеседников друг с другом. Оба догадывались, что это их последняя встреча***.

Июль Брюсовы провели в Алушке — где 26 лет назад прошло их первое лето после свадьбы, — с Колей, «к которому „дядя Валя“ проявлял любовь поистине дедовскую. <...> Моим просьбам обратиться к врачу, чтоб полечить кашель, мучивший его, не внимал Валерий Яковлевич, но старался доказать, что

* Мануйлов В. О Вячеславе Иванове // Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 358.

** Прижизненные издания. С. 73

*** Об этом Д. В. Иванов рассказывал автору настоящей книги в июне-июле 1991 года (Москва) и в декабре 1993 года (Гарньяно, Италия).

он совершенно здоров, бодрился, взбирался на горы, катался верхом, купался, плавал. Возвращались мы в Москву врозь. Валерий Яковлевич заехал на несколько дней в Коктебель»*. «Несколько дней» обернулись месяцем — там была Адалис.

28 марта 1924 года Максимилиан Волошин, впервые за семь лет выбравшийся в Москву, навестил Брюсова, подарил ему свой «изборник» «Иверни» как «память совершеннолетия нашего знакомства (1903–1924=21)**» и пригласил в Коктебель, где тот никогда не бывал. Валерий Яковлевич появился в «Доме поэта» в начале августа, в день, когда Андрей Белый должен был читать стихи***. По воспоминаниям Анны Остроумовой-Лебедевой, облик Брюсова «являл собою сплетенный узел движения, нервности и раздражения». Он то отмалчивался, то раздраженно спорил по любому поводу, но постепенно «общее оживленное настроение захватило его, и вскоре он сам стал заметно способствовать этому бодрому темпу жизни».

Через несколько дней после приезда его уговорили читать новые стихи. «Брюсов читал около двух часов, развернув перед слушателями результаты громадной поэтической работы, — вспоминал Гроссман. — Но, несмотря на большое разнообразие тем, замыслов, стиховых приемов, было ясно, что эта ученая, изобретательная и какая-то неживая поэзия совершенно не доходит до слушателя. Все стихи производили неотвязное впечатление „сенилий“****, отмеченных громадным мастерством, тонким умением, гибкой и богатой техникой, но лишенных подлинных творческих импульсов». Более убедительной оказалась защита им стихов Пастернака, которого Брюсов «с томиком „Тем и вариаций“ в руках в продолжение целого вечера читал и комментировал».

С неожиданной стороны открылся Валерий Яковлевич в день рождения Волошина — 17 августа. Сочинить оду «владыке Киммерии» было в порядке вещей, но Сергей Шервинский затеял в этот день... «живое кино» — пародию на авантюрные фильмы. «Брюсов исполнял роль офицера французской службы в одном из африканских фортов — капитана Пистолэ Флобера. Одним из главных партнеров его был Андрей Белый в роли какого-то международного авантюриста. Оба поэта с увлечением выступали на столь необычном для себя поприще,

* *Материалы*. С. 148–149.

** *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 271 (фото).

*** *Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова // *Гроссман Л.* Собрание сочинений. Т. 5. С. 274–284; *Остроумова-Лебедева А. П.* Воспоминания о Валерии Брюсове // *НН*. С. 224–232; далее цит. без сносок.

**** От *senilia* — старческое (*лат.*).

Максимилиан Волошин
Автопортрет. 1919

великолепно поняв комизм задания и тонко разрешая эту трудную проблему. В частности, Брюсов вызывал дружный смех зрителей своими широкими жестами при повторявшейся фразе конферансье-режиссера: „Садитесь. Через десять минут я покажу вам Африку“. Так произошло его примирение с Белым, по словам которого «и в легкой игре проскользнул лейтмотив отношений — старинный, исконный: борьбы между нами <...> Наблюдавшие нас утверждали, что в лицах (моем и его) был действительный пыл, точно речь об аресте — не шутка: серьез»*. 8 декабря 1924 года Белый писал Иванову-Разумнику: «Я очень благодарен Коктебелю хотя бы за то, что перед смертью Валерия Яковлевича с ним встретился и мирно прожил, можно сказать, под одним кровом 3 недели: мы примирились — без объяснения; и как бы простился (даже дурачились вместе)**».

Затем по предложению Брюсова были устроены стихотворные конкурсы. «Правила состязания сводились к следующему: стихотворение должно быть непременно рифмованным, размер

* Белый А. Начало века. С. 516–517.

** Белый А., Иванов-Разумник. Переписка. С. 304.

его от 8 до 20 строк, срок подачи одинаковый для всех — через полчаса на первом конкурсе, через час — на втором. За пять минут до этого момента, рожок, сзывавший обычно на обед, возвещал об окончании положенного срока. Поэты прочитывали свои стихотворения, после чего избранное жюри определяло лучшее произведение. Решение его санкционировалось всем собранием. Такой „статут“ был предложен Брюсовым и принят всем обществом. В стихотворных конкурсах принимали участие, помимо самого Брюсова, Максимилиан Волошин, С. В. Шервинский, поэтесса Адалис, П. Н. Зайцев и пишущий эти строки (Гроссман. — В. М.). Во главе жюри находился Андрей Белый.

Для первого конкурса (23 августа. — В. М.) остановились на теме „Женский портрет“. Конкурирующие разошлись на полчаса. Так как занимаемое мною помещение находилось рядом с комнатой Брюсова, я в продолжении получаса явственно слышал быстрые шаги Валерия Яковлевича, слагавшего, видно, свои стихи на ходу; небольшие паузы отмечали, по-видимому, краткие периоды записи сложившихся строк. В момент окончания положенного срока, при первом же звучании рожка, дверь в соседней комнате щелкнула, и Брюсов прошел по сеньям, очевидно, закончив свой текст и вполне готовый к конкурсу. Когда через несколько минут я поспешил на террасу, конкурирующие поэты еще не собрались в полном составе. Брюсов с листком в руке был недоволен этим опозданием, считая, что правила конкурса должны быть для всех совершенно одинаковы. Вскоре, впрочем, собрались все участники. Началось чтение. Жеребьевкой был определен порядок выступления: первая очередь выпала Брюсову». Первый конкурс выиграл Шервинский, второй — на тему «царь Соломон», два дня спустя, — Адалис. Брюсов признал оба стихотворения лучшими еще до вынесения вердикта, с чем согласились и жюри, и публика. Сам он подал безукоризненные и... «старомодные» стихи, вызывавшие в памяти «Венок», а не «Дали».

«Ничего строгого, властного, холодного не было в коктейльском Брюсове, — продолжал Гроссман. — Он был прост, общителен и мил. По-отечески снисходительно и дружелюбно вступал в спор с задорными девицами, отрицавшими огулом всю русскую культуру или отвергавшими какое-нибудь крупнейшее поэтическое явление. Участвовал в каждой морской или горной экскурсии в многолюдном обществе молодежи, выступал в диспутах по поводу прочитанных стихов, играл в мяч, налаживал литературные игры. Но тень какой-то глубокой утомленности и скрытого страдания не покидала его. Часто он казался совершенно старым, больным, тяжело изнуренным полувеком своего земного странствия». Одна из «задорных

девиц» — поэтесса Надежда Рыкова — в беседе с историком литературы А. Л. Дмитренко вспоминала, что тогда «была, конечно, на совершенно западнических позициях» и потому оживленно спорила с Брюсовым и Белым*.

Вскоре после приезда Валерий Яковлевич отправился с молодежью на вершину Карадага и попал под сильный ливень, продолжавшийся три часа. «Естественно, что я захворал, — общал он Иоанне Матвеевне 15 августа. — Приемы хины кое-как меня поправили, но остался ожесточенный неврит в руке. Я не могу сейчас ни согнуть, ни разогнуть руку (левую), почти не могу спать, ибо боль длится 24 часа в сутки. <...> Вот почему сейчас выехать в Москву не могу. <...> Уверяю Тебя, что мне очень невесело, даже совсем плохо, и я куда предпочитал бы гулять по Алушке, чем здесь лежать и плакаться над своей рукой». Встревоженная Иоанна Матвеевна поняла, что дело не только в больной руке. Это письмо, с трогательной припиской для Коли о ведении дневника и собирании камушков, оказалось последним в их многолетней переписке**.

Несмотря на боль в руке и постоянный кашель, Брюсов бодрился и не спешил в Москву. Остроумова-Лебедева захотела написать его портрет. Разговоры во время сеансов вращались вокруг явления «людей из нереального мира», которых не раз наблюдала художница-визионерка. «Я определенно чувствовала, что они — не продукт моей фантазии или нервов, что явление их вне меня, из высшего, хотя и не нашего, а какого-то другого мира. <...> Валерий Яковлевич отнесся к моим рассказам вполне серьезно, сказав, что такие явления носят определенное название в оккультных науках». Ее муж, академик Лебедев категорически отрицал «потусторонние» явления и затеял жаркий спор с Брюсовым. Недовольная портретом, на котором «был изображен пожилой человек с лицом Валерия Брюсова, но это не был Валерий Брюсов», художница только во время этого спора, когда «в нем были и раздражение, и порыв», поняла: «Хотя я изображала его с глазами, смотрящими на меня, они были закрыты внутренней заслонкой, и, как бы я ни пыталась над портретом, я не смогла бы изобразить внутренней сущности Брюсова. Он тщательно забронировался и показывал мне только свою внешнюю оболочку. Но если бы он был более откровенен, распахнулся бы и я поняла, что в нем кроется, каков он есть на самом деле, смогла бы я изобразить его? — это еще вопрос». Прямо перед следующим сеансом,

* <Рыкова Н. Я.> «Пусть вдали догорает кровавое пламя...» / Записал А. Дмитренко // Вечерний Петербург. 1995. 13 февр. № 28. С. 4.

** Брюсов-ЖЗЛ. С. 627-628.

услышав его шаги, она... смыла портрет губкой. «За минуту я еще не знала, что уничтожу его. Вошел Валерий Яковлевич. Скопфуженно, молча показала ему на смытую вещь. Он посмотрел на меня, на остатки портрета и пожал плечами. „Почему вы это сделали? Он был похож“.

— Не знаю, почему. Непростительно, что я вас заставила позировать, и безрезультатно. Простите меня!

— Не огорчайтесь, не волнуйтесь, — снисходительно сказал он, — это ничего, это бывает. Вот эту осень я собираюсь приехать в Петербург и даю вам обещание, что буду вам там позировать.

Мы попрощались. Я его больше никогда не видела». Точнее, видела... посмертное явление Брюсова, о котором написала в воспоминаниях. Но это уже находится за пределами жизнеописания.

7 сентября Брюсов простился с Коктебелем стихотворением «Крым» и написал в альбоме Волошиных: «Я навсегда признателен за то, что после Тавриды узнал Киммерию, край суровый и прекрасный, край многотысячелетней древности и край, где заглядываешь в будущие века <...> Дни, проведенные мною впервые в Коктебеле, проводят новую четкую черту в моей жизни»*. Схожее чувство — «особый дар судьбы» — пережил и Волошин, писавший 23 октября вдове поэта: «Мне дана грустная радость в сознании того, что последние дни своего ясного общения с природой Валерий Яковлевич провел под моим кровом в Коктебеле <...> Я давно не видел его таким ясным, просветленным, умудренным. И все, кто ни были эти недели вместе с ним, вынесли то же впечатление и нежную симпатию к нему». «Было бы очень тяжело, — признался он Белому 15 ноября, — проститься с ним с тем равнодушным недружелюбием, которое установилось к нему в последние годы»**.

Брюсов приехал больным, но сразу же вышел на службу. Одна из студенток ВЛХИ вспоминала: «В октябре я вернулась в Москву и пришла в институт — надо было сдать экзамен по римской литературе. Конечно, мы все мечтали сдать его Валерию Яковлевичу — он вел этот предмет. Но староста сказал мне:

— Грюнер, не ходи сдавать Валерию Яковлевичу, он совсем болен, а все валят и валят к нему.

Я посмотрела на старосту умоляюще.

— Хорошо, — сказал он с сердцем. — Пойдем и посмотрим, как он выглядит, и тогда — хватит ли у тебя совести...

* ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 270–271.

** Там же. С. 271, 279.

Я посмотрела в дверную щель. И увидела худое, бледное лицо, слышала глухой кашель. Осторожно, прикрыв дверь, я спросила старосту упавшим голосом, куда мне идти.

— Я знал, что у тебя есть совесть, — сказал староста и направил меня к другому экзаменатору*.

«Вскоре по возвращении из Крыма (25 сентября. — В. М.) Брюсов слег, — свидетельствовала Иоанна Матвеевна. — Крупное и ползучее воспаление легких вместе с плевритом — констатировали врачи. После первой вспышки высокой температуры больной повеселел, сразу начал заниматься делами, лежа писал статью о Безыменском <...> Как выздоравливающий, он на все реагировал, делал распоряжения, давал советы»**. Позже она рассказала Шенгели, что «у Брюсова была старинная железная шкатулка с секретным замком, в которой хранились деньги и ценности. Открывать ее умел только он. Теперь, едва заболев, он позвал Жанну Матвеевну, велел принести шкатулку и показал Ж. М. секрет замка. Точно предчувствовал»***.

Брюсова лечили его постоянные врачи Матвей Розенблюм и Георгий Рихтер. Затем обратились к «светилам» — Максиму Кончаловскому и Василию Шервинскому, отцу Сергея Шервинского. Но «болезнь шла на ухудшение. Врачи ждали сначала кризиса, затем лизиса, а ползучее воспаление с каждым разрешением нового фокуса расслабляло больного. В полном сознании и понимании происходившего с ним лежал Валерий Яковлевич спокойно и почти безмолвно, но иногда выговаривал: „Конец! Конец!“ 8 октября настало мнимое облегчение. Валерий Яковлевич взял меня за руку, — завершила свой рассказ Иоанна Матвеевна, — и с трудом сказал несколько добрых и ласковых слов, относящихся ко мне. Затем после большого промежутка, подняв указательный палец, медленно произнес: „Мои стихи...“ Я поняла — сбереги. То были последние слова поэта»****. 9 октября 1924 года, в 10 часов утра, Валерий Брюсов умер в своем кабинете, в присутствии жены, врачей и отца и сына Шервинских.

Причиной смерти были названы воспаление легких и плеврит в сочетании с давним, залеченным туберкулезом, склерозом сосудов и нервным истощением «вследствие многолетнего влияния различных наркотических веществ» (о последнем

* Грюнер М. Памятный год. Машинопись; собрание В. Э. Молодякова.

** Материалы. С. 149.

*** Рудин из Брюсовского института: (Письма Г. А. Шенгели М. М. Шкапской. 1923–1932) / Публ. С. Шумихина // Минувшее. 15. М., СПб., 1994. С. 264; далее цит. без сносок.

**** Материалы. С. 149.

официально не сообщалось)*. С покойного была снята маска, а мозг взят на изучение в Институт мозга. «Если все это так, — писал Волошин 16 ноября Остроумовой-Лебедевой, — то жалеть о преждевременности не приходится. Напротив, в смерти казалось то, что было в лучших стихах В. Я.: уметь круто и сразу оборвать. Нет: смерть В. Я. хорошая смерть, потому что в жизни его не осталось ни недоговоренности, ни лишних слов»**.

* У профессора М. П. Кончаловского // Известия. 1924. № 232. 10 окт. С. 5; заключение Шервинского: *Брюсов-ЖЗЛ*. С. 629–630.

** *ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 279.

ЭПИЛОГ

«Я О ДУШЕ ТВОЕЙ МОЛЮСЬ, ВАЛЕРИЙ»

В последний год жизни Брюсов часто возвращался в разговорах к смерти и к тому, что будет «после». Одну из таких бесед запомнил Шенгели:

«— Вы верите в жизнь за гробом?

— Нет, не верю, — сказал я.

— А я верю. Или, точнее, я знаю, что я буду жить как личность и после смерти.

Я ответил, что если бы он просто верил, то я не стал бы спорить: вера есть безусловная данность и не может на что-либо опираться, но если он „знает“, то он должен это знание обосновать. И Брюсов, с большим остроумием, исходя из закона сохранения энергии, стал доказывать, что личность, как энергетическая монада, всегда равная себе, независимо от содержания сознания и от многократной смены физиологического коррелята в виде мозговых клеток, не может истребиться. Мне было бы не очень трудно опровергнуть эти выкладки, но мне не хотелось огорчать собеседника, впервые потянувшегося ко мне со своим и, видимо, наболевшим вопросом. Я сказал:

— С такими воззрениями легко жить.

— Нет, — грустно сказал Брюсов, — тяжело. Страшно думать, что целую вечность будешь с самим собою*.

В день смерти Валерия Яковлевича секретарь Зиновьева Ф. И. Музыка (почему он?) послал председателю Моссовета Каменеву записку: «Некоторые организации предлагают, чтобы похороны тов. Брюсова В. Я. взял на себя Моссовет или ВЦИК, прошу дать ответ». Каменев в тот же день сообщил об этом

* Шенгели Г. Иноходец. С. 458–459.

№ 42
1015

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОДИНИИТЕСЬ!

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГАЙКА АДОЦА (ПЕТЕРБУРГСКОГО).

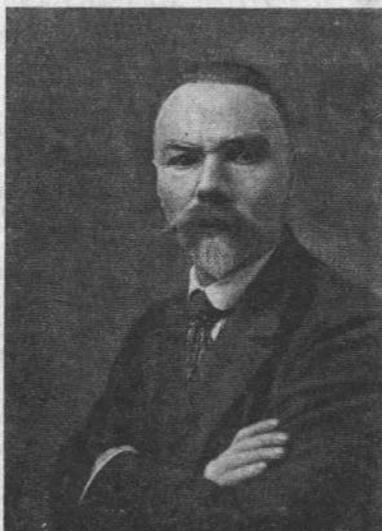
14 ОКТЯБРЯ.

Выходит по вторникам.

1924 г.

7-й ГОД ИЗДАНИЯ.

Адрес Редакции и Главн.
Конт: Ленинград, ул. Пля-
ханова 7, тел. 5-70-64.
Принем ежедн. от 3--6 ч.
Контора открыта от 11 ч.
утра до 5 ч. вечера.
Отделение в Москве:
Арбат. Спасо-Песковскнй 5,
кв. 2. Тел. 151-11, от 12-3 ч.
ежедневно.

9-го октября, в 10 ч. утра, в Москве скончался Валерий Яковлевич Брюсов.

После Октябрьской Революции Брюсов без колебаний перешел в лагерь борцов пролетариата, вступив в ряды Р. К. П.

В истории русской литературы и советской общественности Брюсов займет место большого художника и борца за новую жизнь.

В виду позднего получения сообщения о смерти В. Я. Брюсова статьи, посвященные памяти покойного, будут даны в следующем номере.

Некролог Валерия Брюсова
в журнале «Жизнь искусства» (1924. № 42)

в Политбюро, которое — письменным опросом членов — постановило поручить организацию похорон Моссовету и Наркомпросу, которые ассигновали на это по полторы тысячи рублей*. Распорядительная комиссия Госиздата экстренно постановила выпустить «Меа» «не позднее 13/XI, вклеив портрет в траурной рамке, и снабдить траурной бандеролью»**. О смерти Брюсова немедленно сообщили все газеты, причем «Правда», «Известия» и ленинградская «Красная газета» на протяжении пяти дней регулярно давали подборки статей и материалов о нем, от краткой биографии до хроники последней болезни.

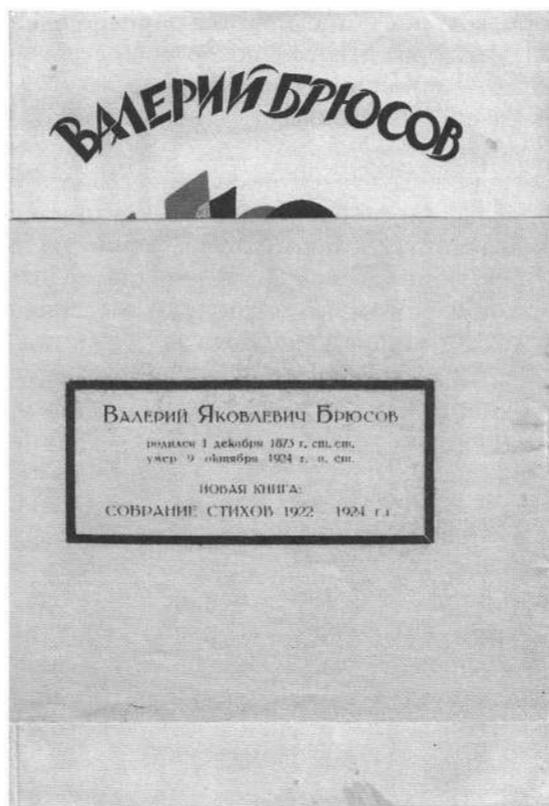
В полдень 10 октября тело Брюсова было доставлено на катафалке из дома во ВЛХИ. В шесть часов вечера началась гражданская панихида с речами Когана, Луначарского и Сакулина. За первой последовала вторая, на которой выступали преподаватели и студенты института. Читались стихи, звучал траурный марш Шопена, затем «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» и «Не плачьте над трупами павших бойцов...».

Продолжавшееся три дня прощание выразительно описал Шенгели в письме к Марии Шкапской 11 октября: «Умер Брюсов. Сегодня он еще лежит в зале Института, в сюртуке, узкоплечий, с запавшими глазами, сердитый и удивительно похожий на Плеханова. У тела почетный караул: писатели, профессора, госиздатовцы; я стоял два раза; во второй раз стало дурно: показалось (вероятно, тень от пролетевшей мухи черкнула), что он подмигнул мне; еле справился с собой. Вчера была грандиозная панихида». В тот же день он написал стихотворение «У гроба Брюсова»:

Тяжелый, серебряный, креповый свет
 От крепом затянутых накрепко ламп;
 В дубовом гробу костенеет поэт, —
 И костью над гробом ломается ямб.
 Как странно звучит панихида стихом,
 Как странно и стих в панихиде звучит:
 Кость мышцы летучей, разрыв и разлом,
 Крошится о крестик, нашитый на щит.
 О, магия слова! Игрушка ночей.
 Вот скулы камфарные вдвинуты в гроб.
 А ну-ка, попробуй, под крепом лучей,
 С крахмальной подушки поднять этот лоб!

* Большая цензура. С. 89; Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. Т. I. 1919—1929. М., 2000. С. 331.

** Издание художественной литературы в РСФСР в 1919—1924 гг. С. 431.

Книга Валерия Брюсова «Меа» (М., 1924)
с траурной бандеролью
Обложка. ВЭМ

И вьются летучею мышью слова
Под крепом затянутых накрепко ламп;
Крошится мышиною косточкой ямб;
В гробу — парафиновая голова.

«Лицо Брюсова в гробу было совершенно спокойно, — вспоминал Чулков. — Он как будто отдыхал от забот и дел. Никакого следа темных страстей не было в этом простом и тихом лице. Та детская улыбка, которая при жизни появлялась иногда на губах у этого сурового „мага“, очевидно, выражала сокровенное его души»*.

Похороны были назначены на 12 октября. К 10 часам утра во дворе ВЛХИ начали собираться делегации учебных заведений,

* Чулков Г. Годы странствий. С. 94.

Приглашение на гражданскую панихиду
1924. ВЭМ

литературных обществ, театров: пришли Немирович-Данченко, Мейерхольд и Таиров. Кинохроника запечатлела, как из ворот гроб выносили Бухарин, Луначарский, Коган, Сакулин, Фурманов, Отто Шмидт. Процессия прошла по улицам Воровского (Поварской) и Герцена (Большой Никитской) — на здании английского посольства был приспущен флаг, — затем по Тверскому бульвару к памятнику Пушкину, еще не перенесенному на нынешнее место. Здесь была первая остановка: поминальное слово сказал Сакулин. Вторая — у Моссовета, с балкона которого выступил Бухарин. Третья — у здания 1-го МГУ, с речами Пиксанова и Шмидта. Оттуда траурный кортеж направился к Новодевичьему кладбищу, по дороге остановившись у здания ГАХН — бывшей Поливановской гимназии. Говорили Луначарский и Коган. «Только в начале пятого часа вечера печальная процессия подошла к Новодевичьему монастырю. Над гробом склонялись знамена; венки и цветы окружили его. Почетный караул в последний раз занял свое место у праха усопшего. Последнее надгробное слово, последнее „прости“ В. Я. Брюсову произнес нарком просвещения А. В. Луначарский. Гроб стал медленно опускаться в могилу, над которой склонились красные знамена»*. «Мы, русские писатели, будем поддерживать тот огонь, в который бросил свои силы ушедший от нас поэт», —

* У открытой могилы // Известия. 1924. № 236. 14 окт. С. 6.

Иоанна Брюсова
Конец 1950-х. ВЭМ

заклучил надгробную речь от имени Всероссийского союза писателей давний оппонент покойного Львов-Рогачевский*.

«Очень грустно, что на таком литературном безрыбье уходят такие люди», — завершил свой некролог Есенин**. «Я не видел Брюсова в гробу, — вспоминал Шершеневич. — Меня тогда не было в Москве. Но я помню, что я, который без слез хоронил и отца, и маму, долго сидел и не мог постичь значения траурного объявления. Через несколько лет я встретил в театре Иоанну Матвеевну. <...> Я отвернулся. У меня не хватило силы подойти к ней. Я боялся расплакаться. <...> Я убежден, что, если бы было можно, я, придя на тот свет (а это путешествие необходимо), крепко пожал бы руку Валерию Яковлевичу, потому что все мои литературные успехи и неудачи, все достижения и ошибки намечены его словами, как, впрочем, и достижения почти всего моего поколения»***.

* Книга для чтения по истории новейшей русской литературы / Сост., примеч. и вводные статьи В. Львова-Рогачевского. Т. 2. Л., 1925 <на обл.: 1926>. С. 226.

** Впервые полностью: *Есенин С. Собрание сочинений*: В 5 т. Т. 5. М., 1962. С. 81–82.

*** *Мой век, мои друзья и подруги*. С. 469.

Иоанна Матвеевна обратилась к Вячеславу Иванову с просьбой сложить «современную молитву», после того как он 19 октября посоветовал ей: «Молитесь за душу Валерия». 30 ноября он прислал из Рима стихи*:

Как листья ветр, — у Вечности преддверий
Срывает Смерть, что украшало нас;
И в строгий, нелицеприятный час
Я о душе твоей молюсь, Валерий.
О вечной памяти — не здесь, в молве,
На поколений столбовой дороге, —
Но в ждущей нас недвижимой синеве,
Но в искони помывлившем нас Боге.

* ЛН. Т. 85. С. 544–545.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ*

- Абов** Геворг Аршакович (наст. фам. Абовян; 1897–1965), поэт, переводчик, литературовед 599
- Абрамов** Соломон Абрамович (1884–1957), поэт, издатель 527
- Абрамович** Николай Яковлевич (псевд. Н. Кадмин; 1881–1922), критик 354, 398
- Авербах** Леопольд Леонидович (1903–1939), критик, литературный функционер 611
- Авсоний** (Авзоний) Децим Магн (ок. 310 – ок. 395), римский поэт 479–481, 484–485, 557
- Агапов** Борис Николаевич (1899–1973), поэт, очеркист 601
- Агриппа** (Генрих Корнелий) Неттесгеймский (1486–1535), немецкий философ, писатель, врач, оккультист 216
- Адалис** Аделина Ефимовна (наст. фам. Ефрон; 1900–1969), поэтесса, переводчик 567–568, 571–573, 575, 583, 590–591, 595, 603, 622, 624
- Адриан** Публий Элий Траян (76–138), римский император (с 117 г.) 517
- Адрианов** С. А. 367, 486
- Азадовский** Константин Маркович (р. 1941), историк литературы, переводчик 277, 345, 347, 357, 362, 419
- Айвазян** К. В. 493
- Айвазян** М. К. 376
- Айдаров** Сергей Васильевич (наст. фам. Вишневский; 1867–1938), актер, режиссер 383
- Айхенвальд** Юлий Исаевич (1872–1928), критик 37, 187, 303, 368, 382, 444, 477, 504, 545, 577
- Аксенов** Иван Александрович (1884–1935), поэт, переводчик, критик, историк литературы 575
- Алалыкина** Федосья Епофрадитовна (урожд. Станкевич), помещица 15
- Александр I** (1777–1825), российский император (с 1801) 178
- Александр Македонский** (356 до н. э. – 323 до н. э.), царь Македонии (с 336), полководец и государственный деятель 551
- Александров** Анатолий Александрович (1861–1930), поэт, педагог, редактор 76, 186
- Александров** Д. А. 25
- Алексяня** Е. А. 11

* Подробно не аннотируются имена тех лиц, которые упомянуты исключительно в библиографических описаниях и в подписях к иллюстрациям. Жирным шрифтом выделены номера страниц, на которых расположены портреты. В. Я. Брюсов сокращенно обозначен ВЯБ. Аннотации в указателе составлены В. Э. Молодяковым при участии А. В. Бурлешина и Л. А. Гельфмана.

- Алексеев** Е. И. 285
- Альтман** Моисей Семенович (1896—1986), поэт, историк литературы 620
- Альфьери** Витторио (1749—1803), итальянский поэт и драматург 102
- Амвросий** Медиоланский (Святой Амвросий; ок. 340—397), миланский епископ, проповедник, гимнограф, учитель церкви 484
- Амфитеатров** Александр Валентинович (псевд. Абадонна, Old Gentleman; 1862—1938), прозаик, критик, публицист 111, 123, 193, 197, 220, 257, 323
- Ангарский** Николай Семенович (наст. фам. Клестов; 1873—1941), издатель, критик 545
- Андерсен** Ханс Кристиан (1805—1875), датский прозаик, поэт 506
- Андре Шарль**, французский лингвист 272
- Андреасян** Н. Г. 126
- Андреев** Даниил Леонидович (1906—1959), поэт, философ-мистик 599
- Андреев** Леонид Николаевич (1871—1919), прозаик, драматург 211, 214, 216, 273, 333—334
- Андреев** Николай Андреевич (1873—1932), скульптор, график, театральный художник 370, XLVIII
- Андреева** Ольга Васильевна (р. 1969), фотограф 10, II, XLVII, XLVIII
- Андреевский** Сергей Аркадьевич (1847—1918), адвокат, поэт, критик 227
- Андроник** Комнин (1118—1185), византийский император (1183—1185) 368
- Андруссек** Николай Владимирович, знакомый ВЯБ (1890-е) 60
- Анибал** Борис Алексеевич, см. Массанов Б. А.
- Аничков** Евгений Васильевич (1866—1937), историк литературы, прозаик, критик, фольклорист 411
- Анненский** Иннокентий Федорович (1855—1909), поэт, переводчик, критик, педагог 366, 583, 601—602
- Антик** Владимир Морицевич (1882—1972), издатель 383
- Антокольский** Павел Григорьевич (1896—1978), поэт, прозаик, переводчик 524, 569
- Антоний** (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846—1912), иерарх Русской православной церкви 230
- Антонины**, династия римских императоров (96—192) 479, 483
- Анчугова** Т. В. 547, 602
- Аполлинер** Гийом (наст. имя и фам. Вильгельм-Альберт-Владимир-Александр-Аполлинарий Вонж-Костровицкий; 1880—1918), французский поэт, критик 387
- Апостат**, см. Юлиан Отступник
- Апплерот** Владимир Германович 55
- Апухтин** Алексей Николаевич (1840—1893), поэт, прозаик 57
- Арватов** Борис Игнатьевич (1896—1940), критик, теоретик литературы 578—579, 617
- Аргашев** Сергей (наст. имя и фам. Сергей Петрович Семенов; 1902—1985), поэт, фольклорист, педагог 419
- Арго** (Гольденберг А. М.) 531
- Ардов** Т., см. Тардов В. Г.
- Аристофан** (ок. 445 — ок. 386 до н. э.), древнегреческий драматург 135
- Аркос** Рене Жан (1881—1959), французский поэт, прозаик 281, 387
- Ариштам** А. М. XXXIV
- Архимед** (ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий математик, физик, механик, инженер 368
- Аршбашев** Михаил Петрович (1878—1927), прозаик, драматург 349, 395
- Асеев** Николай Николаевич (1889—1963), поэт, критик, очеркист 374, 432, 614
- Астон** Вильям Джордж (1841—1911), британский дипломат, востоковед, переводчик 272

- Атаджанян И. А.** 57, 459
- Атилла** (ок. 406—453), вождь гуннов, военачальник
- Ауслендер Сергей Абрамович** (1886—1937), прозаик, драматург, критик 342, 409
- Ахматова Анна Андреевна** (наст. фам. Горенко; 1889—1966), поэтесса, переводчик 585
- Ашкинази В. А.** (псевд. Вл. Азов) 376
- Ашукин Николай Сергеевич** (1890—1972), поэт, историк литературы, библиограф 11, 39, 44, 62, 178, 200, 216, 430, 493, 527, 537
- Бабурич Михаил Евдокимович**, знакомый ВЯБ (1890-е) 60, 65
- Багно В. Е.** 453
- Багриновский Михаил Михайлович** (1885—1966), композитор, дирижер 558—559
- Багрицкий Эдуард Георгиевич** (наст. фам. Дзюбин (Дзюбан); 1895—1934), поэт 543, 597
- Баев Иван Кузьмич**, московский купец, домовладелец 533, VI
- Баженов Николай Николаевич** (1857—1923), психиатр, педагог, общественный деятель 320
- Бакст Лев Самойлович** (наст. фам. Розенберг; 1866—1924), художник 263
- Бакулин Александр Яковлевич** (1813—1894), дед ВЯБ по матери 24, 25, 44
- Бакулин Яков Александрович**, дядя ВЯБ 26
- Бакулина Зоя Александровна**, тетка ВЯБ 22, 148
- Балтрушайтис Юргис Казимирович** (1873—1944), русский и литовский поэт, переводчик, дипломат 194, 195, 196, 197, 202, 205, 251, 263, 264, 330, 347, 379, 493, 495, 545, 614
- Бальмонт Екатерина Алексеевна** (урожд. Андреева; 1867—1950), вторая жена К. Д. Бальмонта, переводчик 195
- Бальмонт Константин Дмитриевич** (1867—1942), поэт, прозаик, переводчик, критик 95, 128, 133, 134, 135, 138, 144—147, 159, 160, 167, 169, 174—176, 179, 183, 184, 187, 189, 192—195, 198, 202, 205, 207, 211, 219, 221, 226, 228, 234, 243, 251—254, 255, 258, 263, 264, 272, 274, 277, 289, 294, 296, 301, 305, 311, 327—330, 349, 364, 371, 387, 389, 393, 399, 417, 426—427, 452—453, 457, 477, 393, 495, 501, 516, 524, 526, 528, 547, 550, 555, 561—563, 586, 610, 614—615
- Баранин**, владелец конюшни 46, 47
- Баратынский Евгений Абрамович** (1800—1844), поэт, критик 128, 172, 187, 192, 208, 270
- Бардавий Ж.** 343
- Бари**, владелец дома, где жил ВЯБ II
- Барсуков Н. П.** 411
- Бартнев Петр Иванович** (1829—1912), историк, археолог, редактор-издатель журнала «Русский архив» 176, 177, 203, 222, 479—480
- Бартнев Петр Юрьевич**, редактор-издатель журнала «Русский архив», внук П. И. Бартнева 178
- Бартнев Сергей Петрович** (1863—1930), историк, сын П. И. Бартнева 178
- Бартнев Юрий Петрович** (1866—1908), историк, сын П. И. Бартнева 178, 205, 219, 229
- Батюшков Федор Дмитриевич** (1857—1920), историк литературы, критик, журналист, общественный деятель 296
- Бауэр Евгений Францевич** (1865—1917), режиссер театра и кино, художник, фотограф 458, XLII
- Бахман Георг** (в России Егор Егорович; 1852—1907), немецкий поэт, журналист, педагог 186, 204, 205
- Бахтин М. М.** 606
- Бахтин Михаил Петрович** (1786—1848), основатель Орловского кадетского корпуса 85
- Бахтин Николай Николаевич** (псевд. Н. Нович; 1866—1940), поэт,

- переводчик, педагог, библиограф 82, 84, 85, 96, 119
- Баян**, карикатурист 259
- Бедный** Демьян (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945), поэт 542, 605, 611
- Безыменский** Александр Ильич (1898–1973), поэт 553, 588, 627
- Белич** Александр (1876–1960), сербский языковед 191
- Белов** С. В. 404
- Белоконский** Иван Петрович (1855–1931), революционер, земский деятель, критик, публицист 85
- Белый** Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), поэт, прозаик, критик, теоретик литературы и искусства, мемуарист 11, 53, 54, 57, 229, 233, 234, 243, 245, 246, 247, 249, 251–254, 260, 263, 264, 269–272, 292, 300, 301, 303–313, 321–324, 327–332, 334, 339, 344, 346–361, 376, 385, 390, 392–393, 404–406, 425, 486, 521–522, 545, 574, 585–586, 593, 601, 613–614, 622–626, XX, XXI
- Бельмонт** Лео (наст. имя и фам. Леопольд Блюменталь; 1865–1941), польский поэт, переводчик 470
- Бенар** Наталья Владимировна (1902–1984), поэтесса 568
- Бенедиктов** Владимир Григорьевич (1807–1873), поэт 443
- Бенуа** Александр Николаевич (1870–1960), художник, художественный критик, мемуарист 331–333
- Бень** Е. М. 186
- Бер** Борис Владимирович (1871–1921), поэт, переводчик 200
- Бердяев** Николай Александрович (1874–1948), философ, публицист 64, 65, 277, 285, 292, 345
- Берри** Жан дю, герцог (ок. 1386 – ок. 1457), французский хронист, герольдмейстер 262
- Бескин** Эммануил Мартынович (1877–1940), театральный критик, историк театра 529, 613
- Билибин** И. Я. 200
- Биндасова** Вера Петровна, знаковая ВЯБ (1890–е) 60, 61
- Благинина** Елена Александровна (1903–1989), поэт 600
- Благов** Федор Федорович (псевд. Фрицхен; 1883–1957), поэт-сатирик, драматург 367
- Благоволина** Юлия Павловна (1928–2005), историк литературы, архивист 16, 18, 19, 20, 22, 41, 156, 158, 175, 254, 451, 595
- Блок** Александр Александрович (1880–1921), поэт, драматург, критик 8, 11, 84, 101, 246, 254, 260, 267, 272, 274, 294, 296, 302, 308, 311, 312, 320, 321, 329–330, 333, 339, 342, 347, 349, 350, 353, 360, 363, 391–393, 400, 404, 406, 410, 419, 425, 451, 457–458, 463, 472, 491, 493, 518, 521–523, 545, 583, 614
- Блок** Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева; 1881–1939), жена А. А. Блока, актриса, историк балета, мемуарист 347
- Блохин** А. 612
- Боборыкин** Петр Дмитриевич (1836–1921), прозаик, драматург, журналист, мемуарист 214, 216, 320, 410
- Бобров** А. А. 439
- Бобров** Сергей Павлович (1889–1971), поэт, прозаик, критик, стиховед, переводчик 416, 431
- Боброва** Александра Ивановна (1862 – после 1917), спиритка 304
- Богданович** Ангел Иванович (1860–1907), критик, публицист 112, 135, 364
- Боголепов** Николай Павлович (1847–1901), юрист, педагог, министр народного просвещения 293
- Богомолов** Н. А. 12, 61, 75, 250, 294, 301, 305, 338, 561
- Богоявленский** Николай Васильевич (1870–1930), биолог 604

- Бодлер** Шарль (1821—1867), французский поэт, критик, переводчик 105—107, 122, 128, 132, 169, 352, 356
- Боднарский** Б. С. 513
- Большаков** Константин Аристархович (1895—1938), поэт, прозаик 414—417
- Бонч-Бруевич** В. Д. 511
- Бордюгов** Г. А. 457
- Борисов-Мусатов** Виктор Эльпидифорович (1870—1905), художник 270
- Бородин** Сергей Петрович (псевд. Амир Саргиджан; 1902—1974), прозаик 600
- Боцяновский** Владимир Феофилович (1869—1943), критик, историк литературы 98, 257, 273
- Браилловский** Александр Яковлевич (1884—1958), революционер, поэт, переводчик 149, 152, 153, 154
- Браилловский**, брат предыдущего 151
- Брейтфус** Леонид Львович (1864—1950), географ, гидрограф 272
- Брик** Осип Максимович (1888—1945), критик, теоретик литературы 545
- Брихничев** Иона Пантелеймонович (1879—1968), поэт, публицист, религиозный деятель 419—420
- Бродская** Г. Ю. 343, 378, 381
- Брокгауз** Фридрих Арнольд (1772—1823), немецкий издатель, основатель фирмы «Брокгауз», издатель «Энциклопедии Брокгауз» 364
- Бромлей**, братья, владельцы завода 160
- Бруно** Джордано (1549—1600), итальянский ученый, поэт, философ 605
- Брэм** (Брем) Альфред Эдмунд (1829—1884), немецкий естествоиспытатель, натуралист, зоолог 537
- Брюсов** Александр Яковлевич (1885—1966), брат ВЯБ, поэт, переводчик, археолог 18, 21, 108, 109, 253, 292, 302, 513, 517, X
- Брюсов** Валерий Яковлевич (1873—1924) 2, 27, 28, 29, 36, 81, 104, 163, 168, 196, 226, 259, 263, 268, 301, 307, 328, 349, 365, 386, 388, 394, 422, 428, 440, 447, 465, 494, 508, 537, 541, 562, 590, 592, 612, 615, 630, I, XIII, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XLIV, XLV, XLVI
- Брюсов** Кузьма (Козьма) Андреевич (1817—1891), дед ВЯБ по отцу 15, 16, 17, 18, 19, 20, 24
- Брюсов** Николай Яковлевич (1877—1887), брат ВЯБ 21, 26, 33, 34, 51
- Брюсов** Петр Андреевич, дядя Якова Брюсова, отца ВЯБ 18
- Брюсов** Яков Кузьмич (1848—1908), отец ВЯБ 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 33, 38, 45—47, 51, 52, 113, 156, 161, 163, 239, 299, 351, 401
- Брюсова** Дарья Кузьминична (в замуж. Губкина), тетя ВЯБ 17, 18
- Брюсова** Евгения Яковлевна (в замуж. Калужная; 1882—1977), сестра ВЯБ, музыкант 21, 155, 195, 223, XII
- Брюсова** Елизавета Кузьминична (?—1879), тетка и крестная мать ВЯБ 17, 18, 21, 26
- Брюсова** Иоанна Матвеевна (урожд. Рунт; 1876—1965), жена ВЯБ, переводчик 11, 21, 41, 62, 71, 78, 91, 160, 161, 162, 163, 164, 191, 192, 195, 199, 202, 218, 223, 225, 235, 237, 242, 246, 281, 290, 293, 315, 317, 320, 334, 345, 348, 362, 383, 387, 389, 416, 419, 434, 438, 440, 443—444, 460—461, 463—464, 465, 466, 468, 470, 472—475, 487—489, 514, 516, 519—520, 525, 533, 535—537, 552, 557, 573, 588, 604, 620—621, 625—627, 634, 635, IV, V, XII, XLVI
- Брюсова** Лидия Яковлевна (в замуж. Кисина; 1888—1964), сестра ВЯБ, химик 21, 155, 195, XI
- Брюсова** Марфа Никоновна, бабка ВЯБ 17

- Брюсова** Матрена Александровна (урожд. Бакулина; 1846—1920), мать ВЯБ 22, 23, 26, 34, 51, 155, 158, 161, 163, 175, 401
- Брюсова** Надежда Яковлевна (1881—1951), сестра ВЯБ, историк и теоретик музыки 21, 22, 149, 155, 175, 195, 224, 235, 247, 288, 290, 294, 420, X
- Буайе** Поль (1864—1949), французский лингвист, директор Школы восточных языков 387
- Бугаев** Б. Н., см. Белый А.
- Бугаев** Николай Васильевич (1837—1903), математик, философ, отец А. Белого 229, 246
- Бугаева** Александра Дмитриевна (1858—1922), мать А. Белого 305
- Бугрецов** Сергей, знакомый Брюсова в детстве 34
- Буданцев** Сергей Федорович (1896—1940), поэт, прозаик, драматург 567, 569
- Букчин** С. В. 460
- Булгаков** Александр Яковлевич (1781—1863), московский почт-директор, сенатор 203
- Булгаков** Константин Яковлевич (1782—1835), дипломат, директор почтового департамента 203
- Булгаков** Сергей Николаевич (1871—1944), философ, экономист, богослов 285, 292, 345
- Булдеев** Александр Иванович (1885—1974), поэт 407, 417
- Бунин** Иван Алексеевич (1870—1953), поэт, прозаик, мемуарист 118, 124, 167, 183, 186, 201, 205, 211, 212, 213, 214, 216, 222, 223, 305, 333, 405, 448, 474, 492—493, 526
- Буренин** Виктор Петрович (1841—1926), поэт-сатирик, критик, драматург, переводчик 111, 113, 114, 123, 135, 146, 220, 258, 262, 367, 369, 406, 564, 605
- Бурлешин** Алексей Владимирович (р. 1967), историк литературы 10, 367
- Бурлюк** Д. Д. 491
- Бурнакин** Анатолий Андреевич (?—1932), поэт, критик, журналист 369—370
- Бурова** Елена Владимировна, знаковая ВЯБ (1890-е) 78, 135
- Бутлеров** Александр Михайлович (1828—1886), химик 64
- Бухарин** Николай Иванович (1888—1938), революционер, партийный деятель, публицист 7, 430, 552, 554, 556, 633
- Бьетто** Т. 396
- Бэлза** С. И. 583
- Вавилов** Николай Иванович (1887—1943), генетик, ботаник, селекционер, географ 504
- Валентинов** Н. (наст. имя и фам. Николай Владиславович Вольский; 1879—1964), революционер, публицист, философ, мемуарист 352, 559
- Валери** Поль (1871—1945), французский поэт, критик, эссеист 453
- Валлотон** Ф. 280, 295
- Вальтер** Рейнгольд фон (1882—1965), немецкий поэт, критик, переводчик 322
- Ван Беве** Адольф (1871—1925), французский критик 278, 279
- Василевский** Лев Маркович (наст. имя Янкель-Лейба Мордкович; псевд. Авель; 1876—1936), поэт, критик, врач 367
- Вебер** Ганс фон (1872—1924), немецкий издатель, книготорговец 357
- Ведекинд** Франк (собств. Бенямин Франклин Ведекинд; 1864—1918), немецкий поэт, драматург 376
- Вейнберг** Петр Исаевич (1830—1908), поэт, переводчик, литературовед 181
- Венгеров** Семен Афанасьевич (1855—1920), историк литературы, критик, библиограф 123, 187, 364, 397, 411, 513, 545, 601
- Венгерова** Зинаида Афанасьевна (1867—1941), критик, переводчик 66, 67, 179

- Веневитинов** Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт, критик 190
- Вензем** А. XXV
- Вентцель** Николай Николаевич (1856—1920), поэт-сатирик, драматург, критик 399
- Вербицкая** Анастасия Алексеевна (урожд. Зяблова; 1861—1928), прозаик 367
- Вергилий** Марон Публий (70—19 до н. э.), римский поэт 464, 479, 485, 487—488
- Вересаев** Викентий Викентьевич (наст. фам. Смидович; 1867—1945), прозаик, переводчик, критик, историк литературы 214, 273, 373, 393, 526, 532
- Верлен** Поль (1844—1896), французский поэт, прозаик, критик 66, 71, 72, 76, 85, 92, 96, 99—103, 105, 119, 135, 169, 186, 187, 198, 205, 221, 270, 279, 320, 408—409, 449, 527
- Верн** Жюль (1828—1905), французский прозаик 33, 39, 40, 43
- Верхарн** Эмиль (1855—1916), бельгийский поэт, драматург 198, 203, 205, 270, 294, 295, 296, 340, 382—383, 387, 393, 439, 457, 464, 492, 509, 574, 579, 587, 619, XXVI, XXXVI
- Верховский** Юрий Никандрович (1878—1956), поэт, переводчик, историк литературы 329—330, 425, 493, 495
- Веселовский** Александр Николаевич (1838—1906), историк и теоретик литературы 214
- Веснин** А. А. XL, XLI
- Викторов** Давид Викторович (1874—1918), философ, педагог 187, 191
- Вильгельм II** Гогенцоллерн (1859—1941), германский император (1888—1918) 444
- Вильдрак** Шарль (наст. фам. Мессаже; 1882—1971), французский поэт, прозаик 387
- Вилькина** Людмила (до крещения Изабелла) Николаевна (1873—1920), поэтесса, жена Н. М. Минского 78, 237, 238, 242, 318, XV
- Вильям-Вильмонт** Николай Николаевич (1901—1986), историк литературы, переводчик 601
- Виноградов** Анатолий Корнелиевич (1888—1946), библиограф, историк литературы, прозаик 544
- Виноградов** Петр Андреевич, преподаватель русского языка в гимназии Креймана 45
- Виноградов** С. А. XIX
- Винокурова** Н. Н. 589
- Вирек** Джордж Сильвестр (1884—1962), американский поэт, прозаик, журналист 277
- Вишневский** Вен. Е. 458
- Внучков** Б. В. 404
- Вознесенский** А. С. 459
- Войтоловский** Лев Наумович (1876—1941), критик, публицист, историк литературы, врач 399, 410
- Волошин** Максимилиан Александрович (наст. фам. Кириенко-Волошин; 1877—1932), поэт, переводчик, литературный и художественный критик, художник 11, 32, 50, 51, 223, 277, 278, 279, 281, 291, 296, 305, 330, 340, 344, 361, 406, 444, 457, 479, 543, 549—550, 585, 614, 622—623, 624, 626, 628
- Волошины:** Максимилиан Александрович (см.) и его жена Мария Степановна (урожд. Заболотская; 1887—1976) 626
- Волчанецкая** Екатерина Дмитриевна (Ровинская; 1881—1956), поэт, переводчик 567
- Волинский** Аким Львович (наст. имя и фам. Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926), литературный и художественный критик, историк литературы и искусства 111—114, 179, 179, 211, 225, 229, 527

- Волькенштейн** Владимир Михайлович (1883—1974), поэт, драматург, теоретик театра 594
- Воровский** Вацлав Вацлавович (1871—1923), революционер, критик, публицист, издательский работник, дипломат 539
- Воронов** Василий Иванович, владелец типографии 201
- Воронский** Александр Константинович (1884—1937), революционер, критик, публицист 540
- Воронцова** Т. В. 229
- Врубель** Михаил Александрович (1856—1910), художник 320, I
- Вульфарт** Марья Владимировна (Вульфовна; 1898 — после 1933), скрипачка, знакомая ВЯБ (1910-е) 78, 440, 445, 464, 465, 466—468
- Выгодский** Давид Исаакович (1893—1943), переводчик, поэт, литературный критик 561—564
- Вышеславцев** Н. Н. XXXV
- Вяземский** Петр Андреевич, князь (1792—1878), поэт, критик, мемуарист 57, 178
- Габорио** Эмиль (1832—1873), французский прозаик 40
- Габсбурги**, династия, правившая в Австрии (1282—1918), Чехии и Венгрии (1526—1918), Испании (1516—1700), Нидерландах (1477—1794), императоры Священной Римской империи (1438—1806) 461
- Галанова** М., автор письма к ВЯБ 430
- Галушкин** А. Ю. II
- Гальперин** Михаил Петрович (1882—1944), поэт, критик, переводчик 567
- Гамсун** Кнут (наст. фам. Педерсен; 1859—1952), норвежский прозаик, драматург 197, 201
- Гарэтто** Э. 9
- Гаспаров** Михаил Леонович (1935—2005), историк литературы, переводчик 479, 483, 485, 487—488, 504, 517—518, 603, 608
- Гастев** Алексей Капитонович (1882—1939), революционер, профсоюзный деятель, поэт, прозаик, теоретик научной организации труда 587
- Гейман** Б. Я. 528
- Гейне** Генрих (1797—1856), немецкий поэт, прозаик, публицист 58, 102
- Генон Рене** (1886—1951), французский философ 503
- Герасимов** Константин Сергеевич (1928—1996) поэт, литературовед, педагог 587, 603, 607
- Герасимов** Михаил Прокофьевич (1889—1939), поэт 546—547, 587—588
- Герцен** Александр Иванович (1812—1870), прозаик, журналист, философ 22, 396
- Герцык** (Лубны-Герцык) Аделаида Казимировна (в замуж. Жуковская; 1874—1925), поэтесса, критик, переводчик 321
- Гершензон** Михаил Осипович (1869—1925), историк литературы, публицист 532, 545, 546
- Герье** Владимир Иванович (1837—1919), историк 79, 190, 229
- Гёте** Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт, прозаик, драматург, мыслитель, естествоиспытатель, государственный деятель 102, 344, 353, 503, 570
- Гиль** Рене (наст. фам. Гильбер; 1862—1925), французский поэт, критик, теоретик «научной поэзии» 270, 278, 279, 280, 281, 387, 393, 488, 605
- Гиляровский** Владимир Алексеевич (1853—1935), прозаик, поэт, журналист 46, 47, 48
- Гиндин** Сергей Иосифович (р. 1945), историк литературы, стиховед 7, 56, 60, 76, 80, 84, 88, 98, 103, 105, 116, 118, 122, 124, 126, 155, 158, 274, 509, 539, 583
- Гиппиус** Александр Васильевич (псевд. Г. Заронин; 1878—1942), юрист, поэт 84, 86, 260

- Гиппиус** Василий Васильевич (1890—1942) литературовед, поэт, переводчик 84
- Гиппиус** Владимир Васильевич (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский; 1876—1941), поэт, критик, педагог 84, 86—88, 89, 139, 147, 179, 187, 200, 218, 419
- Гиппиус** Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; 1869—1945), поэтесса, прозаик, критик, мемуарист 95, 179, 180, 181, 184, 217—219, 228—231, 232, 233, 234, 236, 239—243, 247, 249, 251, 254, 262, 270, 277, 285, 289, 330, 333, 338, 341—342, 345—349, 360, 366, 369, 392, 393, 395, 397, 418, 438—439, 457—458, 492, 507, 516, 523, 526, 548, 550
- Гиршман** Владимир Осипович (1868—1936), промышленник, коллекционер 376
- Глаголев**, штабс-капитан, переводчик Верлена (1890-е) 92
- Гогенцоллерны**, династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918), германских императоров (1871—1918) 461
- Гоголь** Николай Васильевич (1809—1852), прозаик, драматург, критик, публицист 21, 62, 218, 369, 370, 570
- Голиков** Владимир Митрофанович (1875 — после 1917), поэт, журналист 91, 146, 168, 367
- Голубева** О. Д. 30, 411
- Гольцев** Виктор Александрович (1850—1906), публицист, критик 368
- Гольштейн** Александра Васильевна (урожд. Баулер; 1849—1937), переводчик, критик, мемуарист 250, 278
- Гончаров** Иван Александрович (1812—1891), прозаик 57, 258
- Гораций** Флакк Квинт (65—8 до н. э.), римский поэт 57
- Горбачев** Георгий Ефимович (1897—1938), критик, литературный функционер 543
- Горгий** (ок. 485 — ок. 380 до н. э.), древнегреческий софист, теоретик и учитель красноречия 580, 582
- Горнфельд** Аркадий Георгиевич (1867—1941), критик, историк литературы 364, 410
- Горный** Сергей (наст. имя и фам. Александр-Марк Авдеевич Оцуп; 1882—1949), поэт-сатирик, прозаик 367—368
- Городецкий** Сергей Митрофанович (1884—1967), поэт, прозаик, критик, переводчик 330, 340, 347, 349, 361, 407, 419, 425, 432, 457, 548, 555, 577—578
- Горький** Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936), прозаик, драматург, публицист, общественный деятель 207, 211, 214, 215, 216, 241, 289, 489—492, 494, 511—512, 545, 587, 614
- Гофман** Виктор (Виктор-Балтазар-Эмиль) Викторович (1884—1911), поэт, прозаик, критик 186, 253, 303, 331, 354, 367, 382, 444
- Гофман** Модест Людвигович (1887—1959), поэт, историк литературы 189
- Гофман** Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), немецкий прозаик, композитор 323
- Гранаты**: Александр Наумович (1861—1933) и Игнатий Наумович (1863—1941), издатели 364
- Грациан** (359—383), римский император (с 375) 481, 557
- Гречишкин** С. С. 126, 155, 178, 201, 221, 249, 250, 274, 323, 360, 399
- Гржебин** Зиновий Исаевич (1869—1929), художник, издатель 446, 475, 491—492, 574, 619
- Григорьев** Аполлон Александрович (1822—1864), поэт, драматург, критик 393

- Григорьев** Михаил Степанович (1890—1980), педагог, критик, театровед 103, 592, 594, 597
- Григорьян** К. Н. 493
- Гриф**, см. Соколов С. А.
- Гроссман** Джоан, американский историк литературы 101, 128, 156, 223
- Гроссман** Леонид Петрович (1888—1965), историк литературы, прозаик, поэт 101, 555—556, 594, 613, 622, 624, XLV
- Грот** Николай Яковлевич (1852—1899), философ, психолог, педагог 182
- Грузинов** Иван Васильевич (1893—1942), поэт 434, 567, 570
- Грузинский** Алексей Евгеньевич (1858—1930), историк литературы, переводчик 459
- Грюнер** Маргарита, студентка ВЛХИ (1920-е) 626—627
- Гуанга** Станислав де (1862—1897), французский оккультист 503
- Губкин** Александр Иванович, муж Д. К. Брюсовой 17
- Губкина** Мария Александровна 128
- Гудзий** Николай Каллинович (1887—1965), историк литературы 38, 59, 62, 82—86, 92
- Гуль** Роман Борисович (1896—1987) — прозаик, критик, публицист, мемуарист 565, 614
- Гумилев** Николай Степанович (1886—1921), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик 7, 11, 354, 366, 391, 393, 407, 410, 417—419, 432, 444, 585, 614
- Гурдов** Павел Васильевич (1882—1915), штабс-капитан, инженер, командир отряда броневтомобилей 470—471
- Гуревич** Любовь Яковлевна (1866—1940), критик, журналист, историк театра 358, 406
- Гурлянд** Илья Яковлевич (1868 — после 1921), журналист, публицист, поэт 88, 110, 111
- Гурмон** Жан де (1877—1928), французский критик, прозаик 278
- Гурмон** Реми де (1858—1915), французский критик, прозаик, поэт 270, 278, 283
- Гурно** (Де Гурно) Надежда Максимилиановна (Михайловна) де, графиня (в замуж. Роттермунд, затем Клетчер; ? — после 1927), поэтесса 568
- Гюго** Виктор (1802—1885), французский поэт, прозаик, драматург, публицист 205
- Гюнтер** Иоганнес фон (1886—1973), немецкий поэт, переводчик, мемуарист 356—357
- Гюттнер** О. цу XXXVII
- Д'Аннунцио** Габриэле (1863—1938), итальянский драматург, поэт, прозаик 197, 201, 205, 206, 227, 376, 379—380
- Даниелян** Э. С. 221
- Данте Алигьери** (1265—1321), итальянский поэт 352, 364, 389, 439, 464, 521, 581, 583
- Дарвин** Чарльз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель 30, 33, 37
- Дарузес** Наталья Александровна, знакомая ВЯБ (1890-е) 78, 79, 98, 143, XIII
- Дедлов** Владимир Людвигович (наст. фам. Кигн; 1856—1908), прозаик, журналист 149
- Дельвиг** Антон Антонович, барон (1798—1831), поэт, издатель 211
- Дембовецкий** Василий Эдуардович (1885—1944), поэт, педагог 557
- Дементьев** Николай Иванович (1907—1935), поэт 600
- Демокрит** Абдерский (ок. 460 — ок. 371 до н. э.), древнегреческий философ 604
- Демольдер** Эжен (1862—1913), бельгийский беллетрист 295
- Демьянова** А. Н. 237
- Дени** В. Н. XVIII
- Деникин** Антон Иванович (1872—1947), командующий Добровольческой армией, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России 553

- Дербенев** Г. И. 11
- Державин** Гаврила Романович (1743—1816), поэт, государственный деятель, мемуарист 57
- Дерягин** Виктор Яковлевич (1937—1994), филолог 10
- Дикман** Минна Исаевна (1910—1989), историк литературы, редактор 239
- Дил** Ф. 75
- Дименштейн** И. 468
- Динерштейн** Е. А. 540
- Динесман** Т. Г. 294
- Дмитренко** Алексей Леонидович (р. 1971), историк литературы 10, 625
- Дмитриев** В. Г. 222
- Дмитриев** М. В. 180, 271
- Добролюбов** Александр Михайлович (1876—1944?), поэт, философ, проповедник 82, 84, 86, 87, 88, 89, 96, 112, 139, 140, 147, 156, 167, 168, 171, 175, 176, 179, 187, 198, 199, 200—202, 218, 420, 425
- Добролюбов** Георгий Михайлович (1878—?), морской офицер 200
- Добронравов** Дмитрий, священник 26
- Долгополов** Леонид Константинович (1928—1995), историк литературы 10, 138, 521
- Дорошевич** Влас Михайлович (1865—1922), прозаик, журналист, фельетонист 198
- Достоевский** Федор Михайлович (1821—1881), прозаик, публицист 21, 57, 158, 227, 270, 274, 521
- Дризен** Николай Васильевич (барон Остен-Дризен; 1868—1935), цензор, историк театра, мемуарист 383
- Дроздов** Владимир Александрович (р. 1936), историк литературы, коллекционер 10, 529
- Дронов** Владимир Сергеевич (1919—1985), историк литературы 79, 80, 92, 124, 125, 130, 132, 148, 149, 156, 512
- Дубасов** Федор Васильевич (1845—1912), военно-морской и государственный деятель, генерал-адъютант, адмирал, генерал-губернатор Москвы (1905—1906) 293, 294
- Дубовиков** А. Н. 229
- Дубровкин** Роман Михайлович (р. 1953), историк литературы, переводчик 279, 280
- Дурнов** Модест Александрович (1868—1928), художник, архитектор, поэт 70, 186, 187, 193, 202, 204, 205, 252
- Дурново** Николай Николаевич (1876—1937), филолог-славист 191
- Дымов** Осип (наст. имя и фам. Осип Исидорович Перельман; 1878—1959), прозаик, драматург 349
- Дьяговченко** И. Г. 28, 29
- Дю Прель** Карл (1839—1899), французский врач, исследователь оккультизма 176, 272
- Дюамель** Жорж (1884—1966), французский прозаик, поэт, публицист 387
- Дюма** Александр (1802—1870), французский прозаик 40
- Дягилев** Сергей Павлович (1872—1929), театральный и художественный деятель 179, 227, 230, 331
- Евренин** Николай Николаевич (1879—1953), драматург, режиссер, теоретик и историк театра 381
- Евстигнеева** А. Л. 496
- Егоров** Ефим Александрович (1861—1935), журналист, публицист 241
- Екатерина II** (1729—1796), российская императрица (с 1762) 178, 462
- Ельницкая** Л. М. 12
- Емельянов-Коханский** Александр Николаевич (наст. фам. Емельянов; 1871—1936), поэт, прозаик, журналист 75, 84, 118—120, 121, 122—124, 130
- Енсен** П. А. 277

- Енукидзе** Абель Сафронович (1877—1937), государственный и партийный деятель 613
- Есенин** Сергей Александрович (1895—1925), поэт 504, 522, 569—570, 597, 613, 634
- Ефрон** Илья Абрамович (1847—1917), издатель 364
- Жаботинский** Владимир (Зеев) Евгеньевич (псевд. Altalena; 1880—1940), поэт, переводчик, журналист, публицист, один из лидеров сионистского движения 426—427
- Жданов** Лев Григорьевич (наст. имя и фам. Леон Германович Гельман; 1864—1951), прозаик, поэт, драматург, журналист 216, 217
- Жиркевич** Александр Владимирович (1857—1927), военный юрист, коллекционер 138
- Жирмунский** Виктор Максимович (1891—1971), литературовед, критик 255, 256, 412, 478
- Жуковский** Василий Андреевич (1783—1852), поэт, переводчик, литературный критик 533
- Жуковский** Д. Е. 292
- Загоскин** Михаил Николаевич (1789—1852), прозаик, драматург 21
- Зайцев** Борис Константинович (1881—1972), прозаик, мемуарист 242
- Зайцев** Петр Никанорович (1889—1970), поэт, издательский работник, мемуарист 533, 613, 624
- Зак** Л. В. XXX
- Закревская**, поэтесса 138
- Закржевский** Александр Карлович (1886—1916), критик, публицист 397—398
- Замятин** Евгений Иванович (1884—1937), прозаик, драматург, публицист 540
- Замятнина** Марья Михайловна (1862—1919), друг и домоправительница Вяч. Иванова 305, 250, 294
- Зарина** Е. И. XVI
- Захаров-Мэнский** Николай Николаевич (1895—1942), поэт 567, 619
- Здобнов** Д. С. 134, 182, 212, 365, 482, XV
- Зейфман** Н. В. 517
- Зиновьев** Григорий Евсеевич (наст. имя и фам. Овсей-Герш Аронович Радомысльский; 1883—1936), революционер, государственный и партийный деятель, публицист 515, 552, 556, 629
- Зиновьева-Аннибал** Лидия Дмитриевна (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон, во втором Иванова; 1865—1907), прозаик, драматург, жена Вяч. Иванова 250, 251, 293, 294, 305
- Злобин** Степан Павлович (1903—1965), прозаик 596, 600
- Знаменский** В. И., книгоиздатель 420
- Зноско-Боровский** Евгений Александрович (1884—1954), секретарь редакции журнала «Аполлон», драматург, критик 390—391, 393
- Зунделович**, соученик ВЯБ по гимназии Креймана 97
- Ибсен** Генрик (1828—1906), норвежский драматург 197, 201
- Иван IV** Грозный (1530—1584) — московский князь (с 1533), первый русский царь (с 1547) 299
- Иванов** Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт, переводчик, критик, теоретик литературы и искусства 250, 251, 260, 267, 271, 272, 285, 288, 293, 294, 305, 312, 319, 327—330, 334, 336—337, 339, 347, 349—350, 360, 379, 381, 391—393, 406, 439, 441—442, 470, 476—477, 493, 495, 497, 519, 524, 526, 533, 545, 547, 582—583, 585, 614, 620—621, 635
- Иванов** Георгий Владимирович (1894—1958), поэт, прозаик, критик, мемуарист 418, 476

- Иванов Дмитрий Вячеславович** (1912—2003), журналист, сын Вяч. Иванова 10, 621
- Иванов Юрий Алексеевич** (1892—?), историк, поэт 480—481
- Иванова Е. В.** 63, 85, 88, 311
- Иванова Лидия Вячеславовна** (1896—1985), композитор, мемуарист, дочь Вяч. Иванова 621
- Иванов-Разумник** (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946), критик, публицист, историк литературы, мемуарист 446, 449, 473, 593, 623
- Ивнев Рюрик** (наст. имя и фам. Михаил Александрович Ковалев; 1891—1981), поэт, прозаик, переводчик, мемуарист 545
- Игнатов Илья Николаевич** (1858—1921), критик, публицист 257, 384, 486
- Игнатов С. С.** 613
- Игумнов Константин Николаевич** (1873—1948), пианист 376
- Иенсен Альфред Антон** (1859—1921), шведский историк литературы, критик, переводчик 336
- Измайлов Александр Алексеевич** (1873—1921), поэт, прозаик, критик, историк литературы 18, 31, 38, 70, 110, 258, 358, 367, 369—371, 407, 409—410, 473, 479, 481, 482, 486
- Иловайский Дмитрий Иванович** (1832—1920), историк, публицист 368
- Ильев С. П.** 221
- Ильин Владимир Николаевич** (1891—1974), философ, богослов, публицист 146
- Ильинский А. А.** 38, 474
- Ильюнина Л. А.** 311
- Иоаннисян Иоаннес Мкртичевич** (1864—1929), армянский поэт 495
- Иоффе М. С.** 209
- Казецкий Николай Львович** (1860—?), журналист, издатель 221
- Казин Василий Васильевич** (1898—1981), поэт 586—587
- Калаш Владимир Владимирович** (1866—1919), историк литературы, библиограф 218, 267, 272, 409
- Кальв Гай Лициний** (82—47 до н.э.), римский поэт и оратор 485
- Калюжные:** Евгения Яковлевна, урожд Брюсова (см.) и ее муж Б. В. Калюжный 315
- Калюжный Б. В.,** муж Е. Я. Брюсовой 223
- Калаяв Иван Платонович** (1877—1905), революционер-террорист, поэт 153, 277
- Каменев Лев Борисович** (наст. фам. Розенфельд; 1883—1936), революционер, государственный и партийный деятель, критик, публицист 32, 364, 549, 552, 554—555, 559, 613, 629
- Каменева Ольга Давыдовна** (урожд. Бронштейн; 1881—1941), литературный и театральный функционер 524
- Каменский Анатолий Павлович** (1876—1941), прозаик, драматург 367, 395
- Каменский Василий Васильевич** (1884—1961), поэт, прозаик, мемуарист, авиатор 472, 567
- Кан Гюстав** (1859—1936), французский поэт и прозаик 66
- Кант Иммануил** (1724—1804), немецкий философ —171, 199
- Кантемир Антиох Дмитриевич,** князь (1708—1744), поэт, философ, дипломат 57
- Кардек Алан** (наст. имя и фам. Ипполит Ривайль; 1804—1869), французский спирит 176, 272
- Карл XII** (1682—1718), шведский король (с 1697) 334, 335
- Карташев Антон Владимирович** (1875—1960), общественный деятель, богослов, публицист 230
- Кастальская Ольга Николаевна,** корреспондент ВЯБ (1899) 174
- Катаев Иван Иванович** (1902—1937), прозаик 600

- Катерина Александровна**, знакомая ВЯБ 149
- Катков Михаил Никифорович** (1818—1887), журналист, публицист 76
- Катон** (Марк Порций Катон Старший (Катон Цензор); 234—149 до н. э.), римский политик, полководец, писатель 368
- Кашкин Иван Иванович** (1899—1963), переводчик, критик 601
- Квашнин-Самарин Евдоким Николаевич** (1877/1878—1920), поэт, морской офицер 179, 200
- Кеворк (Геворк) V Тпхисеци Су-ренян** (1846—1930), верховный патриарх и католикос всех армян (1911—1930) 495
- Керенский Александр Федорович** (1881—1970), политический и государственный деятель 511
- Киёнага Тории** (1752—1815), японский художник 282
- Кириллов Владимир Тимофеевич** (1890—1937), поэт 543, 545—546, 587—588
- Киселис П. Ю.** 525, 554
- Клейнборг Л. М.** 578
- Клестов Н. С.**, см. Ангарский Н. С.
- Клингсор Тристан** (наст. имя и фам. Леон Леклер; 1874—1966), французский поэт, художник, музыкальный критик 205, 206
- Клычков Сергей Антонович** (наст. фам. Лешенков; 1889—1937), прозаик, поэт, переводчик 419
- Клюев Николай Алексеевич** (1884—1937), поэт 419—420, 423, 422, 543
- Ключевский Василий Осипович** (1841—1911), историк 191
- Ключников Юрий Вениаминович** (1886—1938), политический деятель, юрист, публицист, идеолог сменовеховства 540, 553, 555
- Княжнин Вл.** 412
- Князьев Всеволод Гаврилович** (1891—1913), поэт 400—401
- Кобринский А. А.** 312
- Кобылинские**, братья Лев Львович (Эллис) (см.) и Сергей Львович (1882—?), выпускник историко-филологического факультета Московского ун-та 352
- Ковалевский Вячеслав Александрович** (1897—1977), поэт, прозаик 569
- Коган Петр Семенович** (1872—1932), историк литературы, критик 103, 104, 134, 169, 358, 485, 539, 548, 592, 594, 597, 601, 631, 633
- Кожебаткин Александр Мелетьевич** (1884—1942), издатель, коллекционер 526
- Козненко М. П.** 263
- Козлов Иван Андреевич** (1888—1957), партийный работник, прозаик, очеркист 599, 601
- Козловский А. А.** 103
- Койранский Александр Арнольдович** (1884—1968), поэт, художник 253, 384
- Койранский Борис Арнольдович** (1882—1920), журналист, адвокат 253
- Койранский Генрих Арнольдович** (1883—?), врач 253
- Колтоновская Елена Александровна** (урожд. Сасько; 1870—1952), критик 397
- Комаровский Павел Евграфович**, граф (?—1907), знакомый М. Тарновской 396
- Коммиссаржевская Вера Федоровна** (1864—1910), актриса 78, 376—382, XVI
- Коммиссаржевский Федор Федорович** (1882—1954), режиссер 382
- Кондратьев Александр Алексеевич** (1876—1967), поэт, прозаик 410
- Коневской Иван Иванович** (наст. фам. Ореус; 1877—1901), поэт, прозаик, критик, переводчик 22, 187, 188, 189, 190, 193, 199—202, 205—207, 218, 224, 227, 230, 243, 251, 425
- Константин Флавий Валерий Аврелий Великий** (ок. 285—337), римский император (с 306) 481

- Конт** Огюст (1798–1857), французский философ-позитивист 31
- Кончаловский** Максим Петрович (1875–1942), врач-терапевт 627–628
- Коншина** Елизавета Николаевна (1890–1972), историк литературы, архивист 39, 58, 231, 412, 427, 430, 434, 483–484
- Коонен** Алиса Георгиевна (1889–1974), актриса 613
- Копельман** Соломон Юльевич (1881–1944), издатель 446
- Корде д'Армон** Шарлотта (1768–1793), французская аристократка, убийца Ж. П. Марата 426
- Коринфский** Аполлон Аполлонович (1868–1937), поэт, критик 73, 94, 99, 138, 157, 182
- Кормилов** С. И. 602
- Корнеев** В. 606
- Королев** Ефим Ефимович, драматург 63
- Королевич** Владимир Владимирович (наст. фам. Королев; 1894–1969), поэт, актёр, кинорежиссер 530
- Короткина** Л. В. 324
- Коротков** Карп Егорович (1879–1954), поэт, прозаик, драматург 530
- Корчагин** Александр Иванович (1900–?), издательский работник 598
- Корш** Федор Евгеньевич (1843–1915), филолог-классик, переводчик 79, 80
- Коршунова** Елена Евгеньевна, знакомая ВЯБ (1890-е) 159
- Косолапов** П. 566
- Коськин** Петр Петрович, студент, проректор ВЛХИ по хоз. части 592
- Котляревский** Нестор Александрович (1863–1925), историк литературы 214
- Котрелев** Николай Всеволодович (р. 1941), историк литературы, книговед 12, 194, 197, 237, 250, 263, 338, 353
- Краевский** Владимир Эдуардович, соученик ВЯБ по гимназии Креймана 51
- Кранихфельд** В. П. 453
- Краскова** Варвара Андреевна 61, 65
- Краскова** Елена Андреевна (1868–1893), возлюбленная ВЯБ 60, 62–65, 76–79, 203, XIV
- Краскова** Мария Ивановна, мать Е. А. Красковой 77
- Краснов** Платон Николаевич (1866–1924), критик, переводчик 73, 101
- Красовский** Ю. А. 459
- Крачковский** Игнатий Юлианович (1883–1951), филолог-арабист 495
- Крейд** Вадим Прокопьевич (р. 1936), историк литературы, поэт, критик 8
- Крейман** Франц Иванович (1828–1902), педагог, директор частной гимназии 36, 45, 52, 53, 56, 67, III
- Кречетов**, см. Соколов С. А.
- Кречетова** Е. А. 187
- Криницкий** Марк (наст. имя и фам. Михаил Владимирович Самыгин; 1874–1952), прозаик, драматург 103, 126, 135, 146, 160, 163, 165, 167, 168, 175, 203, 211, 239, 339
- Кристенсен** Дагни (1876–1962), норвежская поэтесса и переводчик 277
- Кровицкий** Яков Филиппович, владелец типографии 116
- Кронберг** Ю. 440
- Кропивницкий** Евгений Леонидович (1893–1979), художник, поэт 421
- Кропивницкий** Леонид Иванович (1861–1923), литератор-дилетант 420, 421, 424
- Кругликова** Елизавета Сергеевна (1865–1941), художница 250
- Крупская** Надежда Константиновна (1869–1939), революционер, государственный деятель, жена В. И. Ленина 545

- Крыжановская** Вера Ивановна (урожд. Семенова; псевд. Рочестер; 1857–1924), прозаик 323
- Крылов** Иван Андреевич (1769–1844), баснописец, драматург 24
- Кублицкая-Пиоттух** Александра Андреевна (урожд. Бекетова; 1860–1923), поэтесса и переводчица, мать А. А. Блока 254
- Куванова** Л. К. 409
- Кугушев** Алексей Петрович, поэт 138
- Кудрявцев** Михаил Елиазарович (1940–2004), коллекционер 10
- Кузмин** Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный и театальный критик, музыкант 279, 282, 329–330, 343, 347, 367, 391, 392, 393, 400–401, 425, 486, 585, 614
- Кунин** И. Ф. 560
- Купала** Янка (наст. имя и фам. Иван Доминикович Луцевич; 1882–1942), белорусский поэт 460, 504
- Купер** Джеймс Фенимор (1789–1851), американский прозаик 33, 40
- Купреянов** Н. Н. XXXVI
- Куприн** Александр Иванович (1870–1938), прозаик, журналист 214
- Купченко** В. П. 11
- Курбатов** И. Ф. 36, 40
- Курников** Василий Андрианович (или Ардалионович), служащий издательства «Скорпион» и журнала «Весы» 170, XX
- Куропаткин** Алексей Николаевич (1848–1925), военный министр, командующий войсками в Русско-японскую войну 285
- Куринский** Александр Антонович (1873–1919), поэт, переводчик, журналист 58, 103, 104, 129, 130, 134, 135, 145, 146–149, 154, 164, 167, 168, 171, 172, 186, 201, 211, 242, 254, 320, 338–339, 343
- Кусиков** Александр Борисович (наст. фам. Кусикян; 1896–1977), поэт 567, 570–571, 614–615
- Кустодиев** Б. М. 170, 291
- Лавренев** Борис Андреевич (наст. фам. Сергеев; 1891–1959), прозаик, драматург 577
- Лавров** Александр Васильевич (р. 1949), историк литературы 11, 155, 178, 187–189, 229, 237, 245, 247, 249, 250, 274, 277, 301, 306, 308–313, 317, 323, 331, 333, 339, 341, 346, 350, 352–354, 360, 387, 389, 399, 431, 434, 486
- Лаврова** К. Н. 608
- Лазарев** В. А. 344, 357
- Лазовский** Павел Петрович (1894–197?), журналист 591–592, 599–600
- Ланг** Александр Александрович, книготорговец, отец А. А. Ланга (А. Л. Миропольского) 67, 102, 105
- Ланг** Александр Александрович (псевд. А. Л. Миропольский; 1872–1917), поэт 51, 56, 65, 67, 68, 69–72, 77, 81, 82, 88, 89, 94, 96, 102, 103, 108, 120, 134, 149, 151, 154, 156, 168, 171, 186, 201, 205, 211, 222, 253, 267, 348
- Ланг** Евгения Александровна (1890–1973), художница 348
- Лансере** Е. Е. XXIV
- Ланский** Л. Р. 615
- Лапшин** Иван Иванович (1870–1952), философ, логик 187
- Ларцев** В. Г. 607
- Лассаль** Фердинанд (1825–1864), немецкий социалист, писатель 22
- Лафорг** Жюль (1860–1887), французский поэт 66, 435, XXX
- Лебедев** Владимир Петрович (1869–1939), поэт, прозаик, переводчик 131
- Лебедев** Сергей Васильевич (1874–1934), химик 65, 625
- Лебедев-Полянский** Павел Иванович (наст. фам. Лебедев; 1881–1948), революционер, партийный деятель, публицист, критик,

- историк литературы 532, 539, 545, 548–549
- Ледницкий Александр Робертович** (1866–1934), польский юрист, публицист, общественный деятель 459, 460, 468, 470
- Ледницкий Вацлав Александрович** (1891–1967), польский и американский литературовед 459, 468
- Лейбниц Готфрид Вильгельм фон** (1646–1716), немецкий философ, математик, физик, языковед 171–173, 190
- Лелевич Г.** (наст. имя и фам. Лабори Гилелевич Кальмансон; 1901–1945), критик, историк литературы 32, 289, 344
- Ленау Николаус** (наст. имя и фам. Франц Нимбш Эдлер фон Штреленау; 1802–1850), австрийский поэт 102
- Ленин Владимир Ильич** (наст. фам. Ульянов; 1870–1924), революционер, государственный и партийный деятель, публицист 7, 297, 298, 511, 514–515, 551–552, 556–558, 587
- Ленский Александр Павлович** (наст. фам. Вервицциотти; 1847–1908), актер, режиссер, педагог 381, 383
- Ленцевич Алексей Николаевич** (наст. фам. Хавский; 1869–1904), поэт 138
- Лео А. Н.** XXXVI
- Лео К. Ф.** 372
- Леонидов Олег Леонидович** (наст. фам. Шиманский; 1893–1951), поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, журналист 567
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814–1841), поэт, прозаик 30, 45, 58, 162, 260, 427
- Лернер Николай Осипович** (1877–1934), историк литературы, критик, журналист 219, 410–412, 477–478, 481, 577
- Лесков Николай Семенович** (1831–1895), прозаик 57
- Лессинг Готхольд Эфраим** (1729–1781), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик 104
- Лившиц Бенедикт Константинович** (до крещения Наумович; 1886/1887–1938), поэт, переводчик, мемуарист 17, 444, 605
- Лидов Петр Петрович** (1881–1938), адвокат 430
- Ликиардопуло Михаил Федорович** (наст. фам. Попандопуло; 1883–1925), секретарь редакции журнала «Весы», критик, переводчик 347, 362, 385, 390, 614
- Линденбаум Владимир Васильевич** (1880-е – 1907?), поэт, меценат 339
- Липскеров Константин Абрамович** (1889–1954), поэт, драматург, переводчик 475, 486, 530
- Лирондель Андре** (1879–1952), французский славист, историк литературы 387
- Лиснер Эрнест-Константин Антонович**, владелец типографии 129, 154
- Литвин Е. Ю.** 409
- Литвин Э. С.** 358, 411, 473
- Лобачевский Николай Иванович** (1792–1856), математик, деятель народного просвещения 604
- Лозинский Михаил Леонидович** (1886–1955), поэт, переводчик 521, 619
- Локс Константин Григорьевич** (1889–1956), историк и теоретик литературы, критик 88, 124, 594
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711–1765), ученый-энциклопедист, поэт 178, 605
- Лопатин Лев Михайлович** (1855–1920), философ, психолог 182, 190
- Лосев Виктор Иванович** (1939–2006), историк литературы, архивист 10
- Лосский Н. О.** 292
- Лохвицкая Мирра Александровна** (в замуж. Жибер; 1869–1905), поэтесса 218, 237

- Лукреций** Кар Тит (ок. 96—ок. 55 до н.э.), римский поэт 605
- Лукьянов** Александр Александрович (1871—1942), поэт, переводчик 138
- Луначарская-Розенель** Н. А. 589
- Луначарский** Анатолий Васильевич (1875—1933), революционер, философ, критик, публицист, государственный деятель 383, 524, 525, 526, 527, 539, 545, 547—550, 552, 556, 560, 565, 567, 579, 589—591, 599, 601, 611, 613, 619, 631, 633
- Лурье** С. А. 320
- Лурье** Семен Владимирович (1867—1927), публицист, критик 368—369
- Луцкевич** Антон Иванович (1884—1946), белорусский критик, публицист 460
- Луцкевич** Иван Иванович (1881—1919), белорусский археолог, этнограф 460
- Львов** Александр Григорьевич, инженер, брат Н. Г. Львовой 436
- Львов** Григорий, отец Н. Г. Львовой, почтовый служащий 430—431, 439, 444
- Львов** Як. (Розенштейн Я. Л.) 382, 384
- Львова** Надежда Григорьевна (1891—1913), поэтесса, переводчик 78, 159, 419, 430—439, 441—445, 465, XVI
- Львова**, мать Львовой 439, 444
- Львов-Рогачевский** Василий Львович (наст. фам. Рогачевский; 1873/1874—1930), критик, историк литературы 367, 453, 634
- Львовский** Э. 343
- Львовы**, братья Н. Г. Львовой 431, 439, 444
- Льдов** Константин (наст. фам. Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862—1935), поэт 139
- Любецкий** С. М. 34
- Любошиц** Семен Борисович (1859—1926), журналист 267
- Лютер** Артур (в России Артур Федорович; 1876—1955), немецкий переводчик, критик, историк литературы 274—276, 357
- Лялечкин** Иван Осипович (1870—1895), поэт 89, 90, 91, 131, 134, 138
- Ляцкий** Евгений Александрович (1868—1942), историк литературы, критик 258, 321, 340, 364, 366
- Маврина** Т. А. XLIV
- Маделунг** Оге (1872—1949), датский прозаик, критик 277
- Мазуркевич** Владимир Александрович (псевд. Владимир Краснов; 1871—1942), поэт, переводчик, журналист, драматург 114, 115, 116, 138
- Майков** Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, переводчик 39, 131, 135, 260, 287
- Майн-Рид** Томас (1818—1883), английский прозаик 33, 40
- Мак** 384, 388
- Макаров** Иван, неустановленное лицо 518
- Макаров** Степан Осипович (1848—1904), флотоводец, военный теоретик, ученый-гидролог 282
- Макашин** Сергей Александрович (1906—1989), историк литературы 601
- Макинцян** Погос (Павел) Никитич (1884—1938), армянский литературный и общественный деятель 492—493
- Маковский** Сергей Константинович (1877—1962), литературный и художественный критик, поэт, мемуарист 390—391, 393
- Максими** Гай Юлий Вер (172/173—238), римский император (с 235) 518
- Максимов** Дмитрий Евгеньевич (1904—1987), историк литературы 234, 242, 345, 347, 354, 362, 520, 608
- Максимович** Михаил Михайлович (?—1923), врач-невропатолог 439, 465

- Малени Александр** Иустинович (1869—1938), историк литературы 409, 479, 481, 486—487
- Малишевский Михаил** Петрович (1896—1955), поэт, стиховед 599
- Малларме Стефан** (1842—1898), французский поэт 66, 72, 73, 76, 101, 279, 420
- Мальмстад Дж.** 10, 311
- Малютин С. В.** XLVII
- Мандельштам Осип** Эмильевич (1891—1938), поэт, прозаик, переводчик, критик 586
- Мануйлов Александр** Аполлонович (1861—1929), общественный деятель, публицист, экономист 473
- Мануйлов Виктор** Андроникович (1903—1987), историк литературы 11, 620—621
- Маньковский А. В.** 126
- Маргерит, знакомая Я. К. Брюсова** 20
- Маргерит Виктор** (1866—1942), французский прозаик 66
- Мари, гувернантка Брюсовых** 160
- Мариенгоф Анатолий** Борисович (1897—1962), поэт, прозаик, драматург 434
- Марий (Гай Марий;** 156—86 до н. э.), римский полководец, политический деятель 368
- Маринетти Филиппо** Томмазо (1876—1944), итальянский поэт, теоретик футуризма 472
- Марков А. Ф.** 219
- Марков С. Л.** 184
- Маркс Адольф** Федорович (1838—1904), издатель 474
- Маркс Карл** (1818—1883), немецкий экономист, философ 97
- Мартини Альберто** (1876—1954), итальянский художник-график 198, 409, XXVII, XXVIII, XXIX
- Мартirosян Л. В.** 126
- Мартов Эрл.** (наст. имя и фам. Андрей Эдмондович Бугон; 1870/1871 — до 1914) поэт, журналист 82, 85, 86, 88, 96, 99, 117, 118, 168, 171
- Марьянов Давид** Иванович (1891—1954), ученый секретарь Лито Наркомпроса 545
- Масайнов Борис** Алексеевич (псевд. Анибал (Аннибал); 1900 — после 1959) прозаик, литературный критик, журналист 577
- Маслеников О. А.** 303
- Мачет Тарас** Григорьевич (1891—1938), поэт, журналист 528—529, 567, 569, 571
- Маяковский Владимир** Владимирович (1893—1930), поэт, драматург 17, 530, 531—532, 542, 547, 573—574, 586, 597, 609
- Медведский Константин** Петрович (1866 — после 1918), поэт, критик 101
- Медведовский М.** XLVI
- Мейер О.** 16
- Мейерхольд Всеволод** Эмильевич (1874—1940), актер, режиссер, теоретик театра 343—344, 376—378, 381, 522, 614, 633
- Мёллер П. У.** 277
- Менделеев Дмитрий** Иванович (1834—1907), ученый-энциклопедист, публицист, общественный деятель 64
- Меньшиков Михаил** Осипович (1859—1918), публицист, критик 230
- Мережковские:** Дмитрий Сергеевич (см.) и Зинаида Николаевна Гиппиус (см.) 217, 228, 230, 234, 236, 239, 241—243, 247, 254, 289, 312, 346—347, 368, 392—393, 438
- Мережковский Дмитрий** Сергеевич (1865—1941), поэт, прозаик, критик, публицист 13, 58, 66, 67, 95, 128, 135, 138, 179, 180, 184, 185, 201, 214, 217, 218, 225—231, 234, 236, 239—243, 245, 247, 251, 254, 289, 323, 345—346, 368, 393, 394, 439, 523, 582
- Мерсеро Александр** (псевд. Эсмер-Вальдор; 1884—1945), французский поэт 387

- Метерлинк** Морис (1862—1949), бельгийский поэт, драматург 66, 72, 73, 92, 103, 126, 172, 193, 198, 221, 245, 270, 278, 285, 376—379, 454
- Метнер** Эмилий Карлович (1872—1936), музыкальный критик, философ 253, 279, 308, 324, 405
- Мещеряков** Николай Леонидович (1865—1942), революционер, издательский работник 553
- Микаэлян** Карен (Герасим Сергеевич) (1883—1941), армянский прозаик, общественный деятель 492—493
- Микешин** Михаил Осипович (1835—1896), художник, скульптор 139, 140, 202
- Милуков** Павел Николаевич (1859—1943), историк, публицист, политический деятель 470, 511
- Минаев** Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), поэт, сатирик, переводчик 443
- Минский** Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1855—1937), поэт, драматург, критик, философ 95, 128, 136, 181, 182, 189, 218, 230, 297
- Миц** З. Г. 254, 338
- Мицлова** Анна Рудольфовна (1866—1910?), оккультистка, переводчица 192
- Миролюбов** Виктор Сергеевич (1860—1939), издатель, журналист 230, 364, 582
- Миропольский** А. Л., см. Ланг А. А.
- Митрохин** Д. И. ХХХ
- Михайлов** Г. С., друг Я. К. Брюсова, муж Елизаветы Брюсовой 22
- Михайлов** Р. М. 490
- Михайлова** А. Н. 393
- Михайловский** Николай Константинович (1842—1904), критик, публицист 7, 67, 111
- Мозалевский** И. И. ХХХI
- Мозжухин** Иван Ильич (1889—1939), актер кино 458
- Молешот** Яков (1822—1893), голландский физиолог, популяризатор науки, публицист 239
- Молодяков** В. Э. 11, 12, 38, 103, 138, 202, 226, 227, 242, 329, 383, 391, 398, 401, 410, 415, 417, 421, 441, 466, 481, 526, 588, 593, 597, 609, 621, 627
- Молодякова** Эльгена Васильевна (р. 1937), историк 10
- Мордерер** В. Я. 187, 224
- Мореас** Жан (наст. имя и фам. Янис Пападиамандопулос; 1856—1910), французский поэт 66, 92, 186, 221
- Морис** Шарль Виктор (1860—1919), французский писатель и поэт 76
- Морозов** Николай Александрович (1854—1946), революционер, ученый, мемуарист, поэт 28, 29, 30, 401, 402, 403—404
- Морозова** Варвара Алексеевна (урожд. Хлудова; 1848—1917), предпринимательница, благотворительница, меценатка 250
- Морфилл** Уильям Ричард (1834—1909), английский филолог-славист 274
- Мотовилова** Софья Николаевна (1881—1966), библиотечный работник 158, 544
- Моцарт** Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор, дирижер, органист 443
- Мочульский** Константин Васильевич (1892—1948), историк литературы, критик 146, 478, 575, 606—608
- Музыка** Ф. И., секретарь Г. Е. Зиновьева 629
- Муравьев** Вл. Б. 25, 57, 607
- Муравьева** Е. А. 313, 323
- Муратов** А. Б. 364, 582
- Мэтьюрин** Чарльз Роберт (1780—1824), английский прозаик 323
- Н. Т.** 612
- Надсон** Семен Яковлевич (1862—1887), поэт 39, 45, 57, 58, 154, 427, 597
- Нарбут** Владимир Иванович (1888—1938), поэт, издательский работник 419, 611

- Наседкин Василий Федорович** (1895–1938), поэт 600
- Наумов Николай Александрович** (1884–?), губернский чиновник, фигурант судебного процесса Тарновской 396
- Некрасов Константин Федорович** (1873–1940), издатель 420
- Некрасов Николай Алексеевич** (1821–1877), поэт, прозаик, журналист 30, 39, 57, 162, 219, 260
- Немирова М. А.** 288
- Немирович-Данченко Владимир Иванович** (1858–1943), режиссер, драматург 613, 633
- Петропов Максим Эрнестович** (наст. фам. Портен; 1886–1937), поэт, прозаик 567
- Николаев Н. Н.** 101
- Николай II** (1868–1918), российский император (1894–1917) 289, 463
- Николай Николаевич Младший**, великий князь (1856–1929), военный деятель 461
- Нинов А. А.** 186, 202
- Ницше Фридрих** (1849–1900), немецкий философ, филолог 178, 179, 221, 233, 245
- Новиков А.** 547
- Нович см.** Бахтин Н. Н.
- Ноздрин Авенир Евстигнеевич** (1862–1938), революционер, поэт 90, 91, 168
- Нордау Макс** (наст. фам. Симон Максимилиан Зигфельд; 1849–1923), немецкий психиатр, публицист 66, 67
- Нумериан Марк Аврелий Нумерий** (?–285), римский император (с 284) 517
- Облеухов Антон Дмитриевич** (после 1861 – после 1916), поэт, переводчик 167, 171, 225
- Облеухов Николай Дмитриевич** (1860-е – после 1923), литератор, редактор 167, 185, 186, 225, 257
- Обрадович Сергей Александрович** (1892–1956), поэт 588
- Образцова Евгения Ивановна**, меценатка, знакомая ВЯБ (1900–1910-е) 78, 234, 237
- Овидий Назон Публий** (43 до н. э.–18), римский поэт 368, 479
- Октавиан Август** (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, при рождении Гай Октавий Фурий; 63 до н. э.–14), римский политический деятель, император 586
- Окулов Н. Н.** (псевд. Тамарин Н.) 376
- Онегин-Отто Александр Федорович** (1844–1925), коллекционер, историк литературы 250
- Ореус Иван Иванович** (1830–1909), военный историк, отец И. И. Коневского 188, 230
- Орлов В. Н.** 169, 444
- Осилов И.** (Абельсон И. О.) 376
- Осоргин Михаил Андреевич** (наст. фам. Ильин; 1878–1942), прозаик, журналист, революционер 303
- Останкевич** 462
- Островский А. Г.** 185
- Островский Александр Николаевич** (1823–1886), драматург 19, 63, 331, 393
- Остроумова-Лебедева Анна Петровна** (1871–1955), художница 65, 622, 625–626, 628
- Ояма Ивао** (1842–1916), японский военный и государственный деятель 283
- Павлин из Пеллы** (IV в.), римский поэт 485
- Павлов Николай Павлович** (прозвище Тонька; 187?–1920), сын Ф. А. Бакулиной, двоюродный брат ВЯБ 33
- Павлов П.** 145, X
- Павлова Каролина Карловна** (урожд. Яниш; 1807–1893), поэтесса, прозаик, переводчик 178, 219, 411–412, 464, 485, XXXII
- Павлович Надежда Александровна** (1895–1980), поэтесса, переводчик, мемуарист 535, 568
- Павловская Евгения Ильинична** (1876?–1898), гувернантка

- в семье Брюсовых 158, 159, 160, 162, 163, 544
- Падарин** Николай Михайлович (1867—1918), актер 385
- Пазетти** А. 183, 185
- Панин** В. С. 343
- Панина** А. Л. 527
- Паниян** Ю. М. 125
- Панов** Николай Андреевич (1861—1906), поэт 138
- Пантюхов** Михаил Иванович (1880—1910), прозаик 253, 331
- Папини** Джованни (1881—1956), итальянский поэт, прозаик, публицист 274
- Парнис** А. Е. 187
- Парнок** София Яковлевна (наст. фам. Парнох; 1885—1933), поэтесса, критик, переводчик 303, 443, 478, 577
- Пастернак** Борис Леонидович (1890—1960), поэт, прозаик, переводчик 527, 547, 565, 574, 586, 615—616, 618, 622
- Пастернак** Е. В. 574
- Патараки** Сергей Александрович (псевд. Сергей Терзаев; 1860—1919), поэт, журналист 114, 115, 116
- Паустовский** К. П. 457
- Паханянец** К. А. 574
- Пашенная** Вера Николаевна (урожд. Рощина-Инсарова; 1887—1962), актриса 381—382
- Пашуканис** Викентий Викентьевич (1879—1919), издатель 474
- Пентадий** (IV в.), римский поэт 479
- Переверзев** Валериан Федорович (1882—1968), историк литературы 594
- Перикл** (ок. 495—429 до н.э.), афинский государственный деятель 552
- Перцов** Петр Петрович (1868—1947), критик, издатель, мемуарист 12, 90, 102, 110, 111, 113, 116, 117, 119, 122, 123, 127, 128, 131, 133—136, 137, 138, 139, 141, 143, 146, 148, 149, 154, 179, 189, 216, 220, 225—227, 229, 230, 234, 236, 238—240, 245, 260, 277, 281—283, 285, 287, 289, 292, 299, 312, 345, 364
- Петров** Николай Васильевич (1890—1964), актер, режиссер 343
- Петровская** Нина Ивановна (в замуж. Соколова; 1879—1928), прозаик, критик, переводчик, возлюбленная ВЯБ 9, 78, 159, 224, 254, 288, 300, 301, 303—306, 307—309, 311, 313, 315—320, 322—323, 339, 348, 361—362, 382, 387, 389, 410, 419, 434—435, 514, 614, XV
- Пешковский** Александр Матвеевич (1878—1933), языковед 594
- Пизарро** Франциск (ок. 1471/1475—1541), испанский конквистадор 316
- Пиксанов** Николай Кирьякович (1878—1969), историк литературы 633
- Пильняк** Борис Андреевич (наст. фам. Вогау; 1894—1938), прозаик 547, 613
- Пильский** Петр Моисеевич (1876—1941), прозаик, критик, журналист 167, 169
- Писарев** Дмитрий Иванович (1840—1868), критик, публицист 30, 239
- Писемский** Алексей Феофилактович (1821—1881), прозаик, драматург 57, 586
- Пифагор** Самосский (570—490 до н.э.), древнегреческий философ, математик 503, 589, 604—605
- Плеве** Вячеслав Константинович (1846—1904), государственный деятель 236
- Плеханов** Георгий Валентинович (1856—1918), революционер, философ, критик, публицист 587, 601, 631
- Плещев** Алексей Николаевич (1825—1893), поэт, переводчик 120, 121
- Пнин** Иван Петрович (1773—1805), поэт, публицист 555

- По** Эдгар Аллан (1809—1849), американский поэт, прозаик, критик 40, 79, 85, 172, 198, 409, 426—427, 464, 539, 619
- Победоносцев** Константин Петрович (1827—1907), государственный деятель, обер-прокурор Святейшего синода (1880—1905), публицист 230
- Погорелова** Б., см. Рунт Б. М.
- Покчалов** М. В. 229
- Полежаев** Александр Иванович (1804—1838), поэт 58
- Поливанов** Лев Иванович (1838—1899), педагог, директор частной гимназии, историк литературы 53, 54, 55—57, 71, 72, 77, 172, 246, IV
- Полонский** В. В. 561
- Полонский** Вячеслав Павлович (наст. фам. Гусин; 1886—1932), революционер, журналист, критик 135, 216, 548, 599
- Полонский** Яков Петрович (1819—1898), поэт, прозаик 24, 183, 219, 260
- Поляк** А. П. 365
- Поляков** Александр Яковлевич, (1822—1907) предприниматель, отец С. А. Полякова 194
- Поляков** Сергей Александрович (1874—1943), издатель, переводчик 194, 195, 196, 197, 200, 201, 205, 211, 216—218, 220, 250, 262, 263, 265—267, 274, 283, 288, 301, 311, 313, 327—329, 338, 356, 361—362, 403—404, 446, 613
- Помирный** Р. Е. 343
- Понсон дю Террайль** Пьер Алексис (1829—1871), французский прозаик 40
- Попов** Иван Иванович (1862—1942), общественный деятель, мемуарист 459
- Порфиоров** Петр Федорович (1870—1903), поэт, переводчик 138
- Поссе** Владимир Александрович (1864—1940), журналист, общественный деятель, мемуарист 211
- Постников** Сергей Порфирьевич (1883—1963), политический и общественный деятель, литератор, журналист 456
- Поступальский** Игорь Стефанович (1907—1990), поэт, переводчик, историк литературы 11, 389, 458, 514, 607
- Поярков** Николай Ефимович (1877—1918), поэт, критик 249
- Правдин** Осип Андреевич (наст. имя и фам. Оскар Августович Трейлебен; 1849—1921), актер 385
- Приблудный** Иван (наст. имя и фам. Яков Петрович Овчаренко; 1905—1937), поэт 601
- Прибытков** Виктор Иванович (1840—1910), спирт, издатель 179
- Прилуков** Донат Дмитриевич (1872—?), адвокат, фигурант дела М. Тарновской 396
- Приска де Ландель** (наст. имя и фам. Луиза Бургуэн), французская поэтесса 105, 106, 186
- Пришвин** Михаил Михайлович (1873—1954), прозаик, очеркист 457
- Прищепенко** В. 153
- Птоломей** (Птоломей) (Клавдий Птоломей; после 83 — после 163), древнегреческий математик, астроном, физик 605
- Пуришев** Борис Иванович (1903—1989), историк литературы 540, 592—593, 595, 596, 601
- Пушкин** Александр Сергеевич (1799—1837), поэт, прозаик 8, 24, 30, 45, 57, 162, 169, 178, 185, 208, 218, 219, 238, 255, 260, 270, 362, 410—411, 427, 478, 521, 532—534, 536, 570, 586, 592, 620, XXXII
- Пушкин** Василий Львович (1770—1830), поэт, сатирик 49
- Пшибышевский** Станислав (1868—1927), польский писатель 237, 270
- Пяст** Владимир Александрович (наст. фам. Пестовский; 1886—1940), поэт, стиховед, переводчик 330

- Пятаков** Георгий (Юрий) Леонидович (1890—1937), революционер, государственный и партийный деятель 552
- Райт** Раиса Яковлевна (в замуж. Ковалева; псевд. Рита Райт; 1898—1989), переводчик 601
- Ракшанин** Николай Осипович (ок. 1858 — 1903), журналист, критик 123
- Расин** Жан (1639—1699), французский драматург 55, 613, XL
- Рафалович** Сергей Львович (1875—1943), поэт, драматург 237
- Рафальская** Евгения Борисовна (1897 — после 1985), журналист 592—593, 595, 599
- Рафаэль** (собств. Раффаэлло Санти (Санцио); 1483—1520), итальянский художник 455, 522
- Рахилло** Иван Спиридонович (1904—1979), прозаик, очеркист 601
- Рачинский** Григорий Алексеевич (1859—1939), литератор, переводчик, публицист 593—594, 613
- Рачинский** Иван Иванович (1861—1921), композитор, поэт, переводчик 267
- Ребиков** Владимир Иванович (1866—1920), композитор 267
- Редон** Одилон (1840—1916), французский художник 278
- Рейнгардт** Ф. 343
- Рембо** Артюр (1854—1891), французский поэт 66
- Ремизов** Алексей Михайлович (1877—1957), прозаик, мемуарист 153, 242, 243, 267, 274, 277, 324, 343, 393, 446
- Ренар** О. 27, 232, 423
- Ренье** Анри Франсуа Жозеф де (1864—1936), французский поэт, прозаик 66
- Рёрих** Николай Константинович (1874—1947), художник, археолог, путешественник, общественный деятель 324
- Ресневич-Синьорелли** Ольга Ивановна (1883—1973), переводчик, популяризатор русской культуры в Италии 614
- Риман** Георг Фридрих Бернхард (1826—1866), немецкий математик 604
- Риссельберг** Тео ван (1862—1926), бельгийский художник 198, XXVI
- Рихтер** Андрей Александрович, племянник И. М. Брюсовой 604
- Рихтер** Георгий (Юрий) Александрович (1898—1971), племянник И. М. Брюсовой, хирург 604, 627
- Рихтер** Николай Александрович (1899—1977), племянник И. М. Брюсовой, инженер 501, 536, 604
- Роденбах** Жорж (1855—1898), бельгийский поэт, прозаик 66, 186, 221
- Родин** Алексей Феоктистович (1890—1963), педагог, краевед 431, 437
- Родов** Семен Абрамович (1893—1968), литературный критик, поэт 577
- Розанов** Василий Васильевич (1856—1919), писатель, критик, публицист 76, 179, 187, 201, 211, 220, 227, 230, 236, 555
- Розанов** Иван Никанорович (1874—1959), историк литературы, коллекционер 292, 293
- Розанов** Матвей Никанорович (1858—1936), историк литературы 371, 504
- Розенблюм** Матвей Борухович, терапевт 627
- Роллан** Ромен (1866—1944), французский прозаик, журналист, общественный деятель 383, 621, XXXVI
- Роман** Юлий Иванович, владелец типографии 129, 154
- Романов** Б. Н. XLIV
- Романов** Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, московский генерал-губернатор 153

- Романовы**, русский боярский и дворянский род; династия российских царей (с 1613) и императоров (с 1721) 461
- Ромэн Жюль** (наст. имя и фам. Луи Фаригуль; 1885–1972), французский поэт, прозаик, публицист 387
- Рославлев Александр Степанович** (1883–1920), поэт, прозаик 253
- Росетти Кристина Джорджина** (1830–1894), английская поэтесса 273
- Рошина-Инсарова Екатерина Николаевна** (1883–1970), актриса 383, 384
- Рубанович Семен Яковлевич** (1888–1930), поэт, переводчик 530, 570–571
- Рукавишников Иван Сергеевич** (1877–1930), поэт, прозаик, драматург, переводчик 349, 545, 597–598
- Рунт Бронислава Матвеевна** (в замуж. Погорелова; 1885–1983), сестра И. М. Брюсовой, журналист 160, 247, 288, 313, 314, 533, 536, XXIV
- Рунт Мария Матвеевна** (в замуж. Стоша; 1878–1951), сестра И. М. Брюсовой 160, 223, 237, 313, 317, 533, XII
- Рунт Матвей Францевич**, отец И. М. Брюсовой 160
- Рунт Ядвига Матвеевна** (в замуж. Рихтер) XII
- Рунт, мачеха И. М. Брюсовой** 535–536
- Руссо Жан-Жак** (1712–1778), французский писатель, мыслитель 191
- Рыбакова Ю. П.** 376
- Рыкова Надежда Январевна** (1901–1996), переводчик, поэт, литературовед 625
- Рындина Лидия Дмитриевна** (наст. фам. Брылкина; 1883–1964), актриса, литератор 318, 348
- Рябушинский Николай Павлович** (1876–1951), меценат, издатель, художник 331, 338, 339, 346
- Саакянц А. А.** 421
- Сабашников Михаил Васильевич** (1871–1943), издатель 504, 527
- Сабашниковы**, братья Михаил Васильевич (см.) и Сергей Васильевич (1873–1909), издатели 487, 527
- Саблин Сергей Михайлович**, знакомый ВЯБ (1890-е) 60
- Сабьянова О.** 151
- Савельев В.** 571–572
- Савинков Борис Викторович** (1879–1925), революционер-террорист, писатель, общественный деятель 277
- Саводник Владимир Федорович** (1874–1940), историк литературы, критик, поэт 186, 191, 207, 208, 221, 267, 272
- Садовской Борис Александрович** (наст. фам. Садовский; 1881–1952), поэт, прозаик, критик, историк литературы, мемуарист 140, 270, 271, 273, 303, 341, 345, 367, 390, 393, 410, 435, 439, 443–444, 470, 550, 586
- Садюфьев Илья Иванович** (1889–1965), поэт, переводчик, журналист, революционер 587
- Сайкин О.** 519
- Сакулин Павел Никитич** (1868–1930), историк литературы 524, 526, 532, 613, 631, 633, XLV
- Сальери Антонио** (1750–1825), итальянский композитор, дирижер, педагог 443
- Сапаров Карен Сергеевич** (р. 1936), историк литературы 66, 138
- Сапунов Николай Николаевич** (1880–1912), художник 270
- Сарьян М. С.** XXXIII
- Сафонов Сергей Александрович** (1867–1904), поэт 184, 185
- Саянов Виссарион Михайлович** (наст. фам. Махлин; 1903–1959), поэт, прозаик, критик 607
- Светлов Михаил Аркадьевич** (наст. фам. Шейнкман; 1903–1964), поэт 601

- Святловский** Владимир Владимирович (1869—1927), историк, социолог, экономист, поэт 237
- Северянин** Игорь (наст. имя и фам. Лотарев Игорь Васильевич; 1887—1941), поэт 425, 427, 435, 457, 495, 497, 498, 499, 500, 508, 586
- Сейранян** Н. П. 491
- Секлетинья**, няня в доме Брюсовых 162
- Селезнев** Л. А. 491
- Семенов** А. 188
- Семенов** Михаил Николаевич (1872—1952), журналист, переводчик, мемуарист 196, 237, 264—266, 272, 274, 279, 283—285, 287, 327—329
- Сент-Ив д'Альвейдр** Жозеф Александр (1842—1909), французский оккультист 503
- Серафимович** Александр Серафимович (наст. фам. Попов; 1863—1949), прозаик 523, 539, 545—546, 548, 613
- Сергеев** С. М. 238
- Сергеев-Ценский** Сергей Николаевич (наст. фам. Сергеев; 1875—1958), прозаик 242
- Сергеенко** Петр Алексеевич (1854—1930), писатель, журналист 393
- Сергий** (в миру Иван Николаевич Стратгородский; 1867—1944), иерарх Русской православной церкви 230
- Серебров**, см. Тихонов А. Н.
- Серно-Соловьевич** Николай Александрович (1834—1866), революционер, публицист 555
- Серов** Валентин Александрович (1865—1911), художник 376, 487
- Сиволов** Б. М. 419, 522
- Сидорин** Яков Сергеевич (1923—1994), коллекционер 10
- Сидоров** Алексей Алексеевич (1891—1978), искусствовед, историк книги, поэт 594
- Сидорова** А. Б. 559
- Синус**, художник 515
- Скасси** А. И. 402
- Скрябин** Александр Николаевич (1871—1915), композитор, пианист 464
- Словацкий** Юлиуш (1809—1849), польский поэт, драматург 470
- Слоним** Марк Львович (1894—1976), критик, историк литературы 476
- Слонимский** Л. А., издатель 527
- Слоньский** Эдуард (1872—1926), польский поэт 468
- Случевский** Константин Константинович (1837—1904), поэт, прозаик, очеркист 183, 184, 185, 190, 211, 230, 236, 521
- Смирнов** Иван Прокофьевич, друг юности Я. К. Брюсова 20
- Смирнов**, московский купец 16
- Смирнова** А. М. 560
- Смирнова-Козлова** А. 599
- Соболев** Александр Львович (р. 1970), историк литературы, коллекционер 10, 169, 170, 193, 465
- Соколов** Борис Матвеевич (1889—1930), историк литературы и фольклора 594
- Соколов** Сергей Алексеевич (псевд. Сергей Кречетов; 1878—1936), поэт, издатель 252, 253—255, 274, 296, 301—303, 318, 329, 331, 338—340, 348, 362
- Соколов** Федор, цыган 46
- Соколов** Юрий Матвеевич (1889—1941), историк литературы и фольклора 544, 594
- Соколовы**: Сергей Алексеевич (см.) и Нина Ивановна Петровская (см.) 305
- Сократ** (ок. 470—399 до н. э), древнегреческий философ 580, 582
- Соллогуб** Федор Львович, граф (1848—1890), художник, поэт-дилетант 169
- Соллогубы, графы**, владельцы особняка на Поварской улице в Москве 590
- Соловьев** Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, богослов, поэт, критик, публицист 7, 30, 73, 74, 75, 76, 81, 82, 84,

- 85, 94, 99, 112, 113, 117, 136, 176, 178, 179, 187, 219, 227, 240, 245, 246, 260, 314
- Соловьев Михаил Сергеевич** (1862–1903), педагог, переводчик, брат Вл.С. Соловьева 243, 244, 246, 249, 254
- Соловьев Николай Яковлевич** (1845–1898), драматург 63
- Соловьев Сергей Михайлович** (1885–1942), поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист, сын М. С. и О. М. Соловьевых 246, 260, 301, 348, 351–352, 353, 354, 356, 358, 487, 590, 593–594, 597, 600, XXI
- Соловьева Ольга Михайловна** (урожд. Коваленская; 1855–1903), художница, переводчик, жена М. С. Соловьева 243, 244, 246, 249, 254
- Соловьева Поликсена Сергеевна** (псевд. Allegro; 1867–1924), поэтесса, детская писательница, сестра Вл. С. Соловьева 242
- Сологуб Федор** (наст. имя и фам. Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927), поэт, прозаик, драматург, переводчик 92, 95, 101, 169, 170, 171, 179, 183, 187, 202, 218, 230, 236, 251, 254, 294, 322, 330, 334, 339, 349, 360, 367, 393, 398, 452–453, 456–457, 493, 523, 555, 585–586, 614, XXXVIII
- Сомов К. А.** 210, XXII
- Сосновский Лев Семенович** (1886–1937), журналист, публицист 611
- Спасский Сергей Дмитриевич** (1898–1956), поэт, прозаик, мемуарист 531–532
- Спиноза Бенедикт (Барух)** (1632–1677), нидерландский философ 60
- Сталин Иосиф Виссарионович** (наст. фам. Джугашвили; 1879–1953), революционер, государственный и партийный деятель 552, 556
- Станюкович Владимир Константинович** (1873–1939), товарищ ВЯБ по гимназии Креймана, журналист, критик 39, 40, 41, 42, 45, 49, 56, 57, 67, 96, 102, 112, 132–134, 148, 149, 171, 184, 240
- Стежинский Антон Иванович** (1869–?), студент Казанского университета, корреспондент ВЯБ (1890-е) 117
- Стеклов Юрий Михайлович** (наст. имя и фам. Овший Моисеевич Нахамкис; 1873–1941), революционер, партийный деятель, журналист, историк 558–559
- Степанян Аро Леонович** (1897–1966), армянский композитор 617–618
- Степун Федор Августович** (1884–1965), философ, историк и социолог культуры критик, прозаик, педагог, мемуарист 374, 593
- Стечкин Н. Я.** (псевд. Стародум) 411
- Столица Любовь Никитична** (урожд. Ершова; 1884–1934), поэтесса 78, 419, 530
- Стороженко Николай Ильич** (1836–1906), историк литературы, педагог 103
- Страшкова О. К.** 126
- Строев Василий**, соученик ВЯБ по гимназии Креймана 37
- Струве Петр Бернгардович** (1870–1944), политический и общественный деятель, экономист, историк, публицист 281, 359, 368–369, 393, 395, 396, 404–406
- Субботин Д.** 547
- Суворин Алексей Сергеевич** (1834–1912), журналист, публицист, издатель 303
- Суворова К. Н.** 568
- Сугай Л. А.** 229
- Суганов Михаил Архипович** (псевд. Талызин; 1893–?), журналист 464, 468, 541–542
- Судейкин Георгий Порфирьевич** (1850–1883), руководитель политического сыска 148

- Судейкин** Сергей Юрьевич (Георгиевич) (1882—1946), художник, сын Г. П. Судейкина 148, 265
- Судейкина** София Георгиевна, дочь Г. П. Судейкина, знакомая ВЯБ (1896) 147, 148
- Суинбери** Алджернон Чарльз (1837—1909), английский поэт 273
- Сумароков** Александр Петрович (1717—1777), поэт, драматург 178, 443
- Сумбатов** Александр Иванович, князь (по сцене Южин; 1857—1927), драматург, режиссер, актер 214, 373, 376, 383, 470
- Суриков** Иван Захарович (1841—1880), поэт 556
- Сурков** Петр Ильич (1876—1946), рабочий-ткач, член III Государственной Думы 557
- Сусликова** Г. А. 12
- Сушицкий** В. А. 606
- Сырейщикова** Елена Александровна, поэтесса, переводчик, знакомая ВЯБ (1910-е) 78, 431—432, 434—435, 493
- Сытин** Иван Дмитриевич (1851—1934), издатель 553
- Таиров** Александр Яковлевич (наст. фам. Корнблит; 1885—1950), режиссер 613, 633, XL
- Тальяд** (Тайяд) Лоран (1854—1919), французский поэт 66
- Тамерлан** (Тимур ибн Тарагай Барлас; 1336—1405), полководец, государственный деятель, основатель династии тимуридов 464
- Тардов** Владимир Геннадиевич (псевд. Т. Ардов; 1879—1938), поэт, критик, журналист, историк-востоковед, дипломат 93, 94, 159, 363, 614
- Тарковский** Арсений Александрович (1907—1989), поэт, переводчик 599
- Тарновская** Мария Николаевна графиня (урожд. О'Рурк; 1877—1947?), фигурантка судебного процесса 396
- Тароватый** Николай Яковлевич (1876—1906), художник, издатель 331
- Тастевен** Генрих Эдмундович (1880—1915), критик, журналист 339, 350
- Татосян** Г. А. 493
- Тахо-Годи** Е. А. 419
- Тацит** Публий Корнелий (ок. 55—ок. 120 н. э.), римский историк, ритор 527
- Телешов** Николай Дмитриевич (1867—1957), прозаик, мемуарист 421
- Теоны:** Теон Александрийский (2-я пол. IV в.), математик; Теон Смирнский (1-я пол. II в.), философ, математик; Теон (Элий) из Александрии (III в.), ритор 368
- Терещенко** Михаил Иванович (1886—1956), предприниматель, меценат, издатель, политический и общественный деятель 446, 473
- Терещенко** Пелагея Ивановна (1884—1971), сестра М. И. Терещенко 474
- Тернавцев** Валентин Александрович (1866—1940), чиновник Святейшего Синода, богослов, публицист 230
- Терьян** Ваан (наст. имя и фам. Ваан Сукиасович Тер-Григорьян; 1885—1920), армянский поэт, переводчик 495, 496, 497
- Тиман** П. 343
- Тименчик** Р. Д. 11, 151, 338, 419
- Тимофеев** Леонид Иванович (1903/1904—1984), литературовед, стиховед 599, 601
- Тиняков** Александр Иванович (псевд. Одинокий; Герасим Чудаков; 1886—1934), поэт, критик, журналист 410
- Тиссандье** Гастон (1843—1934), французский воздухоплаватель, популяризатор науки 32
- Тиханчева** Е. П. 172
- Тихонов** Александр Николаевич (псевд. Серебров; 1880—1956),

- журналист, критик, издатель, мемуарист 489, 491, 587
- Ткачев** Петр Никитич (1844–1886), революционер, критик, публицист 555
- Тоёкун** Утагава (1769–1825), японский художник 282
- Толмачев** М. В. 229
- Толстой** Алексей Константинович, граф (1817–1875), поэт, прозаик, драматург 39, 58, 260
- Толстой** Алексей Николаевич, граф (1882–1945), поэт, прозаик, драматург 393
- Толстой** Лев Николаевич, граф (1828–1910), прозаик 53, 57, 64, 103, 171, 172, 173, 174, 178, 180, 227, 229, 274, 294, 393
- Толстой** Михаил Львович (1879–1944), сын Л. Н. Толстого 103
- Том Маузер** 259
- Том Ян** 428
- Томашевский** Борис Викторович (1890–1957), историк литературы, текстолог 533
- Тредьяковский** (Тредиаковский) Василий Кириллович (1703–1769), поэт, переводчик 579
- Третьяков** Сергей Михайлович (1892–1939), поэт, прозаик, драматург, очеркист 609
- Трифонов** Николай Алексеевич (1906–2000), историк литературы 103, 105, 383, 500, 511, 525, 549, 564, 568, 574, 599, 602, 609, 614, 619–620
- Троцкий** Лев Давидович (наст. фам. Бронштейн; 1879–1940), революционер, партийный и государственный деятель, публицист 549, 552–554, 555, 588
- Трояновский** Иван Иванович (1855–1928), врач, коллекционер 376
- Трубниковский** Ф. 588
- Туманян** Ованес Тадевосович (1869–1923), армянский поэт 495, 496
- Тумповская** Маргарита Марьяновна (1891–1942), поэтесса, критик 476
- Тургенев** Иван Сергеевич (1818–1883), прозаик, поэт, драматург 19, 21, 57, 136, 149, 177, 219, 592
- Туркин** Н. В. (псевд. Дий Одинокий) 381–382, 396
- Турчинский** Л. М. 392
- Тылевич** Михаил Саулович (р. 1940), коллекционер 10
- Тютчев** Федор Иванович (1803–1873), поэт, публицист, дипломат, цензор 158, 169, 176–178, 187, 205, 208, 219, 241, 242, 260, 281, 287, 411–412, 427, 461, 480, 503, 533–534, 570, 580, 582
- Тяпков** Сергей Николаевич (р. 1945), историк литературы 84, 91, 98, 113, 117, 118, 123, 131
- Уайльд** Оскар (1854–1900), английский поэт, прозаик, драматург, эссеист 383–384, 452
- Уитмен** Уолт (1819–1892), американский поэт, журналист 273, 588
- Урусов** Александр Иванович, князь (1843–1900), адвокат, общественный деятель, историк литературы, театральные критик 128, 195, 219, 220
- Устрялов** Николай Васильевич (1890–1937), политический и общественный деятель, публицист 542
- Утамаро** Китагава (1753–1806), японский художник 282, 283
- Ушаков** А. И. 457
- Ушаков** Дмитрий Николаевич (1873–1942), языковед, педагог 594
- Ушков** Михаил Константинович (1881–1943), предприниматель, меценат, издатель 390
- Фабр д'Оливе** Антуан (1767–1825), французский поэт, драматург, философ-мистик 503
- Феваль** Поль (1816–1887), французский прозаик 21
- Фединский** Ю. 547
- Федоров** Александр Митрофанович (1868–1949), поэт, прозаик, драматург 468

- Федоров Николай Федорович** (1828—1903), философ 178, 179
- Федорова В. М.** 619
- Федорова Елизавета Викторовна** (1876—?), знакомая ВЯБ (1890-е) 56, 60
- Федорова Мария Викторовна** 56
- Феодосий Великий** (347—395), римский император (с 379) 481
- Феофилакт Николай Петрович** (1878—1941), художник 197, 220, 263, 265, 270, 366, XXIII, XXIV
- Фет Афанасий Афанасьевич** (Шеншин; 1820—1892), поэт, переводчик, публицист 135, 158, 194, 218, 219, 228, 239, 260
- Фефер Владимир Васильевич** (1901—1971), прозаик, деятель кино, мемуарист 560, 568, 591
- Фидий** (ок. 490—430 до н. э.), древнегреческий скульптор, архитектор 368
- Фидлер Фридрих** (в России Федор Федорович; 1859—1917), критик, переводчик, коллекционер, педагог 182, 184
- Фидус** (наст. имя и фам. Гуго Хелпелер; 1868—1948), немецкий художник 198
- Филипенко Елена Матвеевна** (урожд. Рунт; ?—1968), сестра И. М. Рунт 535—536
- Филипенко Николай Николаевич** (1916—1957), воспитанник ВЯБ, племянник И. М. Брюсовой, инженер 533, 535—537, 620—621
- Филипенко Николай**, муж Е. М. Филипенко 535—536
- Филиппов Николай Дмитриевич** (1874—?), поэт 226
- Филипченко Иван Гурьевич** (1887—1939), поэт 419, 588
- Философов Дмитрий Владимирович** (1872—1940), критик, публицист 227, 229, 230, 236, 345, 347, 356
- Филянский Николай Григорьевич** (1873—1938), украинский художник, поэт 197
- Фишер К. А.** 386
- Флейшман Лазарь** (р. 1944), филолог 574, 616
- Флобер Гюстав** (1821—1880), французский прозаик 323
- Флоренский Павел Александрович** (1882—1937), философ, богослов 310, 311
- Фома Кемпийский** (наст. имя и фам. Томас Хамеркен; 1379/1380—1461), фламандский монах, которому приписывается авторство книги «Подражание Христу» 127
- Фомин С. Д.** 556
- Фомичев С. А.** 409
- Фофанов Константин Михайлович** (1862—1911), поэт 58, 211, 212
- Фохт Борис Александрович** (1875—1946), философ, логик, переводчик 187
- Франс Анатолий** (наст. имя и фам. Анатолий Франсуа Тибо; 1844—1924), французский прозаик 278
- Фрейтаг К.** 42
- Фридберг Дмитрий Наумович** (1883—1961), поэт 220
- Фридендер Г. М.** 11
- Фриче Владимир Максимович** (1870—1929), историк и теоретик литературы, критик, общественный деятель 103, 104, 134, 145, 146, 164, 169, 297, 364, 539, 546—547, 587, 599, 602, 613, 614
- Фролов Петр Александрович** (1828—1867), драматург, театральный критик 63
- Фукс Владимир Александрович**, преподаватель французского языка в гимназии Л. И. Поливанова 71
- Фурманов Дмитрий Андреевич** (1891—1926), прозаик 633
- Ханжонков Александр Алексеевич** (1877—1945), режиссер, сценарист, организатор кинопромышленности 458
- Харитонов А. И.** 343
- Харунобу Судзуки** (1724—1770), японский художник 283

- Херодиновы**, владельцы дома, в котором родился ВЯБ 26, II
- Херсонская** Екатерина Павловна (1876—1948), критик, театровед, педагог, работник Наркомпроса 592
- Хиросигэ** Андо (1797—1858), японский художник 282
- Хлебников** Велимир (наст. имя Виктор Владимирович; 1885—1922), поэт, прозаик, теоретик литературы 609
- Хлебников** Л. М. 525, 560, 611, 614, 619
- Ходасевич** В. М. XXXIV
- Ходасевич** Владислав Фелицианович (1886—1939), поэт, критик, переводчик, мемуарист 8, 10, 18, 64, 95, 109, 110, 165, 253, 274, 300, 301, 302, 303, 309, 313, 320, 330—331, 339, 366, 399, 409, 412, 418—419, 421, 432, 435, 437, 439, 443, 445, 453—454, 472, 476, 478, 491, 493, 509, 515—516, 532, 538—538, 544, 546, 550, 560—561, 586—587
- Хокусаи** Кацусика (1760—1849), японский художник 282
- Холодковский** Николай Александрович (1858—1921), зоолог, переводчик, поэт 527
- Хомяков** Алексей Степанович (1804—1860), поэт, философ, публицист 178, 287
- Хримлян** С. А 497
- Хрисонопуло** Виктор Евстафьевич (1875—1900), поэт 85
- Хьюз** Р. 10
- Цатурян** Александр Овсепович (1865—1917), армянский поэт, переводчик 492
- Цвейг** Стефан (1881—1942), австрийский прозаик, эссеист, критик 393
- Цветаева** Марина Ивановна (1892—1941), поэтесса, прозаик, переводчик 421, 425, 426, 478, 568, 583
- Цертелев** Дмитрий Николаевич, князь (1852—1911), поэт, философ, критик 76, 138
- Цюлковский** Константин Эдуардович (1857—1935), учёный и изобретатель 607
- Цявловский** Мстислав Александрович (1883—1947), историк литературы 594, 613
- Чайковский** Петр Ильич (1840—1893), композитор 120
- Чалыгин** Алексей Павлович (1870—1937), прозаик 587
- Чаренц** Егише Абгарович (наст. фам. Согомонян; 1897—1937), армянский поэт, прозаик, переводчик 599
- Чарушникова** М. В. 545
- Чехотин** Сергей Степанович (1883—1974), биолог, философ, публицист 523
- Челпанов** Георгий Иванович (1862—1936), психолог 602
- Чернов** Виктор Михайлович (1873—1952), революционер, политический и общественный деятель, публицист, мемуарист 143, 366, 398, 455—456
- Черногубов** Николай Николаевич (1874—1942), коллекционер 178, 218, 219
- Чернышевский** Николай Гаврилович (1828—1889), прозаик, критик, публицист 22, 30
- Чехов** Антон Павлович (1860—1904), прозаик, драматург 124, 201, 216, 217, 220, 242
- Чеховской** В. 47
- Чешихин-Ветринский** Василий Еврафович (1866—1923), критик, историк литературы 410
- Чириков** Евгений Николаевич (1864—1932), прозаик 211, 216
- Чудецкая** Е. В. 459—460, 473
- Чудовский** Валериан Адольфович (1882—1937), литературный критик, поэт 393, 486
- Чуковский** Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969), критик, историк литературы, детский писатель, переводчик 49, 238, 273, 291, 293, 345, 410, 474, 477, 614

- Чулков** Георгий Иванович (1879—1939), поэт, прозаик, драматург, критик, историк литературы, мемуарист 250, 274, 292, 294, 302, 303, 329, 333—334, 336, 337, 339—341, 344, 347, 349—350, 357, 390—391, 409—410, 444, 545, 614, 632
- Чураков** В. Ю. 457
- Ш.**, карикатурист 394
- Шанявский** Альфонс Леонович (1837—1905), основатель народного университета в Москве 504, VIII
- Шапот** (Полянская) Елена Павловна, преподаватель гимназии, знакомая ВЯБ (1910-е) 440, 465, 466—467
- Шапошников** М. Б. 533
- Шарапов** Сергей Федорович (1855—1911), общественный деятель, публицист 229
- Шарль** Р. 181
- Шварц** Александр Николаевич (1848—1915), филолог-классик, педагог, министр народного просвещения 79
- Шварц** Н. Л. 535
- Шеляков** Михаил Викторович (псевд. Михаил Славянский; 1865—1913), прозаик, драматург, журналист 114, 115, 116, 117
- Шевцова** Ирина Ивановна (1904—?), корреспондент ВЯБ (1924) 619—620
- Шевченко** В. И. 595
- Шевырев** Степан Петрович (1806—1864), поэт, критик, историк литературы 190
- Шейнин** Лев Романович (1906—1967), криминалист, прозаик, драматург 600
- Шекспир** Уильям (1564—1616), английский поэт, драматург 102, 455
- Шелли** Перси Бишн (1792—1822), английский поэт, драматург 198
- Шемшурин** Андрей Акимович (1872—1939), прозаик, критик, историк литературы и искусства 48, 354, 368
- Шенгели** Георгий Аркадьевич (1894—1956), поэт, переводчик, стиховед 499, 500, 579, 586, 595—595, 627, 629, 631
- Шенье** Андре Мари (1762—1794), французский поэт 290
- Шервинский** Василий Дмитриевич (1850—1941), врач-терапевт 627
- Шервинский** Сергей Васильевич (1892—1991), поэт, переводчик, прозаик, историк литературы, мемуарист, сын В. Д. Шервинского 417, 485, 493, 594, 613, 622, 624, 627
- Шершеневич** Вадим Габриэлевич (1893—1942), поэт, драматург, переводчик, критик, мемуарист 416, 434—437, 439, 442, 528—529, 530, 545, 552, 567—571, 606, 609—610, 614, 634
- Шестаков** Дмитрий Петрович (1869—1937), филолог-классик, поэт, переводчик, критик 138, 193, 194, 200
- Шестеркин** Михаил Иванович (1866—1908), художник 206, 222, XIV
- Шестеркина** Анна Александровна, жена М. И. Шестеркина, возлюбленная ВЯБ 78, 202, 222—224, 290, 306, 431, 438, XIV
- Шестеркина** Нина Михайловна (1901—?), дочь ВЯБ и А. А. Шестеркиной 223
- Шестов** Лев (наст. имя и фам. Лев Исаакович Шварцман; 1866—1938), философ, критик 227
- Шик** Максимилиан Яковлевич (1884—1968), поэт, переводчик, критик 274, 275
- Шик** Н. Б. 324
- Шиллер** Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, эстетик 102, 364, 457
- Шиперович** Б. Я. 525
- Ширяева** Авдотья Павловна, сестра М. П. Ширяевой, жена А. А. Ланга-младшего 68, 149
- Ширяева** Мария Павловна, знакомая ВЯБ (1890-е) 78, 130, 135, 149, 154, 202

- Шицман** С. В. 168, 263
- Шкапская** Мария Михайловна (урожд. Андреевская; 1891–1952), поэтесса, очеркист 627, 631
- Шмидт** Отто Юльевич (1891–1956), математик, астроном, геофизик, государственный и общественный деятель, издательский работник 633
- Шницлер** Артур (1862–1931), австрийский прозаик, драматург 198
- Шопен** Фридерик Францишек (1810–1849), польский композитор и пианист 631
- Шопенгауэр** Артур (1788–1860), немецкий философ 199, 233, 245
- Шубский** З. М. 464
- Шувалов** И. И. 178
- Шувалов** С. В. 608
- Шулятиков** Владимир Михайлович (1872–1912), критик, публицист 103, 104, 135, 169, 297
- Шумихин** С. В. 627
- Шуф** Владимир Александрович (1863 или 1865 — 1913), поэт, прозаик 138
- Шюzeвиль Жан** (1886–197?), французский поэт, критик, переводчик русских поэтов и писателей XXXVIII
- Щеглов** Иван Леонтьевич (наст. фам. Леонтьев; 1856–1911), прозаик, драматург, критик 208
- Щеголев** Павел Елисеевич (1877–1931), историк литературы и революционного движения 219, 277, 408–409, 411, 456
- Щелкунов** Михаил Ильич (1884–1938), издательский работник, книговед
- Щербаков** Рем Леонидович (1929–2003), историк литературы 10, 11, 39, 62, 63, 69, 82, 84, 85, 103, 112, 119, 124, 128, 133, 172, 271, 273, 323, 419, 430, 559, 573, 603
- Эверс** Франц (1871–1947), немецкий поэт 102, 103, 106, 130, 186, 205
- Эвклид** (ок. 368 — ок. 300 г. до н. э.), древнегреческий математик 368
- Эвола** Юлиус (1898–1974), итальянский философ, публицист 483
- Эглитис** Виктор Иванович (1877–1945), латышский поэт, прозаик, переводчик 276, 277
- Эйси** Хосода (1756–1829), японский художник 282
- Эйхенбаум** Б. М. 449
- Эйхенвальд** А. Ф. 54
- Эйхенвальд** Николай Александрович (1873–1934), соученик ВЯБ по гимназии Креймана, архитектор 51, 53, 56
- Эйхенгольц** Марк Давидович (1889–1953), историк литературы 594
- Элиасберг** Александр Самойлович (1878–1924), переводчик, критик, историк литературы 344, 357, XXXVIII
- Элиасберг-Васильева** З. Н. XXXVIII
- Эллис** (наст. имя и фам. Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт, критик, переводчик 131, 133, 147, 168, 209, 211, 323–324, 341–342, 344, 348–349, 351, 352, 354, 356–359, 361, 385, 390, 392
- Эльский** В. О. 388
- Эмар** Гюстав (наст. имя и фам. Оливье Глу; 1818–1883), французский прозаик 33, 40
- Энгельс** Фридрих (1820–1895), немецкий экономист, историк 607
- Эренбург** Илья Григорьевич (1891–1967), поэт, прозаик, журналист, мемуарист 279, 430, 445, 513–514, 546, 586
- Эрлих** Яков-Вольф Исаакович (1874–1902), философ 179, 199, 200
- Эсхил** (525–456 до н. э.), древнегреческий драматург 353
- Эскин** (ок. 389–314 до н. э.), древнегреческий политический деятель, оратор 368
- Эфрос** Николай Ефимович (1867–1923), критик, журналист, историк театра 216, 381–382, 384–385, 578

- Южаков** Сергей Николаевич (1849–1910), социолог, публицист, журналист 179
- Юлиан Флавий Клавдий** (331–363), римский император (361–363) 580–582
- Юон** К. Ф. 617
- Юров** Ю. 557
- Юрьев** М. 385
- Юшко** В. 471
- Юшкова** Наталия Александровна 193
- Язвицкий** Валерий Иоильевич (1883–1957), поэт, прозаик, драматург 527
- Якир** И. П. 274
- Якубович** Петр Филиппович (псевд. П. Я., Л. Мельшин; 1860–1911), революционер, поэт, переводчик, критик, мемуарист 95, 207, 257, 363, 367
- Ямпольский** И. Г. 169, 258, 299, 359, 404
- Ясинская** З. И. 208, 209, 557, 597, 600
- Ясинский** Иероним Иеронимович (1850–1931), прозаик, поэт, драматург, критик, мемуарист 181, 208, 209, 220, 222, 227, 230, 305, 364
- Яффе** Лев Борисович (1875–1948), еврейский поэт, переводчик, общественный деятель 491
- Яшенко** Александр Семенович (1877–1934), юрист, критик, издатель 249, 250, 277
- Cheron** G. 357
- Grossman** J. D. см. Гроссман Дж.
- Jensen** A. см. Иенсен А. А.
- Luther** A. см. Лютер А.
- Malmstad** J. E. см. Мальмстад Дж.
- Maslenikov** O. A., см. Маслеников О. А.
- Nilsson** N. E. 336
- Nivat** G. 615
- Ray** G. N. 9
- Wright** L. B. 9

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

© Ольга Андреева, 2010

ВАСИЛИЙ ЭЛИНАРХОВИЧ МОЛОДЦОВ — историк, литературовед, коллекционер. Родился в 1968 году в Москве. В 1993 году окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ, в 1995 году — аспирантуру при кафедре политологии этого факультета, в 1996–2000 годах учился в докторантуре отделения социальных наук Токийского университета. В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию по истории «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX веков» (МГУ), в 2002 году — докторскую диссертацию «Тосио Сиратори и внешняя политика Японии, 1930–1941» (Токийский университет), в 2004 году — докторскую диссертацию по политологии «Консервативная революция в Японии: политика и идеология» (МГУ). С 1995 года живет в Токио. В 2000–2001 годах приглашенный научный сотрудник Института социальных наук Токийского университета. С 2003 года работает в Институте японской культуры университета Такусёку, с 2008 года — приглашенный профессор. Автор более двадцати книг по проблемам геополитики, истории международных отношений, политической и интеллектуальной истории, а также: «Неизвестные поэты: Рассказы библиофила» (Кн. 1–2; 1995–1996), «„Мой сон, и новый и всегдашний...“: Эзотерические искания Валерия Брюсова» (1996), «Bibliophilica» (2008), «Загадки Серебряного века» (2009). Под его редакцией вышли: «Венок Брюсову» (1993), книги произведений Валерия Брюсова «Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза» (1994), «Неизданное и несобранное» (1998), «Мировое состязание: Политические комментарии, 1902–1924» (2003; исправленное и дополненное издание подготовлено к печати). Член многих научных обществ России и Японии. Был ответственным секретарем Всероссийской ассоциации библиофилов, членом редколлегии поэтического альманаха «Встречи» (Филадельфия) и интернет-журнала «Яроп.ги». В настоящее время готовит к печати исследование «Рерих и Япония» (в соавторстве с В. А. Росовым) и пишет биографию американского поэта, писателя и журналиста Дж. С. Вирека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Книга первая ХОЛОД УТРА (1873—1897)

Глава первая. «Мечтающий о славе и победах»	15
Глава вторая. «Я рожден поэтом...».	38
Глава третья. «Путеводная звезда в тумане»	60
Глава четвертая. Искусство быть «Валерием Брюсовым»	93
Глава пятая. «Полдень Явы»	127

Книга вторая ПОСТРОЕНИЕ ФАЛАНГИ (1897—1906)

Глава шестая. «По-европейски скроенный москвич»	167
Глава седьмая. «Скорпион»	195
Глава восьмая. «Граду и миру»	225
Глава девятая. «Весы»	262
Глава десятая. «Память вражды и любви»	300

Книга третья ВСЕ НАПЕВЫ (1906—1917)

Глава одиннадцатая. «Раскол в символистах»	327
Глава двенадцатая. «Торжество победителей»	363
Глава тринадцатая. «Любуюсь вами, ваш огонь деля...».	413
Глава четырнадцатая. «Высоких зрелищ зритель»	446
Глава пятнадцатая. «Сны человечества»	479

Книга четвертая В ТАКИЕ ДНИ (1917—1924)

Глава шестнадцатая. «Повеял вихрь и разметал Россию...»	507
Глава семнадцатая. «Товарищ Брюсов»	538
Глава восемнадцатая. «Дом видений»	561
Глава девятнадцатая. «С Пифагором слушай сфер сонаты»	589
Эпилог. «Я о душе твоей молюсь, Валерий»	629

Указатель упоминаемых лиц	636
Об авторе этой книги	670

